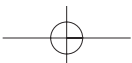

Марко БУТТИНО • **Революция наоборот**

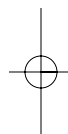
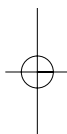

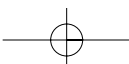
Marco Buttino

La rivoluzione capovolta

L'asia centrale tra il crollo dell'impero zarista
e la formazione dell'urss

L'ancora del mediterraneo, 2003

Марко Буттино

РЕВОЛЮЦИЯ НАОБОРОТ

Средняя Азия между падением царской империи
и образованием СССР

Перевод с итальянского Николая Охотина

Послесловие Альберто Мазоэро

Москва • «ЗВЕНЬЯ» • 2007

ББК 63.3(2)611(257)
Б93

Перевод выполнен при поддержке SEPS
SEGRETARIATO EUROPEO PER LE PUBBLICAZIONI SCIENTIFICHE

Via Val d'Aposa 7 - 40123 Bologna - Italy
seps@alma.unibo.it - www.seps.it

ISBN 978-5-7870-0110-5

© Lancora s.r.l., 2003
© «Звенья», 2007

Предисловие

Средняя Азия с XIX века вплоть до наших дней является полигоном военных действий великих мировых держав, местом, где на кону стоят политические равновесия, релевантные для всего мира. Это производит определенное впечатление — я заканчиваю эту книгу о прошлом веке Средней Азии именно сегодня, когда американо-британские войска оккупируют Ирак, а только позавчера закончилась война в Афганистане. В этом огромном регионе, эпицентром которого является Средняя Азия, происходит перераспределение мирового порядка силовыми методами. Это не просто война между соперничающими державами, это отражение борьбы различных влияний: новое американское присутствие, переосмысление русского фактора, шаткость внутренней ситуации в Афганистане, Пакистане и Индии, потенциальное усиление Китая. Неопределенные балансы мировых сил пересекаются в этом регионе и превращают его в место раздора.

Недавние войны в Афганистане и Ираке сопровождались упрощенным дискурсом — имеются тирании, которые следует свергнуть, местные власти, которыми надо управлять, и демократическая политическая система, которую предстоит создать с нуля и под жестким контролем. Можно сказать, что не существует или осознанно не принимается во внимание даже возможность трансформаций, возникающих из диалога с внутренними силами и уважающих суверенность государств.

Средняя Азия была местом соперничества и завоеваний уже в XIX веке, когда за этот регион состязались Англия и Россия. Их давление и военные действия определяли границы двух соперничающих экспансий и влияли как на Персию, так и на Афганистан.

Эта книга посвящена Туркестану, той части Средней Азии, которая во второй половине XIX века была захвачена и аннексирована Российской империей и стала ее внутренней колонией. Рассматриваемый период включает первое двадцатилетие XX века, но основное внимание обращено на короткий промежуток времени с начала 1916 года, когда Россия потеряла возможность контролировать свою колонию, и до 1920 года, когда возникли условия для возвращения русской гегемонии уже в советской ипостаси. Кризис царского режима в Туркестане имел в первую очередь внешние для региона причины, но он обнаружил также и слабые места в колониальном

пакте между военной администрацией, населением, эмигрировавшим в Туркестан из Европы в результате завоевания, и местным мусульманским обществом. В сложившейся кризисной ситуации меньшинство иммигрантов, которому в книге уделено особое внимание, смогло удержать доминирующую роль, что позволило России в дальнейшем вновь установить контроль над регионом. Переход от одной системы доминирования к другой занял несколько лет, в течение которых в Туркестане, на обочине российской гражданской войны, развернулась своя локальная война, имевшая целью контроль за ресурсами в ситуации повального голода. В конфликте участвовали солдаты, мятежные кочевые племена, вооруженные русские поселенцы и банды коренного населения во главе с местными авторитетами.

Я занялся историей Туркестана и внутренними конфигурациями Средней Азии не вследствие военных действий после 11 сентября, а существенно раньше, и в фокусе моего основного интереса была Россия. Исследование родилось из полемики с принятой парадигмой историографии СССР и развивалось в процессе наблюдения за динамикой падения советского режима. Это падение вновь сделало актуальными многие темы, с которыми я уже сталкивался, изучая историю распада царской империи.

Когда я начинал работу над книгой, в историографии Советского Союза доминировал интерес к замыслам и действиям советской политической власти. Приверженцы и критики СССР не отличались друг от друга ни в отношении используемых источников, ни, возможно, в интерпретациях, а различиями исключительно своими политическими и моральными взглядами. Коммунисты устроили бойню, утверждали одни, построение социализма имело тяжелые социальные последствия, признавали другие; революция с самого начала была жестокой и авторитарной, говорили одни, она была предана, уверяли другие. Не имея намерения опять возвращаться к этим старым идеологическим спорам, хочу только напомнить, что вплоть до совсем недавнего времени вся дискуссия по большому счету велась в этой парадигме.

Исследования и публикации документов, появившиеся в последнее десятилетие в большом количестве, дали новые возможности для понимания функционирования партии, армии, государственной машины, а также экономических и политических преобразований, направленных на формирование советского гражданина. Крах СССР дал начало и широким исследованиям бывших республик, их народов и культуры, позволил выявить всю сложность и многообразие, которые прежде были от нас скрыты. Таким образом стали очевидными параметры политической историографии СССР, обычно подчеркивавшей единство и гомогенность Союза. Констатация того факта, что в результате кризиса советского режима возникли новые

субъекты, оказавшиеся в разных ситуациях, позволяет понять разность путей, выбранных обретшими независимость республиками, переосмыслить их прошлое и утверждать, что единый путь, проделанный ими до момента кризиса, — лишь видимость. Это соображение порождает политологическую парадигму: ни у кого больше нет сомнений, что сходство позиций секретаря республиканской партии в Риге и такого же секретаря в Ташкенте зиждилось на сильной центральной политической власти, а ослабление последней сразу развело их далеко, в соответствии с разностью культур и властных традиций, которые в том или ином виде существовали всегда. Специфика локальных ситуаций, прежде не принимаемая в расчет как не играющий роли пережиток, таким образом, напротив, обрела значимость.

Переход к изучению истории отдельных республик оказался не только плодотворен, но и не лишен, в свою очередь, двусмысленности. Зачастую исторические исследования постсоветских государств воспроизводят в уменьшенном масштабе советскую историю, потому что используют в основном аналогичную документальную базу и ставят, основываясь на ней, те же самые вопросы. Новая же историография республик, напротив, часто оказывается вовлечена в национальное строительство и поставляет, более или менее научным образом, необходимый материал для формирования национальной легенды: миф о возникновении, культурная многовековая преемственность, погрязшие права. Актуальная политическая целесообразность таких исследований превалирует над прочими факторами.

Эти соображения заставили меня сместить фокус исследования в сторону от высокой политики, предпочесть периферию центру и попытаться рассмотреть конкретные социальные ситуации. Этот уровень анализа был необходим, так как я собирался исследовать множественность действующих лиц и их мотиваций, которые в совокупности приводят к общему изменению властных конфигураций. Мне хотелось при этом избежать написания исключительно локальной истории или части национальной истории Туркестана. Проблема состояла в том, чтобы, не погружаясь в описания исторических мифов, выбрать те ситуации, которые поддаются глубокому анализу отношений между властью и обществом в фазе разрушения и восстановления равновесия. Я надеюсь, что, следуя за мной в направлении к некоей локальной размерности, читатель найдет способ по-новому взглянуть на глобальные политические события, сопровождавшие падение империи и ее возрождение.

Чтобы сузить фокус исследования до конкретных ситуаций, которые позволили бы мне подробно рассмотреть социальных действующих лиц, я сделал выбор: я ограничил исследуемую территорию, выбрав один город и всего два района Туркестана; я касаюсь исламско-

го национализма, фокусируясь на нескольких фигурах; я исследую вооруженное сопротивление, рассматривая в основном действия одного из ее вожаков. Отдавая приоритет территориальному принципу, я выбрал три фокусных примера (*case-study*), что позволило вплотную приблизиться к предметам рассмотрения, порой вплоть до различения черт лица и одежды.

Задача приближения повлияла на выбор источников.

В моем распоряжении были различные интересные исследования о русской экспансии в Средней Азии, а также бесконечное количество советских работ, в той или иной степени подверженных влиянию режима. Пока шла работа над моим исследованием, появлялись новые публикации, концентрирующиеся на реформистской исламской мысли тех лет. Это получило широкое отражение в моей книге. Важной отправной точкой являются, однако, исследования времен царской империи, проведенные колониальной администрацией. Речь идет о тщательных и необычайно детализированных описаниях, позволяющих получить информацию о социальной жизни не только Туркестана в целом, но и его районов и областей, и даже отдельных деревень. Информация, более сосредоточенная на политике, включая отчеты комиссий и сообщения представителей местной администрации, обнаруживается, напротив, в ежедневной прессе. Я исследовал годовые подшивки ежедневных изданий Ташкента и Верного, но находил очень интересные факты и в газетах первых советских лет. Да, были контроль и цензура, но нестабильность зарождавшегося режима и его внутренние контрасты делали эти газеты отнюдь не единообразным источником. На следующем этапе я приступил к архивной работе. С большим тщанием и критичностью я рассмотрел документы верховной власти государства, армии и Коммунистической партии. Как правило, это были сводные документы, объединяющие информацию, прошедшую через искажающие фильтры многочисленных уровней бюрократической машины. Я пересмотрел документы разных административных уровней — от центральных, республиканских до областных и районных, четко разделяя информацию разных каналов — военных, партийных и советских. Так, я перешел от московских архивов к ташкентским и в конце концов к районным. Довольно много региональных документов было найдено и в центральных архивах, но ими нельзя было ограничиваться ввиду того, что отбор и сохранение документов предопределяли разные критерии; по этой причине в разных местах документация не повторяется, а дополняет друг друга. Исследование мое длилось долго, до тех пор, пока объем собранных бумаг не стал чрезмерен.

Собранный материал позволил исследовать политические и социальные конфликты, сопровождавшие крах империи и предопределившие форму ее новой реинкарнации. Чтобы понять суть этих кон-

фликтов, необычайно важно считывать их не только в рамках институционального кризиса, но и в рамках кризиса экономического — урожая катастрофических масштабов. Он длился с 1916 по 1920 год и составил контекст, на фоне которого складывались социальные отношения, шла борьба за контроль над государственными институтами. Доступ к власти есть также и возможность доступа к скудным ресурсам питания.

Исходя из этих предпосылок, я рассмотрел три основных примера.

Первый случай — Ташкент, столица, центр политической жизни, административных полномочий и имперских военных сил; второй — Семиречье, район, где местное кочевое или полукочевое население сталкивается с постоянной русской иммиграцией; третий — Фергана, долина, играющая большую роль, так как там выращивалась значительная часть хлопка, используемого в текстильной промышленности России. Во всех трех случаях падение имперских институций провоцировало политический конфликт, который ставил под вопрос колониальные порядки и отношения с Россией, развязывало жестокие социальные конфликты, главным образом между русскими иммигрантами и автохтонным населением.

При рассмотрении обстановки в Ташкенте мы обнаруживаем, сколь существенную роль играет контекст для понимания значений политических инициатив, дискурсов и приказов. Ташкент — колониальный город, разделенный на город старый, с местным населением, в основном мусульманским, и новый, европейский. Обитатели этих двух частей города различны во всем, начиная с языка; тем не менее между ними, пусть и не повсеместно, выстроились и окрепли отношения как в административной части, так и в экономической. Сообщение между двумя частями общества происходит почти исключительно посредством тех людей, которые приближены к русским и говорят на их языке: это коммерсанты, интеллектуалы и чиновники. Образованная часть мусульманского мира разделяется в своем отношении к русским и вообще к европейской культуре: есть те, кто видит здесь удачную возможность обновления для мусульманской культуры, а есть те, кто, напротив, опасается вредоносного влияния русских на основные ценности мусульманского общества. Представители обоих течений претендуют на роль защитников духовности и общества, спорят и соперничают друг с другом во имя блага народа. Из этих установок рождаются разные тенденции мусульманского национализма, которые играют важную политическую роль в течение 1917 года и позже, вплоть до времен советского подавления.

В Ташкенте 1917 года мы наблюдаем последствия демократических решений, принятых Временным правительством: выборы городского правительства, подготовка к выборам в Учредительное собрание, ассамблею депутатов со всей бывшей империи. Мы увидим, что

выборы городского правительства привели количественное большинство мусульманского населения к большинству политическому и что внутри этого большинства утверждается четкое главенство консервативного крыла. Выборы, особенно грядущие выборы в Учредительное собрание, воспринимаются русскими как угроза. Группа русских, провозгласив революционные лозунги о всей власти Советам, дошедшие из Петрограда, захватывает власть с оружием в руках. Затем их действия легитимизируются большевиками из центра. Таким образом устанавливается политическая диктатура во имя русского пролетариата, в то время как мусульмане остаются в стороне. Октябрь оказывается не чем иным, как государственным переворотом, направленным на сохранение главенствующей роли русских в колонии. Примыкание к революции не несет для колониального русского меньшинства никакой идеологии, а лишь одну необходимость выживания. Революционные лозунги и революционный курс определяют конец демократического процесса и начало реставрации колониального режима: последствия революции диаметрально противоположны провозглашенным задачам — происходит своего рода *революция наоборот*.

Второй пример (*case-study*) выбран для наблюдения другого аспекта революции: насильственного перераспределения прав доступа к ресурсам. Здесь, в Туркестане, экспроприаторами были не аристократы и буржуазия, а самые бедные слои населения.

В Средней Азии существовали целые большие районы, населенные преимущественно кочующими пастухами. Из этих районов основным по численности населения и ресурсам являлось Семиречье. В плодородных зонах Семиречья стали селиться казаки и русские колонисты, отбирая землю у кочевников и ставя под угрозу экологическое равновесие, на котором держался кочевой образ жизни. Потом случилась Первая мировая война, и русское влияние на местную экономику выросло до такой степени, что привело к серьезным мятежам кочевых племен. Именно это стало ключевым моментом краха царского колониального режима. Мятежи были подавлены, в то время как страна двигалась к неурожаю и приостановке всякой гуманитарной помощи со стороны России. Голод выкосит чуть ли не половину всего кочевого населения.

Случай Семиречья проливает свет на борьбу за контроль над ресурсами, разворачивающуюся между русскими колонистами и кочевниками, демонстрирует важность для первых поддерживать сильную колониальную диктатуру. Революция отодвигает самых слабых от государственных институций и помощи, приговаривает их к голоду.

Третий рассматриваемый пример — это Фергана, район основных хлопковых плантаций, где с конца 1917 года и до первых месяцев 1918 года находилось автономное мусульманское правительство. Национализм и эскалация этнического насилия здесь принимают свои специфические формы.

В этом районе кризис империи сопровождается формированием местной диктаторской власти, держащейся на штыках русских и армянских вооруженных меньшинств. Агрессивность этих меньшинств вызвана страхом перед окружающим их мусульманским большинством. Среди мусульман также возникают вооруженные силы, стремящиеся контролировать территорию и ресурсы. Русские называют эти группы, оказавшие вооруженное сопротивление Советам, бандитами и басмачами. В действительности конфликт разыгрался между двумя разными идеями социального строя: один хотели установить Советы, другой защищали авторитетные курбаши, местные лидеры. Последние осуществляли практически функции охраны порядка в своей зоне: они были связаны с местными влиятельными семьями, часто примыкали к суфийским братствам, создавали банды в каждой деревне, контролируя территорию как сеть капилляров, у них существовала своя система налогов и судопроизводства. Главные курбаши выполняли роль в точности такую же, как и беки, которые держали местную власть до русского завоевания. Это военные лидеры, фигуры, аналогичные афганским моджахедам, которые много позже, в 80-х годах, будут противостоять советскому вторжению, а в 2002-м мобилизуются против вооруженного вмешательства под руководством Соединенных Штатов.

Переговоры между мусульманскими политиками, примыкающими к Коммунистической партии, и вооруженной оппозицией открыли возможность выхода из конфликта путем создания мусульманского государства с мусульманской армией. У этой надежды был короткий срок жизни, но это важная тема, свидетельствующая о том, что после Октября еще существовала возможность автономии Туркестана и, более того, имелся мирный выход из конфликта. Но партия, следуя указаниям Москвы, отвергает этот путь и с помощью комиссаров, а главное — армий, вновь завоевывает страну.

Установление советского режима приводит к возникновению новой колониальной системы. Для насаждения этой системы советская власть, помимо прямого использования силы и контроля над гражданской и военной администрацией, проводит политику маргинализации и разрушения местной культуры: преследует мусульманских ученых и уничтожает их труды, закрывает мечети и школы при них, запрещает исламские суды, пытается разрушить традиции. В то же время на высокие должности в новой русской советской администрации продвигаются специально отобранные представители местного населения.

Я не придерживаюсь точки зрения, что события в Туркестане, кратко изложенные здесь, представляют собой обособленную историю, незначительную для общей советской истории. Какую локальную ситуацию ни исследуй, обнаружится тесная связь между местны-

ми конфликтами и теми, что происходят на вершине политики. Крах империи вызывает повсюду делегитимацию ее институций и их служащих, возникновение местных властей, фактически автономных, соперничество вокруг этих властей, острые социальные конфликты, в особенности там, где это усугубляется тяжестью экономического кризиса. Новая власть стремится везде к легитимации, используя риторику, отсылающую к верхним этажам власти. Местные диктатуры вооруженных людей, которые ищут защиты и утверждают собственное право на ресурсы, могут быть представлены как форма советской власти — выражение начальной демократии и рабочего контроля: весь этот контекст придает смысл словам. Возможно, Туркестан ничем не отличается от других мест, но там действующие лица имеют особенно маркированные отличительные черты, потому что говорят на разных языках и относятся к разным культурам. Хотя даже и эта характеристика встречается во многих других местах и, возможно в не столь выраженной форме, была присуща всей территории зарождающегося Советского Союза.

Формирование автономных республик, возникновение автономных деревень, местных советов, которые издают свои законы, самоорганизуются и вооружаются сами по себе, — все это составляло политический процесс, не контролируемый центром. Борющиеся на локальном уровне стороны, стремящиеся обеспечить себе доступ к ресурсам питания в ситуации тотального голода, ссылаются на центр и политические объединения, сражающиеся между собой в гражданской войне, чтобы получить признание и, если не получить помощь, так хотя бы отдалить от себя опасность вооруженной агрессии. Несмотря на относительную простоту политических риторик, вырабатываемых наверху и повторяемых внизу в этой игре провозглашений и обещаний, территория бывшей империи разделилась на бесконечное множество автономий явочного порядка. Многочисленные образования с разными логиками, модальностями и целями раздробили между собой территорию и ресурсы. Эта сложная динамика с трудом сводится к тем формулам, которые звучат из уст политических лидеров центра, потому что их понимание и описание текущих процессов лишь частично, зачастую идеологизировано и невнимательно к «маленьким» событиям, очевидно не играющим роли в системе основных политических равновесий.

Революция не распространяется из Петрограда подобно масляному пятну, революционные идеи не витают в эфире, оставаясь чистыми идеями. Процесс от завоевания страны до революции проходит через фазы хаоса и силовых решений, он распространяется от центра к местным средоточиям власти, которые были образованы согласно собственной логике, и снабжает их легитимизирующим революционным дискурсом. Это не ленинская революция и не «революция плебса». Насилие, распространяющееся по стране, не

имеет в действительности единого руководства и четких целей, но также и не является плодом слепых инстинктов низших слоев общества, разбушевавшихся в отсутствие контроля со стороны государства. В насилии нет ничего стихийного или «первобытного», там есть только бесконечные частные логики в контексте общего страха. Реконструкция политического единства империи происходит во вторую очередь и является вооруженным завоеванием, сопровождающимся образованием централизованных институций советского государства.

Мы можем обнаружить сходные черты в кризисах, происходивших в других ситуациях. Мое описание могло бы в целом подойти и к тому, что произошло семьдесят лет спустя, в момент краха советского государства. Можем обратить внимание и в другую сторону и найти сходство с тем, что происходило при распаде Югославии. Общий аспект заключается в том, что отправной точкой кризиса становится делегитимация государственных институций, которая открывает путь созданию новых форм в обстоятельствах социальных конфликтов и националистских мобилизаций. Различий, естественно, тоже много: самое очевидное в том, что в 1917 году противоречие между тенденцией к реконструкции империи и автономистскими тенденциями разрешилось в пользу первой, в пользу централизации, в то время как в начале 90-х центральная власть рассыпалась на части. Белград сделал попытку завоевания, но с ужасающими результатами, Москва не рискнула пойти в этом направлении и ограничилась установлением власти в суженных пределах Российской Федерации.

Благодарности

Идея данного исследования возникла у меня в результате встреч с Александром Беннигсеном. Его утонченность, энтузиазм и большие познания об исламском мире в СССР направили меня в сторону этого исследования. Я посвящаю ему эту книгу с признанием и теплыми воспоминаниями.

Особую благодарность я хочу выразить Никколо Пьянчола, Паоло Сартори и Адеб Халиду: они прочли итальянское издание и тщательно его откомментировали, чем я воспользовался для русского издания книги.

В процессе работы я обсуждал ее со многими коллегами и друзьями, которым крайне благодарен. Некоторых из них хочу специально упомянуть: Сайдакбар Агзамходжаев, Дилором А. Алимова, Юрий Арутюнян, Тураж Атабаки, Неля Бекмаханова, Владимир Берелович, Мери Броксеп, Антонелло Вентури, Шахрух Ганиханов, Валерий Германов, Эрик Гобетти, Франческа Гори, Елена Грамматика, Андреа

Грациози, Габриелла Грибауди, Марко Дого, Рашид Капланов, Эльер Каримов, Виктория Коротеева, Шангаль Лемерсье Келькеже, Альберто Мазоэро, Катя Макарова, Никита Охотин, Йоже Пирьевеч, Сильвио Понс, Александр Попович, Катрин Пужоль, Кахрамон Раджабов, Арсений Рогинский, Вивиана Росси, Михаил Рывкин, Маурицио Този, Алессандро Триульци, Шарль Урьевич, Марчелло Флорес, Гвидо Франчинетти, Венсан Фурнье, Марат Хасанов, Кристина Эрколесси.

Я измучил этой никак не кончавшейся работой всех своих близких и даже студентов разных курсов. Может быть, правильнее было бы не благодарить их, а извиниться перед ними. Сандра прочла и перечла рукопись, стараясь критиковать меня ни слишком много, ни слишком мало и давала советы с мудростью и любовью.

Ряд тем, затронутых в данной книге, были ранее освещены мною в отдельных статьях (все ссылки даны в библиографии).

Я благодарю Фонд Фельгринелли (Милан) за поддержку. Исследование финансировалось MIUR. Благодарю также Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, многократно принимавший меня и помогавший в исследованиях.

Часть I. **ТАШКЕНТ И КОЛОНИЯ**

Туркестан и Степной край после русского завоевания

В первой половине XVII века Российская империя распространила свое влияние на Степной край (нынешний Казахстан). Ханы трех казахских Орд волей-неволей подчинились этому влиянию. Столетие спустя их сместили, и русские окончательно установили власть в регионе. Только после этого экспансия протянулась южнее, опираясь на военную силу.

Завоевание Туркестана произошло сравнительно недавно, во второй половине XIX века. Ташкент пал в 1865 году, два года спустя там было образовано генерал-губернаторство Туркестанского края. Город стал административным центром территории, границы которой смещались вслед за завоеваниями. Первой была аннексирована вся область Кокандского ханства; затем ханство Хивы и эмират Бухары подпали под имперский протекторат, а отдельные части их территорий перешли под прямой контроль России. Завоевание завершилось в начале 1980-х годов военной кампанией по присоединению Закаспия.

Туркестан стал колонией. Речь шла об огромной территории, граничащей на севере со степями, на западе — с Каспийским морем, на востоке — с китайским Синьцзянем, на юге — с Персией и Афганистаном. В конце века, когда империя произвела перепись своих подданных, выяснилось, что Туркестан населяло более пяти миллионов человек. Население делилось примерно пополам — оседлое и кочевое (или полукочевое) — это было самым глубоким различием. Перепись классифицировала население согласно этнической принадлежности, определив следующие основные группы: узбеки, сарты и таджики (оседлые племена), казахи, киргизы и туркмены (кочевые племена). Это было очень грубое разделение, диктовавшееся требованиями учета и контроля со стороны империи. Большинство языков территории принадлежало одной ветви — тюркской, кроме одного существенного исключения — персидского языка, очень распространенного на части территории, в особенности в Бухарском эмирате. Доминирующей религией было мусульманство суннитского толка¹.

Русские генералы смогли завоевать Туркестан, опираясь на оснащенную и жестокую армию, которая продемонстрировала подавляющее превосходство над противником с куда более многочисленными силами². Слабость противника крылась в основном в разобщеннос-

ти: ханы, царившие в Коканде, Бухаре и Хиве, давно находились в состоянии войны друг с другом и не смогли объединиться даже перед угрозой надвигавшейся царской армии. Когда Россия завоевала Ташкент и угрожала уже всему Туркестану, и хан Коканда и эмир Бухары выказали готовность пойти на соглашение с иностранной армией, лишь бы ослабить друг друга³.

Из Туркестана Россия выглядела державой, которая наравне с Англией и в соперничестве с ней расширяла свое присутствие в Средней Азии. Как любой империализм того времени, и русский имел не одни только военно-политические цели, и механизмы власти тоже не были исключительно силовыми. В начале 1860-х годов, когда решалось возобновление туркестанской кампании, прерванной перед тем из-за Крымской войны, предприятие было поддержано серьезными промышленными и торговыми кругами Москвы и Петербурга. Их интерес к Туркестану возник еще и потому, что российская текстильная промышленность переживала кризис из-за спада поставок хлопка-сырца из Соединенных Штатов, охваченных гражданской войной. Русские промышленники и купцы обратились к правительству за финансовой помощью в импорте хлопка из Средней Азии, главным образом из Бухары, а затем поддержали завоевание, надеясь получить под свой контроль эмират⁴.

В Ташкенте внимательно следили за экономическими интересами России в Средней Азии. В начале 1865 года около пятидесяти влиятельных горожан (богатые купцы и представители власти, у каждого из которых, говорили, было под началом не менее двух тысяч человек) послали гонца в Петербург, чтобы ускорить русское вторжение, а когда уже готовилась осада города, обещали поддержку и взяли на себя обязательство открыть армии городские ворота (хотя и не смогли в дальнейшем сдержать обещание)⁵.

Российская политика в этой кампании колебалась между завоевательскими настроениями армейских генералов и более умеренными позициями людей, которые считали опасным устанавливать власть только оружием. Эта дилемма возникла и во время хивинской кампании, и петроградское правительство решило остудить пыл своих генералов, утверждая, что коммерция является полноценной и предпочтительной альтернативной военной силой⁶. Иногда, как это случилось в Бухаре, именно местные купцы пытались склонить русских к менее жестким методам⁷.

Присутствие военных тем не менее оставалось необходимым, поскольку вовлечение местных властей и населения новых территорий в орбиту имперской колониальной политики встречало порой ожесточенное сопротивление. В 1885 году вспыхнул мятеж в районах Ош, Маргелан и Андижан Ферганской области. Мятежники были разбиты, но волнения разгорелись с еще большей силой в 1898 году и были вновь подавлены русской армией. К рубежу веков уже целая сеть

военных укреплений и казачьих поселений знаменовала собой русское присутствие, казавшееся уже непобедимым.

Принадлежность к империи тем временем укреплялась революционным прогрессом в транспортной системе. В 1899 году открылась железная дорога, идущая из Ташкента в Красноводск (через Самарканд, Бухару и Ашхабад) и соединяющая, в обход Каспийского моря, Туркестан с Азербайджаном и Россией. Затем, в 1906 году, открылась вторая ветка, которая из Ташкента вела в Кызыл-Орду и Аральск, пересекала степи и доходила до Оренбурга, соединяя напрямую Туркестан с Россией. Так закладывались основания для интеграции колонии в экономику империи. Солдаты, купцы, дельцы и крестьяне прибывали в Среднюю Азию в больших количествах, обосновывались в городах и строили новые кварталы европейского образца. За пределами городов десятками возникали деревни, где среди деревянных домиков вырастали православные купола.

Я не буду восстанавливать шаг за шагом ни эволюцию имперской политики, ни историю иммигрантского сообщества. Я, наоборот, представлю описание колониальной жизни в том виде, в каком бы она предстала перед нашими глазами, если бы мы имели возможность оказаться там в последние годы царской империи. В первую очередь обратим наше внимание на точки пересечения русского мира, зарождающегося в Туркестане, и местного общества. Банальностью было бы сказать, что столкновение было сложным. Оно было сложным прежде всего из-за того, что там не было двух четких сторон. Там были «русские», следовало бы даже сказать — европейцы, потому что речь шла о русских, украинцах, поляках, западных евреях и других, объединенных своей иммигрантской позицией, но разных, поскольку прибывали они в эти годы со своими разными целями и зачастую начинали конкурировать за лучшее место под солнцем в колонии. Так же и местное общество, которое мы для удобства часто определяем как «мусульманское», на самом деле складывалось из населения разных жизненных укладов и разных культур, пусть и приносившихся к сосуществованию, но и привыкших к постоянным конфликтам — между кочевниками и оседлыми, между племенами и кланами, соперничающими на культурном и политическом поле. Часть различий между «мусульманами» была результатом разной степени приближенности к «русским» и к их колониальной администрации. Присутствовали также и мусульманские меньшинства, происходившие из других земель, — например татарское меньшинство, играющее важную роль в регионе, а были слои местного населения, не являющиеся мусульманами, как, например, восточные евреи, так называемые бухарские евреи.

Предметом нашего рассмотрения станут точки соприкосновения, которые возникали вокруг имперской администрации, в культуре и в экономической деятельности. Эти пункты интересны в осо-

бенности, так как в них проявляется устойчивость колониальной системы.

Если бы мы действительно могли отправиться в это путешествие, мы обнаружили бы русское общество, пересаженное на азиатскую почву, и нашли бы его очень похожим на те общества, которые существуют по всей периферии империи. Русские не смешивались с другими, ревностно и с гордостью сохраняли свои традиции и по большей части кичились своим, полагаемым бесспорным, культурным превосходством. Их сообщество было колониальным сообществом, ориентирующимся на метрополию, на петербургский двор. Через русских мы нашли бы точки соприкосновения с местными, обнаружили бы, что среди них есть русскоговорящие, которые могут познакомить нас, пусть и на поверхностном уровне, с коренным обществом Средней Азии. В книге перед нами развернутся маршруты в этом направлении, нашими проводниками станут исследования разных эпох, газетные сообщения тех времен, архивные документы. Мы сможем разглядеть, таким образом, плацдармы сотрудничества и мирного сосуществования, которые начинали зарождаться после того, как завоевание закончилось и оружие было сложено.

У нас создается впечатление, что за пределами колониальных пересечений находится общество, которое, будучи наблюдаемым глазами русских, остается в значительной части непостижимым. Сосуществование имеет свои важные завоеванные участки, но ограниченные и предопределенные. В большинстве случаев мы обнаружим, что даже и здесь сохраняются все различия, которые, изменившись только ситуация, могут привести к напряженности. В наиболее отдаленных местах, в особенности там, где обитают кочевые племена, взаимопонимание уже очень хрупко и суровая реальность нищеты населения обозначает дистанцию, для нас — практически непреодолимую.

Мне интересно продемонстрировать читателю основные черты гармонии, выстроенной большими усилиями и затем стремительно разрушившейся, обогнав на некоторое время общий крах империи. Старый режим Туркестана и степных областей пал в 1916 году, когда восстали кочевые племена.

Итак, начнем наше путешествие. Вообразим себе Ташкент на пороге войны.

1. Ташкент

Ташкент — самый большой город Туркестана и главный русский город в Азии. За полстолетия колонизации численность населения выросла более чем втрое: перед Первой мировой войной в городе жили около 250 000 человек. Иммигранты из Европы, в основном русские, а также украинцы и поляки, составляют сообщество численностью около 70 000 человек. Большая их часть прибыла благодаря открытию двух железнодорожных линий, связавших Ташкент с Россией.

В мусульманских кварталах преобладает население, говорящее на тюркских языках: большинство сартов и узбеков, но также и татары, киргизы, казахи. В меньшинстве находятся несколько сотен таджиков и компактная группа бухарских евреев⁸.

Этот город становится центром нашего интереса не только благодаря своему положению колониальной столицы, то есть места, где принимаются решения по всему Туркестану, но также и потому, что это основное средоточие иммигрантов и мусульманского населения. Эти два сообщества проживают в городе бок о бок, и их взаимоотношения являются важным объектом наблюдения, дающим возможность понять, как уравнивались социальные отношения, лежащие в основе колониального пакта всего Туркестана. Таким образом, нам необходимо исследовать город с близкого расстояния. Мы введемся вначале в кварталы нового, «европейского», города, затем в мусульманские — старого. Мы обнаружим дистанцированность и соприкосновение, даже наблюдая лишь людей на улицах, базары и дома.

Наше первое знакомство с Ташкентом происходит на вокзале. Как и следовало ожидать, это не самое привлекательное место в городе, но, с другой стороны, здесь неплохо чувствуется городская атмосфера. В спокойные часы вокзал заполнен русскими солдатами, следующими в свои казармы, военными, сопровождающими армейские грузы; немало пассажиров из европейской части России, усталых после многодневного путешествия, среди них попадаются и крестьяне, и деловые люди; очень много местных, с ближайших станций, нагруженных сельхозпродуктами для продажи на городских базарах. Достаточно скоро это многоликое спокойствие исчезнет, поток товаров иссякнет, а между европейцами и мусульманами вспыхнут ожесточенные конфликты.

Покинув вокзал и встретив по дороге другие признаки военного присутствия русских (многочисленные казармы), мы движемся к городу.

В центре европейских кварталов находится площадь Кауфмана. Это большое пространство, посаженное деревьями, куда стекаются широкие прямые улицы. В центре площади высится обелиск, надпись посвящена русскому генералу — «завоевателю Самарканда в 1868 и Хивинского ханства в 1873»⁹. Константин Петрович фон Кауфман — фигура легендарная. О нем говорят как о знаменосце русской боевой славы, он символ того периода, когда администрация функционировала хорошо и чиновники не были замешаны в постоянных скандалах.

Ему новый город обязан своим развитием. Когда Кауфман прибыл в Ташкент, через два года после его завоевания, русские уже обосновались за пределами стен старого города. Они завладели крепостью — бывшим жилищем ташкентского бека и его войска — и расположили там часть отрядов, построили казармы, ряд общественных зданий и около двухсот частных домов. Тем самым там уже существовала небольшая русская община, состоящая почти исключительно из солдат: рядовые жили в казармах, офицеры имели свои дома. Кауфман привез с собой толпу чиновников и за два года выстроил еще пятьсот домов. Новый город зарождался на ничейной территории, на землях крепости и участках (садовых и огородных), которые администрация выкупила у их владельцев. Европейские кварталы разрослись и к 1909 году насчитывали уже 3000 домов¹⁰. Ташкент быстро становился огромным городом, не столько по населению, сколько по территории, почти сравнявшейся с московской¹¹. Низкая плотность населения новых кварталов очевидна даже без статистических данных: дома здесь невелики, и очень много зелени. Строения сложены из кирпича и отштукатурены; за редкими исключениями все они одноэтажные, что повышало их надежность в виду частых землетрясений в Ташкенте. Почти около каждого дома есть сад, а иногда даже пруд, где в хорошую погоду купаются. Улицы, широкие и прямые, посажены деревьями, есть несколько парков, везде проложены каналы¹².

Работы по благоустройству, почти безостановочные, превратили русские кварталы в современный город. Улицы, в большинстве своем мощеные, ночью освещаются керосиновыми фонарями. Построена телефонная сеть, объединяющая общественные учреждения и приличное число абонентов. В домах есть водопровод и электричество. Совсем недавно электрический трамвай заменил старый, на конной тяге¹³.

Казалось, русские стремятся, чтобы сразу бросалось в глаза их отличие от окружающего общества. Посетивший город сразу отметит многочисленные церкви и здания в русском стиле, увидит улицы, на-

званные в честь русских героев (как правило, генералов — Кауфмана, Черняева и других), встретит на этих улицах мужчин в мундирах и женщин, одетых по европейской моде. Это городская элита, демонстрирующая свою принадлежность к петроградско-московскому обществу, и мало что ее связывает с таким азиатским городом, как Ташкент.

Шайлер, американец, бывавший в Ташкенте в 70-х годах XIX века, упоминает светскую жизнь города. Одним из центров притяжения была резиденция губернатора. Естественно, это был самый красивый дворец в городе, окруженный огромным парком. В конце 1917 года эта белая дворцовая постройка стала зданием Советов, местом разнообразных собраний, по-прежнему символизирующим русскую власть.

Во времена Шайлера дворец посещали сливки городского общества. Два или три раза в год здесь давали балы, на которых появлялись генералы и высшее офицерство с женами, приглашались также авторитетные представители мусульманского общества. Русские выставляли напоказ «хорошие манеры» с чрезмерным рвением, возможно, даже наводившим оторопь на их гостей. Этикет был еще более жестким, чем в Петербурге¹⁴. Приемы устраивались зимой, иначе и быть не могло, так как летом город вымирал: спасаясь от жары, все перемещались на загородные дачи или в горы, где наслаждались сном в юртах — походных палатках кочевых казахов¹⁵.

Были также и более общедоступные развлечения, правда, не в самом дворце, а в губернаторском парке. Три раза в неделю все ворота открывались для публики, играл оркестр. Это был повод встречи для русских, допускалась и мусульманская публика, которая, судя по всему, очень любила слушать оркестр. Иногда исполнялась музыка на местные мотивы, чтобы доставить особое удовольствие гостям¹⁶. Европейский мир, безусловно, был особенно притягателен для местного населения, особенно для тех, кто имел какие-то деловые контакты с русскими. Обиход русской элиты не претерпел существенных изменений в эти годы, несмотря на дистанцированность от Петербурга и устоявшиеся контакты с местным обществом.

В 1908 году в Ташкент прибывает граф Пален во главе комиссии, отправленной из Петербурга для проверки туркестанской админист-

Мост через Амударью

рации. На вокзале его встречали губернатор и армейские генералы, русские городские власти и консулы иностранных государств, присутствовали также влиятельные члены местного общества и представители киргизской, еврейской, афганской и персидской общин. Затем был дан прием в губернаторском дворце. Пален упоминает о мужчинах в мундирах со звездами и украшениями, женщинах в вечерних туалетах и сверкающих драгоценностях, с цветами в волосах. Атмосфера, пишет он, такая же, какую можно наблюдать в Петербурге, Берлине, Вене или Париже. К банкету было составлено типично русское меню (естественно, написанное по-французски) — вино и шампанское из Европы, икра, водка. Кофе подавали в парке, официанты-мусульмане в традиционных одеждах¹⁷.

Люди, допущенные к губернатору, составляли лишь небольшую группу, но культ «хороших манер» не был только их чертой. Конечно, эти проявления выглядели несколько кричащими, зачастую афишировались людьми, сбжавшими в Ташкент от кредиторов или от каких-то неурядиц, или военными, делающими быструю карьеру и стремящимися к пенсии, или чиновниками, приобретающими славу в коррупционных скандалах, или опять же отставными военными, пробующими себя в сомнительного свойства коммерции. Многие из них не намеревались оставаться в Ташкенте надолго, полагая себя еще (или уже) в России и не имея, как правило, ни малейшего интереса к местному обществу. Например, широко практиковались встречи военных обществ — с балами, вечеринками для приглашенных, с карточными играми, в основном азартными¹⁸. В большой моде был театр: несколько лет подряд, с тех пор как заработала железная дорога, Общество любителей драматического искусства с большим успехом организовывало гастроли лучших театральных трупп из России¹⁹. Разумеется, все демонстрировали приверженность к сохранению таких фундаментальных ценностей, как служение царю и православная вера. На первой зиждился престиж армии, вторая демонстрировала народную религиозность, живое чувство, о чем свидетельствовали многочисленные православные церкви по всему городу.

Русское сообщество за годы, прошедшие с момента открытия железнодорожного сообщения, давшего стимул массовой иммиграции, претерпело довольно глубокие изменения, стало более разнообразным и сложным. В первые десятилетия XIX века присутствие русских было в основном военным, затем военные остались в меньшинстве. В 1908 году, как сообщает статистика, европейское население состояло на две пятых из людей благородных сословий, духовенства, купцов и мелкой буржуазии (приходится извиняться за упрощение); еще две пятых составляли люди крестьянского происхождения, которые, по всей видимости ожидая земель для возделывания, жили в городе, выполняя разную ручную работу; солдаты не превышали оставшейся одной пятой²⁰.

Заметным признаком русского делового мира были банки и коммерческие предприятия. Можно наблюдать их присутствие, проходя по центральным улицам — улице Романовского и Кауфманскому проспекту, где располагаются лучшие магазины. Здесь продаются товары, импортированные из России, предметы роскоши из-за границы — европейская и даже американская одежда, французские бильярдные, немецкое пиво, итальянские масло и вино... В центре также находятся гостиницы, где останавливаются купцы и путешествующие дельцы. Самые обеспеченные из них живут в «Большой Московской», где есть отдельные обеденные кабинеты, бильярд, бальная зала, открытая до двух ночи, турецкая баня; прочие довольствуются «Россией» или «Европой»²¹.

В конторах, типографиях и на нескольких городских фабриках мы обнаруживаем рабочих-иммигрантов. Главная концентрация рабочих наблюдается на стройке железной дороги, куда принимают практически только русских. В начале века там работало около двух тысяч человек, прочие русские, несколько сотен, были заняты на электростанции, на обеспечении трамвайного транспорта; еще меньший процент приходился на квалифицированную работу на фабриках по очистке хлопка (черную работу там выполняли местные), в типографиях и т.п.²² Железная дорога доставляла в город массу разнорабочих (предположительно большинство из 15 000 переписанных в 1908 году — с крестьянским происхождением), вызывая переизбыток предложения русских рабочих рук. Речь шла о рабочих «голодных, оборванных и нуждающихся в общественном призрении»²³. Их присутствие с трудом поддавалось интеграции, а избыточное предложение низкооплачиваемой рабочей силы сказывалось в понижении их оплаты. Масштабные забастовки в Ташкенте 1905 года в большой степени были вызваны этой ситуацией²⁴.

Ритуалы и традиции высших слоев русского сообщества служили отличительным признаком не только в сравнении с мусульманским населением города, но и с относительно растущей массой бедных и ищущих удачи иммигрантов. В то время как офицерство и новая буржуазия ходили по салонам и театрам, массы, состоящие из солдат, рабочих в ожидании работы и крестьян, предпочитали посещать трактиры. В свое время их местом был базар в самом центре города, где в кабаках, которые держали отставные офицеры низших чинов или жены действующих офицеров, продавали вино и пиво. Есть подозрение, что в этой зоне сосредоточивалась проституция, процветавшая с появлением русских солдат: в конце века в городе насчитывалось уже больше тысячи проституток, среди которых около семидесяти были европейского происхождения. На пороге войны это место носило название «Воскресенский базар» и в праздничные дни служило местом встречи горожан из европейских кварталов, в особенности солдат в увольнительной. И в обозреваемое нами время

оно известно под именем «пьяный базар», хотя теперь таковым не является, поскольку уже несколько лет, как власти закрыли все кабаки. Закрытие, похоже, было вызвано стремлением защитить моральный дух армии, а также, вероятно, попыткой избежать столкновений между солдатами и молодыми мусульманами, пристрастившимися к выпивке не меньше русских. Пьяницы, однако, не исчезли совсем, они нашли себе другие кабаки (в городе нет в них недостатка)²⁵. Впрочем, даже и без кабаков площадь остается местом большого скопления людей, поскольку является основным торговым центром нового города, а теперь еще и служит центральным пунктом отправки электрических трамваев. Кроме того, как и раньше, здесь работает импровизированная «биржа труда», рынок рабочих рук, где каждое утро собираются в большом количестве люди, ищущие поденную работу. Среди них много недавно прибывших русских колонистов²⁶.

Новые кварталы населены отнюдь не только европейцами, там имеется постоянная составляющая неславянских жителей, около десяти тысяч человек, проживающих постоянно, — приблизительно четверть гражданского населения этой части города²⁷. Среди них богатые мусульманские купцы, поселившиеся в европейских кварталах, — у них дома западного типа, но женские комнаты не имеют окон на улицу, как и в домах в старом городе²⁸. Многие деловые люди и авторитетные мусульмане, проживающие в старом городе, часто бывают в новом и входят даже в самые уважаемые дома. Даже мусульмане из низших слоев появляются в новом городе, так как вся грязная работа делается ими. Люди в черных или цветных чапанах, с тюрбанами на голове убирают улицы или строят дома, каждая небедная русская семья держит их для выполнения работы по дому. Другие трудятся, часто посезонно, на маленьких фабриках. Русские нанимают их из-за готовности работать за деньги меньшие, чем европейцы, несмотря на то, что сталкиваются потом со сложностями из-за отсутствия общего языка и необходимости прибегать к помощи переводчиков. Русские не могут служить такого рода посредниками, только мусульмане, обычно татары, которые извлекают из своего знания языков возможность оказывать влияние как на работников, так и на работодателей. Русские делают коммерцию, но не могут избежать сложившихся неоднозначных отношений, и поэтому не доверяют мусульманам. Недоверие принимает легкие формы, когда собеседник принадлежит к высшим классам местного общества, но с обычными мусульманами отношения сводятся до необходимого минимума. Вплоть до последних нескольких лет, когда еще ходили конки, первый ряд сидений в вагонах был предназначен для европейцев. Они готовы были платить вдвое за билет, только бы не сидеть рядом с мусульманами, которые, по их мнению, не очень стремились к чистоте и опрятности²⁹.

Наиболее часто в европейских кварталах встречались мусульманские мастерские и базарные торговцы. Торговали чем угодно — фруктами, зеленью, другими продуктами питания. Торговцы делают бизнес и заботятся о том, чтобы у них в лавках были все товары, которые могут купить русские³⁰. На главном базаре есть даже мечеть, место встречи и отправления культа для мастеровых и розничных торговцев. В новом городе находится пятнадцать мест культа для мусульман, но это «молельные дома» при частных жилищах. У восточных евреев, тоже торговцев, есть своя синагога (не путать с синагогой евреев-иммигрантов: обе построены в 1896 году). Общность религии, очевидно, не обеспечивает настолько прочную связь, чтобы преодолевать существующие барьеры между европейцами и восточными людьми³¹.

Оставим «Воскресенский базар» и пойдем по дороге мимо крепости, которая прежде была резиденцией Кокандского хана, дойдем до того места, где раньше были ворота в старый город. Это всего несколько шагов, но для пушего погружения можем сесть на трамвай. Одна из веток идет как раз сквозь мусульманские кварталы.

*Первые шаги русского проникновения
в мусульманские кварталы*

Чтобы подготовиться к встрече со старым городом тех времен, упрядочим в памяти события. Трамвай напоминает нам о трудной судьбе отношений русской администрации с этими кварталами, об инициативах, направленных на улучшение условий жизни, но встречавшихся с недоверием, как постороннее вмешательство. Мы следуем, таким образом, одновременно и по другой дороге, ведущей в мусульманские кварталы из прошлого.

Разрушение городских стен, сложенных из камня, высотой в десять-пятнадцать метров, было делом рук русских. Это вмешательство носило вполне функциональный характер, учитывая, что стены стали бесполезными и, более того, постепенно разрушались сами, но очевиден был также и символический смысл этого сноса оборонных сооружений. Старики не забыли об этом и жалуются, вспоминая, как спокойно было спать под защитой двенадцати запертых ворот³².

Тогда, в первые годы завоевания, город был, конечно, куда менее гостеприимен по отношению к русским, нежели сегодня. Случалось, что дети высмеивали проходящих русских офицеров и закидывали их камнями, а старики, наблюдавшие за происходящим, лишь одобрительно посмеивались. Офицеры не переносили неуважение мусульман, когда те при виде их не вставали, не оказывали знаки почтения, не уступали дорогу. Чтобы избежать этих неприятных ситуаций, русские власти угрожали серьезными наказаниями замеченным в подобном неуважении, а также местным авторитетам, которые должны

были склонять обитателей своих кварталов к более почтительному отношению³³.

В те времена русские военные полагали, что могут отдавать приказы и осуществлять прямое вмешательство в жизнь базара. Губернатор в целях развития туркестанской коммерции под русским контролем распорядился организовать две ежегодные ярмарки на границах нового города (в пяти милях от старого базара), приказал мусульманским торговцам переместиться туда и закрывал базар на время работы ярмарок. Русские купцы, чиновники и спекулянты всех мастей приветствовали эти начинания, мусульмане же, напротив, их игнорировали, несмотря на угрозы со стороны властей. Вследствие этого идея провалилась и вскоре ярмарки были отменены. В конце 1880-х годов русские власти вновь пожелали вмешаться в жизнь базара. Произошло это, когда городской голова попытался провести реструктуризацию базарных улочек, которые считал слишком грязными и вонючими. Это вмешательство предполагало закрытие лавок, снос домов, изменение границ владений некоторых мечетей. С изменением пространственного порядка нарушалась ткань интересов и отношений между людьми, связанными с базаром. Мусульмане запротестовали, и только после сложных переговоров с влиятельными фигурами старого города администрации удалось проложить более широкие мощеные улицы в центре базара. Зона стала таким образом несколько более удобной для русских, которые стремительно заселяли эти новые кварталы³⁴.

Прошло несколько лет, и вновь возникли напряженности, на этот раз уже гораздо более тяжелые. Конфликт обнаружил отчужденную недоверчивость между русскими и мусульманами, что в один момент могло разрушить достигнутое взаимопонимание и все договоренности.

Это случилось в июне 1892 года, когда в Ташкенте вспыхнула эпидемия холеры. Чтобы избежать распространения болезни администрация распорядилась и в старом городе придерживаться санитарных норм, которые русские медики считали необходимыми, в частности хоронить умерших только после обследования служащими санитарного контроля и только на специально организованных кладбищах за чертой города. Эти меры и то, как они применялись, вызвали негативную реакцию населения, которое сочло их вредящими исламской традиции и не оценило действия русских медиков как защиту перед лицом эпидемии. Русские в те дни, а затем и их историки, как правило, представляли эту оппозицию как результат столкновения обскурантизма и религиозного фанатизма, с одной стороны, с современным научным подходом — с другой. Не будем торопиться, однако, с суждениями и соберем побольше информации о происходившем.

Русские санитарные офицеры обычно появлялись в доме покойного через три-четыре дня после его смерти, их впускали в том чис-

ле и потому, что они являлись в сопровождении полиции старого города, состоявшей в те времена из местных. Почти всегда это был первый визит русских врачей к больному, без сомнения запоздалый. Впрочем, выясняется, что население не особенно торопилось сообщать о случаях заражения. Санитарная статистика того времени сообщает о 1440 умерших от холеры в старом городе и о 1462 сигналах о заболевании. Поскольку смертность от холеры не столь высока, мы вынуждены заключить, что многие случаи заражения скрывались от властей, возможно, заболевших было по крайней мере на тысячу больше, чем приводит официальная статистика. Статистика нового города демонстрирует, что там к эпидемии относились совсем по-другому и гораздо более охотно прибегали к медицинской помощи: там было 217 умерших на 417 обращений³⁵.

Эпидемия так широко распространилась среди мусульман в том числе и из-за перенаселенности старого города. К тому же водостоки и каналы там находились под открытым небом и были немало загрязнены, именно они и становились проводником холеры. Впрочем, отличие от нового города было не столь велико (нужно еще иметь в виду, что на тот момент европейское население составляло примерно четверть от мусульманского), поэтому, по всей видимости, вывод о существенном значении своевременного медицинского вмешательства оказывается справедливым.

Принимаемые санитарные меры в старом городе, вероятно, приносили прямой вред и, без сомнения, оскорбляли общественную мораль, но тем не менее русские пытались навязать беспрекословное подчинение этим мерам. Власти заставили мусульман держать своих умерших дома до прибытия врачей, хотя религия, здравый смысл и удушающая жара не позволяли мертвым так долго оставаться среди живых. Поступил приказ также обеспечить доступ санитарам в женскую половину дома, что оскорбляло честь семьи. Были закрыты кладбища старого города, покойников надлежало хоронить на новых кладбищах, весьма далеко расположенных, несмотря на несовместимость этой меры с традицией, которая предписывала нести тело на кладбище на руках. Фактически стал неприменим ритуал омовения тела перед похоронами ввиду того состояния, в котором находились останки. Нет ничего удивительного в том, что, дабы избежать всех этих несчастий, семьи не стремились сдавать властям своих заболевших.

Протест мусульманского населения, вызванный этими мерами, вошел в историю под громким названием холерного бунта. Первым объектом недовольства мусульман стал их старший аксакал (главный представитель власти в старом городе), обвиненный в сотрудничестве с русскими в реализации санитарных мер. Аксакал бежал от разъяренной толпы в новый город, где нашел убежище в доме городского головы. Вслед за ним туда прибыло несколько сотен человек из му-

Ташкент, Воскресенский базар

сультманских кварталов, которые потребовали его выдачи. Получив отказ, они забросали камнями городского голову и разграбили дом. Похоже, что толпой руководили ишаны (учителя, духовные наставники) и что раздавались призывы к газавату (священной войне), но больше никакого насилия по отношению к русскому гражданскому населению проявлено не было. Вместо этого толпа направилась к дому аксакала и разграбила его. Дальше этого мятеж не пошел. Прибыли казаки с многочисленными «ополченцами» из числа вооружившегося гражданского населения, открыли огонь по толпе, убили около сотни человек, а затем погнали толпу в центр старого города, где перед большой мечетью Джами вновь открыли огонь. Десять человек погибли. Войска оставались на площади в течение недели.

Если мы присмотримся внимательней к старшему аксакалу, который был в действительности главной мишенью волнений, обнаружится, что его назначил на эту должность русский генерал-губернатор всего два месяца назад как временную замену сопернику — главе одного из местных кланов. Прежний аксакал, известный незаконной торговлей землей и прочими делами с русскими чиновниками, продолжал пользоваться авторитетом у мусульманских семей и желал восстановления в должности. Это соперничество между местными группировками и кланами, стремящимися приблизиться к власти в лице русских, безусловно сыграло свою роль. Действительно, похоже, что участники событий были в основном все из одного квартала, принадлежали к одному клану и попросту попытались воспользоваться накопившимся во время эпидемии отчаянием, направив его против представителя соперничающего клана³⁶.

История холерного бунта дает богатую пищу для размышлений, которые могут оказаться полезными для изучения внутриколониальных отношений: мы наблюдали две культуры в состоянии взаимного недоверия, дающего поводы и обоснования конфликта. Можно также отметить, что в конфликте участвуют не две стороны — мусульмане и русские, — он более сложно устроен, поскольку важную роль в нем играют внутренние равновесия местного сообщества (возможно, это верно и для иммигрантской общины). Также вырисовывается, что внутриколониальное равновесие строится на фигурах посредников (в данном случае это аксакалы).

После мятежа, поскольку система посредничества, построенная на одном только главном посреднике, явным образом продемонстрировала свою шаткость, администрация упразднила должность старшего аксакала. Полиция старого города подверглась реорганизации, местных людей заменили на русских и мусульман неташкентского происхождения. Вновь было предпринято городское переустройство, через весь старый город были построены две широкие улицы.

Пройдемся по одной из этих улиц до базара.

Разнообразие общества в старом городе

Улица, достаточно широкая, мощеная, почти прямая, ведет прямо к центру. По дороге мы видим двухэтажные нештукатуренные дома серого цвета. Как правило, на первом этаже расположены стойла, складские помещения, иногда торгующие чем-то лавки или ремесленные мастерские. На втором этаже могут быть склады товаров или материалов, но чаще там жилые помещения с террасами. На этой улице, одной из главных, встречаются изредка и здания западного образца, оштукатуренные и с окнами на улицу. Поперечные переулки почти все узкие и немощеные и сразу начинают петлять между стенами домов. Если углубиться в сторону от главной улицы, оказываешься в лабиринте маленьких улочек, петляющих вдоль границ частных владений и часто приводящих в тупик, к частным домам. Эта путаница, в которой невозможно ориентироваться, если сам здесь не живешь, — результат быстрого роста населения. За последние пятьдесят лет число обитателей старого города, окруженного стенами, более чем учетверилось, а владения дробились, переходя от родителей к детям, которые строили новые дома и прокладывали выходы к городским улицам³⁷. Жилища в основном организованы традиционно: комнаты расположены вокруг двора, где находится огород, растут фруктовые деревья, пасутся козы и мелкие домашние животные.

Мы лишь слегка углубились в старый город, но западные кварталы с их проспектами и широкими пространствами уже кажутся далеким миром. Здесь мужчины носят халаты и тюрбаны, форма и расцветка которых являются для людей разбирающихся признаками оп-

Мусульманки

ределенного происхождения и дают возможность уловить дополнительные отличия, помимо тех, что читаются в самих лицах. Женщины скрываются за паранджой — тканью, закрывающей всю фигуру с головы до ног³⁸.

Улица, по которой ходит трамвай, приводит нас в самое сердце города, к центральному базару. Огромная его территория, размером с большой квартал, состоит из улиц и улочек, площадей и дворов. Углубившись туда, погружаешься в шум мастеровых, занятых своей работой, в разноцветие товаров. Неба почти не видно — повсюду навесы, закрывающие большую часть улиц и спасающие от солнца и жары. Людской поток течет между магазинчиками и прилавками. Базар делится на зоны по типам деятельности и торговли: в одном месте узбекские купцы торгуют товарами местной промышленности и импортом (в основном из европейской части России), другие

промтовары продаются у бухарских евреев; одна часть базара специализируется на тканях и шелковых одеждах, в другой можно наблюдать всевозможные работы по дереву, в третьей расположились серебряных дел мастера. Киргизы продают войлок, ткани из верблюжьей шерсти, кожаные изделия. Отдельно сосредоточены сельхозтовары, мясо, специи. В распоряжении приезжающих купцов многочисленные караван-сарай, где можно заночевать, оставить лошадей и верблюдов, держать свой товар. На некоторых постоянных дворах постоянно сидят индусы-ростовщики, которые пользуются тем, что мусульманам этот вид деятельности воспрещается религией. На базаре, разумеется, нет пивных, но зато есть многочисленные чайханы и ашханы, где пьют чай и едят плов или шашлык. Почти все покупатели местные, но иногда попадаются и европейцы, зашедшие за покупками и не гнушающиеся местной кухней³⁹. Русские посетители особенно многочисленны в период уразы, месяца поста. От восхода до заката солнца мусульмане не прикасаются к еде, но после заката и до восхода они устраивают пир и наедаются. Русских притягивает вторая часть дня. Они сидят в чайханах, их приглашают в дома, они присоединяются к толпе, чтобы посмотреть на уличное представление —

певцы, барабаны и бубны, рассказчики двусмысленных историй, фокусники и акробаты, кукольные спектакли⁴⁰.

Другой принятой датой посещения мусульманских кварталов является день завоевания Ташкента. Каждый год утром 25 июня в главном православном соборе в центре русских кварталов служится торжественная литургия, затем процессия выходит на улицы и направляется в сторону старого города к памятнику русским солдатам, павшим при взятии Ташкента. Перед этим монументом, который должен напоминать мусульманам день начала новой эпохи мира и процветания под русским патронажем, собираются участники процессии: высшее духовенство, высокие военные чины, порой сам губернатор, солдаты и русские горожане. Участвуют также мусульманские власти и представители бухарского эмира. Местное население относится к процессии и к церемонии как к представлению: мужчины толпятся на перекрестках, женщины и дети наблюдают из домов⁴¹.

Присматривание друг к другу скорее с любопытством, чем со страхом, — свидетельство согласия русских и мусульман на мирное сосуществование, признание за русскими своего места в локальном ландшафте. Вскоре, однако, обнаружится, что никакого надежного пакта между двумя сообществами не было до вчерашнего дня, и тем более не будет завтра, когда в эти кварталы придут голод и насилие.

Базар являет собой точку, где пересекаются четыре дахи (части), из которых состоит старый город. Дахой в конце XVIII века называлась автономия с отдельным управлением, которая, даже становясь частью города, продолжала сохранять свои особенности. Также и махаллы (кварталы), на которые делились в свою очередь дахи, были самостоятельными социальными и политическими единицами, а не просто подразделениями административной системы.

Дома в махаллах, как правило, достаточно большие, рассчитанные на семью из трех поколений. Главой семьи является самый старший мужчина, затем власть распределяется между другими мужчинами в соответствии с возрастом и правом первородства. Дети живут в родительском доме до женитьбы, младший сын, по правилам, женится последним и остается жить в доме отца. Новые семьи сыновей селятся, когда это возможно, на земле старшей семьи, их дома примыкают к родительскому. Дочери, напротив, уходят из своей семьи, отправляясь жить в семью мужа. Их брак является предметом договора между главами семей и служит укреплению уже существующих межсемейных связей. Учитывая, что у каждой четы от четырех до шести отпрысков, можно посчитать, сколь разветвленной становится сеть семейных связей за несколько поколений.

К связям семейным примыкают и другие привилегированные отношения. Каждый мужчина состоит по крайней мере в одной джуре, группе близких друзей, которая собирается ежедневно для совместных трапез, а главное, для обсуждения стратегических вопросов жиз-

ни и оказания друг другу помощи. Сферой еще более широких отношений, хоть и менее тесных, является уже квартал. В пределах одной махаллы все знают друг друга. Мужчины встречаются на рассвете в мечети, на первой из пяти ежедневных молитв, а затем вечером — на последних двух. Все жители квартала приглашаются на семейные праздники (свадьбы, обрезание детей), на траурные церемонии, на годовщины смерти. По крайней мере один член семьи должен представлять на трапезе, приготовленной по таким поводам. Учитывая, что одна махалла насчитывает в среднем около тысячи жителей, а приходят еще и родственники, знакомые по работе из других кварталов, такие приемы оказываются очень частыми и очень многолюдными.

Средства на свадьбу сына (калым, выплачиваемый семье невесты) и на проведение разных церемоний составляют очень тяжелое бремя для семейных бюджетов. Необходимо долго копить, часто приходится прибегать к займам и родительской помощи. Тем не менее в квартале не найдется ни одной семьи, готовой покрыть себя позором за проведение церемонии не так, как предписывает традиция. Скорее уж свадьба будет откладываться на годы. На самой церемонии присутствие уважаемых гостей, обедающих вместе с хозяином дома, демонстрирует связи семьи и, соответственно, место хозяина в социальной иерархии. Семьи вкладывают большие деньги и много усилий в выстраивание и поддержание связей, потому что от этого зависят возможности собственного социального утверждения. Получающий помощь остается обязанным давшему ее, поэтому влиятельным человеком становится тот, кто может оказывать помощь и, следовательно, имеет много обязанных ему людей.

В махаллах существует, таким образом, соседская солидарность, к которой могут прибегнуть все, но не все в одинаковой степени: семьи, наиболее материально обеспеченные и обладающие связями, в том числе и за пределами квартала, становятся центром локальных социальных сетей. Семейные союзы, образовавшиеся в прошлом, и новые кровные связи, образующиеся сейчас, создают клановую солидарность и являются источником привилегий и, соответственно, изоляции. Браки, взаимная помощь и доверительные отношения закрепляют внутреннюю близость внутри доминирующих групп сартов и узбеков, в то время как казахи, таджики, евреи и другие меньшинства являются отдельными общинами, живут в своих кварталах и занимают свое место на рынке труда.

В городе насчитывается 149 махалл⁴². Громкий повторяющийся призыв «Аллаху-акбар», который слышится утром на первой молитве, а потом обозначает время следующих, доносится почти одновременно со всех мечетей из всех махалл, отдается эхом по всему городу. Торговцы и ремесленники появляются на базаре рано, после молитвы в мечети своего квартала. На дневные молитвы они ходят в боль-

шие центральные мечети, которые являются своеобразными узлами общественной жизни города: здесь встречаются люди из разных кварталов, здесь обмениваются информацией, обсуждают, строят планы, заключают договоры. Соответственно, это также основное место, где делается политика⁴³. Здесь, в центре старого города, где отношения строятся по традиционным канонам, базирующимся, в свою очередь, на исламе, у русских специфическая позиция. Находясь вне моральных установок, пронизывающих местное сообщество, русские оказываются подходящей целью для завязывания деловых отношений и источником престижа для тех, кто с ними общается. Этот престиж имеет значение на внутреннем социальном рынке и может служить мерилom респектабельности семьи. Доступ к русским и вес в мусульманском обществе ценятся на равных и позволяют играть важную роль в отношениях внутри колонии.

Вокруг русских сплетаются отношения — интенсивные, но несколько двойственные. Среди мусульман есть много именитых граждан, которые выполняют посреднические функции, перекидывая мост между двумя сообществами. Русские власти поощряют это и повышают престиж новой знати официальными знаками признательности, приглашают их на публичные мероприятия и частные празднества, раздают медали и поощряют устно⁴⁴.

Чтобы изучить точки соприкосновения двух сообществ, следует обратить внимание на три основных вида деятельности: коммерцию, городское управление и школы.

Коммерсанты и деловые посредники

Базары, основные места торговли продуктами питания и мелкими потребительскими товарами, находятся в руках местных. Среди клиентов около семидесяти тысяч европейцев из новых кварталов, которые, хоть и хозяева города, находятся в зависимости от местных торговцев и немало способствуют их обогащению. Этот факт и впрямь вызывает некую озабоченность:

«Сарты — говорится в одной книге о Ташкенте, вышедшей в 1912 году — постепенно прибрали все к рукам, были готовы делать деньги на всем подряд, включая то, к чему верующим запрещалось даже прикасаться Кораном и шариатом, и, в свою очередь, приобретали землю и дома в русской части города <...> возможно, вскоре наступят времена, когда мы, русские <...> окажемся в полной зависимости от мусульман и местных евреев»⁴⁵.

Как мы впоследствии увидим, когда во время войны, которая вот-вот разразится, край начнет испытывать нехватку продуктов и цены на них взлетят, эти страхи станут распространенным чувством среди русских, готовя почву для открытых конфликтов с держателями базаров.

Караван-сарай в Бухаре

Рынки Ташкента обеспечивались сельскохозяйственными и животноводческими продуктами из окружающих город районов. Их привозили мусульманские коммерсанты и крестьяне, два раза в неделю прибывавшие на базар со своими нагруженными ослими и верблюдами. На рынок поступали товары и из России: в новом городе ими торговали на прилавках «воскресенского базара», начали они поступать и в старый город, где продавались импортные ткани и кухонная утварь, с раскраской и украшениями, стилизованными под местные вкусы. Появление этих новинок стало возможным после открытия железнодорожного сообщения, которое привело к быстрой интеграции туркестанского рынка в общий рынок империи. Прежде доставка товаров из России была рискованным предприятием и требовала нескольких месяцев, купцы должны были компенсировать риски и стоимость товара очень высокими ценами. Поезда помогли преодолеть многие проблемы и создали условия для расширения обмена. Коммерческие предприятия из Европейской России открыли свои представительства и торговые точки в новом городе, чтобы удовлетворить потребности и ностальгию иммигрантской части населения. Жители старого города тоже начинают покупать импортные товары, хотя основной их интерес по-прежнему обращен к продуктам местного ремесла. Причины отказа от западных товаров не кроются ни в каком-то особом недоверии, ни в специальной приверженности традициям, напротив, качество импорта скорее ставится выше — люди мало покупают только из-за достаточно высоких цен⁴⁶. Но несмотря на дороговизну, эти товары уже вполне конкурентны в некоторых секторах, что осложняет жизнь местным

ремесленникам, в особенности ткачам⁴⁷. Успех западных товаров, разумеется, вносит свой вклад в положительную оценку русской цивилизации.

Ташкент становится центром распространения товаров, поступающих из России, из ближайших стран и дальних районов Туркестана, перенаправляя их дальше в южные районы Сырдарьинской области, в Семиречье и в китайские пограничные провинции. Аналогичную роль играют два других главных торговых центра края: Коканд, обеспечивающий Фергану и китайскую провинцию Кашгар, и Самарканд, рынок которого складывается из товаров собственной области и приграничных Бухарского эмирата и Афганистана. В этих трех городах сосредоточена большая часть краевых коммерческих предприятий, кредитных организаций, транспортных и страховых контор⁴⁸.

Основным предметом экспорта является хлопок, поступающий из деревень по каналам местных торговцев и переправляемый дальше в Россию. Так, параллельно с русской коммерцией, наполняющей города европейскими товарами и приобретающей хлопок, стремительно развивается деятельность и растут барыши местных купцов, которые выманивают у мусульманских крестьян хлопок на промышленные товары, чай и сахар. Среди этих купцов есть и сарты, но они не столь многочисленны, в основном это евреи и татары.

До появления русских главным занятием ташкентских евреев было изготовление и продажа шелка, что не приносило больших прибылей. К тому же они подвергались разного рода дискриминации (среди прочего у них не было права владеть недвижимостью). Русские уравнили их в правах с другими, а коммерция их обогатила. Еврейская община в целом получила значительные преимущества от колониального режима, отдельные семейства стали очень влиятельными⁴⁹. Так произошло с семьей Юсуфа Давыдова, который сначала занимался мелкой торговлей промтоварами, затем понял, что выгоднее предлагать тот же товар мусульманским крестьянам в обмен на хлопок, и вошел в число крупнейших торговцев хлопком во всем крае⁵⁰.

Одним из признаков успешности еврейской общины является ее численность: в середине XIX века община насчитывала всего около сотни человек, затем стала расти за счет евреев, приехавших из Бухары, Афганистана и Персии, и в 1910 году уже объединяла несколько тысяч человек⁵¹.

Татарская община также играет важную роль в коммерции, занимая, впрочем, те же позиции, что и до распространения империи на Среднюю Азию. У татар длительная история отношений с русскими, они выполняют для русских функции посредников с мусульманским населением и часто выступают переводчиками. В городах они относятся к той части населения, которая наиболее расположена к при-

Ташкентский казий

нению европейского образа жизни, но одновременно занимают ведущие позиции в политической и религиозной мусульманской жизни, а также имеют влияние и в степных районах, куда ездят торговать с казахскими и киргизскими кочевниками⁵².

Тем самым можно сделать вывод, что развитие торговых отношений с Россией начало формировать новую городскую элиту, открыло дорогу местным купцам, в особенности татарам и евреям, послужило расширению посредничества с сообществом русских иммигрантов. Сближение русского и мусульманского сообществ происходит не только на почве коммерческого интереса, русская военная администрация находит среди местного населения влия-

тельных людей, которых задействует в местном управлении. Это становится второй точкой пересечения, не менее важной, чем коммерческие контакты.

Администраторы и судьи

В старом городе ответственные функции в администрации выполняют аксакалы, избираемые по следующей системе: в махаллах выбирается представитель от каждых пятидесяти домов (так называемый пятидесятник, или иликбаш), затем эти выборщики выбирают кандидатов на должность аксакала, и наконец русский губернатор назначает на должность одного из выбранных кандидатов. На практике жители старого города «голосуют», следуя указаниям, возникающим по сговору между семьями. Выборы выигрывают те семьи, у которых больше союзников и которые способны привлечь больше денег для того, чтобы занять (или купить) должность. Губернатор может повлиять на исход выборов, но в таком случае он обречен иметь дело с представителем слабой фракции, а следовательно, у того будет слабое влияние и много врагов в махаллах. Аксакалы тем самым оказываются в двойной зависимости — от семей, которые их выбрали, и от губернатора.

Из этих двух зависимостей первая безусловно гораздо более сильная, она обязывает аксакала быть лояльным и в случае предательства

интересов делает его объектом санкций со стороны выбравшей его фракции. Вторая связь обязывает меньше, она более гибкая, порой это всего лишь формальное признание русскими властями института выборности аксакалов, порой, напротив, это эффективное использование аксакалом своей должности. Своего рода корпоративность, принадлежность к местной традиции и даже незнание чиновником русского языка работают на автономность администрации старого города. В самом деле, администрации двух городов работают практически параллельно.

Местом пересечения двух администраций является городская дума — муниципальный совет, избираемый мужским населением, но непропорциональным голосованием. Как и в городах других районов империи, избиратели делятся по имущественному признаку на разные курии, которые имеют голоса разного веса. В Ташкенте неравенство прав усугубляется еще и тем, что там изначально существуют определенные ограничения на представительство местного населения. Так, две трети мест в думе зарезервированы для представителей нового города, который, как мы уже знаем, заметно уступает в численности населения мусульманским кварталам. Исполнительная власть сосредоточена в руках ограниченной группы, складывающейся по тем же критериям преимущества европейского населения. Городским головой обязательно становится офицер царской армии. Главенствующее положение русских тем самым надежно охраняется, а участие мусульман неизбежным образом носит подчиненный характер.

Выбор казиев (судей, применяющих законы шариата) происходит процедурно так же, как и выборы аксакалов. Казии выбираются и затем утверждаются в должности русскими властями. Внесение этой процедуры в Туркестанский Статут 1886 года было нацелено на уменьшение морального авторитета казиев в глазах местного населения, но эта цель была достигнута лишь частично. На деле судьи сохранили изрядную независимость от колониальной администрации не столько вопреки процедуре их назначения, сколько благодаря тому, что люди по-прежнему испытывали большое уважение к образованным людям, разбирающимся в исламском законе⁵³. Царский закон не вмешивается в интерпретацию или применение шариата, но налагает ограничения на власть казиев (они не могут назначать телесные наказания и выносить смертные приговоры), а также предоставляет возможность судящимся сторонам обратиться в русский суд. Несмотря на то, что избирательная система производит явно небеспристрастных судей и аксакалов, крайне редко случается, что люди отвергают своих судей и обращаются к русским.

Русское право тем не менее приобретает вес, хотя и не вмешивается в дела местного общества, благодаря тому, что применяется как внутри иммигрантского сообщества, так и в отношениях, все более

частых, между русскими и автохтонным населением⁵⁴. Русское право и мусульманское не меняются под взаимным воздействием, но область применения русского права расширяется.

Колониальная политика, направленная на культурную ассимиляцию местного населения, проводилась до сих пор в целом достаточно осторожно, чтобы избежать негативной реакции. Важным местом применения этой политики являются школы.

*Русско-туземные школы
и мусульманские школы нового метода*

Мы не знаем точно, сколько русских в Ташкенте могло говорить на местном языке, определенно они исчислялись не сотнями. Среди местных, однако, есть люди, которые ежедневно работают с европейцами и понимают по-русски: работающие в домах нового города, плотники и каменщики, строящие дома, некоторые продавцы на базарах, ремесленники, рабочие под началом русских и т.д.⁵⁵ Есть говорящие по-русски среди туземных чиновников городской администрации. Коммерсанты и образованные люди (чаще всего татары) способны свободно общаться на русском. Перепись конца XIX века показывает, что более тысячи азиатов в Ташкенте могли читать по-русски⁵⁶. Это довольно высокая цифра, которая, без сомнения, росла в последующие годы.

С самого начала имперского правления перед губернаторами стояла задача ввести изучение русского языка и русской правовой системы, а также осовременить обучение в мусульманских школах, консервативное до крайности. Первые предложения на эту тему поступили губернатору от некоего Саида Азим-бая. Этот кандидат в реформаторы был купцом, начинал торговать с Россией еще во времена ханов и продолжил свое обогащение впоследствии. Он имел дом в новом городе, построенный частично в западном стиле, много путешествовал по делам и выучил русский, был переводчиком. Русские считали, что он пользуется большим влиянием среди местного населения, поэтому оказывали ему почести и посещали его дом. Сарты относились к нему с почтением за его хорошие отношения с русскими чиновниками, но похоже, что в то же время его и ненавидели; ходили слухи, что, если русские уйдут, Саид Азим-бай долго не проживет.

Проект Азим-бая не был реализован, возможно потому, что губернатор полагал нецелесообразным вмешиваться в деятельность мусульманских школ. Какое-то время спустя, в середине XIX века, в доме одного из сыновей Азим-бая открылась начальная русско-туземная школа. Хозяин дома, который знал русский язык и русские обычаи, отвел под школу комнату в восточной части строения, где не было парт и кафедры, а мальчики, по своему обычаю, сидели на ковриках. Преподавание было доверено Владимиру Петровичу На-

ливкину, который жил несколько лет в туземной ферганской деревне и был среди русских, вероятно, лучшим знатоком сартского языка и обычаев⁵⁷.

Организация школы демонстрировала добрую волю к сотрудничеству между русскими властями и влиятельными мусульманами города, что постоянно подчеркивалось на церемонии открытия. На торжественном открытии присутствовали значимые городские фигуры — от городского головы полковника Путинцева до директора русской мужской гимназии Остроумова. Отобранных учеников было всего тридцать девять, они пришли в сопровождении родителей — богатых купцов, казиев, аксакалов и депутатов Городской думы. Власти объясняли, что эти юноши будут изучать русский язык и исламскую религию; кто-то в пылу риторики восхвалял ассимиляцию в имперскую культуру; другие видели в детях будущих чиновников краевой администрации. Иной подход был и невозможен со стороны таких чиновников, как Путинцев, автор проекта прокладки центральных улиц в старом городе, и тем более со стороны Остроумова, который обучался в Казанской церковной академии, готовясь стать миссионером антиисламской пропаганды⁵⁸.

Необходимость «модернизировать», приблизить к русским и обучить мусульманских юношей стала теперь общим местом официального дискурса. Но очень скоро начались и официальные жалобы по поводу недостаточного отклика со стороны мусульман на русские инициативы. Спустя год с небольшим после начала работы Наливкин провел инспекцию восьми школ, открывшихся в Сырдарьинском районе, и вернулся глубоко разочарованный тем незначительным интересом, который проявляло местное население. Сходные с Наливкиным выводы делаются в конце 1891 года в циркуляре за подписью губернатора, генерала барона Вревского. В документе говорилось, что школы показывают очень слабые результаты, мусульманские ученики не занимаются, цена обучения слишком высока.

Неудовольствие результатами, очевидно, было все-таки не столь велико, чтобы заставить русские власти отказаться от оптимизма, о чем свидетельствует приказ вести всю административную документацию на русском языке. Мусульманские чиновники и казии оказались в нелепой ситуации, будучи вынуждены искать помощников для перевода документов на русский, но не будучи в состоянии контролировать перевод, сделанный людьми, знающими русский, и, следовательно, не пользующимися большим доверием в их глазах. В следующем году, 1892-м, холерный бунт продемонстрировал русским невысокую популярность их попыток модернизации. Исполнение приказа об использовании русского языка было, таким образом, вначале отложено, а затем вся эта история забыта. Русско-туземные школы продолжали функционировать, преподавание в них велось кое-как, они были постоянным объектом жалоб.

Неуспех школ объяснялся отношением мусульманского населения. Мальчики поступали в школу не потому, что родители были уверены в пользе этого дела, а потому, что их заставляли. Аксакалы и другие мусульманские чиновники администрации обращались к уважаемым персонам, чтобы те послали хотя бы одного ребенка в русско-туземную школу. Те, из почтения перед администрацией и русскими, посылали подставного ребенка, мальчика из бедной семьи, за которого платили, чтобы заменить им собственного. Находились и те, что считали полезным знание русского языка, но предпочитали обучать детей частным образом на дому, чтобы об этом не знали окружающие. Приближенность к русским по-разному оценивалась внутри мусульманского общества: некоторые этим гордились, другие относились с осторожностью, опасаясь неодобрения, третьи считали признаком морального разложения.

Несмотря на общее недоверие, со временем школам удалось привлечь вполне внушительное количество учеников: на пороге Первой мировой войны в Сырдарьинском районе насчитывалось более 3000 учеников в пятидесяти шести школах, одиннадцать из которых находились в Ташкенте. Можно подсчитать, что около 2% юношей района учились в русско-туземных школах⁵⁹. Тем не менее тот факт, что несколько тысяч человек уже прошли через эти школы, не оставил заметных следов в государственном аппарате. Очень немногие мусульманские чиновники знают русский, и похоже, что на весь Туркестан есть только один казий с хорошим знанием русского, да и тот живет не в Ташкенте. Двадцать пять лет спустя после открытия первой школы Наливкин подведет итоги этой попытки сформировать русскоговорящую элиту, весьма далекие от триумфальных: школы, скажет он, послужили только тому, чтобы обучить русскому несколько сотен купеческих детей⁶⁰.

Большинство мальчиков в Ташкенте учатся традиционным способом, в мактабах. В этих школах, обычно организованных при мечетях с учителями имамами, ученики учатся в первую очередь быть хорошими мусульманами. В мактабах учатся читать по-арабски суры Корана, заучивая их наизусть, тренируются записывать их и оттачивают свою каллиграфию, постигают основные правила поведения мусульманина по персидскому тексту. Но мальчики не обучаются ни этим языкам, ни русскому и обычно не умеют писать даже на собственном языке. В высших школах, медресе, в центре обучения находится религия, там учат также арабский, персидский, тюркские языки; помимо теологии, арабской философии, исламского права изучают математику и начала истории и географии. Это основные черты образования, которое дают в большинстве школ, где обучают принципам поведения в повседневной жизни, ожидающей учеников за дверями школы, и следуют традиции как главной защите от разрушения обычаев, вызванного соприкосновением с миром русских.

Не вся исламская культура, однако, столь консервативна. Реформистская тенденция распространялась в начале XX века по сети школ, которая охватила уже к тому времени все основные городские центры края. Ее основными пропагандистами были татарские улемы (доктора права). Татарские интеллектуалы утверждали, что для придания новой силы исламской культуре необходимо развивать ее в размышлениях о собственных основаниях и в чтении священных текстов, но также и обновлять ее через сравнение с европейской культурой, которая произвела передовые технологии и достигла большего уровня экономического развития⁶¹.

Поначалу занятия в школах вели образованные татары из других районов, избегая того, чтобы об этом узнали русские власти. Затем Мунаввар Кари Абдурашидов, уроженец Ташкента, основал в городе первую школу «нового метода». Школа была открыта в 1900 году в европейских кварталах: очевидно, русские предпочли приветствовать эту инициативу — вместо того, чтобы запрещать ее, они хотели ее как-то контролировать. Джадиды, сторонники нового метода, соглашались на компромисс, в том числе и потому, что в старом городе столкнулись бы с куда более жестким противостоянием консервативных улемов⁶².

Затем реформаторское движение разрослось и приняло более четкие политические очертания. Это был период мятежей в России, потом произошла революция 1905 года и была создана Дума. Отзвуки беспорядков в империи докатились и до колонии. В это же время Россия потерпела поражение в войне с Японией, восточной державой, потом случилась конституционная революция в Персии в 1906—1909 годах и успех националистической революции младотурков в Константинополе в 1908 году. Эти события создавали новый политический климат среди мусульман всей Российской империи. Пантюркские и панисламистские идеалы, а также реформистский подход джадидов приобрели новую силу и в Туркестане.

В Ташкенте на пороге Первой мировой войны было 15 реформаторских школ, где обучалось более 1200 учеников. Это надо рассматривать как несомненный успех джадидов, даже если число учеников в традиционных школах было в семь раз выше. Аналогичная ситуация наблюдается и в других городах края: во всем Туркестане реформаторских школ насчитывалось около 90⁶³. Русские власти начинают беспокоиться распространением движения, опасаются пантюркизма — мактабы и медресе подпадают под контроль, татарских учителей отстраняют⁶⁴. Консервативными мусульманами реформизм тоже воспринимается враждебно. В Бухаре, оплоте консерватизма, джадиды считались крамольниками, их школы вынужденно закрывались.

Русская администрация, похоже, склоняется к тому, что лучший способ сохранить стабильность колониальной власти — договор о

мирном сосуществовании с консервативной частью исламской элиты, которая готова не ставить под вопрос русское присутствие и подчинение империи, пока русские не вмешиваются чрезмерно во внутреннюю жизнь мусульманского мира. В надежде сломать этот консервативный пакт джадиды ищут контактов среди русских и находят их в прогрессистских кругах критиков царизма. Так случилось, например, что Мюневер Кари поддерживает хорошие отношения с Наливкиным, который вначале был очень критично настроен по отношению к реформаторским медресе, но теперь ценит в них реформаторский подход. Наливкин социалист, и как таковой был избран депутатом второй Думы. Мы встретим обоих позже, в 1917 году: Наливкин займет главенствующую политическую позицию — должность председателя комитета Временного правительства в Туркестане⁶⁵. Мунаввар Кари станет одним из главных лидеров джадидов, когда те выступят поборниками мусульманского движения в ситуации демократических преобразований империи⁶⁶.

1917 год, однако, еще далеко. Сейчас нам следует покинуть Ташкент, чтобы изучить ситуацию в колонии.

2. Колония

Исследование Ташкента оказалось полезным — мы обнаружили в городе два сообщества, дистанцированные друг от друга разностью культур и образа жизни. Различие не помешало тем не менее выстраиванию экономических отношений, разделу некоторых сфер власти и ослаблению взаимного недоверия. Разумеется, ситуация еще не позволяет русским пребывать в полном спокойствии, старый город все еще непроницаем и непостижим. Комплекс равновесий, на котором покоится весь колониальный режим в целом, как мы убедимся, оказывается еще более сложным и хрупким, чем это проявляется в Ташкенте. Столица остается одним из пунктов наблюдения, наиболее важным для изучения связей между тем, что происходит в политических инстанциях и, наоборот, на площадях с их демонстрациями и стычками. Мы же обратимся к другим городам, с менее насыщенным русским присутствием. Исключая Верный и Скобелев, гарнизонные города, где местное население составляет меньшинство, в прочих городах русских обычно проживает несколько тысяч в соседстве с многократно превосходящим их численностью мусульманским населением⁶⁷. Русские есть и в других местах, по большей части это крестьяне, которых можно встретить в основном на территориях, традиционно принадлежащих кочевникам.

Чтобы изучить эти ситуации и обнаружить существующие связи между иммигрантами и местным населением, обратимся к двум регионам. Первый из них Фергана, место средоточия основных интересов колониальной экономики, а соответственно и место столкновения влиятельных кругов иммиграции и местного населения. Второй — Семиречье, основная зона иммиграции казаков и колонистов европейской части России, главный источник зерна, а также территория конфликтов с кочевыми племенами.

Начнем с Ферганы. Не стоит забывать, что мы находимся на пороге Первой мировой войны.

Хлопковая экономика

Богатство Туркестана — хлопок, и вокруг его производства и торговли сконцентрировались мощные интересы, привязывающие колонию к метрополии. Главную роль в хлопковой экономике играет

текстильная промышленность Москвы и Петрограда, способствовавшая развитию плантаций с первых дней аннексии. При этой поддержке в колонии появляется американский хлопок, который ценился выше того, что традиционно производился в Средней Азии. Первые плантации возникли в Ташкентском уезде уже год спустя после взятия города, когда еще шла война и под русским контролем находилась пока еще очень небольшая часть Туркестана⁶⁸.

Новые плантации рассматривались русскими как хороший источник прибыли. В хлопковый бизнес бросались многие: коммерсанты, чиновники, офицеры — все, кто мог вложить собственные средства или привлечь кредиты. Большинство, однако, не имели никакого опыта и, более того, нуждаясь в местной рабочей силе, не говорили ни на одном туземном языке и не могли договариваться с членами чуждого им общества. Поэтому первые попытки были провальными⁶⁹.

Этот неуспех привел к перераспределению ролей между русскими и их местными партнерами по хлопковому бизнесу. Русские отошли от прямого управления производством и ограничились приобретением хлопка у посредников, которые соединяли русских коммерсантов с местными производителями. Посредники — местные, которые живут в деревнях и лично знают тех, кто выращивает хлопок. Они приобретают хлопок, часто сами очищают его на собственных маленьких фабриках и продают коммерческим предприятиям.

Численность туземных крестьянских производств хлопка с годами выросла, но они не достигли той степени благосостояния, которая позволила бы им добиться самостоятельности. Крестьяне-мусульмане постоянно прибегали к кредитам, чтобы покрывать амортизационные расходы и вкладываться в выращивание хлопка. Посредники обеспечивали необходимые средства, обычно предлагая авансы, оплачивающие еще не собранный хлопок⁷⁰. Другие кредиты поступали посредникам от банков и русских коммерческих структур. Часто деньги проходили через несколько рук, и крестьяне — их конечные получатели — платили очень высокие проценты⁷¹.

Большой интерес к производству хлопка стимулировал быстрое расширение посадок. В 1902 году площадь плантаций составляла 195 000 десятин, в 1912-м она выросла до 385 000 десятин, а в 1915-м до 524 000, составив около 16% всей возделываемой земли Туркестана. Выработанный хлопок, за исключением небольшой части, предназначенной для местного потребления, отправлялся в Россию: 6 миллионов пудов в 1902 году и до 14 миллионов к 1912-му⁷². Туркестанская выработка хлопка заняла таким образом, центральное место в экономике империи: в 1900 году она обеспечивала 33% хлопка, используемого русской текстильной промышленностью, а в 1910-ом — уже 43%⁷³.

Коканд, торговля хлопком

Рост площади, засеваемой хлопком, отнимал, однако, землю и рабочие руки от сельского хозяйства, производившего продукты питания. Туркестан стал импортировать зерно из России: в 1907 году импорт нетто составлял 4 миллиона пудов (при производстве в 111 миллионов)⁷⁴, в 1914-м уже вырос до 12,6 миллиона пудов⁷⁵.

Частично зависимость от импорта зерна была обусловлена сложностями с транспортировкой внутри края. Внешний рынок для Туркестана оказался более доступным и удобным, чем удаленные от железной дороги районы края. Таким образом получалось, что избытки зерна с Сырдарьи отправлялись на север по оренбургской железной дороге в то время, как Фергана и Закаспий импортировали зерно по Центральной азиатской железной дороге. Кроме того, Семиречье, отрезанное от железнодорожных линий, могло обеспечивать рынки Туркестана в очень небольшом объеме и по высоким ценам. Так изоляция района ограничивает сами возможности аграрного развития и делает экономически нецелесообразным рост колонизации. Прокладка железной дороги в Семиречье была начата, но работы займут еще много времени (они останутся в начале войны и возобновятся только во второй половине 1920-х годов).

Производство специализируется: Фергана выбирает хлопок, Семиречье – зерно. Не было бы никаких проблем, если бы рынок обеспечивал адекватное распространение зерна по регионам. Выходит, однако, что в районах, производящих хлопок, низкий уровень потребления зерна из-за трудностей доставки и низкой покупательной способности мусульманского населения.

Относительная бедность местных крестьян не представляет большой проблемы для колониального режима. Для режима важны две вещи: первое — способность посредников контролировать производителей и их готовность сотрудничать с режимом, второе — чтобы спрос на хлопок был относительно стабилен или рос, а цены оставались приемлемыми. Оба этих условия, кажется, пока выполняются.

Русским удалось включить экономику Ферганы в экономику империи, создать там новую элиту, готовую сотрудничать. Отличная от этой ситуация наблюдается в других регионах, где превалирует кочевое население: здесь колониальная политика сталкивается с большими трудностями из-за социальных конфликтов, вызванных колонизацией. В этих регионах земля и вода, находящиеся во владении племен, представляют вожаделенное сокровище для русских колонистов, которые с годами становятся все более многочисленными и агрессивными.

Русская крестьянская иммиграция

С самого начала среднеазиатской экспансии русское правительство поощряло крестьянскую иммиграцию во вновь завоеванные регионы, особенно в зоны кочевников, где можно было осваивать ничейные плодородные земли. Колонизация рассматривалась как необходимый инструмент для достижения стабильности и безопасности колонии: она позволяла избежать ситуации, когда русское присутствие сосредоточено в городах и потому уязвимо в случае мусульманских мятежей; создавала зоны немусульманского населения, лояльного администрации и способного обеспечить собственной сельской продукцией армию и гражданское население городов; ослабляла экономику пастухов и угрожала власти и автономии кочевых племен, открывая дорогу к дальнейшему своему продвижению.

Более половины русской иммиграции в Туркестане обосновалось за пределами городов. По сравнению с другими категориями русских иммигрантов (торговцы, деловые люди, бюрократы и даже рабочие) колонисты были менее защищены в случае конфликтов с местным населением. Их деревни выглядели небольшими русскими островками среди многократно превосходящего численностью кочевого населения, у которого они отбирали землю.

Иммиграция в Семиречье (речь пойдет в основном об этом районе, где концентрируется ббольшая часть колонистов) началась в 1940-е годы, когда военное присутствие империи еще не было столь определенным. Тогда несколько сотен семей сибирских казаков добровольно перебрались на пограничные с Китаем территории, привлеченные плодородными землями и правительственными льготами (им разрешалось не служить в армии и в течение нескольких лет не платить налоги)⁷⁶.

В 1854 году в Верном (ныне Алматы) разместился военный гарнизон, вслед за этим происходит усиление казачьего присутствия. За рождается казачье войско Семиречья, не зависимое от сибирского и под командованием генерал-губернатора Туркестана. Казаки начали основывать собственные станицы — как вокруг Верного, так и в других районах. Затем стали прибывать колонисты из европейской части России. Вторая волна иммиграции набрала силу к 1870-м годам, большой всплеск дал неурожай 1891–1892 годов, подвигший многих крестьян перебраться на азиатские плодородные земли.

Администрация Туркестана, которая должна была находить земли и проводить работы по ирригации, довольно скоро была вынуждена замедлить этот поток мигрантов, чтобы успевать подготавливать место для колонистов, не оказывая чрезмерного давления на кочевников. Центральные власти прислушались к пожеланиям администрации, и уже в 1896 году Министерство внутренних дел решило закрыть Семиречье для иммиграции. Несмотря на запрет, иммиграция продолжалась стихийно, не регулируемая государством и без всякой помощи с его стороны.

В 1904 году из-за нехватки земли в европейских регионах России и крестьянских волнений центральное правительство решилось либерализовать иммиграцию в Среднюю Азию. Местные власти, уже давно пытавшиеся чинить препятствия стихийной иммиграции, продолжали некоторое время тормозить проникновение колонистов. Создавался очевидный конфликт между колонистами, пользовавшимися поддержкой русского правительства, и властями Семиречья⁷⁷. Спротивление, впрочем, было бесполезным. В 1907 году создается колониальная администрация Семиречья для занятия обустройством колонистов. Число стихийно прибывавших крестьян очень велико: если в 1902 году речь шла о 16 000 семей, в 1905-ом — о 23 000, то в 1908 году их прибыло уже 30 000⁷⁸. Администрация занималась их поселением с 1907 по 1910 год⁷⁹.

Между тем иммиграция набирала обороты. Новый поток возник в результате столыпинских аграрных реформ. Сам идеолог реформ был вынужден признать существование больших проблем в организации поселения новых колонистов. Столыпин подсчитал, что в Средней Азии требуется 57 миллионов десятин⁸⁰ земли для колонистов, а в наличии имеется всего 10⁸¹. Несмотря на это, нужды центра возобладали над местными. Давление русской иммиграции в крае еще более усилилось. Между 1904 и 1914 годами в Семиречье прибывало около 20 000 новых поселенцев в год. Русское население земель Семиречья, которое в 1897 году насчитывало 67 000 человек, выросло в 1907 до 107 000, в 1911 — до 154 000 и в 1914 — до 255 000. Три четверти всех крестьян, иммигрировавших в Туркестан, осели в этом районе. Около 66 000 колонистов обосновались в области Сырдарьи, на землях вокруг Ташкента и дальше на север, в районе Аулие-Ата;

14 000 отправились в Фергану, больше всего в восточную часть долины; несколько тысяч поселились в других районах⁸².

Иммиграция носила, таким образом, массовый характер, длилась в течение нескольких лет, и ее основным пунктом назначения был один район Туркестана. Разворачиваясь таким образом, колонизация не могла не сталкиваться с трудностями в подготовке земель и не могла не провоцировать конфликтов. Между 1907 годом (когда администрация занялась поселением стихийных колонистов) и началом Первой мировой войны проблемы стремительно накапливались. Росло напряжение внутри русской иммигрантской общины и еще больше — между русскими и кочевниками.

На эти же годы пришелся пик массовой колонизации Степного края (нынешний Казахстан), где обитали кочевые казахи и киргизы. В этот район иммигрировало 234 000 крестьян между 1896 и 1905 годами и целых 883 000 — между 1906 и 1915-м. Таким образом, ситуация конфликта между колонистами и кочевниками сложилась также и в прилегающей к Туркестану зоне⁸³.

Семиречье остается в центре нашего наблюдения, рассмотрим же подробнее, как влияла массированная колонизация на саму русскую общину.

Казаки и колонисты

В 1914 году крестьяне, иммигрировавшие в Семиречье, делились на четыре группы, соответственно времени и обстоятельствам своего поселения в регионе: казаки (21%); крестьяне старой волны иммиграции (28%); колонисты, прибывшие стихийно, а затем размещенные колониальной администрацией (42%); колонисты, еще не обеспеченные землей (9%). Размеры территорий, находящихся в распоряжении этих четыре групп колонистов, далеко не пропорциональны. Казаки располагают приблизительно 30 десятинами земли на человека; хоть с годами между самими казаками и намечилось неравенство, они безусловно богаче всех других иммигрантов⁸⁴.

Крестьяне старой волны иммиграции получили в самом начале колонизации по 30 десятин земли, которые, впрочем, были быстро сокращены до 10 (по закону 1883 года). В начале XX века их земля была урезана еще больше: в 1908 году на человека приходилось около 8 десятин⁸⁵. Те, кто прибывал позже, получали еще меньшие наделы.

Казаки обычно сдавали землю другим русским, а также кочевникам, которые выбирали оседлый образ жизни; опоздавшие к разделу земли колонисты также бывали вынуждены арендовать землю — как у казаков, так и у кочевых племен. Среди прибывших последними многие, не имея денег или возможности получить кредит на аренду земли, поступали батраками к казакам или старым колонистам⁸⁶. Бы-

ли также колонисты, которые в ожидании земли оседали в городах на разных временных работах.

Крестьяне не практикуют смену культур, сеются преимущественно зерновые, и после снятия урожая поля стоят пустые. Значит, требуются земельные резервы, но только у казаков и первых колонистов они есть в изобилии. Разница в объемах засеваемой площади, а также в урожайности вызвана тем, что колонисты, прибывшие первыми, заполучали самые плодородные участки, а также пользовались большей поддержкой государства в проведении ирригационных работ, в то время как прибывшие в последние годы не имели этих льготных условий, многие не успевали еще приспособиться к местным особенностям жизни и работы⁸⁷.

В хорошие годы, как в 1914-й, урожай тем не менее достаточен для того, чтобы обеспечить хлебом все районы Семиречья и даже поставлять зерно в другие области Туркестана и Степного края. В годы, когда засуха или заморозки вредят урожаю, многие деревни оказываются неспособны сами обеспечить собственные потребности в пище. Например, в 1911 году урожай у казаков упал ниже нормы потребления в одном из шести уездов района, а урожай у колонистов — в пяти из шести уездов⁸⁸. Атмосферные колебания в особенности сказываются на урожае у новых колонистов, поскольку только одна треть их полей искусственно орошается⁸⁹.

В целом Семиречье не является процветающим районом, как это провозглашает в пропагандистских листовках администрация; есть плодородные земли и хорошие условия для животноводства, но одновременно с этим многие колонисты находятся в состоянии, близком к голоду. Ситуация складывается таким образом, что и наиболее обеспеченные колонисты, и наиболее обездоленные заинтересованы в увеличении своих земель. В 1914 году казаки добились одобрения закона, предписывающего восстановить традиционную норму в 30 десятин на человека и приписать новые земли к их поселениям и войску⁹⁰. Последние прибывшие колонисты также прикладывали усилия к получению земли, чтобы выйти из своего полуголодного состояния. Между этими двумя группами вырисовывается, таким образом, конфликт интересов, который станет более явным в случае сокращения ресурса доступной земли или, иными словами, если не будет расти давление на кочевников.

Русские и земли кочевников

Иммигранты стали источником конфликтов с местным населением уже в первые годы завоевания. Русские захватывали неводеланные земли, которые администрация полагала свободными и, следовательно, пригодными для колонистов. Прибыли также таранчи и дунганы из Китая: между 1886 и 1907 годами 84 000 из них получили

землю от администрации, такую же помощь правительства, как та, что оказывалась русским, и построили свои поселения по соседству с русскими колонистами⁹¹. Площадь возделываемой земли постоянно росла, и кочевники начинали испытывать проблемы с перемещением табунов по привычным маршрутам, с пастбищами и водопоями. Спрос на землю вырос настолько, что скоро свободной территории просто не осталось. В 1908 году граф Пален, проведя по приказанию центрального правительства инспекцию всего Туркестана, докладывал, что около 30 000 киргизов были вынуждены переместиться, чтобы освободить земли для колонистов⁹². Речь шла уже не об экспроприации пастбищ, как это происходило раньше, а о землях, где киргизы имели постоянные поселения.

Почти все туземное население Семиречья (киргизы и казахи), а также небольшая группа иммигрировавших из Китая калмыков — кочевники или полукочевники. Общая численность их превышает 800 000⁹³. У них есть зимовки — где зимует скот, а часть кочевников живет круглый год, занимаясь сельским хозяйством и заготавливая корм на зиму. В те годы, когда из-за мороза происходит падеж скота, самые слабые племена вынуждены ограничивать кочевой образ жизни, растет число постоянных поселенцев на зимовках. Это состояние полукочевничества (или временного отказа от кочевничества) становится более распространенным с началом заселения колонистов. Русские занимали землю кочевых пастухов и фактически вынуждали часть из них превращаться в оседлых крестьян⁹⁴.

Отказ от кочевого образа жизни, признак обнищания и кризиса, воспринимался русскими как положительное явление. Русские враждебно относятся к кочевничеству, которое ограничивает их свободное расселение, и видят в повороте кочевников к оседлости путь к более выгодному перераспределению земли. Кроме того, оседлость ослабляет внутривременные связи, так как власть и богатство доминирующих семейств племен (дзакшиляры) держатся на контроле за пастбищами и табунами⁹⁵.

На основании российского закона 1891 года земли, традиционно принадлежавшие кочевым племенам, становились собственностью государства, но кочевники могли продолжать пользоваться ими по мере необходимости; земли же, которые, по оценке администрации, были избыточными, могли распределяться между иммигрантами и кочевниками, выбравшими оседлый образ жизни. Чтобы поощрить поселение кочевников, закон гарантировал им передачу во владение земли — для зимовки, для обитания и возделывания⁹⁶. Этот закон ни разу не подвергался изменениям, несмотря на то, что в действительности оценки администрации все менее учитывали нужды племен и все более — растущие требования колонистов. Реквизиция киргизских земель, о чем доносил Пален, была как раз признаком этой меняющейся политики.

После 1905 года Петербург всеми силами старался поощрять крестьянскую миграцию в Среднюю Азию. Чтобы иметь право совершать реквизицию земель, русские утверждали, что кочевники заявляют несуществующие права, а также владеют землей в избытке.

В официальном отчете колониальной администрации, датированном 1908 годом, мы читаем, что кочевники постоянно организуют новые зимовки с единственной целью предупредить реквизицию земель⁹⁷. Согласно властям, речь шла о злоупотреблениях. Поэтому земли реквизировались и заселялись другими колонистами.

В 1909 году Совет министров в Петербурге решил ускорить оседание кочевников, чтобы открыть новые пространства для колонизации, и постановил, что киргизы, желающие осесть, получают такие же права на землю, как и русские⁹⁸. Непохоже, однако, чтобы эти меры возымели какой-то эффект — киргизы, очевидно, не стремились отказываться от кочевого образа жизни⁹⁹.

Большинство киргизских семей занималось также и сельским хозяйством, но не более одной их пятой могло быть отнесено к ведущим оседлым образам жизни¹⁰⁰. Площадь возделываемой ими земли выросла с 206 тысяч десятин в 1901 году до 360 тысяч в 1910-м. В последующие годы роста уже не было, хотя декрет 1909 года должен был бы его обеспечить; в 1913 году площадь принадлежавшей им пахотной земли, напротив, уменьшилась до 342 тысяч десятин¹⁰¹. Перед началом войны киргизам принадлежало чуть более половины всей пахотной земли Семиречья, но в основном это были очень небольшие наделы, возделываемые бедными семействами, ведущими полукочевой образ жизни¹⁰².

Острая нужда русских крестьян в земле, таким образом, нанесла урон кочевникам, но не привела к существенному росту оседлости среди киргизов. Борьба за землю между русскими и мусульманами затрагивает также и вопросы сдачи земли в аренду. Действительно, обычно русские деревни возделывали не только землю, выделенную им государством, но и те наделы, что брались в аренду у кочевников. Колонисты за эти поля платили очень низкую цену, но для кочевников это было важным и необходимым источником дохода, в том числе для уплаты налогов. Отношения аренды, однако, нарушились с того момента, когда администрация принялась обустривать стихийных колонистов: кочевники, предлагая собственные поля в аренду, по сути, заявляли об излишках земли, тем самым рискуя подпасть под экспроприацию. Кроме того, в ситуации растущей нехватки земли колонисты зачастую завладевали наделами, которые изначально были взяты ими в аренду. Массовые поселения колонистов вызвали изменение в настроениях кочевников: многие из них сегодня по взаимной договоренности не сдают землю колонистам и вообще куда менее готовы к сотрудничеству с русскими. Многие также не готовы за деньги пускать скот на свои пастбища, что раньше делали¹⁰³.

Мы видим, что в последние годы перед войной давление на кочевников стало гораздо сильнее, чем прежде. Администрация провоцирует кризис пастушеской экономики, не предлагая кочевникам никаких реальных альтернатив.

Прежде чем погрузиться в историю кризиса колониальной системы, нам нужно получить больше информации. Необходимо, например, понять, как работает краевая администрация, выступая в качестве представительской и посреднической инстанции, блюдущей общественные интересы. Вскоре нам придется заняться изучением социальных конфликтов, возникших вследствие невнимательности колониальной политики к посредничеству и затем развившихся с падением колониальных институций.

*Представители местного населения
в русской администрации*

Выстраивание колониального управления во второй половине XIX века проходило с ущербом для туземного общества и требовало серьезного вмешательства со стороны русских. Ослабление традиционных элит достигалось прежде всего силой оружия, завоеванием территорий и вытеснением из власти ханов и беков; затем под прицел попали материальные интересы мусульманских властных группировок. Для решения второй цели русские вмешались в аграрные отношения, проведя невыгодную для мусульманской элиты реформу земельной собственности, которая предусматривала отчуждение милька (земли, дарованной ханом аристократам и чиновникам) и передачу его крестьянам, занятым на его обработке. Одновременно с этим русские власти уменьшали материальную базу исламских институций, вводя новый регламент на земли вакфа. Эти земли были в собственности мусульманских благотворительных организаций, и формировались они путем частных пожертвований. Часть вакфов находилась непосредственно в распоряжении этих организаций, а часть оставалась у частных собственников, обязанных отдавать организации налог с дохода со своей земли. Русские отобрали долю с этих налогов, конфисковали несколько крупных вакфов и постановили, что образование новых может происходить только в исключительных случаях и только с одобрения генерал-губернатора края. Таким образом, и аристократия с ханским чиновничеством, и мусульманские институции были ограничены в богатстве и могуществе¹⁰⁴.

Русская политика наталкивалась на сопротивление и открытое неповиновение. Обычно мятежами руководили ишаны тарика суфи (духовные лидеры исламских братств), которые имели поддержку аристократов, административной и военной иерархии бывшего Кокандского ханства, городских ремесленников, обедневших в ре-

зультате конкуренции своих изделий с русскими товарами, крестьян и кочевников, павших жертвой русских экспроприаций. Самым крупным стал мятеж в Андижане 1898 года. По сути, причиной беспорядков стало падение мировых цен на хлопок и, как следствие, сокращение в 1896–1898 годах засеиваемых хлопком земель¹⁰⁵. Короткого периода отрицательной конъюнктуры оказалось достаточно, чтобы разрушить все выстроенные вокруг хлопковой экономики отношения и достигнутые компромиссы, чтобы на грани взрыва оказались все конфликты, порожденные политикой маргинализации традиционных элит. Затем, в особенности начиная с 1903 года, цены опять пошли вверх, и выращивание хлопка стало стремительно развиваться. Локальные конфликты продолжались, провоцируемые отодвинутыми от хлопка группировками, происходили и бандитские нападения на русских, но ширококомасштабных народных беспорядков больше не было.

Установление колониального режима опиралось на создание администрации, с определенными структурой и функциями, которая была в состоянии задействовать представителей как иммиграции, так и местного населения. Формально говоря, любая другая власть была отменена.

Новая иерархия базируется на двух основных критериях – территориальность и выборность. Территориальная администрация отражает социальную организацию оседлого населения, но плохо адаптирована для кочевого образа жизни; выборность – создание института представительства посредством процедуры, чуждой для успешно существовавших в местном обществе властных отношений. Администрация, которая по своей природе не является порождением местного общества и существенно изменяет властную конфигурацию, нацелена, в действительности, не на адаптацию к существующим порядкам, а на облегчение тех изменений в обществе, которые работают на укрепление колониального режима.

Как в кочевых районах, так и в оседлых главой администрации становится русский чиновник, назначаемый генерал-губернатором. К этому чиновнику, обычно военному, обращаются представители местного населения. Таким образом, нижние уровни администрации являются основной инстанцией политического сообщения между колониальным режимом и местным населением¹⁰⁶.

Администрация формируется на уровне волости, наименьшей территориальной единицы, волости образуют уезды, уезды – области. Представители оседлого населения выбираются на уровне деревень (аксакалы) и волостей и утверждаются в должности русским начальником уезда. Система, созданная русскими, на локальном уровне формально не слишком отличалась от традиционной: еще до появления русских уважаемые жители деревень выбирали своих аксакалов, которые затем утверждались местным беком. На практике начальник

uezда заменил собой бека, вытеснив таким образом верхнюю ступень традиционной иерархии и подчинив аксакалов новой русской иерархии. Такая же система была введена для назначения казиев (исламских судей)¹⁰⁷.

Кочевникам русская администрация навязывает номинацию представителей согласно местам постоянного поселения, зимовкам, а не на базе их племенной структуры, территориальные границы которой не могут быть жестко определены, а племенные границы меняются в зависимости от межплеменных союзов. Явной задачей русских и в этом случае является ослабление внутриобщественных отношений и вытеснение племенных вождей из власти¹⁰⁸.

Традиционная организация кочевников имеет в качестве базовой единицы кибитку (повозку, на которой перемещалась одна семья); около 200 кибиток образовывали аул (кочевую группу); альянс нескольких аулов, построенный на кровных отношениях (реальных или предполагаемых), составлял племя. Администрация, навязанная русскими, тоже оперирует тремя уровнями — кибитка, аул, волость. На высшем уровне тем самым волость подменяет собой племя. Поскольку во власти начальника уезда находится приписка тех или иных кибиток к волостям, часто выходит так, что административные единицы уровня волости или аула формируются из семей разных племенных сегментов. Выборность на базе определенных территориальных округов приводит в результате к тому, что представители кочевников не имеют ничего общего с вождями племен и обладают властью как посредники с русской администрацией.

Под контролем начальника уезда каждые три года проходят выборы глав аулов; главы аулов затем собираются для выборов глав волостей. По случаю выборов разные племенные фракции (или партии) внутри одной волости оказываются соперниками. Обычно образуются два или три блока, борющихся за контроль над избирателями. В погоне за большинством семейства утверждают свое превосходство, обычно прибегая к покупке добровольного отказа противника от состязания (что русские рассматривают как коррупцию), к предвыборным махинациям (фальсификации списков избирателей, имеющих право голоса), даже к силе, запугивая соперника (кража скота, похищение женщин, взятие в заложники и другие виды насилия)¹⁰⁹.

Острота конфликта между фракциями демонстрирует, насколько желанной была должность главы волости. Выбранный кандидат, получив необходимое утверждение в должности от начальника уезда, приобретал большую власть: он вел переговоры с русскими по вопросам использования земель, воды, по поводу поселения колонистов, он отвечал за сбор налогов, которые кочевники должны уплачивать администрации.

Для русских итог первых пятидесяти лет царской колониальной политики, без сомнения, позитивен. Военное управление края не ис-

пытывает ни малейшей угрозы со стороны Бухарского эмирата и Хивинского ханства, которые сохранили автономность, но фактически находятся в подчинении. Нет больше опасных врагов в среде традиционной элиты Кокандского ханства, власть исламской церкви существенно урезана, кризис кочевого уклада идет на пользу колонистам. Администрация смогла добиться глубинной трансформации во властных отношениях внутри оседлого общества, создав «хлопковую» буржуазию и административное туземное представительство. Иными словами, не существует организованного противника, способного оспорить первенство русских в Туркестане.

После того как русские взяли под контроль ситуацию, политическая стабильность и экономическое развитие края находятся в их руках. Никто больше не угрожает колониальному режиму, кроме самих русских. Стабильность колонии упадет, если русские потеряют возможность давать новой туземной элите власть и деньги и действовать силой там, где почему-либо нет иной возможности. В таком случае все еще существующие внутриклановые и внутриплеменные отношения могут вернуть утраченную силу и может возродиться ислам как объединяющая идея для независимости и сопротивления русским.

Эти риски на пороге Первой мировой казались очень далекими. Колониальная администрация не могла предвидеть, что ее политика в отношении местного населения подвергнется резкому изменению во время войны, что ее возможности по привлечению мусульман к сотрудничеству иссякнут, что мусульмане взбунтуются и что саму русскую общину будут раздирать глубокие конфликты.

3. Война, мятежи, этническая чистка и голод

Теперь, представляя себе местность и население, мы можем заняться изучением процесса, приведшего к падению всего колониального порядка. События, давшие толчок к нарушению равновесий, выстраивавшихся на наших глазах, произошли далеко от Туркестана. Именно изменение политики Петрограда во время Первой мировой войны привело к критической ситуации в колонии. Разумеется, правительство не отдавало себе отчета в тяжелых последствиях собственной политики: война сместила все внимание далеко от колонии, и любые соображения относительно локальных интересов и политической выгоды отступали на второй план по сравнению с военными нуждами России.

Попробуем реконструировать динамику падения колониального порядка, которое произошло во время Первой мировой, когда институты Империи были еще вполне в силе. Кризис продолжится в 1917 году, когда крах имперского режима сломает государственные институты, что затронет также и колонию, приведя к дальнейшим конфликтам. В первой фазе кризиса, являющемся объектом рассмотрения в этой главе, мы будем наблюдать мятежи и их подавление, увидим проявляющиеся очертания неурожая, вызванного действиями России. Период это длился около четырех лет и имел чудовищные последствия для населения.

Кризис колониальных отношений созрел на второй год войны, к 1916 году. Именно тогда стали очевидны последствия избыточного давления государства на население Ташкента и чрезмерного высокомерия военной администрации. Начался колониальный кризис, таким образом, до краха империи и до большевистской революции. В 1916 году вся Средняя Азия, аннексированная империей, была охвачена огнем мятежа. Восстало не только городское мусульманское население, взбунтовались кочевники, и в течение нескольких дней была опрокинута колониальная система, на выстраивание которой ушло много лет. Мятежи были жестоко подавлены, но продемонстрировали готовность мусульман к бунту, а также напомнили русским, что те являются меньшинством и могут оказаться в опасности, если мусульманское большинство мобилизуется против них. Русские обнаружили, что колониальная система достаточно хрупка и покорные мусульмане могут мгновенно стать угрозой. Страх, вызванный мяте-

жами, транслировался в резкую перемену курса в отношениях с мусульманским населением: все соглашения и компромиссы были забыты, русские реагировали с жестокой агрессией, что приводило к убийствам и изгнанию кочевников.

Если не осознать, какое чувство страха испытали русские в 1916 году, невозможно понять их безжалостные действия, которые начались летом того же года в форме подавления восстания, дали свои плоды в 1917 году (в качестве поддержки нового революционного и антимусульманского порядка) и продолжались в годы Гражданской войны.

Первые шаги политики войны

Первый толчок к кризису дало петроградское правительство, которое в целях усиления военного финансирования усилило экономическое давление на Туркестан, не отдавая себе отчета в последствиях такой политики для внутреннего равновесия в крае.

Прежде всего правительство увеличило налоги. Фискальные нововведения касались в основном мусульман, что обосновывалось освобождением их от обязательной военной службы. 1 января 1915 года был введен специальный военный налог в размере 21% от дохода¹¹⁰. Кроме того, населению предлагалось делать «добровольные» денежные пожертвования, которые на деле оказались обязательными; были проведены также реквизиции имущества, необходимого армии, — десятки тысяч лошадей и верблюдов, телеги; юрты кочевников государство покупало по навязанным ценам или же брало в долг, но никогда не возвращало.

Введение налогов и реквизиция легли тяжелым бременем на население, но были вполне спокойно приняты местной администрацией и посредниками-мусульманами. Рост оборота денежных средств и товаров, поступающих по каналам коррумпированной администрации, создавал новые возможности для незаконного обогащения: русские и туземные чиновники удерживали процент со всех поступлений от населения или же получали компенсацию за поправки богатым контрибуторам¹¹¹.

Большое влияние на жизненные условия оказывал и резкий рост цен на продукты, сопровождавшийся также недостатком зерна на внутреннем рынке Туркестана. Мы рассмотрим позже подробно причины этих трудностей, но среди прочих есть одна, которую имеет смысл упомянуть сейчас: многие русские крестьяне были призваны в армию в первые два года войны. Мусульман не забирали в армию, так как русские не доверяли им и не хотели их вооружать, но они были обязаны обрабатывать земли солдатских семей¹¹².

В условиях войны ухудшилась экономическая обстановка, и в результате осложнилось существование иммигрантов и местных жи-

телей. Первые признаки ухудшения климата в социальных отношениях проявились в Ташкенте, городе, который вплоть до этого времени был спокойным. Случаи насилия на базаре, не представлявшие ничего особенного, оказались первым шагом на длинном пути эскалации насилия. Полезно изучить в подробностях эти события.

Конец февраля 1916 года. Нехватка товаров на городских базарах, обычная для конца зимы, перед сбором урожая, накладывалась на бремя военных реквизиций. Чтобы сдержать инфляцию, городская администрация ввела твердые цены на некоторые продукты питания. Первые инциденты явно возникли стихийно. Проследим за их развитием.

Однажды русская женщина отправилась утром на базар на Старогоспитальной улице в европейской части города, увидела на прилавке картошку в большом количестве и узнала от продавца-мусульманина, что скоро он ее выставит на продажу, естественно, по ценам, установленным городскими властями. На следующий день, с утра пораньше, эта женщина вернулась, чтобы купить картошку, и обнаружила, что ее нет. Прошли слухи, будто картофель был спрятан на каком-то складе в старом городе. Одновременно с этим другая женщина покупала картошку у другого продавца, но по цене в три раза выше, чем было установлено. Женщина стала протестовать, но ее в грубой форме отправили от прилавка. Собралась толпа женщин, которые принялись громить овощные прилавки. Находившиеся на месте происшествия полицейские (может быть, их было немного) ничего не делали, чтобы остановить погром¹¹³.

К 10 часам утра все прилавки Старогоспитального базара были разгромлены. В течение нескольких часов погромы произошли и на других шести базарах, в том числе и на главном, «Воскресенском» базаре, где были разорены прилавки с овощами и фруктами и некоторые небольшие лавки. На следующий день погромы продолжились на всех базарах¹¹⁴. Погромщики, однако, не осмелились действовать в старом городе, там не было зафиксировано никаких беспорядков. Несколько женщин были арестованы, но собравшаяся толпа угрозами добилась их освобождения¹¹⁵.

Когда погромы закончились, оказалось, что какие-то женщины все-таки были арестованы. В их защиту мобилизовались мужчины: рабочие и железнодорожные служащие провели собрание, на котором заявили о намерении организовать забастовку и идти освобождать своих арестованных жен¹¹⁶. Признаком ухудшения ситуации было то, что некоторые рабочие из цехов Центральной азиатской железной дороги взяли с собой гранаты¹¹⁷. По счастливому стечению обстоятельств, ничего страшного, однако, не произошло.

Как обнаружилось в дальнейшем, существовала реальная опасность широкого распространения насильственных действий, поскольку в начале погромов в них хотели принять участие и фабрич-

ные рабочие. До этого не дошло, так как не все были готовы для этого оставить работу¹¹⁸.

Без сомнения, погромы начались в том числе и потому, что женщины были уверены: никаких казаков против них не пошлют¹¹⁹. Городские власти, тем не менее, приняли меры для наведения порядка. В первый же день на Старогоспитальный базар в качестве представителя губернатора прибыл генерал-майор, обратившийся к толпе. На «Воскресенский» базар явился собственной персоной губернатор, генерал Мартсон, в сопровождении других представителей власти и высших чинов полиции. Их речи смогли остановить насилие, но только на время¹²⁰. Два дня спустя, когда железнодорожные рабочие угрожали забастовкой, губернатор приказал сообщить им, что, если последуют беспорядки, будут приняты куда более жесткие меры, вплоть до использования армии¹²¹. Возможно, эта угроза их и удержала.

Чтобы вернуть город к порядку, генерал Мартсон 3 марта опубликовал на страницах главной городской газеты свой приказ, которым запрещалось передвигаться группами по улицам, стоять без движения, собираться на крышах и бросать камни. Домовладельцам в приказе предписывалось держать ворота и двери запертыми, а мельникам и пекарям — продолжать производить хлеб в обычных объемах. В случае необходимости предлагалась защита полиции¹²².

Власти пытались умиротворить город, апеллировали к разуму и патриотическим чувствам русских граждан, предлагали торговцам-мусульманам избавляться от спекулянтов, искусственно завышающих цены. Последние, напуганные происходящим, позакрывали лавки, оставив город без основных продуктов¹²³.

Был также подведен итог убыткам, понесенным базарными торговцами. Газеты сообщали, что разрушению подверглись около сотни рядов, а ущерб составил несколько десятков тысяч рублей¹²⁴. В действительности погромы имели еще большие масштабы, о чем прекрасно знала полиция, составлявшая длинные списки продавцов-мусульман с указанием понесенных убытков¹²⁵.

Бабий бунт в Ташкенте не был единичным фактом, в других городах происходили аналогичные события. В Аулие-Ата за несколько дней до ташкентских погромов пожар уничтожил несколько базарных рядов¹²⁶. Причины инцидента остались неизвестными, но глава городского района не самым убедительным образом поспешил разъяснить, что здесь не имели места действия против мусульманских торговцев¹²⁷. Ситуация в Аулие-Ата, должно быть, тоже не была лишена такого рода напряжения, поскольку там, как и в других близлежащих туркестанских городах, цены на продукты держались на более высоком уровне, чем в Ташкенте, чтобы избежать наплыва недозвольных столичных жителей на местные базары, не справляющиеся с имеющимся спросом¹²⁸. В Черняево, первой станции на ферган-

ской железнодорожной ветке, бабьи бунты произошли одновременно с ташкентскими и с совершенно такой же динамикой. В Кривошеино, другой станции на той же ветке, тоже произошли погромы на базаре, но на день позже, чем в Ташкенте. В Перовске, на севере, по Оренбургской железной дороге, инциденты случились несколько дней спустя, и выяснилось, что некоторые из женщин-зачинщиц участвовали в рыночных погромах в Ташкенте¹²⁹.

Бабьими бунтами зимы 1916 года начался период конфликтов, который захватил весь 1917 год и еще и продлился. На рассматриваемый момент мы можем констатировать, что кризис рынка продуктов питания вылился в нападения русских на местное население. Инциденты начались вроде бы стихийно, но можно констатировать и формы первичной самоорганизации в поддержку протеста. Собрание служащих и рабочих железной дороги может рассматриваться как ядро такой организации и центр сопротивления русской общины растущей дороговизне. Первоисточником насильственных действий на базаре стало государство, которое проводило непопулярную экономическую политику, пытаясь навязать рынку фиксированные цены на товары первой необходимости, что привело к их полному исчезновению. Государство, однако, располагало определенной властью и репрессивной силой, могло позиционировать себя в качестве защитника русского населения и вызывать к его патриотизму. Русское население и впрямь не выказывало и тени недовольства администрацией, пока та была в состоянии гарантировать ему защиту, и направляло всю агрессию, вызванную войной, не против губернатора края или царя, а против мусульман.

Конфликт, уже весьма разросшийся, продолжал тем временем крепнуть.

Мусульмане бунтуют

25 июня 1916 года Николай II подписал приказ о «реквизиции» 250 000 мусульман Туркестана в возрасте от 19 до 43 лет для проведения гражданских работ на нужды армии¹³⁰. Под призыв попадала почти десятая часть мужского населения края. Мусульмане в ответ взбунтовались, их восстание быстро распространилось по всему Туркестану, а также по Степному краю¹³¹.

Когда из Петрограда поступил приказ, местные русские власти не поняли опасности всех его последствий. Они не предвидели мятежа и, если и отдавали себе отчет в его возможности, недооценили его размахов. Колониальная администрация чувствовала себя в безопасности, настроения ее контрагентов-мусульман казались вполне верноподданническими, ничто не предвещало их отказа от сотрудничества и достигнутых договоренностей. Администрация, покорная Петрограду и участвующая в патриотической мобилизации, не

заметила, что военная политика и отъем земель у кочевников уже подорвали авторитет мусульманских посредников.

На совещании высших официальных чинов Ташкента, собранном в день выхода приказа, были разработаны первоочередные меры для скорейшего его выполнения. Общее число рекрутков поделили между пятью областями края, и было решено не составлять именных списков по причине большой трудоемкости. Это сложное дело передоверили местной администрации, возложив всю ответственность на глав волостей. При распределении рекрутского набора по областям генералы намеренно облегчили бремя хлопковым районам, чтобы не затронуть интересы ни местной буржуазии, ни русской текстильной промышленности. Это сокращение означало пропорциональное увеличение числа мобилизуемых в кочевых районах, если только центральное правительство не согласилось бы уменьшить общее число рекрутов¹³². Запрос такого содержания был послан в Петроград; министр внутренних дел ответил согласием снизить число рекрутируемых на 30 000 человек (а не на 50 000, как просили власти Туркестана)¹³³.

В начале июля произошли первые волнения, и протест быстро распространился среди оседлого населения края. О приказе было объявлено в наименее подходящий момент, когда полным ходом шел сбор хлопка и все мужчины были до крайности необходимы на полях. Толпы мусульман собирались перед конторами администрации в поселках и волостях и требовали прекратить составление списков, а в случае отказа громили конторы, а порой убивали чиновников.

Протестам способствовали и методы составления рекрутских списков. Чиновники-мусульмане в местных администрациях, ответственные за составление списков, часто делали это на свое усмотрение, стараясь не навредить влиятельным семьям и используя призыв как повод для обмена одолжениями. Однако у них не всегда получалось удовлетворить интересы всех сторон. Так, например, случилось в Коканде, где был убит волостной чиновник, который вычеркивал из списков тех, кто давал ему взятки¹³⁴. В том же городе курбаши, глава мусульманской полиции, внес в списки десятки «добровольцев», которые ничего об этом не знали. Это вызвало протесты и вспышки насилия. Один из самых авторитетных мусульман в городе, дважды избиравшийся депутатом Думы, был вынужден искать убежища вместе с семьей в русской части города¹³⁵.

В Фергане беспорядки начались в тот же день, что и в Коканде и Андижане. Как сообщал генерал-губернатор Туркестана, толпа молодых учеников медресе угрожала смертью чиновникам администрации и встретила полицию и казаков палками и камнями; последние открыли стрельбу, было ранено два десятка человек, толпу рассеяли. Большая толпа вышла на улицы Намангана, солдаты открыли огонь, 12 человек были убиты, многие ранены. В Джизаке (Самаркандская

область) был объявлен газават — священная война против неверных¹³⁶. В считанные дни мятеж охватил многие города. 17 июля по всему краю был введен комендантский час, во многие населенные пункты вошли войска, но это не смогло остановить волнения, которые продолжались еще около месяца.

Лидерами мусульманских мятежей выступили влиятельные традиционалисты и представители новой элиты, разрывавшие отношения с русскими, чтобы не потерять влияния среди своего народа. Мятеж сплотил имамов многих мечетей и ишанов суфийских братств. Многие богатые мусульмане также заявили о сопротивлении рекрутским наборам, которые отбирали людей с хлопковых полей. Чиновники местной администрации колебались, но, когда мятежники начали их убивать, тоже встали на сторону мятежников, дабы избежать обвинения в предательстве¹³⁷. Одновременно с разрушением каналов административного управления кризис начал охватывать коммерческие и кредитные сети. Влияние посредников в хлопковой экономике резко изменилось, поскольку банки и прочие русские коммерческие структуры, обеспокоенные волнениями, сократили кредитование. Урожай при этом собирался не в полном объеме, а транспортировка была затруднена комендантским часом¹³⁸.

Русские чиновники и должностные лица реагировали на приказ противоречиво. С одной стороны, они были обязаны подчиняться приказам, действовать в рамках военной иерархии и уважать волю губернатора; с другой — были в состоянии оценить последствия рекрутирования на локальном уровне и вынуждены искать компромиссы, чтобы не разорвать сотрудничество с мусульманами и отвести опасность бунта. Попытки переговоров не прекращались даже и тогда, когда мятеж уже вспыхнул повсеместно.

В Фергане, районе, постоянно привлекающем наше повышенное внимание, губернатор, генерал Гиппиус, выбрал особенно осторожную позицию. В приказе, который он распространил по своей области, подчеркивалось, что рекрутирование должно происходить исключительно на добровольной основе, потому что армия не нуждалась в недовольных работниках. В целях убеждения мусульман генерал предпринял поездки в разные населенные пункты, где проводил общественные собрания с участием местных авторитетных людей. К примеру, в Намангане Гиппиус появился в мусульманской одежде и произнес речь перед толпой в 800 человек с террасы мечети. Он был щедр на похвалы местным влиятельным лицам, затем прочел несколько отрывков из Корана, демонстрируя хорошее знание арабского языка. Однако не забыл он и напомнить, что всего несколькими днями ранее, когда в Джизаке мусульмане стали протестовать, армия сровняла город и окрестные села с землей, изгоняя жителей и конфискуя землю¹³⁹. Действительно, в нескольких городах уже начи-

нались в то время беспорядки, а в Джизаке осторожная политика администрации не привела к компромиссу с мусульманским населением. Мусульмане взбунтовались, обратили в бегство солдат, сожгли здание вокзала и убили несколько гражданских русских. Ситуация разрешилась жестоким репрессивным вмешательством.

Гиппиус искал понимания мусульман, но не был поддержан Ташкентом, а его собственные подчиненные относились весьма скептически к этим инициативам, уровень лояльности был удручающим. В рапорте одного должностного лица из Андижанского уезда сообщается, что мусульмане крайне неохотно выделяют рабочих для тыловых работ и что их спокойствие продлится ровно до тех пор, пока не начнется силовое рекрутирование. По мнению этого чиновника, влиятельные мусульмане, имеющие контакты с администрацией, не в состоянии обеспечить набор и боятся говорить на эту тему с населением. В любом случае, публичные заявления и объяснения администрации не приносили никакого результата и только создавали видимость спокойствия со стороны мусульман. «Наш невежественный туземец», как писал чиновник, был убежден ишанами и муллами, что русские посылают мусульман на смерть и что «туземец, погибший в европейской части России, не попадет в небесный рай». Народ фанатичен и неблагодарен, утверждал чиновник, поэтому нет никакой другой возможности, кроме использования силы. В частности рекомендовались некоторые необходимые меры:

- экстренно выслать из Туркестанского края навсегда всех ишанов;
- прекратить на время военного положения действия народного суда;
- закрыть на время военного положения все медресе и туземные мактабы;
- немедленно же назначить военно-полевые суды для разрешения дел по бывшим уже беспорядкам и для наказания смертной казнью всех главных виновников;
- объявить населению, чем закончились беспорядки в Джизаке для туземцев;
- затем объявить населению, какое именно количество рабочих оно должно поставить от каждой волости и города и к какому именно сроку. Потребовать от населения составления решений, с указанием, кого именно оно посылает на работы;
- если к назначенному сроку город или волость рабочих не поставит добровольно, необходимо немедленно же командировать в эти пункты карательные отряды для срытия до основания тех поселений, которые не дадут рабочих, и для расстрела бунтующей толпы;
- земли того населения, которое не выполнит наряда рабочих, конфисковать в фонд казны¹⁴⁰.

В тот же день, когда андижанский чиновник писал эти свои рекомендации, агенты, работающие на армию, сообщали, что в селе не-

подалеку от Коканда состоялось секретное собрание, где казий и имам объясняли присутствующим, что по законам шариата мусульмане не могут удовлетворять требования русских и каждый, кто примкнет к рабочим бригадам, становится тем самым кафиром, то есть неверным, а его потомки вплоть до седьмого колена будут мучаться в аду. Собрание решило распространять среди населения указания сопротивляться набору рабочих. В селах Ферганы начиналась самоорганизация с целью сопротивления, многие закапывали свое добро в землю¹⁴¹.

Такого рода новости только усиливали убежденность должностных лиц, не доверявших мусульманам, в необходимости применения энергичных мер для наведения порядка. Жесткая линия, которой придерживались эти военные, совпадала с требованиями вмешательства, исходившими от широких кругов иммигрантского населения. Мы еще рассмотрим воинственные настроения колонистов в сельской местности, но даже и в городах зрел кризис в отношениях с мусульманами, который достигнет своего пика в 1917 году. В городах самые враждебные чувства к мусульманскому сопротивлению питали бедные слои русского населения, в особенности семьи, уже испытывавшие бремя рекрутства, те самые, что, как мы видели, самоорганизовались несколько месяцев назад в связи с погромами базаров. Железнодорожные рабочие Ташкента, долго требовавшие увеличения заработной платы и остановки роста цен, когда вспыхнул мусульманский мятеж, организовано, через делегатов от разных цехов, требовали от военных властей раздать оружие для охраны цехов и самих железных дорог. Рабочие обвиняли военного губернатора края Лукошина в проведении слишком осторожной политики, в особенности ему ставилось в вину то, что он не разрешил стрелять по мусульманам в Джизаке сразу, как только начался мятеж. По их мнению, это была слабость, которая и дала мятежникам свободу действий¹⁴².

Мятеж в городах длился недолго, уступив вскоре место эпизодическим всплескам насилия. Когда эта первая волна схлынула, спокойствие, однако, не вернулось, и русские столкнулись с новым мятежом, даже многими новыми мятежами, куда более радикального свойства. Главными действующими лицами в них стали кочевники, взбунтовавшиеся в начале августа — по тем же причинам, но независимо от городских жителей. Кочевники восстали по примеру казахских племен Степного края, которые к этому времени вели мятежные действия уже больше месяца. В разгар лета восстание кочевников охватило всю гигантскую территорию Средней Азии, подчиненную Российской империи.

Оппозиция злосчастному царскому приказу превратилась в кровопролитное противостояние русским, особенно там, где уже и до войны сложились конфликтные отношения. В этом положении оказались колонистские поселения, где уже возникали конфликты меж-

ду крестьянами и кочевниками и где первые, агрессоры, оказались опасным образом ослаблены тем, что многих отправили на фронт, а большое количество имевшегося оружия было передано военным отрядам, участвующим в войне¹⁴³. В недавно образованных селениях складывалась особенно тяжелая ситуация, поскольку рекрутирование мужчин наносило вред сельскохозяйственным работам и делало села незащищенными перед угрозой со стороны мятежников. Казацкие станицы и давние колониетские поселения подвергались наименьшему риску. Их хозяйства были самыми богатыми, а число военнообязанных — минимально, но даже эта привилегированная позиция не выводила их за пределы конфликта. Способные оказывать сопротивление кочевникам, они под предлогом борьбы с мятежом могли изгонять аборигенов и экспроприировать новые земли.

Эпицентром столкновений с кочевниками в Туркестане стало Семиречье. Чтобы понять динамику конфликта, который длился несколько лет, полезно подробно рассмотреть ситуацию в этом регионе.

Мятеж в Семиречье

Губернатор Семиреченской области генерал Фольбаум в начале июля собрал глав аулов и волостей и объявил им приказ о наборе рекрутов. В тот момент, если верить словам генерала, не последовало никаких возражений, напротив, ответом ему было «ура», от которого задрожали стекла губернаторского дома¹⁴⁴. В тех самых уездах, где впоследствии мятеж примет самые жестокие формы, русские начальники получили уверения в лояльности киргизских представителей в местных администрациях¹⁴⁵. Губернатор и его начальники были, разумеется, весьма довольны таким положением, но тем не менее таили и недоверие, зная мусульманскую «двойственность». Волнения оседлого населения в других районах вынуждали вести себя осторожно, применять меры для предотвращения инцидентов. Поэтому русская администрация усилила военное присутствие в зонах наиболее вероятных волнений и вдоль китайской границы.

Как и в оседлых районах, в Семиречье первые конфликты возникли в процессе составления списков вербуемых рабочих. Чиновники местных администраций точно так же в корыстных целях не включали в списки тех, кто должен был бы туда попасть, и, наоборот, включали других, даже не попадавших в установленный возрастной диапазон¹⁴⁶.

Когда начались волнения, позиция местных киргизских представителей в администрации волостей и аулов изменилась гораздо резче, чем это происходило в оседлых районах. Соперничество между племенными кланами было весьма сильным, поэтому, сотрудничая с русскими, каждый рисковал уступить соперникам возможность воз-

главить мятеж и бросался им наперерез. Сохранение племенных отношений не давало тем самым никаких альтернатив для посредничества, вынуждало всех сделать выбор в пользу мятежа¹⁴⁷.

Установка на сотрудничество с русскими была поколеблена не только в администрации. Когда появились первые признаки напряженности, киргизы, работающие батраками у казаков или русских колонистов, ударились в бегство, часто забирая с собой скот и возвращаясь в свои аулы под защиту племени¹⁴⁸. Таким образом, сопротивление кочевников не было ослаблено изменами и сотрудничеством заметных фигур с русскими. По этой причине оно носило организованный характер и достигло широких масштабов.

Беспорядки начались в самом начале августа и в течение недели охватили всю область. Сразу выяснилось, что иммигрантское население было защищено очень слабо. Войска присутствовали совсем не везде, а в русских поселениях после мобилизации оставалось немного мужчин, к тому же безоружных¹⁴⁹.

Мятеж охватил всю большую горную зону Семиречья: Джаркентский уезд на северо-востоке, на границе с Китаем; Верненский уезд, между равниной реки Или и хребтом Ала-Тай, отделяющим озеро Иссык-Куль; Пишпекский уезд, через который идет дорога от г. Верный на запад; села долины реки Чу, где проходит Пишпекский тракт, поднимаясь затем в горы до Иссык-Куля и дальше в Китай; Пржевальский уезд на восток от озера, где в горах имеется проход в Китай, доступный в хорошее время года; Нарынский уезд на юге – район высокогорных пастбищ, где проходит дорога на Ош и на Ферганскую равнину.

В Верненском уезде первые инциденты произошли 6 августа, когда в долине южнее г. Верный группа киргизов напала на чиновника, прибывшего составлять список мобилизуемых работников. Одновременно с этим в другом местечке, в 80 километрах к западу от Верного, банды киргизов разгромили телеграф и почтовые станции, нескольких русских убили, нескольких взяли в заложники, захватили лошадей и имущество¹⁵⁰. В последующие дни многие колонистские села и казацкие станицы подверглись нападениям, отовсюду посыпались сообщения о киргизских бандах, которые совершают набеги, жестоко убивают мужчин, похищают женщин, разоряют дома¹⁵¹. Первыми жертвами стали беззащитные колонисты, взятые врасплох киргизами во время полевых работ¹⁵².

Три дня спустя после первых столкновений беспорядки распространились и на соседние уезды. Кочевники сожгли мосты на дороге из Пишпека на Иссык-Куль, разрушили телеграфную линию и почтовые станции, прервав всякое сообщение между русскими поселениями¹⁵³. Удар киргизов пришелся и по селу Ново-Российское, небольшой колонии недавних переселенцев, на дороге между Пишпеком и Иссык-Кулем, рядом с Токмаком. Постройки были разгромлены и со-

жжены, скот угнан¹⁵⁴. На следующий день набегу подвергся поселок Стольпин, находящийся южнее, в сторону Нарыни. Его обитатели под защитой немногочисленных казаков бежали в Токмак, более крупное и лучше защищенное поселение¹⁵⁵. Но и в самом Токмаке не было спокойно. Население города охватила паника, ходили слухи, что киргизы спустились с гор в большом количестве и заняли почтовую дорогу¹⁵⁶. Вскоре кочевники появились под Токмаком, осадили его и больше недели пытались войти в город, каждый день атакуя с разных сторон. Некий чин из Пишпекского уезда, ответственный за оборону, сообщал, что в нападении участвовали 5000 киргизов, организованных в отряды, каждый со своим знаменем¹⁵⁷. Оборону осуществляла казацкая сотня, только что прибывшая из Верного с пулеметом, а также несколько десятков солдат и два быстро сформированных подразделения волонтеров — двести пятьдесят мужчин¹⁵⁸. Пулемет нанес «огромные потери» киргизам, затем прибыло военное подкрепление, и враг был разбит. Убитые со стороны киргизов не считались, русские, очевидно, не имели потерь, поскольку в рапорте об этом не упоминается¹⁵⁹.

Киргизы, участвовавшие в нападении на Токмак, имели боевую организацию и располагали огнестрельным оружием, захваченным при нападении на русский военный конвой. Другие отряды, вооруженные только копьями и дубинами, были не менее опасны, поскольку устраивали массовые набеги на села, громили, поджигали и убивали колонистов. Их мобилизация, как мы уже наблюдали в оседлых зонах, подкреплялась переходом волостных начальников на сторону мятежников и воодушевлялась ишанами и муллами, которые побуждали мужчин встретить «священную смерть», изгоняя русских¹⁶⁰.

За несколько дней мятеж охватил всю зону, по которой проходила дорога Пишпек — озеро Иссык-Куль. Всякое сообщение было прервано, когда восстание распространилось по всей территории котловины озера и протянулось на восток, захватив Пржевальский уезд вплоть до границы с Китаем¹⁶¹. И здесь тоже банды киргизов спускались с гор, совершали набеги на русские села, ровняли их с землей и беспощадно убивали русских, попавших им в руки. Отряды были так же неплохо организованы, носили различительные знаки, располагали ружьями — как трофейными, так и доставленными с близкой китайской границы¹⁶². Колонисты в панике покидали поселения и в беспорядке бежали в уездный город. Многие были достигнуты мятежниками и не спаслись¹⁶³.

Послать солдат на помощь беженцам не представлялось возможным, так как Пржевальск располагал всего лишь небольшим пехотным подразделением. Жители города, напуганные рассказами беженцев о жестокости киргизов, в ужасе ожидали нападения. Ситуация стала еще более безнадежной, когда пришло известие о том, что

дунгане из соседнего села присоединились к киргизам и помогают им отлавливать и убивать русских, бегущих из деревень¹⁶⁴.

История с дунганами проливает свет на важные составляющие динамики конфликта. Со стороны русских обнаруживается жестокость, возможно, не уступающая по масштабам их панике.

Дунгане — крестьяне, которые прибыли в конце XIX века из Китая и осели в районе неподалеку от Пржевальска, в особенности в Мариинской волости, получив землю от русской администрации; до сих пор считались верноподданными и спокойными. Они производили опиум, частью продавали его в Китай, дело процветало. В селе Мариинском, когда пришел приказ о мобилизации населения, дунганская община, состоявшая из двух соперничающих кланов, разделалась. Одна часть согласилась предоставить рабочих, другая — нет. Эта последняя, похоже, получала поддержку китайских торговцев опиумом, враждебно настроенных по отношению к русским властям, которые препятствовали экспорту опиума в Китай. Многие молодые мужчины бежали в Китай, другие примкнули к киргизам¹⁶⁵.

Восстание в конце концов изолировало русских в Пржевальске. Русские забаррикадировали все входы в город, организовали ополчение, вооруженное охотничьими ружьями, и оставались в осадном положении, пока не прибыло подкрепление¹⁶⁶. Никакого штурма так и не было, однако еще до прибытия помощи в городе произошли ужасные события. Русские горожане и колонисты-беженцы пребывали в такой панике, что, когда один из солдат случайно выстрелил в воздух, немедленно распространился слух, будто на базаре киргизы убивают русских, и люди поспешили закрыться в своих домах. Все киргизы, работавшие на рынке, также мгновенно исчезли¹⁶⁷. Это случилось 10 августа; на следующий день пришло известие о дунганском мятеже¹⁶⁸. Вскоре в город начали прибывать бежавшие колонисты, которые встречали по дороге дунган. Многие беженцы были ранены и искалечены. Именно тогда русское население взялось само вершить суд, хватая и убивая киргизов и дунган, живших в городе и не имевших ничего общего с восстанием. Из около 1500 дунган, проживавших в Пржевальске, выжило восемь¹⁶⁹. Начальник уезда полковник Иванов сообщал, что акты насилия против дунган происходили стихийно; он тщетно пытался остановить резню и был за это обвинен согражданами в сдаче города киргизам за деньги¹⁷⁰. Его рапорт, однако, не подтверждается сообщением комиссии, которая расследовала происшествие несколько месяцев спустя. Согласно докладу комиссии, Иванов велел согнать часть дунган на площадь перед казармами и приказал солдатам забить их штыками. Другие дунгане были убиты полицией и толпой. Имущество дунган конфисковали силой и произвольным образом: наиболее ценное (ковры, халаты, вазы и т.п.) оказались в русских домах, одежда и одеяла были розданы беженцам, остальное распродано¹⁷¹. Дней десять спустя после этих со-

бытий в уезд прибыл карательный отряд, устроивший бойню среди киргизов и дунган. Командир отряда доложил, что столкнулся с дунганами под Мариинским и атаковал их саблями без всякой жалости; те бежали, побросав оружие, но были настигнуты и 500 человек зарублены саблями, пытавшиеся скрыться были найдены, и их постигла та же участь¹⁷².

Насилие со стороны солдат и колонистов

Репрессивными действиями руководил генерал Алексей Николаевич Куропаткин, новый генерал-губернатор Туркестана. Генерал хорошо знал Туркестан. Еще во времена завоевания, будучи полковником и командующим войсками Туркестанского военного округа, он научился силой покорять туркменских кочевников. Затем он сделал карьеру, стал военным министром и, едва вступив в должность, в 1898 году приказал подавить восстание в Андижане, прибегнув к этнической чистке и насильственным образом депортировав все мусульманское население района¹⁷³.

Генерал прибыл в Ташкент 8 августа 1916 года и в скором времени разработал план противостояния мятежу. Основными пунктами этого плана были следующие: вооружить колонистов, раздав населению ружья (которые прежде были реквизированы); организовать военные подразделения из казаков, резервистов и новобранцев Семиречья; послать свежее военное подкрепление из Ташкента; организовать военные действия против киргизов, чтобы посеять среди них панику; реквизировать урожай у киргизов, участвовавших в беспорядках или бежавших; угнать весь скот, чтобы ослабить племена и снизить их способность к обороне; временно разрешить киргизам-беженцам пересекать китайскую границу¹⁷⁴. В Семиречье генерал мобилизовал солдат, укомплектовал отряды волонтерами, раздал им оружие с военных складов и охотничьи ружья, реквизированные у торговцев. В небольших городах все русское население, способное держать в руках оружие, было организовано в дружины, в сельской местности мужчины вооружались тем, что имелось, а также топорами и дубинами¹⁷⁵.

По сути, организовывались полномасштабная война всего русского населения против мусульманского и этническая очистка основного региона от кочевников. Наступательная акция, с одной стороны, была призвана отвечать решениям высшего русского командования, а с другой – оставляла колонистам возможность свободных маневров.

Вскоре в Семиречье прибыли военные отряды из Ташкента и Оренбурга. Они приближались к очагам восстания – от Ферганы к Нарыни, от Черняева по почтовой дороге на Пишпек и Токмак, с севера по Семипалатинской железнодорожной ветке до Верного¹⁷⁶.

Все солдаты и казаки этого района были, естественно, уже задействованы, к ним примкнули дружины, состоящие из колонистов и других волонтеров. Проследим за динамикой жестоких действий солдат и гражданских, обращая особое внимание на те территории, о которых шла речь ранее.

Мы уже констатировали в случае с дунганями, что русское оружие по большей части направлялось против людей, не виновных в мятежных действиях. Репрессивные действия предпринимались без разбору в отношении и кочевников, и оседлых поселенцев, если они оказались в зоне мятежа. Даже китайских подданных, пастухов и торговцев, затронуло русское наступление.

Показателен случай, произошедший в середине августа с группой мусульманских купцов. Они возвращались с уездной ярмарки в Джаркенте, обеспокоенные происходящим разгулом насилия, и воспользовались возможностью присоединиться к русскому военному отряду, следующему по тому же маршруту. Когда караван добрался до окрестностей Пржевальска, в большом количестве появились колонисты из соседних сел, вооруженные кольями, копьями и ружьями. Они дали пройти русским и татарам и остановили сартов и купцов из Кашгара, из-за границы. Задержанные, числом около 500, были убиты; нескольким сохранили жизнь, заставив закапывать тела; многие были сброшены в реку. В эти же дни опять-таки в окрестностях Пржевальска толпа колонистов и казаков набросилась на группу купцов-мусульман, убив около сотни человек, в том числе женщин и детей¹⁷⁷. Жертвы были близки к русским и потому более доступны для мести.

Военная операция носила случайный и беспощадный характер. Доверившись докладом командира, проследим действия одного карательного отряда, который находился в зоне мятежа с середины августа до середины сентября. Покинув Пржевальск, отряд наткнулся в нескольких километрах от города на группу мятежников, около 300 киргизов, и убил 200 из них; солдаты потерь не понесли. Через несколько дней тот же отряд столкнулся с гораздо более многочисленной бандой киргизов: было убито 300 человек и сожжено 300 юрт. На следующий день убито еще два десятка мятежников, сожжено 400 юрт, вновь без потерь. Наутро отряду случилось освободить несколько десятков русских пленников; казаки совершили правосудие в отношении киргизов, виновных в похищении русских: было расстреляно 400 человек. В наказание забили и скот. Доклад продолжается в том же духе: сотни врагов убиты, тысячи голов скота забито¹⁷⁸.

Рапорт командира другого карательного отряда звучит триумфально при аналогичном содержании. События развивались так: 10 августа на заре отряд атаковал аул, убив 50 киргизов; затем, обнаружив группу кочевников, солдаты с криком «ура» пошли в атаку и убили еще 80 человек, сожгли все юрты; на следующий день отряд ограничился тем, что обстрелял группу кочевников, из которых было

убито несколько; зато 12 августа встретили группу в 5000 кочевников, в которой были целые семьи, но резню учинить не смогли, так как офицер рангом выше запретил, убили нескольких, реквизировали 1000 голов скота; столкнулись с дунганями, те бежали, но были настигнуты и порублены шашками. В этом отчете день за днем перечисляются подобные акции: резня за резней, забой скота, юрты сожжены, животные уничтожены или угнаны¹⁷⁹.

Тогда же Куропаткин объявил населению, что все земли, на которых была пролита русская кровь, реквизируются. Но, чтобы успокоить людей, он сообщил мусульманам и хорошую новость: во исполнение новых указаний, поступивших из Петрограда, в Семиречье будет мобилизовано на тыловые работы 43 000 человек, меньше, чем предполагалось ранее¹⁸⁰. Возможно, администрация просто была не в состоянии точно указать, сколько людей подлежали мобилизации в каждом отдельном уезде и волости, кроме того, мятеж и последующие перемещения целыми аулами лишили списки всякого смысла¹⁸¹. Конвой с набранными рабочими начали отправляться из Туркестана в середине сентября и в первый же месяц составили тридцать эшелонов¹⁸². Чуть позже, в середине октября, было объявлено, что готовы к отправке 26 000 человек из Семиречья. Первая группа должна была отправиться из Пишпека, но сам Куропаткин признал, что с отправкой возникли сложности: не было необходимого количества телег, чтобы доставить столько людей до железной дороги, а отправка пешком не представлялась возможной из-за расстояния и плохой погоды. Однако из некоторых пунктов мобилизованные киргизы вынуждены были идти пешком около месяца¹⁸³.

Впрочем, отправка рабочих из Семиречья более не составляла основную проблему, с которой сталкивалась колониальная администрация. Как и в других кочевых районах, здесь прежде всего надлежало заново установить контроль над населением. Репрессии, тем самым, должны были заложить основу нового и стабильного порядка.

Генерал Куропаткин разработал проект замирения, базировавшийся в основном на этнической чистке. В докладе царю он писал, что убежден: для прекращения насилия необходимо в основных зонах мятежа отделить русское население от мусульманского. Речь шла о Джизакском уезде Самаркандской области (мы упоминали ее уже несколько раз) и о Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском уездах Семиреченской области. Генерал докладывал также, что приказал реквизировать много земель вокруг Джизака и это оказалось действенной мерой для предотвращения волнений среди мусульман. Он забыл, однако, сообщить царю, что в Джизакском уезде русские полностью уничтожили 24 села, на три четверти или наполовину — 11 сел и частично еще несколько. Согласно официальным оценкам, убито было почти 1000 мусульман, но в действительности, похоже,

их было намного больше, возможно, 5000¹⁸⁴. Секвестр земли не означал ничего другого, кроме утверждения фактической ситуации, то есть исчезновения мусульманской общины.

В Семиречье, объяснял генерал, целые аулы бежали в Нарынский уезд, где не было русских, многие бежали в Китай. Весь Пржевальский уезд был «очищен» от киргизского населения, от сотворенных ими жестокостей остались только следы: разрушенные или сожженные деревни, церкви, школы и мосты. Осталась также колоссальная ярость колонистов, потерявших близких и участвовавших в карательных операциях. Насилие со стороны русских, согласно Куропаткину, вспыхнуло позже и обратилось на киргизов, не участвовавших в восстании и оставшихся, соответственно, в области. Чтобы восстановить порядок, генерал запретил бежавшим киргизам возвращаться в оставленные ими аулы, особенно в Пржевальский уезд. Границы этого уезда предполагалось расширить, чтобы включить в него те части Джаркентского уезда, где восстание было особенно жестоким, и оставить в нем жить только русское население. Казаки и колонисты тем самым получили бы во владение около двух с половиной миллионов десятин земли¹⁸⁵.

В феврале 1917 года, когда Куропаткин писал свой доклад царю, в окрестностях Пржевальска уже началось строительство пяти казачьих станиц на бывших киргизских землях, две другие еще планировались. Новые поселения возводились казаками, уже жившими ранее в области, но вскоре сюда стали прибывать новые поселенцы из Уральской области. В Пржевальском и Пишпекском уездах были поселены также те немногие колонисты, которые ранее жили в Нарынском уезде и бежали от мятежников. На юге Нарынского уезда предполагалось основать еще две станицы, чтобы гарантировать безопасность вдоль дороги из Семиречья до Ферганы. Сам Нарынский уезд по плану должен был принять киргизов, изгнанных из других уездов, включая возвращавшихся из Китая. Подсчеты, сделанные специалистами Министерства сельского хозяйства, сообщал генерал, указывают, что земли для их поселения хватает¹⁸⁶.

Депортация киргизов в Нарынский уезд была назначена на середину октября 1916 года. Решение касалось перемещения 37 000 семей: 22 000 из Пржевальского уезда, 10 000 – из Пишпекского, 5000 – из Джаркентского. Всего речь шла приблизительно о 190 000 человек. Вероятно, большая часть этих киргизов уже оставила свои территории, многие давно находились в Китае.

Учитывая киргизское население, и так проживающее в Нарынском уезде, всего там должно было сосредоточиться более 250 000 киргизов. Было подсчитано, что перемещенное население получит в свое распоряжение меньше земли, чем имело на прежних территориях. Это ухудшение условий администрация не сочла критичным, более того, было постановлено построить в уезде несколько боль-

ших водных бассейнов для отправки воды по каналам в Голодную степь и Фергану; населению запрещалось селиться в районах проведения работ. Таким образом часть земли и воды дополнительно отторгалась у населения¹⁸⁷.

Генерал Куропаткин был убежден, что власть должна всегда сохранять за собой право использовать для своих нужд землю и воду, насколько сочтет необходимым¹⁸⁸. Поэтому предлагалось укреплять колониальный режим посредством этнической чистки и новой иммиграции из России. Чтобы оценить потенциальные масштабы новой колонизации, стоит отметить, что в период Столыпина, между 1906 и 1914 годами, когда колонисты прибывали в массовом порядке, площадь экспроприированных земель составила 2,7 миллиона десятин, то есть чуть больше, чем предусматривал теперь Куропаткин. Соответственно, колониальное население выросло бы существенным образом¹⁸⁹.

Перемещение киргизов должно было быть закончено к марту 1917 года, но тут произошли падение царизма и перевод Куропаткина из Туркестана. Принимать решение о том, правильно ли выбран путь замирения региона, выпало членам Временного правительства.

Пока Куропаткин правил в Туркестане, Семиречье не знало мира. Восстание было подавлено, кочевники удалены, но стычки с колонистами продолжались, киргизское общество находилось в глубоком кризисе, пребывали в неизвестности о своем будущем тысячи киргизов и дунган, оказавшихся в изгнании за границей.

Беженцы в Китае

Поток беженцев стал массовым с середины сентября и продолжался до тех пор, пока выпавший снег не перекрыл дороги в Китай. Целыми аулами люди пересекали границы, ведя с собой скот и захваченных русских пленников — женщин и детей. Большая часть скота пропала на перевалах, затем, в Китае, чтобы выжить, беженцы вынуждены были продать свое имущество, часто даже женщин и детей¹⁹⁰.

Район Синьцзяня, где киргизы искали убежища, был им хорошо знаком, некоторые аулы давно привыкли водить сюда свои стада; дунгане и таранчи тоже знали эти места, так как многие из них жили здесь сорок лет назад. И те и другие, однако, столкнулись с враждебным приемом.

Первыми в середине августа прибыли дунгане. Китайские власти не были готовы к такому бегству на свою территорию и не задумывались, принимать беженцев или нет, тем более что большинство из них были китайскими подданными, работавшими на опиумных плантациях под Пржевальском. Китайцы предпочли избегать любых контактов с беженцами, ограничившись усилением военного континген-

та в этой зоне. Беженцы обосновались в районе оазиса Уч-Турфан, граничившего с Пржевальским уездом¹⁹¹.

Многочисленные таранчи прибыли в города и села долины реки Или. Русские власти вступили в переговоры с их аксакалами и другими влиятельными персонами и смогли уговорить их вернуться в русский Туркестан. Многие двинулись в обратный путь, но сразу за границей их ожидали вооруженные колонисты, и таранчи были вынуждены бежать обратно в Китай¹⁹². Вместе с ними от колонистов спаслись и множество киргизских кибиток. В целом этот поток беженцев насчитывал более 5000 человек, гнавших также и скот. Они попытались осесть в долине, где обитали калмыки, но последние защищали свои пастбища от новоприбывших и по договоренности с китайскими властями прогнали беженцев прочь¹⁹³. Было очевидно, что местное население не было расположено делить свои земли с тысячами беженцев. И если их и принимали, это делалось только с целью взять за оказанное гостеприимство имущество, женщин и детей — все, что беженцы имели.

После первоначального периода нерешительности русские власти принялись активно препятствовать проходу мятежников в Китай; китайские власти делали то же, но в более мягкой форме. Началось совместное контролирование границы, на проходах выставлялись смешанные посты из казаков и китайских солдат. Тем не менее блокировать все пути в Китай оказалось невозможным. По мнению русской стороны, китайские власти на деле занимали нечеткую позицию в отношении киргизских беженцев и располагали недостаточным количеством солдат, чтобы остановить их поток¹⁹⁴.

В Кашгаре местный даоинь (представитель власти) по своей инициативе отдал приказ бекам принять самые жесткие меры к тому, чтобы ни одного российского подданного не оставалось в китайских границах. В результате этого часть киргизов, недавно прибывших в район Кашгара, вынуждены были предпринять обратный поход¹⁹⁵.

Из истории некоторых аулов Нарынского уезда мы знаем, что беженцы вернулись в эту область. На их родных территориях восстание не достигло такого размаха, как в Пржевальске или Пишпеке, поэтому они понесли меньший ущерб. Похоже, что они в основном бежали, боясь других киргизов, которые заставляли их принять участие в мятежных действиях и в качестве меры воздействия лишали скота.

По пути бегства их преследовали казаки. Есть свидетельство, что вдоль караванного тракта между Джиль-Арьком и Нарыном каждые 12 верст стоял казачий пост. Всех киргизов останавливали и не пропускали дальше, пока те не платили деньги. Ночами казаки рыскали по окрестностям в поисках киргизов, грабили их и уводили овец. Многое имущество, отнятое у беженцев солдатами, продавалось потом русским¹⁹⁶. Преодолев эти проявления насилия, беженцы двига-

лись дальше без особых сложностей, так как перевалы были не такими уж тяжелыми для прохода стад. Таким образом аулы сохранили большую часть своего скота¹⁹⁷.

Несмотря на враждебное отношение китайских властей, киргизские беженцы попросили оставить их на китайской территории, пока Россия не даст гарантий, что в Туркестане их не ждет наказание и им вернут все земли. В ответ прибыли китайские военные отряды, чтобы выслать беженцев в Семиречье¹⁹⁸. Такая же ситуация сложилась в соседней Аксунской области: местные власти обратились за помощью к армии, чтобы изгнать обратно в Россию около 30 000 киргизских беженцев¹⁹⁹. С наступлением зимы аулы, двинувшиеся уже в обратный путь, получили, однако, разрешение остаться на китайской территории до оттепели, поскольку снег и отсутствие корма препятствовали движению людей и скота²⁰⁰.

Тем временем русские власти обратили внимание на регион, где сконцентрировалась основная часть беженцев, на Уч-Турфанскую область. Драгоман русского консульства в Кашгаре Стефанович прибыл в область и донес до даоиня: русское правительство недовольно тем, что мятежники были пущены в Китай. Существуют соглашения между двумя странами, которые не позволяют Китаю принимать беженцев, напомнил драгоман, и Россия будет рассматривать предоставление беженцам пастбищ и их признание китайскими подданными как враждебное по отношению к ней действие. Несколько дней китайские власти делали вид, будто принимают русские требования, и направили солдат на перевал Бедель, основной путь между Пржевальском и Уч-Турфанской областью, а также на другие пути, по которым могли проникать киргизы. Но стоило драгоману вернуться в Кашгар, как охрана была снята и киргизы возобновили свое массовое движение в Китай²⁰¹. Императорская миссия, посланная в Пекин, поставила напрямую перед высшими представителями китайской власти вопрос о беженцах. Давление со стороны России позволило добиться лояльности Уч-Турфанского даоиня, сопровождавшего Стефановича на переговорах с представителями тысячи дунган, находящихся в области²⁰². Даоинь также способствовал изгнанию беженцев, послав солдат и обязав принять меры главу области и местных беков, которые до этого были снисходительны к киргизам и принимали от них «как подарки» большие суммы денег²⁰³.

Положение киргизов, на которых были направлены эти враждебные проявления внимания, было ужасным. Они прибыли месяцем позже дунган, их было огромное количество, более 100 000 беженцев из Джаркентского и Пишпекского уездов. Чтобы добраться до Китая, они преодолели трудные горные перевалы, их преследовали русские войска, пока они медленно продвигались со своими стадами, нагруженные добром, впопыхах собранным при бегстве.

По свидетельству человека, проделавшего тот же путь по Бедельскому перевалу летом 1918 года, на протяжении примерно 300 верст лежали скелеты животных и тела людей, погибших во время бегства и не похороненных. В начале 1917 года командование казачьего войска в Семиречье оценило потери киргизов следующим образом: они потеряли все поголовье коров, осталось около десятой части лошадей, четверть овец, около половины верблюдов; но и оставшиеся животные не имели корма и были настолько истощены, что вряд ли дожили бы до весны, до новых кормов. Киргизы потеряли практически все поголовье скота, включая и тот скот, что они отняли у русских во время мятежа. Обедневшие и лишённые возможности продолжать кочевье, киргизские беженцы были вынуждены продавать даже предметы первой необходимости — кошмы (накидки из овечьей шерсти), кастрюли, чайники, седла, конскую упряжь и т.п. Базар Уч-Турфана был переполнен этим имуществом. Трудности усугублялись тем, что в Китае стоимость предметов первой необходимости была существенно выше, чем в Семиречье. Среди голодающих беженцев распространились эпидемия тифа, заболевание цингой. Чтобы избавиться от лишних голодных ртов, несчастные оставляли по дороге своих маленьких детей, часто продавали мальчиков и девочек китайцам, в том числе и представителям местной администрации. Ситуация усугублялась тем, что было нелегко найти работу, даже на полях — отсюда всегда избыток работников отправляли на заработки в Россию²⁰⁴.

Русское консульство в Кашгаре удовлетворилось готовностью китайцев к поддержке репрессивных действий против беженцев, оно превозносило роль собственного драгомана. В одной из консульских нот говорилось, что миссия Стефановича закончилась полным успехом и большая часть киргизов и дунган вернулись в Туркестан, потому что китайские власти поняли: Россия не допустит, чтобы целые села и аулы перебирались в Китай²⁰⁵.

Декларируемый успех русских властей в склонении китайцев к сотрудничеству на самом деле объясняется тем, что администрация Синыцзяна сама хотела избавиться от беженцев и желала, чтобы Россия их забрала обратно. Несмотря на согласованную волю двух правительств, большинство беженцев так и остались за границей. Как мы увидим в дальнейшем, об их возвращении еще долго будут идти споры, а умиротворение Семиречья будет зависеть от их судьбы.

Еще одна проблема оставалась крайне болезненной для властей Туркестана — русские, увезенные в Китай в качестве пленников. Известно было, что их много, в основном женщины и дети, и что десятки пленников убили киргизы во время бегства²⁰⁶. Некоторых пленников возвратили китайским властям²⁰⁷. Другие, вероятно, были проданы китайским подданным. Никто не мог, однако, выяснить ни числа выживших, ни их местонахождения.

Потери среди населения и материальный ущерб

В феврале 1917 года Куропаткин сообщал, что во всем Семиречье среди русского населения погибли 2325 человек, пропавших без вести — 1384. Самым пострадавшим внутри области, как мы знаем, был Пржевальский уезд, где мятежники убили 2179 человек и еще 1299 пропали без вести. В прочих областях Туркестана во время восстания пострадали очень немногие русские, кроме Джизакского уезда, где 83 человека были убиты и 70 пропали без вести — в основном угнанные кочевниками женщины и дети²⁰⁸. Итоговые данные позже губернатор Семиречья скорректировал в сторону понижения. В октябре он докладывал о 1905 убитых и 1105 пропавших без вести²⁰⁹. В любом случае, по числу человеческих жизней восстание стоило русским больше, чем все завоевание Туркестана (потери тогда, с 1860 по 1881 год, составили 2376 человек)²¹⁰.

Среди солдат в отрядах, участвовавших в карательных действиях против мятежников, было около 270 жертв на весь край, из них 170 пришлось на Семиречье. Эта цифра удивительным образом низка, особенно для Семиреченской области, если принимать во внимание масштабы репрессий и насилия против мусульманского населения. Другая показательная цифра — это число жертв среди работников администрации. Нападения на присутственные места, пожары и насилие со стороны повстанцев, о которых говорилось во всех официальных донесениях, повлекли не более сотни жертв среди администрации по всему краю, и в основном это были мусульмане, занимавшие должности на местах. Из них 34 приходится на Фергану и только две на Семиречье: там, где связи между русскими и мусульманскими посредниками представляются крепче, где лучше было налажено сотрудничество — там оказалось и больше жертв²¹¹.

Чтобы подсчитать потери и ущерб, понесенные русским населением в Семиречье, были созданы комитеты на уровне уездов с задачей провести всю необходимую работу на местах. В докладе губернатора области, составленном в марте 1917 года, приводятся результаты, еще не полные, проведенных расследований. Несмотря на то, что многие колонисты были мобилизованы, площади возделываемой русскими земли уменьшили не сильно, на 1,5%. Всего шла речь о 591 десятинах возделанной земли. Однако из-за восстания урожай собирался только с 502 десятин. Таким образом, пропал урожай с 15% возделанной земли. Причины пропажи были в том, что перемещающиеся кочевники уничтожили часть полей, а также в том, что крестьяне не могли продолжать полевые работы, пока ситуация оставалась опасной. В общей сложности, докладывал губернатор, объем производства зерна гарантировал удовлетворение местного спроса и позволял экспортировать из области 1,7 миллиона пудов. Излишки зерна уменьшились значительным образом, в предыдущий

год их было 10,3 миллиона пудов, и это падение означало резкое сокращение поставок в другие области²¹². Чуть позже мы оценим драматические последствия этого уменьшения производства объемов зерновых.

Поголовье скота колонистов также значительно уменьшилось. Выходило, что 90% животных угнано кочевниками, к тому же более 5000 жилищ в 93 селениях разрушено²¹³. Общий объем ущерба был внушительным, даже если масштабы, вероятно, и были раздуты, поскольку сообщения о понесенных убытках сопровождалось выражением надежды на возмещение ущерба государством. Администрация Семиречья, действительно, поспешила оказать помощь русским, признанным жертвами мятежа. В первую очередь получали помощь русские, переехавшие в Пржевальск: продукты питания, одежду, финансирование — подъемные на постройку дома, на начало полевых работ, возобновление коммерции, ремонт почтовых дорог²¹⁴.

Потери, понесенные мусульманским населением, значительно превосходили потери русских. Данные, которыми мы располагаем, имеют, однако, фрагментарный и противоречивый характер, поскольку администрация не вела подробного учета жертв. Впрочем, это было бы и сложно сделать, так как кочевники были разбросаны, часть скрылась в горных труднодоступных убежищах, часть бежала в Китай. Кроме того, часто достоверную информацию невозможно было получить в том числе и потому, что мусульмане тайно хоронили своих погибших и прятали раненых, чтобы не оставлять следов собственной причастности к восстанию²¹⁵.

Число жертв среди оседлого населения вообще не установлено.

Семиречье было областью, где резня кочевого населения приняла особо крупные масштабы. Численность потерь населения можно оценить между максимальной цифрой в 270 000 человек и минимальной в 150 000 человек. Нижняя оценка, возможно, не включает беженцев. Верхняя оценка соответствует 30% всего кочевого населения области и приводит к заключению, что она включает как жертв насилия со стороны колонистов, так и бежавших в Китай. Вероятно, эти две цифры приблизительно равны²¹⁶. В Джаркентском и Пржевальском уездах, где потери населения были максимальны, исчезло три четверти кибиток²¹⁷.

Скотоводство потерпело катастрофический ущерб по причине массовой гибели скота от рук колонистов и в результате того, что традиционные кочевые пути и пастбища потеряли пригодность. Ситуация усугубилась, когда кочевники начали возвращаться на свои брошенные земли из Китая и обнаружили большую часть зимовок разрушенной, а поля разоренными. Но стояла уже поздняя осень, вскорости выпал снег, и было трудно собрать даже то небольшое количество зерна, которое оставалось. Урон киргизской экономике оценивается в 56% поголовья скота и 57% культивируемой земли²¹⁸.

В Пржевальском уезде поголовье скота, составлявшее до восстания более двух миллионов голов, было полностью уничтожено или расхищено колонистами. В других уездах оставалось меньше трети из ранее насчитывавшихся шести миллионов голов скота²¹⁹. В таких условиях большая часть аулов не смогла бы продолжать кочевой образ жизни. Лишенные помощи и изгнанные со своих территорий, киргизские племена, казалось, были приговорены судьбой к превращению в полуголодный рассеянный народ.

Интерпретация восстания

Вспышки насилия летом 1916 года показали России, что колониальный режим Средней Азии находится в тяжелом кризисе и вернуть регион к мирному состоянию будет довольно сложно, если не изменить политику и не обратить внимания на потребности местного населения. Проблема состояла, однако, в том, что империя была не в состоянии изменить курс — война забирала все ресурсы и людей. В Петрограде считали, что колония должна поставлять ресурсы, а не требовать их.

В сложившейся ситуации Куропаткин не видел никакой альтернативы применению силы, но при этом понимал, что держать в регионе многочисленные военные подразделения невозможно. По окончании чрезвычайной ситуации русские вновь рисковали оказаться беззащитным, и, чтобы этого избежать, утверждал генерал, «необходимо срочно вооружить население»²²⁰.

С восстановлением порядка в колонии назрела необходимость осмыслить произошедшее, ответить на некоторые фундаментальные вопросы. Конфликт возник спонтанно или был спланирован? Если спланирован, то кем? Как объяснить диспропорцию между уровнями насилия мятежников, жертвами которых стали десятки людей, и русских, которые уничтожили тысячи?

Нам представляется несомненным, что восстание кочевников было подготовлено. Мы не знаем, велись ли в преддверии восстания переговоры и имелись ли договоренности между аулами или племенными кланами, но самоорганизация, которую продемонстрировали повстанцы, их отличительные знаки и знамена, вооружение указывают на то, что их действия не были стихийными. Да и Куропаткин настаивал на этой природе восстания²²¹. Судя по докладу одного из полицейских чинов, в Пржевальском уезде первые признаки подготовки были отмечены за месяц до начала мятежа — когда киргизы принялись закупать и подковывать лошадей, собирать продукты, когда пошли слухи о том, что они готовят копыя. В конце июля киргизы, работавшие у русских, стали уходить, пользуясь любыми предложениями. Не единожды они предупреждали русских о предстоящих беспорядках. Затем киргизы, подпадающие по возрасту под мобилизацию,

скрылись в горах, в то время как дунгане Мариинского уезда начали пересекать китайскую границу²²².

Выясняется также, что и русская армия, и русские колонисты тоже готовились к столкновению. Губернатор Семиречья докладывал, что предвидел возможные волнения и затребовал у Ташкента военную помощь еще в июле, получил значительное военное подкрепление и разместил его на территории наиболее подходящим образом для вмешательства в случае беспорядков²²³. Дружины колонистов, раздача оружия, прибытие казаков и отрядов действующей армии указывают на военную подготовку, в которой гражданские действовали бок о бок с солдатами.

Чтобы понять развитие конфликта, необходимо расследовать вопрос об оружии, находившемся в распоряжении колонистов. Выясняется, что в 1914 году во всем Туркестане для защиты поселенцев было около 30 000 ружей, из которых только около 4000 находились непосредственно у крестьян, а остальные хранились на оружейных складах. В декабре 1914-го поступило распоряжение все оружие хранить на складах, потому что войска испытывали нехватку вооружения для формирования новых пехотных подразделений²²⁴. В 1915 и 1916 годах, как объяснял Куропаткин, колониальная администрация нуждалась в оружии для отправки на фронт и реквизировала 18 000 ружей у русского населения края. Так что колонисты «были вынуждены безоружными пройти через беспорядки и мятежи в Семиречье»²²⁵. В начале 1916 года на складах находилось всего 13 800 стволов, из них в Семиречье — 7300. Из этих ружей 8000 находились практически в руках населения, хранясь на складах уездной администрации и в станицах, остальные 5800 принадлежали армии. Вследствие мусульманского мятежа было роздано еще 8800 ружей (6000 в Семиречье): 2800 в 1916 году и 6000 в январе–марте 1917 года²²⁶. Куропаткин признал факт раздачи этого оружия в этот период. Однако, по объяснению генерала, выдавалось только одно ружье на десять семей, гораздо меньше, чем требовали колонисты²²⁷. Еще в начале февраля губернатор Семиречья сообщал, что располагает половиной необходимого оружия²²⁸. Возможно, он успел получить еще много ружей в течение последнего месяца, оставшегося старому режиму.

Таким образом можно сделать вывод, что количество оружия, находящегося в распоряжении колонистов, значительно уменьшилось за время первых двух лет войны, а затем удвоилось после восстания и, особенно, в начале 1917 года. Число наличествующих мужчин изменялось соответственно: вначале была мобилизация, потом солдаты, уходя в запас, стали возвращаться.

Способность разбить мятежников, устроить им резню, изгнать с территории, уничтожить или присвоить их имущество — все это позволило некоторым сделать заключение, что восстание было осознан-

но спровоцировано колонистами, чтобы получить возможность полностью лишить кочевников собственности. Среди прочих этот тезис поддерживал Бройдо, русский офицер, с которым мы еще встретимся позже: первое время после Февральской революции он руководил рабоче-солдатским советом Ташкента²²⁹.

Прямых доказательств в поддержку этой гипотезы не существует. Возможно, это преувеличение, но доля истины там содержится. Действительно, вполне вероятно, что во многих населенных пунктах Семиречья русские воспользовались приказом о мобилизации на тыловые работы как поводом для окончательного сведения счетов с кочевниками. Однако в других районах, где восстание приняло особо жесткие формы, колонисты оказались плохо вооружены и беззащитны перед повстанцами. Представляется вероятным, что колонисты, хотя и ожидали мятежей, во многих селениях были застигнуты врасплох. Страх сделал русские общины более агрессивными. Тем временем вернулись солдаты и прибыло оружие. Таким образом, на волну насилия со стороны кочевников, которая длилась несколько дней, последовала ответная агрессия со стороны русских, продолжавшаяся два или три месяца и возобновившаяся (как мы увидим дальше) на следующий год. Нисколько не удивляет, что в официальных сообщениях говорится о том, что армия и колонисты осознанно стремились к уничтожению всего достояния кочевников²³⁰. Так кого, чтобы достичь мира в регионе, следовало обуздать — кочевников или колонистов?

Имелись и другие интерпретации. Некоторые полагали, что губернатор Семиречья сознательно спровоцировал восстание, поскольку симпатизировал немцам, врагам России, и хотел ослабить империю. Слухи об измене губернатора циркулировали тогда среди казаков и старых колонистов и отражали расхождения в оценке русскими чрезмерно жестоких методов репрессий, которые рассматривались как следствие заговора²³¹.

Ходили также настойчивые слухи о международном заговоре, направляемом Германией. Военному командованию Туркестана поступило донесение от секретных агентов империи, которое Куропаткин считал заслуживающим доверия. В нем сообщалось о том, что прибывшие в Афганистан немецкие и турецкие офицеры разгуливают в форме по улицам Кабула. Это свидетельствует, сообщали агенты, о готовности Афганистана развязать войну против России при поддержке турецкой армии. Семиреченское восстание явилось частью этого наступательного маневра и было организовано киргизскими агитаторами, которых поддерживал Китай по соглашению с Германией. План предусматривал блокаду киргизами Оренбургской железной дороги в то время, как афганцы и турки начали бы действия в Закаспии, перекрыв пути к Каспийскому морю. Таким образом русские Туркестана оказались бы изолированы и полностью уничтожены, за исключением женщин, которые достались бы мусульманам²³².

В то же время в Ашхабаде, в Закаспии, говорили, что Тегеран будет оккупирован турецкой армией и что турецкое правительство послало эмиссара к туркменам-йомудам, чтобы поднять их на восстание против России. Йомуды должны будут присоединиться к турецким и персидским силам вдоль дороги Тегеран—Ашхабад²³³. Агенты также сообщали, что еще в июне, до появления пресловутого приказа, некоторые влиятельные мусульмане Ташкента контактировали с афганским эмиром, призывая его вступить в войну против России²³⁴. А через месяц, похоже, из Ташкента пошли сообщения в Бухару с известием о приближающемся мусульманском восстании²³⁵.

Нет ничего невероятного в том, что в разгар войны в Средней Азии появляются турецкие и немецкие агенты, чтобы плести интриги против России; даже вполне вероятно, что восстание было воспринято ими с удовлетворением. Не похоже, однако, чтобы мусульманские повстанцы получали какую-то поддержку или оружие. Так что нельзя трактовать восстание как механическое следствие этих интриг и, следовательно, рассматривать агрессию против кочевников как часть идущей войны. Сообщения русских секретных агентов и циркулирующие слухи играли, впрочем, значительную роль в событиях 1916 года, поскольку содействовали убеждению армии в том, что назревает большая угроза всем русским, способствовали росту паники и подпитывали агрессивные настроения против мусульман. Войска, таким образом, приготовились к столкновению, а колонисты воспользовались случаем продемонстрировать силу кочевникам.

Происходящее указывало на поворот в политике по отношению к мусульманам и могло вызвать резонанс по всей империи. В политических кругах Петрограда, как следствие, возникли опасения по поводу экстремизма колонистов и поведения армии. В конце августа делегация Петроградской думы, находившаяся с визитом в Туркестане, посетила Фергану. Делегация состояла из председателя мусульманской фракции Думы и депутата-эсера, коим был Александр Керенский, будущий премьер-министр Временного правительства. Керенский принял предложение участвовать в делегации в том числе и потому, что, будучи родом из Ташкента, учился там и судьбы колонии были ему небезразличны. В Андижане делегаты отправились в мечеть Джамии, где состоялась встреча. Во внутреннем дворике мечети, где собралась группа мусульман, был расстелен большой ковер, поставлены два кресла для почетных гостей и стулья для их свиты. Дюжина влиятельных в городе человек села на ковер, остальные человек 200 стояли вокруг. В начале встречи возникла некоторая напряженность, и Керенский вмешался, заставив уйти двух мусульман из местной администрации, вероятно, непопулярных вследствие их действий по реализации приказа о мобилизации. Дискуссия касалась именно этого приказа, и все согласились с тем, что его следует трактовать как добровольный набор, а не обязательную реквизицию²³⁶.

Вернувшись в столицу, Керенский выступил с крайне критическим докладом в Думе. Он сообщил, что посетил разные районы Туркестана и обнаружил такую разруху, какой не найдешь даже в местах военных действий; он привел в пример Джизак, полностью разрушенный, и утверждал, что русская карательная экспедиция действовала с чрезвычайной жестокостью, уничтожая мужчин, женщин и детей²³⁷.

В то время как среди политиков-демократов появились опасения по поводу событий в Туркестане, в самом крае генерал Куропаткин с решимостью продолжал свое дело и докладывал царю о достигнутых успехах. Для России итоги не представлялись негативными, несмотря на восстание. В докладе губернатора, составленном в феврале 1917 года, сообщалось, что мобилизация рабочих идет «в полном порядке» и достигла уже 120 000 человек, из которых 110 000 были отправлены в Россию, а 10 000 остались в Туркестане на железнодорожных работах (вероятно, их использовали на реконструкции многочисленных отрезков железной дороги, пострадавших во время восстания) и на военных заводах. Куропаткин намеревался рекрутировать еще 80 000 человек к концу мая.

Что же касается имущества, приобретенного государством по им же установленным ценам или реквизированного, список был очень большим: 70 000 лошадей, 13 000 верблюдов, 13 000 юрт, огромные объемы мяса и рыбы²³⁸. Генерал все же признавал, что край был доведен до тяжелого кризиса, и утверждал, что «для гарантии спокойствия Туркестанского края» необходима поставка зерна из России, хотя бы 20 миллионов пудов²³⁹. Что, впрочем, было уже невозможно.

Надвигающаяся катастрофа

Прежде чем колония вернется к «спокойному» существованию, пройдут годы. И все эти годы поставок зерна из России не было, кризис в крае перешел в голод. Голод сопровождал как падение колониального строя, так и его реставрацию в советской форме.

Чтобы лучше представлять себе изменение ситуации, исследуем прежде всего вопрос о наличии зерна в разных регионах края²⁴⁰.

На пороге войны, в 1913 году, Туркестан в совокупности располагал (теоретически) избытком зерна в размере 2,5 миллиона пудов, с большим избытком в Семиреченской области и большим дефицитом в Фергане. Следует, однако, учитывать, что только небольшая часть Семиреченского зернового избытка продавалась в другие области Туркестана (не более 2 миллионов пудов, при избытке в 17 миллионов)²⁴¹ и что цифра не учитывает армейское потребление, а также зерно, используемое для производства пива и водки (что оценивается приблизительно в 5 миллионов пудов). Таким образом, для других областей Туркестана мы получим реальный дефи-

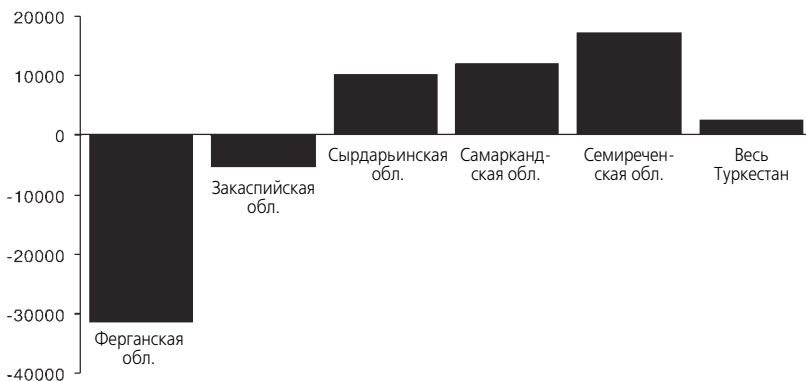

График 1. Избыток/дефицит зерна по областям, 1913 г. (тыс. пудов)

цит примерно в 18 миллионов пудов. Этот подсчет подтверждается тем, что четыре предшествующие войне года Туркестан получал зерно из России в размере 15–20 миллионов пудов в год. Из них 12–15 миллионов отправлялись в Фергану²⁴².

Ситуация в Туркестане сложилась таким образом, что тем, кто имел зерно в избытке, было невыгодно поставлять его тем, кто в нем нуждался. Чтобы на телегах и верблюдах доставить зерно из Верного, столицы Семиречья, до Ташкента, требовалось два или три месяца. Там перед самой войной зерно продавалось по цене вдвое выше, но даже эта разница не могла стимулировать кушцов на большие поставки²⁴³. Внутренний рынок Туркестана стал бы доступен, если бы цены выросли значительно или же транспорт стал много лучше. Именно поэтому уже давно началось строительство железнодорожной ветки, которая соединила бы Верный и Ташкент. Работы были, однако, на тот момент приостановлены: поезд из Ташкента останавливался в Аулие-Ата, не доходя до Семиречья.

Нам неизвестны объемы наличествующего зерна по отдельным областям во время войны. Известно, тем не менее, что, не считая Семиречья, дефицит зерна в Туркестане продолжал расти. В 1915 году внутреннее производство было в состоянии удовлетворить 89% спроса, в 1916-м — 80%, а в 1917-м — только 48%²⁴⁴. Недоставало более половины требующегося зерна. В ситуации растущего дефицита пропитания обострялись социальные и политические конфликты, ставился под угрозу сам колониальный строй. Проследим созревание этой конфликтной ситуации, рассмотрев основные причины спада сельскохозяйственного производства, сокращения ресурсов, что лежало в основе социальной напряженности.

Сокращение производства зерна началось, когда из Петрограда пришел приказ о мобилизации колонистов. Мобилизация, объявлен-

ная в начале войны, продолжалась до 1917 года. В сентябре 1917-го число русских солдат из Туркестана насчитывало почти 60 000, 30 000 из них были из Семиречья, что для этой области составляло половину мужских рабочих рук²⁴⁵. Кроме того было мобилизовано 6000 казаков (в десять раз больше, чем в довоенный период), более четверти состава казачьего войска²⁴⁶. Отток столь существенной части русской рабочей силы из сельской части Туркестана не мог не повлечь тяжелых экономических последствий (и не только для одного Семиречья), учитывая, что непосредственно перед войной около 80% зерновых излишков в области производилось именно крестьянами-иммигрантами — казаками и колонистами.

Ситуация усложнилась вследствие восстания кочевников, которое в Семиречье и других местах поселения иммигрантов началось в период уборки колонистами летнего урожая зерна. Неизвестно, какая часть урожая пропала, но, несомненно, потери были значительны.

Затем последовали холодная зима и весенняя засуха, которая вывела из оборота не орошаемые искусственно поля и даже осушила многие реки. Возделываемые поля и пастбища погибали. Результатом в 1917 году стала нехватка зерна, а также корма для скота: начало голода.

Петроградское правительство, которое столкнулось с уменьшением производства зерна по всей России и испытывало затруднения с обеспечением армии и городов, не озаботилось критическим положением колонии²⁴⁷. Летом 1917 года поставки зерна по Оренбургской железной дороге были очень незначительны, осенью произошел еще больший их спад, наконец железнодорожное сообщение окончательно прервала Гражданская война²⁴⁸. Недостаточное обеспечение зерном наиболее тяжело сказывалось, естественно, в Фергане. До войны здесь производство держалось на уровне около 15 миллионов пудов, при дефиците минимум в 30 миллионов, половина которого покрывалась Россией; в 1917-м дефицит вырос, а поставки зерна по железной дороге из России с середины 1917 до середины 1918 года еле превышали миллион пудов²⁴⁹.

Экономика колонии и, соответственно, отношения с Россией, как мы знаем, строились вокруг производства хлопка. Непосредственно перед Первой мировой войной Туркестан обеспечивал более половины спроса империи; в ходе войны Туркестан приобрел еще большую значимость, поставляя практически весь хлопок, используемый в российской текстильной и военной промышленности²⁵⁰. Значительная часть хлопка поступала из одной только Ферганской области²⁵¹.

Во время войны изоляция России от мирового рынка поставила ее в условия, когда продукция маленькой Ферганской долины стала для нее жизненно необходимой. Нужда в солдатском сукне и взрыв-

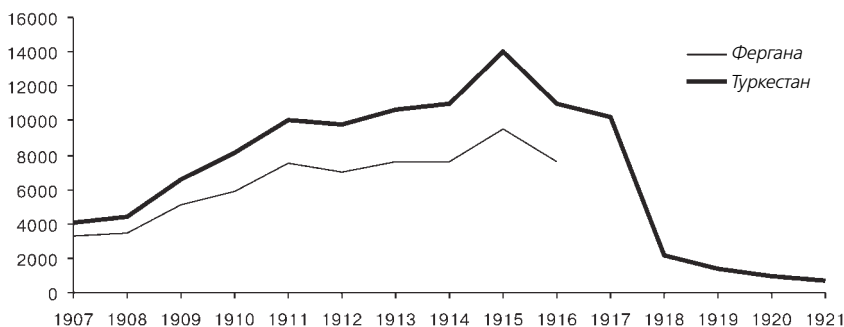

График 2. Производство хлопка (тыс. пудов)

чатке (хлопок используется и в изготовлении взрывчатки) требовала, чтобы эта далекая долина продолжала производство, а железные дороги продолжали доставлять хлопок-сырец на фабрики Европейской России. С 1916 года производство хлопка претерпело, однако, резкое сокращение, затем спад продолжился вплоть до почти полного исчезновения плантаций (хлопковая экономика поднимется уже только в 20-х годах).

Если сравнить изменения площадей, засеваемых хлопком, и площадей, отведенных другим культурам (преимущественно употребляемым в пищу), обнаружатся отправные точки для исследования причин и развития кризиса²⁵².

Из графика 2 видно, что расширение хлопковых площадей продолжалось в ходе первых двух лет войны. В 1916 году, как нам уже известно, началось падение производства: сажалось больше, но собиралось меньше. Дехкане (крестьяне из коренного населения) в период мобилизации на тыловые работы и последовавшего за этим восстания не смогли достичь уровня производства предыдущих лет. Дальше ситуация еще более ухудшилась, многие хлопковые поля были заброшены, падала урожайность и на засеянных полях²⁵³.

Графики показывают, что в Фергане, как и во всем Туркестане, сначала уменьшились площади, отведенные под другие культуры, затем уже — хлопковые. И когда были заброшены хлопковые насаждения, это не сказалось на подъеме других культур. Таким образом, имела место реальная заброшенность, а не конверсия производств. Фергана и Туркестан в целом теряли свое главное богатство, хлопок, и были не в состоянии поддержать производство продуктов питания. Как мы увидим в дальнейшем, в 1917 году Туркестан располагал половиной зерна, необходимого для удовлетворения внутреннего спроса. Россия не могла спасти ситуацию поставками зерна, напротив — была вынуждена резать и тот объем, что обеспечивала до войны, отказавшись тем самым от колониального хлопка.

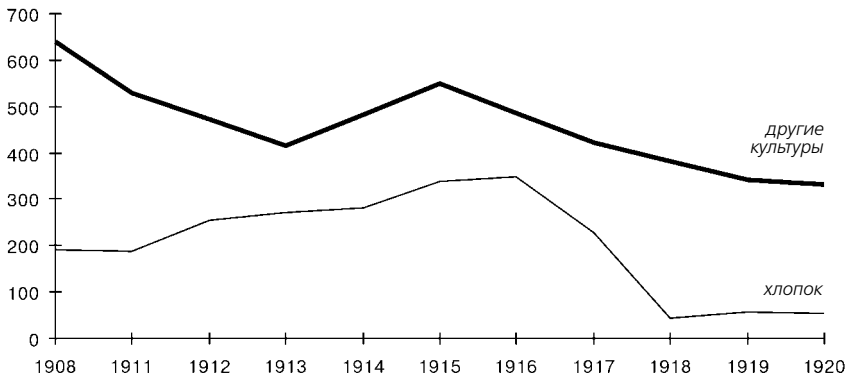

График 3. Возделываемая земля в Фергане (тыс. десятин)

За два первых года войны изменение относительных цен в пользу зерна создало неблагоприятную ситуацию для производителей хлопка. Действительно, до войны хлопок был, с большим отрывом, самой прибыльной культурой: десятина земли, засеянной хлопком, приносила доход более чем в 3 раза больше, чем десятина, засеянная зерновыми. Разница базировалась на том, что цена одного пуда хлопка была примерно в три раза выше, чем цена пуда зерна²⁵⁴.

Предпочтение хлопку отдавалось также и потому, что эта культура требовала гораздо большего труда, чем зерновые, что отвечало нуждам Ферганы, области с очень большой плотностью населения. Спрос на работников был столь велик, что местной рабочей силы уже не хватало и нанимались тысячи батраков из Китая (Кашгар) и Персии. Без этого оплачиваемого труда подъем хлопкового производства даже в первые годы войны был бы невозможен²⁵⁵.

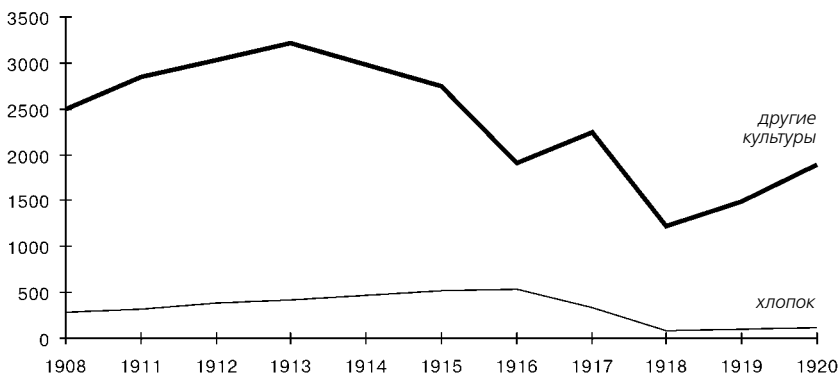
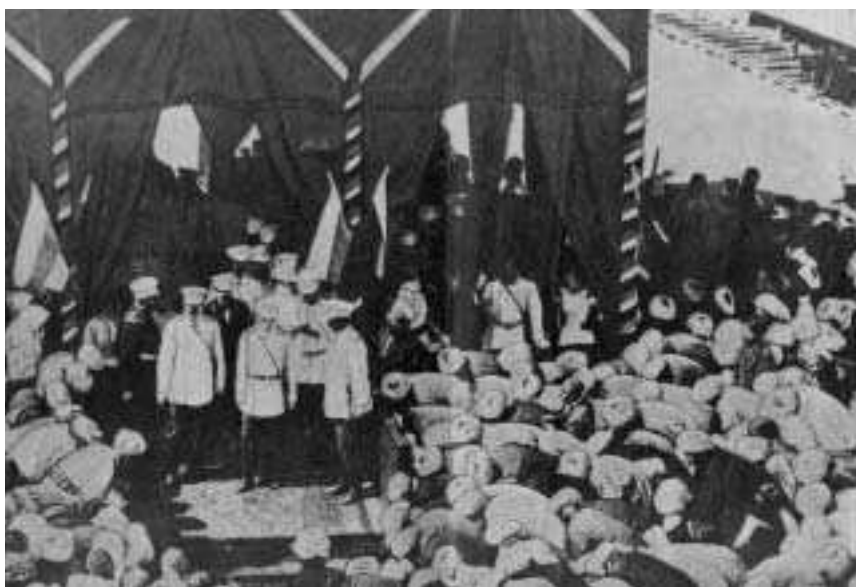

График 4. Возделываемая земля в Туркестане (тыс. десятин)

В 1916 году земледельцы Ферганы, таким образом, оказались с меньшим количеством хлопка, с меньшим производством зерна и с меньшими возможностями приобретать это зерно в других областях Туркестана или в России. Неприменим был и такой выход, как замена хлопкового производства зерновым, поскольку аграрные кредитные институты и коммерческие предприятия не готовы были отказаться от хлопковой экономики, а обедневшие дехкане не имели для этого собственных ресурсов. Кризис в Фергане только начинался, хлопковое хозяйство пришло в упадок при отсутствии альтернативного производства, сформировалась большая масса безработных²⁵⁶.

Итак, факты свидетельствуют о кризисе, углублявшемся с каждым годом. В контексте заблокированной колониальной экономики и грозящего голода случилось то, что в колонии предвидеть было невозможно, — крах монархии и последующая делегитимизация всех имперских институций. Кризис вступал в новую фазу.

Часть II. **РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**

Прибытие генерала Коровиченко в Ташкент

Обычно в ходе войны государства становятся более милитаризованными и авторитарными. В России, напротив, находившаяся в кризисе центральная власть, царский режим, уступила место правительству, которое бралось победоносно завершить войну, но одновременно с этим и установить в стране новый демократический порядок. Это была Февральская революция, власть перешла к Временному правительству.

Последствия революции достигли и Туркестана: как колониальный режим был навязан извне, так и революция пришла из Петрограда. Во многом эта ситуация не отличалась от положения в других районах империи: кризис режима зрел не здесь, конкретизировался с образованием нового правительства, изменения распространялись из столицы по всей территории страны. Во всех провинциях империи в государственном аппарате и в армии было беспокойно, все понимали, что смена режима повлечет серьезные изменения, но не было понятно какие. Помимо тревоги, были и надежды на то, что война скоро закончится.

Центр был источником кризиса, ставившего под сомнение легитимность государственного аппарата и местной администрации, и там же определялись новые формы, к которым, видоизменяясь, двигалась общественная жизнь. Как и во всей империи, в Туркестане конец царизма открывал дорогу возрождению политической инициативы. Казалось, что темные годы войны миновали и идет возврат к эпохе протестов и демократических надежд, которые захлестнули Россию в 1905 году. Брожение, впервые не обуздываемое полицией и цензурой, началось повсюду, затрагивало самые разные слои населения — от чиновников до интеллектуалов и политиков. Они выводили людей на улицы, на собрания и дискуссии. Широко распространилось ощущение, что ничто уже не может остаться, как было раньше. Беря пример с Петрограда, здесь появлялись советы, ассоциации, газеты, партии. События шли к передаче управления краем Учредительному собранию, избираемому демократическим путем, но вмешалась большевистская революция.

Кризис режима в Туркестане имел те же черты, что и в России, но там были свои особенности, которые следовало бы отметить. Первой отличительной чертой являлись колониальное положение

Туркестана и его военная администрация, что сталкивало демократические преобразования со сложными дилеммами: каковы пределы демократии в колониальной ситуации? не приведет ли демократизация к концу Туркестана как колонии? если да, станут ли русские поддерживать революцию, которая обернется против них? Вторая особенность туркестанского развития революционной ситуации заключалась в том, что здесь крах старого порядка произошел еще в 1916 году, когда восстало мусульманское население. Несмотря на подавление мятежа, жизнь в колонии далеко не нормализовалась и ситуация оставалась тревожной, так как исчезли многие точки соприкосновения между русскими и мусульманами. Военная власть, хотя и позиционировала себя как устойчивую и непреклонную, была лишь слабой подменой той сети взаимосвязей, которая с таким трудом была выстроена. Возможно ли было восстановить структуру сотрудничества в разрушенной колониальной экономике в отсутствие близких перспектив ее восстановления? Еще одна важная особенность Туркестана то, что регион погружался в голод. Кризис был гораздо тяжелее общероссийского кризиса и необратимо привел бы к социальным обострениям. Можно ли было предотвратить неизбежное вследствие голода противостояние между иммигрантским меньшинством и остальным населением?

Новые политические веяния проникли в Туркестан через основной канал, связывающий колонию с центром, — через армию. Патриотический дискурс Временного правительства, демократические требования, начало политической активности, до того отсутствующей, — во всем этом первые роли играли военные. В основном это были офицеры, затем и солдаты, они говорили по-русски и по-украински, находились в Туркестане совсем недавно, и многие из них не собирались там задерживаться надолго.

1. Революция по телеграфу

Восстание 1916 года обозначило разрушение связей внутри общества и внутри государственной администрации. Это не стало, однако, антиколониальной революцией, потому что не нашлось лидера, который сформулировал бы приемлемую политическую альтернативу; скорее это был подавленный мятеж, не свергнувший колониальную систему, хотя и нанесший ей некоторый урон. У мусульман и русских не оставалось альтернативных путей для выстраивания новых отношений. Падение царского режима, однако, значительно изменило ситуацию и перспективы ее развития.

Вначале казалось, что все, напротив, упростится. Новая риторика завоевывала площади, не встречая сопротивления, все были готовы прославлять демократию и приближение конца войны, пока шла речь о лозунгах, а не о решениях, чреватых последствиями для хрупкого равновесия колонии. Еще прежде, чем о политике, встал вопрос о людях. Смена чиновников, необходимая новому режиму для завоевания доверия, вселяла надежды и могла дать позитивный сигнал мусульманам. Однако как произошла бы эта смена? Не были ли опасны для русских подобные изменения в ситуации, и без того кризисной и напряженной?

Царский колониальный режим, преодолевший столкновение с мятежниками, поставила под сомнение революция, произошедшая далеко отсюда. Известие об отречении царя вызвало немедленный отклик в Ташкенте. Это был услышанный всеми сигнал о том, что существующий порядок может быть изменен. Каждый интерпретировал новость по-своему, и каждый попытался понять, какие перед ним открываются возможности. Престиж звания упал в глазах многих офицеров, солдаты увидели возможность вернуться домой. Для многих семей русских иммигрантов это был конец безопасности, угроза второй волны мятежа; для мусульман — надежда на конец репрессивного колониального владычества, а для многих из них, возможно, также конец и всех деловых отношений с русскими. Неопределенность и обилие открывающихся возможностей могли опрокинуть колониальный строй и повлечь беспорядки. Так что ситуация была очень щекотливая, все зависело от того, каким образом смена режима, начавшаяся в Петрограде, затронет колонию.

Вернемся же в Ташкент и последуем за ходом событий.

Царь отрекся, ликование в Ташкенте

Первые неофициальные слухи об отречении царя распространились в Ташкенте 1 марта. В воспоминаниях мы читаем:

«Телеграммы <из Петрограда> рвали друг у друга из рук. На улицах и в парках собирались в кружки и читали телеграммы, обменивались новостями, обсуждали <...> В сердцах всех были веселье и легкость»²⁵⁷.

Известие «воспринято во всех кругах Ташкента с радостью, граничащей с безумием. <...> Кто станет новым царем, вот вопрос, который все себе задавали. Слишком смелой еще была мысль, что царя больше не будет вообще»²⁵⁸. Город охватило брожение, все хотели знать, что происходит в Петрограде. Наконец, 3 марта, газеты объявили о формировании нового правительства.

«Граждане Туркестанского края! В Петрограде произошли великие события <...> Обращаемся к вам, армия Туркестана, к вам — солдаты, к вам — рабочие, ремесленники и крестьяне, наконец к вам — туземные сограждане! Помните, что любой беспорядок играет на пользу только врагам нового порядка и нашим внешним врагам, немцам»²⁵⁹.

С этим призывом обратилась к населению газета «Туркестанский курьер», еженедельник русской буржуазии Ташкента, поддерживающей новое правительство. Все властные группировки и влиятельные горожане были благосклонны к смене режима; не было и признака оппозиции, напротив, — призывы к спокойствию и порядку; все хотели, чтобы «революция» произошла без потрясений и, разумеется, с сохранением русских колониальных интересов.

Сразу стали циркулировать слухи, впоследствии оказавшиеся беспочвенными, о том, что мусульмане вновь готовят восстание; сообщалось о нападениях на русских в Кызыл-Арвате и Коканде²⁶⁰. Естественно, имели место опасения, что с падением царизма русское население окажется незащищенным. Потом последовали успокаивающие известия: генерал Куропаткин решил руководить изменениями в колониальной администрации именем нового правительства; тем самым армия оставалась на месте. Генерал, как он сам писал в своих дневниках, «глубоко сочувствовал новому строю жизни в России»²⁶¹ и 4 марта отдал приказ войскам сохранять верность правительству.

Следующий день в Ташкенте был днем большого праздника. Власти объявили праздничную манифестацию в честь нового порядка. Местом манифестации стала центральная площадь нового города, площадь Кауфмана. Было дождливое воскресенье, ранним утром на площади появились офицеры и солдаты, затем стали прибывать в большом количестве русские горожане, их было несколько тысяч, не все смогли попасть на плотно забитую площадь, многие стояли на соседних улицах. Полиции нигде не наблюдалось, все были доброжела-

тельны. В 11 утра с большой помпой прибыл генерал Куропаткин. Взяв слово, он раскритиковал министров бывшего правительства, которые не смогли обеспечить население продуктами первой необходимости и «не действовали в согласии с представителями народа». Затем обратился он к Николаю Николаевичу как к «высочайшему государю и великому царю», который признал новое правительство еще до того, как отказался от трона.

«Теперь в России есть крепкая и законная власть <...> — сказал Куропаткин. — Теперь все в России должны признать эту новую власть и непоколебимо уважать ее. Чтобы обеспечить победу над врагом, все должны продолжать работу на своем месте; чтобы дать войскам все необходимое, должны сохранять полный порядок и спокойствие».

Затем слово взял Маллицкий, городской голова, и продолжал в той же риторике, обратившись ко всем горожанам, — «христианам, мусульманам и евреям».

«Великая революция, — сказал он, — происходит в то время, когда краем управляет старый туркестанский военный, генерал Куропаткин. Возможно, Временное правительство найдет ему замену <...> пока Временное правительство не сочтет нужным его заменить, поклянемся подчиниться ему до последней капли нашей крови».

В конце церемонии Куропаткин и городской голова встретились с делегацией от старого города и призвали ее участвовать в поддержании порядка, а также сотрудничать с русскими для победы в войне²⁶².

Чтобы внушить доверие мусульманам, Куропаткин продемонстрировал им первое конкретное свидетельство изменений в позиции администрации — разослал циркуляр губернаторам областей, в котором приказывал прекратить уголовное преследование киргизов, принимавших участие в восстании 1916 года, остановить административные наказания в их отношении, добиться смягчения уже вынесенных приговоров²⁶³. Несколько дней спустя Куропаткин ввел в действие на территории Туркестана декрет об амнистии, выпущенный Петроградским правительством 8 марта. На основании этого декрета киргизы, приговоренные за мятеж, выходили на свободу, а те, которые бежали в Китай, получили возможность вернуться в Туркестан²⁶⁴. Амнистия была также распространена на русских колонистов и казаков, виновных в применении насилия во время подавления восстания. Правительство намеревалось скорее не вершить правосудие, а стереть из памяти произошедшие конфликты, возможно, не отдавая себе отчета, что таким образом дает повод к новым вспышкам насилия.

Колониальные власти Туркестана со страхом приспособлялись к новым веяниям из Петрограда, с трудом принимали крах мо-

нархии и уже начинали надеяться на сильную руку нового правительства. В первую очередь им хотелось, чтобы падение центральной имперской власти не повлекло за собой хаос в колонии. Солдат собирали на площади, поскольку опасались, что армия не останется в бездействии, и поручали кому-нибудь говорить об угрозе нового мятежа мусульман, чтобы убедить солдат и колонистов в необходимости держаться вместе. Петроградская революция, казалось, касалась главным образом, если не исключительно, русских. Жители старого города не были с русскими на площади во время этих двусмысленных празднеств; впрочем, они и не смогли бы следить за речами представителей власти, которые говорили на непонятном им языке.

Одновременно с ташкентской манифестацией подобные мероприятия прошли в Самарканде, Ашхабаде, затем в Петро-Александровске и в Ходжентской крепости²⁶⁵, а несколько позже и в более далеких русских городах. В Верном и Семиречье в конце марта по улицам прошли двадцать тысяч человек. Это были городские жители, казаки из ближайших станиц, солдаты. Местная газета, сообщая о демонстрации, подчеркивала, что, когда шествие двигалось мимо мечети, находившиеся рядом мусульмане приветствовали его²⁶⁶. Не упускалось ни одного случая подчеркнуть общественное согласие, в существовании которого все сомневались.

В то же время в Ташкенте продолжались уличные акции. Риторика и хореография манифестаций производили впечатление того, что происходящая революция была карикатурой, срежиссированной людьми старого режима. 10 марта отмечался национальный праздник освобождения. Одновременно происходили две манифестации: одна в новом городе, другая — в старом. Акции не противопоставлялись друг другу. В русском городе на площади собрались десятки тысяч солдат с красными кокардами, русских горожан, а также мусульманская делегация с флагами и траспарантами. Манифестанты несли большие портреты Родзянко, Керенского и Милукова, членов петроградского Временного правительства. Лозунги провозглашали свободу и скорое образование Учредительного собрания. Играли и пели «Марсельезу». На площади был и мусульманский оркестр. Собрание было открыто, естественно, Куропаткиным, который украсил грудь красной розеткой. Потом выступали городские власти и, что было в новинку, речь держал председатель Совета рабочих Бельков, затем слово взяли мусульмане²⁶⁷. Манифестация старого города также была многочисленной. Одним из двух основных ораторов был Кольбай Тугусов, редактор «Алаша», газеты национальной казахской организации. Собрание приняло решение послать Временному правительству телеграмму солидарности²⁶⁸.

Происходила революция, у которой, казалось, было много неожиданных сторонников и ни одного врага.

*В Ташкенте появляются Советы
и преобразуется городская администрация*

Городские власти, организующие сходки на площадях Ташкента, обсуждали (в других обстоятельствах) институциональные реформы, которые нужно провести, чтобы продемонстрировать доверие новому политическому курсу. Многие проблемы, возникавшие у их коллег в Петрограде, здесь и не ставились. Здесь не было народного восстания, не было Советов, которые требовали изменений в правительстве, вроде бы не было никаких внутренних конфликтов в государственном аппарате, не было угрозы реакционного государственного переворота, поскольку армия была по-прежнему сильна. Так что дискуссии касались мер по приведению политических институций Туркестана в соответствие с существующими в центре. Именно поэтому в Туркестане не произошло революции, инициатива оставалась по большей части в руках старых правящих классов. Последние были готовы дать основные политические свободы, поскольку не могли противостоять решениям Петрограда, но в то же время старались придать нововведениям весьма умеренный характер. В столь взрывоопасной ситуации, что сложилась в Туркестане, изменения должны были проходить под лозунгом преемственности, чтобы избежать кризиса государственной власти и обеспечить колонизаторские интересы. Альтернатива должна была выстраиваться постепенно и требовала полной сплоченности внутри русской общины, а также политики сотрудничества с прогрессивными силами мусульман. Управление краем оставалось, таким образом, под контролем генерала Куропаткина, который становился действительно временным представителем новой власти Петрограда.

Изменения в управлении Туркестаном еще не намечались, но уже началась реформа городской администрации Ташкента и других крупных городов края. Первые инициативы были нацелены на расширение участия в городском управлении посредством привлечения существующих общественных организаций и создания новых форм представительства — Советов.

2 марта, когда еще не было официально объявлено о формировании Временного правительства в Петрограде, в Ташкенте состоялось собрание рабочих мастерских Центральной азиатской железной дороги, на котором был создан первый Совет²⁶⁹. На следующий день представители Совета этих мастерских вместе с представителями других фабрик сформировали Совет рабочих депутатов Ташкента. Совет, состоявший в основном из меньшевиков, выпустил обращение, в котором утверждал, что свои задачи он видит «в поддержании полного спокойствия в городе и предотвращении всяких нежелательных выступлений»²⁷⁰.

Рабочие решили, кроме того, созвать собрание солдат, чтобы образовать Совет солдатских депутатов; этот Совет, говорилось в обра-

щении, «должен взять на себя поддержание дисциплины в войсках и предотвращение отдельных разрозненных выступлений»²⁷¹. 4 марта, неизвестно при каком количестве представителей, образовался солдатский Совет²⁷². В разных войсковых подразделениях быстро создавались комитеты. Те, кто продвигал эти инициативы, не имели враждебных армии целей, не пытались расшатать военную дисциплину; напротив, они декларировали желание создать «тесные и дружеские» отношения между офицерами и простыми солдатами²⁷³. К организации Советов примкнули многие офицеры, очевидно, они же и выступали в качестве инициаторов. Некоторые из них были известны своим враждебным отношением к мусульманам²⁷⁴.

Новые организмы, рожденные революцией, несли в себе, тем самым, менталитет прошлого: с одной стороны, они казалось бы были обеспокоены прежде всего тем, чтобы избежать выхода на баррикады ташкентских рабочих и солдат, как это произошло в Петрограде; а с другой — старались не допустить изменений в позиции и образе русской колониальной армии по отношению к туземному населению.

В эти первые дни те, кто активно продвигал формирование Советов, занимались в основном организационными проблемами. Нужно было назначать собрания на основных фабриках и мастерских, созывать солдат, находить надежных людей, которые могли бы войти в Совет. В отличие от того, как это происходило в Петрограде, эти Советы не были результатом борьбы на фабриках или в войсках; в Ташкенте не происходило больших забастовок и давно не существовало профсоюзных или политических организаций на фабриках или в казармах. Советы, следовательно, появлялись без каких-то специальных задач или требований, только как механизм для организации рабочих и солдат и для распространения среди них информации о происходящей в России революции. Группа активистов состояла из людей, относящих себя к меньшевикам и эсерам, но линии этих партий не были главным пунктом политической повестки дня. На данный момент речь шла только о создании организующих инструментов для образования и легитимизации политического представительского управления в той переходной фазе, когда властные отношения и критерии управления оказались под сомнением.

Вначале местные Советы были немногочисленны (на первом городском собрании Совета рабочих присутствовало не больше двадцати пяти рабочих и двух солдат)²⁷⁵ и потому не могли всерьез считаться представляющими общественные интересы. Несмотря на это, формирующаяся политическая система придала им функции представителей Исполнительного комитета Советов Петрограда, соответственно дав власть, вытекающую из этой роли. Центр осуществлял постоянное давление на правительство Ташкента, посылая прямые указания по телеграфу²⁷⁶, а местные Советы следили за ис-

полнением этих указаний, выполняя функции контроля и даже блокируя деятельность местного правительства. Таким образом, помимо своих функций общественного представительства, Советы с самого начала заняли определяющие позиции.

Основным каналом распространения революционных идей и сообщения с центром являлась армия. 1 марта в Петрограде Совет издал приказ, который стал, по сути декларацией прав солдат; в нем не излагались принципы, в нем содержались директивы, направленные на демократизацию внутренней жизни казарм и регуляцию участия солдат в политической деятельности²⁷⁷. Куропаткин не мог воспрепятствовать предоставлению тех же прав солдатам Туркестана. Конечно, это не могло ему понравиться, и потому, вероятно, он пытался ограничить политическую активность солдат (в чем, как мы увидим, его будут обвинять Советы), но он не мог запретить солдатам выбирать своих представителей, потому что в таком случае опроверг бы собственное заявление о приверженности новому политическому курсу. В своем дневнике он с определенным беспокойством записал 6 марта, что в Ташкенте организуются солдатские Советы, в казармах выбирают делегатов²⁷⁸. Солдатская организация создавалась очень быстро и сразу стала основной движущей силой советизации в городе. Политический вес армии определялся центральной ролью, которую она играла в Туркестане. Совет был легитимным представителем солдат, носителем их воли, выражавшейся помимо всякой иерархии. Куропаткин оставался верховной военной властью, а Совет становился в армии политической властью.

Поначалу, впрочем, позиции Советов не отличались от провозглашенных Куропаткиным на площади; может быть, существовала договоренность с генералом относительно реализации постепенного и мирного перехода к новому режиму. Куропаткин эксплицитно предложил Советам организовать защиту против возможного восстания мусульман²⁷⁹. Угроза нового мятежа на самом деле существовала только в нескольких ограниченных зонах края и не представляла серьезной опасности, при условии, конечно, что русская армия останется на месте. Советы понимали эту необходимость и являлись (в том числе и поэтому) инструментами сохранения порядка и поддержания государственного аппарата, а не подрывающим фактором.

В первые же дни марта началась и реформа городской администрации Ташкента. 3 марта состоялось собрание «общественных организаций», то есть профессиональных и сословных ассоциаций города (коммерсанты, ремесленники, служащие, домовладельцы и т.п.). Представители этих организаций, уже игравшие значительную роль в формировании Городской думы, решили образовать Временный комитет, которому поручить управление политической и экономической жизнью Ташкента²⁸⁰. Речь шла, по сути, об отмене старой, цензовой Думы, выражающей интересы богатых слоев населения, и об

образовании альтернативного органа, который бы допускал более широкое участие в управлении городом. Таким образом началась переходная фаза: предстояло создать условия для подготовки демократических выборов, на базе которых появилась бы новая Дума.

На следующий день Куропаткин отдал распоряжение всем своим подчиненным и краевым институциям выполнять любое указание новых управленческих структур. В то же время он указал на опасность беспорядков и на необходимость принятия мер для избежания случаев нарушения порядка и общественного спокойствия, подчеркнул, что все попытки организовать беспорядки, грабежи и погромы должны жестоко подавляться. На самом деле его беспокойство было вызвано главным образом опасностью институциональной реформы, которая могла парализовать государство и ослабить его перед лицом бурлящего общества. Он обратился к новым центральным властям Петрограда за разъяснениями по поводу образующихся Советов и исполнительных комитетов. Центр должен был дать указания относительно формирования этих структур и возможности участия в них чиновников. Вопрос заключался в определении границ возможных действий Советов и комитетов. Обращаясь к центру, генерал не забыл упомянуть сложность ситуации в Туркестане, подчеркнуть, что еще имеется риск мятежей и нужно избегать любых трений между мусульманами и русскими. В общем, Куропаткин подчинился новому правительству, но не скрывал своего беспокойства о существующей опасности краха государственности²⁸¹.

5 марта, в день первой большой уличной манифестации, члены старой Городской думы (которая формально все еще исполняла свои обязанности) и представители общественных организаций провели встречу. Присутствовали все, кто что-то значил в городе, — члены предыдущей администрации, представители 22 общественных организаций, представители Совета, много публики. Среди прочих выделялись представители старого режима, такие, как мэр Маллицкий (мы уже знаем его по митингу на площади, где он выступал вместе с Куропаткиным), депутат от Туркестана во Второй государственной думе (1907 года) Наливкин, Коледзян, также депутат Второй думы. Разумеется, там присутствовали и новые политические фигуры, возникшие после Февральской революции, как, например, меньшевик Бельков, представляющий рабочий Совет города. На собрании были также представители старого города; один из них, член Думы, выступил в дискуссии, говоря по-русски. Как писали газеты, это было первым собранием с полной свободой слова, но из отчетов следует, что дискуссия послужила не столько выявлению разных позиций, сколько проверке общей приверженности новому политическому курсу. В конце мирного обсуждения произошел маленький, но значимый инцидент: часть присутствующих попросила убрать из зала портрет

царя, однако городской голова выступил против, возникла перепалка, с протестами и оскорблениями²⁸². Начатая во время первой встречи работа продолжилась на следующий день, было решено образовать Исполнительный комитет, куда вошли представители Совета и общественных организаций Ташкента.

Одним из главных вопросов, которые в последующие дни обсуждались Исполнительным комитетом, было определение путей участия мусульманского населения в политической жизни. Поводом для дискуссии стала организация мусульманами выборных административных структур в старом городе. В одной из мечетей, неизвестно по каким критериям, были назначены представители кварталов (12 человек на каждый из четырех кварталов) в новом Комитете старого города. Этот Комитет, в свою очередь, по планам мусульман, должен был делегировать двух представителей в центральную администрацию Ташкента²⁸³. Городской Исполнительный комитет одобрил участие мусульман: Комитет был готов предоставить место даже не двум, а четверем мусульманским представителям (русским гарантировалось значительное большинство), но все это при условии, что делегаты будут избраны всеобщим тайным голосованием²⁸⁴. Это требование, изначально невыполнимое (впрочем, даже в новом городе не были назначены выборы членов Комитета), выявляло явное недоверие русских к инициативам мусульман.

После серии переговоров решили, что Исполнительный комитет будет состоять из 19 членов. Туда вошли пять представителей Совета рабочих, два — от солдатского Совета, два — от старой Городской думы, два — от Комитета старого города (представители Шура-и-Ислам, о которой пойдет речь позже), один — от адвокатуры, один — от учительской ассоциации, один — от ассоциации врачей и еще пятеро представителей других общественных организаций²⁸⁵. Советы, образованные лишь несколько дней назад, получили наибольшее представительство в Исполнительном комитете. Напротив, старая Городская дума была практически отстранена от власти.

Первой инициативой Комитета было требование упразднить царскую полицию. В эти же дни в старом городе случились волнения, вызванные желанием не только распустить царскую полицию, но и создать новую милицию, состоящую исключительно из мусульман²⁸⁶. С согласия Куропаткина 6 марта старая полиция была распущена²⁸⁷, начальник полиции и пятеро высших полицейских чинов арестованы²⁸⁸. На собрании Исполнительного комитета председателю солдатского Совета, эсеру Бройдо, было предложено стать комиссаром милиции Ташкента и Ташкентского уезда²⁸⁹. Бройдо, однако, предложения не принял²⁹⁰.

Его отказ, вероятно, объясняется тем, что, согласившись, председатель Совета оказался бы на ключевом месте в новой государствен-

ной структуре с еще не определенным иерархическим подчинением. Поскольку институциональная картина была еще неясна, не было понятно, перед кем отвечает начальник полиции: перед Исполнительным комитетом или перед генералом Куропаткиным? Совет утверждал, что полицейские должности должны быть выборными и не следует ограничиваться простой внутренней перестройкой, удаляя только наиболее скомпрометировавших себя при старом режиме чиновников. На собрании солдатского Совета 24 марта Бройдо опять настоял на реформе, потребовав, чтобы полицейские служащие уезда были заменены выборной милицией²⁹¹.

Функции начальника полиции нового города были доверены члену Исполнительного комитета адвокату Закаменному²⁹². В старом городе руководить милицией поручили Худойарханову, капитану действующей армии из Сырдарьинской области, вероятно, татарину²⁹³. Как и следовало ожидать, немедленно возникли сложности как институционального порядка, так и вполне практического. Закаменный направил телеграмму военному министру Временного правительства, требуя прояснить вопрос собственного подчинения Куропаткину, и в ожидании ответа объявил о том, что не считает себя иерархически ниже генерала²⁹⁴. В то же время Куропаткин, хотя и допустил арест предыдущего полицмейстера, еще не освободил его от должности и продолжал выплачивать ему оклад²⁹⁵. Таким образом, налицо был конфликт власти, парализовавший (по крайней мере на некоторое время) новую верхушку правоохранительных органов. Существенные проблемы возникли, однако, позже, при реорганизации аппарата этих органов. Прокурор Ташкентского суда писал, что новая милиция состояла из людей, ненавистных населению, никому не подчиняющихся и коррумпированных²⁹⁶.

Политическое обновление начиналось осмотрительно, в обстановке взаимного согласия. Однако для дальнейшего движения требовалась бóльшая определенность со стороны тех, кто хотел сломить инерцию старого колониального режима. Необходимы были согласованные действия — инициатива, исходящая сверху, из Петрограда, и давление, осуществляемое снизу, общественными организациями и прежде всего Советами. Боязнь того, что Февральская революция вызовет опасный вакуум власти, подтолкнул к первым обновленческим инициативам, но будущее представлялось неясным и сулило сложности, конфликты и разочарования. Первые предпринятые шаги обнаруживали определенный страх перед новым, а также некоторую неоднозначность: еще не были очерчены новые рамки власти; абсолютной загадкой оставалось, в каких отношениях находятся горожане и их официальные представители; неизвестно было, получают ли все горожане, и русские и мусульмане, одинаковые права и получит ли Туркестан автономию от центра.

Решается судьба администрации всего Туркестана

Как уже можно было убедиться, главными действующими лицами новой политики были Советы. К концу марта они, похоже, нарастили свои организационные возможности и добились большей четкости в постановке задач. Новое самосознание ташкентских Советов было, по-видимому, вызвано налаживанием тесных связей с Петроградом. В центре готовился Первый всероссийский съезд Советов, открытие которого было назначено на 29 марта, и полным ходом шли консультации с многими местными Советами. В Ташкенте ожидали приезда представителя московского Совета. Совет рабочих, подготавливаемый этими сроками, собрался 20 марта и утвердил собственный устав. Таким образом были формализованы критерии представительства в Совете и его внутренняя организационная структура²⁹⁷. Даже если впрямую не заявлялось, что уставные нормы будут применяться на деле, все равно это было важным шагом на пути приближения Совета к интересам социума, который он намеревался представлять, а также легитимизировало его руководство. На следующий день прибыл московский представитель и провел первое объединенное собрание рабочего и солдатского Советов²⁹⁸. Целью собрания было избрать делегатов на петроградский съезд и составить обращение, содержащее политические установки двух Советов, чтобы вручить его делегатам. Текст утвержденного обращения не содержал новых тезисов и ограничивался подтверждением полной поддержки политики Временного правительства²⁹⁹. Обмен делегациями между центром и Ташкентом, возможно, содействовал координации действий, которые следовало предпринять в Туркестане.

Вскоре Советы начали предпринимать активные действия, чтобы переломить сопротивление институциональным реформам. 24 марта собрание под руководством Бройдо потребовало удалить старых чиновников из уездных администраций и ускорить замену царской полиции выборной милицией³⁰⁰.

Четыре дня спустя состоялось еще одно объединенное собрание обоих Советов, и там уже можно было наблюдать четкие признаки их усиления и радикализации. Прежде всего было принято решение о слиянии двух Советов, с образованием Совета солдатских и рабочих депутатов Ташкента. Бройдо, лидер солдатского Совета, был назначен председателем объединенного Совета. Все члены нового городского Совета были русскими³⁰¹. На том же собрании было решено издавать еженедельный печатный орган «Наша газета» и созвать конгресс всех Советов Туркестана 7 апреля³⁰². Конгресс был хорошей возможностью завязать тесные отношения с Советами, которые появлялись в других городах края (в Самарканде, Новой Бухаре, Андижане, Намангане, Коканде, Фергане, Ашхабаде и др.), и взять в свои руки политическое руководство в Ташкенте.

На том же собрании Совет впервые обвинил генерала Куропаткина в единоличном принятии решений, которые повлекли усугубление конфликта между русскими колонистами и кочевниками (к этим обвинениям мы вернемся позже), а также потребовал сместить чиновников царской администрации³⁰³. Очевидно, ташкентский Совет полагал, что у него уже достаточно сил не только для влияния на властные решения на уровне города, но и для того, чтобы потребовать изменения в руководстве всего Туркестана. Обвинение Куропаткина представляло генерала в дурном свете и должно было подтолкнуть Временное правительство покончить с неопределенностью относительно администрации Туркестана. Действительно, вплоть до этого момента Петроград поддерживал генерала. Куропаткин был необходим для установления порядка в регионе, хотя не лучшим образом представлял центральное правительство, если не сказать больше, так как являлся очевидным символом старого режима. Поэтому в Петрограде отношение к нему сложилось двойственное, рано или поздно его должны были убрать из Туркестана, но следовало дожидаться подходящего момента, чтобы смена прошла как можно менее травматично. Первый шаг в этом направлении был сделан в середине марта, с принятием решения назначить в Туркестан комиссара Временного правительства. Сообщая об этом Куропаткину, военный министр Временного правительства, он же ответственный по делам в Туркестане, обратился к генералу с многочисленными похвалами, указывая на то, что комиссар, князь Васильчиков, будет работать вместе с ним, а не заменять его³⁰⁴. Князю предстояло в первую очередь выстроить отношения между администрацией и общественными организациями;³⁰⁵ затем следовало принять участие в разработке реформ первого уровня (создание земства и регламента использования земли и воды в сельской местности)³⁰⁶. Васильчиков получил назначение, когда находился в Петрограде и не успел отправиться в Туркестан, так как известия, пришедшие из Ташкента, сделали его поездку бессмысленной³⁰⁷. Ташкентский Совет воспользовался решением Временного правительства, чтобы добиться снятия Куропаткина. Возможно, его вдохновил на эти действия Исполнительный комитет Советов Петрограда и имелась поддержка членов Временного правительства. Представитель ташкентского Совета Першин в то время находился действительно в Петрограде и обсуждал там с Керенским смену генерала³⁰⁸.

Куропаткин, судя по всему, не отдавал себе отчета в опасности ситуации и полагал, что может обуздать власть Советов. 30 марта он отдал приказ войскам, где говорилось, что в последнее время появились случаи отставок людей с должности по решению Совета, а это недопустимо, так как только Временное правительство может решать такие вопросы³⁰⁹.

В то время как генерал издавал свой приказ, шло собрание Совета, которое решило снять его с должности губернатора Туркестана

и командующего армией, сместить еще четырех генералов и взять их под арест. Формально Совет не имел таких полномочий, поэтому в тот же день было созвано второе собрание, с участием членов городского Исполнительного комитета, который взял на себя ответственность привести в действие решения Совета. На собрании постановили также отделить гражданскую администрацию края от военной: первая переходила в подчинение трем комиссарам Исполнительного комитета Ташкента (среди них был Бельков, руководитель Совета рабочих)³¹⁰, вторая подчинялась полковнику Черкесу, который становился тем самым командующим туркестанской армией, сменив на этом посту Куропаткина.

Генерал Куропаткин

Черкесу в подчинение придавались также еще два полковника, назначенных собранием³¹¹. Несколько дней спустя на новом собрании Совета Черкеса ввели в президиум ташкентского Совета, другие два полковника стали его членами³¹². 31 марта, в то время как Черкес вступал в должность, Куропаткин был взят под домашний арест³¹³. Никто не выступил в его защиту, даже армейские командиры, которые очевидным образом опасались выступить против воли Совета и дискредитировать себя перед солдатами. Впрочем, и в Петрограде уже были согласны со снятием генерала. Куропаткин, таким образом, вынужден был подчиниться и попросил у Совета разрешения покинуть Туркестан³¹⁴. Совет разрешил, и 6 апреля генерал отбыл в Петроград (где сразу по прибытии был отпущен из-под ареста).

В тот же день, что Куропаткин покинул Туркестан, в Петрограде был назначен комитет Временного правительства с функциями правительства Туркестана. Власть Комитета распространялась на пять областей края, а также на Хивинское и Бухарское ханства. Комитет состоял из девяти членов, пятеро из которых были русскими, а четверо — мусульманами. Назначения были сделаны таким образом, чтобы свести воедино все основные политические силы, наличествующие в Туркестане, и получить одобрение как Совета, так и мусульманских организаций³¹⁵.

Смена администрации Туркестана обозначила важный успех Совета. В кратчайшие сроки он не только стал политической силой первого уровня в городе, но и продемонстрировал, что может суще-

ственным образом влиять на решения, касающиеся управления всем Туркестаном. Образование Комитета Временного правительства — то, к чему привела эта политическая интрига, было важным шагом на пути дальнейших реформ административной системы. Ташкентский Совет потеснил центральное правительство на этой территории и гордился радикальностью своих позиций. В первом номере «Нашей газеты», вышедшем на следующий день после ареста Куропаткина, в редакционной статье говорилось, что во всем Временном правительстве один Керенский представлял трудовые массы, все остальные министры представляли только землевладельцев и промышленников³¹⁶.

Чтобы лучше понимать все хитросплетения тогдашней политической жизни, подробнее остановимся на обвинениях, которые Совет предъявил Куропаткину.

Обвинения в адрес генерала Куропаткина и доводы Совета

Ташкентский Совет вменял Куропаткину в вину в основном две вещи. Первое обвинение — генерал препятствовал участию солдат в политической жизни и пытался избежать их вмешательства в дела администрации³¹⁷. Это было вполне вероятно. Куропаткин, старый государственный служака, воспринимал собственные функции и функции армии как вытекающие из служения Отечеству, из порядка и иерархии, и опасался, что ослабление дисциплины может захлестнуть армию, подвергнуть русское население опасности и допустить падение колониального режима. В своем дневнике, еще в начале марта, генерал написал по поводу солдатского Совета, что пока еще не случилось ничего страшного, но «ожидать можно всего, до террористических актов, особенно опасных в Азии, где мы, русские, составляем треть среди 10 миллионов туземного населения». В этой ситуации, писал он, существует угроза, что петроградский Совет выдвинет требование о передаче власти народу; если это требование распространится и на Туркестан, начнутся беспорядки³¹⁸. Таковы были тревоги генерала. В Туркестане, однако, не происходило революции, Совет не ставил задачи поднять солдат на мятеж, он стремился лишь снять верхушку армии, сохраняя порядок в казармах.

Перейдем ко второму обвинению, на котором Совет настаивал с большей определенностью. Куропаткина сочли виновным в раздаче оружия русским колонистам для подавления восстания мусульман. Вопрос контроля за оружием всегда был сложным для края, поскольку колонисты хотели держать его при себе, а войска — хранить на приказарменных складах³¹⁹. После Февраля опасность ослабления власти и русского военного присутствия заставляла колонистов требовать вооружения с еще большей настойчивостью. В конце марта

Совет обсуждал столкновения русских с мусульманами в поселении за пятьдесят километров от Ташкента, и кто-то сообщил о том, что Куропаткин снабдил русских двумястами ружьями. Совет придерживался мнения, что в случае беспорядков необходимо посылать войска, а не вооружать колонистов, и потому утвердил резолюцию, в которой порицал действия генерала. По мнению Совета, Куропаткин продолжал в отношении мусульман политику старой администрации и, раздавая оружие, сознательно провоцировал возвращение к этническому конфликту в жесткой форме³²⁰.

Версия происходящего, представленная Куропаткиным, заметно отличалась. Он признал, что раздал даже не 200 ружей, а все 8000, но подчеркнул, что в марте 1917 года требования выдачи оружия многократно поступали от местного Совета³²¹. По его утверждению, он выдавал оружие только тогда, когда без него нельзя было обойтись, иными словами, когда войска были не в состоянии защитить русское население. Он не видел своей вины, потому что сражался за то, чтобы обеспечить переход к новой системе свободной России без травм, без кровопролития, и добился больших результатов: в пяти областях Туркестанского края в течение марта не было пролито ни одной капли крови³²².

На этом строилась защита генерала. Куропаткин настаивал: мирный путь к демократическому управлению требовал защиты русского населения от мусульман, вплоть до защиты оружием в случае необходимости. Было очевидно, что для русских существует опасность, уж по крайней мере — что русские вряд ли смогли бы продолжать пользоваться своими привилегиями в Туркестане. Обсуждались лишь методы, которыми можно было и следовало бороться с этой опасностью.

Второе обвинение в адрес Куропаткина представляется обоснованным, поскольку с тех пор, как он стал губернатором, колонистам было роздано много оружия. Как мы уже знаем, в основном его получали колонисты Семиречья, еще в начале 1917 года, и много оружия раздавалось на случай непредвиденных обстоятельств³²³. Совет, однако, не мог не видеть ранее, что оружие раздавалось колонистам, поэтому его протест выглядит по меньшей мере запоздалым. Совет не противопоставил себя с ходу генералу, напротив — полагал его верным новому правительству. Впрочем, и в Петрограде его не расценивали как врага, даже когда он был удален из Туркестана. Генерал пишет об одной беседе с Керенским, во время которой единственный министр, к которому лояльно относился ташкентский Совет, «реабилитировал» его в части обвинений в распространении оружия с целью спровоцировать столкновения с мусульманами³²⁴.

В то же время в Ташкенте генерал Черкес признавал, что задача оружия Куропаткиным не была провокацией, это был ответ на требования оружия, которые исходили и продолжали еще исходить от кре-

стьян, а также от местных исполнительных комитетов. Черкес, однако, запретил всякую раздачу оружия³²⁵ и приказал военному командованию Семиречья распространить этот запрет по всем казармам³²⁶.

Подлинный политический смысл обвинений в адрес генерала состоял, однако, в том, что они служили оправданием решению Совета взять под свой контроль командование войсками и распространение оружия — уже тогда важные моменты, в перспективе — наиважнейшие. Куропаткин это хорошо понимал и написал, лишь слегка преувеличив, что мотив его ареста состоял в том, что Совету «надо было взять власть в свои руки»³²⁷.

Обвинения Совета, хотя и не до конца искренние, были хорошо выстроены. Это обуславливалось прежде всего тем, что политические изменения в колонии они собирались проводить, основываясь на сочетании инициатив Совета на местном уровне и реформаторских действий Временного правительства. Центральное правительство уже приняло требования Совета относительно политических свобод солдат, а недавно выпустило декрет, отменяющий ограничения прав и дискриминацию нерусских национальных групп населения³²⁸. Соответственно, оно не могло игнорировать тяжесть предъявленных Куропаткину обвинений.

Кроме того, эти обвинения позволяли Совету предстать приверженцем умеренной линии в выстраивании отношений между русскими и мусульманами. Эта линия позволила Совету завязать контакты с некоторыми мусульманскими организациями, появляющимися в крае (контакты крайне противоречивые, как будет видно в дальнейшем). С этой точки зрения очень значимым было уже одно присутствие мусульманских представителей на собрании Совета, на котором было начато наступление на Куропаткина и где представители Совета говорили, что «свобода объединяет все народы», и обращались к сартам, туркменам и киргизам, признавая их страдания и подтверждая, что теперь они «члены одной семьи» с русскими³²⁹. Риторика эта позже станет постоянной, несмотря на расхождения с конкретными действиями русских. Важно было, однако, чтобы заявления были сделаны именно тогда, были использованы против Куропаткина и послужили определению позиции Совета в период борьбы за власть. На собрании, где потребовали снятия Куропаткина, также присутствовали мусульмане, члены Шура-и-Ислам³³⁰. Совет, состоящий из русских, надеялся привлечь прогрессивные мусульманские организации, чтобы избежать опасного противостояния с местным населением.

Начинание Совета, как видно, имело успех: Куропаткин был изгнан из Туркестана; на командование войсками были поставлены люди, верные Совету, гарантировавшие дальнейшее вовлечение солдат в политическую жизнь; был создан Комитет Временного правительства, что также послужило знаком открытости для прогрессивных

мусульманских организаций. Их самая большая всероссийская организация – Временное центральное бюро мусульман России, созданное в марте, на собрании 6 апреля одобрило решения Комитета. Центральное бюро призвало членов Комитета немедленно удалить из Туркестана приверженцев старого режима; добиться полного равенства в правах для русских и мусульман с гарантией представительства национальных меньшинств; согласовывать действия Комитета с представителями Советов; бороться с колониальным менталитетом и колониальной политикой³³¹.

Таким образом, казалось бы произошло слияние сил, согласных вести Туркестан к демократическому строю, гармонично обеспечивающему интересы и русских, и мусульман.

2. Брожение в мусульманской элите

Политическое возрождение, вызванное кризисом царизма и образованием Временного правительства, затронуло не только русских. Мы уже видели, что некоторые мусульмане участвуют в собраниях, наблюдали создание ими новых политических структур. В самом деле, сложные обстоятельства институциональных изменений в России и шаткое равновесие внутри колонии создали условия для принятия мусульманами на себя более активной роли в управлении Туркестаном вместе с русскими, а в перспективе, возможно, и вместо них³³².

Мусульманская политическая элита, активно действовавшая в 1917-м и в последующие годы, состояла из интеллектуалов разного происхождения и образования, даже говорили они на разных языках. Однако все это многообразие можно свести к трем основным группам.

К первой группе относились люди светской культуры, преимущественно татары и казахи достаточно высокого социального происхождения, получившие образование в русских школах. Их политическая активность начиналась в 1905–1907 годах, когда царизм пошел на осторожные реформы и основал институт Думы как места выборного представительства разнообразных политических и национальных составляющих империи. Затем взяла верх реакция, начавшаяся в 1907 году с пересмотра избирательного закона, в результате чего критерии представительства изменились в сторону ограничения и Туркестан лишился права на собственных депутатов. Активность мусульманского движения стала менее интенсивной, но продолжалась (по большей части в других частях империи) и вновь развернулась в полную силу в 1917-м. Мусульманские политики ставили своей задачей изменение ориентиров империи, выражение протеста против русского мира. При этом они оставались в стороне от тем, наиболее остро дебатировавшихся среди туркестанских интеллектуалов и, в противоположность последним, полагали, что религиозные вопросы второстепенны по отношению к политике.

Вторая составляющая мусульманской политической элиты в Туркестане – интеллектуалы из среды джадидов. Все они, как правило, были коренными жителями края и главными двигателями культурного возрождения Туркестана, занимавшимися модернизацией обуче-

ния в медресе; их активный политический опыт, однако, был довольно скудным. Они считали себя приверженцами полного обновления, произошедшего в тюркском мире в конце XIX века, и в политической деятельности ориентировались на младотурков, добивались реформ и принятия демократической конституции в Бухарском эмирате и в Хиве. В 1917 году, в обстановке общего брожения умов, джадиды создавали ассоциации и газеты. Часто они поддерживали светских интеллектуалов, которые прибывали в Туркестан в качестве руководителей всероссийского мусульманского движения.

Принадлежность к образованным слоям мусульманского общества, знание русского языка и культуры были двумя необходимыми качествами для представителей вновь формирующегося правящего класса. Их политическая активность состояла в культивировании территории посредничества, она же была точкой соприкосновения (или границей) мусульманского и русского общества. Мусульманская элита, действующая на этом поле, стремилась подчеркнуть свою укорененность в местном обществе и утверждала в то же время необходимость действовать в контакте с русскими, чтобы совместно выработать новые правила управления колонией. Она исповедовала умеренный национализм и брала на себя роль охранения культурной границы, которая отделяла мусульман от европейцев, но и допускала влияния и поощряла взаимный обмен и диалог.

Третьей составляющей мусульманского политического мира образца 1917 года были улемы-традиционалисты, которые с неохотой позволили втянуть себя в политическую деятельность. Несомненно, они имели гораздо большее влияние на население, чем джадиды, но именно из-за противостояния западным влияниям у них были большие сложности в функционировании на политическом поле, предложенном русскими. Их деятельность была обращена главным образом на мусульманское общество, на защиту ценностей, которые они полагали фундаментальными, тех, что декларировал ислам. Они не стремились напрямую управлять, напротив, зачастую они осуждали власть как таковую, считая ее формой узурпации.

В Туркестане, где наиболее явным фактором коллективной идентичности местного населения была общность веры, исключаящая европейскую иммиграцию, во главе политического движения мусульман оказались не улемы, стоявшие на защите мусульманской духовной жизни, а те, кто ощущал себя ближе всего к русским. Очертание границы с русскими стало спорным идеологическим выбором. Улемь-консерваторы рассматривали современность, представленную русскими, как угрозу и считали, что мусульманам следует руководствоваться Кораном, а не плутать, контактируя с иноверцами. По этой причине они находились в жесткой полемике с джадидами и стремились представить последних примером духовной развращенности, которая выводила их за границы общества, почти как если бы они

были замаскированными русскими. Джадиды, напротив, придерживались другой политики: они полагали, что с русскими необходимо контактировать, и включали в свой круг интеллектуалов западного склада, защищающих национальную идею. Эти глубинные расхождения не препятствовали тем не менее периодическому нахождению взаимопонимания, поскольку улемы-традиционалисты не могли абстрагироваться от политических инициатив джадидов, а джадиды нуждались в поддержке улемов, имеющих более глубокие корни в местном социуме. Соперники, таким образом, оказывались в одном потоке национального движения.

С образованием Временного правительства и началом реформ русский политический мир в феврале 1917-го сделал шаг в сторону поиска контрагентов в мусульманском мире. Интеллектуальная элита Туркестана и мусульманские политики приняли это предложение к сотрудничеству. Русские организации признавали необходимость установления конструктивных отношений с мусульманами, чтобы отвечать запросам времени, но опасались, что чрезмерная открытость приведет к неконтролируемому процессу перехода власти к автономной элите. Таким образом, образовался двойственный союз, в котором русская и мусульманская стороны питали противоречившие друг другу надежды.

Чтобы следить за мусульманской политической деятельностью, было бы полезно изучить путь, который проделали два лидера, сыгравших центральную роль в событиях 1917 года. Они были полномочными собеседниками Временного правительства и возводили сеть мусульманского национального движения в Туркестане. Это Мухамметшан Тынышбай-оглу (Тынышпаев) и Мустафа Чокай-оглу (Чокаев). Чтобы понять их, мы должны вернуться немного назад и остановиться на их позициях по отношению к восстанию 16-го года, которые будут релевантны для прояснения их роли как политических деятелей.

*Тынышпаев: от Алаш-Орды
до Комитета Временного правительства*

Тынышпаев родился в 1879 году в Лепсинском уезде Семиреченской области³³³. Его отец, глава богатой и влиятельной казахской семьи, представлял туземное население в комиссии по регулированию распределения земли между казахами и новыми казакскими поселениями. Молодой Тынышпаев двигался к такой же роли, только на более высоком уровне. Он начал с изучения русского и посещения гимназии в Верном. Затем отправился в Петербург, где получил диплом инженера-строителя. Вернувшись в Туркестан, он оказался одним из немногих людей с техническим образованием, был принят на работу на Центральную азиатскую железную дорогу, работал на строительстве

Семиреченской железной дороги. Железная дорога должна была облегчить колонизацию Семиречья и позволить транспортировать излишки зерна из этой области в те районы, где производили хлопок.

Тынышпаев начал заниматься политикой в 1905 году. Казахские интеллектуалы находились тогда в состоянии брожения умов, все ожидали от царского режима перехода к реформам. На собраниях вырисовывались две политические тенденции: одна — «западническая», другая — «тюркофильская» и «панисламистская». Алихан Букейхан-улы (Букейханов), один из главных вдохновителей будущей партии Алаш-Орда, определил первую из этих сторон, как состоящую из «интеллигенции, воспитанной на русской литературе, верующей в европейскую культуру, видящей счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры и считавшей религиозные вопросы второстепенными, при наличности обещанной 17 апреля свободы веротерпимости».

Вторую тенденцию, наоборот, представляла «интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности»³³⁴. В 1905 году интеллектуалы обоих направлений активно пошли в политику и совместно взяли на себя роль защитников прав казахов перед русскими властями³³⁵. В конце года в Уральске состоялся конгресс делегатов, на котором было решено создать национальную партию, Алаш-Орду³³⁶.

Тынышпаев участвовал в этом движении и параллельно с работой в качестве эксперта по строительству мостов и каналов занялся политической деятельностью. Первым шагом в этом направлении было собрание Алаша под его председательством, проведенное в 1905 году в Верном. Два года спустя он стал уже политическим руководителем первой величины, был избран депутатом второй Думы в качестве представителя Семиречья. Тынышпаев, как и другие участники мусульманского национального движения, примыкал к фракции кадетов, которые из всех русских партий были наиболее чутки к национальным вопросам. В Думе было всего 34 мусульманина, среди них и Букейханов.

Опыт думской работы закончился, впрочем, через несколько месяцев: царь приказал распустить Думу, а новый закон о выборах обозначил конец всем надеждам на демократизацию режима. Последовали годы кризиса. Мусульманское движение не могло предпринимать никаких действий в атмосфере реакции, созданной Столыпиным.

Годом возобновления политической активности казахских интеллектуалов стал 1912-й, когда образовался националистический культурный кружок. На следующий год этот кружок основал в Оренбурге газету «Казах»³³⁷. Главными вдохновителями газеты были влиятельные интеллектуалы — Алихан Букейханов, Ахмед Байтурсун, Мир Якуб Дулатов-улы (Дулатов), Аханса Досмухамме³³⁸.

В 1915-м Тынышпаев информировал редакцию «Казах» о существовании правительственного проекта, касающегося мобилизации населения Степного края и Туркестана. На страницах газеты открылась дискуссия, которую полезно вспомнить, поскольку она хорошо отражает политические позиции этой группы интеллектуалов³³⁹. Ими не обсуждалась сама возможность призыва под ружье, напротив, признавался долг каждого подданного империи участвовать в защите России. Мобилизация, по их мнению, могла бы иметь положительный эффект, поскольку уравнивала автохтонные народности Средней Азии с другими народами империи. Дебаты на страницах «Казах» касались лишь методов мобилизации, обсуждалось, что лучше — записывать казахов и киргизов в подразделения кавалерии или пехоты. Преобладало предложение, поддерживаемое в частности и Тынышпаевым, о записи в кавалерию с требованием взамен за службу уравнивать казахов с казаками в правах на землепользование.

В феврале 1916-го Букейханов и Байтурсун отправились с делегацией в Петроград, чтобы больше узнать об этом проекте. По возвращении они написали в «Казахе» о том, что мобилизация пока откладывается³⁴⁰. Кроме того, они сообщили об «общем мнении» в Петрограде — «в случае призыва» казахи и киргизы будут записаны в кавалерийские части и получат равные права с казаками³⁴¹.

25 июня, однако, пришел приказ о мобилизации, тональность которого сильно отличалась от того, что ожидали. Приказ, как мы уже знаем, предусматривал «реквизицию» тыловых работников, а не военную мобилизацию. Газета опубликовала декрет только 6 июля, когда уже стали появляться первые известия о мятеже сартов в Ходженте и в Самаркандском уезде, незадолго до волнений в Фергане и введения военного положения во всем Туркестане (17 июля). Когда кочевые племена уже подняли восстание и начались жестокие столкновения с русскими, Алаш-Орда созвала собрание представителей регионов, затронутых восстанием, и представила серию предложений, призванных воспрепятствовать распространению волнений, организовать набор таким образом, чтобы уважались жизненные интересы и религиозные особенности мусульман, гарантировать мобилизованным помощь в местах прохождения ими службы³⁴². Несколько дней спустя после собрания Букейханов, Байтурсун и Дулатов опубликовали в «Казахе» призыв к населению сохранять спокойствие и уважать приказ³⁴³. Алаш-Орда, так же как и русские власти, не могла предвидеть реакции кочевых племен на мобилизацию и опубликовала свой призыв к порядку, выступая тем самым против мятежников и указывая на возможное политическое решение конфликта. Позиция казахских интеллектуалов была несомненно очень сложной: они хотели быть признанным рупором национальных интересов и в то же время противопоставляли себя восставшим кочевникам, которые составляли подавляющее большинство казахского

населения; демонстрировали чувство ответственности перед Петроградом и позиционировали себя проправительственно настроенными, но обнаруживали ту дистанцию, что отделяла их от населения.

Эта сложная позиция была неотъемлемой частью пути, который проделала национальная элита, осознавшая себя частью Российской империи. Сходная позиция обнаруживается и у представителей джадидов. Когда началась война, многие интеллектуалы из околосреднеазиатских кругов отметились патриотическими публикациями (под отечеством подразумевалась Россия), и даже когда в войну против России вступила Османская империя, их патриотизм не уменьшился. Когда в Петрограде было решено мобилизовать мужчин Средней Азии на тыловые работы, многие интеллектуалы отнеслись к этому даже с энтузиазмом. Отличался русофильской активностью Убайдулла Ходжаев, который стал председателем Комитета, призванного организовать набор в Ташкенте. Ходжаев действительно был нетипичной фигурой для джадидов и представлял фракцию, наиболее близкую к русской политике и культуре. Он родился в 1886 году в Ташкенте, посещал русско-туземную школу, был переводчиком у русского судьи, сначала в Ташкенте, потом в Саратове. На пороге войны вернулся в Ташкент, где открыл адвокатскую контору и принял участие в деятельности джадидов: стал редактором городской газеты, в 1914 году предложил отпраздновать пятидесятилетие со дня русского завоевания Ташкента и воспел на страницах газеты позитивную роль России для Туркестана. Когда разразилась война, он продолжал писать статьи в поддержку русской армии. Энтузиазм по поводу мобилизации тем самым был логичным продолжением занятой им позиции³⁴⁴.

В 1916 году Убайдулла Ходжаев направился в Петроград, чтобы пригласить в Туркестан думскую делегацию. В поездке его сопровождали Вадим Чайкин, русский эсер, проживавший в Ташкенте, и Мир Камиль-бай, богатый коммерсант из Андижана. В августе, как нам уже известно, официальная делегация Думы, в составе которой был Керенский, посетила край. По возвращении Керенский выступил в Думе с крайне критическим докладом по поводу методов подавления мусульманского восстания. Его речь, возможно, способствовала убеждению центра в том, что необходимо более тесно сотрудничать с казахскими политиками. Настолько, что вскоре на межведомственном собрании в штабе военного командования было решено отправить казахских представителей на места, где проходили службу мобилизованные³⁴⁵.

В начале августа в Ташкент прибыл генерал Куропаткин с четким заданием подавить мятеж. Тынышпаев тем не менее стал с ним сотрудничать: сперва попытался (безуспешно) отговорить мусульман от бунта³⁴⁶; затем сопровождал генерала в качестве переводчика и участвовал в переговорах с киргизскими племенами, выступая от имени русской администрации³⁴⁷. Тынышпаев искренне считал, что

мобилизация не была злоупотреблением, а восстание вспыхнуло главным образом из-за ошибок и коррупции на низших уровнях русской бюрократии и спекуляций мусульманских лидеров³⁴⁸. Тем самым он обличал методы, которыми проводилась мобилизация, а не сам ее факт. Текст декрета, утверждал он, был плохо известен на местах, и это допускало трактовку его деталей, порой искажающую общее содержание.

Как известно, генерал в целях замирения Семиречья собирался переместить казахов из зон, где конфликты с русскими были наиболее острыми, в другие районы; одновременно он раздавал оружие колонистам. Тынышпаев, тем не менее, сохранял полнейшую веру в Куропаткина и полагал, что с ним можно вернуться в золотую эпоху русской администрации края, как было в первые годы при генерал-губернаторе фон Кауфмане (в 1867–1889). Вспоминая об этих далеких временах, Тынышпаев говорил: «Правительство ясно поняло ожидания киргиз, шло навстречу их желаниям, и во главе области края были поставлены такие поистине замечательные люди, подобных которым киргизы не видели до самого последнего времени, а именно до назначения на пост генерал-губернатора генерал-адъютанта А.Н.Куропаткина»³⁴⁹.

Тынышпаев полагал, что русское правление было положительным фактором для мусульманского населения, поскольку содействовало процессу осовременивания их обычаев и культуры; он считал также, что эти аспекты могут быть отделены от тех, которые им оценивались негативно (узурпация земель, ничем не ограничиваемая колонизация в последние годы, коррупция в администрации и т.п.)³⁵⁰.

В конце марта, когда был образован Комитет Временного правительства по Туркестану, Тынышпаев стал одним из четырех мусульман, приглашенных в него войти. Из помощника генерала Куропаткина он превратился в члена Комитета, сместившего последнего. Он получил высокоответственную должность в момент, когда казалось, что открываются возможности реформаторских действий.

Тынышпаев работал вместе с Куропаткиным, пытаясь найти решение для охваченных мятежом районов, но не занимал ответственной должности в царской администрации и не был вовлечен в раздачу оружия колонистам. Таким образом, у русских он считался надежным человеком, а как член Алаш-Орды пользовался авторитетом у мусульман. Среди мусульман — членов Комитета он был единственным из Туркестана и обладал драгоценным опытом посредничества в сложных отношениях между русскими и местным населением. Кроме того, в качестве депутата Думы он примыкал к группе кадетов, партии, имевшей в тот момент широкую поддержку не только среди членов Комитета, но и в общественных организациях и новой городской администрации Ташкента.

Знание Тынышпаевым Семиречья, его хорошие отношения с киргизами открывали перед ним поле для проведения тонкой и ответственной политики, а также определяли точки соприкосновения с русскими. Туркестанский Совет, не во всем соглашаясь с местными Советами Семиречья, настаивал на том, что в случае новых беспорядков необходимо посылать войска, а не вооружать колонистов. Им было принято решение установить более жесткий контроль за хранением и выдачей ружей и боеприпасов, отозвать приказы о выдаче оружия населению, переписать все оружие, находящееся в руках частных лиц и солдат в запасе. Также была образована комиссия, которая в зонах наибольшей конфликтности пыталась бы посредством своих делегатов предотвратить возможные столкновения, способствовала назначению новых людей в администрацию и организовывала на местном уровне милицию³⁵¹. Все эти инициативы Тынышпаев не мог не считать позитивными.

Алаш-Орда была важным связующим звеном между Комитетом Временного правительства и Туркестан Милли Шураси (Национальным центром мусульман Туркестана), организацией, пользующейся авторитетом как у Шура-и-Ислам (представляющей джадидов), так и у Джамаит-и-Улема (улемов-традиционалистов). Во главе Милли Шураси нам встречается один из руководителей Алаш-Орды — Мустафа Чокаев. Зададимся прежде всего вопросом, кем он был и какую роль играл в политике Туркестана.

Чокаев, лидер Национального центра мусульман Туркестана

Мустафа Чокаев был на десяток лет моложе Тынышпаева, в 1917 году ему исполнилось 27. Он родился в Ак-Мечетском (Перовском) уезде во влиятельной казахской семье из кочевого племени Кыпчак. Отец, а ранее и дед были вождями племени. Как и Тынышпаев, Чокаев посещал русскую гимназию в Ташкенте, затем уехал в Петербург, где поступил на факультет юриспруденции. Выбор русского права для выходца из страны, где русские законы ограничивали применение шариата и адата, вводил его в казахскую элиту, ориентированную на Запад. И, возможно, был началом профессиональной карьеры в качестве посредника между колониальной администрацией и автотонным населением³⁵².

Политическая деятельность Чокаева началась в Петербурге, в организации студентов-мусульман. В 1907 году, когда Третья Дума сплотилась на основе закона, ограничивающего права представительства, Туркестан лишился своих депутатов. Было создано Политическое мусульманское бюро, куда вошел и студент Чокаев. Ему было доверено поддерживать отношения с Туркестаном. Чокаев получил тем самым возможность познакомиться с основными участниками мусульманского движения, в частности с Букейхановым. Он рас-

считывал стать депутатом и готовился к выборам, когда разразилась война. Личные планы были отложены, на некоторое время он был вынужден удовлетвориться работой секретаря мусульманской секции в Думе.

После восстания 1916 года Чокаев вошел в Думскую комиссию под началом Керенского в качестве эксперта и переводчика. Он сопровождал будущего председателя Временного правительства в поездке по кишлакам, разрушенным во время подавления восстания³⁵³.

Как и Тынышпаев, Чокаев получил русское образование, общался, служа переводчиком, с казахами (переводчики, писал впоследствии Чокаев, представляли первостепенное значение для национальных интересов³⁵⁴) и обладал связями, которые давали ему возможность играть политическую роль первого плана. С этим багажом он сразу после Февральской революции отправился в Туркестан.

По дороге в Ташкент Чокаев в середине апреля прибыл в Оренбург, как раз к началу важного всеказахского конгресса. Это была первая публичная инициатива, которая свидетельствовала о возрождении мусульманского движения в Средней Азии. В конгрессе участвовали ведущие политики, занятые реорганизацией Алаш-Орды (Алихан Букейханов, открывавший конгресс, Ахмед Байтурсун и Мир Якуб Дулатов-улы), а также группа представителей Комитета мусульман старого города в Ташкенте³⁵⁵.

Прибыв в Ташкент, Чокаев обнаружил высокую активность образованного мусульманского общества. В городе уже выходила одна газета джадидов, две новые начали выходить как раз в дни его приезда. Приверженцы традиционалистской мусульманской линии имели только одно издание³⁵⁶. На печатных страницах отражалась жизнь политических организаций, рассказывалось о культурных инициативах, дискуссиях и собраниях самого разного толка. В марте в старом городе Ташкента действовали разнообразные профессиональные ассоциации (учителей, врачей, торговцев, служащих), был образован Комитет жителей мусульманских кварталов³⁵⁷. В том же месяце была создана первая серьезная политическая мусульманская организация — Шура-и-Ислам. Вначале эта организация была объединяющей для местных политических течений самых разных направлений, хотя в наибольшей степени находилась под влиянием интеллектуалов панрусских партий и некоторых джадидов. Позже, ближе к лету, представители традиционалистов решили создать свою собственную организацию — Джамаит-и-Улема.

Джадиды действовали с большой осмотрительностью в отношениях с русскими. 24 марта на собрании ташкентского Совета взял слово Убайдулла Ходжаев. В своей речи он сообщил, что в Семиречье имеют место волнения среди кочевников, но приуменьшил их масштабы, утверждая, что причиной волнений было то, что местные

еще не поняли политику Временного правительства. Ходжаев объявил, что группа мусульманских интеллектуалов решила организовать серию поездок в разные районы края для объяснения людям новой политики. Собрание Совета, разумеется, приветствовало эту инициативу и назначило двух своих представителей в эти делегации³⁵⁸. Во многих районах Туркестана смешанные делегации русских представителей ташкентского Совета и представителей джаидов давали разъяснения мусульманским организациям и приглашали их присоединиться к политике Временного правительства.

Участвуя в политических структурах, созданных русскими, джаиды на первоначальном этапе действовали почти как подчиненные, казалось, что их главной целью было получить признание и быть принятыми. На этих позициях они участвовали в работе общественных организаций, в управлении городом и не имели возражений, например, по поводу того, что их представительство в городском Исполнительном комитете численно уступало русским. Этот способ встраивания себя в русскую политику был подвержен критике на конгрессе Исполнительных комитетов общественных организаций края, прошедшем в Ташкенте в начале апреля. Убайдулла Ходжаев постарался убедить делегатов, в большинстве своем русских, в том, что мусульмане обладают «культурой и зрелостью», что было продемонстрировано именно их участием в работе общественных организаций и присутствием на конгрессе. Затем, сорвав аплодисменты присутствующих, он заявил, что местное население с его «уровнем развития» не может и не должно претендовать на число мест в выборных структурах, пропорциональное их численности в Туркестане. Участвуя в общественных организациях, согласно Ходжаеву, мусульмане «научатся у русских управлять» и будут работать вместе с ними «в дружбе»³⁵⁹.

Несмотря на такие умиротворяющие заявления, передающие чувство зависимости от русских, мусульмане вовсе не были инертны и отнюдь не собирались делегировать кому-то руководство политической жизнью края. Шура-и-Ислам была особенно активной, ей удалось за сравнительно короткий промежуток времени создать свои отделения во многих городах Туркестана. Ташкент стал для всех этих организаций центром.

В период с 16 по 23 апреля состоялся Первый конгресс мусульман Туркестана. В нем приняли участие делегации 42 местных организаций, представители исламского движения извне, много русских в качестве приглашенных. Всего участвовало 450 человек, из них 93 русских³⁶⁰. Среди прочих присутствовали джаиды Убайдулла Ходжаев, его брат Асадулла, Мунаввар Кари Абдурашидов³⁶¹, был также Саид Али Лапин³⁶², лидер Джамаит-и-Улема, политической организации улемов-традиционалистов. На открытии конгресса выступил Мунаввар Кари Абдурашидов с речью в поддержку Временного прави-

тельства и его политики в Туркестане. Затем слово взял Садри Максудов, член Комитета Временного правительства, который говорил об объединении всех мусульман и их поддержке правительства³⁶³. Выступил также сам председатель Комитета Щепкин, говоря, что мусульманский конгресс вписывается в линию кадетской партии и что Комитет Временного правительства рассчитывает на поддержку мусульман. Его речь участники конгресса встретили аплодисментами³⁶⁴.

Повестка дня была очень широкой и включала все вопросы, относящиеся к управлению краем и отношениям с Россией, — юстиция, религия, школы, экономика и т.д.³⁶⁵ Вопрос об отношениях с Россией казался наиболее деликатным. Некоторые настаивали на необходимости сформировать федерацию государств с равными правами, что дало бы Туркестану большую автономию. Высказывались и более умеренные позиции, поддерживаемые теми, кто не намеревался ослаблять отношения с Россией и верил в прогрессивную роль демократической России. Присутствовали также монархическо-ностальгические настроения. Предложение федеративного устройства с особенным упорством защищал Ахмед Зеки Велиди Тоган (лидер национального башкирского движения, который всего несколько дней как прибыл в Ташкент способствовать организации движения в Туркестане и совсем недавно стал членом партии эсеров). Его поддерживали джадиды, а также Тынышпаев (единственный из членов Комитета Временного правительства, кто стоял на этих позициях). Напротив, Максудов, заметная фигура во всероссийском мусульманском движении, выступил, открыто утверждая, что «для сартов автономия является абсурдной идеей». Проблема была в том, что многие руководящие мусульмане-прогрессисты были связаны с кадетской партией, выступавшей против федерации. Чокаев (как и Букейханов) был среди них, не высказываясь определенно и вел себя очень осторожно³⁶⁶.

Поиски компромисса привели к выдвиганию на первый план проблем, связанных с религиозной жизнью края, освободили пространство для требований улемов-традиционалистов о признании центральной роли религиозных властей и необходимости строить новый порядок на уважении законов ислама. Текст резолюции конгресса до нас не дошел; очевидно только, что возобладали федеративные позиции и конгресс высказался в поддержку Временного правительства, за проведение выборов в Учредительное собрание, в подготовке которых мусульманское движение собиралось принять деятельное участие. Кроме того, было выдвинуто требование о возврате земель, конфискованных русскими, что подвергало испытанию реформистские намерения правительства³⁶⁷.

Вероятно, на конгрессе избегали обсуждения тем, по которым не имелось согласия, добившись тем самым того, что Джамаит-и-Уле-

ма, не готовая к компромиссам по поводу целостности ислама, согласилась на предложение составить политический союз с джадидами. Наиболее важным решением конгресса было создание Туркестан Милли Шураси (Национального центра мусульман Туркестана), в обязанности которому вменялось руководство мусульманским движением края и установление контактов с организациями других мусульманских районов России, в частности с Алаш-Ордой. Мустафа Чокаев, который оставил Туркестан еще мальчиком, был назначен председателем Милли Шураси³⁶⁸. Он действительно представлялся наиболее подходящей фигурой, поскольку был знаком с русским миром и мог, следовательно, поддерживать отношения с центральным правительством, а также с Советами и другими местными русскими организациями. Он знал всех главных мусульманских руководителей и, не будучи лично вовлечен в диспуты с Джамаит-и-Улема, мог с большей легкостью работать на укрепление сотрудничества между разными течениями внутри национального движения Туркестана. С другой стороны, определенное значение имел и тот факт, что самый заметный противник джаидов, Саид Али Лапин, происходил из Ак-Мечетского уезда, как и Чокаев, и несмотря на политические разногласия, у них сложились хорошие отношения³⁶⁹. Чокаев становился, таким образом, посредником между самими мусульманами, помимо своего посредничества между мусульманами и русскими.

Конгресс способствовал усилению активности джаидов не только в Ташкенте. Организации Шура-и-Ислам имелись в Ферганской области (в Коканде, Старом Маргелане и Андижане), в Самарканде, Катта-Кургане, Ходженге и в других городах края³⁷⁰. Образовалась целая сеть мусульманских организаций, готовых к установлению хороших отношений с реформаторскими силами русских. С этим настроением некоторые представители джаидов вошли в комиссию краевых Советов, которая отправилась в Семиречье, чтобы исследовать ситуацию на месте. По инициативе мусульман — членов комиссии организации Шура-и-Ислам были основаны в некоторых городах этого района — в Пишпеке, Нарыни и Пржевальске³⁷¹.

Не всегда, однако, отношения с русскими складывались легко. Между андижанской Шура-и-Ислам, второй по численности организацией после ташкентской, и русскими властями возникла напряженность.

В докладе одного из руководителей местной Шура-и-Ислам о Комитете Временного правительства мы читаем: «Какие высокие идеи, какие красивые слова провозглашает русский пролетариат, но действительная жизнь все-таки далека от этих высоких идей и от этих красивых слов. Обыски, аресты без следствия, суда и предъявления какого-либо определенного обвинения, нарушение свободы жилищ — и все это во имя революции, во имя охранения завоеванных свобод!»³⁷²

Посредничество и соглашения происходили главным образом в Ташкенте, поскольку там находились центральные политические организации русских и мусульман, заинтересованные в сохранении неконфликтных отношений. Но чем дальше от центра, тем чаще возникала напряженность, плохо контролируемая сверху. Ситуация в Андижане, вероятно, не являлась исключением. Политические власти Туркестана стояли перед острой проблемой: вся их активность могла обернуться лишь решениями на уровне верхушки, в то время как на местах усугублялись конфликты. Следовало понять: если локальные конфликты окончательно выйдут из-под контроля, политические силы в центре уже не смогут их игнорировать, что глубочайшим образом скажется на принимаемых ими решениях.

Готовность к сотрудничеству

Казалось, что в Ташкенте беспрепятственно налаживается сотрудничество между мусульманскими и русскими политическими организациями. Среди мусульман продолжали преобладать инициативы джадидов. Однако джадиды могли руководить скорее культурной революцией, чем политической, и потому искали поддержки у политических деятелей извне, связанных с мусульманским движением в других регионах России.

Нам уже известна роль, которую играла Алаш-Орда в первые месяцы после Февральской революции; с течением времени эта роль только укреплялась. Мустафа Чокаев продолжал выполнять функции объединяющего центра мусульманского движения, став редактором газеты «Улуг Туркистон» (Великий Туркестан), которая стояла на панисламских позициях и издавалась Ассоциацией татар Туркестана. В июне он взял на себя руководство еще и газетой «Бирлик Тууй» (Знамя Единства) — национальным органом сырдарьинских казахов, позиции которых были близки «Казаху», органу печати Алаш-Орды, хотя последний был более отчетливо происламский и автономистский³⁷³. В июле центристская политика Чокаева принесла свои результаты: оставаясь председателем Туркестан Милли Шураси, он стал еще и членом Комитета Временного правительства.

Внутри Шура-и-Ислам действовали также и татарские организации. Татары провели свой конгресс, в результате чего было создано Бюро турецко-татарских организаций Туркестанского края³⁷⁴. Конгресс состоялся в Ташкенте в те же дни, что и конгресс Шура-и-Ислам, и очевидным образом содействовал координации процесса вхождения татар в эту организацию. Стремление татар к лидерству в движении джадидов Туркестана, однако, наталкивалось на сопротивление других составляющих движения. По таким вопросам, как автономия Туркестана и критерии объединения мусульман всей России, татарские лидеры придерживались централистских позиций, не раз

делявшихся туркестанскими джадидами, которые не собирались уступать автономность ни России, ни всероссийскому движению мусульман³⁷⁵. По вопросам внутренней политики Туркестана татарская группировка была готова сотрудничать с Комитетом Временного правительства. Это облегчалось еще и тем, что руководитель татарского движения Садри Максудов являлся членом Комитета.

В дальнейшем, когда отношения между Комитетом и Советами рабочих и солдат усложнились, среди татар Туркестана проявились симпатии к русским партиям социалистов. Признаком этого сдвига влево стало образование в Ташкенте татарской партии – Иттифак. Это было поворотом к мусульманским рабочим (в особенности она пользовалась поддержкой среди строителей), ремесленникам и мелким городским коммерсантам. Иттифак стремилась быть инструментом культурного и политического образования, каналом информации о текущих событиях. В этих целях организовывались циклы лекций и конференций, публиковались и распространялись газеты, брошюры, книги³⁷⁶. Организация имела хорошие отношения с городским Советом и в период избирательной кампании перед выборами в Городскую думу (о чем мы поговорим ниже) проводила свои собрания в Доме свободы, который был штабом Совета.

Более открыто симпатизировали социалистам азербайджанские интеллектуалы Ташкента. Их первым политическим шагом было создание ассоциации Туран, поддерживающей тесные отношения с бакинским Мусаватом (пантюркской партией социалистов)³⁷⁷. По приглашению Турана в Ташкент прибыли влиятельные руководители Мусавата (Абдулла Касым Заде, Пир Мурсал Заде и Мухамед Эмин эфенди Заде)³⁷⁸. Ассоциация начала выпускать с апреля газету под названием «Туран» (выходила два раза в месяц), руководство ею было доверено Мухамеду Эмину эфенди Заде³⁷⁹. По инициативе этой группы был создан туркестанский Комитет партии Турк адами марказияти фиркаси (Центр тюркских народов), который в июне объединился с Мусаватом³⁸⁰. Председателем Комитета стал тот же Мухамед Эмин эфенди Заде, а его членами – азербайджанские интеллектуалы и представители туркестанских джадидов, среди которых был Мунаввар Кари Абдурашидов³⁸¹.

Инициативы Турана имели целью объединение всех прогрессистских мусульманских течений Туркестана и склонение их к социалистической идеологии. По этой причине Туран стремился установить хорошие отношения с ташкентским Советом, солидарно с которым поддерживал Временное правительство, стремился к обновлению административного аппарата края, а также испытывал недоверие как к традиционализму мусульманского движения, так и к более ярко выраженным панисламистским настроениям татар.

Совет, по-видимому, полагал возможным найти точки соприкосновения с Тураном, основываясь на соображениях, не напрямую

относящихся к внутренней политике Туркестана. Мусават, подтвердив свою готовность сотрудничать в Закавказье с демократическими и социалистическими русскими силами, в то же время завоевал центральное место среди мусульманских организаций. Кроме того, лидеры Мусавата стояли на позициях, сходных с позициями туркестанских джаидов и казахских политиков, эти же взгляды в значительной мере разделялись русскими меньшевиками и эсерами³⁸².

Ташкентский Совет искал союза с Тураном в том числе и для того, чтобы решить некоторые критические проблемы городской администрации. Особенно деликатной проблемой была организация поставок провизии. Чтобы преодолеть паралич поставок, 1 мая была образована смешанная комиссия, состоявшая из русских и мусульман; первые вошли туда как представители Совета, мусульмане же представляли Туран. Комиссия получила широкие полномочия, касающиеся реквизиций и контроля за распределением продовольствия, и потому имела в городе большую власть³⁸³.

Вторая точка соприкосновения Совета и Турана на институциональном уровне относилась к ташкентскому Комитету старого города. Нам уже известно, что русские критически относились к тому, как в начале марта был образован Комитет, и ставили под сомнение его репрезентативность. Это исходно недоверчивое отношение только укрепилось в дальнейшем, когда стало ясно, что Комитет, сотрудничая с русскими пассивно и эпизодически, сам не имеет реальных возможностей управлять мусульманскими кварталами. С приближением выборов в Городскую думу Совет счел необходимым сблизиться с Комитетом старого города. В начале июня собрание городского Совета решило изменить состав Комитета, введя туда нескольких представителей Совета и нескольких членов Турана³⁸⁴.

Еще одним важным и деликатным моментом сотрудничества с Тураном являлась организация тыловиков, как теперь обычно называли мусульманских рабочих, мобилизованных для работы в тылу. Тыловики как раз начинали возвращаться в Ташкент.

Возвращение тыловиков

Указ от 25 июня 1916 года предусматривал мобилизацию 250 000 мусульман Туркестана. Восстание, как мы знаем, воспрепятствовало мобилизации, но только частично: около 123 000 человек были вынуждены отправиться на работы³⁸⁵. Их отправили в разные районы России и даже на Кавказ, где, как правило, поделенные на тысячи, они использовались в качестве рабочей силы на службе у армии.

В феврале—марте 1917-го, когда кризис охватил и армию, началось дезертирство и среди тыловиков. Это встревожило как армейское командование, так и туркестанские власти: им хотелось избежать дополнительного ослабления армии, а также того, что

тыловики спровоцируют беспорядки и протесты, когда вернутся в Туркестан. Очень быстро возникла общая договоренность о контроле над тыловиками, были приняты меры для отлова беглецов и отправки их обратно на тыловые работы³⁸⁶.

В апреле конгресс Советов обсудил мобилизацию туркестанских мусульман. Конгресс счел «неуместной» мобилизацию и высказался в пользу предоставления мусульманам возможности выполнять общественно-полезные работы взамен работы на армию. Тем самым обходилась проблема раздачи оружия населению и не было риска, что русские будут протестовать против предоставленной мусульманам привилегии не служить в армии. Во многом это была та самая тактика, которая привела в 1916 году к «реквизиции» мусульман. На сей раз была необходима большая осторожность. Конгресс принял решение разрешить тыловикам возвращаться в Туркестан, но постановил, что, находясь в Туркестане, они должны быть заняты на работах, направленных на борьбу с продовольственным кризисом³⁸⁷. Решение Совета имело двойственное значение: с одной стороны, тыловикам делалась уступка, а с другой — они не могли отправиться по домам. Чтобы предотвратить новые столкновения и убийства Совета надлежало удерживать тыловиков от возвращения на свои земли, которые были к тому времени конфискованы колонистами. Такая опасность в самом деле существовала, и усугублялась она тем, что как раз в это же время начали возвращаться киргизы, сбежавшие после мятежа в Китай.

Вопрос возвращения тыловиков обсуждался и в Комитете Временного правительства. Тынышпаев настаивал, что их возвращение вполне уместно, и Комитет решил обратиться за разъяснением в Петроград³⁸⁸. 24 апреля центральное правительство утвердило решение о возвращении³⁸⁹. В начале мая были организованы первые конвои тыловиков. Было решено отправлять их специальными поездами, чтобы держать под контролем и избегать инцидентов, а прибытие растянуть во времени³⁹⁰. Конвой постоянно обыскивали и, похоже, было немало случаев обнаружения тайно перевозимого тыловиками оружия³⁹¹.

Комитет Временного правительства и Совет, рассматривавшие тыловиков в первую очередь как опасность, которую надлежит нейтрализовать, не скупилась на патриотическую риторику, превознося атмосферу общественного согласия и спокойствия. Прибытие тыловиков стало, таким образом, поводом для публичной демонстрации их благодарности новому правительству и приверженности его политике. Устраивались праздники, шествия и митинги. Это было начало мая, первые церемонии встречи прошли в Ферганской области — в Намангане и Андижане, затем в Ходженте³⁹². Ташкент принял первую группу из 500 тыловиков 13 мая, затем стали прибывать следующие³⁹³. В Ташкенте первое большое собрание тыловиков состоялось

в начале июня. На этапе подготовки к нему выяснилось, однако, что некоторые мусульмане были против этого. Комиссар одного из четырех кварталов старого города препятствовал подготовке и распространял слухи о том, что организаторы собрания намерены вынудить тыловиков вернуться на тыловые работы и, возможно, даже пойти в солдаты. Попытка бойкота нашла сторонников, тыловики этих кварталов действительно не приняли участия в собрании³⁹⁴. Противостояние, однако, на этом не закончилось.

2 июня на центральной площади города собралось около 800 тыловиков. Докладчики вели себя как и предполагалось, то есть говорили о солидарности и высказывались в поддержку Временного правительства. Среди прочих выступил Мунаввар Кари Абдурашидов, которого мы знаем как лидера джадидов и члена Туркестанского комитета, созданного Тураном. В своем выступлении он не только призывал тыловиков поддержать Временное правительство, но и настаивал на том, что в целях помощи правительству они должны вернуться на тыловые работы³⁹⁵. Тыловики, присутствовавшие на площади, чувствуя, что политики их обманывают, стали покидать митинг; позже они провели свой собственный, на базарной площади старого города. Там они решили сформировать Организационное бюро тыловиков, председателем которого избрали Салахитдина Муфти Заде³⁹⁶. По сути, политикам удалось сдержать протест и сформировать новую структуру под контролем представителей Турана. Действительно, в скором времени это Бюро было преобразовано в Дирекцию создающегося Совета рабочих мусульманских депутатов, который будет в дальнейшем поддерживать тесные отношения с краевым Советом³⁹⁷.

На дворе уже стоял июль, русские Советы ввиду предстоящих выборов в Городскую думу уделяли особое внимание отношениям с мусульманами. Первый съезд Советов всего края, проходивший в Ташкенте с 12 по 15 июля, одобрил резолюцию «о мусульманском населении», которая декларировала готовность сотрудничать с мусульманским Советом и способствовать созданию мусульманских Советов в сельской местности³⁹⁸. В те же дни на Исполнительном комитете ташкентского Совета обсуждались необходимые меры для создания профсоюзов в старом городе. На собрании говорилось, что первые инициативы в этом направлении натолкнулись на сопротивление богатых мусульман и мулл, которые исключили профсоюзных активистов из списков на распределение сахара и зерна, способствовали их увольнению с работы. Совет, однако, обсудил эти проблемы с мусульманскими рабочими и пригласил противников на встречу³⁹⁹.

В середине июля состоялось общее собрание тыловиков и прочих мусульманских рабочих. На собрании был утвержден устав мусульманского Совета, разработанный Организационным бюро «с помощью» краевого Совета, и назначен Исполнительный комитет под

председательством Салахитдина Муфти Заде⁴⁰⁰. Согласно уставу, отношения между мусульманским Советом и городским должны были стать очень тесными⁴⁰¹. Мусульманский Совет оставался формально автономным, но продолжал придерживаться открыто русофильских позиций. Его председатель Асфендиаров еще в начале сентября, в ситуации еще более тяжелого кризиса мусульmano-русских отношений, писал в «Нашей газете»: «В своей работе мы, без сомнения, будем идти рука об руку с русскими демократическими организациями. Мы надеемся, что нам в будущем удастся создать новые отношения между русскими и мусульманами, ибо только демократические организации смогут найти общий язык и уничтожат исконное недоверие туземной массы к русским»⁴⁰².

Созданием мусульманского городского Совета заканчивается история тыловикиков. При их посредничестве и применив серию силовых приемов, ташкентский Совет попытался внедриться в ряды мусульманских рабочих; Совет поднял шум вокруг этого на пороге выборов в Городскую думу, надеясь приобрести голоса мусульман, но не преуспел в укреплении этого союза, в том числе и потому, что Совет ташкентских мусульман не обладал властью, а был создан в ходе пропагандистской акции как средство контроля над тыловикиками. Ташкент был центром Милли Шураси, которая, насколько нам известно, не имела никаких специальных отношений с новообразованным Советом тыловикиков. Напротив, наблюдаются признаки очень критического отношения джадидов к этому Совету. Союзом тыловикиков, который составлял ядро мусульманского Совета, руководил некий Абдуразак Мамасадыков. Незадолго до того, как он занял эту должность, мы встречаем упоминание о нем в документах Шура-и-Ислам Старого Маргелана, где о нем говорится как о провокаторе и содержатся призывы к его аресту⁴⁰³.

История с тыловикиками показательна как пример того, что русские социалистические партии, не ограничиваясь установлением контактов с движением джадидов, стремились напрямую задействовать и даже контролировать мусульманских рабочих. Эта попытка поначалу касалась ограниченной и специфической группы, каковой являлись тыловикики, но, возможно, имела более амбициозные цели. Однако не это стало направлением, в котором будут развиваться русско-мусульманские отношения.

3. Общество в конфликте

Трансформации институциональных образований в колонии происходили на волне перемен, вызванных крахом монархического режима, и следуя моделям и указаниям, исходящим от России. Возникновение Советов и всяческих комитетов указывало на то, что формы образующегося государства, которые находились в процессе становления, допускали выражение различных интересов, создавали связи между инициативами, спускаемыми сверху, от Временного правительства, и теми, что возникали снизу, в группах активных граждан. Чувство общей ответственности, превалировавшее в публичном дискурсе, не было вызвано лишь тем, что реформы продвигались постепенно, не слишком задевая интересы влиятельных слоев колониального общества. Оно основывалось также (и в основном) на общем понимании напряженности ситуации, на страхе перед катастрофическими последствиями краха государственных институций. Эти опасения в первую очередь разделяли иммигранты, для которых падение колониальных институций с большой вероятностью обесмыслило бы мотивы проживания в Туркестане. Осознавали ситуацию и мусульмане, наладившие конструктивные отношения с русскими. Однако была, очевидно, и часть местного населения, неизвестно, насколько большая, которая могла бы рассматривать крах как позитивный фактор, освобождающий страну от колониальной зависимости. Активность мусульманских политиков и интеллектуалов, уже не раз нами отмеченная, была другой направленности, казалось, что она вдохновляется желанием не испортить отношений с Россией, избежать любого противостояния между населением Туркестана и иммигрантами.

При этом и сотрудничество, и взаимная настороженность волей-неволей должны были учитывать главную причину всех тревожных ожиданий – продовольственный кризис. Нехватка продовольствия могла вызвать такую социальную напряженность, с которой не справились бы еще неокрепшие институции Туркестана. Риск этого был велик, потому что Советы и различные местные комитеты, находившиеся в процессе образования, выражали каждый свои интересы. Нехватка ресурсов становилась угрозой мирному сосуществованию, пронизывающей новые институции: политики, чьи интересы обрели силу и выражение в рамках реформирующейся колониальной политики, не могли найти точек соприкосновения.

Перераспределение продовольствия ставило целую серию задач с неочевидным решением. В условиях пока еще значительного административного хаоса кто возьмет на себя определение продовольственной политики в колонии, организацию распределения продовольствия на уровне края, области, района? Что следует распределять в административном порядке, а что следует оставить на рынке? Как устанавливать наличие излишков? Каким слоям населения следует давать привилегии при распределении? Зерно и прочее продовольствие нужно закупать или же реквизировать? Если закупать, то по каким ценам?

В течение весны смена ключевых фигур и процесс переосмысления круга полномочий колониальной администрации привели к разбросу и дезорганизации, именно тогда, когда для борьбы с нарастающими экономическими трудностями были необходимы твердая политика, определенность и эффективность действий. Образовался своего рода порочный круг — государство не могло сосредоточить в своих руках власть и обрести стабильность, не выйдя из продовольственного кризиса, а для выхода из кризиса требовалось сильное государство. Центральная власть края, таким образом, бездействовала, а между административными структурами городов и сел, местными Советами и профессиональными ассоциациями и корпорациями шла борьба за продовольствие. Эти разнообразные местные силы тем больше приобретали власти и авторитета, чем больше были способны защищать потребительские запросы тех или иных социальных групп, которые они представляли. Это еще больше увеличивало дробление институциональной системы, в то время как продовольственное снабжение выходило из ведения центральных властей края.

Некоторые социальные группы благодаря своему политическому весу могли влиять на перераспределение продовольствия (чиновники, солдаты и русские рабочие), другие, напротив, не имели доступа к политической жизни (кочевники, мусульманские крестьяне); в то же время часть потребителей не являлась производителями (горожане), а часть ревниво относилась к плодам собственного труда (колонисты, казаки). В этой ситуации, если бы центральные государственные институты усилили контроль над распределением излишков продовольствия, вырос бы продовольственный налог на местных производителей, вызвав конфликты с ними, а положение бедных слоев населения, имеющих слабое влияние на политику, несколько не улучшилось бы. В городах, особенно в Ташкенте, русские стремились развернуть развитие ситуации в эту сторону. Все эти изменения, однако, требовали времени: летом 1917 года государство еще было достаточно сильным, чтобы не уступать такого рода давлению, и уже слишком слабым, чтобы эффективно регулировать распределение продовольствия.

Рассмотрим развитие продовольственной ситуации с Ташкента, затем последуем к местам производства самого продовольствия — в села, дойдем до Семиречья, где, как надеялись тогда, имелись еще достаточные ресурсы. Этот маршрут начинается отсюда, где пытались жить в согласии, и приводит к районам конфликтов и голода.

Совет и базары

Уже в феврале два мусульманских советника ташкентской Думы сигнализировали о нехватке зерна в старом городе, о том, что пекари не могут поставлять хлеб в необходимом количестве. Русские советники, однако, утверждали: 4000 пудов зерна, которые еженедельно поступали в старый город, более чем достаточно, учитывая, что богатые мусульманские купцы накопили изрядные излишки. На обсуждении в Думе один русский советник утверждал, будто купцы припрятали зерно и не хотят выставлять его на продажу по твердым ценам, следовательно, единственный способ его получить — реквизиция⁴⁰⁴. Предложение осталось без ответа, русские не имели пока ни необходимости, ни желания вступать в прямой конфликт с мусульманами города. Дума избрала политику, благоприятную по отношению к купцам, а для улучшения ситуации на городских рынках постановила разрешить на базарах поднять цены. Об этом просили мусульманские торговцы, а русские согласились в надежде привлечь в город продовольствие⁴⁰⁵.

Положение, однако, не улучшилось. Одновременно продовольственный комитет сообщил что резервов зерна совершенно недостаточно⁴⁰⁶. Нужно было найти виновного в сложившемся положении: на одном из заседаний Городской думы выяснилось, что генерал Куропаткин занялся заготовлением запасов зерна только в декабре, когда лучшее время для закупки уже миновало⁴⁰⁷. Но вина Куропаткина была мелочью в сравнении с продовольственной катастрофой, к которой двигался Туркестан.

На тот момент не нашлось другого пути, кроме как ограничить доступ к продовольствию наиболее незащищенным слоям населения. Дума объявила, что, если в ближайшее время не будет больших поставок из России, обеспечивать старый город зерном в прежнем объеме (4000 пудов в неделю) станет просто невозможно. Решили, однако, не сокращать поставки в старый город, а раздать продовольственные карточки обитателям европейских кварталов, а мусульманам предоставить право самостоятельно распределять между собой те немногие пуды, которые им оставались. Распространенным мнением среди русских представителей в Думе было то, что старый город должен сам организовать свое продовольственное снабжение. Русские депутаты утверждали, что у мусульман есть связи с селами, а там могут их обеспечить продовольствием в достаточном объеме,

поэтому мусульман не следует включать в систему карточного снабжения. Русские, которых в Думе было большинство, настояли на этом решении. Мусульманские представители безуспешно пытались этому противостоять⁴⁰⁸.

Положение было крайне тяжелым, поскольку из России прибыло только 400 000 пудов зерна на весь Туркестан вместо трех миллионов, которые ожидалось⁴⁰⁹. Семиречье предоставило свое зерно другим районам края, но в сокращенном объеме и по высоким ценам ввиду трудностей с транспортировкой⁴¹⁰.

В начале апреля солдатский и рабочий Советы Ташкента решили создать комиссию с целью установить запасы продовольствия первой необходимости в хранилищах города и уезда. Несколько дней спустя солдаты и офицеры Ташкента провели собрание, где обсуждалось главным образом снабжение казарм. Резолюция, одобренная собранием, включала в себя требования о поставке продовольствия, организации армейских лавок, приведении заработной платы в соответствие с ростом цен. Среди прочего требовали дать право казарменным магазинам отпускать продукты солдатам и их семьям по твердым ценам, ниже, чем на рынках⁴¹¹. Совет поддержал все требования солдатских комитетов, заручившись тем самым их поддержкой.

Реализовать намерения Совета было, однако, весьма трудно, поскольку состояние продовольственных запасов вынудило городские власти в два раза сократить количество зерна, выдаваемого на одну карточку⁴¹². Сокращение рациона коснулось военных и административных служащих⁴¹³. Начали резко уменьшаться и пищевые рационы военнопленных⁴¹⁴. Последних было всего несколько тысяч человек, и сейчас на этом можно не останавливаться, но позже мы рассмотрим этот факт, поскольку военнопленные, вместе с солдатами, представляли собой основную силу, поддерживающую революционное правительство Туркестана.

Европейские кварталы города требовали больших субсидий и особенно активно настаивали на введении жесткого контроля за ценами на продовольственные продукты. Требование снижения цен было несовместимо с нормальным функционированием базаров, но руководство Советов стремилось его удовлетворить. Повторялась ситуация с давлением снизу, которое мы уже наблюдали во время бабьего бунта 1916 года. В конце апреля в Ташкенте произошел ряд столкновений с мусульманскими «спекулянтами», что подтолкнуло городской Совет к новым изменениям в продовольственной политике.

Представители Совета в ташкентском комитете по продовольствию подали в отставку, а затем Совет создал собственный комитет с очень широкими полномочиями в области контроля за зерновыми запасами⁴¹⁵. Новому комитету надлежало проводить расследования,

реквизировать зерно, выявлять тех, кто скрывает излишки, и выравнивать цены. Кроме того, ему поручалось контролировать продовольственные грузы, поступающие в город и вывозимые из него, добиваться поступления зерна из России и решать многие другие задачи подобного рода. Реквизиции предполагалось провести в первую очередь у ташкентских купцов и в окрестных селах, где имелись выращивающие зерно крестьяне-мусульмане и колонисты. Реквизированное зерно предназначалось для распределения в городе. В комитет вошло по пять представителей от каждого из трех советов (солдатского, рабочего и Совета русских крестьян) и пять членов Турана, который, как нам известно, уже сотрудничал с русскими по многим вопросам⁴¹⁶. Совет тем самым во многом присвоил себе функции властей города и края и покончил с неопределенностью, сложившейся вокруг снабженческих структур, наделив свой комитет практически неограниченными полномочиями.

Это решение было принято 1 мая под давлением многочисленной народной сходки во дворе Дома свободы, штаба Совета. На митинге, посвященном исключительно продовольственному вопросу, ораторы утверждали, что в городе и уезде скрывают зерно, что спекулянты закапывают его в землю и засевают поверх хлопком, чтобы было сложнее найти. Неоднократно звучали требования немедленно провести обыски и реквизиции, установить контрольные пропускные пункты, чтобы воспрепятствовать вывозу зерна⁴¹⁷.

Задача осуществления контроля за базарами, порученная продовольственному комитету, была весьма щекотливой. Несмотря на участие Турана, этот контроль мог перерасти в охоту на «спекулянтов», обвиняемых в сокрытии хлеба и завышении цен, и открыть дорогу обвинениям в адрес всего мусульманского населения. Совет принял на себя роль инструмента правительства, но, становясь рупором недовольного русского населения, он рисковал быть втянутым в конфликт с мусульманами. Руководство Совета вполне отдавало себе отчет в этой опасности.

В начале мая продовольственный комитет провел первые реквизиции в городе и в уезде, устанавливая «политические» цены на муку и на зерно⁴¹⁸. В то же время, сознавая, что не в состоянии полностью удовлетворить требования русского населения, Совет постарался успокоить базарных торговцев и выпустил циркуляр, в котором говорилось, что принимаемые меры не должны наносить ущерб коммерсантам, поскольку это вызвало бы нехватку товаров и голод, а контроль и введение твердых цен касаются только очень ограниченного набора товаров первой необходимости⁴¹⁹. Руководство краевого Совета подчеркивало, что не хочет возбуждать беспорядки, а, напротив, будет действовать в согласии с правительством и для установления порядка. Организуя реквизиции, Совет пытался успокоить горожан и избежать всплеск насилия на базарах. Бройдо, председатель

солдатского Совета, поддержавший этот поворот в продовольственной политике, обратился к населению с воззванием, где с беспокойством говорилось о группах граждан, проводящих конфискации без всякого разрешения от Совета, что могло привести к параличу рынка с катастрофическими последствиями⁴²⁰. Беспорядки происходили и в других городах. В Термезе, на территории Бухарской области, солдаты силой заставили городские власти ввести фиксированные цены и реквизируют товар⁴²¹. В Коканде (Ферганская область) из-за начинающегося голода происходили сходные события⁴²². В разных населенных пунктах от властей и от Советов требовали ввести твердые цены на продовольственные продукты⁴²³.

И в кварталах старого города в Ташкенте поднимался протест против продовольственной политики.

В конце апреля мусульманские представители в Думе объявили о нехватке зерна в старом городе и заявили, что требуется его не 4000, а 20 000 пудов в неделю. Продовольственный комитет старого города обещал им несколько сверхплановых поставок зерна. Мусульмане не особенно заблуждались в отношении перспектив получения зерна, поскольку сложности с этим все увеличивались, в том числе и в европейских кварталах⁴²⁴.

В начале мая, когда советский комитет начинал свою работу, в старом городе нескольких тысяч человек провели собрание. Активисты обратились к Совету с просьбой о срочной продовольственной помощи, указывая на то, что в старом городе отмечены случаи голодной смерти. Правительственный еженедельник сообщил читателям об этой ситуации, еженедельная газета Совета промолчала⁴²⁵.

Совет, однако, не мог оставаться вовсе равнодушным к призывам старого города, особенно в преддверии выборов в Городскую думу. В июне он наконец признал необходимость создания продовольственного комитета и в старом городе, а также то, что обитателей мусульманских кварталов нужно снабжать в том же объеме, что и европейские кварталы⁴²⁶. Таким образом, число имеющих право на помощь увеличивалось и ответственность Совета возрастала.

Продовольственная политика лавировала между этими контрастами и противоположными устремлениями разных организованных групп горожан. Нехватка продовольствия между тем усугублялась, быстро росла инфляция. Совет не знал, какие меры ему предпринять. Теоретически приемлемым выходом из положения был бы отказ от общего контроля за инфляцией, поддержка потребительских запросов слабейших слоев населения. Складывалось все, однако, таким образом, что свои нужды активнее всех защищали не самые слабые социальные группы, а самые организованные (имеющие свои комитеты, профсоюзы и местные Советы). Выигрывали от введения карточной системы исключительно обитатели европейских кварталов города⁴²⁷.

Основные проблемы при этом возникали не в городе — они заключались в выявлении запасов продовольствия у крестьян. Совет, казалось, раздирали противоречивые требования иммигрантов: с одной стороны, перед угрозой городских волнений Совет признавал срочность получения зерна из сельской местности и необходимость выполнения распоряжений Временного правительства по этому поводу; с другой стороны, сталкиваясь с протестом крестьян, Совет не находил контраргументов, понимая причины их нежелания продавать зерно по твердым ценам, в то время как цены на прочие товары оставались свободными⁴²⁸.

Город и деревня

Когда в Ташкент прибыли члены Комитета Временного правительства по Туркестану, ситуация там была тревожной. Щепкин, председатель комитета, в своих первых докладах подтвердил, что Туркестан находится на грани голода и все прочие вопросы должны отступить на второй план перед проблемой снабжения продовольствием. Другой член комитета, Преображенский, положение охарактеризовал как хаос и возложил вину на местные институты, которые, по его мнению, вместо того, чтобы организовать снабжение, его дезорганизовали⁴²⁹.

Критике подверглись действия комитетов, которые начали возникать около месяца назад по приказу генерала Куропаткина. Речь шла о структурах, состоявших из представителей государственных организаций, кооперативов, объединений и «общественных организаций». По замыслу генерала, эти комитеты должны были возникнуть в каждом городе, а затем и на уровне уездов и областей, чтобы создать, опираясь на них, общую организацию по снабжению⁴³⁰. На деле все эти инициативы были по большей части результатом нескоординированных действий властных группировок, состоявших из русских и защищавших интересы русских.

В начале марта, согласно указаниям из центра, был создан продовольственный комитет Сырдарьинской области. В него вошли представители ташкентской Думы и «общественных организаций», в том числе и Советов. Представительство местного населения в комитете было чисто символическим, равно как и в городском комитете⁴³¹. Борьба с голодом требовала не удовлетворения местных интересов, а создания системы распределения на уровне всего края, обращенной в первую очередь к слабым слоям населения, но распад государства и давление влиятельных кругов этому препятствовали.

Первый шаг в наведении порядка в системе снабжения был сделан Комитетом Временного правительства, который принял решение о выстраивании централизованной системы выявления и распределения сельскохозяйственной продукции и обратился к общест-

венным организациям с просьбой о сотрудничестве. Предпринималась попытка реорганизовать снабжение, начиная с самого верха, по российской модели создать пирамиду от комитета края через областные и уездные комитеты, опирающуюся на сельские и станичные комитеты.

Создание комитетов оказалось, судя по всему, сложной задачей. Первоначально предполагалось, что для избежания дискриминации в пользу привилегированных групп населения необходимо точно определить критерии образования этих структур и, в особенности, тщательно следить за тем, чтобы они были избираемыми, как это предусматривал закон Временного правительства, а не стихийными, как те, что уже во множестве возникли на местах. На уровне уездов и областей было, однако, невозможно объединять в рамках одной структуры русских и мусульман, потому что ни те, ни другие на это не согласились бы. Теоретически был и другой выход: создание параллельных структур — русских и мусульманских. Но в этом случае могло возникнуть соперничество между институциями, создавая лишнюю почву для конфликтов. Во избежание этого риска, а также потому, что необходимость быстрых решений не позволяла прибегнуть к неповоротливому избирательным механизмам, правительство Туркестана в конце концов решило действовать сверху, своей властью назначая комитет края и областные комитеты.

Критическое положение в Туркестане сложилось отчасти и в результате действий, предпринятых в Петрограде. Закон Временного правительства, подписанный князем Львовым 25 марта, устанавливал государственную монополию на зерно, предписывал скупать зерно по твердым ценам и создавать на местах снабженческие структуры, но поле деятельности последних в Туркестане ограничивалось, обставлялось всякими условиями. Закон явным образом исключал край из зоны действия государственной монополии на зерно, но двусмысленным образом оставлял там возможность для создания комитетов, хотя и регулировал их создание нормами состава и представительства, которые с трудом были применимы в Туркестане⁴³². Колония тем самым оставалась не включенной в общую систему снабжения, строившуюся в России, возможно, потому, что Петроград не захотел взваливать на себя такое бремя. Край был вынужден самостоятельно организовывать снабжение, прибегая к собственным ресурсам, но нехватка продовольствия обостряла местные противоречия и затрудняла организацию любой помощи.

Успешное выявление запасов зерна зависело от сложившихся отношений между городскими и военными властями, с одной стороны, и производителями зерна, в основном европейскими колонистами, — с другой. В первую очередь надежды возлагались на зерно Семиречья. Распространенным, хотя и не очень обоснованным мнением было, что в этом районе, традиционно богатом зерном, име-

ются излишки, которые можно было бы использовать для помощи наиболее страдающим районам, особенно городам. В середине апреля семиреченский продкомитет по побуждению краевого комитета опубликовал в еженедельной газете Верного «Обращение к крестьянам». В тексте делалось предположение, что закон о зерновой монополии будет распространен и на Семиречье (чего не произошло), где якобы имеются существенные запасы. Хотя закона еще не было, провозглашалось, что излишки зерна будут закупаться комитетом по твердым ценам для снабжения армии, городов и голодающих мусульман хлопкопроизводящих районов, чтобы предотвратить замещение других культур зерновыми. Наконец, предлагалось составлять списки владельцев излишков, их предостерегали от сокрытия, объявлялось о создании в дальнейшем сельских и станичных комитетов для отбора зерна⁴³³.

В этом документе, как и в других аналогичных ему, выпущенных правительством, которое стремилось быть демократическим, но допускало перекосы под влиянием наступающего голода, мы уже видим мотивы, которые станут обычными после Октября. «Обращение» ставило целью обеспечить зерном в первую очередь русское городское население; указывало на излишки зерна у колонистов и казаков, но не учитывало того, что эти запасы могли бы прокормить кочевников того же района, которые в этом несомненно нуждались; помощь предусматривалась только для мусульман, производящих хлопок для русской текстильной промышленности; объявлялось, что излишки будут фактически реквизированы, производителям угрожали; местным комитетам придавались полномочия с неопределенными границами, что открывало путь для произвольных действий. Если рынок был не в состоянии удовлетворить продовольственные запросы незащищенных слоев населения, то антирыночные меры могли привести к авторитарной системе, сопровождающейся произволом организованных группировок на местном уровне.

В действительности складывалась смешанная система, где сосуществовали и твердые, и свободные цены, а недостатки того и другого суммировались. Рассмотрим подробнее рынок скота, то есть мясных продуктов для городов, и рынок зерна.

В торговле мясом устанавливались твердые цены, но их никто не соблюдал. В противоположность тому, что происходило с зерном, наблюдалось быстрое падение цен. Мы знаем о ситуации от заведующего мясным снабжением армии, чиновника Министерства сельского хозяйства, который уже год находился в Туркестане. Задачей министерского чиновника, а также двух его помощников — востоковеда и ветеринара, также присланных из Москвы, — была разработка плана по сбору мяса. Пунктами скопления скота, как было решено, сделали Черняев, где проходила железная дорога в сторону Семиречья, и Джалал-Абад, стоящий на ветке, пересекающей Ферганскую область.

Однако вспыхнувшее восстание разрушило все планы, касающиеся снабжения. Затем министерство стабилизировало цены на скот и продукты животноводства, но по сути это никак не сказалось на рынке, потому что местный министерский чиновник смог приобрести большое количество скота по ценам, даже ниже установленных цен-тром. Причиной было то, что кочевники, разгромленные и не имеющие доступа к традиционным пастбищам, распродавали скот, чтобы обеспечить себе пропитание⁴³⁴.

Большое количество животных было уничтожено колонистами во время восстания, еще часть позже конфисковали у киргизов и туркменов для снабжения как раз армии и городов. Министерский посланец помимо закупок по «твердым ценам» занялся этим конфискованным скотом. Обнаружилось, что много скота пало по причине постоянных перегонов и отсутствия корма. Эпидемии и предпринятый для предотвращения их распространения забой скота уменьшили в десять раз табуны в Черняеве и Джалал-Абаде⁴³⁵.

В Ташкентском уезде и, возможно, во многих других зонах края продажа скота объяснялась также нехваткой зимних кормов, без которых содержать скот было невозможно. Таким образом, мусульманские пастухи приводили на базар, и не только в базарные дни, коров, коз и овец и продавали их по самым низким ценам. Многие семьи были доведены до крайности, и следовало опасаться быстрого ухудшения ситуации. Совет, который стал обращать гораздо больше внимания на проблемы мусульманского населения, опубликовал обращение в «Нашей газете», где, описывая ситуацию, говорил о растущих волнениях среди мусульман и призывал к срочным мерам по предотвращению кризиса⁴³⁶.

Состояние рынка мяса отражало кризис, в котором находилось скотоводство. Требовались срочные меры, чтобы остановить убой скота и обеспечить кочевников нужным количеством скота для продолжения скотоводства. Уже в начале года Дума предложила поднять цены и потребовала запретить вывоз мяса за пределы края⁴³⁷. Однако не было никакой поддержки отпускных цен⁴³⁸. Запрос на запрещение вывоза мяса, который был неявной критикой политики Петрограда, проводимой Куропаткиным, привел только к тому, что Ташкенту досталось небольшое количество скота, выжившего на бойнях в Черняеве и Джалал-Абаде. В начале лета этот источник продовольствия иссяк, одновременно явно стало сокращаться поступление скота из сельской местности⁴³⁹. Городские рынки в результате оказались лишены единственного товара, который до сих пор был в избытке и не слишком дорог. Контроль за ценами не мог способствовать увеличению продажи мяса, поскольку, сдерживая цены, власти ничего не делали, чтобы поддержать кочевников.

Цены контролировались на ограниченный набор товаров, один из которых был крайне важен — зерно. Твердые цены вызывали, од-

нако, недовольство как среди русских горожан, так и у крестьян. Первые чувствовали себя плохо защищенными и испытывали острый недостаток в продуктах первой необходимости, а вторые продавали свое зерно по искусственно заниженным ценам, а затем вынуждены были приобретать нужные им промышленные товары на свободном рынке, где все быстро дорожало. По этой причине Совет не смог заинтересовать крестьян своей продовольственной политикой, в то время как их участие было, напротив, необходимо⁴⁴⁰. Крестьяне максимально сокращали продажу зерна и, как тогда говорились, «бойкотировали» города.

Нехватка продовольствия отягощалась стремлением к покупке зерна местной администрацией, отдельными организациями, деревнями и семьями. Угроза остаться без пропитания приводила к действиям, результатом которых было раздробление рынка и сокращение объема сделок. Таким образом, в то время как руководство Туркестана пыталось сократить объемы поставок зерна, требуемые Россией, местные комитеты поступали сходным образом на своем уровне, препятствуя тому, чтобы продовольственные продукты уходили за границы их юрисдикции.

В качестве примера можно привести случай Джаркента, населенного пункта в Семиречье, который оказался в центре конфликтов 1916 года и из которого были изгнаны все кочевники. В середине апреля председатель местного продкомитета запретил вывозить за пределы города и уезда продовольствие и корма — рис, пшеницу, ячмень, зелень, клевер, сено и т.д. Было постановлено также, что на вывоз промышленных товаров, скота и животноводческих продуктов необходимо получать специальное разрешение комитета. Те, кто не соблюдал установленные правила, подлежали наказанию вплоть до шести месяцев тюремного заключения⁴⁴¹.

Чтобы увеличить сельскохозяйственное производство, собрать урожай и улучшить снабжение городов, в особенности казарм, правительство приняло решение вернуть домой солдат, мобилизованных из деревень. Из Петрограда поступило разрешение. В телеграмме из военного министерства сообщалось, что солдаты старше сорока лет могут быть отправлены на полевые работы. Министерство постановило образовать специальные рабочие бригады, а солдаты, вступающие в эти бригады, получали увольнение в запас. В приказе по армии разъяснялось также, что следует использовать солдат, поскольку все военнопленные уже задействованы на работах⁴⁴². Увольнения начались весной и продолжались до лета, когда было решено, что солдатские бригады будут работать в согласовании с солдатскими Советами и комитетами по снабжению. В приказе к солдатам содержалось обращение Керенского, тогда военного министра, который призывал крестьян отдавать зерно армии для спасения отечества и революции⁴⁴³.

Мы не знаем, пошло ли на пользу продовольственному снабжению возвращение колонистов домой и спасло ли оно отечество, но, разумеется, эта инициатива обрадовала колонистов-солдат, которые стали возвращаться домой вместе со своим оружием. Вскоре нам представится случай поговорить об их неблагоприятных деяниях.

Тем временем поступали новости об урожае. В начале июня были опубликованы первые итоги по всему краю, которые демонстрировали очевидно плохие, заведомо ниже среднего, результаты почти по всем уездам⁴⁴⁴. Новый урожай тем не менее предоставлял в распоряжение зерно, пусть и в объеме половины урожая прошлого года, что могло облегчить продовольственный кризис по крайней мере на несколько месяцев. В середине июня Щепкин, уже покинувший к тому времени Комитет Временного правительства и находившийся в Петрограде, сообщал центральным властям, что зерна хватит на три или четыре месяца и, если Россия не пошлет помощь, может сложиться критическая ситуация и Туркестан станет неуправляемым⁴⁴⁵. Помощь не последовала, и его предсказание, как мы увидим, оправдалось в точности.

Вопрос об управляемости Туркестана решался тем самым в сельской местности, то есть находился в зависимости от сельскохозяйственного кризиса. Нам следует задаться вопросом, почему не удалось избежать усугубления кризиса, регламентировать права на землю и воду таким образом, чтобы предотвратить ожесточение конфликтов между русскими колонистами и мусульманами, перераспределить ресурсы с целью защитить самые слабые слои общества.

Неуправляемость деревни

Уже в начале весны отчеты о положении в деревне свидетельствовали о том, что засуха и заморозки уничтожили зерновые культуры на землях без искусственного орошения, сорвали заготовку кормов, близится голод и падеж скота, если не будет оказана помощь⁴⁴⁶. Наибольший ущерб претерпели крестьяне-мусульмане, которые, в противоположность русским, обрабатывали главным образом неорошаемые земли, а также кочевники.

Необязательно было удаляться далеко от Ташкента, чтобы увидеть ужасающие последствия кризиса, но политические власти были слишком заняты поиском зерна для городов, чтобы обращать внимание на то, что часть крестьян страдает от голода. Только когда ситуация стала угрожающей, они начали осуществлять помощь, отдавая предпочтение, как теперь очевидно, колонистам.

Поздней весной, когда краевой Совет предпринял реорганизацию комитетов по снабжению, крестьяне-мусульмане Ташкентского уезда, как, впрочем, и обитатели мусульманских кварталов города, обратились туда с протестами и требованиями. На июньской конфе-

ренции крестьян-мусульман уезда, проходившей в Ташкенте, было сообщено о голодных смертях в деревнях. В этом была вина также и продкомитета, поскольку он плохо работал и, в особенности, оказывал помощь русским значительно чаще и в значительно большем объеме. Главной причиной голода, по мнению представителей собравшихся, было воспрепятствование свободной торговле. Поэтому они требовали прекращения реквизиций, отмены ценового контроля и возвращения к свободному рынку⁴⁴⁷.

В общем обеднении мусульманского общества образовывался разрыв между интересами сартов, которые производили сельскохозяйственные продукты и были против сдерживания рынка, и интересами киргизов-кочевников, несших ущерб от положения на рынке. Не получая помощи, киргизы могли приобретать зерно и корма только по свободным ценам, а цены резко росли. В результате они были вынуждены массово продавать скот, что вызывало, в свою очередь, падение цен на него. Пытаясь предотвратить наступление голода, киргизы теряли последнее, что оставалось от их традиционного богатства, — скот и оказывались перед страшными перспективами в будущем⁴⁴⁸. Но это было не единственным, что разрушало экономику кочевников. В зонах основных конфликтов с колонистами, в первую очередь в Семиречье, как мы увидим в дальнейшем, противники лишали кочевников пастбищ и доступа к водным ресурсам, превращая их в народность без прав, обреченную на голодную смерть.

Другой частью крестьянского населения, тяжело пострадавшей от происходившего на рынке, были производители хлопка. Они, как уже говорилось, испытывали негативные последствия падения цен на хлопок и сталкивались с большими сложностями в переводе своих земель на выращивание зерна. Речь идет о крестьянах, которые до кризиса обычно пользовались серьезными кредитами и земельной ипотекой, чтобы получить необходимые средства для своей работы; теперь кредиты почти прекратились, а цены на землю падали. Поэтому крестьянам не хватало ресурсов для перехода с одной культуры на другую, и они ограничивались тем, что пытались сдерживать падение производства зерна. В самом деле, в Фергане площадь земель под хлопком составляла 336,5 тысячи десятин в 1915 году и сократилась до 153,6 тысячи в 1917-м (сокращение на 54,4%); площадь земель под зерновыми за тот же период сократилась с 530,3 до 368,9 тысячи десятин (сокращение на 30,4%)⁴⁴⁹. Власти не предоставили поддержки земледельцам в смене культур: возможно, они и не могли этого сделать и, несомненно, не считали уместным, поскольку петроградское правительство, русские торговые предприятия, а также многие влиятельные фигуры мусульманского общества были заинтересованы в производстве хлопка.

Можно предположить, что правительство, не будучи способным регулировать рынок без вредоносных последствий, могло бы вме-

шаться на предыдущих этапах, регулируя права на доступ к ресурсам, введя новый регламент использования земли и воды, но оно этого не сделало.

Контраст между спешностью урегулирования новых сельскохозяйственных отношений и необходимостью длительного периода разработки и осуществления реформы проявил себя в Туркестане еще отчетливее, чем в России. В Туркестане не были сделаны первые подготовительные шаги к реформе, не приняты экстренные меры в связи с особенно губительными проявлениями кризиса. Тяжелый экономический кризис, резкость социальных конфликтов в деревне и отсутствие правительственных институций местного уровня, которые могли бы представлять потребности крестьян, сделали политическую власть Ташкента абсолютно беспомощной. Перераспределение земли в пользу бедных слоев сельского населения было невозможным по трем главным причинам: во-первых, нельзя было отобрать землю и воду у казаков и колонистов первых поселений, которые составляли сильную поддержку правительству; во-вторых, перераспределение ресурсов за короткий промежуток времени увеличило бы потребление крестьян, но не привело бы к росту излишков, доступных городскому населению; в-третьих, отсутствовали организационные и репрессивные инструменты для проведения такой реформы.

Посмотрим теперь на то, что делали правительство и Советы. Прежде всего они пытались справиться с административным хаосом в сельской местности, возникшем в результате восстания 1916 года и Февральской революции. А это было необходимым условием, которое бы обеспечило возможность перераспределения продовольственных ресурсов и подготовки аграрной реформы. Чтобы противостоять вакууму власти, вызванному снятием царской администрации, в некоторых деревнях стихийно формировались «комитеты общественной безопасности», главными задачами которых было поддержание порядка и защита местных интересов. В некоторых случаях эти комитеты замещали собой старую администрацию, по сути, упрочивая регулирующие функции, но делая деревни самостоятельными. В других деревнях царила анархия, и крестьяне, не признающие больше никакой власти, занимали земли, захватывали водоемы, переставали платить налоги и т.д. В мусульманских селах комитеты формировались в основном из представителей наиболее влиятельных и богатых семей, что зачастую приводило к межклановым конфликтам. Повсеместная нестабильность и дезорганизованность уездных административных институций усугубляли неуправляемость деревни⁴⁵⁰.

В Сырдарьинской области, в которой Ташкент был областным центром, как раз Совет выступил с предложением административной реорганизации, построенной на создании выборных комитетов на уровне сел, волостей и уездов⁴⁵¹. В это время Щепкин информиро-

вал петроградское правительство о ситуации, сложившейся в волостях края. Он сообщал, что власть немногочисленных имеющихся волостных комитетов слаба и они не могут рассматриваться в качестве структур управления, и предложил немедленно распространить на Туркестан закон о создании земств, уже применявшийся в России⁴⁵². Это же собиралось сделать и правительство⁴⁵³. Учреждая земства, правительство закладывало основы обуздания анархии в селах края и подготовки к реформе. Местные комитеты должны были собирать информацию о земельных отношениях, обеспечивать третейский суд в конфликтных ситуациях и служить инструментом сдерживания любых стихийных инициатив со стороны крестьян. Очень скоро, однако, пришлось констатировать, что земские выборы не привели к установлению порядка, а лишь спровоцировали новые конфликты. В особенности совершенно невозможно было добиться сотрудничества мусульманских и русских представителей в уездной администрации. По этим причинам и, возможно, вследствие протестов мусульманских организаций Комитет Временного правительства в середине августа решил просить Петроград не применять этот закон и приостановил выборы в волостные комитеты⁴⁵⁴.

Подготовка реформы требовала также принятия мер, способствующих контролю за рынком земли. В мае министр юстиции распространил циркуляр, который запрещал, в том числе в Туркестане, покупку и продажу земли, ипотеку и долгосрочную аренду; в июле циркуляр был подтвержден в основных чертах правительственным декретом⁴⁵⁵. Этим предотвращались в первую очередь фиктивные сделки, которые землевладельцы заключали, чтобы застраховаться от возможного земельного передела. Однако и эта мера имела непростое развитие: циркуляр был отсрочен, затем вступил в силу декрет, но вскоре был отменен. Этот запрет наносил ущерб как интересам крестьян-мусульман хлопковых районов, которые широко пользовались земельной ипотекой, так и интересам кочевников, которые сдавали землю колонистам и опасались, что запрет на сделки — первый шаг к экспроприации земли в пользу русских. В результате среди местного населения возникло чувство страха перед реформой, и многие представители мусульманского крестьянства послали телеграммы протеста в правительство⁴⁵⁶.

Русские по-разному относились к запрету: колонисты, которые примыкали к Совету Ташкентского уезда и в любом случае владели небольшими землями, заявили о своей решительной поддержке; союз русских, рожденных в Туркестане (Союз туркестанцев), представлявший интересы семей колонистов старой волны иммиграции, требовал, напротив, не применять декрет⁴⁵⁷. Эта группа колонистов и казаков, составлявшая наиболее зажиточную часть иммигрантского населения и обычно сдававшая землю в аренду, отвергла декрет и была против аграрной реформы.

Временное правительство, разумеется, не могло опираться на наиболее мятежную часть колонистов, оно собиралось сотрудничать с мусульманами и поэтому вынуждено было дать обратный ход. Керенский принял в Петрограде делегацию мусульман Туркестана и, убежденный в необходимости бережно относиться к особенностям сельского хозяйства края, отменил декрет⁴⁵⁸. Так любая инициатива вскоре оказывалась неприменимой.

Совет Туркестана тем временем не оставлял попыток организовать крестьян, несмотря на полную неопределенность законодательной ситуации и на недовольство деревни⁴⁵⁹. Поскольку привилегии казаков и колонистов старой иммиграции не затрагивались, распространенным мнением стало то, что «социализировать» будут землю мусульман⁴⁶⁰. Прокурор Ташкентского округа писал, что все русские крестьяне, и не только безземельные или малоземельные, ожидали передела земли за счет туземного населения и никому из них не приходило в голову, что землю могут отобрать у крупных или мелких русских землевладельцев, чтобы отдать ее кому-то другому⁴⁶¹.

Летом по инициативе сверху был создан крестьянский Совет края, который претендовал на представление всеобщих интересов и официально не исключал и мусульман, даже, напротив, призывал их к сотрудничеству, чтобы затем констатировать слабые успехи в этом направлении⁴⁶². Инициатива получила, однако, слабую поддержку, да и то только среди русских колонистов⁴⁶³. Колонисты действительно организовывались в своих селениях в собрания, которые могли рассматриваться как неформальные Советы, но стремились оставаться неподконтрольными Ташкенту.

Политические организации мусульман, даже наиболее расположенные к сотрудничеству с русскими властями, стремились самостоятельно контактировать с крестьянами. Первый съезд мусульман края, прошедший в апреле, требовал реституции земель, которыми завладели колонисты; то же требование было подтверждено на Всероссийском съезде мусульман в Москве. Газета Совета опубликовала резолюцию по земле, одобренную на этом съезде, следовательно, эти позиции были общепризнаны⁴⁶⁴. В докладах, представленных на съездах, с тревогой отмечалось конфликтное положение, сложившееся в деревне: с одной стороны, колонисты завладевали землей и перенаправляли по собственному желанию водные потоки; с другой — обнаруживались первые случаи ответной реакции мусульман на эти злоупотребления: в некоторых селениях группы туркмен, киргизов и казахов возвращали себе конфискованные земли силой⁴⁶⁵. В мае, предположительно по инициативе городских политиков, в Ташкентском уезде был сформирован Совет мусульманских крестьян, не зависимый от русского Совета. На первом съезде Совет принял резолюцию, в которой объявлял себя близким к Шура-и-Ислам в вопросах духовного характера, но в то же время самостоятельным в своих по-

литических предпочтениях, и потребовал от Шура-и-Ислам отозвать своих агентов из сел, потому что ему не нравилось их вмешательство в местную политику⁴⁶⁶. Недоверие к городской мусульманской организации, которая сотрудничала с русским краевым Советом, сопровождалось критикой политики города в отношении крестьян. Совет мусульманских крестьян, четко противопоставляя себя позиции русских колонистов, требовал свободного рынка, включая куплю-продажу земли, и протестовал против несправедливости в распределении продовольственной помощи⁴⁶⁷. В заявлении, принятом съездом, утверждалось, что крестьяне-мусульмане согласны на участие мелких русских землевладельцев в их организации, но только если те разделяют ее политическую линию, а каждое решение будет приниматься с учетом законов шариата⁴⁶⁸. Русские обвинили Совет мусульманских крестьян в том, что им управляют беи и муллы, назвали его недемократической организацией, чьи решения не являются ни для кого обязательными к исполнению⁴⁶⁹.

В действительности ни правительство, ни Советы, ни русские или мусульманские политические организации не могли достичь контакта с крестьянами и организовать их. Политика оказывалась бессильной перед лицом неуправляемого мира крестьян, находящегося перед угрозой голода и раздираемого контрастами между русскими колонистами и мусульманами.

Невозможность замирения Семиречья

Среди первых начинаний Временного правительства, направленных на погашение тлеющих в Туркестане конфликтов, были отмена декрета о мобилизации мусульман и амнистия мусульманам и русским по делам 1916 года⁴⁷⁰. Новое правительство стремилось к общественному спокойствию в колонии. Киргизы, бежавшие в Китай, получили право возвратиться на родину, не опасаясь преследования по закону, но это их право стоило немного, так как колонисты, как мы увидим в дальнейшем, всячески противились их возвращению. Опасность новых вспышек насилия усугублялась тем, что Куропаткин вернул колонистам часть оружия, ранее конфискованного на нужды армии: для администрации действительно было важно, чтобы колонисты почувствовали себя защищенными от любой угрозы и смогли бы вновь приняться за обработку земли и производство зерна. Колонисты, которые пережили восстание, будучи частично разоруженными, могли теперь с оружием в руках противостоять возвращению кочевников.

Чтобы понять ситуацию, следует вернуться к последним распоряжениям, сделанным генералом. Был конец марта, входила в силу весна, со сходом снега надо было приступать к полевым работам, а также, с большой вероятностью, могли начать возвращаться кочев-

ники, бежавшие в Китай. Среди солдат, завербованных в Семиречье, начались волнения: все опасались вероятного возврата кочевников и тревожились за свои семьи, оставшиеся дома. На самом деле армейское руководство собирало информацию по разным уездам Семиречья, и новости были успокаивающими. Слухи о готовящемся нападении киргизов ни на чем не основывались, напротив, скорее следовало ожидать, что часть кочевников вернется работать на колонистов, нужно было только помочь им преодолеть страх и возобновить контакты с селениями. И действительно, на местах были достигнуты договоренности, восстанавливающие мирное сосуществование. Например, в Пишпекском уезде русские крестьяне договорились с киргизами об их возвращении, а в Пржевальском уезде несколько сотен киргизов уже работали на русских. Местная администрация поддерживала колонистов, чтобы стимулировать их нанимать киргизов в виду начинающих полевых работ. В селениях, однако, продолжали воспринимать бывших кочевников как не самых надежных работников, сотрудничество с ними носило достаточно ограниченный характер.

Чтобы обеспечить полевые работы, Куропаткин предпринял меры для увеличения присутствия русских. Семьи, пострадавшие во время восстания, получили право на возвращение родственников из армии. Многие солдаты из Семиречья в результате получили увольнения. Генерал также постановил, что до середины мая в области могут оставаться все эвакуированные русские и все солдаты, срок увольнения которых уже вышел. Комитет по ликвидации последствий восстания уже потратил почти миллион рублей на помощь колонистам и затребовал еще три у Временного правительства⁴⁷¹. Последствием увольнений и поддержки сельских работ было то, что многие солдаты вернулись в регион, причем вооруженные, и во многих случаях они захватывали земли, принадлежащие аулам кочевников⁴⁷².

После смещения Куропаткина власть в Семиречье перешла в руки Комитета Временного правительства и краевого Совета. Совет, который действовал в интересах умиротворения региона, предложил установить более жесткий контроль за хранением и выдачей ружей и боеприпасов, отозвать приказы о раздаче оружия населению и произвести перепись оружия, находящегося на руках у частных лиц и солдат в увольнении. Чтобы избежать повторения всплеск насилия, Совет создал комиссию под председательством Бройдо, которой поручил разослать делегатов по зонам наибольшей напряженности⁴⁷³. Члены комиссии, как говорилось в документе об образовании этой структуры, распределялись между разными округами Семиречья и сразу по прибытии на места должны были вступить в контакт со всеми местными организациями, созвать общее собрание с участием как русских, так и мусульман. Цели ставились амбициозные: пропагандировать демократию среди местных организаций; содей-

ствовать реструктуризации существующих организаций, чтобы добиться реального представительства местного населения; содействовать отстранению членов старой администрации, которые еще удерживали власть и осуществляли ее достаточно авторитарно; создавать атмосферу согласия и готовить выборы в Учредительное собрание⁴⁷⁴. В свете дальнейших событий все эти намерения выглядят довольно наивно. И впрямь, смешно было надеяться, что демократическая политика способна сама по себе разрешить конфликты в обществе, и, разумеется, ясно, что комиссия из нескольких посланцев Ташкента не сможет внедрить новую систему представительства, признающую и русских, и мусульман. Естественными оппонентами комиссии были, впрочем, те местные Советы, в большинстве сформированные из гарнизонных солдат и царских офицеров, которые принимали непосредственное участие в насильственных действиях против кочевников и демонстрировали большую готовность поддерживать требования колонистов, нежели следовать указаниям краевого Совета⁴⁷⁵. Чтобы добиться доверия мусульман, к работе комиссии привлекались представители мусульманских организаций. Еще в конце марта ташкентские джаиды организовали делегацию в Семирежье, в которую вошли два представителя городского Совета. Теперь эта попытка повторялась в более авторитетной форме и с участием Шура-и-Ислам⁴⁷⁶. Участие мусульманских политиков обеспечивало некоторую степень доверия со стороны кочевников, но, конечно, воспринималось не слишком положительно колонистами, по крайней мере той их частью, что склонялась не к посредничеству, а к жестким мерам в отношении кочевников.

Комитет Временного правительства также был встревожен происходящим в Семирежье. Комитет представляли в Верном два его члена с функциями комиссаров области. Одним из них был Шкапский, этнограф и большой знаток Средней Азии, меньшевик, беззаветно преданный Временному правительству, но отрицательно оценивающий действия туркестанского Совета⁴⁷⁷. Другого представителя мы тоже уже встречали — им был Тынышпаев, который хорошо знал ситуацию в районе, в том числе и потому, что недавно сопровождал Куропаткина в места, охваченные восстанием, в качестве переводчика и посредника в переговорах с киргизскими племенами. Таким образом Комитет Временного правительства тоже сочетал европейца и мусульманина в своем представительстве. Мы еще увидим, чего добились эти комиссары.

В апреле, после смещения Куропаткина, Временное правительство решило не конфисковывать землю у кочевников, как предлагал генерал, но никак не высказалось по поводу более насущного вопроса — о возвращении киргизов в те места, откуда они бежали. Эту проблему предстояло решать Туркестану с помощью местных политических властей Семирежья, включая мусульманские⁴⁷⁸.

Следуя указаниям Тынышпаева, Комитет Временного правительства утвердил отправку киргизов из Кашгара в Нарынский уезд, прочих — в другие уезды, по договоренностям, которые предстояло достигнуть с их представителями. На местном уровне надлежало принять необходимые меры, гарантирующие беженцам безопасность в процессе их передвижения⁴⁷⁹. Тынышпаев так оправдывал это решение: «Учитывая необходимость скорее положить конец страданиям киргизского народа, Комитет Туркестана приступает к воплощению плана, в основном сходного с планом Куропаткина»⁴⁸⁰. План был объявлен вступившим в действие на официальном собрании в Пишпекке в начале мая. Через несколько дней два комиссара Семиречья объявили, что 70 000 беженцев из Китая будут отправлены в Нарынский, Верненский и Джаркентский уезды⁴⁸¹. Несмотря на ссылку на куропаткинский проект, Шкапский и Тынышпаев действовали в другом направлении: они не упоминали больше о необходимости освободить эти два уезда от киргизов, оставив их полностью в распоряжении русских; напротив, ими предусматривалось прибытие беженцев в Джаркентский уезд. Исчез также аспект, который в предложении Куропаткина носил наиболее карательный характер, — конфискация земель у кочевников во всех районах, где была пролита русская кровь. Только дунгане, которые проявили крайнюю жестокость во время восстания и внушали особую ненависть и страх колонистам, были лишены права возвратиться в Семиречье.

Комиссары Семиречья разочаровали киргизов только в одном пункте, но фундаментальном: их проект не предусматривал возвращения беженцев на их прежние земли, на их традиционные пастбища. Чтобы содействовать возвращению, не вынуждая колонистов возвращать экспроприированные после восстания земли, Временное правительство решило раздать беженцам государственную землю и постановило создать на местном уровне комитеты содействия поселению⁴⁸². В отношении колонистов не было принято никаких мер, кроме слабых угроз, предостерегающих их от нового насилия: появилось обращение на русском и киргизском, за подписью обоих комиссаров, где говорилось, что дальнейшие захваты покинутых киргизами земель, насилие и конфискация скота будут подавляться Временным правительством⁴⁸³. В общем, речь шла о компромиссе, каждое решение, благоприятствующее кочевникам, должно было навязываться колонистам силой, а на такие серьезные шаги правительство, очевидно, не было готово.

Для возвращения киргизам следовало обеспечить защиту и материальную помощь. Однако нет никаких сведений о перемещении воинских частей для предотвращения возможных конфликтов, да и было бы странно, если бы солдаты, которых до сих пор использовали для подавления мятежников и изгнания их с собственных земель,

теперь выступили на их защиту. Для материальной поддержки требовались ассигнования из бюджета, но Комитет не имел таких полномочий; соответственно был избран самый длинный путь — обратиться в Петроград с запросом необходимых средств на покрытие расходов по возвращению беженцев⁴⁸⁴. Одновременно власти предложили беженцам создать свой продкомитет, с которым сотрудничали все прочие продовольственные комитеты⁴⁸⁵. Продовольственные поставки, заверяли они, вскоре поступят, они предусматриваются государством и будут распределены между всеми группами населения — как русскими, так и мусульманами⁴⁸⁶. Обещание выглядело неубедительным, поскольку для того, чтобы распределить помощь в зонах, наиболее пострадавших от кризиса, следовало бы выдавать мусульманам зерно, произведенное русскими, в то время как государство не было способно ни приобрести его, ни конфисковать, а колонисты, разумеется, не согласились бы кормить своим хлебом киргизов⁴⁸⁷.

Комитет Временного правительства надеялся в первую очередь на то, что беженцы самоорганизуются и найдут поддержку киргизов, уже находившихся в отведенных беженцах районах⁴⁸⁸. В этом случае проблема решилась бы сама собой, внутри общества кочевников, за счет более преуспевающих киргизов, которые остались в Туркестане после 1916 года⁴⁸⁹. Комиссары Семиречья, вероятно, менее оптимистичные или более вовлеченные в ситуацию, чем их ташкентские коллеги по Комитету Временного правительства, искали пути активной защиты кочевников, не вызывающих слишком враждебного отношения со стороны колонистов. Чтобы не давать поводов для протеста, они даже заявили, что было бы целесообразным со стороны государства прежде всего удовлетворить колонистов и предусмотреть компенсацию ущерба, который те понесли в результате восстания 1916 года⁴⁹⁰. Затем они предложили конкретные и радикальные меры на пользу кочевников: применение в Семиречье закона о зерновой монополии, выделение средств на закупку и распределение зерна, на приобретение киргизами скота, проведение переговоров с Китаем с целью добиться возвращения киргизам стад, которыми завладели китайцы.

Предложение, однако, осталось на бумаге: вопрос о возмещении ущерба русскому населению был принят к рассмотрению, но пока дело не тронулось с места; Комитет Временного правительства выделил смехотворную сумму на продовольственную помощь; передача зерна от русских кочевникам также не состоялась⁴⁹¹. На местах ничего не оставалось, как бороться с ситуацией теми небольшими средствами, которые имелись в распоряжении: было решено создать пункты пополнения продовольственных припасов вдоль пути возвращения кочевников в Туркестан, принять меры для обеспечения трудом работоспособной части беженцев, предоставить помощь больным,

детям и старикам⁴⁹². Это были хорошие намерения, но в значительной степени они таковыми и остались. Решение о помощи киргизам было принято по требованию комитета киргизов Семиречья, который сообщал о 40 000 беженцев, находящихся на грани голода. Опасения вызывало и то, что в условиях голода могли вспыхнуть различные эпидемии, грозящие распространиться и на прочее население⁴⁹³. Сами беженцы, когда протестовали по поводу отсутствия помощи, подчеркивали опасность распространения эпидемий, надеясь, что хотя бы этот аргумент подействует на русских⁴⁹⁴.

Насилие и голод в кочевническом районе

Колонисты, готовясь к возвращению кочевников, стали организовываться и потребовали у Комитета Временного правительства дополнительно раздать оружие. В начале мая Комитет, при поддержке реформистских политических организаций Туркестана, принял, однако, решение о нецелесообразности дополнительной раздачи оружия и об организации в случае необходимости регулярного ополчения или отправке воинских частей⁴⁹⁵. В эти же дни краевой Совет отверг требования солдат о переводе их в Семиречье для защиты собственных семей и приказал всем оставаться в частях, заверяя, что их интересы находятся под защитой местных Советов и вооруженных сил, размещенных в Семиречье⁴⁹⁶. Местные Советы были проинформированы о приказе Керенского о суровых наказаниях дезертиров. Все, кто был на военной службе, но не находился на территории своих частей, получили приказ явиться в течение нескольких дней в местные Советы или обратиться к ближайшему военному командованию. Не выполнившие приказ подлежали преследованию за дезертирство⁴⁹⁷.

Велась обычная игра, по правилам которой власти, удаленные от места конфликта, высказывались только тогда, когда взрыв насилия уже происходил, и предлагали запоздалые меры по ограничению его распространения, в то время как власти местные, будучи непосредственно вовлеченными в конфликт, своими действиями сводили на нет миротворческие усилия.

Основными каналами распространения оружия были местные административные и военные структуры (они действовали с определенной самостоятельностью и обращали мало внимания на приказы вышестоящих инстанций), а также сами солдаты, находившиеся в увольнении или в бегах и возвращавшиеся в свои села с оружием в руках. Эти вооруженные люди, которые через несколько месяцев станут главной опорой революции в Семиречье, разделяли требования деревень. Эти люди были разочарованы краевым Советом, так как он не отвечал на бесконечные телеграммы из Верного и Андижана о разрешении на раздачу оружия⁴⁹⁸.

Семиреченский Совет высказывался с осторожностью по поводу оружия, и только когда в районе вновь были зафиксированы вспышки насилия, заявил о необходимости отобрать оружие у кочевников (кстати сказать, непохоже, чтобы те были вооружены), при этом у русских предлагалось конфисковать только недавно выданные ружья. Оружие должно было храниться в гарнизоне и могло быть выдано крестьянам только в случае действительной необходимости, а не просто по инициативе местных комитетов⁴⁹⁹. Краевой Совет, никогда не отличавшийся симпатией к разжигателям конфликтов с мусульманами, запретил выдачу оружия колонистам, но впоследствии разрешил им держать охотничьи ружья с согласия районных комиссаров⁵⁰⁰. Именно потому краевой Совет настаивал на возвращении армейского оружия на склады, под контроль военных властей. Вопрос об оружии в Семиречье обсуждался и на самом высоком уровне: Бройдо, председатель солдатского Совета Туркестана, встречался в июне с Керенским и способствовал изданию приказа, который гарантировал киргизам право возвратиться в те места, где они жили перед восстанием, объявлял о реквизиции оружия, а также о конфискации земель у людей, повинных в убийствах⁵⁰¹.

Однако вернемся в Семиречье. В мае колонистов охватило беспокойство, прошли слухи о скором возвращении дунган и киргизов из Китая. Первым распространителем слухов оказался губернатор Семиречья, который в начале мая послал телеграмму военному командованию, где указывал, что в Джаркентский уезд прибывают дунгане, а в Пржевальском уезде местные исполкомы готовятся к стычкам, раздавая оружие русскому населению⁵⁰². И действительно, из Китая приходили известия о перемещениях беженцев.

Даоинь, командующий китайской армией в Илийском районе, где находилась большая часть беженцев, сообщал об организации перемещения киргизов из разных пунктов. Русские солдаты приняли их и сконцентрировали всех в одном месте, но не давали им разрешения ни пересечь границу и попасть в Россию, ни вернуться в Китай. Если эта ситуация затянется надолго, предупреждал даоинь, кочевники не выживут без пищи и попробуют вернуться в Китай. Китайская армия не спускала глаз с границы ни днем, ни ночью⁵⁰³. В приграничных районах между Китаем и Россией находилась масса голодных беженцев, отнюдь не шайки вооруженных мятежников.

По эту сторону границы, в Семиречье, посланцы Комитета Временного правительства следили за развитием ситуации. Экспедиция, состоявшая из представителей самого Комитета, туркестанского Совета и Шура-и-Ислам, создала свои отделения в разных уездах, а Тынышпаев и Шкапский были для нее местной политической инстанцией.

Экспедиция повсеместно обнаруживала тяжелое положение. В Нарынском уезде киргизы умирали от голода, была необходима

срочная помощь, в первую очередь в организации пунктов раздачи пищи вдоль путей возвращения беженцев⁵⁰⁴. Местный Совет предоставил в распоряжение зерно, но в крайне ограниченном количестве; в уезде не было ни русских крестьян, ни зерна, и единственное, что смогли сделать местные власти, это разослать телеграммы с просьбой о помощи в другие уезды, а также запросить российского консула в Кашгаре, не найдет ли он средств для организации пунктов снабжения вблизи границы⁵⁰⁵.

Делегация киргизов, по-видимому, представлявшая от 70 до 100 тысяч беженцев, находящихся в Уч-Турфане, просила разрешения вернуться в Пржевальск. Беженцы хотели вернуться в населенные ими прежде места и просили помощи, так как колонисты их не пропускали, а местные власти приказали оставаться в Нарынском уезде. Члены экспедиции и даже сами комиссары Семиречья не могли решить эту проблему и обратились в Совет Туркестана⁵⁰⁶. Имели место продолжительные и лихорадочные переговоры на разных уровнях, но на практике кочевников продолжали посылать в края, охваченные, как уже было известно, голодом. Члены экспедиции могли только констатировать, что нет никаких возможностей для организации приема беженцев. Необходимо, утверждали они, создание серьезных общественных организаций, которые были бы в состоянии довести беженцев до мест их поселения, отражая попытки насилия⁵⁰⁷.

Из 17 волостей Пржевальского уезда киргизы телеграфировали в туркестанский Совет о том, что русские крестьяне угрожают им смертью и силой гонят прочь. Они сообщали, что вынуждены сидеть в горах, что умирают с голода, потому что совсем не получают хлеба, но у них нет и сил добраться до предназначенных им русскими районов, они умрут в пути⁵⁰⁸. Представители туркестанского Совета подтверждали тяжесть ситуации и участвовавшие случаи насилия и убийств. По их данным, виновниками инцидентов были, как правило, солдаты в увольнении и дезертиры. Многие из них взяли оружие из казарм, сформировали банды по 20–25 человек и нападали на кочевников, другие, пытаясь этим посеять панику и спровоцировать новые столкновения, распространяли ложные слухи о том, что киргизы готовят новое восстание⁵⁰⁹. Краевой Совет был проинформирован об объявлении в уезде мобилизации, раздаче населению оружия. Это было местной инициативой, предпринятой без разрешения вышестоящих военных властей. Теперь уже и войска, расквартированные в Семиречье, перестали быть надежными. Совет реагировал как мог, то есть только на словах. Он отметил опасность ситуации, призвал к спокойствию, потребовал сдачи оружия⁵¹⁰.

Известия из Джаркентского уезда были не лучше. Первые сигналы о возвращении беженцев, как мы уже знаем, сопровождались раздачей оружия. Затем из Китая пришли сведения о появлении

вблизи Кульджи большого количества семиреченских дунган⁵¹¹. Среди крестьян в окрестностях Джаркента началась паника: все мгновенно покинули поля и укрылись в ближайших селениях и в городе. Многие, спасаясь бегством, убивали собственных батраков-мусульман. Затем, взяв только что полученное оружие, они организовали охоту на киргизов⁵¹². Колонисты убивали и грабили беженцев, многие из которых страдали от голода, в то время как уездный комитет по снабжению запрещал продавать им зерно⁵¹³. Представители киргизов обратились к русским властям с требованием положить конец насилию⁵¹⁴. Чуть позже и дунгане обратились в семиреченский Совет с протестом против того, что солдаты запаса захватили их земли. Совет приказал исполкому Джаркента незамедлительно положить конец этим незаконным захватам⁵¹⁵. В очередной раз выходило, что местные советские власти оказывались инструментами колонистов, в то время как советские институты более высокого уровня, управляющие более обширными территориями, прислушивались к просьбам мусульман.

В Пишпекском уезде беженцы также столкнулись по возвращении с вооруженными русскими колонистами. Их грабили и убивали десятками. Отказываясь возвращаться на свои земли, они рассеивались по разным волостям. Власти не вмешивались — ни чтобы остановить колонистов, ни чтобы оказать продовольственную помощь беженцам⁵¹⁶.

Повсеместная гибель кочевников была не только результатом насильственных действий, но и в первую очередь результатом голода. Голод косил каждого десятого, из-за него многие аулы, бежавшие в Китай, отказывались возвращаться. Если рассмотреть развитие голодной ситуации, мы увидим: зерно в наличии имелось, но по ценам, неподъемным для обнищавших кочевников; государство было не в состоянии приобрести продовольствие у крестьян для оказания помощи; больше нигде зерна найти не могли, несмотря на угрозу голода. Рассмотрим подробнее пример Пишпекского уезда.

Выясняется, что в уезде излишки зерна были по крайней мере в четырех селениях: Токмак, Беловодск, Сукулук, Архангельск⁵¹⁷. Владельцы зерна (колонисты и казаки) не хотели отдавать его продовольственным комитетам, которые использовали бы его для помощи беженцам или отправили в другие населенные пункты. Отказ в продаже зерна обуславливался еще и тем, что закупочные цены для снабженческих структур были зафиксированы государством на уровне значительно ниже тех, что сложились на рынке. В Токмаке крестьяне говорили, что не хотят отдавать зерно беженцам как своим врагам, но на деле продавали его, если киргизы могли заплатить высокую цену. На базаре зерно шло по ценам в несколько раз выше официальных, покупали его манапы, богатые киргизы⁵¹⁸. Очевидно, никому не было дела до того, что в соседних волостях кочевники не

имели зерна уже по два-три месяца и находились в таком положении, что вряд ли пережили бы первые холода⁵¹⁹. В ситуации голода и общего обнищания доступ к зерну не только давал возможность выжить, но и являлся инструментом власти над другими⁵²⁰. Явно было также и то, что внутренняя солидарность киргизского общества, на которую возлагали надежды Комитет Временного правительства и его комиссары, не распространялась дальше аулов в этом расслоенном, пораженном кризисом обществе, не существовала в принципе. В условиях вражды между колонистами и кочевниками у последних были крайне низкие возможности доступа к продовольствию. Их покупательная способность на рынке была слишком низкой, а политической власти для влияния на распределение помощи не было вообще.

Насилие усугубляло эту ситуацию. Часто случалось, что зерно, которое удавалось приобрести мусульманам, затем конфисковывалось. Было много «охотников» отобрать зерно и другие товары у кочевников, избить их. Шкапский и Тынышпаев пытались реагировать на такие происшествия, приказывали вернуть отобранное, но безрезультатно⁵²¹. В призыве властей к населению говорилось, что Пишпекский уезд охвачен анархией: приказы законной власти систематически игнорируются, постоянно происходят случаи насилия и грабежа, незаконно захватываются земли и пастбища. В качестве реакции на происходящее был создан новый орган местного управления — с широкими властными полномочиями, с задачей следить за исполнением законов, способствовать наведению порядка, издавать приказы, собирать общественные собрания, устанавливать цены⁵²².

Несмотря на эти решения, в Пишпекском уезде, как, впрочем, и в Пржевальском, колонисты продолжали убивать и грабить⁵²³.

После вспышки насилия, достигшего пика в мае, в Семиречье прибыл Шендриков, другой видный член Комитета Временного правительства, чтобы оказать поддержку Тынышпаеву и Шкапскому. Новый политический посланец, впрочем, быстро оказался в той же ситуации, что и двое прежних комиссаров: он убедился в тяжести ситуации, потребовал принятия срочных мер и стал ждать. Требования включали продовольственную и медицинскую помощь кочевникам, компенсации семьям жертв насилия, содействие переселению киргизов в более безопасные районы. Для выполнения этих требований, так же как и тех, что выдвигались ранее, необходимы были значительные ассигнования, которыми Комитет Временного правительства не располагал, и, следовательно, вновь возникла необходимость запрашивать деньги у Петрограда⁵²⁴. В любом случае помощь могла поступить только через весьма длительный промежуток времени, а для выхода из кризиса требовалось принятие срочных мер.

В течение всего этого периода представители аулов напрямую посылали запросы о помощи властям, то же делали и колонисты,

которые полностью контролировали местные Советы и имели заступников на государственном уровне. Каждый стремился добраться до самых высоких этажей власти и ждал ответов издалека. Требования шли наверх по властной иерархии, а сверху спускались небольшая помощь и множество приказов, но ясно было, что и то, и другое вряд ли найдет своих адресатов. Разнообразные требования сторон, участвующих в конфликте, сталкивались, таким образом, с бессилием ташкентских властей и инерцией центрального правительства. Приказ, затребованный Бройдо у Керенского (об этом мы говорили выше), не был издан, и точно так же не была послана помощь, затребованная Шендриковым. Петроградское правительство ограничилось созданием комиссии для выяснения обстоятельств майских инцидентов⁵²⁵.

В отсутствие поддержки сверху и полагая ситуацию опасной, Тынышпаев и Шкапский обратились к российскому консулу в Кашгаре, сообщая ему о необходимости приостановить возвращение беженцев из Китая⁵²⁶. Затем исполком Совета Пржевальского уезда начал перемещение кочевников в другие районы⁵²⁷. Наконец, Нарынский комитет отказался принимать новых беженцев, обвинив кочевников в том, что они с 1916 года все еще удерживают русских пленников. Комитет потребовал возвращения этих пленных (большая часть из них, вероятно, были уже мертвы или проданы в Китае) и добился вмешательства в этот вопрос Тынышпаева. До окончательного решения проблемы комитет Нарына отказывался организовывать пункты раздачи продовольствия и помощи беженцам⁵²⁸. Голод опять использовался как инструмент власти над кочевниками.

4. Демократия как угроза

В начале 1917 года в повестке дня туркестанского правительства и основных политических сил стояли весьма серьезные вопросы: следовало определить политические права мусульманского большинства края и прояснить отношения между местным правительством и правительством в Петрограде. Обсуждались различные конституционные варианты, поскольку уже назрела необходимость утвердить окончание зависимости, основанной на военном завоевании, и зафиксировать появление новых отношений (необязательно колониального характера) между Туркестаном и Россией. Дискуссия шла о формах и границах желаемой независимости.

К этой ситуации край пришел не в результате антиколониальной мусульманской революции. Мусульманские политические организации, даже самые активные, не стремились, как мы уже знаем, порвать отношения с Россией и объявить о независимости. Авторитет центральной власти упал по причинам в основном внутривосточного свойства — вследствие демократической революции, экономических проблем, войны. Колония постепенно предоставлялась сама себе, хотя формально еще зависела от Петрограда, при этом центральное правительство еще пыталось оказывать влияние и осуществлять силовое вмешательство, как мы увидим далее, только в наиболее сложные моменты.

Умеренность мусульманских политиков не входила в противоречие со слабостью центральной власти, но положение колонии оставалось тем не менее неопределенным. Одна из причин этой неопределенности состояла в том, что осуществление в Туркестане реформы, основанной на применении принципов проекта Временного правительства, привело бы к последствиям, маложелательным для большинства проживающих там русских: создание демократических институций, базирующихся на всеобщем голосовании, реально угрожало поколебать основы русской власти и снизить колониальную зависимость региона. Прочие причины неопределенности нам известны — экономический кризис, атмосфера напряженности между русскими и мусульманами в городах, жестокие конфликты между колонистами и кочевниками.

В этой главе мы рассмотрим этапы институционального перехода от системы назначения сверху к политической новации, основан-

ной на голосовании. Первый «избирательный эксперимент» произошел в Ташкенте при обновлении Городской думы. Это было подходящим случаем, чтобы понять, есть ли какие-то взгляды, которые разделяет население обеих частей города, и имеется ли, следовательно, возможность найти кандидатуры, что-либо значащие как для русских, так и для мусульманских избирателей. Это заставило русские партии окончательно определиться относительно противоречий между их демократической риторикой и во многом колониальной сутью. Также и мусульманские организации должны были выработать свое отношение к формам демократии, предлагаемым Россией. Среди прочего наконец обнаружился бы реальный вес прогрессизма джадидов в мусульманском обществе. Мы не будем сразу сообщать результаты голосования, о них читатель узнает через несколько страниц.

Затем мы проанализируем реакцию русских кругов на угрозу распада колониальной власти. Мы приближаемся к Октябрю, который здесь обернется «революцией наоборот», контрреволюцией.

Правительство края и Совет

Формально администрация Туркестана зависела от Временного правительства и, следовательно, от членов Комитета, которых присылал Петроград. В действительности властные отношения имели другую конфигурацию. В селах и городах действовали Советы или другие местные органы, которые и были реальной властью, в то время как на более высоком уровне, то есть на уровне края и областей, имела место двойственность или, лучше сказать, двусмысленность в разделении властей. В самом деле, существовал Совет Туркестана наряду с Комитетом Временного правительства, а в областях действовали областные Советы, но Комитет имел право назначать там своих полномочных комиссаров.

Весной это равновесие властей было отнюдь не стабильным. В начале мая, как мы уже видели, краевой Совет взялся за организацию продовольственного снабжения, присвоив себе важную функцию правительства. Это решение, принятое под давлением растущего недовольства русского меньшинства, было частью более широких действий Совета, стремившегося поставить под сомнение политическую самостоятельность Комитета и самоутвердиться в качестве реального центра власти в регионе. Повод для такого поворота представился, когда Комитет назначил двух военных, ненавидимых Советом, в администрацию Сырдарьинской области. Ташкентский Совет выразил протест против этого назначения и потребовал их отзыва, а также отставки Щепкина, председателя Комитета⁵²⁹. В ответ на эту атаку члены Комитета, находящиеся в Ташкенте, заявили, что отвечают за свои действия только перед Временным правительством, но

это заявление не сопровождалось рассмотрением претензий Совета, напротив, они подали в Петроград заявление о собственной отставке. В телеграмме Временному правительству члены Комитета, включая двух комиссаров Семиречья, заявили, что вынуждены отказаться от должностей, поскольку общая политическая ситуация в России не позволяет им ответить Совету энергичными мерами, следовательно, они принуждены уступить⁵³⁰.

Конфликт между Советом и Комитетом пришелся на поворотный момент в политике самого Временного правительства. В Петрограде после апрельских волнений и падения первого кабинета князя Львова было образовано коалиционное правительство с участием социалистических партий. Тем самым действия Совета были направлены на приведение местной политики в соответствие с политикой центра. В Туркестане, однако, отставка Комитета, возвращение в Петроград большей части его членов и более чем месячный перерыв до образования нового Комитета вызвали вакуум власти, который мог преодолеть только Совет, взяв на себя все функции управления. Судя по заявлениям, сделанным в связи с отставкой членов Комитета, краевой Совет стремился, однако, не к этому. Совет хотел влиять на правительство, контролировать его, но не заменить его собой⁵³¹.

Комитет продолжал формально существовать, хотя его члены ушли в отставку, а некоторые даже покинули Ташкент. Совет, который по закону не мог взять на себя власть правительства, решил присоединить к Комитету, лишенному теперь всякой власти, краевое совещание. Этот новый орган, представляющий советские, государственные и мусульманские институты, стал, по сути, правительством Туркестана⁵³².

По другую сторону баррикад от этого аномально выстроенного и хрупкого институционального образования находилось бурлящее общество края. Проблема сохранения порядка вставала со всей безотлагательностью в самом Ташкенте и в Ташкентской и Сырдарьинской областях. В середине мая было создано областное совещание, призванное управлять деятельностью разнообразных местных Советов и комитетов, привести их в соответствие с существующими законами⁵³³. В те же дни, опять же по общей инициативе Совета и других общественных организаций, образовалось городское совещание для борьбы с хулиганством, пьянством, самогоноварением, азартными играми и т.п. Совещание, которое могло самостоятельно наложить арест до шести месяцев на подозреваемых в преступлении, принимало на себя функции городской полиции⁵³⁴.

Спокойствие нарушала, однако, не только обычная преступность, имели место также стихийные забастовки и массовое дезертирство из армии. Общественные организации умеренного толка, представлявшие профессиональные круги русского населения, стремились обвинить в этой ситуации Совет, возлагая на него ответствен-

ность за ослабление дисциплины на рабочих местах и в казармах⁵³⁵. Краевой Совет, который сейчас ставил себе первейшей задачей сделать страну управляемой, отреагировал на обвинения, объявив жестокие санкции против дезертиров и приняв меры против беззаконий, зачастую чинившихся солдатами, как, например, продажа казарменного имущества⁵³⁶. Одновременно с этим Совет стал вмешиваться во все основные проблемы армейской жизни: он вынес отрицательное решение по поводу запроса об отправке домой трехсот солдат родом из Семиречья для защиты своих родных, как они уверяли, в случае беспорядков, устроенных кочевниками⁵³⁷; приказал другим военным частям передислоцироваться в Ташкент⁵³⁸; поддержал решение Временного правительства провести набор рекрутов среди русских, рожденных в Туркестане, которые до сих пор были избавлены от военной службы⁵³⁹; допустил отправку войск из Туркестана на фронт, несмотря на то, что это значительно ослабляло солдатский Совет⁵⁴⁰. Сам Бройдо, непререкаемый лидер краевого Совета, отправился с этими частями⁵⁴¹.

Начинания, которые привели к отставке Комитета под председательством Щепкина, виделись в Петрограде как соответствующие новой политике центрального правительства, а последующие действия Совета продемонстрировали его надежность в партнерстве с центром. В Петрограде признавали необходимость реорганизации системы управления Туркестаном и допускали, что Совет сыграл в этом значительную роль, но не подразумевали его чрезмерного вмешательства в управленческую деятельность⁵⁴². Центр ценил Совет в основном как инструмент поддержания порядка и считал необходимым с ним сотрудничать, в особенности для избежания ожесточения конфликтов, в первую очередь в Семиречье⁵⁴³. Мусульманский Исполнительный комитет, который представлял в Петрограде мусульманское движение всех регионов бывшей Российской империи, также высказался в пользу Совета и обратился к Бройдо за докладом о положении мусульман в Туркестане⁵⁴⁴.

Назначение нового туркестанского Комитета было результатом переговоров с Петроградом, в которых активную роль играли представители туркестанского Совета. Параллельно в Ташкенте проходило обсуждение кандидатур между краевым Советом и Милли Шураси (Национальный центр мусульман Туркестана под руководством Мустафы Чокаева)⁵⁴⁵. Членами Комитета были назначены, по предложению Милли Шураси, сам Чокаев⁵⁴⁶ и Иванов, которого, хотя он и был русским, ценили за корректность, проявленную после Февральской революции, когда он был городским головой Ташкента. От старого Комитета остались Шкапский и Тынышпаев, бывшие комиссарами Семиречья и ценимые Милли Шураси, а также Липовский и Елпатьевский, которых считали людьми краевого Совета. Вошел туда также и русский меньшевик, Шендриков⁵⁴⁷. По предложению кра-

вого Совета председателем Комитета стал Наливкин⁵⁴⁸. Наливкин из русских был, возможно, лучшим знатоком местного общества, он знал и языки, и культуру, пользовался хорошей репутацией как у джандидов, так и у улемов, славился своей левой идеологией⁵⁴⁹.

Соответственно, в середине июля Туркестан получил новый Комитет. В противоположность предыдущему, на этот раз речь шла об органе, назначенном после долгих переговоров с местными политическими силами, который, по существу, удовлетворял как требованиям русского Совета, так и требованиям мусульман и состоял из людей прогрессистского толка, созвучного тому, что преобладал в Петрограде. На собрании Совета обсуждались возможные формы отношений с новыми представителями правительства и было решено образовать Краевое совещание, представляющее местные силы, в первую очередь Советы, чтобы поддержать Комитет, а также создать на областном уровне комиссариаты, состоящие из людей, назначенных совместно Комитетом и представителями местных Советов⁵⁵⁰. Идея независимости от Совета, тщетно отстаиваемая старым Комитетом, была уже давно забыта. В отсутствие точных правил, диктуемых центральным правительством, Совет готовился управлять посредством нового Комитета.

Приближалось, однако, время глубинных изменений в жизни колонии. Назревал переход от политического режима, построенного на назначениях и кооптации, к системе, строящейся на всеобщих выборах. По всей России готовились к местным выборам, всюду шла избирательная кампания по выборам в Учредительное собрание. В колонии опасались, что эти трансформации приведут к отрицательным и губительным результатам для русских, которые составляли этническое меньшинство и оказались бы также и политическим меньшинством. Совет как гарант порядка и той степени демократии, которая допускалась колониальной природой режима, был абсолютно неадекватен революции, декларирующей переход к демократии, строящейся на всеобщем голосовании.

Русские становятся политическим меньшинством

С того момента, как в Ташкент пришло известие об образовании Временного правительства, встреченное на улицах города «Марсельезой», все главные русские политические организации ставили в центр своих программ построение и защиту демократического строя. Именно благодаря демократии эти организации смогли появиться (или перестроиться) и обрести место и авторитет во властных институтах края.

Эти русские организации рассматривали население, в особенности мусульманское, как человеческую массу, которую надо направлять и воспитывать, то есть понимали правление в параметрах коло-

ниального режима, но чуть более открытого к участию в нем местного населения; они ни в коем случае не намеревались начинать колониальную революцию, которая бы обратилась против них самих. Превознося демократические ценности, политические лидеры русского меньшинства не соглашались с чрезмерными претензиями на власть мусульманских лидеров, приводя в защиту собственных позиций тот факт, что мусульманское общество было авторитарным и малограмотным. Демократия представлялась им как фундамент ценностей меньшинства, а не как признание прав большинства. Она была отличительным признаком русского общества от туземного, признаком культурного и гражданского превосходства русских над отсталым и привыкшим к деспотизму местным населением.

Русские политические организации поэтому считали, что связи Туркестана с Россией не должны ослабляться, но в то же время необходимо дать колонии определенную степень самостоятельности, настолько, чтобы позволить ташкентскому правительству действовать с учетом специфики местного общества. Полная независимость и власть большинства (автохтонного), по мнению меньшинства (русского), привели бы к отрицанию демократии как главного завоевания Февральской революции.

Эта концепция возникла уже в апреле, когда на съезде общественных краевых организаций обсуждались отношения между Туркестаном и Россией. На съезде присутствовали представители всех политических сил, поддерживающих Временное правительство, почти все делегаты были русскими. Съезд высказался в пользу образования «демократической федеративной республики» с «сильной центральной властью, действующей в интересах всей России». Члены этой федерации обладали бы «большей или меньшей автономией соответственно их культурному уровню»⁵⁵¹.

Через несколько дней после съезда представители тех же политических сил были созваны на собрание Комитета Временного правительства. Там позиция русских прозвучала в более явной форме: «Особенная ситуация Туркестанского края... делает невозможной полную политическую независимость»⁵⁵². Отчет собрания появился на страницах «Туркестанского курьера», еженедельника, близкого кадетам; в статье говорилось, что «как колония Туркестан должен управляться наподобие английских и французских колоний», однако с учетом того, что существует «огромная разница... между культурным уровнем Канады и Австралии и уровнем туземного населения Туркестана», а также того факта, что в Туркестане «туземцы» гораздо более многочисленны⁵⁵³. Темные мусульмане, как их часто называла русская пресса Туркестана, неспособны к самоуправлению.

В мае, когда было разорвано соглашение, связывающее Комитет Временного правительства с Советом, последний попытался усилить собственную политическую деятельность, завоевывая общест-

венные организации, которые были в подавляющем большинстве близки кадетам и защищали Щепкина в схватке с Советом⁵⁵⁴. Освободившись от связей с кадетами, казалось бы, терявшими силу, Совет попытался усилить свою поддержку обществом, обратившись в том числе и к мусульманскому населению. Несмотря на это, он избегал официальных высказываний по поводу автономии.

Эта проблема, напротив, обсуждалась на съезде эсеров. На нем была принята резолюция, в которой в лучшем колониальном стиле утверждалось, что мусульманское население пока не смогло воспринять западных стимулов к культурному развитию, что не существует пока образованного мусульманского класса, способного управлять своим народом и направлять его к началам демократии. Съезд не отрицал в принципе автономии, хотя утверждал, что она может быть определена только позже – Учредительным собранием; в настоящий момент же он призвал к созданию органов местного самоуправления в городах и селах, которые способствовали бы «созреванию» населения на основе демократических принципов⁵⁵⁵.

Социал-демократы обсудили отношения между русскими и мусульманами, а также автономию Туркестана на июньском съезде. Резолюция съезда гласила: «Признавая, что полное разрешение национального вопроса возможно только при уничтожении классовых различий после торжества социализма, а до того возможно лишь смягчение национальных противоречий или национального угнетения путем паллиативов, политическая автономия отдельных областей не дает достаточных гарантий прав национальных меньшинств». Съезд счел тем не менее необходимым, чтобы в реорганизации российского государства учитывалась специфика «наций, их образа жизни и экономики», предлагая «национальную и культурную автономию» разным народам края⁵⁵⁶.

Дебаты между русскими о правах мусульманского большинства состояли, однако, не только в этих более или менее расплывчатых формулировках по поводу автономии Туркестана. Близость выборов в ташкентскую Думу и Думы других городов края требовала конкретных предложений. Это было поводом, для многих нежелательным, к применению на практике тех самых демократических принципов, на которые все так неопределенно ссылались.

Относительно ташкентских выборов начали оживленно дискутировать в начале мая. Кадеты предложили создать две Думы: одну – для европейских кварталов, другую – для мусульманских. Тем самым русские сохранили бы контроль над своей частью города, где находились вокзал, банки и немногочисленные промышленные предприятия. Более богатый бюджет нового города снял бы с себя таким образом административные расходы мусульманских кварталов, которые управляли бы собой отдельно и за свой счет. Эта идея защищалась уже знакомой нам аргументацией: мусульмане, говорилось в «Тур-

кестанском курьере», находятся на «культурном уровне» ниже русских и в пять раз более многочисленны; если бы избиралась единая Дума, они получили бы пропорциональное число депутатов, а это остановило бы «культурное» развитие города; следовательно, необходима страховка от риска, состоящего в численном превосходстве мусульман, потому что пройдет, быть может, еще сто лет, пока они достигнут «культурного уровня», достаточного для того, чтобы управлять наравне с русскими⁵⁵⁷.

Кадеты в поддержке своего предложения опирались на заявления, сделанные Убайдуллою Ходжаевым на собрании общественных организаций в апреле⁵⁵⁸. Как мы уже упоминали, Ходжаев признавал, что мусульмане не могли рассчитывать на число представителей в институтах, равное русским. Сам Мустафа Чокаев, когда прибыл в Ташкент, соглашался с кадетами и считал, что формирование единой Думы потребует политических качеств, которыми мусульмане не обладают⁵⁵⁹. Мусульманское движение получило толчок к радикальному развитию от Зеки Велиди Тогана. Башкирский лидер, который прибыл в Ташкент за несколько дней до Чокаева и записался в партию эсеров, заявлял, что город должен иметь единую Думу, избранную всеобщим равным голосованием, без различия между горожанами⁵⁶⁰. Во имя демократии защищались права автохтонного большинства. Это стало преобладающей позицией среди мусульман, когда началась организация движения и появилась Шура-и-Ислам.

Русские социалистические партии, которые управляли краевым Советом и находились в тот момент в полемике с кадетами Комитета Временного правительства и буржуазными общественными организациями Ташкента, приняли позицию мусульман (возможно, чтобы продемонстрировать превосходство собственных демократических убеждений над предрассудками) и так же предложили формировать единую Городскую думу⁵⁶¹.

Началась избирательная кампания.

В новом городе было сформировано двенадцать избирательных списков. Имелись партия эсеров и партия социал-демократов, через Совет осуществлявшие реальную власть русских в Ташкенте, а также и в крае. Первая из них поставила во главе списка авторитетное имя Керенского⁵⁶². Либеральная русская буржуазия была представлена либерально-демократическим блоком, соотносящим себя с кадетами; помимо того, имелись списки партии «Народная свобода», собрания общественных организаций, домовладельцев, казацкого круга, евреев европейского города, солдатских жен, интеллигенток, Совета русских каменщиков, профсоюза промышленных и торговых служащих. Мусульмане представили только четыре списка: улемы; «мусульмане старого и нового города», представляющие прогрессистские круги Шура-и-Ислам; список мусульманских каменщиков (под влиянием городского Совета); список от евреев старого города (бухарские евреи)⁵⁶³.

Мусульмане, следовательно, представили меньшее число списков, но среди них произошёл значительный раскол: Джамаит-и-Улема откололась от Шура-и-Ислам и участвовала в выборах самостоятельно. Улемы-традиционалисты решили ответить на политическое превосходство джадидов и сочли переход от системы кооптации к выборам подходящим поводом, чтобы воспользоваться поддержкой населения. Для них было важным разрушить опасный диалог с русскими, который начали джадиды и который числил политическим партнером Кравеой Совет.

Принимая правила предвыборной конкуренции, улемы все же требовали, чтобы женщины не занимались публичной деятельностью и, следовательно, не ходили на выборы. Традиция имела большее значение, чем преходящие избирательные условия. Вопрос о правах женщин был, впрочем, далеко не последним в полемике между улемами и джадидами. Это уже крайне остро дискутировалось в мае, на мусульманском съезде в Москве, но теперь проблема вновь становилась актуальной, потому что джадиды, не разделяющие консерватизма улемов, не желали отказываться от драгоценных голосов⁵⁶⁴.

В начале июля Шура-и-Ислам обратилась к муллам с просьбой разрешить женщинам участвовать в выборах и предложила, чтобы те голосовали с закрытым лицом, в закрытых помещениях и под присмотром других женщин⁵⁶⁵. Вскоре, однако, по старому городу распространились слухи, что женщины будут обязаны открыть лицо, а мужчины, получив право голоса, должны будут потом идти на воинскую службу⁵⁶⁶. Слухи, возможно, были пущены с целью убедить мусульман отказаться от голосования. Однако в конце концов голосование было организовано, специально для женщин выделили пять избирательных участков, при условии, что они снимут покрывала для установления личности⁵⁶⁷. Джадиды, поддерживая эту процедуру, оказались в оппозиции к муллам и в глазах многих выглядели, соответственно, предателями.

Предвыборная листовка улемов

Русские в это время развернули активную предвыборную пропаганду, членов Совета настойчиво призывали привести к урнам своих жен⁵⁶⁸.

В конце июля состоялись выборы.

Результаты выборов (см. таблицу) отражают четкие политические различия между новым городом и старым. Только один избирательный список (список Шура-и-Ислам) был представлен в обеих частях города. Он получил около 1000 голосов в новом городе, где имел поддержку мусульман европейских кварталов, и 6000 в старом городе, где 40 000 голосов ушли к Джамаит-и-Улема. Шура-и-Ислам добилась только 11 из 112 думских мест, в то время как улемы получили 62. Это было плохим результатом для прогрессивных мусульманских политиков и для джадидов, вынужденных признать непопулярность своего политического проекта. В старом городе половина избирателей не голосовала, крайне высокой была явка среди мужчин, а женщины остались дома. Среди проголосовавших 9 из 10 поддержали консерваторов-улемов. В русской части города явка была выше, по результатам на первом месте оказалась партия эсеров: сказалась поддержка Керенского, который за несколько дней до того стал председателем Временного правительства.

«Наша газета», издание Совета, ссылаясь на результаты выборов в новом городе, провозгласила «победу социалистов». Однако эта победа не выходила за пределы европейского общества. Русские высказались в пользу своего правительства в Петрограде и нуждались теперь в его поддержке, поскольку стали в Ташкенте политическим меньшинством. Газета опубликовала результаты выборов с именами новых членов Думы, но опустила имена представителей Джамаит-и-Улема, которые вышли победителями. Газета ограничилась указанием, что речь идет о «четыре мусульманских судьях, многих муллах и богатых баях»⁵⁶⁹. Их имена было трудно писать кириллицей, да и не было желания подчеркивать их значительность.

Джамаит-и-Улема – опасный соперник джадидов, недооцененный русскими социалистами, – утвердилась в качестве основной политической силы города, получившей абсолютное большинство мест в Думе. Теперь Джамаит-и-Улема была готова завязывать отношения с выразителями русских консервативных тенденций, только бы положить предел козням со стороны русских реформистов и джадидов.

Противоречия с джадидами и русскими социалистами проявились уже на первых заседаниях думы. Улемы, будучи вынуждены искать союзников среди русских, чтобы те не выбрали игру на разделение Думы на две части и на самоуправление нового города, поддержали кандидатуру русского монархиста на должность городского головы⁵⁷⁰. Эсеры и социал-демократы сочли это недопустимым, так же как и джадиды. Прения длились десять дней, но наконец compro-

Результаты выборов в Ташкентскую Городскую думу⁵⁷¹

	Старый город	Новый город	Всего по городу
Число имеющих право голоса	93 674	40 704	134 378
Число проголосовавших	47 189	25 052	72 241
% явки	50,4	61,5	53,8
Число избранных депутатов	74	38	112
Голоса:			
<i>– партия эсеров</i>			
Число	–	15 753	15 753
%	–	62,9	21,8
Число депутатов	–	–	24
<i>– партия социал-демократов</i>			
Число	–	2946	2946
%	–	11,8	4,1
Число депутатов	–	–	5
<i>– радикально-демократический блок</i>			
Число	–	1569	1569
%	–	6,3	2,2
Число депутатов	–	–	2
<i>– собрание общественных организаций</i>			
Число	–	1154	1154
%	–	4,6	1,6
Число депутатов	–	–	1
<i>– прочие 8 списков нового города</i>			
Число	–	2520	2520
%	–	10,0	3,5
Число депутатов	–	–	4
<i>– Джамаит-и-Улема</i>			
Число	40 302	–	40 302
%	85,4	–	55,8
Число депутатов	–	–	62
<i>– союз мусульманских организаций старого и нового города (Шура-и-Ислам)</i>			
Число	6050	1110	7160
%	12,8	4,4	9,9
Число депутатов	10	1	11
<i>– прочие 2 списка старого города</i>			
Число	837	–	837
%	1,8	–	1,1
Число депутатов	–	–	2

мисс был достигнут: городским головой назначили эсера, его заместителем — представителя Джамаит-и-Улема⁵⁷². Однако борьба между двумя фракциями со временем только ужесточалась.

Противостояние было усугублено обсуждением мусульманской самостоятельности в отправлении правосудия. Вопрос был поднят в связи с проектом реформы, подготовленным Временным правительством, который был призван очертить круг полномочий шариатских судей — казиев. Проект не устраивал исламские консервативные круги Ташкента, не желавшие допускать вмешательства русской юстиции во внутренние дела мусульманского общества и предлагавшие, напротив, усилить полномочия казиев. Эта проблема была предметом спора также и между самими мусульманами, так как джадиды не соглашались с улемами и с их консервативным подходом к вопросам права. Наблюдались признаки несогласия с предложением улемов и среди кочевников, которые опасались, что усиление власти казиев приведет к попыткам расширить применение шариата и на население, практикующее адат, традиционное право⁵⁷³.

В то время как шли эти споры, а Чокаев и Лапин вели длительные заседания в поиске компромисса, произошел случай, который значительно осложнил ситуацию. Некий Мир Мухсин написал статью в «Туране» с жестокой критикой традиционного образования в медресе. Тема, собственно, была не нова, эта критика многократно высказывалась джадидами, но статья привела к скандалу. Ташкентские улемы, воспользовавшись поводом, выразили глубочайшее негодование и оценили публикацию как оскорбление ислама, казий приказал начальнику полиции старого города арестовать Мир Мухсина и приговорил его к отсечению руки. Дебаты о системе правосудия переместились из области определения принципов к обсуждению этого конкретного случая. Русское общественное мнение ополчилось против приговора; городской Совет потребовал ареста казия; наконец русский суд отменил приговор исламского судьи и постановил освободить из-под стражи Мир Мухсина. Чокаев, приведя этот эпизод в своих воспоминаниях о 1917 годе, вспоминает, что пытался вмешаться в ситуацию, но его позиция выглядела двусмысленной: в самом деле, он был против приговора казия и, разумеется, расценивал вердикт как свидетельство отсталости правосудия, но он и не поддерживал яростную атаку русских на эту институцию. Чокаев занимал промежуточную позицию, в то время как русское и мусульманское общественные мнения находились в открытой оппозиции друг к другу⁵⁷⁴.

Этот вопрос, как подчеркивал Чокаев, имел весьма тревожные политические последствия. Улемы, настаивая на своем требовании усилить исламские суды, возбуждали враждебное отношение к себе со стороны русских и противопоставляли себя Временному правительству, которое не стало бы принимать их сторону вопреки русско-

му общественному мнению. Дело Мир Мухсина, казалось, возникло специально, и, может быть, так оно и было, чтобы поставить джаидов и Шура-и-Ислам в сложное положение и обозначить границу между двумя социумами, населяющими Ташкент.

Напряженная атмосфера непосредственным образом сказалась в ташкентской Думе. Комитет Временного правительства и городской Совет, которые не могли игнорировать настроения русских, склонялись к рассмотрению идеи о разделении Думы, как изначально предлагали русские консервативные силы. Таким образом терпела крах автономия мусульман, воспринимаемая как право управлять — сегодня Ташкентом, а завтра, возможно, и всем Туркестаном⁵⁷⁵.

Джаиды были, по существу, гораздо ближе к русским социалистическим партиям, чем к улемам, но не могли открыто проявить свою враждебность к крупнейшей мусульманской политической организации. Их позиция особенно усложнилась, когда русские партии, числящие себя прогрессистскими, начали жесткую пропагандистскую кампанию против Джамаит-и-Улема.

В день назначения городского головы «Наша газета» опубликовала статью «Голод и улемы», вызвавшую сенсацию. Автором был некий Цвиллинг, социал-демократ большевистского толка. Целесообразно привести важные фрагменты этого текста, характеризующие стиль полемики, а также тот политический поворот, который назревал в русских социалистических партиях, формировавших Краевой Совет:

«Голод со всеми его ужасными последствиями надвигается к нам все ближе и ближе. Из разных городов и уездов, сел и кишлаков с каждым днем поступают сведения одно другого тревожнее.

Нет хлеба, нет картофеля, исчезает мясо.

Весь ужас положения заключается в том, что нет продуктов, которыми бы можно было заменить хлеб и мясо. Нет ни фруктов, ни овощей. <...>

Председатель Сырдарьинского областного комитета в своем доносении в Петроград о голоде в Туркестанском крае говорит прямо и открыто всю правду:

— Мы накануне голодных бунтов. <...>

Перед нами картина самого настоящего, самого ужасного голода.

Единственное наше спасение, единственная мера для ослабления кризиса — это организация.

А для города Ташкента такой организацией является Городская дума. <...>

К нам надвигается и еще одно страшное бедствие — холера. <...>

Голод — лучший спутник холеры <...> все надежды были обращены на новую Городскую думу.

И вот случилось большое несчастье: появилось третье бедствие — «Улема»! столь же опасное, как голод и холера. Опасное потому, что оно тормозит работу нового городского самоуправления.

Кучка вожаков-реакционеров старого города, по-видимому, задалась целью дискредитировать демократическую Думу <...> Эта кучка реакционеров из старого города состоит из богачей, наживших миллионы во время войны, составивших состояние на народном бедствии.

Им не интересна борьба с голодом, а, наоборот, им нужен этот голод, чтобы нажить еще миллионы на припрятанных товарах. <...> Для русской части города в крайнем случае есть простой выход: отделиться от туземцев и образовать отдельную Думу⁵⁷⁶.

Статья выражала мнение социалистических партий, которые препятствовали союзу Джамаит-и-Улема с русскими консерваторами, но не видели возможности управлять городом и постепенно осознавали свою ошибку в отстаивании идеи единой Думы. Выпады против Джамаит-и-Улема звучали и как обвинения в адрес 85% мусульманского населения, проголосовавших за улемов на выборах, и были направлены на консолидацию русского общественного мнения в пользу Совета перед лицом мусульманской угрозы. Впервые в отношении мусульман использовались столь оскорбительные выражения. Эта инициатива не могла не поставить в крайне сложное положение Шура-и-Ислам, подталкивая ее к выбору — принять сторону мусульманского большинства или же сторону русских соцпартий.

Русские партии оказывали давление на все мусульманские силы, используя самую острую тему — нехватку продовольствия. Если бы мусульмане пошли на сотрудничество, отступив на второстепенные роли, они могли надеяться на то, что Дума учтет их интересы при распределении продовольствия; в случае отказа от сотрудничества им пришлось бы выстраивать собственную самостоятельную администрацию, а влиятельные фигуры старого города и базарные купцы оказались бы ответственными за голод, распространяющийся среди их соотечественников. Однако эта угроза имела крайне незначительный эффект в склонении улемов к большему сотрудничеству в рамках Думы. И это было признаком значительного ухудшения политической ситуации.

Выборы ослабили власть Совета, который прежде играл значительную роль в управлении краем, а теперь имел оппозицию со стороны мусульман в самой столице колонии. Перспективы были неопределенными как никогда, поскольку по всему Туркестану готовились другие выборы — в Учредительное собрание. Совет, прежде надеявшийся внести раскол между мусульманами, пользуясь преимуществом отношений с Шура-и-Ислам, обнаружил теперь, что и его союзники были слабы, враждебно настроив по отношению к себе мусульманское большинство.

В ход была пущена угроза голода, но это обернулось лишь пропагандистским маневром, так как правительство, занятое успокоением своих собственных соотечественников, ничего не могло предложить

мусульманам. Среди европейского населения крепло опасное и неуправляемое недовольство, направленное прежде всего против мусульман и усугубляемое боязнью роста их влияния в городском управлении. Атака на улемов была лишь слабой попыткой в первую очередь умиротворить русских. Среди последних, однако, зрела «революция».

5. Вся власть — русским

Плохо налаженное снабжение продовольствием из сельской местности и отсутствие помощи со стороны России усугублялись для городского населения сильнейшей инфляцией и острой недостаточностью предложения продуктов на рынке. Эта ситуация, как мы знаем, питала агрессивность русских по отношению к мусульманам. В мае, чтобы умиротворить русское население, Совет реорганизовал систему снабжения. Эта инициатива имела политическое значение, но не дала почти никаких практических результатов. В течение лета беспорядки происходили все чаще и в более острой форме, их провоцировали группы солдат, проводившие незаконные конфискации у мусульманских торговцев. Городские власти реагировали на эти насильственные действия, обвиняя зачинщиков в безответственности и провокациях и пытаясь призвать их к порядку. Это несколько позже, к концу лета, акции против мусульман стали рассматриваться как революционные действия.

Именно в этих обстоятельствах ташкентский Совет, наиболее близкий к солдатам и русскому городскому населению, превратился в рупор протеста «европейцев» и центр организации новой власти. Стихийные действия, направленные против торговцев, ускорили переход власти к Совету. В сентябре 1917 года действия ташкентских революционеров, готовых вроде бы вскоре отступить, стали примером, перевозносимым большевиками в Петрограде, которые, в свою очередь, еще не взяли власть. Наступивший Октябрь развязал руки ташкентскому Совету: мобилизовав в основном солдат, он захватил власть силой.

В колонии случилась странная революция. Она произошла внутри иммигрантского меньшинства, характеризовалась враждебностью против местного населения и нуждалась в сильном государстве, которое защищало бы колониальное меньшинство от угрозы голода и от мусульман. Это была «революция наоборот», потому что ее главные действующие лица принадлежали к доминирующему меньшинству, и это была контрреволюция, потому что она ломала демократический курс, принятый Временным правительством, и вновь утверждала силой зависимость Туркестана от России.

Приступим к рассмотрению событий, произошедших летом 1917 года, задавшись вопросом — по каким причинам бандиты стали революционерами?

Солидарность мусульман с киргизами Семиречья

Обстановка на ташкентских базарах и на вокзале служила своего рода барометром отношений между русскими и мусульманами. Погромы на базарах, уже происходившие раньше, этим летом возобновились. Первые погромы значительных масштабов произошли в конце июня — начале июля, от них пострадали торговцы овощами, фруктами и зеленью⁵⁷⁷. В немалой степени атмосфера нагнеталась страхом перед тем, что мусульмане захватят политическую власть в городе и крае, пользуясь уступками, на которые пошли представители Временного правительства и краевой Совет, и изгонят европейское население. Угроза голода, таким образом, смешивалась с мусульманской угрозой.

Враждебность русского населения по отношению к местному стала еще более явной после успеха улемов на выборах в Городскую думу. Новая городская администрация функционировала очень плохо, поскольку была постоянно парализована политическими и властными противоречиями⁵⁷⁸. В середине августа русские социалистические партии уже находились в открытом конфликте с Джамаит-и-Улема; в «Нашей газете» был напечатан жесткий выпад против мусульман. В эти самые дни, словно для того, чтобы еще больше продемонстрировать серьезность мусульманской угрозы, русским была предоставлена возможность наблюдать массовую манифестацию в поддержку кочевников Семиречья.

Эта демонстрация стала частью целой серии акций в поддержку киргизского дела. Действительно, весной в Ташкенте Первый съезд мусульман Туркестана принял резолюцию в поддержку киргизов; в мае сходным образом высказался Всероссийский съезд мусульман в Москве; аналогично высказались конгресс Алаш-Орды в Оренбурге в июле и киргизский съезд, состоявшийся во второй половине августа в Ташкенте. Декларации о солидарности исправно печатались в газетах Туркестана⁵⁷⁹. Отдельные представители мусульманского движения обращались в петроградское правительство и даже получали уверения в том, что земля кочевникам будет возвращена⁵⁸⁰.

Уличная манифестация, однако, вызвала гораздо больший резонанс, нежели все заявления и призывы. Было 18 августа, представители киргизов собирались на съезд. Шествие началось в старом городе, пересекло европейские кварталы и остановилось в центре нового города на площади, посреди которой стоял памятник генералу Кауфману, завоевателю Туркестана. Там лидер татаро-киргизского комитета, организовавшего манифестацию, произнес речь. Он говорил о насильственных действиях солдат Семиречья против киргизов и призвал Временное правительство к решительному вмешательству с целью положить этому конец. Затем шествие направилось к дворцу, который раньше принадлежал губернатору, а теперь был занят Коми-

тетом. Представителям Временного правительства было выдвинуто требование послать в Семиречье военные силы, состоящие наполовину из русских, наполовину из мусульман. Два члена Комитета, которые находились на месте, не отвергли требования, а пытались успокоить манифестантов, объявив им о скором прибытии Шендрикова, уже известного читателю. Наконец шествие дошло до Дома свободы, где располагался Совет, и там также были обещаны меры в защиту киргизов⁵⁸¹.

Это стало первым случаем, когда мусульманское шествие осмелилось столь открыто бросить вызов русским. Русское общественное мнение восприняло мусульманскую инициативу как угрозу и, безусловно, отнеслось без всякого одобрения к действиям властей по отношению к манифестантам. Комитет Временного правительства несколько дней спустя подтвердил свою позицию открытости к нуждам киргизов, решив послать в Семиречье также следователей и медицинских работников, чтобы воспрепятствовать распространению тифа среди кочевников. Комитет постановил использовать на помощь киргизам часть денег, выделенных предыдущим правительством для «реквизиции» тыловых работников-мусульман⁵⁸². Эти решения имели большое символическое значение.

Вызывало опасения русских и то, что организаторов манифестации поддержали татарские солдаты из ташкентского гарнизона, многие участвовали в шествии. Эти солдаты еще недавно состояли в Исполнительном комитете, а сегодня продемонстрировали солидарность с киргизами. Конечно, многие русские сочли, что наличие вооруженных мусульман таит опасность⁵⁸³.

Два дня спустя после манифестации основные мусульманские организации Ташкента одобрили совместную резолюцию, в которой требовали:

« 1. Отобрать все имеющееся у населения Семиреченской области оружие.

2. Отозвать из Семиреченской области всех отпускных, белобилетников и дезертиров-солдат.

3. Немедленно отправить в Семиреченскую область войсковые отряды, состоящие не из уроженцев той области и не менее чем в половинном своем составе из офицеров и солдат-мусульман.

4. В целях ускорения означенного в предыдущем пункте мероприятия приостановить отправку на фронт солдат-мусульман из Туркестанского края.

5. Немедленно приступить к оказанию продовольственной и медицинской помощи, а также к снабжению одеждой и обувью пострадавших семиреченцев.

6. Мусульман (киргиз-кайсаков), возвратившихся и возвращающихся из китайских пределов, водворить на свои старые места, не переселяя их на новые.

7. Принять меры к возвращению из Китая проданных и похищенных членов семейств пострадавших киргиз-казаков и их имущества.

8. Немедленно приступить к судебному следствию дел пострадавших семиреченцев, возвратить отобранные насильно имущества и земли своим владельцам и подвергнуть законному наказанию виновных.

9. Все комиссии, учреждаемые по семиреченским делам, должны состоять не менее чем в половинном своем составе из представителей мусульман.

10. Совместно с представителем, назначенным Временным правительством в Семиреченскую область гр. Шендриковым, и на равных правах с ним должен быть командирован представитель и от мусульман по выбору последних»⁵⁸⁴.

В тексте резолюции была фраза: «<Если> новая революционная власть не примет немедленных мер, изложенных ниже, то тогда пусть знают, что киргизы и вместе с ними многомиллионное мусульманство до конца жизни не забудут этого зла и завещают его своим потомкам».

Комитет Временного правительства только частично сдержал свои обещания манифестантам и не удовлетворил требования, выдвинутые мусульманскими организациями. прежде всего требование о формировании военных частей из мусульман и их отправке в Семиречье⁵⁸⁵.

Тем не менее было очевидно, что у кочевников появились защитники в Комитете. Это подтверждал в том числе и тот факт, что Тынышпаев, будучи его членом, участвовал в качестве председателя на съезде киргизов в Ташкенте. Незадолго до того состоялся съезд русских крестьян, в котором мусульмане отказались участвовать⁵⁸⁶. Представитель Временного правительства и руководитель Алаш-Орды вел, таким образом, заседания мусульманского съезда, завершившегося жестким высказыванием, направленным против колонистов и русских солдат Семиречья⁵⁸⁷.

Проблема Семиречья была столь тяжелой, что в поиске ее решения участвовали все политические силы. Советом русских крестьян и киргизским краевым комитетом был даже сформирован общий исполнительный комитет. Скрестились интересы представителей самых враждебно настроенных общественных сил. В комитет вошли такие влиятельные представители мусульманского движения, как Мустафа Чокаев, и люди, которые в дальнейшем сыграют в нем центральную роль, например Турар Рыскулов⁵⁸⁸. Это было, однако, инициативой сверху, которая только подчеркивала дистанцию между политическими деятелями и обществом и не достигала никакого конкретного результата. Несмотря на заявленные благие намерения, союзники киргизов делились на тех, кто не хотел принимать никаких мер против колонистов, и на тех, кто был не в состоянии это сделать.

Русские тоже мобилизуются

В тот же день, 18 августа, в то время как шла манифестация в поддержку киргизов, среди русских тоже наблюдались волнения. Солдаты, железнодорожные служащие и другие вооруженные русские горожане громили базары, захватывали продовольственные грузы на улицах, на вокзале и на подступах к городу⁵⁸⁹. На вокзале толпа заблокировала отправку продовольственных грузов в другие города края и пригрозила силовыми действиями продовольственному комитету в случае, если товар будет отправлен⁵⁹⁰. Беспорядки продолжались три дня. Аналогичные случаи происходили на других станциях Центральной азиатской железной дороги: товарные склады незаконно обыскивали, продовольствие, которое пассажиры везли с собой, конфисковывали⁵⁹¹. Действия были направлены против мусульман, которые перевозили и продавали сельскохозяйственную продукцию, а также против продовольственной политики, проводимой краевым Советом. Вооруженное меньшинство, разочаровавшееся в политических властях, начинало проявлять себя.

Волнения отражали враждебность по отношению к мусульманам, а также были результатом потери авторитета со стороны политического руководства и военной иерархии. Риторика о благих намерениях и неспособность правительства вызывать в качестве реакции стремление защитить свои интересы силой. В первую очередь это могли себе позволить солдаты. Их неподчинение не было новым явлением и проявлялось не только в масштабных погромах. Ташкентский вокзал уже несколько месяцев как стал для солдат местом встречи. Несмотря на запрет входить на вокзал без билета, ежедневно на платформах находилось не менее двух сотен солдат. Когда пассажиры выходили из поезда, солдаты их окружали и практически вынуждали нанять их в качестве носильщиков, а иногда и грабили⁵⁹².

В августе были приняты меры, призванные положить конец самоуправству и мелкому криминалу со стороны солдат. Местные власти попытались заставить соблюдать приказы Военного министерства, согласно которым отменялись любые увольнительные, солдатам запрещалось покидать части даже с разрешения командиров. Тем не менее многие солдаты продолжали посещать деревни и близкие к Ташкенту станции, где проживали их семьи, и заниматься спекуляцией, продавать продовольствие или отнимать имущество у пассажиров под предлогом реквизиций. Обычно грабежу подвергались мусульмане, отправлявшиеся в город за покупками. В основном криминалом занимались русские солдаты Ташкентского гарнизона, но, возможно, не меньше их было из Самарканда, и похоже, что железнодорожные служащие помогали им не без выгоды для себя⁵⁹³.

Именно анархия среди солдат и порождала насилие. Так было в день киргизской манифестации, и это же происходило в последующие дни. Комитет Временного правительства решил реагировать

энергично и, как обычно, учредил новый орган — городской комитет общественной безопасности, которому поручалось положить конец погромам и солдатскому произволу⁵⁹⁴. Для борьбы с продолжающимися беспорядками Комитет принял самые радикальные меры и распространил следующий приказ за подписью Наливкина:

« 1. Воспрещаются в г.Ташкенте 23–24–25 августа 1917 года всякие митинги под открытым небом, демонстрации и шествия.

2. Воспрещается вплоть до особого распоряжения всем гражданам г.Ташкента, как военным, так и невоенным, посещение и пребывание без необходимости на предвокзальной площади, в здании вокзала, на перроне и прилегающих к вокзалу ж.-д. путях. <...>

3. Воспрещается лицам, не имеющим законных полномочий, осмотр, задержка и реквизиция грузов и багажа в поездах и на станциях ж.д.

4. Воспрещается всем лицам, не принадлежащим к станционным носильщикам, переноска пассажирского багажа за плату. <...>

Виновные в неисполнении требований настоящего обязательного постановления подлежат <...> заключению в тюрьму до 6 месяцев»⁵⁹⁵.

Когда этот приказ вступил в силу, один из генералов объявил о решении проводить реквизиции. Необходимость последних, как он объяснял, проистекала из ужасающего положения с продовольствием в войсках. Необходимо было реквизировать муку, зерно, корм и даже скот. Владельцы имущества должны были получать компенсацию, но по твердым ценам, установленным военными властями, а в случае оказания сопротивления имущество подлежало реквизиции силой и по еще более низким ценам. Спрятанные запасы также подлежали реквизиции по уполовиненным ценам. Реквизиционные отряды были готовы к работе, им полагалось военное сопровождение, а для доставки грузов на армейские склады выделялись военные транспортные средства⁵⁹⁶.

Нам неизвестна реакция Комитета Временного правительства на это объявление, мы также не знаем, принадлежало ли его авторство военному командованию. В любом случае факт был очень серьезным — он свидетельствовал о том, что действия солдат больше не рассматривались как привычное проявление плохой дисциплины, а становились частью более широкой акции, проводимой армией. Возможно, генерал хотел лишь успокоить своих солдат и удержать их от стихийных действий, но, безусловно, путь организованной экспроприации, обозначенный им, был чреват большой опасностью.

Как после погромов начала июля, так и после августовских краевой Совет и представители Временного правительства отреагировали осуждением насилия, но признали и необходимость подвергнуть большему контролю мусульманских торговцев и защитить как можно более эффективно русское население от кризиса. Это казалось по-

вторением дискуссий, происходивших в сходных обстоятельствах еще в начале мая. Сейчас, однако, тревога городских властей была больше. На заседаниях утверждалось, что беспорядки могут быть на руку «темным личностям», действующим в интересах «контрреволюции»⁵⁹⁷.

Призывы к порядку делались более настоятельными с каждым днем. В конце августа политический климат изменился во всей России. После неудачной попытки государственного переворота, принятой генералом Корниловым, Временное правительство обратилось ко всем демократическим силам, чувствуя двойную угрозу — как реставрационного переворота, так и восстания под водительством большевиков.

Призывы Керенского к бдительности и защите дела революции стали, таким образом, также поводом для усиления правительственной власти в Туркестане. Комитет под руководством Наливкина получил большие полномочия благодаря декрету Керенского, но продолжал опираться также на Совет и на все демократические силы края, задействовав их представителей в «комитете по борьбе с контрреволюцией»⁵⁹⁸.

Наливкин и Черкес, ответственные — один за гражданское управление краем, другой — за военное, действовали в тревожной атмосфере, которая распространилась уже повсюду. Их опасения по поводу судьбы края находили подтверждение в картине общероссийского кризиса. 6 сентября они направили в Петроград телеграмму, в которой, в частности, докладывали военному министру:

«Общее настроение неминуемо отразилось и на Туркестане. Полное упразднение административной власти, борьба политических партий, неуспехи на театре войны и надвигающийся голод делают из мусульманской массы благодатную почву для всякой враждебной нам пропаганды. Не говоря уже о Хиве и Семиречье за последнее время из разных мест получился ряд тревожных донесений о готовящихся выступлениях туземных масс против европейцев, скупке ими оружия и других приготовлениях. Имея в виду, что власть в областях края на новых началах совершенно не организована, а во многих местах и отсутствует, наблюдения над замкнутой жизнью мусульман почти нет, почему враждебные выступления могут начаться совершенно неожиданно <...> округ, отдавший на театр военных действий все свои полевые войска, остался лишь с тремя казачьими полками и дружинами, разбросанными на огромном пространстве, обязанными защищать границы <...> при общем упадке дисциплины наличные войска не будут в состоянии справиться с новой и непосильной задачей. Поэтому мы принуждены настойчиво просить немедленного разрешения сформирования караульных дружин и рот, сформирования особой стрелковой бригады и присылки в округ двух казачьих полков <...> кроме того необходимо теперь же уполномочить Командую

щего войсками в случае надобности, не испрашивая особого разрешения, сформировать необходимые части и призвать к обороне европейское население»⁵⁹⁹.

Два высших политических функционера края разделяли распространенное мнение о мусульманской угрозе для европейского общества. Хотя они и стремились защитить законный порядок, у них был тот же страх, что толкнул экстремистов на государственный переворот.

В день, когда Наливкин и Черкес отправили телеграмму, в ташкентской Думе обсуждался текст послания, которое вверялось делегатам, отправляющимся в Петроград на Всероссийское демократическое совещание, назначенное на 12 сентября. В Думе слово было за представителями мусульман, которые, как мы знаем, были в большинстве. Они приняли умеренный текст, где говорилось, что каждая национальная группа имеет право на автономию в рамках демократической федеративной республики, что необходимо усилить власть Временного правительства и восстановить дисциплину в крае. Во избежание недоразумений подчеркивалось, что, если совещание в Петрограде будет обсуждать передачу власти Советам, ташкентские делегаты выскажутся против этого. Такова была позиция улемов. Послание приняли, а делегатами назначили двух членов мусульманской фракции, в то время как русские из партии эсеров высказались против. Таким образом получалось, что полная поддержка центрального правительства исходила от мусульманских представителей в Думе, а не от русских⁶⁰⁰.

Как мы увидим в дальнейшем, в день, когда собралось совещание в Петрограде, вектор политических сил в Ташкенте был направлен совсем в другую сторону. Чтобы понять назревающие изменения, нужно проследить за возникновением расхождений между русскими.

Признаки разлада стали явными, когда Керенский в начале месяца приказал прекратить любую политическую деятельность в армии по всей России, включая Туркестан. Солдатская организация, составлявшая основную поддержку Советов в Туркестане, была напрямую затронута этим декретом. Временное правительство желало установить дисциплину сверху, лишив власти Советы, в то время как местные власти, и в первую очередь сам Комитет Временного правительства, обращались к войскам, требуя от них решительных действий в подавлении беспорядков. От солдат и местного командования ждали выполнения приказов, а не дискуссий о политике. Именно эта новая позиция и вызвала в Советах первые расхождения.

Совет Ташкента 8 сентября проголосовал за резолюцию, в которой требовал отозвать декрет. Требование поддержали Першин (социал-демократ и член Всероссийского советского исполнительного комитета), Вайнштейн (меньшевик-интернационалист), Цивлинг (о котором мы уже знаем по его статье в «Нашей газете») и другие чле-

ны эсеровской и эдековской партий. В тот же день предложения по частичной цензуре декрета Керенского обсуждались на краевом Совете, но никакого решения достигнуто не было. Позже Совет высказался в пользу сильной власти во всей России и в поддержку коалиционного правительства под председательством Керенского. Наконец было организовано собрание представителей краевого Совета, крестьянского Совета и Совета киргизов, мусульманского комитета и социалистических партий. Собрание высказалось против «революционного комитета», предложение о создании которого выдвинули члены социал-демократической партии Вайнштейн, Тоболин и Першин, и решило объединить Комитет Временного правительства с представительствами прочих демократических сил. Среди сторонников этого решения, в конце концов принятого, были Мустафа Чокаев, Убайдулла Ходжаев и представители умеренных русских направлений⁶⁰¹.

Мы детально рассмотрели эту дискуссию, потому что она выявила первые очевидные расхождения внутри Совета, которые в дальнейшем станут решающими в туркестанской политике. Именно тогда получили очертания основные позиции — позиция большинства, состоявшего из членов краевого Совета и представителей мусульманского движения и поддерживавшего политику Временного правительства, и позиция меньшинства, поддержанная социал-демократами и сильная в ташкентском Совете, которая, очевидно, была близка к подрывным идеям, пропагандируемым в России большевиками. Теперь следует понять, на кого могло опереться меньшинство, намеревающееся захватить власть.

От борьбы за продовольствие к борьбе за власть

9 сентября, незадолго до праздника Курбан-Айт⁶⁰², на улицах Ташкента наблюдалось большое оживление. Было много крестьян из соседних кишлаков, которые привезли в город скот для праздника и собирались купить рис, зерно и другую провизию. Закупившись на базарах старого города, мусульмане пересекали европейские кварталы, направляясь на вокзал. Русские наблюдали, как они проходят, нагруженные продовольствием. Среди русских прошел слух, что мусульмане вывозят в больших количествах провизию в Бухару⁶⁰³. 10 сентября на вокзале появились солдаты 1-го и 2-го Сибирских полков: они заблокировали поезда, вывели оттуда пассажиров и забрали весь багаж, затем обыскали отъезжающих пассажиров и конфисковали имеющееся у них продовольствие. На следующий день солдаты на общем собрании решили продолжить реквизиции, распространив их также на старый город, и назначили на завтра собрание, чтобы обсудить продовольственный кризис и необходимые меры для борьбы с ним⁶⁰⁴.

В собрании участвовало около 6000 человек, в основном солдаты этих двух полков и рабочие Ташкентской железной дороги. Ораторы критиковали организацию продовольственного снабжения, подстрекали солдат и толпу к действиям против спекулянтов; кто-то предложил окружить старый город и избить торговцев, уверяя, что таким образом обнаружатся мука и прочая провизия, которую те прячут⁶⁰⁵. Затем под общие рукоплескания собрание приняло резолюцию большевистского толка. В ней заявлялось, что из кризиса можно выйти путем немедленной реквизиции всех товаров первой необходимости у капиталистов, установления рабочего контроля над производством и распределением пищевых продуктов, национализации государством всех крупных предприятий и банков, создания равнозначного товарного обмена между городом и селом, немедленной передачи земли крестьянам, которые ее обрабатывают. Чтобы осуществить эти меры, говорилось в резолюции, необходимо всю власть отдать Советам. Назначили революционный комитет, который должен был заменить собой все органы Временного правительства и осуществлять распределение продовольствия истинно революционными методами⁶⁰⁶. Позже, под воздействием стихийных волнений, был образован новый исполком ташкентского Совета в поддержку революционному комитету.

Комитет состоял из шести социал-демократов, пяти эсеров, одного анархиста и одного беспартийного. Среди них были уже известные нам Вайнштейн и Першин, не очень известный анархист Шмидт, подозреваемый некоторыми в шпионаже в пользу немцев, а также эсеры Перфильев и Котельников⁶⁰⁷. Председателем исполкома Совета стал эсер Черневский, вице-председателем эсдек Тоболин. Все они займут политические должности первого ранга после Октябрьской революции⁶⁰⁸.

Партийная принадлежность, равномерное распределение между двумя социалистическими партиями, присутствие заметных политических фигур и почти полное отсутствие беспартийных — все это указывает на то, что собрание если и не было прямо организовано несогласными членами Советов, то по крайней мере представляло для них трамплин, который они все ждали⁶⁰⁹. Возглавив волнения, революционеры смогли объединить политическую и общественную оппозиции. Таким образом возникла вредоносная тенденция, имеющая сильную поддержку в русском обществе и характеризующаяся ярко выраженной враждебностью по отношению к мусульманам и к уступкам мусульманам, на которые шли политические силы. Призыв к формированию революционного правительства был в первую очередь призывом к созданию русского правительства, строящего отношения с мусульманами с позиции силы. Политический курс Ташкента отклонялся от решений, которые принимались в это время в Петрограде для защиты Временного правительства.

В Ташкенте перешли от вопросов продовольственного снабжения к вопросам власти⁶¹⁰.

Комитет Временного правительства и краевой Совет отреагировали немедленным арестом всех членов революционного комитета. Но они оказались, однако, бессильны, когда затем исполком ташкентского Совета приказал арестовать Черкеса, генерала, возглавлявшего вооруженные силы всего Туркестана, и освободил членов революционного комитета. При поддержке большой толпы русских горожан и солдат новые революционеры быстро захватили стратегические пункты города, заняли почту и телеграф, изолировали военные части, верные Временному правительству, и арестовали офицеров. Лейтенант Перфильев, с Вайнштейном в качестве заместителя, был назначен военным командующим Туркестана вместо Черкеса. Город перешел в их руки.

13 сентября революционный комитет и исполком ташкентского Совета опубликовали воззвание, которое гласило:

«Граждане! Разруха снабжения, достигшая предела в последнее время, вызвала волнение и недовольство рабочих масс Ташкента. Нерешительные действия местных и краевых органов власти, их неспособность или нежелание принять эффективные меры в борьбе со спекуляцией, которые вызывают справедливое негодование граждан, привели к созданию Временного революционного комитета. <...> Исполком и Временный революционный комитет приняли меры для сохранения порядка в городе, а также для приведения в исполнение решений, обозначенных в резолюции собрания граждан 12 сентября, касающихся путей разрешения вопросов снабжения»⁶¹¹.

Комитет Временного правительства был изгнан, члены краевого Совета бежали в Скобелев. Ташкент находился в руках революционеров.

На следующий день ревком и исполком назначили на 20 сентября собрание делегатов всего края. Собранию, которое должно было состоять почти из одних только русских, следовало создать высший орган революционной власти в Туркестане⁶¹².

Неизвестно, какой отклик получило бы это предложение (как мы увидим позже, революционеры должны были отказаться от собственных намерений), потому что собрание не состоялось. Безусловно, ревком и исполком показали, что имеют широкую поддержку среди населения, по крайней мере в Ташкенте. Об этом свидетельствуют не только события 11 и 12 сентября, но и поддержка, которой пользовались революционеры в последующие дни. Неделю спустя, когда ответные шаги, в том числе и силовые, со стороны Временного правительства представлялись неизбежными, революционеры призвали к всеобщей забастовке: закрылись железнодорожные мастерские, электростанция (оставив часть города без света), типогра-

фии, трамвайное сообщение в новом городе, рестораны и магазины⁶¹³. Забастовка достигла цели, продемонстрировав, сколь мало одобрения вызывает среди русских политика Временного правительства.

В тот небольшой отрезок времени, когда власть была у них в руках, революционеры обратились к чиновникам органов снабжения с требованием подробно отчитаться о продовольственной ситуации, но, получив все данные, ничего не предприняли, ограничившись предложением продолжать работу⁶¹⁴. Они и в самом деле не собирались пользоваться существующими институциями, а намеревались прибегнуть к экстренным мерам для снабжения провизией европейских кварталов. У них было три способа получить провизию для распределения. Во-первых, они могли заблокировать грузы на выходе из города, и они это сделали⁶¹⁵. Во-вторых, они могли осуществить реквизиции в окружающих селах и, вероятно, сделали и это, но только в отношении мусульман: мусульмане в Городской думе сообщали, что туземные крестьяне не могли приступить к посевным работам, поскольку все зерно было отобрано у них солдатами⁶¹⁶. В-третьих, можно было продолжать реквизиции в старом городе: все шло в эту сторону, и революционные вожди следовали общей тенденции, хотя и избегая спонтанных погромов.

Ревком и исполком провели в старом городе собрание, на котором призывали горожан подчиниться новой власти⁶¹⁷. Затем они ввели военный контроль в мусульманских кварталах, обосновав это необходимостью избежать набегов русской толпы, и начали организованные акции против предполагаемых спекулянтов. Очевидно, в спекуляции подозревались все жители кварталов, поскольку солдаты стали обыскивать людей, возвращавшихся домой, и конфисковывать все грузы, превышающие четыре килограмма. Их действия, кроме всего прочего, вызвали остановку коммерции киргизов, которые приезжали в город продавать уголь и прочие товары в обмен на пищу. Мусульмане не оказали солдатам активного сопротивления, ограничившись выражением протеста своим политическим представителям. Представители улемов в Городской думе высказались против революционеров и потребовали положить конец произволу⁶¹⁸.

Таким образом, в первые дни не было серьезных инцидентов, так же как и ожидаемых вспышек насилия. Преуспев во введении военного режима, революционеры заявили, что их действия направлены на избежание дальнейших «эксцессов» со стороны толпы, а не на их провоцирование⁶¹⁹. Только когда началась всеобщая забастовка, большие угрожающие толпы собирались несколько раз на базарах, но и в этих случаях не было никаких насильственных действий благодаря прибытию солдат. Однако речь идет не о солдатах, посланных ревкомом, а о казаках, прибывших в Ташкент на защиту Комитета Временного правительства⁶²⁰.

Риск, что ситуация стремительно перейдет в кровавый конфликт с мусульманами, существовал с самого начала волнений. Еще вечером 12 сентября генерал Черкес после ареста членов ревкома появился на собрании в Доме свободы, чтобы предостеречь от насилия против мусульманского населения. Генерал заявил, что солдаты 1-го Сибирского полка намереваются совершить насильственные действия в старом городе, а мусульмане готовятся к отпору. Он подтвердил, что имеет точную информацию о том, что в старом городе крепнет враждебное отношение к русским и только благодаря действиям небольшой группы мусульман, сотрудничающих с русскими властями, оказалось возможным на данный момент сдержать ярость местного населения. Черкеса, однако, не слушали, толпа накинута на него с кулаками. Потом его арестовали революционеры⁶²¹.

На следующий день Краевой Совет, крестьянский Совет, киргизский Совет и Шура-и-Ислам образовали объединенный президиум краевых организаций в защиту Временного правительства. В него вошли также заметные представители прогрессистского мусульманского движения Убайдулла Ходжаев и Мустафа Чокаев. Президиум высказался в поддержку Комитета Временного правительства. Городская дума также объединилась против революционеров, эту позицию разделяли даже депутаты-эсеры, несмотря на участие членов партии в беспорядках⁶²². Только партия социал-демократов поддержала революционеров и забастовки⁶²³.

Тем временем Наливкин продолжал получать тревожную информацию из старого города⁶²⁴. Он отправил телеграмму Керенскому, прося о помощи и сообщая, что мусульмане обоснованно опасаются новых обысков и насильственных действий⁶²⁵.

Керенский ответил Наливкину, назначив его временным военным командующим края⁶²⁶. К мятежникам глава Временного правительства обратился с ультиматумом. Ташкентский Совет, военные, члены любых других организаций, участвовавших в государственном перевороте 12 сентября, гласил приказ, пришедший по телеграфу, должны подчиниться местным представителям Временного правительства в течение 24 часов, иначе они будут сочтены контрреволюционерами и пучкистами и наказаны по всей строгости закона. Мятежники должны были незамедлительно освободить членов Краевого Совета, арестованных ими, и обеспечить установление полного порядка. Артиллерийские части уже были отправлены в Туркестан, вскоре ожидалось прибытие генерала Коровиченко в качестве политического комиссара и нового командующего армией⁶²⁷.

Затем осуждения государственного переворота поступили от Центрального исполнительного комитета, Советов и центрального комитета партии эсеров. Только петроградские большевики открыто поддержали ташкентский переворот, рассматривая его как важный момент разрыва с умеренными политическими силами и революционное достижение⁶²⁸.

До прибытия Коровиченко вся ответственность за сопротивление революционерам ложилась на Наливкина, в том числе и руководство армией, дело для него совершенно не знакомое. Наливкин подтвердил ультиматум Керенского и потребовал от революционеров сдаться, но не прибегал к силе, а вступил с ними в интенсивные и трудные переговоры.

Чтобы добиться возврата к мирному состоянию, председатель Комитета Временного правительства пошел на значительные уступки, вплоть до обещания не предавать суду мятежников, а также согласился послать телеграмму Коровиченко, где сообщал, что в Ташкенте уже установлен порядок и, следовательно, нет необходимости в прибытии карательных отрядов⁶²⁹. Позднее, под воздействием других членов Комитета, а также под давлением Петрограда, он занял более принципиальную позицию. Революционеры ответили объявлением всеобщей забастовки, демонстрируя этим, что выражают волю русских рабочих города. Наливкину не оставалось другого выхода, кроме как ввести в городе военное положение⁶³⁰. Чтобы его объявить, надо было дожидаться солдат Коровиченко, которые и в самом деле через несколько дней прибыли в Ташкент⁶³¹.

Прибытию войск предшествовали два важных известия. Первое состояло в том, что военный министр решил отправить в запас всех солдат в возрасте 22 и 23 лет. В ближайшие несколько дней это решение должно было вступить в силу в Туркестане. Это безусловно успокаивало солдат, но могло иметь и негативные последствия, поскольку увеличивало число вооруженных людей в крае⁶³². Второе известие, если оно соответствовало действительности, было, напротив, определено позитивным: из России выслали продовольственную помощь⁶³³.

24 сентября представители Комитета Временного правительства, Думы и мусульманских организаций встречали Коровиченко на вокзале⁶³⁴.

В вооруженном вмешательстве против мятежников необходимости не было. Два дня спустя после прибытия Коровиченко забастовки прекратились и мятеж стих без кровопролития. Генерал отменил военное положение⁶³⁵, но запретил всякие собрания и манифестации, объявил, что зачинщики мятежа и все «виновные в публичном призыве к погромам и насилию над какой-либо частью населения» будут преданы правосудию, и одновременно с этим освободил Наливкина от его должности, очевидно, сочтя его действия против мятежников слишком слабыми⁶³⁶. Все военные части получили приказ, в котором Коровиченко объявлял о своих чрезвычайных полномочиях и о том, что накажет всех «безответственных лиц» и восстановит «законность и революционный порядок»⁶³⁷.

Коровиченко, таким образом, взял в свои руки власть в качестве генерального комиссара Туркестана, назначив помощниками Ивано-

ва в качестве командующего округом и Доррера, бывшего комиссаром Закаспийской области, в качестве главы гражданской администрации. На своих местах оставались некоторые члены Комитета, в том числе Мустафа Чокаев. Депутаты краевого Совета вернулись в Ташкент⁶³⁸.

Итак, сентябрьская революция провалилась, но не потому, что внутренняя ситуация в Туркестане ей неблагоприятствовала, а потому, что политическая ситуация в России еще не созрела для перехода власти к революционерам.

Город теперь находился под контролем сил, верных Временному правительству, под руководством Коровиченко. На короткое время правительство могло рассчитывать на сдерживающую силу войск Коровиченко и дезориентацию среди революционеров, вынужденных отложить реализацию своих подрывных намерений, чтобы не противопоставлять себя умеренным тенденциям, еще преобладающим в России. Подавление мятежа, однако, не решило бы ничего без массивной продовольственной помощи, необходимой для снятия напряженности и восстановления в русском общественном мнении престижа Временного правительства.

В ожидании прибытия помощи правительство могло только искать поддержку у демократических сил Туркестана. Мятеж продемонстрировал слабость умеренных позиций русских. Единственными организациями, имевшими массовую поддержку и готовыми сотрудничать с правительством, были мусульманские.

Итак, оставим ненадолго русских и их революцию и посмотрим, как развивалось мусульманское движение, которое мы оставили в момент раскола между джадидами и улемами.

Альянсы и программы мусульман накануне Октябрьской революции

Шура-и-Ислам играла роль политического центра, где соприкасались интересы умеренных русских сил и местного населения. Все решения по Туркестану принимались центральным правительством в Петрограде, Комитетом Временного правительства и краевым Советом в консультациях и при участии исламских реформаторов. Шура-и-Ислам была, однако, миноритарной организацией — как для русского политического мира, так и для мусульманского, она не могла выступать в качестве самостоятельной силы и еще менее того — навязывать свои решения. Напротив, Джамаит-и-Улема, хотя и представляла большинство местного населения, не имела доступа к сфере краевого управления. Победа на выборах позволяла организации улемов контролировать деятельность ташкентской Думы, но ее решения не распространялись на русских, подчинявшихся только городскому Совету.

Когда мусульмане подвергались насилию в Семиречье или во время базарных погромов, их политический рупор не мог сделать ничего, кроме как обратиться с протестами и требованиями помощи к русским властям. Русские обладали силой, так как у них в большей степени имелся доступ к государственным механизмам и к оружию, в то время как мусульмане оставались безоружными, и не только метафорически.

Лишенные возможности вмешиваться в сферу управления краем, мусульманские организации компенсировали свою сиюминутную слабость созданием проектов на будущее, когда Туркестан получит независимость от России. Они полагали, что этот переход произойдет по решению Учредительного собрания, выборы в которое казались уже неизбежными. Речь шла о подготовке к этому моменту конкретных предложений относительно места Туркестана в российской федерации, его независимости и его системы управления. В сущности, обсуждалось уже неколониальное будущее Туркестана. В общих чертах позиции по этим вопросам были высказаны на I-м съезде мусульман Туркестана. Затем Всероссийский мусульманский съезд в Москве принял большинством голосов федеративные тезисы, выдвинутые делегатами Туркестана, Казахстана, Кавказа и Башкирии. Таким образом, создавался широкий альянс, который служил точкой опоры для Шура-и-Ислам⁶³⁹.

Теперь надо было думать об усилении этого союза, чтобы иметь значительный переговорный вес в новой России после выборов в Учредительное собрание. Чокаев, назначенный московским съездом членом Центрального национального временного совещания мусульман всей России, и Тынышпаев, который уже с весны был комиссаром Комитета Временного правительства, были подходящими фигурами для выполнения этой задачи⁶⁴⁰. Будучи казахами и сторонниками Алаш-Орды они имели моральное право на установление тесных отношений с политическими представителями Степного края. Сотрудничество строилось на том, что многие проблемы были общими. Степной край граничил с Туркестаном, имел такой же состав населения, что и северные и восточные зоны Туркестана, и сталкивался с такими же конфликтами между русскими колонистами и кочевниками. Кроме того, Тынышпаев и Чокаев находились в тесном контакте с интеллектуалами, основавшими в марте 1917 года Алаш-Орду. В июле в Оренбурге состоялся всеказахский съезд, который назначил своих представителей в туркестанскую Шура-и-Ислам, обязав их переработать указания съезда в программу⁶⁴¹. Чокаев участвовал в съезде и, возможно, приложил руку к редактированию текста, опубликованного только после Октябрьской революции в качестве программы Алаш-Орды⁶⁴². Так возникла политическая линия, в значительной степени объединяющая национальное политическое руководство Туркестана и Степного края. Позиции, аналогичные

программе Алаш-Орды, были высказаны и башкирскими лидерами под руководством Зеки Валиди Тогана на их первом съезде в том же июле в Оренбурге.

Съезд киргизов Туркестана, который, как мы знаем, состоялся в августе в Ташкенте под председательством Тынышпаева, по всем вопросам политического устройства присоединился к оренбургским резолюциям, добавив к ним отдельные требования в защиту кочевников⁶⁴³. Непохоже, что сам Чокаев, один из главных вдохновителей идей, одобренных съездом, в нем участвовал. Вероятно, он находился в это время в Петрограде, куда многократно ездил в августе для встреч с руководством мусульманского движения и представителями правительства, в частности с Керенским⁶⁴⁴.

В сентябре, в те дни, когда русские революционеры захватили власть в Ташкенте, в городе открылся чрезвычайный съезд мусульман, созданный Шура-и-Ислам. В работе съезда участвовало 110 делегатов, председателем был Убайдулла Ходжаев, вице-председателем Мустафа Чокаев⁶⁴⁵. В середине месяца состоялся конгресс улемов. Он продлился четыре дня и был куда более представительен: в числе 500 участников были делегаты от двух областей Казахстана — Тургайской и Уральской⁶⁴⁶. Резолюции, одобренные улемами, вынесли на еще продолжавшийся съезд Шура-и-Ислам, который завершился одобрением объединенных резолюций всего движения. Чрезвычайная ситуация заставила два соперничающих течения забыть на время о разногласиях и выработать общую программу.

Целесообразно рассмотреть подробнее принятые решения, чтобы понять ориентиры всего мусульманского движения того периода.

Улемы были первыми, кто выдвинул предложение, изменившее отношения между двумя течениями. Их съезд отметил, что Городская дума не сделала «ничего, чтобы удовлетворить потребности населения», объяснил это имеющимися разногласиями внутри движения и постановил, что необходимо избежать повторения этих ошибок на выборах в Учредительное собрание. Поэтому было предложено создать мусульманскую партию, Иттифак-Аль-Муслимин (Союз мусульман), чтобы «объединить всех тюрок Туркестана и Казахстана». Как следствие, Шура-и-Ислам, Туран и Джамаит-и-Улема должны были самораспуститься, чтобы войти в единую партию в качестве фракций⁶⁴⁷. Это предложение было одобрено и съездом прогрессистов, где присутствовали представители и Шура-и-Ислам, и Турана⁶⁴⁸. Важнейший шаг был сделан.

Резолюции чрезвычайного съезда мусульман учитывали и позиции Джамаит-и-Улема.

В первую очередь в этих документах провозглашалось предложение создать «Федеративную Республику Туркестан», которая пользовалась бы территориальной автономией на основе принципов «национально-культурного самоопределения» в рамках «Российской

Республики». Уточнялось, что в Туркестанскую Республику должны войти Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская и Закаспийская области, а также Семиреченская область (которая не прислала на съезд своих представителей). Кроме того, положительно оценивалась возможность расширения границ будущей республики путем включения в нее Уральской и Тургайской областей, в данный момент входивших в состав Степного края. Представители этих областей действительно выражали пожелание принадлежать к Туркестанской Республике.

Тем самым признавался принцип территориальной автономии, который ранее уже был одобрен московским съездом, а теперь формулировался вновь, более конкретно, с одобрения делегатов различных частей Средней Азии. Туркестанская автономия могла распространиться и на другие регионы, что давало повод для возрождения древних панисламских и пантюркских мечтаний.

Будущая система правления республики описывалась в резолюции в таких терминах:

«Законодательная власть по вопросам внутреннего управления туркестанской федерацией и самоуправление ею принадлежит туркестанскому парламенту, избираемому на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования сроком на 5 лет, с обязательно пропорциональным представительством в нем всех народностей, населяющих Туркестанский край. Законодательные функции туркестанского парламента должны быть точно согласованы с основными законами Российской республики и с требованиями шариата <...>».

Здесь Джамаит-и-Улема отстаивала функции наблюдения и контроля за соответствием ортодоксальным устоям. Так, в том же документе мы читаем:

«Туркестанская Федерация имеет в г.Ташкенте, свой сенат под наименованием Махкама-и-Шарья (палата законов), которому присваиваются права опубликования и разъяснения законов и требований шариата (в отношении мусульманского населения), надзора за всеми правительственными учреждениями и лицами и правильным выполнением суда всеми судебными учреждениями и лицами. Ему же принадлежит право высшего судебного учреждения Туркестанской Федерации».

Стремления мусульман-прогрессистов к парламентской республике объединялись таким образом со стремлениями улемов к коранической республике. Основной защитой автономии становилось право вето, которое могли использовать улемы, хранители законов шариата. Это и было тем вкладом, который вносила Шура-и-Ислам в создание единого движения. Чокаев, поддержавший, очевидно, резолюцию, много лет спустя признавал: надежды на то, что Россия согласится с претензиями Джамаит-и-Улема, то есть с тем, чтобы Палата законов имела право отменять федеральные законы, были

совершенно неосуществимы⁶⁴⁹. Кстати сказать, в данном документе это предложение и не формулировалось в столь четких терминах, возможно, также и потому, что Джамаит-и-Улема должна была идти на уступки джадидам.

Предложение избирать парламент республики всеобщим голосованием удовлетворяло как демократические устремления джадидов и Временного правительства, так и улемов. Последних отнюдь не привлекала идея принять политическую систему западного образца, но их устраивало то, что эта система в любом случае обеспечит им большинство в новом парламенте. Принцип выборности защищался в том числе (и главным образом) потому, что он сулил существенные изменения в отношениях с русскими: Советы и социалистические партии оказались бы в выборном парламенте в незначительном меньшинстве.

Проблемой становилось привлечь русских к реализации этого демократического сценария, который они сами до сих пор поддерживали, будучи защитниками политики Временного правительства. Но, поскольку русские начинали забывать о своих демократических установках, именно мусульмане становились главными глашатаями этих перемен. Очевидно, необходимо было предложить русским какие-то гарантии, но съезд ограничился уверениями в том, что права меньшинств будут соблюдаться.

Обсуждалась и необходимость создания в Федеративной Республике Туркестан собственной национальной армии. Съезд Джамаит-и-Улема занимал двойственную позицию по этому вопросу. Вначале предложение было принято единогласно, но затем возникли сомнения. Оказалось, что многие мусульмане против создания армии, поскольку не хотят подвергаться опасности вовлечения мусульманской армии наравне с русской в сражения мировой войны. В конце концов решение вопроса было отложено до следующего съезда⁶⁵⁰.

Резолюции съезда звучали для русских довольно тревожно, даже в тех пунктах, где предпринимались попытки предотвратить обострение конфликтов. В одной из резолюций говорилось по поводу недавних волнений в Ташкенте:

«Мусульманам следует понимать, что европейское население, постоянно проживающее в крае, также заинтересовано в поддержании законного порядка и в защите любого гражданина, независимо от его вероисповедания и национальности. Поэтому мы призываем мусульман не обвинять во всем русское население, с которым мы должны поддерживать постоянные дружеские отношения, во всех беспорядках и унижениях, которым подвергаются мусульмане. Мусульманское население должно, как прежде, сохранять полное спокойствие, помня и веря, что, если будет необходимость в активной защите законного порядка, мусульманский Совет края не замедлит известить об этом население. Мусульмане должны также помнить, что через не-

сколько месяцев они сами, посредством Учредительного собрания, издадут законы, по которым население края, полностью самостоятельно, построит свою жизнь в согласии со своими интересами и желаниями».

Призыв к спокойствию и умеренности мог показаться чем угодно, но только не уступкой русским.

Съезд высказался в поддержку Временного правительства, которое должно было обеспечить возвращение края к порядку и свободное проведение выборов. Он также выступил за то, чтобы Комитет Временного правительства управлял Туркестаном вплоть до созыва Учредительного собрания. Были, однако, выдвинуты поправки к составу Комитета, который должен был быть сформирован, по мнению съезда, наполовину из представителей мусульманского населения. Кроме того, предлагалось, чтобы на разных уровнях местной администрации (область, уезд, участок) на должности комиссаров или вице-комиссаров были назначены мусульмане.

Требуя большего присутствия на административных постах, назначаемых, а не выборных, мусульманские организации высказывали намерение играть более активную роль и на местном уровне. Они полагали, что их вмешательство необходимо для преодоления растущих конфликтов не только между мусульманами и русскими, но и внутри местного населения. Ситуация была и впрямь тревожной.

В некоторых населенных пунктах, говорилось в резолюции, по причине вмешательства представителей Советов солдатских и рабочих депутатов, по причине племенных конфликтов внутри киргизского населения и вредной агитации отдельных личностей, среди мусульманского населения возникла борьба кланов за власть с использованием таких недопустимых методов, как коррупция, убийства, вымогательства и т.д. Следует обратить внимание на недопустимость незаконного вмешательства организаций любого рода, внешних и невежественных в отношении образа и условий жизни местного населения, в деятельность и работу местных административных органов; на абсолютную пагубность насилия, племенных и клановых конфликтов, подпитываемых вредной агитацией, проводимой безответственными личностями; на необходимость обратиться к населению края с призывами к сохранению порядка на местном уровне, призвать граждан к совместной работе по организации, призвать Комитет Временного правительства по Туркестану предпринять скорейшие меры для формирования в крае земств и для подготовки населения к грядущим выборам в Учредительное собрание.

Здесь обличалась ситуация хаоса, в котором оказалась местная администрация. Роспуск царской администрации действительно породил борьбу за власть, которая не подавала ни малейших признаков приближения к стабильным формам правления. Ситуация была не-

ровной: в некоторых районах новая власть состояла из старых царских чиновников, в других возникли Советы и партии, которые действовали самостоятельно и не обращали внимания на решения, принимавшиеся в Ташкенте, но везде, где было возможно, мусульмане стремились протолкнуть старейшин клана в администрации участков, вследствие чего возникали жестокие трения между кланами. При царе было то же самое, но сейчас кризис власти и разруха усугубляли соперничество. Мусульманские политические организации, находившиеся в стороне от этих конфликтов, стремились стать представителями всего населения и образовать сильную администрацию на местном уровне, которая не становилась бы добычей, провоцирующей драку соперников. Именно поэтому они требовали, чтобы комитет, состоящий из представителей этих самых мусульманских организаций, взял на себя, как ему и полагалось, управление на всех уровнях.

Вакуум власти на местном уровне самым ужасным образом сказался в Семиречье, и, следовательно, было необходимо именно в этом регионе срочно восстановить авторитет правительства. Съезд высказался (в который раз!) в поддержку кочевников и предложил удалить из региона всех солдат запаса и прислать новые военные части для охраны порядка. Части должны были состоять по крайней мере наполовину из мусульманских солдат и офицеров (очевидно, та-тар)⁶⁵¹.

В резолюциях съезда имелись также положения, касающиеся продовольственного кризиса в крае. Утверждалось прежде всего, что административное вмешательство в распределение продовольствия имело только негативные последствия и следует освободить рынок от ограничений, наложенных государством, то есть от твердых цен, от монополии на зерно, от реквизиций. Вторым пунктом шло предложение контролировать производство сельхозпродукции, способствуя переводу хлопковых земель под пищевые культуры. Многие до сих пор считали такое решение нецелесообразным, ошибочно полагая, что война прекратится через несколько месяцев и с нехваткой продовольствия будет покончено с возобновлением нормальных экономических отношений с Россией. Впрочем, справедливо было и то, что переход с одной культуры на другую мог дать положительный результат только следующей весной и, значит, не решал проблему острой нехватки зерна в настоящий момент. Это предложение, однако, имело очень важное стратегическое значение — оно указывало на то, что мусульманские организации были намерены сломать систему продовольственной зависимости от России, базировавшейся как раз на поставках хлопка из Туркестана. Возможно, спад оборотов хлопка привел к ослаблению власти автохтонной торговой буржуазии и вынудил делать ставки на более сбалансированное развитие и пересмотреть отношения с русскими.

Таким образом, если рассматривать все решения съезда в целом, речь шла о широкой программе, которая стала основой в переговорах Коровиченко и центром концентрации оппозиции после Октября, когда было создано мусульманское правительство, альтернативное русскому (автономное правительство Коканда), а также и в дальнейшем — в 1919–1920-х, когда возникла национальная оппозиция внутри коммунистической партии. Все высказанные предложения имели, кроме всего прочего, ценность в создании точки пересечения не только мусульманских организаций Туркестана, но и между этих организациями и национальными казахскими и башкирскими партиями, предопределив тем самым их общую деятельность и общемусульманское управление на гигантской территории, в настоящий момент управляемой русскими⁶⁵².

После длинного экскурса в историю программ и надежд вернемся к тому, что происходило в Ташкенте.

Необходимо сотрудничать с мусульманами

Генерал Коровиченко нашел ситуацию в Туркестане гораздо более неуправляемой, чем он, вероятно, ожидал. Действительно, очень скоро он понял, что его военные задачи не столь широки, но зато восстановление порядка и законности в Ташкенте и крае чрезвычайно затруднено: непросто было арестовать даже вожakov революции, еще сложнее провести чистки в мятежных военных частях и, наконец, экономический кризис нельзя было преодолеть в короткие сроки.

Для налаживания управления краем генерал обратился к демократическим силам с предложением активно приступить к работе совместно с восстановленным Комитетом Временного правительства. Когда собрался Второй чрезвычайный съезд Советов, Коровиченко, прибывший в Ташкент менее недели назад, отправил Доррера высказать делегатам свою точку зрения на ситуацию. Доррер объяснил съезду, что государство должно было защищаться, вплоть до применения силы, что было необходимо восстановить дисциплину в войсках и что суд, независимо ни от кого, должен будет преследовать виновных в мятеже. Учитывая, однако, политическую сущность преступников, Доррер счел уместным, чтобы расследованием занялась также комиссия, состоящая из представителей правительства и различных демократических сил края⁶⁵³. Эта уступка была сделана в ответ на протест, вызванный в эти дни решением следовать путем правосудия, исключив политическую оценку событий⁶⁵⁴. Протест высказали солдаты 2-го Сибирского полка: на открытии съезда его делегаты предложили не предавать никого в руки правосудия, пока Совет не выскажет свою официальную позицию по поводу сентябрьских событий⁶⁵⁵. Предложение вызвало острую дискуссию между этими

делегатами и теми, кто склонялся на сторону Временного правительства. Последние утверждали, что «весь ташкентский захват власти не имеет ничего общего с переходом власти к Советам», порицали «личностей и группы, которые пытались осуществить этот переход в Ташкенте», и требовали, чтобы организаторы восстания были отданы под суд⁶⁵⁶. Революционеры отстаивали лозунг «Вся власть — Советам», утверждали, что события 12 сентября были попыткой свержения власти, вытекающего из этого лозунга, и заявляли, что не могут «быть судьями демократии те, кто были ее палачами»⁶⁵⁷. Собрание разделилось, таким образом, на две части, и дискуссия быстро выродилась в угрозы. Делегаты умеренного направления, руководимые Чайкиным, эсером, представлявшим Фергану и известным хорошими отношениями с мусульманами, предложили резолюцию осуждения любой попытки узурпации власти Советами. Затем, не дождавшись вынесения этого предложения на голосование, они покинули зал заседаний⁶⁵⁸.

Съезд, который должен был утвердить поддержку Советом политики Временного правительства, закончился неудачей. Единственным позитивным результатом было то, что стихийный роспуск съезда не позволил переизбрать членов краевого Совета, который тем самым остался под контролем умеренного крыла. Революционеры, однако, продемонстрировали, что они далеки от поражения и имеют единомышленников и за пределами Ташкента. Комитет Временного правительства не получил поддержки широкого русского демократического фронта, а инициативы по подавлению восстания не могли не учитывать то неопределенное соотношение сил, которое сложилось между двумя направлениями, на которые разделились Советы.

На следующий день после съезда Доррер встретился с исполкомом ташкентского Совета, состав и направленность которого остались прежними, и заключил с ним соглашение: генерал обязался вступить «в контакт» с Советом в случае, если ему понадобится произвести реорганизацию частей ташкентского гарнизона или послать солдат в другие населенные пункты⁶⁵⁹. Это была еще одна, значительная, уступка революционерам.

Затем, удовлетворяя требования солдат 2-го Сибирского полка, Комитет освободил единственного вожака-революционера, который еще оставался под стражей⁶⁶⁰. Это был младший лейтенант Гриневич, член исполкома, в дни восстания ставший военным комендантом Ташкента. Лейтенант, едва выйдя из тюрьмы, был направлен делегатом Второго всероссийского съезда Советов, открывшегося в Петрограде, и на этом съезде по предложению левых эсеров избран членом Центрального исполнительного комитета Советов⁶⁶¹. После Першина он стал вторым ташкентским революционером, попавшим во ВЦИК, и назначен он был на эту должность именно в знак признания его роли в ташкентском восстании.

Ситуация вынуждала Коровиченко и Комитет Временного правительства к осторожности и к переговорам. Только мусульманские организации, имевшие достаточно поводов опасаться усиления русского революционного движения, были целиком на стороне порядка и поддерживали Временное правительство. Тем самым оказывалось, что мусульманские лидеры, то есть автономисты, были единственным надежным союзником центрального русского правительства. Коровиченко понимал это предложение, хотя и не собирался чересчур нарушать баланс в пользу мусульман, полагая, что сила режима в любом случае зависит от поддержки русских, в особенности русской армии.

Мусульманские политики не предлагали, однако, мандата без всякой компенсации. Они добились сохранения и усиления собственного присутствия в Комитете, сохраняя тем самым прямую ответственность за управление краем, и требовали от Коровиченко мер по усилению демократических институций. Прежде всего они требовали гарантий того, что ташкентская Дума не будет разделена, и действительно, Дума осталась единой, а мэром был назначен человек улемов⁶⁶². Они потребовали также, чтобы на выборах в Учредительное собрание голосование проходило без разделения по национальностям, несмотря на нерешительное отношение к этому вопросу внутри самого Комитета Временного правительства и противоположные предложения со стороны русских партий⁶⁶³. Последние стремились к такой системе выборов, которая гарантировала бы им большее число мест, чем то, что они получили бы при пропорциональной системе без разделения. На всеобщих равных выборах с участием всего населения русские имели бы не больше двух депутатов из 32, приходившихся на Туркестан⁶⁶⁴.

Не было, напротив, принято третье требование мусульман, не менее важное, чем первые два: формирование мусульманских военных частей. Это предложение, как мы уже знаем, было выдвинуто татарским комитетом, появилось в программе Алаш-Орды и получило одобрение Шура-и-Ислам и Джамаит-и-Улема на сентябрьских съездах. Таким образом, эта задача поддерживалась всем движением и представлялась особенно важной в контексте происходивших властных конфликтов в Ташкенте.

Чокаев, когда предлагал Коровиченко поддержку мусульманского движения, просил у него не рекрутировать местное население, а заменить русских солдат, поддержавших государственный переворот, солдатами из других регионов и, в частности, прислать новые части, состоящие из татар и башкиров⁶⁶⁵. Затем эту же тему с Коровиченко обсуждал Тоган и предложил, более смело, вербовать местных мусульман в армию и городскую полицию⁶⁶⁶. Наконец инициативу в свои руки взяли татарские солдаты Ташкента, которые, не ожидая разрешения генерала, выделились из состава 1-го и 2-го Си-

бирских полков (активно поддерживающих революционеров) и сформировали мусульманский батальон⁶⁶⁷. Татарские солдаты, поддерживающие правительство, приняли это решение потому, что Коровиченко, хотя и демонстрировал готовность принять условия мусульман и содействовать выделению татар из этих полков, впоследствии решил отвергнуть их предложения⁶⁶⁸. Очевидно, и с точки зрения генерала-комиссара наличие мусульманских частей представляло опасность.

Коровиченко, следовательно, не на что было рассчитывать, кроме неопределенной поддержки русских и более явной поддержки мусульман, которые, однако, выдвигали свои серьезные условия, порой неприемлемые. Тем временем в крае не наблюдалось признаков смягчения кризиса и социальных конфликтов.

Как спастись от голода?

Сразу по прибытии в Ташкент Коровиченко понял необходимость принятия экстренных мер для преодоления продовольственного кризиса и обратился в Петроград, сообщая, что снабжение оказалось много ниже ожидаемого и многие уезды голодают. «На почве голода крайне обострились отношения между мусульманским и сравнительно лучше обеспеченным русским населением», утверждал генерал⁶⁶⁹. Антиправительственный протест исходил, как можно было видеть, от небольшой группы русских, но продовольственные сложности касались не только европейских кварталов. В старом городе цены на зерно были заоблачны для местного населения. Джамаит-и-Улема настаивала на принятии мер и требовала запретить вывоз зерна за пределы города⁶⁷⁰. Коровиченко, чтобы получить поддержку главной мусульманской партии, должен был учитывать эти требования, но в то же время он не мог и пренебрегать интересами русских.

Аналогичная ситуация складывалась во многих других городах, делая общую картину как никогда мрачной.

Уже в августе Продовольственный комитет Ферганы сообщал, что в Скобелеве все чаще и чаще случаются нападения на мусульманских торговцев. Группы русских граждан останавливали обозы, которые везли зелень и овощи на базары, захватывали товар и принимались торговать им на месте по ценам, ими же самими и назначенным. Милиция индифферентно наблюдала за этими действиями «против спекуляции». В начале сентября группы солдат и женщин (жены военнослужащих, посланных служить в другие районы) произвели ряд реквизиций в лавках, затем солдаты гарнизона разгромили целый квартал, чтобы захватить товар, хранящийся на торговых складах. Подобные события повторились и в начале октября, несмотря на присутствие в городе генерала Коровиченко⁶⁷¹.

В Коканде ситуация с продовольствием становилась также тревожной. Мусульмане, лишенные продовольственной помощи, выразили протест и добились обещаний со стороны Комитета Временного правительства⁶⁷². Не все в городе, однако, придерживались мнения, что мусульманам следует помогать, многие полагали, что трудности с продовольствием вызваны спекуляцией местных торговцев. И здесь случились погромы на базарах, и здесь солдаты были в первых рядах⁶⁷³. В Коканде столкновения стали особенно тяжелыми в конце сентября, в связи с выборами в городскую Думу⁶⁷⁴.

Во всей Фергане не хватало зерна. Кто мог — пытался купить его в Ташкенте, у прочих не было никаких путей снабжения. Уже давно прекратились даже те скромные вспомоществования, которые посылались родителями и знакомыми из-за границы. Так, вплоть до начала лета кашгарские сарты присылали сюда лепешки и прочий фасованный хлеб, но китайская делегация добилась от даоиня запрещения всякой пересылки муки и хлеба, потому что урожай выходил плохим, предполагалось, что хлеба не хватит даже местному китайскому населению⁶⁷⁵.

Нехватка зерна была обусловлена также тем, что большая часть поставок из России задерживалась в Ташкенте. Речь идет о зерне, которое было оплачено вперед населением, в том числе и мусульманским, однако оно доходило в мизерных количествах и распределялось исключительно среди русских. Местные власти сообщали Коровиченко об этой ситуации, в их докладах не было малейших признаков улучшения положения. Напротив, в середине октября они сообщили, что число умерших от голода растет с каждым днем, надвигается катастрофа⁶⁷⁶.

Положение было тяжелым и в других районах. Самарканд уже с весны сообщал об особенно тяжелом продовольственном кризисе⁶⁷⁷. В июле прибыл 121 вагон муки на всю Самаркандскую область, а в августе уже только 88, в то время как нужно было 648, из них 48 для города. Учитывая постоянное падение снабжения, Самаркандский продовольственный комитет старался удерживать в городе почти все зерно, переключая тяжесть кризиса на сельских жителей. В сентябре, однако, зерна перестало хватать и городу⁶⁷⁸. Как и в Ташкенте, социальная напряженность достигла пика одновременно с выборами в Городскую думу, которые здесь проходили 8 сентября. Шли также приготовления к Курбан-байраму, многие сельские жители приезжали за продовольствием для празднеств. Инциденты начались с того, что солдаты стали захватывать обозы с товаром, который мусульмане вывозили из города. Затем опять же солдаты, а с ними и гражданские, начали конфисковать товар на базарах, а также проводить обыски в частных мусульманских домах. Основной мишенью этих акций стали бухарские евреи, которые владели многими лавками в городе. Торговцы защищались, прекра-

тив торговлю на базарах, а солдаты продолжали погромы в течение пяти дней⁶⁷⁹. Повторялась та же ситуация, которую мы наблюдали в Ташкенте. В Самарканде, однако, волнения продолжались и после прибытия Коровиченко в край; в самом начале октября солдаты вновь учинили погромы и опять захватывали продовольствие⁶⁸⁰. Областной продовольственный комитет сообщил о драматической ситуации: считая за прожиточный минимум 200 граммов муки в сутки на человека, необходимо было получать 11 000 тонн в месяц (648 вагонов), в то время как в сентябре прибыло всего 704 тонны (43 вагона)⁶⁸¹.

То же происходило и в Закаспийской области: в Ашхабаде солдаты громили торговцев-мусульман, на дорогах к городу нападали на обозы, «люди в форме» атаковали караваны, направляющиеся в Персию⁶⁸². Ашхабадские реквизиции, однако, не имели поддержки местных Советов. На чрезвычайном собрании Советы приняли заявление, в котором говорилось, что реквизиции опасны, так как рискуют вызвать конфликт, который нанесет только еще больший вред русскому меньшинству⁶⁸³.

Обстановка, как обычно, была особенно напряженной в Семиречье. В Пишпекском уезде в сентябре произошли столкновения между русскими и мусульманами на почве распределения продовольствия, волнения приняли такой размах, что правительство вынуждено было ввести военное положение. Для восстановления порядка пришлось вмешаться армии под руководством Иванова, военного комиссара Комитета Временного правительства. Только таким образом удалось убедить местный гарнизон, что зерно должно выдаваться и мусульманам тоже⁶⁸⁴. В октябре в Пржевальском уезде произошли широкомасштабные захваты земель и пастбищ местными колонистами⁶⁸⁵. В Верном, областном центре, также не хватало зерна, местные власти попытались обеспечить его, послав войска на реквизицию в села⁶⁸⁶. Семиречье, хотя и рассматривалось русскими как самая богатая область Туркестана, получало помощь, которая не доходила до других областей. Целью этого было умиротворение колонистов и удержание их в минимально агрессивной позиции по отношению к кочевникам.

Коровиченко добился от Петрограда для этой области чрезвычайных ассигнований, уже давно выпрашиваемых. Это была немаленькая сумма (11 миллионов рублей), предназначенная для «русского населения Семиреченской области, пострадавшего во время бывших в области в 1916 году волнений», а также, в значительно меньшем размере, для киргизов, возвращающихся из Китая⁶⁸⁷. Поддержка, тем самым, направлялась обратно пропорционально необходимости в ней, удовлетворяя в первую очередь сильнейших. Однако не похоже, чтобы эти суммы были успешно распределены. Революция случилась раньше.

В Сырдарьинской области (областной центр Ташкент) нехватка продовольствия тоже усугублялась. В сентябре прибыло только 136 вагонов зерна вместо 370 необходимых. В первую неделю октября снабжение снизилось еще больше, прибыло всего 14 вагонов. Русское население устроило массовую манифестацию с требованием увеличить пайки, выдававшиеся продовольственным комитетом. Дума отреагировала на протесты, но отнюдь не так, как этого хотелось русским. Было решено создать комиссию по обеспечению денежной помощью, но мусульманское большинство, встречая сопротивление социалистических партий, настояло на том, чтобы комиссия состояла в основном из людей улемов. В кварталах старого города недоедание вызвало эпидемии тифа и холеры. Еще большую тревогу вызывал кризис в окружающих селах: помощь туда не доходила из-за того, что задерживалась в городе, а голод усугублялся прибытием значительного потока беженцев-киргизов из Семиречья и Казахстана⁶⁸⁸. Возможно, эти киргизы, ослабленные и голодные, и были носителями эпидемических заболеваний.

Такова была ситуация, с которой пришлось иметь дело слабому правительству Коровиченко. Ожидаемая помощь из России так и не пришла, даже в этой ситуации, и генерал оказался лицом к лицу с обществом, пораженным кризисом и угрожающим восстанием.

От репрессий к революции

Коровиченко не мог установить порядок силой. Репрессивные акции требовали действенной политической и социальной поддержки, которой генерал не располагал. Дело тормозилось двойственной позицией русских социалистических партий: их демократическая часть, которая возглавляла краевой Совет, не хотела быть непосредственно вовлеченной в репрессии, поскольку опасалась непоправимого разрыва с экстремистским крылом в исполкоме ташкентского Совета, неприкрито враждебного к Коровиченко. Кроме того, и главным образом, Коровиченко вынужден был учитывать недовольство солдат и ту широкую поддержку, которой пользовалось экстремистское крыло в казармах. Соответственно, ему нужно было стремиться к тому, чтобы меры, направленные на наведение дисциплины в войсках, не возымели обратного эффекта и не вызвали еще большего сопротивления.

Уже в начале октября генерал Коровиченко столкнулся с первым вызовом со стороны солдат. В одном из полков, несмотря на запрет любых собраний, солдаты собрались и вынесли резолюцию недоверия генералу⁶⁸⁹. На следующий день Доррер заключил соглашение с солдатами, о котором мы уже упоминали. К этому соглашению апеллировали в дальнейшем революционные воинские части всякий раз, когда не желали выполнять приказы генерала.

Ограниченность власти Коровиченко проявилась не один раз. Так, чтобы подавить волнения в ташкентском гарнизоне, генерал вызвал в город кавалерийский полк, но новоприбывшие на общем собрании заявили, что не считают уместным свое карательное вмешательство. Генерал был вынужден немедленно удалить полк из города, что вызвало разного рода протесты, так как перемещение частей не получило одобрения исполкома⁶⁹⁰.

Когда генерал приказал одному из артиллерийских полков, известному своей поддержкой революционеров, сдать оружие, он получил отказ и был вынужден добиться своего, прибегнув к вооруженному вмешательству верных правительству солдат. Этот случай тоже вызвал многочисленные протесты и, что возможно еще хуже, вынудил Краевой Совет официально встать на сторону артиллеристов⁶⁹¹.

Репрессивные меры против главарей-революционеров закончились не лучше. Так, Коровиченко приказал арестовать нескольких лидеров восстания 12 сентября. Перфильев, Черневский и Шмидт оказались за решеткой, но за них высказалось большое число солдатских собраний, которые объединяли требование об освобождении лидеров с лозунгами против Временного правительства. В казармах царило возбуждение, а на собраниях одобрялись резолюции политического характера, отражающие большевистские лозунги (земля — крестьянам, рабочий контроль на фабриках, немедленный мир на всех фронтах и т.д.)⁶⁹². Руководил революционным движением, очевидно, ташкентский исполком, членами которого, несмотря на все протесты Краевого Совета, оставались те, кто руководил сентябрьским восстанием⁶⁹³.

Среди самых буйных были солдаты родом из Семиречья. Правительство должно было бы принять в их отношении меры, но их отправка на фронт или в другие части Туркестана неминуемо вызвала бы протест и, скорее всего, солдаты отказались бы выполнять приказ. Таким образом, ничего не оставалось, как идти навстречу их требованиям. Требования были очень простые: они хотели увольнения в запас с оружием и возвращения на свою землю в Семиречье⁶⁹⁴. Их решимости поспособствовал декрет Керенского об ассигновании средств для русских, пострадавших от восстания 1916 года. 20 октября, возможно, вследствие запроса Коровиченко, Керенский решил удовлетворить требования солдат Семиречья и подписал декрет об увольнении их в запас.

Пытаясь избежать беспорядков в Ташкенте, власти создавали условия для обострения конфликтов в Семиречье. Краевой Совет выступил против этой «нецелесообразной» инициативы, но его протест не был услышан⁶⁹⁵.

26 октября в Петрограде победила революция. Известие о падении Временного правительства пришло в Ташкент на следующий день, и Коровиченко немедленно принял меры, чтобы местные рево-

люционеры не смогли последовать примеру Петрограда. Он приказал разоружить 1-й и 2-й Сибирские полки, открыто поддерживавшие революционные силы, затем арестовал некоторых членов ташкентского исполкома и туркестанского Совета и, наконец, ввел военное положение в Ташкенте и в уезде⁶⁹⁶. Единственной политической организацией, выступившей в защиту Временного правительства, стало мусульманское движение, которое призвало своих последователей по всему краю воспрепятствовать революционерам, в том числе и силой⁶⁹⁷. Когда начались столкновения, Коровиченко прибегнул к этой помощи и раздал оружие не только группам русских граждан, но и мусульманам старого города⁶⁹⁸. Мусульманский батальон, незадолго до этого сформированный из татар, также присоединился к войскам, верным правительству⁶⁹⁹.

Краевой Совет не поддержал репрессивные меры и попытался выступить в конфликте посредником между сторонами. Так, он высказался «против перехода власти к Советам, а тем более в руки большевиков», подчеркнув, что «власть до созыва Учредительного собрания должна остаться в руках Временного правительства как в центре, так и в Туркестане». Тем не менее он потребовал, чтобы Коровиченко был выведен из состава Комитета и чтобы управление перешло «в руки демократических краевых организаций, впредь до установления новой власти». В случае, если Комитет не примет эти условия, а генерал не остановит репрессивные действия, Совет считал необходимым взять на себя прямое управление краем⁷⁰⁰.

В то время как Совет проводил собрание, где принимались эти решения, на улицах города начались столкновения. Восстание возглавил революционный комитет, состоящий в основном из руководства городского Совета, при поддержке гарнизонных частей. Вскоре революционеры захватили крепость. В Ташкент прибыли солдаты Семиречья, уволенные в Закаспии и возвращавшиеся домой, и немедленно примкнули к революционерам; затем к ним присоединились другие солдаты из разных городов края⁷⁰¹. Через четыре дня боев, 31 октября, были начаты переговоры о прекращении огня. На встрече представителей ревкома и членов Комитета (Доррер и Чокаев) революционеры потребовали: отставки и ареста Коровиченко, Шендрикова, Доррера и других высших чинов; возвращения в казармы и вывода из города частей, верных правительству; отмены всех судебных преследований участников восстания 12 сентября; организации новых властных структур, состоящих из членов краевого Совета и представителей «демократических» организаций. Таким образом, предлагалось доверить краевому Совету власть, ограничиваемую революционерами, а не напрямую передать власть ревкому, поскольку последний был местным органом, не имеющим пока краевого значения. Столкновения тем временем продолжались. Коровиченко вынужден был сдаться и был

арестован. Вместе с ним за решеткой оказался и Доррер, в то время как Чокаев, единственный из членов Комитета, находящихся в Ташкенте, остался на свободе⁷⁰². Всем Советам Туркестана была разослана телеграмма: «Всю власть приняли Советы. Возьмите власть в свои руки»⁷⁰³.

Формирование революционного правительства Туркестана

После того как сдался Коровиченко, у Ташкента не оставалось военных способов выхода из ситуации, но еще оставались надежды на политическое решение, позволяющие избежать революционной диктатуры. Надежды были связаны с развитием событий в России. Наступил короткий период неопределенности, когда было еще неясно, насколько прочна революционная власть, установившаяся в Петрограде. В этой атмосфере ожидания съезд Советов Туркестана был назначен на 15 ноября.

К этому моменту Комитет Временного правительства был заменен на временный исполком Туркестана, в котором были представлены все основные политические организации⁷⁰⁴. Решение выглядело компромиссом, отвечающим лозунгу «вся власть — Советам», звучавшему в то время по всей России, но не гарантировавшему никакого главенства революционных сил; оно обрисовывало ту систему представительства, которая в случае ее ратификации съездом должна была руководить выборами в Учредительное собрание⁷⁰⁵. Правительство предусматривало участие мусульман, но определенно ставило их в позицию меньшинства. Поэтому последние даже не избирали своих представителей⁷⁰⁶. Новое правительство было, таким образом, революционным по крайней мере в одном аспекте — в отстранении мусульман.

Хорошее известие для враждебных революции сил пришло 7 ноября, когда в Оренбурге казачий генерал Дутов взбунтовался против Петрограда и захватил город, а вместе с ним и железную дорогу, соединяющую Туркестан с центральной Россией. Если бы революционеры взяли власть, они нашли бы в лице Дутова крайне опасного врага, способного заблокировать любую помощь Туркестану со стороны России.

Однако ни политический компромисс, достигнутый в Ташкенте, ни угроза Дутова не остановили туркестанских революционеров. Возможно, они полагали, что умеренные силы не пойдут на соглашение с мусульманами, так как это не получило бы одобрения русских, а также считали, что Дутов вскоре будет побежден революцией. Они точно не знали, что оренбургская блокада продлится, почти без перерывов, два года, оставив Туркестан в изоляции от России и в тисках голода.

«Наша газета», орган ташкентского Совета, закрытый 24 сентября как «опасное оружие в руках мятежников», с 8 ноября стала выхо-

дить вновь⁷⁰⁷. Всю первую полосу занимали два огромных заголовка — «Новая власть» и «Капитуляция Керенского». Далее следовали тексты декретов о мире и о земле, принятых петроградским Советом. Обещался мир, а с ним — и конец кризиса. Солдаты могли возвращаться домой, а крестьяне получить землю. Это было ровно то, чего они ждали, но так и не получили от Временного правительства.

Сразу после этого революционная диктатура предприняла свои первые шаги. Первой целью был контроль над печатью. Центральное правительство в Петрограде уже столкнулось с этой проблемой и выпустило за подписью Ленина декрет о печати, запрещавший выход «контрреволюционных» газет. Декрет, действие которого, очевидно, распространялось и на Туркестан, предусматривал прекращение выпуска газет: «1) призывающих к открытому сопротивлению и неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющих смуту путем явно клеветнического извращения фактов». Это был декрет, который можно было использовать в каждом спорном случае. Газета ташкентского Совета опубликовала его в номере от 8 ноября. В тот же день не вышли две другие газеты — «Туркестанский курьер» и «Туркестанское слово». Ташкентский Совет закрыл их за публикацию «контрреволюционных» статей. Это решение было потом отменено туркестанским Советом⁷⁰⁸.

В этой неопределенной атмосфере открылся 15 ноября 3-й съезд туркестанского Совета. Революционные и умеренные силы не смогли достичь согласия в прениях. Революционеры стояли на том, что никакие компромиссы неуместны, власть должна перейти к тем, кто совершил революцию⁷⁰⁹; умеренные считали, что в претензиях революционеров содержится опасность сползания политической системы к авторитаризму: «Революция рискует превратиться в свою противоположность, в контрреволюцию. Власть должна принадлежать всему народу, не только солдатам», — выступил представитель меньшевиков. Один из эсеров развил эту тему, заявив, что революционеры «не могут взять власть, поскольку составляют меньшинство среди демократических сил», а если они намереваются все-таки это сделать, то им «придется прибегнуть к террору и они увлекут Россию в пропасть». Другой эсер заметил, что только Учредительное собрание может дать мир, хлеб и землю, а большевики, захватив власть за несколько дней до выборов, дают понять, сколь нежелательно для них Учредительное собрание.

Чтобы избежать авторитаризма, необходимо было создать коалиционное правительство демократических сил. Среди таковых числилась и мусульманская политическая организация, хотя и не занимала главенствующей позиции, которая ей полагалась бы при критерии пропорционального представительства⁷¹⁰. Присутствие мусульман, как утверждалось, было необходимо также для того, чтобы они не стали требовать соблюдения своего права на самоопределение,

признанного декретом о мире. Представители умеренного направления, таким образом, отказывались признавать право на самоопределение, декларируемое, возможно демагогически, революционным петроградским правительством, и в то же время противились дискриминационным намерениям местных экстремистов. В действительности они намеревались осторожно продвигаться вперед, как это ранее делало Временное правительство.

После того как закончились прения между русскими, не достигшими, впрочем, никакого компромисса, были заслушаны некоторые представители мусульман. Мусульманскую делегацию возглавлял Лапин, лидер Джамаит-и-Улема, вернувшийся с мусульманского съезда, но выступавший от имени своей организации. В своей речи он защищал права мусульманского большинства и предлагал, чтобы Туркестан управлялся собранием, состоящим в основном из мусульман с участием русских демократических организаций⁷¹¹. Таким образом улемы открывали переговорный процесс с русскими, хотя и издалека, надеясь, что можно будет достичь компромисса в том случае, если умеренное крыло убедит большинство⁷¹². Предложение улемов, не противоречившее признанному большевиками праву на самоопределение, не было принято, однако, ни умеренными, ни революционерами.

Наконец революционеры, выделившиеся во «фракцию большевиков и максималистов», представили собственное заявление⁷¹³. Оно гласило: «Признавая существующую центральную власть и форму ее организации, объединенная фракция большевиков и максималистов считает высшим краевым органом Краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который отныне именуется Советом Народных Комиссаров Туркестанского края». Каждый комиссар должен иметь определенный круг полномочий и при исполнении указаний Совета «привлекать широкие слои населения», созывая также периодические «съезды местных представителей, не исключая и мусульман». Утверждалось, что при таком подходе «местное туземное население и местные интеллигентные силы не устроятся от активной работы по улучшению быта и жизни края, а, наоборот, привлекаются к этой работе». После этой уступки мусульманам, которые, как объявлялось, будут привлекаться к консультациям, но только на местном уровне и по отдельным проблемам, в заявлении говорилось:

«Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций, представительство которых в органе высшей краевой власти фракция приветствовала бы»⁷¹⁴.

Эта резолюция была принята 97 голосами при 17 воздержавшихся⁷¹⁵. Мусульмане, разумеется, не участвовали в голосовании. Одобрив резолюцию, съезд избрал Совнарком; туда вошли 7 членов большевистско-максималистской фракции (трое из них до того входили в максималистское крыло партии эсеров) и 8 эсеров. Все, разумеется, не были мусульманами⁷¹⁶.

Председателем Совета был назначен Колесов, социал-демократ, делегат Второго всероссийского съезда Советов. На ташкентском съезде он заявил: «Солдаты, рабочие и крестьяне победили, они должны удержать власть в своих руках. Без этой власти нет спасения для страны и для революции»⁷¹⁷.

Несколько дней спустя Совнарком отдал приказ Советам создать Красную гвардию, взяв оружие из казарм⁷¹⁸. Критерии формирования новой армии будут определены позже, в январе 1918 года, когда будет решено, что солдаты старой армии остаются на службе, а также вербуются новые. Служба в армии станет обязательной для всех русских между 18 и 45 годами⁷¹⁹.

Дискуссия о власти разрешилась быстро — на следующий день после Октябрьской революции. Политическая линия была ясна, она заключалась исключительно в установлении революционной диктатуры, то есть в отказе от представительного управления, объединяющего различные политические силы, и, следовательно, главным образом — в отстранении мусульман от управления. Вопрос о власти решился путем образования русского правительства, исключались даже намеки на его временный характер в виду выборов в Учредительное собрание. Революционеры не сочли нужным вынести на обсуждение свою программу, не предложили способов выхода из экономического кризиса. Они просто совершили революцию и, вероятно, надеялись, что советское правительство в Петрограде сможет само справиться с кризисом.

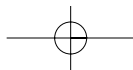
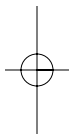
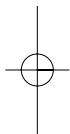
Туркестанские революционеры следовали примеру Петрограда и обращались к населению с теми же лозунгами, что звучали в столице. В контексте Туркестана эти лозунги, однако, принимали особое значение. Революция была большевистской, но в Туркестане не было партии большевиков — ее создадут позже, чтобы легитимизировать революционную власть. Диктатура пролетариата немедленно обернулась диктатурой политических организаций, опиравшихся в основном на солдат и действующих от имени российского пролетариата. Ее врагами были, естественно, представители буржуазии и буржуазных политических организаций, а таковыми признали всех мусульман, поскольку «социальная революция» не привела к появлению в их среде «пролетарских» организаций. Таким образом, диктатура могла быть только диктатурой русских. Комитеты колонистов дали бы «землю крестьянам» (русским), а голод, но об этом не говорилось, — мусульманам.

Альтернатива власти солдат-революционеров внутри советского движения оказалась чрезвычайно слабой. В самом деле, мы видели, что умеренное крыло, сознавая опасности революционной диктатуры, предлагали очень неопределенные альтернативы в самой важной точке — в вопросе отношений с мусульманами. Демократия, как, впрочем, и сама революция, воспринималась главным образом как способ регулирования внутренней жизни русского сообщества. Готовность умеренных к диалогу с мусульманами подразумевала расширение демократии вплоть до включения мусульманских представителей, но отнюдь не признание права мусульманского большинства на самоуправление. Сторонники этой несовершенной демократии (или этого умеренного колониализма) составляли наиболее продвинутую часть русского политического реформистского движения. Но это была слабая альтернатива диктатуре, поскольку она не предполагала вступления в союз с мусульманами, основанный на признании их прав.

Вполне можно понять, что многие русские опасались конца колониального режима и рассматривали приближающиеся выборы в Учредительное собрание как угрозу. Диктатура казалась им защитой от этих рисков и приветствовалась на площадях толпой, выступавшей против мусульман, и солдатами, хотевшими вернуться домой с оружием в руках.

Русское революционное правительство отменило выборы в Учредительное собрание и под знаменем большевистской революции пыталось управлять колонией силой. Три года спустя Сафаров, большевистский комиссар из центра, писал, что в Туркестане «пролетарская диктатура с самых первых месяцев приняла типично колониационные черты»⁷²⁰.

Часть III. **ХАОС В КОЛОНИИ**

Кокандское автономное правительство

В Туркестане, как и во многих других регионах бывшей империи, революция распространялась сверху, от города к деревне, продвигая новый институциональный порядок, иерархический и централизованный. Верховная власть принадлежала центру, то есть Петрограду (затем Москве); Совнарком Туркестана представлял эту власть на уровне края, а ему подчинялись администрации районов, городов и деревень. По сути, речь шла не об иерархии, а о системе транслирования легитимности от более высоких уровней к более низким. Центральное правительство признало власть туркестанских революционеров и выдало им мандат на управление как представителям Советской России. Таким же образом Совнарком легитимизировал местные администрации, которые, однако, нуждаясь в связях с обществом, становились инструментами власти для общественных групп, образующихся и выражающих себя через органы администрации.

Программы и установки партий, разрабатываемые наверху, принимали различные значения в разных контекстах. «Высокая» политика, политика центра, по существу, становилась на местах выгодной риторикой, к которой прибегали конфликтующие стороны, чтобы обозначить собственные позиции и союзников.

Сразу после победы Октябрьской революции Петроград объявил торжество диктатуры пролетариата, заявил, что земля принадлежит работающим на ней крестьянам, и распространил «Декларацию прав народов России», подписанную Лениным и Сталиным. В Ташкенте, как уже известно читателю, революционеры последовали путем центрального правительства и установили диктатуру. Однако еще оставался открытым вопрос о выборах в Учредительное собрание. Дату голосования в Туркестане назначили на середину декабря, потом перенесли, а 19 января из Петрограда пришло известие о роспуске Учредительного собрания. На следующий день Владимир Петрович Наливкин, символ туркестанского Временного правительства, символ готовности к диалогу с мусульманами, покончил с собой на могиле своей жены. Время надежд закончилось.

Тем временем ташкентские революционеры, ссылаясь на Ленина, призывали «подчинять социализму принцип самоопределения народов» и «понимать самоопределение народов только как самоопределение рабочих классов»⁷²¹. Русская диктатура в Туркестане

встраивалась, таким образом, в интернациональную пролетарскую революцию. Спустя несколько дней из Ташкента были посланы войска против автономного мусульманского правительства, образованного в Коканде как альтернатива Совнаркому. С этого началось вооруженное противостояние, которое позже распространится по всему краю.

Революционный посыл распространился и на деревни, где колонисты поняли, что власть в надежных руках и теперь им гарантируется право на землю, которую они отняли у мусульман. Так возникли Советы и крестьянские комитеты — как органы выражения воли колонистов, которые были напрямую вовлечены в конфликт с мусульманами. Крестьянская инициатива возникла и развивалась спонтанно, в то время как органы местного управления, институции и чиновники прежнего режима делегитимизировались в результате государственного переворота. Октябрьские события положили начало хаосу. Ахмед Байтурсун (Байтурсунов), руководитель Алаш-Орды, писал о Степном крае:

«Наводила же на киргизов ужас Октябрьская революция своими внешними проявлениями. Как происходило большевистское движение в центральных частях России, киргизам было неизвестно. На окраинах же оно сопровождалось повсюду насилиями, грабежом, злоупотреблениями и своеобразной диктаторской властью. Говоря короче, движение на окраинах часто представляло собою не революцию (как обычно она понимается), а полнейшую анархию»⁷²².

Можно распространить оценку Байтурсунова и на Туркестан. Мы наблюдали, как в деревнях и уездах, где большинство населения составляли русские, власть переходила к Советам, стремящимся прикрыть, а часто и организовать действия русских крестьян. Последние вооружались, защищали свои поля и свое зерно, вытесняли мусульман силой, устраивали резню. Правительство поначалу поддерживало колонистов и их требования о перераспределении земли, рассчитывая заручиться их поддержкой и, главное, получить зерновые излишки. Однако оно не смогло преодолеть анархических устремлений местных властей и под угрозой надвигающегося голода попыталось ввести продовольственную диктатуру, которая породила враждебность тех самых русских крестьян.

Экономический кризис и Гражданская война в России лишили население Туркестана всякой надежды на помощь, а внутри самого края наиболее сильные социальные группы (русские) закрывали доступ другим (мусульманам) к продовольственным ресурсам. Эта двойная блокировка — от российского зерна и от того, что находилось под контролем русских в Туркестане, — обрекала мусульманское население на голод.

1. Диктатура голода

После объявления русскими революционерами чрезвычайной продовольственной ситуации, о чем читатель уже знает, произошло дальнейшее ухудшение обстановки, поскольку Туркестан оказался в изоляции и полностью лишен всякой возможности получать помощь извне. Революционная диктатура, зародившаяся в Ташкенте, в основном действовала в этом городе в интересах иммигрантского населения и солдат. Кризис достиг драматических размахов, а нехватка продовольствия, соответственно, привела к беспорядочным конфискациям у тех, кто этими ресурсами обладал, но не мог их отстоять. Имелись оценки существующих запасов в сельской местности, но расчеты опирались на соотношение сил: следовало изымать продовольствие не столько там, где имелись излишки, сколько в наиболее доступных местах, а также в тех, где проводимые реквизиции не нарушили бы политического равновесия, первоначально важного для правительства. Вслед за городскими торговцами бремя конфискаций легло на мусульманских крестьян. Имеющийся хлопок, который они могли бы продать, чтобы закупить продовольствие, конфисковывался, вакуфные земли перешли в собственность государства, продовольствие отбиралось и отправлялось в города. Однако довольно скоро понадобилось проводить реквизиции и у колонистов с казаками. Революция, которая пыталась заполучить их в союзники, обещая землю и безопасность, теперь оборачивалась против них. Крестьяне-иммигранты отреагировали на это, провозгласив собственную власть в селах и исключительные права на производимые ими ресурсы.

Нехватка продовольствия вызывала по цепочке конфликты при его распределении, города и армия диктовали свои условия и оправдывали применение силы борьбой революции со своими врагами. Самая критичная ситуация сложилась в Семиречье, где население было уже давно взбудоражено наступлением голода, а теперь туда прибыли вооруженные колонисты, неся с собой свою революцию.

Голод и эпидемии в Ташкенте

Первейшей заботой Совнаркома была текущая ситуация в столице, оплоте революционной власти. Действия новой власти соответствовали направлению, заданному еще волнениями русских горо-

жан. Как известно, эти выступления ставили целью снабжение русского населения продовольствием путем контроля за рынком и реквизиций у торговцев-мусульман, считавшихся ответственными за рост цен, сокрытие товара и спекуляции. В сентябре, когда произошло первое революционное выступление, в городе не только не хватало продовольствия, но и существовала реальная опасность распространения эпидемий в мусульманских кварталах⁷²³.

В начале декабря 1917 года Совнарком приказал провести перепись и конфискацию продуктов первой необходимости, имеющих на городских складах. Продовольственный комитет организовал русские команды, включив в каждую по крайней мере одного мусульманина с функциями переводчика и посредника, а также группы солдат, готовых вмешаться в случае сопротивления, и отправил их на базары старого города. Часть реквизированного, или лучше сказать — награбленного, предполагалось продать населению (очевидно, русскому) по твердым ценам, а часть обменять у крестьян на зерно⁷²⁴.

Нам неизвестна реакция тех, кто подвергся реквизициям, но похоже, что трудности возникли с исполнителями. Русские рабочие, призванные проводить реквизиции, утаивали часть изъятого, что, конечно, вызвало протест городских властей⁷²⁵.

То же происходило и при распределении небольшого количества зерна, поступавшего из России. Теоретически грузы находились в ведении Совнаркома и должны были отправляться в зоны, где проблема голода стояла особенно остро, но снабженческие организации Ташкента (вероятно, с молчаливого согласия Совнаркома) направляли большую часть зерна русскому населению столицы⁷²⁶. Распределение, тем самым, ориентировалось на нужды сильнейших. Тем не менее, несмотря на реквизиции и злоупотребления городского Совета, хлеба в городе не хватало и была введена карточная система. Карточка в январе 1918 года давала право на получение 400 граммов зерна в день; через месяц норма сократилась до 200 граммов⁷²⁷. Агапов, комиссар гражданской администрации края, приказал приостановить выдачу продовольствия в мусульманских кварталах города до тех пор, пока не будут собраны точные сведения о роде занятий их жителей⁷²⁸. Поскольку мусульмане в результате не оказались бы пролетариями, они не имели бы права на помощь. Этого требовала революция. В то же время организация снабжения мусульманской части города была вверена специальному комитету, деятельность которого, впрочем, сопровождалась постоянными коррупционными скандалами. Мусульман обвиняли в сокрытии богатств, в тайных и нелегальных действиях, это также давало повод для исключения их из нормированной системы выдачи продовольствия⁷²⁹.

Сложность ситуации в городе отягчалась еще и постоянно увеличивающимся потоком казахов, прибывающих из уездных деревень. Газеты сообщали о массах казахов, выпрашивающих на улице на про-

питание, просящих горожан о помощи (государство им не помогало), а также информировали читателей о том, что были зафиксированы случаи голодной смерти этих бродяг. Нищета способствовала распространению сыпного тифа⁷³⁰.

Газеты стали бить тревогу в конце января; два месяца спустя была подготовлена казарма для беженцев, оборудованная кухней и медпунктом, а также открыты бесплатные столовые, способные обслужить около 3000 казахов ежедневно. Но потребность была гораздо выше — почти 5000 человек нуждались в пропитании. Тогда организовали жуткую систему «ротации»: новоприбывших беженцев собирали по улицам, отправляли временно в казарму, а затем высылали из города в Троицк, в лагерь военнопленных⁷³¹. Таким образом пытались воспрепятствовать распространению эпидемии, изолируя потенциальных носителей инфекции.

Постоянная нехватка продовольствия, антисанитарные условия, обнищание населения и рост безработицы создавали почву для распространения инфекционных заболеваний. К тифу добавилась холера. В апреле городские власти ввели на базарах и во всех общественных местах санитарный контроль и запретили бродяжничество на улицах европейских кварталов казахам и бывшим военнопленным⁷³². Однако на организацию необходимой медицинской помощи средств не хватало⁷³³. В мае в городских больницах (там содержалась меньшая часть больных) от тифа умерли 123 человека, от холеры — 174⁷³⁴.

Можно предположить, что эпидемия заставила Совнарком попытаться локализовать бедствие внутри мусульманского общества, оказывать помощь как минимум той части местного населения, которая находилась в тесном контакте с русскими. Но власти не делали и необходимой малости для ограничения заразы.

С самого первого дня советской власти продовольственная политика полностью игнорировала драматическое положение мусульманского населения, страдающего от голода⁷³⁵.

Как кризис воспринимало правительство

Продовольственный кризис в Ташкенте уходил корнями в катастрофическое положение всего края. Чтобы понять действия Совнаркома в этой ситуации, нужно изучить отношение к кризису политической власти. Поставим себя на их место и попытаемся воспроизвести их расчеты. Как мы увидим, данные того времени были противоречивы. Нам следует понять логику и значение фальсифицированных данных.

С лета 1917 года из каждого района поступали тревожные сведения, особенно давали о себе знать распад кочевнической экономики и проблемы с продовольствием у мусульман, вызванные расширени-

Чайхана

ем производства хлопка; поставки продовольствия в города снижались, а розничные цены стремительно росли.

Власти не могли не знать, что в 1917 году производство зерна сократилось почти в два раза в сравнении с довоенными годами⁷³⁶. Очевидно, власти также были в курсе относительно состояния поставок зерна из России (которые до войны обеспечивали примерно 15% внутреннего спроса). Сегодня зерно прибывало в мизерных количествах. В апреле 1918 года на пятом съезде Советов сообщалось, что в ноябре 1917-го прибыл 421 вагон с зерном, в декабре уже 172, в январе 174, а в феврале 119. До войны ежемесячно приходило около 1500 вагонов. Учитывая сокращение поставок, можно заключить, что край располагал менее чем третью необходимого объема зерна⁷³⁷.

Первые итоги подвели на съезде снабженческих организаций края, который состоялся в Ташкенте в январе 1918 года. В день закрытия съезда Ленину была отправлена следующая драматическая телеграмма: «В Туркестане наступил голод со всеми ужасными последствиями. Поступление хлеба прекратилось совершенно. Необходимы самые решительные меры...». Съезд снабженцев и Совнарком, подписавшие телеграмму, требовали у центра предоставить железнодорожные вагоны и послали делегацию на Кавказ, чтобы стимулировать отправку зерна⁷³⁸. Ташкент, однако, не особенно надеялся на прибытие помощи, поскольку транспортная система находилась в хаосе, повсюду вспыхивали конфликты, перераставшие в гражданскую войну⁷³⁹.

В самом деле, оренбургские казаки, составлявшие основную силу, оппозиционную Советам на севере Степного края, еще в ноябре блокировали железную дорогу на Туркестан и нисколько не были расположены пропускать зерно для Совнаркома. Казаки готовы были вести переговоры только с демократическим правительством, но не с революционерами. Кроме того, как сообщалось на съезде, рынок Актюбинска, традиционный поставщик зерна в Туркестан, практически перестал действовать в этом качестве по причине большого числа представителей разных регионов, конкурирующих друг с другом за поставки. На Кавказе ситуация была не лучше вследствие того, что железная дорога стала ненадежным транспортом из-за вооруженных банд, захватывающих грузы⁷⁴⁰. Это было последним этапом стремительно ухудшавшегося положения: Кавказ в мае 1917-го обеспечил 89% ожидаемых поставок (рост по отношению к предыдущим месяцам, вызванный декретом Временного правительства, устанавливающим монополию на зерно); в июле уже было послано 40% грузов; в августе, несмотря на удвоение твердых цен по приказу центрального правительства, объемы сократились до 30%; в ноябре поступило всего 11%; в декабре не пришло ничего. Делегаты, отправленные на Кавказ, сообщали, что улучшения ситуации не предвидится⁷⁴¹.

Те же делегаты характеризовали продовольственную ситуацию как «неминуемую катастрофу» и говорили:

«Если сейчас мы спокойны потому, что не видим смертей от голода на глазах у всех, то эти смерти есть. В Чусте умирают ежедневно по 10–12 человек, в Аулиеатинском уезде трупы голодных и замерзших киргиз лежат по дорогам. Бедствие достигло крайней степени. Скоро голод перекинется в город, и тогда думать о принятии мер будет уже поздно»⁷⁴².

Тревожность ситуации была очевидной, но, похоже, никто не обладал точными сведениями о запасах зерна в крае и о состоянии посевов. На съезде не прозвучало никаких данных, и это вызывает подозрение, что их и не было. Только в дальнейшем озвучили какую-то информацию, но, как мы увидим, сильно (и вполне осознанно) искаженную.

Положение обсуждалось на втором съезде снабженцев, проходившем в Ташкенте в июле 1918 года, когда в крае собирали урожай. Рассмотрим, что говорили делегаты туркестанских районов.

Из их докладов следовало, что Сырдарьинская область испытывала дефицит зерна в объеме 11 381 730 пудов, зато Ферганская (по самой пессимистической оценке, представленной на съезде) имела запас в 68 миллионов пудов, а в Самаркандской области было в наличии 5 560 000 пудов⁷⁴³.

Съезд не мог учитывать Семиречье, где шло восстание казаков. Отчет об этой области указывал, что производство зерна в 1917 году

уменьшилось на 80% по сравнению с 1914 годом и недоставало двух третей от необходимого населению зерна⁷⁴⁴.

Делегаты рассмотрели ситуацию только в перечисленных трех областях и с легкостью пришли к выводу, что на ближайший год проблем с продовольствием не ожидается⁷⁴⁵. Судя по приведенным выше данным, без учета Семиречья, Туркестан располагал зерном с лихвой.

Таким образом, речь шла о снабжении Сырдарьинской области из излишков двух других областей. Потребности этой области определялись на основании оценки прогнозируемого производства, с учетом расхода зерна на посев (почти треть от производимого) и с предполагаемым годовым потреблением 12 пудов на человека. При расчетах необходимого продовольствия учитывались потребности всего населения, без деления на русских и мусульман. Тем самым признавалось равенство потребностей, которое в дальнейшем не будет соблюдаться. Также подчеркивалось кризисное положение в двух уездах области — в Аулие-Ата и в Черняевском, где посевная прошла не в полном объеме из-за конфликтов между русскими колонистами и казахскими кочевниками, начавшихся с восстанием 1916 года⁷⁴⁶.

Исключая Семиречье, Сырдарьинская область имела максимальное число русского населения, которое было сосредоточено в уездах Аулие-Ата и в Черняевском, а также в Ташкенте⁷⁴⁷.

Съезд озаботился исключительно поставками в эту область, единственную, в которой дефицит зерна был признан, а из нее уже планировалось направлять зерно в другие города края. Среди прочего на съезде сообщалось, что численность городского населения в совокупности достигла полумиллиона человек⁷⁴⁸. Цифра была приблизительной, но было точно известно, что в Ташкенте проживало 260 тысяч человек, почти треть из которых заселяли европейские кварталы. Все согласились, что именно столица в первую очередь нуждается в массивованных поставках продовольствия.

Часть поставок зерна в Сырдарьинскую область надлежало обеспечить Самаркандскому уезду. Излишки в этом уезде были оценены без учета совокупной потребности всех уездов, составляющих Самаркандскую область, и никто не задался вопросом, что происходит в других уездах — есть ли там излишки или, напротив, люди голодают. Все в достаточной степени представляли себе положение мусульман в Джизакском уезде. По прошествии года было признано, что в этом уезде зимой 1917–1918 годов население «мерло как мухи», «никто не собирал трупы, которые лежали на каждом шагу, объединенные собаками и шакалами»⁷⁴⁹.

Надежды на поставки зерна были обращены в первую очередь на Фергану. Оценки урожая в этой области, населенной практически только мусульманами, были очень неточными. Согласно одному из сообщений на съезде, только в Андижанском уезде излишки зерна со-

ставляли 89 миллионов пудов⁷⁵⁰. Были и другие оценки – например, кто-то из делегатов назвал цифру в 68 миллионов пудов излишков во всей области. Последняя оценка выглядела реалистичней, она строилась на следующих расчетах: 300 000 десятин хлопковых земель было переведено под зерновые; при урожайности 60 пудов на десятину выходило, что Фергана может производить на 18 миллионов пудов зерна больше, чем раньше; учитывая, что до войны Фергана импортировала 12 миллионов пудов в год, получался излишек в 6 миллионов (докладчик называл 6 или 8 миллионов)⁷⁵¹. Но на самом деле исходные цифры расчетов были неверны: площадь земли, засеиваемой хлопком, действительно сократилась (с 336 525 десятин в 1915 году до 42 900 десятин в 1918-м), но из-за нехватки зерна и кредитов для его закупки большая часть этих земель была заброшена и не возделывалась.

Таковы были цифры, приведенные на съезде снабженцев в июле 1918 года. В феврале 1919-го «Наша газета», издание Советов, представила другие расчеты засеянной в 1918 году площади и подсчитала урожай, исходя из неизменности производительности на десятину по сравнению с довоенным периодом (этот подход сам по себе приводил к раздуванию цифры, поскольку всем было известно о резком падении урожайности). В результате оказалось, что в Сырдарьинской области имеется дефицит в 4 365 000 пудов, Самаркандская область также в дефиците – 511 600 пудов, а в Фергане профицит – 5 490 800 пудов. В дефиците же оказывался Закаспий (эта область, населенная в основном кочевыми племенами, до сих пор не бралась в расчет снабженческими органами, поскольку находилась фактически вне советского контроля) – на 2 492 000 пудов, в профиците Семиречье – 11 158 300 пудов⁷⁵². Полученная картина заметно корректировала оценки июля 1918-го: теперь выяснялось, что потребность Сырдарьинской области ниже предполагаемой, из Самарканда зерно нельзя вывозить, а надо ввозить, а ферганские излишки ниже прогнозируемых. С другой стороны, обнаружили крупные излишки зерна в Семиречье, где год назад наблюдался отчаянный дефицит.

Рассмотрим теперь данные по запаханной под зерно земле в 1918 году, содержащиеся в этом источнике (колонка 1) и в других, последующих (колонка 2 – данные июня 1919, колонка 3 – данные 1921 года), сравнив их с соответствующими данными за прошедшие годы. Из этих данных видно, что информация по зерновой вспашке (а следовательно, и по урожаю), предоставленная в феврале 19-го «Нашей газетой» (колонка 1) и оказавшаяся более пессимистичной, нежели информация июля 18-го, была опровергнута значительно более низкими цифрами, опубликованными позже (колонки 2 и 3). Мы полагаем, что данные июня 1919-го (колонка 2) более достоверны, но корректнее сказать «менее недостоверны», поскольку опубликованы

*Земля под зерновыми культурами (десятины)*⁷⁵³

Область	1915	1917	1918		
			(1)	(2)	(3)
Сырдарьинская	768 539	562 558	757 175	260 000	—
Самаркандская	614 927	597 085	561 824	170 000	—
Ферганская	530 366	368 862	817 519	462 000	—
Закаспийская	106 860	90 419	124 761	84 000	—
Семиреченская	512 018	339 159	575 317	—	—
Итого:	2 532 710	1 958 083	2 836 596	—	1 300 000

после того, как работа снабженцев была реорганизована под руководством Рыскулова, лидера мусульманских коммунистов, а также потому, что данные февраля 19-го предлагают картину, опровергаемую всей прочей, неколичественной информацией того времени.

Колонка 3 приводит цифру 21-го года, которая, в сочетании с данными колонки 2, давала бы площадь пахотных земель в Семиречье в 1918 году в 324 000 десятин, с легким падением относительно предыдущего года. Таким образом, доверившись цифрам колонок 2 и 3, мы сделаем вывод, что в 1918 году площадь запаханной под зерно земли была суммарно более чем в два раза ниже, чем та, о которой говорилось на съезде снабженцев в июле 18-го. Фергана, объявленная богатой излишками, оказалась еще беднее зерном, чем до войны, когда была основной дотируемой областью края.

Это сравнение данных приводит нас к выводу, что оптимизм 1918 года не имел под собой оснований, а организация снабжения базировалась на искаженных данных. Причина искажений заключалась в том, что данные, далекие от объективного описания ситуации, были результатом компромисса, отражающего расклад отношений между правительством и местными органами снабжения. Июльский съезд, на котором были представлены области, сплошь населенные мусульманами, но не была представлена главная русская область — Семиреченская, ставил основной целью выяснение возможностей получить зерно для Сырдарьинской области. На съезде мусульмане Самарканда и Ферганы подтвердили наличие излишков зерна (на самом деле их не было), чтобы повесить свой вес в переговорах с Ташкентом. Самарканд восстал против советской власти и был затем завоеван Красной армией; Фергана была открыто враждебной областью. Правительство чутко прислушивалось к требованиям русской общины Сырдарьинской области, столицей которой был Ташкент, но его тревожило и то, что кризис в мусульманском обществе принимает неконтролируемые масштабы, опасные в том числе и для русских, и для стабильности режима. Область, явным образом самая бедная (судя по докладам на съезде), была самой силь-

ной и обладала самым большим переговорным весом. И в самом деле, нужды Сырдарьинской области были признаны, нужды остальных двух областей проигнорированы. Хотя этот «контракт» не обошелся русским даром — им пришлось принять предложенный мусульманами способ изъятия этих излишков.

Противоречивость данных о положении в Семиречье имеет аналогичное объяснение. В первом докладе, указывающем на огромный дефицит, содержался явный сигнал: у области нет излишков для других. Но затем советская власть упрочила свое положение и выступила против казаков, составляющих богатую часть иммигрантского земледельческого населения. Тогда Советы обнаружили наличие излишков, которые были интерпретированы как зерно, припрятанное враждебными казаками.

Неоднозначность данных 1918 года отражает, таким образом, борьбу за контроль за ресурсами. Объективная картина кризиса, теоретически измеряемого в пудах зерна, смазывалась — теперь важнее было не знать, сколько есть зерна, а найти способ обеспечить его в необходимом количестве.

Земля и вода

8 ноября, сразу после государственного переворота и перед созданием туркестанского Совнаркома, газета Советов опубликовала декрет о земле, только что принятый на Втором всероссийском съезде Советов⁷⁵⁴. Вскоре был создан Совнарком, и население проинформировали о том, что все декреты центрального правительства распространяются на Туркестан⁷⁵⁵. В декабре Совнарком объявил отмену частной собственности, создание комитетов и запрет на куплю-продажу земли⁷⁵⁶. Начиная с этого момента те, кто сдавал землю в аренду, сигнализировали о наличии земельных излишков, которые могли подвергнуться конфискации. Эти меры переиначивали весь комплекс аграрных отношений, ставя целью переход к новому порядку, где главную роль играли крестьянские комитеты.

Земельно-водные комитеты должны были формироваться на уровне волостей посредством общего, прямого, равного и тайного голосования — как среди русских, так и среди мусульман. Местным Советам надлежало организовать выборы и принять необходимые меры для создания собственных земельных комиссий в местах, где выборы не могли пройти до зимнего сева во второй половине февраля. Комитеты должны были взять под контроль все необрабатываемые земли собственников, а также постройки, сельскохозяйственную технику и скот⁷⁵⁷. Оставляя собственникам землю, которую те могли обрабатывать без найма работников, комитетам предстояло перераспределить земельные излишки⁷⁵⁸. Крестьяне получали свою землю на год, затем предусматривалось обобществление земли, кри-

терии которого еще не были на тот момент определены⁷⁵⁹. Комитеты формально становились «хозяевами земли», как было сказано в циркуляре комиссара по сельскому хозяйству эсера Чегодаева⁷⁶⁰. Эгалитарное распределение земли, твердила пропаганда, позволит крестьянам воспользоваться прямыми плодами своего труда, а освобождение от налогов на собственность спасет их от угрозы голода⁷⁶¹.

Поддержка Совнаркомом земельного обобществления была с удовлетворением принята съездом русских крестьян, состоявшимся в начале 1918 года. Крестьянские делегаты высказались за создание комитетов, подтвердили их статус государственных органов, имеющих полномочия перераспределять земли⁷⁶². Для крестьян было крайне важно признание их права на самоорганизацию и на распределение земли на местном уровне, по сути, они хотели признания самостоятельности сельских общин.

Невмешательство правительства и развитие крестьянской инициативы привели в первую очередь к усугублению конфликта с мусульманами, в частности к экспроприациям и насилию в отношении кочевников. Кроме того, и это особенно тревожило правительство, русские общины воспользовались правом самоуправления в том числе и для защиты своих продовольственных запасов от требований, исходящих из городов.

Покинем на время русских и сфокусируемся на том, как меры по обобществлению земли были приняты мусульманами. Следы этого находим уже в заявлениях двух первых комиссаров по сельскому хозяйству. Чегодаев, подтвердив, что мусульмане имеют право на участие в комитетах, все-таки высказал сомнение, поскольку «все мусульманские организации очень далеки от них»⁷⁶³. Гудович сообщал, что формирование комитетов наталкивается на сильное сопротивление со стороны местного населения. Мусульмане не только бойкотировали выборы, но в некоторых местах пытались даже оказать вооруженное сопротивление правительственным чиновникам, посланным для пропаганды комитетов⁷⁶⁴. За этими первыми неудачами последовали и другие — когда комиссариат сельского хозяйства попытался удвоить усилия в мусульманской сельской местности и послал своих агентов по кишлакам для конфискации и перераспределения земли баев. Тогда было решено проводить реформу даже в случае отсутствия земельных комитетов. Однако жители кишлаков были солидарны, что делало бесполезным русское вмешательство: как только посланцы комиссариата покидали деревни, бедные крестьяне возвращали приписанные им поля владельцам⁷⁶⁵.

Запрет на куплю-продажу и аренду земли также встретил несогласие: мусульмане обходили этот запрет, заключая сделки у шариатских судей (казиев), а не у русских нотариусов. Казии, прежде имевшие право на заключение сделок только среди мусульман и на сумму не

больше 300 рублей, теперь занимались сделками между мусульманами и русскими и на очень большие суммы⁷⁶⁶. Чтобы обойти реформу, баи заключали фиктивные договора с зависимыми от них крестьянами и прятали свой скот в укромных частях края или на территории Бухары⁷⁶⁷.

Уже в январе 1918 года IV съезд Советов обсудил проблему казиев и баев, уклоняющихся от исполнения земельного декрета, и пригрозил им «военно-революционным трибуналом»⁷⁶⁸. Летом того же года Совнарком выпустил декрет, который отменял исламские суды⁷⁶⁹. Революционный закон вступал в силу, тем самым, и в исламском обществе: поля, сданные в аренду и, очевидно, принадлежавшие тем, кто имел земли больше, чем мог обрабатывать, подлежали конфискации. Закон закреплял право перераспределения исключительно за крестьянскими комитетами, а поскольку последние существовали только в русских поселениях, и перераспределение касалось только русских. Конфискация, однако, распространялась и на земли, взятые колонистами в аренду у мусульман: арендаторы таким образом легально захватывали землю.

Революционная политика захвата земли у мусульман получила продолжение в национализации земель богатых собственников и, особенно, владений вакф, то есть земель, находящихся в неотчуждаемой собственности мусульманских религиозных, образовательных и благотворительных организаций⁷⁷⁰. Эти земли не только обеспечивали богатство исламской церкви, но были также источником существования для мусульманских крестьян, их обрабатывающих. По оценке революционеров, речь шла о 8–10% всей пахотной земли Туркестана⁷⁷¹.

Еще одна мера, наносящая ущерб интересам мусульман, касалась хлопковой экономики. В феврале декретом Совнаркома было установлено, что «весь хлопок Туркестанского края, в какой бы форме и где бы он ни был, подлежит немедленной конфискации и становится собственностью рабоче-крестьянского правительства края <...> В случае сопротивления со стороны владельцев следует принимать меры вплоть до расстрела на месте»⁷⁷². Шмидт, комиссар по хлопку, всячески подчеркивал революционный характер этого декрета и придавал ему чрезвычайное значение, не уступающее по важности декрету об обобществлении земли⁷⁷³. И в самом деле, русские преисполнились энтузиазма и, еще прежде чем декрет был окончательно принят, начали экспроприировать у мусульман единственный оставшийся у них ресурс, который мог обмениваться на зерно⁷⁷⁴.

Вслед за этим были национализированы основные коммерческие предприятия, а также фабрики по переработке хлопка (занимающиеся хлопкоочисткой, прессовкой и упаковкой сырца, а также производящие масло и мыло из хлопковых семян). Практическое исполнение декрета возлагалось на Союзхлопмасмыл — профсоюз этого сек-

тора промышленности, активисты которого были почти исключительно европейского происхождения⁷⁷⁵.

Совнарком вмешался также в распределение кредитов и продажу посевного материала мусульманским крестьянам, установив таким образом прямой контроль над всей их экономикой. Эта мера имела негативные последствия, и не только потому, что ожидаемо вызвала сокращение поставок хлопковых семян, но и потому, что это сокращение не сопровождалось ростом поставок посевного зерна, которое уже играло более важную роль, чем хлопок. Тем не менее Совнарком уверенно отрицал ущерб, нанесенный местной экономике, и заверял Москву, что крестьяне получили столько же посевного материала, сколько в прошлом году⁷⁷⁶. Центральное правительство было остро заинтересовано в получении туркестанского хлопка. В те несколько месяцев, что Оренбург находился под советским контролем, Москва финансировала расширение ирригации в хлопковой зоне, из Ташкента отправились грузы хлопка в Россию⁷⁷⁷. Политика защиты хлопкового производства продолжалась и в дальнейшем, когда Оренбург вновь перешел под контроль Дутова. В октябре IV съезд Советов еще раз высказался за усиление производства хлопка⁷⁷⁸. Несмотря на продовольственный кризис и блокаду Оренбурга Москва и русские власти Ташкента продолжали стимулировать производство хлопка, однако зерно в объеме, достаточном для пропитания крестьян, не поставляли. Мусульмане, доведенные до отчаяния голодом, бросали работу на хлопковых полях; урожай в 1918 году, несмотря на все ожидания русских, сократился до $\frac{1}{5}$ от полученного в предыдущем году⁷⁷⁹.

До сих пор мы рассматривали отношения с крестьянами, почти забыв о не менее серьезной проблеме — поставках зерна для городского населения и для голодающих жителей деревни. Вернемся же к этому вопросу.

Продовольственная политика

Несмотря на необходимость срочно организовать поставки зерна в город, в первые месяцы своего существования Совнарком действовал весьма осторожно, озабоченный тем, чтобы не разрушить достигнутого консенсуса с русским крестьянством по декрету о земле.

В январе 1918 года в Ташкенте состоялся съезд русских крестьян. В принятых съездом резолюциях высказывалось удовлетворение декретом о земле, готовность участвовать в организации снабжения, но также ставились жесткие рамки изъятию зерна в деревне. Заявлялось, что реквизировать следует промышленные и ремесленные товары (то есть производимые городом), но ни в коем случае это не должно распространяться на продукты первой необходимости, про-

изведенные деревней. В одной из резолюций говорилось: «Предыдущие опыты по реквизиции давали весьма печальные результаты, являлись лишь источником крупных злоупотреблений со стороны безответственных лиц и вызывали взаимную ненависть населения». Крестьяне потребовали отмены реквизиций сельскохозяйственной продукции по всему краю и призвали власти организовать продовольственную помощь, в том числе и мусульманам⁷⁸⁰.

Единственный способ не вызвать «ненависть» крестьян состоял, таким образом, в поддержании рыночных отношений между городом и деревней. Колонисты, разумеется, понимали, что часть населения, не имеющая ничего, что можно предложить в обмен на зерно, останется без хлеба, и потому требовали от государства заняться бедными, в том числе и мусульманами. На съезде снабженцев, проходившем в те же дни, кто-то поставил проблему прямо: «Бедное население Туркестана страдает от голода — как от нехватки зерна, так и от отсутствия средств на его приобретение», но из этого не было сделано верных выводов, об организации помощи не договорились⁷⁸¹. В дальнейшем квадратура круга разрешилась — сам факт голода среди мусульманского населения Самарканда и Ферганы просто стали отрицать.

Организация снабжения требовала прежде всего сбора заслуживающей доверия информации о размерах кризиса в различных зонах и среди разных социальных групп (а этой информации категорически не хватало, как мы уже видели) и, соответственно, определения стратегии вмешательства (кому в первую очередь выделять зерно, у кого его изымать). Но один принципиальный вопрос организационного характера имел первостепенную важность — определение того, кто будет оценивать ситуацию и определять критерии и цели перераспределения зерна.

К началу 1918 года организационные вопросы были (хотя бы на время) решены. Местные снабженческие органы должны были обеспечить доставку предполагаемых зерновых излишков в город. Затем на управу ложилось установление шкалы приоритетов в распределении собранного зерна. Однако, поскольку политическая ситуация в деревне была шаткой, там оказывали сильное сопротивление советской власти, царил административный хаос, правительство предпочло предоставить снабжению самоорганизоваться. Чрезмерное вмешательство центра и в самом деле могло заставить крестьян видеть его руку за каждым отъемом излишков, в то время как было необходимо, наоборот, максимально широко задействовать их (и в особенности мусульман) в выявлении зерна для города. Делегаты съезда сумели занять нейтральную позицию, оставшись в стороне от политических трений и не приняв ничью сторону «с аполитичностью Красного Креста». Тем не менее было очевидно, что только сильное государство и политическая воля могут реализовать перераспреде-

ние зерна, и делегаты объясняли свои неудачи «отсутствием власти вообще и власти продовольственной в частности»⁷⁸².

Ситуация приближалась к полной анархии: областные и уездные продовольственные комитеты не только не сотрудничали с краевой управой, но саботировали ее. На местном уровне сказывалось сильнейшее сопротивление изъятиям зерна, а комитеты, когда могли, захватывали грузы, направлявшиеся в управу. Съезд, подстрегаемый правительством, попытался решить эту проблему, придав больше контрольных функций управе.

Затем Совнарком постарался претворить это решение в жизнь и навести дисциплину в местных структурах, но анархия не уменьшалась⁷⁸³.

Хаос в зерновой политике вынудил правительство провести более глубокую реструктуризацию работы. Весь механизм принятия решений был переориентирован на централизацию и политический контроль: комитеты были, таким образом, трансформированы во внутренние отделы местных Советов (как мы увидим в дальнейшем, аналогичные меры были приняты в отношении земельных комитетов), а любое действие, касающееся сбора зерна, должно было утверждаться управой⁷⁸⁴. Вслед за этим был установлен контроль за транспортировкой продуктов питания, в том числе и частной⁷⁸⁵.

Однако проблема между тем оставалась далеко не решенной, так как и местные Советы оказались весьма слабым инструментом централизованного контроля. Декрет, отменивший институт политических комиссаров как полномочных представителей центральной власти, привлекал население (в том числе и мусульманское) к формированию Советов, которые должны были координировать свои действия с высшей властью, сохраняя при этом полную самостоятельность в местных делах⁷⁸⁶. Традиционные механизмы общинного самоуправления стали, таким образом, выражаться посредством Советов, то есть в форме, признанной революционной властью. В русских деревнях Туркестана Советы усиливали власть, принимая на себя управление снабжением, но и сохраняя одновременно роль инструмента защиты местных интересов, в том числе и от вмешательств сверху.

Несмотря на растущее стремление правительства и местных Советов наладить контроль, только часть зерновых излишков, по всей вероятности очень небольшая, проходила через снабженческие структуры. В условиях крестьянского сопротивления реквизициям и правительственным посланцам, контролирующим сбор урожая и препятствующим сокрытию зерна, было решено в целом оставить зерновой рынок свободным. Снабженческие структуры тем самым должны были действовать на рынке, а не замещать его административным перераспределением, должны были предлагать товары в обмен на зерно.

Реализация товарообмена предусматривала наличие востребованных крестьянами товаров (мануфактура, сахар, соль и т.п.), которые могли быть выведены с городского рынка. Но продолжать практику силовых изъятий в городе было невозможно: это вызывало протест коммерсантов и парализовывало городской рынок. В феврале продовольственная управа приняла решение о полной отмене реквизиций в городе и о сборе средств на закупку товаров для обмена на зерно⁷⁸⁷.

Но поскольку денег не хватало, продолжалась старая политика. В городах комитеты имели право приобретать мануфактуру и прочие товары потребления по твердым ценам, а затем перепродавать их или обменивать на зерно. Даже мусульмане попадали под эту вынужденную продажу, хотя и не входили в систему перераспределения зерна⁷⁸⁸.

Несмотря на стремительное ухудшение ситуации и отсутствие внешней помощи, Совнарком предпочитал не вносить резких изменений в зерновую политику и не принимать жестких мер, которые оказались бы непопулярны среди колонистов. Таким образом, было решено не следовать примеру России, где государственная монополия на зерно была закреплена декретом, а конфискация зерна у крестьян постоянно росла; съезд снабженческих структур края высказался в пользу товарообмена. Тем не менее для крестьян была установлена обязательная норма продажи государству части урожая, пропорциональная размерам их наделов. Объем обязательных продаж не был завышен, он составлял около 4% от всего урожая и вряд ли мог удовлетворить спрос со стороны нуждающегося населения. В октябре продовольственный комиссар Казаков докладывал, что обязательные продажи позволили государству получить не более 3 миллионов пудов зерна, а зерна и товаров для обмена по-прежнему не хватает. Чтобы снабдить зерном только городское население края, нужно было 5 миллионов пудов; чтобы удовлетворить нужды всего голодающего населения — нужно было 12,5 миллиона пудов⁷⁸⁹. Расчеты могли сойтись только в одном случае: если предполагалось снабжать зерном только городское русское население и совсем немного деревню, полностью исключая мусульман.

Возможные излишки зерна, за исключением полученных путем товарообмена и путем обязательной продажи, могли быть проданы на свободном рынке. Чтобы объяснить, как это было на самом деле, возьмем для примера базар деревни Канибадан в Ферганской области. В базарный день там собиралось около 10 000 мешочников, то есть спекулянтов, которые прибывали из Ташкента и из других районов Сырдарьинской области и покупали, по тогдашней оценке, около 2500 пудов зерна⁷⁹⁰. Это огромное количество. Возможно, делегат, сообщивший об этом факте на съезде снабженцев, преувеличил его для пушного эффекта. Оставив за скобками точность цифры,

констатируем, что бóльшая покупательная способность населения других районов и спекуляция, безусловно, в значительной степени усугубляли нехватку зерна у бедного мусульманского населения Ферганы.

Деятельность мешочников была незаконной, поскольку декрет запрещал вывоз зерна за пределы уездов без специального разрешения областного Совета, но ни один декрет не мог остановить спекуляцию. Тогда было решено ограничить покупки на свободном рынке по всему краю (покупатели должны были приобретать зерно только для собственного потребления и не превышать установленную норму в 10 пудов в год), но представляется маловероятным, что этот запрет соблюдался⁷⁹¹.

В то время как русские деревни края сопротивлялись изъятиям зерна, мусульманское население приближалось к порогу голода. В Фергане, где перед войной спрос на 50% удовлетворялся зерном из других областей, снабжение уменьшалось от месяца к месяцу и в конце концов свелось к помощи только русскому городскому населению⁷⁹². Те, у кого были излишки, предпочитали продавать их на черном рынке.

Диктатура города

В краю все ясней проявлялся контраст между тенденцией к централизации контроля и защите интересов города и тенденцией сохранения местной власти русских крестьян. Этот контраст воплощали на политической сцене две партии, на которых держалась власть Совнаркома, — большевики и эсеры. Большевики входили в правительство края с самого начала, но формально образовали партию только в июне 1918 года, по указанию и под давлением центра. Руководил этим Кобозев, политический комиссар Москвы. На Первом съезде большевиков среди прочего утверждалось, что крестьяне-середняки были лишь временными попутчиками революции, которые с неизбежностью станут классовыми врагами⁷⁹³. Это обозначило начало поворота к более жесткой централизации власти и отказу от политики компромисса с крестьянством. 27 июля на объединенном заседании исполкома туркестанского Совета и Совнаркома большевики провели решение об образовании комитетов бедноты (комбедов) в русских и мусульманских деревнях⁷⁹⁴. Два дня спустя Центральный комитет партии объявил о серьезных «ошибках», допущенных при исполнении декрета о земле. Говорилось, что правительство встало на сторону колонистов и не возглавило классовую борьбу в деревне. В целях реализации политики поддержки бедных крестьян большевики предприняли в первую очередь чистку комиссариата сельского хозяйства (оплот эсеров) и всех подчиненных ему структур, включая структуры местного уровня⁷⁹⁵. Уже в апреле земельные

комитеты, так же как и продкомитеты, были преобразованы в сельхозотделы местных Советов⁷⁹⁶. Эти преобразования, как уже говорилось выше, не укрепили власть Совнаркома: колонисты, войдя в Советы, привнесли туда анархию, а не субординацию. Летом многие земельные комитеты были распущены как состоящие из «эксплуаторов»; оставшиеся были поглощены Советами или образованы напрямую Советами как отделы, ведающие землей и водными ресурсами⁷⁹⁷. Таким образом был положен конец крестьянскому самоуправлению и принципу избирательности (комитеты, хотя бы в теории, все-таки избирались), утвердился примат центральной власти.

Одновременно с этим все более агрессивными становились методы изъятия зерна. Диктатура распространялась от города к деревне. Чтобы обеспечить обязательную передачу части урожая, Совнарком распустил продовольственные отделы при местных Советах и преобразовал управу в директорию, которой придал право посылать по деревням собственных полномочных «эмиссаров». Продовольствие тем самым полностью выходило из-под контроля структур местного управления, а города и армия, напротив, рассылали по деревням собственные продовольственные отряды для изъятия зерна⁷⁹⁸. На местах продотряды получали от комбедов необходимую для реквизиции информацию. Комбеды, по сути, становились инструментом реквизиционной политики, и было решено, что в обмен на сотрудничество они получают право удерживать часть из отобранного силой зерна⁷⁹⁹. По замыслу, это должно было разделить крестьян, но на деле особого успеха не принесло. Продотряды, прибывающие издалека и недоверчиво относившиеся к информации местных Советов, обирали крестьян без разбора, не очень-то интересуясь их запасами.

Власть стремилась обеспечить хлебом города и в основном русских солдат, которые были заняты борьбой с контрреволюцией. Но она скомпрометировала себя этими конфискациями зерна. Стремлению к централизации горожане и русские крестьяне противопоставляли свою власть на местах: внешне это выглядело как защита демократии снизу, по сути же было нежеланием отдавать свое зерно. Диктатура, осуществляемая русским меньшинством, оказавшимся у власти, была бессильна перед сопротивлением крестьян, также включая и русских, которые бунтовали. Мусульмане были отстранены от власти (если не считать части Ферганской области, где действовало сопротивление басмачей), следовательно, они были отстранены от зерна.

Недовольство росло и в городах. В Ташкенте проходили забастовки и демонстрации русских рабочих, протестующих против кризиса и политической диктатуры, требующих начать переговоры с оренбургскими казаками, чтобы вывести Туркестан из изоляции⁸⁰⁰. Запасы зерна истощались, на городских базарах цены росли более чем на 15% в месяц⁸⁰¹. Правительство тем не менее не принимало

требований бастующих, а, напротив, объявило «красный классовый террор»⁸⁰². Диктатура русских превратилась в партийную диктатуру, устанавливаемую большевиками, а через них — центральной московской властью. Неустойчивый баланс между недовольством и террором, установившийся в русской среде, делал, однако, неустойчивой и саму диктатуру.

Последствия этой борьбы за власть и за зерно были катастрофичны для мусульман. В ноябре 1918 года сокращение населения во многих уездах по причине голода и эпидемий оценивалось в 25–50%, а скота осталась десятая часть⁸⁰³. В число голодающих, то есть нуждающихся в незамедлительной помощи, было внесено 384 000 человек, из которых 26 000 в Ташкенте, но из них только 20 000 получили какое-то продовольствие от государства⁸⁰⁴.

Довольно скоро станет ясно, что масштабы голода и, соответственно, требующейся помощи значительно больше, но об этом ниже. А сейчас остановимся подробнее на внутренних конфликтах в иммигрантском сообществе и отстранении мусульман от пищевых ресурсов. Для этого нужно покинуть Ташкент, нашим полем наблюдения станут зоны массового поселения казаков и колонистов: уезды Аулие-Ата и Черняевский, к северу от Ташкента, а также Семиреченская область. В этих районах, населенных в основном кочевниками — казаками и киргизами, мы обнаружим 85% крестьянского населения, иммигрировавшего в Туркестан. Речь идет о русских и украинцах, которые, как мы уже знаем, селились в разные времена и в разных обстоятельствах на плодородных землях этого региона.

Аулие-Ата и Черняев, 1918 год. Зерно раздора

В Аулие-Ата наблюдалась такая же нехватка зерна, что и в Ташкенте. Для борьбы с этим поздней весной 1917-го был образован уездный продкомитет, который установил розничные цены для торговли на городских рынках. Цена на зерно, в марте составлявшая 5 рублей за пуд, а в мае — 25, была искусственно снижена до 6 рублей. Как и следовало ожидать, крестьяне отреагировали на эту меру отказом продавать зерно по официальным каналам, в то время как черный рынок, напротив, развивался, и цены там были неизмеримо выше. Первая попытка контроля за рынком, таким образом, провалилась, и власти оказались вынуждены сократить паек русских горожан с 600 до 300 граммов в день. Инфляция на черном рынке и скудость рациона провоцировали протесты русских, которые вышли на улицы с манифестациями, требуя от властей реквизировать запасы у богатых купцов. Совет подчинился требованиям и предпринял обыски с целью выявления запасов зерна на городских складах, но предполагаемых запасов найдено не было. Чтобы снизить спрос на зерно, мусульманскому населению предложили самостоятельно

изыскивать провизию во внутренних резервах и исключили его из системы снабжения. Но выхода из кризиса не было, если не поступит помощь извне. В противном случае, по мнению продкомитета, ожидалась жестокие конфликты и погромы, направленные против мусульманских купцов⁸⁰⁵. Помощь не появилась и после октября 17-го, кризис развился.

В январе 1918 года краевой продовольственный комитет получил информацию, что в уездных деревнях попадаются трупы казахов, умерших от голода и холода, что голод подбирается к городу⁸⁰⁶. Чтобы остановить катастрофу, власти Аулие-Ата обратились к богатым горожанам, предлагая им добровольно пожертвовать деньги на помощь голодающим, но никто на этот призыв не откликнулся. Городские власти смогли организовать на короткий период продовольственный пункт для голодающих, но денег было очень мало и уже в апреле помощь прекратилась. Ситуация тем временем становилась все более драматичной: в окрестностях города в одном только апреле от голода умерли 26 000 казахов⁸⁰⁷. В самом городе в марте умирало 50 человек в день⁸⁰⁸. Из Ташкента вместо помощи приходили запросы на продукты питания и фураж для Красной армии, что вынуждало Совет Аулие-Ата повышать объемы изъятий в деревнях. Зерно и фураж собирались, но, к большому неудовольствию Ташкента, значительная их часть оказывалась на черном рынке⁸⁰⁹. Эта коррупция наносила главным образом удар по казахам. Они не только отдавали фураж, необходимый им самим, но и полностью исключались из зернового распределения. Казахи, живущие по соседству с русскими деревнями и работающие на колонистов — на их земле, с их скотом, получили обещание продовольственной поддержки. На эту помощь были ассигнованы средства, но в результате ничего не пришло, так как кто-то, вероятно из русских, перехватил зерно в пути. Осенью 1918 года треть казахов, работавших на русских, умерли от недоедания⁸¹⁰. Казахи, которые оставались в своих аулах, занимаясь скотоводством и частично возделыванием земли, находились не в лучших условиях. Помимо голода они подвергались постоянным вооруженным набегам со стороны колонистов. Русские часто обвиняли их, неизвестно насколько обоснованно, в краже скота и, возлагая ответственность на целые аулы, под этим предлогом проводили жестокие акции «возмездия»⁸¹¹.

Мало чем отличалась ситуация в Черняеве. Недостаточное производство зерна в уезде поставило город в зависимость от поставок из соседней Акмолинской области (входившей в состав Степного края). Летом 1917 года поставки зерна, однако, оказались ниже всяких ожиданий, поскольку кризис вынудил акмолинский продкомитет резко снизить отгрузки, чтобы поддержать объемы собственного потребления. В сентябре в Черняеве начался голод⁸¹². В русских деревнях уезда многие колонисты последних волн иммиграции, оказавши-

еся в тяжелой ситуации из-за плохого урожая, бросали землю и пускались в обратную дорогу — в европейскую часть России⁸¹³.

Ситуация не стала лучше и в 1918-м. В марте городские власти провели реквизиции в окрестных деревнях и установили систему пайков как для городского населения, так и для деревенского. Черняевские эмиссары не встретили, конечно, понимания со стороны крестьян: те, у кого были зерновые излишки, предпочитали их спрятать, чем передать по цене, объявленной продкомитетом. Реквизиции и перераспределение зерна происходили бездумно, наиболее слабые слои населения не были защищены, у бедных колонистов отнимали зерно, необходимое им для посевной. В ответ на этот произвол крестьяне организовались, защищая местную власть и отказываясь признавать верховенство уездных правительственных структур. Анархия усугублялась присутствием отставных солдат, которые, возвратившись с оружием в свои деревни, стали нападать на кочевников, отнимая имевшееся у тех зерно⁸¹⁴. Примеру солдат последовали и другие крестьяне: под предлогом того, что кочевники крадут у них скот, они устраивали набеги на аулы⁸¹⁵. Поскольку политическая власть не могла обеспечить помощь голодающим, колонисты прибежали к единственному «доступному» им источнику провизии — к скудным запасам зерна, имевшимся в распоряжении кочевников.

Колонисты не поддерживали революционное правительство. Их стремление утвердить «власть на местах» диктовалась желанием откреститься от запросов о зерне, поступающих из Ташкента, предотвратить любое вмешательство в их жизнь. В ответ Совнарком решил больше не поддерживать крестьян.

Уже в январе 1918 года в Ташкенте сырдарьинский Совет и Совнарком выступили против резни, учиняемой колонистами. Сырдарьинский Совет высказался против расправ за кражу скота и обвинил в соучастии черняевский Совет, который установил принцип коллективной ответственности казахов⁸¹⁶. Совет Черняева был вынужден отдать приказ комиссарам в волости и деревнях положить конец насилию и заявил, что необходимо избегать этнических конфликтов, «последствия которых могут быть печальными, в интересах русского населения Туркестанского края и, в частности, Черняевского уезда»⁸¹⁷.

Учтя жалобы казахов, Совнарком приказал также и Совету Аулие-Ата обуздать колонистов. Местный Совет до тех пор не предпринимал никаких мер в этом отношении, ограничиваясь лишь передачей ташкентских приказов по поводу изъятия излишков зерна, находящихся у колонистов⁸¹⁸.

То, что Совнарком высказался против действий колонистов, было признаком политического сдвига в сторону укрепления правительственной власти над крестьянами и утверждения диктатуры города над деревней. В ответ на это колонисты в Дмитриевке, уездном

центре Аулие-Ата, открыто взбунтовались, заявив о непризнании советской власти. Правительство, заручившись поддержкой немногих большевиков в исполкоме Совета Аулие-Ата, отправило военные отряды для подавления бунта. Колонисты Дмитриевки оборонялись и продолжали бунтовать несколько месяцев, получая поддержку других деревень. Пока шли столкновения, колонисты назначили на середину августа съезд Советов уезда, который должен был бы придать политическую окраску мятежу и установить независимость местных Советов от Совнаркома. Солдаты, посланные Ташкентом, воспрепятствовали, однако, этим планам.

Совнарком ставил целью установление порядка, утверждение собственной власти среди колонистов, получение от них зерна, пресечение дальнейших мятежей и неконтролируемых конфликтов с кочевниками. Армейские части подавили мятежников в Дмитриевке, конфисковали их зерно и отправили его в Ташкент. Таким образом, зерно колонистов не использовали для распределения между казахами, не это было целью правительства, которое намеревалось играть роль защитника русских. Необходимость возврата к порядку подразумевала, однако, и принятие мер в отношении голодающих казахов. Поэтому Совет Аулие-Ата признал, что нужно обеспечить им помощь, но постановил — собирать необходимые фонды среди городских «капиталистов», то есть посредством налогов на коммерцию, которые в основном легли бы на мусульманских купцов. Кроме того были затребованы средства из Ташкента для организации пунктов питания для казахов. Одновременно милиции надлежало выдворить всех голодающих мусульман из города обратно в аулы, откуда они сбежали, преследуемые голодом. Продовольственные пункты должны были способствовать этому возвращению, а также поддерживать тех казахов, которые не получали помощи от собственных племен. Главным было спасти город от наплыва голодающих⁸¹⁹. В этой конфликтной ситуации, требовавшей оперативных решений, на одной из ответственных должностей действовал Турар Рыскулов, лидер мусульман-коммунистов, уже упоминавшийся ранее.

Очевидным образом невозможно было переложить на русских бремя ответственности за помощь казахам. Перераспределение зерна могло происходить только через Советы, но те их них, что находились под контролем Совнаркома, занимались главным образом снабжением Ташкента, те же, что подчинялись местной логике, становились рупором колонистов. Несмотря на подавление мятежа, ситуация несколько не изменилась.

К концу 1918 года в уезде Аулие-Ата исчезли целые аулы, и даже часть русского сельского населения находилась перед угрозой голодания. Продовольственная помощь резко сокращалась, потому что выделенные на это фонды были недостаточны и оказывались в нечистых руках⁸²⁰.

Переместим же наконец наше внимание на область, традиционно наиболее богатую зерном, — на Семиречье.

Казаки — гаранты порядка в Семиречье

Казаки отреагировали на государственный переворот в Ташкенте, попытавшись отделить судьбу своей области от остального Туркестана. В этих планах у них были союзники в мусульманских политических организациях, опасавшихся, что вакуум власти вновь вызовет вспышку насилия против кочевников. Войсковой Совет семиреченского казачьего войска и киргизский Совет, опиравшийся на Алаш-Орду, уже в ноябре 1917 года решили образовать автономное правительство, в противовес революционному правительству Ташкента. Шкапский и Иванов, комиссары Временного правительства в Семиречье, поддержали эту инициативу, гарантируя политическую преемственность с предыдущим правительством. Третий комиссар области, Тынышпаев, член Алаш-Орды, в эти самые дни вступал в должность председателя мусульманского правительства в Коканде (о чем ниже). Их выраженная позиция против революционной диктатуры вскоре нашла важную параллель в выборах в Учредительное собрание. Выборы прошли по всем правилам (хотя в областях, контролируемых революционерами, они были отменены) и закончились победой альянса казаков и Алаш-Орды⁸²¹.

Вооруженное крыло казачьего общества было инструментом на страже порядка и законности. В согласии с организациями, представлявшими мусульман, в январе 1918 года казаки сформировали Комитет спасения и безопасности области, с задачей подавления любых «хулиганских большевистских выступлений», подразумевая под ними прежде всего насилие в отношении кочевников⁸²². Между тем акции против кочевников продолжались, их инициаторами были оставшие солдаты, возвращавшиеся из Ташкента с оружием в руках на свои земли в Семиречье⁸²³.

Солдаты хотели отомстить киргизам за ущерб, понесенный в 1916 году, многие из них поддерживали ташкентских революционеров и были готовы устанавливать советскую власть в Семиречье. Их число было значительным, в 1917 году в армию рекрутировали около половины работоспособных мужчин Семиречья, а сейчас они все вышли в запас⁸²⁴.

Революция распространялась по Семиречью сначала посредством этих демобилизованных солдат, затем прибывшими из Ташкента военными частями. Переход власти к Советам находил поддержку среди колонистов, в особенности среди тех, кто приехал недавно и, проживая в городках или станицах, ожидал своего надела земли. В январе советская власть установилась в Пишпекке, первом крупном населенном пункте Семиречья на дороге в Ташкент, затем в других

пунктах поменьше и, наконец, в начале марта в Верном, областном центре. Казаки соседних станиц организовали вооруженное сопротивление, но в мае были разбиты местными революционерами и частями Красной армии, прибывшими из Ташкента. Казацкое сопротивление, однако, продолжалось, сосредоточившись на севере Семиречья.

Комментируя конфликт между казаками и колонистами, Сафаров, большевистский руководитель, направленный Москвой в конце 1919 года, писал: «Семиреченское кулачье неожиданно стало «опорой» советской власти и коммунистической партии, а «Советская власть» и «Коммунистическая партия», в свою очередь, сделались проводниками его интересов».

В исследовании 20-х годов, написанном Мураевским, читаем:

«В Семиречье шла борьба за власть Советов отрядами Красной армии, опирающимися на русское крестьянство, против белогвардейщины, руководимой быв. членом комитета Временного правительства Шкапским и опирающейся на казачество. Борьба *русского кулацкого* крестьянства *за землю* против привилегированного положения казачества, за «монополию» пользования киргизскими землями и эксплуатацию киргизской бедноты, — поставила его в ряды «защитников» советской власти»⁸²⁵.

Верный, 1918. Соперничество среди иммигрантов

До войны Семиречье было поставщиком зерна, поэтому никогда не затрагивалось блокировкой поставок из России. Верный снабжался крестьянами-иммигрантами, которые находили себе в городе потребительские товары из России или товары местного производства. Война, однако, остановила импорт мануфактуры и вынудила небольшие городские фабрики, занимавшиеся в основном переработкой сельхозпродукции, производить товары в основном для армии. Предложение мануфактуры упало, цены выросли, крестьяне стали покидать городской рынок. Между 1916 и 1917 годами падение производства сельхозпродукции еще более отдалило деревню от города. И в Ташкенте, и в других городах Туркестана ощущалась нехватка зерна, осенью 1917-го произошли первые волнения и протесты. Комиссары Временного правительства ввели комендантский час в городе и приказали некоторым предприятиям остановить поставки в армию с целью перенаправить продукцию в деревни и получить зерно от крестьян⁸²⁶.

В конце года, когда власть в Верном еще находилась в руках Временного правительства, городской продкомитет нашел «мирный» путь обеспечить горожан провизией: обменивать бутылки с 80-градусным спиртом на зерно. Эта мера имела успех, но между городами Семиречья возникло соревнование за спирт⁸²⁷.

Когда революционеры захватили власть, начались первые реквизиции. Они воспринимались как часть военной кампании, обращенной против казаков соседних с Верным станиц, взбунтовавшихся против советской власти, и преподносились как компенсация, которую побежденные казаки должны уплатить остальному населению за ущерб, нанесенный военными действиями⁸²⁸. В дальнейшем политика силовых изъятий не была прекращена, напротив — распространялась на все казацкое население. Реквизиции больше не рассматривались как форма компенсации или инструмент репрессии, а имели вид закупок зерна, но денег не поступало или поступало, но значительно меньше, чем в аналогичной ситуации получали колонисты. Эта политика, враждебная к «богатым» казакам, преследовала целью вызвать симпатию к Советам со стороны колонистов, но возымела только один результат — усилила враждебное отношение казаков и привела их к поддержке военных действий против советской власти, которые были сосредоточены на севере Семиречья⁸²⁹.

Совет Верного приглашал крестьян к свободной торговле излишками зерна при одном ограничении: зерно не должно было покидать границ уезда. Снабжение города тем не менее продолжало падать. В начале сентября группы вооруженных солдат стали появляться на базаре, заставляя торговцев продавать зерно и лошадей, платя им столько, сколько считали нужным. Эти действия вызвали панику среди торговцев, через несколько дней торговля резко упала, а цены выросли до небес. Власти пригрозили самоуправным реквизиторам арестом, а в дальнейшем были вынуждены признать, что механизм свободной торговли больше не применим⁸³⁰.

В самом деле, в октябре первый съезд Советов Семиречья объявил отмену собственности и частной торговли, вся городская торговля переходила в ведение кооперативов, под прямым контролем Совета⁸³¹. Это решение приняло форму декрета, который был опубликован 15 октября 1918 года; в девять часов утра военный гарнизон начал опечатывать базарные торговые ряды, обыскивать лавки и дома коммерсантов, изымать товар, деньги и золото, превышающие установленные нормы. Все это имущество помещалось на склады кооперативов, которые продавали его по установленным властями ценам. Аналогичные меры были объявлены во всех уездах Семиречья, ответственность за выполнение возлагалась на Советы и местные гарнизоны⁸³².

Закрытие торговых рядов и реквизиции привели к прекращению всякой торговой деятельности и поставили всю торговлю под политический контроль русского Совета. При этом в отношении коммерции русских крестьян таких ограничений принято не было: власти продолжали призывать их везти в город собственное зерно и свободно его продавать. В одном из таких призывов утверждалось, однако, что, если крестьяне не станут продавать свое зерно, городская бедно-

та сама придет в деревни и заберет его силой⁸³³. Удар наносился по торговцам, но прямой товарообмен между колонистами и городским рынком пытались защитить.

Как и прежде, товаров в городе не хватало, большую часть мануфактуры забирала армия, которая воевала против казаков⁸³⁴. Альтернатива натуральному обмену тем не менее не возникла, так как денежный курс был слишком неопределенным. В том ограниченном объеме сделок, которые проводились с использованием денег, многие предпочитали старые царские деньги, а также деньги Временного правительства (николаевки и керенки), которые считались стабильнее, чем советский рубль⁸³⁵. Чтобы избавиться от проблем с недействующим обменным курсом, в сентябре власти ввели обязательное изъятие сельхозпродукции, ссылаясь на декрет, принятый в Ташкенте двумя месяцами ранее⁸³⁶.

Ужесточение контроля, реквизиции и угрозы не привели к налаживанию городского снабжения. К концу 1918 года, как писали городские газеты, продовольственная ситуация была тревожной. Действительно, если в сентябре в Верный прибыло 3600 пудов муки (проданной по 31 рублю за пуд) и 3765 пудов зерна (по цене 23 рубля), то в ноябре количество муки сократилось до 735 пудов (цена поднялась до 52 рублей), а зерна — до 1661 пуда (по 45 рублей)⁸³⁷. Одни только рационы, которые причитались 18 000 человек, занесенных в списки неспособных самостоятельно поддерживать свое существование, требовали 6750 пудов зерна в месяц⁸³⁸. Имеющиеся в наличии объемы были очевидно ниже требуемых.

Недостаток зерна в городе был вызван, однако, не только скудным выбором товаров, которые город мог предложить крестьянам, но и сокращением производства. Урожай по сравнению с предыдущим годом снизился в два раза, и причиной тому были военные операции⁸³⁹. Кроме того, часть наличествующего зерна изымалась армией, которая проводила конфискации повсюду и не делала различий между крестьянами. В дальнейшем, в 1919 году, когда стали очевидны отрицательные последствия этой политики, утверждалось, что имело место подлинное мародерство со стороны армии, состоящей в большинстве своем из «несознательных элементов, ловивших рыбку в мутной воде»⁸⁴⁰.

Выходило, что Семиречье, годами имевшее излишки зерна, теперь было не в состоянии обеспечить собственные потребности. Власти Верного могли только надеяться на помощь тех областей Степного края, которым прежде Семиречье отправляло свои излишки⁸⁴¹. Положение усугублялось тем, что в городе участились случаи холеры и тифа⁸⁴². Такова была ситуация в Верном, самом богатом зерном городе во всем Туркестане.

Драка за зерно между армией, колонистами и казаками принесла катастрофические последствия другим — тем, кто не имел ни власти,

ни оружия для защиты своих интересов. Обратимся теперь к жертвам этой трагической борьбы за существование.

Голод среди кочевников Семиречья

В начале 1918 года «Свободный Туркестан», меньшевистский еженедельник, который вскорости будет закрыт советскими властями, писал, что киргизы «уничтожались голодом и оружием» колонистов и солдат, вернувшихся с фронта. Кочевое население не могло защитить себя, оно находилось в безвыходной ситуации и казалось обезумевшим. Голодающие киргизы питались телами умерших соотечественников, и их не вразумляли призывы мусульманской интеллигенции, которая пыталась отговорить их от каннибализма, утверждая, что это «тяжелый грех» для мусульманина. Это отчаянное положение, писали газеты, могло привести к новому бунту среди кочевников; среди них и впрямь появлялись призывы к самоорганизации и уничтожению русских деревень⁸⁴³. Опасность бунта, впрочем, была далека от реальности, она сознательно преувеличивалась с целью дать повод казакам взять на себя роль инструмента подавления насилия, откуда бы оно ни исходило, а также роль посредников в конфликте. Казачий порядок, тем не менее, так и не установился.

В начале 1918 года власть перешла к Советам, которые отодвинули в сторону казаков, но сами не смогли построить сильную власть, способную справиться с кризисом. Революционная диктатура установилась в Верном, но ей противостоял легион местных советских властей, не подчиняющихся ни одной вышестоящей власти⁸⁴⁴. Местные Советы выражали интересы колонистов и этим легитимизировали «революционные» действия. После падения казахского правительства киргизы остались без союзников, было ясно, что они не способны больше ни на какой мятеж.

Положение осложнял тот факт, что к началу 1918 года власти китайских областей, граничащих с Семиречьем, решили выдворить со своих территорий киргизов, бежавших туда после восстания 1916 года. Следовательно, ожидалось значительное увеличение числа неорганизованных кочевников, опасались того, что, как это произошло весной 1917-го, колонисты встретят их с оружием в руках.

Революционная власть, только что утвердившаяся в Верном, оказалась в непростой ситуации. Комиссия при правительстве по делам мусульман побуждала из Петербурга семиреченских революционеров принять меры, гарантирующие неповторение насилия. Реввоенсовет Верного заверял, что иммигранты и местное население теперь уже будут идти «плечом к плечу»⁸⁴⁵. Затем была сформирована «комиссия по урегулированию отношений между русскими и мусульманами», которая опубликовала резолюцию, где осуждался

путь противостояния и объявлялись меры по борьбе с голодом. Резолюция провозглашала реквизиции излишков зерна и скота как среди русских, так и среди богатых киргизов и брала обязательство обеспечить кочевников зерном для весеннего сева⁸⁴⁶. Трудно представить, как эти благие, но неизвестно, насколько искренние, предложения могли бы претвориться в реальные дела. В течение буквально нескольких дней последовали признания в том, что обеспечить зерном голодающих невозможно. Маленькая большевистская организация Верного обращалась к комиссару по сельскому хозяйству петроградского правительства, информируя его о том, что «население области Семиречья умирает от неумолимой голодной смерти и ему невозможно оказать помощь». Единственным спасением, утверждали большевики, было засеять всю имеющуюся у крестьян землю; чтобы заставить их это сделать, было необходимо реквизировать все поля, остававшиеся невозделанными. В отношении киргизов, оставивших кочевой образ жизни, «комиссия по урегулированию отношений между русскими и мусульманами» предложила местным Советам конфисковать скот в богатых аулах и передать его бедным, готовым сеять⁸⁴⁷. Комиссия была намерена скорее вмешаться во внутренние дела мусульманского общества, чем регулировать отношения между колонистами и кочевниками, она даже не рассматривала возможность изъятия зерна у казаков и колонистов с целью передать его кочевникам. Реализация же идеи о перераспределении имущества среди кочевников представляется беспочвенной, в особенности учитывая, что она исходила от русских, которые не только не знали языка кочевников, но и рассматривались последними как враги. Маловероятно, что киргизы согласились бы на такое вмешательство, не говоря уж о том, что богатых кочевников практически не было в этом голодающем обществе.

Мы находим описание механизмов, приведших к голоду среди мусульман, в докладе о текущей ситуации в одном населенном пункте Верненского уезда летом 1918 года. В нем говорится, что кочевники несут в себе новую угрозу, гораздо более страшную, чем очередной мятеж: их эпидемии начали захватывать русских. Местные власти оказались вынуждены принимать меры. В очередной раз была предпринята попытка заставить менее пострадавшие от кризиса аулы взять на себя заботу о наиболее пострадавших, однако причины плачевного состояния кочевников были в тех несправедливых отношениях, которые существовали между кочевниками и русскими и которые никто не стремился менять. Потеря скота препятствовала аулам продолжать кочевой образ жизни, а альтернатива в виде временной оседлости и возделывания земли была не очень применима в силу слишком высоких цен на зерно для посевов. Зимой–весной 1918-го киргизы продали русским все, что имели, не только скот, но и ковры, одеяла, кошму, даже юрты. Они остались «раздетые, босые и голод-

ные». Единственным средством продержаться была сезонная работа на колонистов. Работая все лето на русских полях, киргиз мог заработать примерно на три пуда зерна, чего хватало на два месяца жизни для его семейства, и больше он не мог заработать до следующего лета⁸⁴⁸. После того как рухнуло экологическое равновесие кочевников (то есть связка люди–животные–пастбища), рынок зерна и рабочих рук, цены на котором диктовались русскими, неумолимо толкал киргизов в бездну.

2. Мусульманская политическая альтернатива

Нами был рассмотрен процесс распространения революции от Ташкента до Семиречья. Повсеместно обладание политической властью становилось чуть ли не в первую очередь средством защиты от угрозы голода. Фокусом нашего обзора были вооруженные восстания русских, приводившие к установлению советской власти под их контролем. Теперь нам предстоит пройти тем же путем, начиная с ноября 1917 года, но сместив взгляд в сторону мусульманской альтернативы революционному движению.

Незадолго до Октябрьского переворота мусульманское движение смогло примирить две свои основные составляющие, оно обсудило и обнародовало политический проект мусульманского государства, открытого для русского участия в его жизни. Проект отнюдь не рухнул, когда установилась русская революционная диктатура, напротив, он реализовался, возникло автономное мусульманское правительство. Это стало политическим предложением, обращенным в том числе и к русским, и к самой России, и нашло поддержку многих мусульман, что выразилось в массовых акциях в Ташкенте под лозунгами кокандского правительства. В эти дни в Ташкенте должны были пройти выборы в Учредительное собрание, но они были отложены и так никогда и не состоялись (не считая Семиречья). Мусульманское правительство развило активную дипломатическую деятельность, пытались договориться с русскими революционерами в Ташкенте и даже пробовало вести переговоры напрямую с советским правительством в Петрограде. Ташкентский Совнарком, однако, готовился к силовому решению проблемы.

Провозглашение «Кокандской автономии»

Отрезанные от власти, мусульманские политические лидеры видели единственный путь к автономии. Согласно позиции Шура-и-Ислам, не было других возможностей, кроме формирования в сжатые сроки национального мусульманского правительства в качестве альтернативы русскому правительству. Эта двойственность власти дала бы повод в дальнейшем возобновить переговоры с Совнаркомом. Пока Джамаит-и-Улема колебалась, представители Шуры предприняли практические шаги, вступая в контакт с существующими организа-

*Мустафа Чокаев,
председатель кокандского автономного
правительства*

циями в основных городах Туркестана. Чтобы избежать помех со стороны революционеров, они покинули Ташкент и выбрали центром своей активности Коканд (Ферганская область).

Город находился не так далеко от Ташкента, но их разделял горный перевал, сложный для зимних переходов. Чтобы избежать подъема и снежных заносов, нужно было ехать по длинному караванному пути или по железной дороге в объезд длиной около 400 километров. Такое расстояние надежно защищало от русских казарм в Ташкенте. У Коканда были все условия, чтобы стать центром мусульманской оппозиции: он был в прошлом столицей ханства,

распущенного русскими, и потому имел символическое значение для местного населения; там имела традиция антирусских восстаний; это был важный религиозный центр, где движение за реформу мдресе имело особый авторитет; это был главный центр торговли хлопком, где проживала мусульманская буржуазия, заинтересованная в отношениях с русскими. В Коканде обе тенденции исламского движения пользовались поддержкой влиятельных семей, а Чокаев имел также хорошие знакомства в русских и еврейских деловых кругах, которые, естественно, неодобрительно отнеслись к ташкентскому перевороту⁸⁴⁹.

Именно в этом городе был созван IV съезд мусульман Туркестана. Время было неспокойным, поэтому созыв происходил ускоренно, без предварительных обсуждений. С другой стороны, участие делегатов затруднялось кризисом и политической нестабильностью, распространявшимися по всему краю. В этих условиях для местных политиков путешествие было крайне опасным предприятием⁸⁵⁰. Съезд начался докладом Мустафы Чокаева. В повестке дня стояли два главных вопроса: 1) определение отношений с антибольшевистским фронтом вне Туркестана, возглавляемым Дутовым; 2) провозглашение автономии Туркестана.

Первый вопрос состоял в том, входить или не входить в «Юго-восточный союз», который объединил бы гетерогенный фронт оппозиции большевикам в районах к югу и востоку от Оренбурга. По замыслу Дутова, к «Союзу» должны были примкнуть как казацкие войска этих районов (Оренбургской, Уральской, Кубанской и Семи-

реченской областей), так и различные политические национальные организации — казахские, киргизские, кумыкские, башкирские, горцев Кавказа, татар Азербайджана. Предложение войти в союз с Дутовым было поддержано Тоганом, председателем автономного башкирского правительства⁸⁵¹. Многие делегаты выступили по этому поводу, в прениях превалировало благожелательное отношение к началу переговоров с Дутовым. Этот выбор в дальнейшем станет одним из главных аргументов против Кокандской автономии со стороны большевиков, которые воспользуются им для доказательства контрреволюционного характера мусульманского правительства. Рассмотрим подробнее аргументацию в пользу ведения переговоров, а также принятые съездом решения. Сформулируем перед этим основные позиции.

Согласно А.Ч.Т. (так в источнике), вхождение в «Союз» было необходимым ввиду безвыходной продовольственной ситуации, а также по причине того, что Туркестан получал зерно с Кавказа и из тех областей Степного края, которые вошли бы в «Союз». Туркестан смог бы получать зерно не с позиции силы, которой он и не обладал. Борьба между русскими партиями, не имеющими, впрочем, никакого веса в стране, делала положение большинства населения края почти безвыходным, было трудно сказать, откуда исходит большая опасность. В пользу переговоров высказался также некий С.Др. из Чимкента, который сказал, что до революции русские колонисты отбирали землю у киргизов, грабили их и убивали; после Февральской революции условия жизни киргизов еще более ухудшились, они запросили помощи у Керенского, но не получили ничего; ситуация стала окончательно невыносимой после прихода к власти большевиков, потому что киргизы стали объектом презрения и умирали с голоду. Согласно С.Др., нечего было ждать помощи от большевистской власти, которая только увеличивала аппетиты колонистов; лучше было получить помощь от мусульман «Союза», чем умирать под большевиками. В выступлении некоего А.М. утверждалось, что главной задачей мусульманского движения является мир в Туркестане, и потому следует договариваться со всеми, кто готов двигаться в этом направлении. К.К. из Ферганы предложил сформировать переговорную комиссию, включив туда представителей разных слоев населения, в особенности европейское население. Прочие выступающие призывали к осторожности, задавались вопросом, почему вдруг казаки захотели помогать мусульманам, утверждали, что нужно судить по делам, а не по словам. Находились, наконец, и те, что полагали лучшим сохранение нейтралитета во избежание дальнейшего кровопролития⁸⁵².

В целом докладчики, хотя и демонстрировали слабую веру в намерения казаков, все же считали полезным ознакомиться подробнее с их предложениями. Никто, однако, не хотел, чтобы начало перегово-

ров стало само по себе обозначать политическое объединение под знаменами Дутова. Таким образом, съезд решил начать предварительные переговоры, нацеленные в основном на поиск путей облегчения продовольственного кризиса, а ратификация возможных политических договоренностей с «Союзом» возлагалась на Учредительное собрание Туркестана⁸⁵³.

Вторым пунктом повестки дня съезда, как уже упоминалось, стал вопрос об автономии Туркестана. Обсуждение этого вопроса шло, очевидно, с учетом возможной реакции Совнаркома. Мнения разделились: одни утверждали, что большевики не будут препятствовать автономии, другие — что вполне возможно объявление большевиками войны Коканду, и мусульманам придется защищаться с оружием в руках⁸⁵⁴. Относительно провозглашения автономии было выдвинуто два альтернативных предложения: объявить независимость от России или ограничиться только провозглашением временного автономного правительства Туркестана, входящего на федеративных началах в Россию. Второе предложение, более умеренное, получило большинство голосов⁸⁵⁵. В резолюции, принятой съездом, говорилось, что IV Чрезвычайный съезд, выражая волю народностей Туркестана к самоопределению в соответствии с принципами, провозглашенными Великой Русской Революцией, провозглашает Туркестан автономной территорией, входящей в Федеративную Демократическую Республику Россию. Разработка формы автономии возлагается на Учредительное Собрание Туркестана, которое должно быть созвано как можно скорее. Съезд торжественно заявляет, что права национальных меньшинств, населяющих Туркестан, будут надежно защищены⁸⁵⁶.

Так была провозглашена территориальная автономия Туркестана, как издавна хотели джаиды и в полном соответствии с формулировками «Декларации прав народов» и призыва «Ко всем рабочим мусульманам России и Востока», принятыми центральным советским правительством всего несколькими днями ранее. В «Декларации» в самом деле восхвалялся «добровольный и искренний союз народов России» и обещалось, что Совет народных комиссаров будет строить свою политику на следующих принципах: равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства; отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и национальных групп, проживающих на территории России⁸⁵⁷. Те же принципы подтверждались 20 ноября в призыве, где говорилось:

«...всем, кто видел свои мечети и молельные дома разрушенными, свою веру и обычаи попранными царем и угнетателями России, ваша вера и обычаи, ваши национальные и культурные институты

отныне станут свободными и неприкосновенными. Стройте с полной свободой свою национальную жизнь: это ваше право. Знайте, что ваши права — это права всех народов России, и они находятся под могущественной защитой революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдат и Крестьян. Поддержите революцию и ее правительство»⁸⁵⁸.

Мусульмане полагали, что могут сыграть на противоречиях, имеющих между позицией, занимаемой Петроградом, и политической линией туркестанских революционеров. Возможно, они поддались иллюзии, что автономия Коканда будет признана центром или, еще более иллюзорное ожидание, — что их твердое следование позициям центра в национальных вопросах поставит в сложное положение советское правительство в Ташкенте и откроет дорогу к переговорам. Чокаев писал:

«Мы, организаторы Кокандской автономии, вдохновлялись верой в русскую революцию и искренность революционных намерений в отношении национального самоопределения более, нежели верой в возможность организации борьбы против центральной русской власти»⁸⁵⁹.

Руководствуясь этим, съезд принял решение о создании «Исполнительного комитета» с функциями временного правительства, на который была возложена ответственность за подготовку выборов в Учредительное собрание Туркестана. Законодательные функции и контроль за правительством были вверены Народному Совету, который представлял собою некое подобие парламента Кокандской автономии. Предполагалось, что Совет будет состоять из 36 мусульман и 18 русских. Русские члены Совета, однако, не были назначены съездом: их кандидатуры должны были выдвигаться русскими политическими, профессиональными и общественными организациями и затем рассматриваться Народным Советом, то есть его мусульманской составляющей⁸⁶⁰. Председателем правительства стал Тынышпаев, вице-председателем Чокаев; все министерские посты были розданы мусульманам в ожидании русских кандидатур; председателем парламента назначили Лапина, наиболее авторитетного представителя Джамаит-и-Улема.

Джамаит-и-Улема, хотя и поддерживала все эти инициативы, сама раздиралась внутренними проблемами. Признаком этого был тот факт, что два ташкентских представителя в этом движении воздержались от голосования по вопросу об автономии. Назначение Лапина на пост председателя парламента служило преодолению имеющихся трений и являлось признанием ведущей роли Джамаит-и-Улема в движении. Этот договор был аналогичен тому, который лег в основу образованного весной Национального центра. Джадиды вновь получили от Джамаит-и-Улема политическое и духовное прикрытие, необходимое для объединения мусульманского мира, и гарантировали

себе контроль за правительством и, следовательно, выигрышную позицию в разработке общей политической тактики.

Спустя несколько дней после провозглашения независимости Туркестана Тоган и Чокаев отправились в Оренбург, где открывались башкирский и казахский съезды. Оба съезда пошли путем Коканда.

Съезд казахов был особенно важным для Туркестана. Он активно поддерживался Алаш-Ордой, членом которой были Тынышпаев и Чокаев. Как и в Коканде, здесь дали положительную оценку опыту Временного правительства и негативно оценили действия русских революционеров. Съезд решил осмотрительно двигаться по направлению к автономии и высказался в пользу образования всеказахского и всекиргизского правительства, включая проживающих в Туркестане (Сырдарьинская, Семиреченская, Ферганская, Самаркандская и Закаспийская области, некоторые уезды области). Тем самым предлагалась политическая схема, перекрывающая частично схему Коканда, но в основе ее лежали вовсе не антагонистические намерения. В самом деле, кокандское правительство рассматривалось как союзник в перспективе дальнейшего объединения. Казахи также образовали Народный Совет как временную структуру до Учредительного собрания, но отложили на месяц официальное провозглашение автономии, чтобы удостовериться в лояльности казахских регионов Туркестана. Тем не менее было решено сразу приступить к созданию народного ополчения числом в 13 500 человек, из них 2000 в Семиречье⁸⁶¹.

Объединение ташкентских мусульман на стороне Коканда

Первые акции поддержки кокандского правительства провели в Ташкенте обитатели старого города. 6 декабря несколько десятков тысяч мусульман собрались вокруг мечети Джани, чтобы отпраздновать провозглашение Туркестанской автономии⁸⁶². В атмосфере необычайного энтузиазма выступающие объявляли, что кончилась зависимость от русских, теперь будет равенство между всеми национальными группами.

Не было недостатка и в обвинениях в адрес ташкентского Совета, который два дня назад распустил Городскую думу и провел обыски и реквизиции в старом городе⁸⁶³.

Роспуск Думы не только лишил Джамаит-и-Улема контроля над городом, но и оставил русские умеренные политические силы без институционального представительства. Таким образом, мусульманский протест нашел поддержку русских партий, которые желали отстоять пространство плюрализма и как можно скорее прийти к выборам в Учредительное собрание. Коканд имел возможность стать местом концентрации оппозиции.

*Манифестация в поддержку кокандского автономного правительства
13 декабря 1917 г.*

Окрыленные успехом митинга, мусульманские организации Ташкента назначили новую манифестацию на 13 декабря: день рождения и смерти Пророка, повод для мусульман встать на защиту своей религиозной и национальной идентичности, а с ними — и своего права на автономию. Мусульмане положительно отнеслись к участию русских и хотели, чтобы процессия прошла по улицам и старого, и нового города.

Реакция Совета не заставила себя ждать. 7 декабря он принял постановление, в котором говорилось:

«Манифестация, устраиваемая агентами «кокандского временного правительства» под флагом автономии и приуроченная к религиозному празднику, имеет явную цель использовать религиозные и национальные чувства широких масс мусульман в целях... (подрыва) власти революционного пролетариата. Принимая во внимание, что тот же лозунг автономии старается использовать в явно контрреволюционных целях буржуазное русское общество, Совет рабочих и солдатских депутатов призывает революционную демократию, сознательных рабочих и солдат воздержаться от участия в манифестации».⁸⁶⁴

Таким образом Совет, не имевший возможности силой помешать мусульманам выйти на площадь, тем более в день важнейшего религиозного праздника, пытался ограничить манифестацию пределами старого города. Чтобы избежать прямой конфронтации с мусульма-

нами, Совнарком объявил о «решении принять участие в манифестации, быть на митинге и приветствовать собравшихся»⁸⁶⁵.

В день манифестации, 13 декабря, в 5 утра советские солдаты заняли пограничные зоны между старым и новым городом. Было приказано не пропускать русских в старый город и не выпускать из него мусульман⁸⁶⁶. Вскоре появилась, однако, русская делегация с плакатом «Автономия Туркестана», и солдаты позволили ей пройти. Через несколько часов подошла большая толпа русских, две или три тысячи человек. Гарнизон не имел возможности закрыть им проход в старый город. Стало очевидно, что приказы Совнаркома исполняться не будут.

Тем временем разворачивался первый митинг мусульман. В нем участвовали все организации старого города, включая профсоюзы. В 10 утра с военным эскортом прибыли народные комиссары. Тогда состоялся второй митинг, в котором участвовали в основном русские. От имени Совета выступили Колесов и Тоболин. Их встречали криками «ура» с одной стороны площади (очевидно, Совет подготовил себе группу поддержки) и протестами — с другой⁸⁶⁷. В качестве знака готовности к примирению с мусульманами комиссары заверили присутствующих в созыве Учредительного собрания⁸⁶⁸. Сделав этот символический жест и дав эти обещания (которые в дальнейшем не были выполнены), комиссары покинули старый город. В европейских кварталах они встретились с другой процессией. Она состояла из 2–3 тысяч казахов, прибывших из окрестностей Ташкента. Никаких признаков враждебности не наблюдалось. Когда группа членов Совнаркома проезжала на машине вдоль процессии, Успенский, член Временного правительства и руководитель партии эсеров, заверил казахов, что Совнарком решил провозгласить автономию Туркестана. Казахи продолжили движение по улицам нового города, им навстречу двигалась огромная толпа мусульман, которые, сметая солдатские кордоны, шли из старого города. На площади Кауфмана состоялся третий митинг: в нем участвовали ташкентские мусульмане, деревенские казахи и многие русские. Теперь манифестация уже откровенно приобретала характер вызова Совнаркому. После митинга, на котором прозвучали враждебные высказывания в адрес Совета, многие демонстранты направились к тюрьме, где содержались главные представители Временного правительства и где две недели назад был убит генерал Коровиченко⁸⁶⁹. Толпа освободила заключенных, среди прочих и Доррера с Ивановым, которые работали с Коровиченко как краевые комиссары — гражданский и военный соответственно. Часть заключенных казахи увезли на лошадях в старый город и надежно спрятали. Других убили красноармейцы. Кто-то, в том числе и Доррер с Ивановым, были вновь схвачены солдатами, отправлены в крепость, где их подвергли пыткам, а затем расстреляли⁸⁷⁰. Всего солдатами были убиты 18 человек, в основном члены ста-

рого правительства Туркестана и офицеры армии, арестованные после Октября⁸⁷¹. Потом говорили, что Совнарком якобы вмешался, чтобы остановить солдат и запретить расправу, но красноармейцы не подчинились приказу. К вечеру манифестация закончилась, в городе было введено военное положение. На следующий день во время комендантского часа Совет организовал собрания в поддержку правительства: ситуация была опять под контролем.

Итог манифестации 13 декабря был весьма положителен для организаторов и для кокандского правительства: налицо была массовая демонстрация сочувствия мусульман Коканду и существование широкой оппозиции революционному правительству, в том числе и среди русского населения. Совнарком продемонстрировал свою слабость и нерешительность, возможно, из-за не до конца четкой позиции Петрограда, и был вынужден заняться созывом Учредительного собрания.

Коканд самоорганизуется

Продемонстрированная манифестацией сила, а также рост настроений в пользу автономии среди мусульманских организаций по всему Туркестану придали смелости лидерам Коканда. В конце декабря был созван съезд рабочих-мусульман. Совнарком в качестве своего представителя откомандировал на съезд министра труда Полторацкого, который, взяв слово, обрушился на Кокандскую автономию, не оставив ни малейшего шанса на достижение компромисса. После своего выступления, очевидно, не встретившего согласия, Полторацкий покинул зал, сопровождаемый несколькими делегатами: Совнарком бросил вызов мусульманам⁸⁷². Съезд продолжил работу: была принята резолюция по автономии Туркестана, подтвердившая тезисы, прозвучавшие ранее, при создании автономного правительства⁸⁷³; был избран Краевой Совет рабочих-мусульман, чтобы показать, что не только у русских имеются пролетарские организации; съезд также обратился напрямую в Петроград, требуя признать кокандское правительство как законное правительство Туркестана, вместо правительства экстремистского меньшинства, представленного Совнаркомом⁸⁷⁴.

Сталин ответил на этот призыв, но следующими словами:

«Советы самостоятельны в своих внутренних делах и выполняют собственные функции, основываясь на своих реальных возможностях. Туземные пролетарии Туркестана, следовательно, не должны были обращаться к центральной советской власти с требованиями распустить Совет Нар. Комиссаров Туркестана, который, по их мнению, опирается на немусульманские армейские элементы, но должны были распустить его силой, если туземные пролетарии и крестьяне полагают таковой силой»⁸⁷⁵.

Мустафа Чокаев охарактеризовал этот ответ как провокационный, каковым он в действительности и был⁸⁷⁶. Сталин поставил мусульманское руководство перед дилеммой: вступить в вооруженное столкновение с Совнаркомом, откуда Коканд не вышел бы победителем, или же отказаться от претензий на автономию. Исчезали все надежды на возможность договориться, позиции прояснились, недвусмысленно демонстрируя единство центральной советской власти и советской власти Туркестана. Обе они были враждебны автономному мусульманскому правительству. В Петрограде постепенно начинали преобладать непримиримые настроения, которые вскоре приведут к роспуску Учредительного собрания и центристскому дрейфу в национальной политике. Ответ Сталина был ценным разъяснением: теперь Коканд понимал, что необходимо искать сильных союзников в другом месте и организовывать себе активную поддержку со стороны местного населения.

Союзники могли найтись и среди русских, среди умеренных сил, враждебно настроенных по отношению к Совнаркому, на что указывало активное участие некоренного населения в манифестации 13 декабря. Шаги навстречу мусульманскому правительству были сделаны партией эсеров, которая 7–10 января провела съезд в Коканде. У партии имелись расхождения с большевиками и в центре, она возлагала надежды на Учредительное собрание и потому не собиралась портить отношения с мусульманскими организациями. Основная потенциальная аудитория эсеров находилась в деревне — речь идет о колонистах и казаках, которые противоречиво относились к революционному правительству: они одобряли его намерение защищать иммигрантов от мусульманской угрозы, но очень скоро обнаружили свое полное несогласие с пожеланиями революционеров забирать весь их урожай, не предоставляя взамен ничего. Основные военные силы казаков Туркестана возглавлял атаман Зайцев, который в данный момент возвращался со своими людьми из Персии через Закаспий в сторону Ташкента с намерением дойти до Оренбурга и, присоединившись к Дутову, усилить враждебный большевикам Юго-восточный союз. 25 декабря Совнарком объявил военное положение во всем крае и приготовился к борьбе с казаками. Дутов посоветовал Зайцеву оставить все оружие кокандскому правительству в том случае, если Совнарком запретит его войскам пройти через Ташкент с оружием в руках⁸⁷⁷.

Продвижение казачьих частей оттягивало на себя внимание военных сил Ташкента и делало невозможной одновременную атаку против Коканда. В конце декабря вооруженные силы революционеров были еще более рассредоточены: центральный Совнарком потребовал от Ташкента послать против Дутова только что созданные части красногвардейцев⁸⁷⁸. Коканд мог рассчитывать на некоторый период, вероятно, достаточно короткий, когда можно было действовать политическими методами, а не оружием.

Надежда на помощь извне также быстро исчезла. Коканд не объединился открыто с Дутовым и не получал помощь от казаков; вне Туркестана ему оставалось надеяться только на солидарность башкирских националистов и Алаш-Орды. Последние, однако, кроме того, что их объединяли с Кокандом политические устремления, ничем практически помочь не могли — ни зерном, ни оружием. Эмир Бухары, единственный, кто располагал мусульманскими вооруженными силами, не намеревался поддерживать Коканд: эмиссары автономного правительства отправились на переговоры с эмиром, но тот, враждебно относясь к джадидам и не желая усложнять и без того напряженные отношения с Ташкентом, их даже не принял⁸⁷⁹. «Молодежь Бухары» также отказалась помочь Коканду, поскольку пользовалась поддержкой Совнаркома в борьбе с эмиром⁸⁸⁰.

Поиск союзников дал слабые результаты. Коканд не мог рассчитывать ни на активную поддержку других политических игроков, ни на прямую помощь казачьих войск. С течением времени становилось все более очевидно, что устойчивость автономного правительства зависит главным образом от его способности к самоорганизации и от его отношений с местным населением.

Революционеры тем временем начали готовить наступление, сорганизовавшись в самом Коканде. Большими силами они не располагали, поскольку у города не было настоящего военного гарнизона, а лишь несколько десятков солдат старой армии, которые жили в крепости в ожидании возвращения домой⁸⁸¹. Опираясь на этих людей, революционеры сформировали ревком, на который возложили обязанность оборонять новый город и крепость⁸⁸². Инициатива группы из 30–35 человек, связанных с Совнаркомом, объединившихся в ревком, опережала умеренное большинство городского Совета⁸⁸³.

Революционеры принялись за усиленную агитацию и пропаганду: в начале января они созвали митинг против кокандского правительства с участием местного населения, издали свою газету и организовали красногвардейскую часть⁸⁸⁴.

Подобным образом развивались дела по всей Фергане. Всюду, где могли, революционеры усиливали активность и теснили мусульманское правительство, готовили наступление, обращаясь в основном к русским солдатам. Совнарком организовал съезд Советов в начале декабря в Скобелеве, где была одобрена резолюция, гласившая: «Вся власть — Советам»⁸⁸⁵. В те же дни был сформирован ревком, состоявший в основном из гарнизонных солдат. Они самопровозгласили себя новой городской властью, известив горожан об этом как о свершившемся факте⁸⁸⁶.

Эта инициатива, очевидно, управлявшаяся из Ташкента, по всей видимости, встретила серьезное сопротивление, в самом деле — только в начале января скобелевский Совет признал Совнарком как верховную власть в Туркестане⁸⁸⁷.

Аналогичная ситуация сложилась в Намангане. Здесь революционеры попытались захватить власть уже в начале ноября, передав городское управление в руки Совета нового города. Реакция мусульманского населения, однако, не заставила себя ждать: многочисленная сходка горожан отказалась признать власть Совета. Революционеры были вынуждены укрыться в крепости, откуда послали ультиматум: если сходка не разойдется, солдаты откроют огонь по ее участникам. Только так им удалось временно взять контроль над городом. Настоящий переворот и здесь произошел только в начале 1918 года. 3 января Совнарком Туркестана распустил наманганскую Думу, а четыре дня спустя городской Совет признал власть Совнаркома, пусть и сохранил некоторую свою самостоятельность⁸⁸⁸.

В те же самые дни последовал линии Совнаркома и Совет Андижана⁸⁸⁹.

В начале 1918 года революционная власть в Ферганской области была представлена лишь городскими Советами некоренного населения, предпринимавшими попытки переворота. Однако это были признаки политического переворота, инициированного Ташкентом и осуществлявшегося солдатами городских гарнизонов.

В это время в Коканде ревком нового города пытался ослабить мусульманское правительство. Полторацкий именем Совнаркома объявил национализацию городских банков. Все счета были заблокированы, восемь миллионов рублей конфискованы⁸⁹⁰. Эта мера имела чрезвычайно тяжелые последствия для правительства автономии, которое неожиданно лишилось своих скудных финансовых ресурсов, а также возможной помощи богатых коммерсантов и контрреволюционеров города. Новая политическая фаза начиналась не только в Коканде: в середине января Петроград объявил об отмене выборов в Учредительное собрание. Надежда мусульман Туркестана получить автономию демократическим путем рухнула окончательно.

Кокандское правительство, не ожидавшее агрессии со стороны революционеров и рассчитывавшее на переговоры, оказалось перед сложным выбором: если до сих пор Кокандская автономия была лишь символом, вокруг которого объединялись мусульмане, теперь она обретала реальную власть, противопоставляла себя Совнаркому. Речь шла о создании национального государства с собственной финансовой системой, с собственной армией.

Обострение ситуации привело к серьезным изменениям в политических кругах, поддерживавших Коканд. Самым важным была смена позиции Джамаит-и-Улема. Эта организация, которая, как мы знаем, с готовностью примкнула к Кокандской автономии, в начале января от нее дистанцировалась. За этим решением, по-видимому, стоял тот факт, что улемы убедились в собственном влиянии на мусульман в Ташкенте, в то время как в Коканде политические решения, становившиеся все более тяжелыми и острыми, и постепенно выходили из-под контроля улемов.

Позиции Джамаит-и-Улема в этих сложных обстоятельствах объяснились самим Лапиным в письме «русским социалистам». Письмо датируется серединой января, когда пространство для переговоров с русскими революционерами и Петроградом стало очевидным образом стремительно сокращаться. Лапин пока не отступает от возможного компромисса, утверждая, что ислам прекрасно сочетается с социализмом, и предлагая соглашение на федеральных началах: местное управление осуществляется мусульманами на основе шариата, а немусульманское население края живет по федеральным, т.е. петроградским, законам. Идея мусульманского сепаратизма вновь возникла в контексте русского государства, уже не имперского, а социалистического и федеративного. Этот проект критиковал кокандское правительство, которое, согласно Лапину, допускало сразу две ошибки, включая в свои ряды русских центристов: игнорировало специфику мусульманского мира, необходимость его отделения и шло на конфликт с революционерами. По мнению Лапина, петроградские большевики должны были пойти на компромисс в том числе и потому, напоминая он, чуть ли не угрожая, что иначе неизбежно произойдет столкновение и мусульмане объявят газават⁸⁹¹.

Лишившись поддержки улемов, кокандское правительство потерпело некоторые изменения в своем составе, но не изменило политическую линию. Умеренный реформатор Тынышпаев оставил председательский пост Чокаеву, человеку более сильного характера и более твердых националистических воззрений. Правительство решило провести заем у населения на нужды зарождающегося государства, определив его размер в три миллиона рублей, и удачно собрало эту сумму всего за несколько дней⁸⁹². Теперь было на что создавать национальную армию.

В дальнейшем мы увидим, как закончился конфликт между двумя центрами управления, а пока можем просто отметить, что альтернативный путь развития, представленный Кокандской автономией, привел к трагическому финалу. Мусульманские политики, склонные к поискам компромиссов с новой и агрессивной русской властью, потерпели в Коканде поражение. Крах этой политики имел драматические последствия для коренного населения и привел к гражданской войне, эпицентр которой пришелся на Фергану.

3. Вооруженная альтернатива. Басмачи

После разгрома Коканда (об этом вскоре подробнее) инициатива перешла от политиков к басмачам. Этот термин означает «бандит» и, как можно легко догадаться, в те времена слово использовалось советской властью для обозначения тех, кто противостоял русской революционной власти с оружием в руках. Сегодня в Узбекистане используется другое слово, которое означает «борец за свободу». Интерпретация поменялась, и те, кто вчера представлялись как враги, сегодня стали борцами за национальное дело. Читателю предстоит самому оценить всю сложность такого явления, как вооруженная борьба, и понять, что все не однозначно. Мы тем не менее используем в дальнейшем термин «басмачи» как принятый в литературе, не подразумевая при этом никакой эмоциональной окраски.

Задача этой главы — проследить развитие мусульманской оппозиции, отстранившись от политических центров, в том числе от Коканда. Интересно исследовать социальные корни и методы сопротивления, сконцентрировавшегося в кишлаках. Мы обнаружим влиятельных людей, которые пытались защитить с оружием в руках собственные кишлаки, организуя власть на местном уровне аналогично тому, как это делали колонисты в своих селениях.

Мы прибегнем еще раз к удобной схеме подачи материала через рассмотрение одного частного случая. Речь идет о Мухаммед-Амин-Ахмет-беке, известном также под именем Мадамин-бек. Это был наиболее авторитетный басмач, из тех, кто сражались с русскими в Фергане между 1918 и 1920 годами. Мы проанализируем его биографию вооруженного оппозиционера и действия банд, главой (курбаши) которых он становился. Мы повстречаем других курбаши, становившихся ему союзниками или противниками, рассмотрим его союз с русскими контрреволюционерами и его попытку создать новое автономное правительство, уважающее традиции и ислам.

Мадамин-бек в действительности не был фанатическим сторонником священной войны против неверных, он придерживался умеренных взглядов и склонялся к сотрудничеству с русскими. То, каким его представляла советская пропаганда, и миф, который вокруг него создали, сильно отличались от действительности. В 1918 году, не сильно изменив род своих занятий, Мадамин-бек внезапно превратился из представителя правопорядка в бандита. Критерии законно-

сти оказались смещены революционным переворотом в Ташкенте, равно как и большевистской революцией: верность старой администрации оказалась вне закона, а революционеры, составляющие ничтожное русское меньшинство, контролировали государство и провозглашали себя гарантами нового законного порядка.

Следуя за басмачами, мы рассмотрим действия русской революционной власти, засвидетельствуем провал мусульманских политиков Коканда. Мы увидим, как Красная армия организует борьбу против мусульманского сопротивления, создает этнический конфликт в регионе, безжалостно расправляется с мятежными кишлаками.

Начнем, однако, с Мадамин-бека. Наши первые вопросы будут связаны с его происхождением, а также с тем контекстом, который превратил Мадамин-бека в авторитетного курбаши.

Территория Мадамин-бека

Семья Мадамин-бека, по всей видимости, проживала в Маргеланском уезде, в центральной части Ферганской области, и именно в этой местности у Мадамин-бека сложились те отношения, которые позже помогли ему стать влиятельным курбаши. В разгар военных действий против Советов Мадамин-бек переместился на восток Ферганской долины — в сторону Андижана и Оша. Первый городок располагался в 66 километрах по железной дороге от Старого Маргелана; чтобы добраться до второго, надо было преодолеть еще около 50 километров по почтовому тракту. Этими пунктами ограничивались самые дальние вылазки. Еще далее на восток, по дороге, шедшей через горы в Китай, внизу долины, находился Джалалабад, поселение русских колонистов, которые сначала сражались против Мадамин-бека, а затем стали его союзниками. На равнине было много кишлаков, населенных мусульманскими крестьянами, выращивавшими хлопок, вокруг — горы, обеспечивающие басмачам безопасность при отступлении во время советских вооруженных операций. Холмы и горы были, впрочем, также и территорией киргизов-кочевников, с которыми жители равнины имели непростые отношения.

Поле действий Мадамин-бека, таким образом, было сравнительно невелико. Та же самая местность в 1898 году стала сценой, на которой разворачивалось знаменитое восстание под предводительством Мухаммеда Аль-Хальфы, известного как Мадали. Несомненно, Мадамин-бек помнил о легендарном восстании и понимал важность роли тариката Нахшбандия, ишаном которого был Мадали. Невозможно, однако, сказать, мог ли Мадамин-бек прибегнуть через двадцать лет к той же самой сети связей для организации басмачества. Он происходил из этих же мест; принадлежа к следующему поколению, мог быть сыном сторонника Мадали, а среди его басмачей наверняка кто-то принимал участие в восстании 1898 года. Вполне вероятно,

что местные семьи находились в прежних кланово-союзнических отношениях, а память о восстании была еще слишком жива. Важно, однако, то, что басмачество не было священной войной, как это было с восстанием Мадали: как мы увидим, Мадамин-бек имел русских среди сторонников, а мусульман — среди врагов⁸⁹³.

Обратимся еще раз к корням нашего курбаши — к Старому Маргелану. Это был древний город, который к 1910 году населяло около пятидесяти тысяч жителей, все мусульмане, кроме нескольких десятков русских, большой базар и более двухсот мечетей. На расстоянии 11 километров располагался Скобелев — город значительно меньший, построенный недавно и населенный преимущественно русскими. Русские из гордости захотели назвать этот административный, военный и торговый центр именем знаменитого царского генерала, который за сорок лет до того провозгласил конец Кокандского ханства и стал первым губернатором Ферганы. Между двумя городами находилось селение, через которое проходила железная дорога на Коканд, дальше раздваивавшаяся: на Ташкент и на Самарканд–Бухару–Каспийское море.

В 1916 году в Ферганской области начались первые волнения — в Коканде, Намангане, Андижане, Скобелеве и Старом Маргелане, затем киргизское восстание коснулось Андижанского и Ошского уездов. Многие влиятельные ишаны поддержали восстание.

Рассмотрим подробнее, что тогда происходило в Старом Маргелане. Утром 10 июля местные русские власти появились на городском базаре, чтобы публично огласить распоряжение центральной власти о мобилизации населения на тыловые работы. Их встретила толпа мусульман, 20–25 тысяч человек. Вскоре речь представителей властей была перекрыта криками толпы, потом полетели камни, началась потасовка, были погибшие и раненые. Два дня спустя мусульмане собрались на манифестацию протеста за пределами городских стен, и тут внезапно появились казаки и принялись стрелять по толпе. Из рапортов следовало, что среди погибших были и представители мусульманской администрации города. Скорее всего речь шла о тех, кого считали виновными в пособничестве русским в организации призыва или обвиняли в неприсоединении к народному протесту. В Скобелеве тоже мусульмане собрались на митинг, но и там появившиеся войска расстреляли толпу⁸⁹⁴.

Несколько месяцев спустя в Старом Маргелане случилось нечто загадочное. Однажды ноябрьской ночью главный базар, составлявший всю центральную часть города, был уничтожен пожаром. Сгорели тысячи лавок, шесть караван-сараев и три мечети. Частично пострадало здание Русско-Азиатского банка, где, как сообщалось, хранились большие запасы денег и золота, принадлежавших мусульманским купцам. Известие об этом появилось в главных русскоязычных газетах: «Туркестанский голос» и «Туркестанские ведомости» объяс-

няли, что пожар был вызван небрежностью какого-то ремесленника и местная полиция исключает вероятность поджога. В перечислении ущерба, нанесенного банку, развеявшиеся в дым колоссальные богатства отдельных мусульманских коммерсантов поражали читателей, и, вероятно, многие из них находили удовлетворение в том, что пожар восстановил некоторую справедливость, наказав чрезмерно богатых. Возможно, недоверчивые не поверили газетной версии случившегося, но их подозрения были бы значительно сильнее, если бы они прочли секретные доклады полицейских агентов, появившиеся сразу после пожара. В самом деле, там сообщалось о семи очагах возгорания, возникших одновременно в разных концах базара, а также объяснялся выбор мест поджога — так, чтобы огонь распространялся по центральным крытым проходам, создавая невыносимый жар и мешая работе спасателей. Кроме того, произошли и другие подозрительные события. Мусульманский купец, который понес больше всего ущерба от пожара в Русско-Азиатском банке Старого Маргелана, незадолго до того пострадал и в Коканде, где у него сгорела фабрика. То же самое произошло в те же ноябрьские дни с одной фабрикой неподалеку от Скобелева, со складом в окрестностях Ташкента и с фабрикой в Андижане. Вероятно, с разных сторон возникали угрозы и действия, направленные против сближения русских с мусульманами. Очевидно, находилось немало русских, готовых наказать мусульман, поддержавших восстание и не оправдавших доверия «старших европейских братьев», но также было много и мусульман, которые с неприязнью относились к тем, кто сколачивал состояния на делах с русскими⁸⁹⁵.

Ситуация в Фергане была отягощена катастрофическими последствиями восстания кочевников. Как мы уже знаем, в предгорьях, окружающих хлопковую долину, и особенно в Семиречье, киргизское восстание было подавлено войсками и жестокими действиями колонистов. Множество киргизов, вышедших из этих перипетий живыми, но потеряв все свое имущество, бродили по Фергане в поисках хлеба и работы, своим нищенским существованием ухудшая и без того низкие условия жизни на равнине. Мусульманские крестьяне были не очень склонны помогать им, а русские колонисты их активно преследовали. В Джалалабаде осенью у киргизов были конфискованы тысячи голов скота в качестве репрессивной меры за участие в мятеже. Колонисты, у которых недоставало фуража для реквизированного скота, были вынуждены забивать его во избежание падежа от голода и эпидемий⁸⁹⁶. Очевидно, скот отбирали не с целью наживы, а исключительно для разорения кочевников: колонисты стали понимать, что голод — лучшее средство для разрушения кочевого сообщества и завоевания новых земель.

В течение всего 1917 года ситуация с пропитанием в Фергане становилась все хуже и хуже, а тот небольшой объем зерна, который

приходил из России, весь оседал в Ташкенте. В декабре продовольственный комитет Коканда послал в ташкентское правительство телеграмму:

«Сообщите немедленно, думает ли Совет народных комиссаров пропускать хлебные грузы, идущие через Ташкент, на Фергану. В случае задержки груза Фергана обречена на голодную смерть. В Чусте констатированы случаи голодной смерти. От гуманности комиссаров зависит судьба целой области»⁸⁹⁷.

Представители Временного правительства в Ташкенте также получали доклады местных администраций, описывавшие ситуацию в более чем тревожных тонах, но не могли предложить никакого решения. Например, из Коканда летом 1917 года сообщалось, что в окрестностях города каждый день происходили грабежи и набеги басмачей. Нападения, как говорилось, происходили среди бела дня и были направлены не против одних только русских, а вообще против местного населения, которое было уже этим напугано. В самом городе узбекские и индийские торговцы подвергались постоянным нападениям, но власти не спешили им помогать. Даже если бы у властей было такое желание, они не имели возможностей — все оружие было реквизировано армией, бандитам противостояло только ополчение с голыми руками. Административная реорганизация тормозилась постоянными конфликтами между русскими, признаваемыми Советом, и теми, кто относился к старому режиму; население, запуганное бандитами, нередко вершило самосуд. Городская толпа уже расправилась с несколькими подозреваемыми в бандитизме⁸⁹⁸. В атмосфере общей незащищенности богатые мусульмане стали нанимать себе на службу вооруженных людей, между этими вооруженными отрядами начались столкновения в защиту частных интересов их нанимателей⁸⁹⁹.

В Старом Маргелане распределение продуктов питания и поддержание общественного порядка тоже становилось большой проблемой, с решением которой не справлялись городские власти. По оценке чиновников русской администрации, снабженческие структуры и милиция, обновленная после краха царизма, не справлялись со своими функциями. Городским начальником мусульманской милиции стал бывший инспектор, привыкший иметь дело с русскими, но подвергающийся нападениям со стороны мусульманских организаций, которые сомневались в правильности его назначения. Новая милиция не могла помешать распространению грабежей, после чистки состава от царских офицеров она возглавлялась малокомпетентными людьми, плохо знакомыми с правом, а рядовой состав был набран из необученных мусульманских крестьян. Еще более тяжелое положение складывалось в сельской местности. Оружие, выдававшееся местной милиции, часто оказывалось в руках басмачей⁹⁰⁰.

Русские испытывали беспокойство и тревогу. В сентябре произошли грабежи и нападения на базаре Коканда, в октябре — в Скобеле-

ве⁹⁰¹. Положение не изменилось к лучшему даже в тех городах, где были объявлены демократические выборы в городские Думы. В Коканде забили до смерти камнями нескольких представителей мусульманских организаций, так как заподозрили их в чрезмерной близости к русским. Затем был сформирован единый мусульманский список, который и победил на выборах, получив 80% мест в Городской думе. Выборы в Андижане, где мусульмане имели значительный численный перевес, также закончились в их пользу⁹⁰². Но, как и в Ташкенте, выборы только усугубили напряженность.

Таков в общих чертах контекст, в котором мы знакомимся с Мадамин-беком.

Он обосновался в кишлаке неподалеку от Старого Маргелана, по всей видимости, весной 1917 года. Ему было 24 года, он только что вышел из тюрьмы по амнистии Временного правительства. Неизвестно, когда и за что он был арестован, можно предполагать, что в прошлом он был бандитом или участвовал в восстании 1916 года⁹⁰³. Заключение в русской тюрьме в любом случае делало его жертвой в глазах своих, так что, вероятно, к нему относились не как к бандиту, а как к герою. Мадамин-бек был из небогатой семьи и, возможно, не имел никакого образования, что не мешало ему поддерживать отношения с самыми разными людьми — от жителей кишлаков и кочевников до мулл и ишанов, русских политиков и военных высшего ранга.

По случаю возвращения из тюрьмы семья устроила большой праздник в честь Мадамин-бека. Похоже, что в этот день и были достигнуты первые договоренности о создании того, что позже станет его бандой. Мадамин-бек ненадолго остался в кишлаке, вскорости перебравшись в Старый Маргелан, где стал председателем профсоюза мусульманских работников⁹⁰⁴. Нехватка надежной информации заставляет нас вновь прибегнуть к предположениям: возможно, этот профсоюз был ответвлением Союза мусульманских работников, организации, возникшей по инициативе Совета с целью контроля за тыловиками, возвращающимися из России. В таком случае это было началом сотрудничества Мадамин-бека с русскими⁹⁰⁵.

Вскоре наступил ноябрь 1917-го, русские революционеры захватили власть в Ташкенте, а затем распространили ее и на другие города Туркестана. Ташкентский Совнарком, как мы уже знаем, состоял из одних русских, но испытывал необходимость в сотрудничестве с мусульманами в местных администрациях, нуждался в надежных людях на местах, которые понимали бы по-русски, а также в вооруженных людях, способных обеспечивать общественный порядок в неевропейских кварталах. Случилось так, что какие-то советские руководители Ферганы рекомендовали Мадамин-бека на должность курбаши полиции Старого Маргелана. Мадамин-бек вошел во власть, и, очевидный признак нового положения, его дом стали посещать новые влиятельные русские друзья⁹⁰⁶. Летом 1918 года он женился на

женщине из богатой и влиятельной семьи⁹⁰⁷. Его положение упрочивалось постепенно, в равных пропорциях и среди русских, и среди местного населения.

Итак, мы обнаруживаем бандита Мадамин-бека на месте, которое официально никак не могло ему достаться, — в роли начальника полиции. Однако это не столь уж странно: если посмотреть на структуру власти в соседнем городе Андижане, мы увидим в той же должности некоего Ахунджана, который тоже вскоре станет курбаши басмаческой банды. А если нам кажется, что это исключения, то можем посмотреть на Коканд, главный город Ферганы, где в должности начальника полиции находится Иргаш-бай, один из главных бандитских главарей региона.

Чтобы понять, каким образом в начале советской эпохи полицейские чины становились басмачами, нам следует покинуть ненадолго Мадамин-бека и проследить за тем, кто первым проторил эту дорожку, — за Иргаш-баем. Вскоре мы узнаем и судьбу автономного мусульманского правительства.

Падение политики Коканда и выбор в пользу басмачества

Про Иргаш-бая говорили, что он, как и Мадамин-бек, был разбойником и за это угодил в тюрьму, где и провел четыре года жизни. После освобождения он вернулся в свой кишлак, Бачкир, располагавшийся в двадцати километрах от Коканда. В уезде, где обреталось много дезертиров и активно действовали басмачи, Иргаш-бай смог найти себя и сколотил банду. Вероятно, ему удалось заручиться доверием влиятельных кругов Коканда, его банда становилась все сильнее и начала устанавливать свои правила — препятствовала насильственным действиям и даже возвращала владельцам похищенное у них имущество. Административные способности Иргаш-бая получили положительную оценку влиятельных лиц — до такой степени, что он вскоре получил место курбаши старого города в Коканде. Он стал начальником полиции, как Мадамин-бек в Старом Маргелане, но продвигался немного другим путем, более удаленным от русских сфер. После этого назначения число его подчиненных выросло, город выделил ему 500 ружей и боеприпасы. Теперь Иргаш имел достаточно власти и возможностей, чтобы организовывать вылазки против банд, отсиживавшихся в окрестных кишлаках⁹⁰⁸.

Деятельность Иргаша не претерпела изменений и с провозглашением независимого кокандского правительства.

Небольшая группа русских образовала Совет, связанный с революционным правительством Ташкента, который располагал несколькими десятками солдат для защиты европейских кварталов. Они сосредоточились в Урде, в бывшем ханском дворце, который теперь превратился в крепость с небольшим военным гарнизоном,

арсеналом и православной церковью, оборудованной в прежнем зале приемов хана. В мусульманских кварталах, напротив, еще действовали структуры, созданные при Временном правительстве, включая милицию Иргаш-бая, находившуюся на службе у города.

В январе 1918-го прошел слух, что автономное правительство собирает большую армию. Одна газета, выражавшая позиции мусульман-реформистов, сообщила, что уже прошли первые маневры армии кокандского правительства в присутствии военного министра Убайдуллы Ходжаева. Согласно газете, в маневрах участвовала тысяча человек, а еще столько же примкнуло на втором этапе⁹⁰⁹. Эти известия, однако, отличались большим преувеличением и чрезмерной триумфальностью тона, что дало только негативный эффект, вызвав преждевременную тревогу у русского населения. По словам командующего, этот зародыш мусульманской армии насчитывал всего около 200 человек, из которых только 40 были вооружены, в то время как Иргаш-бай имел под своим началом гораздо более значительные силы⁹¹⁰. Разница между людьми Иргаш-бая и солдатами автономного правительства состояла не только в их численности, но и в том, что первые были местными, а правительственные новобранцы были пришлыми, в основном персами, по всей видимости, недавно иммигрировавшими в качестве рабочей силы для сбора хлопка⁹¹¹. Правительство, вероятно, предпочло набрать этих людей, чтобы не зависеть от городского курбаши и от местных властных кругов. Иргаш-бай и в самом деле не пользовался большим почетом у мусульманских политиков: как объяснял один из членов правительства, ему не доверяли и держали за бандита⁹¹². Кроме того, Иргаш-бай считался приверженцем консервативной политики, близким к Джамаити-Улема, партии, которая заняла откровенно критическую позицию в отношении кокандского правительства⁹¹³. Во главе незначительных военных сил Коканда встал Чанышев, татарин умеренно-реформистских взглядов, кадровый военный, полковник русской армии.

В конце января в Коканде начались вооруженные столкновения. Мирное сосуществование русских революционеров и мусульманских автономистов было нарушено антирусскими действиями небольших вооруженных групп: ночью несколько человек появились у крепости, где располагался русский гарнизон, произошла перестрелка, в которой погиб часовой; почти одновременно с этим другие вооруженные люди попытались ворваться в дом председателя городского Совета; другая группа заняла на короткое время телефонную станцию; были обрезаны линии электропередачи; и наконец, были разобраны железнодорожные мосты как на ташкентском направлении, так и на линии Скобелев–Наманган. Никто не взял на себя ответственность за произошедшее. Возможно, это было дело рук людей Иргаша, но русские революционеры заявили, что ответственность лежит на автономном правительстве, и потребовали от мусульманских властей

немедленной выдачи виновников. Совет раздавал оружие и собирал Красную гвардию, призвав многих русских и почти всех боеспособных армян города. На следующий день из Скобелева, Андижана и Перовска прибыло двести солдат с тяжелой артиллерией. Гарнизон Урды обстрелял из пушек мусульманские кварталы⁹¹⁴.

Позже была созвана мирная конференция. Сторонники мусульманского правительства разделились: Иргаш-бай, возможно, намеревался вытеснить из города русский гарнизон и революционеров, а может быть, стремился избавиться и от мусульманских правительственных политиков; Чанышев, руководивший правительственной делегацией, колебался, поскольку не мог ни контролировать Иргаша, ни принудить русских к сдаче; и наконец, наблюдалось стремление к пакту с русскими, чтобы изолировать Иргаш-бая, который, в свою очередь, дистанцировался от правительства и предложил арестовать его членов, неспособных справиться с ситуацией. По другую сторону стола переговоров находилась русская делегация, которая, похоже, имела целью только выиграть время до прибытия подкрепления⁹¹⁵. Положение оставалось неопределенным еще около недели.

Старый город был частично разрушен, но крепость находилась в окружении мусульман, когда прибыли тяжеловооруженные советские части. Это были части Красной гвардии, сражавшиеся прежде с казаками под Оренбургом и Самаркандом, их вел военный комиссар ташкентского правительства. С прибытием частей мирные переговоры прекратились и началась канонада, затем вооруженные русские и армяне стали один за другим захватывать дома. «Все бакалейщики, виноторговцы, парикмахеры, мясники и другие торговые слои армян тоже оказались ярыми «революционерами» и, влившись в отряд, приступили к разгрому города»⁹¹⁶. Они убивали всех на своем пути и грабили лавки и дома. Мусульманские кварталы были подожжены, а огромная добыча свалена на вокзале, чтобы быть увезенной в качестве военного трофея. Почти всех солдат-персов убили, во время грабежей армяне ожесточились на персидскую общину, оставшуюся без всякой защиты, и уничтожили ее. Позже говорили, что кокандских армян, наиболее активных в этих действиях, подталкивал к насилию страх объявления мусульманами газавата. Другие армяне Красной гвардии, прибывшие в город, вероятно, были собраны в дружину под предлогом борьбы с турками на Кавказе, им не говорили об атаке на Коканд⁹¹⁷.

Военные отряды, присланные из Ташкента, сознательно стремились к обострению конфликта, они опирались на русское и армянское население Коканда, напуганное угрозой реализации наиболее радикальных мусульманских устремлений, и легко одержали победу. Среди мусульман главным действующим лицом оказался Иргаш-бай. Курбаши, как уже говорилось, вероятно, имел какое-то отношение к

первым антирусским акциям, а затем утвердил себя в качестве единственного военного командующего на стороне автономного правительства, хотя и против воли последнего, сместив и арестовав Чанышева⁹¹⁸. Когда со стороны Урды начался обстрел, а городская власть бесследно исчезла, бойцы Иргаш-бая появились на улицах и принялись строить баррикады. Одновременно с этим муллы объединились и заняли позицию против русских⁹¹⁹. После ожесточенных боев люди Иргаша окружили Урду, вынудив русских к переговорам до прихода Красной гвардии из Ташкента. Мустафа Чокаев, председатель автономного правительства, несколько дней спустя после разгрома Коканда сообщал, что Иргаш-бай выступил против русских во главе толпы сартов, вооруженных ножами, топорами, кольями и палками и кричавших: «Пришел день сартов (оседлые мусульмане), назначим Иргаш-бая нашим ханом, уничтожим в Фергане всех, кроме сартов...»⁹²⁰ Возможно, Чокаев намеренно подчеркивал экстремизм Иргаш-бая и его людей, поскольку полагал, что они силой перечеркнули разумные действия правительства.

Отсутствие связи между автономным мусульманским правительством и местным населением, ставшее очевидным в процессе конфликта, обозначило слабость реформистского проекта образованной элиты. Для мусульманских политиков закрылись все возможности. Мустафа Чокаев покинул Коканд, как только Иргаш-бай взял на себя военное руководство, то же сделали и другие представители правительства, избежавшие ареста. Позднее он послал длинное письмо в одну из казахских газет, в котором рассказывал о своем опыте беженца. Он описывал, как прятался в окрестностях Коканда, перемещаясь из одного кишлака в другой пешком, потому что никто не хотел продать ему лошадь. Его остановила банда басмачей, которые его не узнали и обращались с ним как с подозрительным иностранцем. Они не поверили, что Чокаев мусульманин, даже когда он прочитал наизусть стих Корана, их убедила только демонстрация того, что он был обрезан. Они издевались над ним, сомневались, что казахи тоже мусульмане, и вообще считали: казахи и большевики «два сапога пара». В конце концов басмачи решили послать пленника в Коканд, к Иргаш-баю. Счастливым образом Чокаеву удалось бежать, он нашел лошадь и направился в сторону киргизских территорий, пересекая снежные перевалы. Его рассказ завершается сожалением: «У меня горько на сердце из-за того, что народ, которому я служил как друг, увидел во мне врага»⁹²¹. Все закончилось довольно бесславно.

Разгромив Коканд, революционеры стали искать среди мусульман людей, готовых к сотрудничеству и готовых быть «представителями» местного населения в «мирной конференции». В манифесте, объявлявшем эту конференцию, говорилось:

«Кровавые события последних дней произошли по вине так называемого автономного правительства, которое хотело захватить

Коканд в руинах после вторжения Красной армии, февраль 1918 г.

в свои руки власть в Туркестане, вступив в борьбу с властью Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Эти честолюбцы для достижения своих целей организовали вооруженные силы и всеми мерами старались побудить мирный народ взяться за оружие.

Злодеи, учинившие кровопролитие, со своими разбойничьими шайками убежали, а трудовое население — рабочие, крестьяне и жители города потерпели жестокие потери и жизнями, и имуществом»⁹²².

В мирном договоре было сказано, что «мирное население продемонстрировало полное повиновение и желание подчиниться власти Совета», что гражданские лица — как русские, так и мусульмане — не вправе иметь оружие, кроме как по разрешению советской власти, и что «население обязуется выдать властям всех известных ему организаторов происшедших кровавых событий, а также главарей и участников вооруженных шак»⁹²³.

Несмотря на эти заявления, советская военная акция оставила в Коканде вакуум власти. Перфильев, командующий Красной гвардией, по возвращении в Ташкент объяснял, что он не мог создать на месте сильную советскую власть, так как русское население Коканда слишком малочисленно и слишком испугано. Это было слабой самокритикой на фоне того, что среди поддерживающих революционную власть слышались голоса меньшинства, обвиняющего большевиков: «Вы не социалисты, вы погромщики-империалисты»⁹²⁴.

Разрушенный Коканд

Критике подверглось произошедшее в Коканде, а также последующие действия Красной гвардии. Оставив Коканд объатым пламенем, революционные войска направились к Бухаре. Они намеревались ударить по средоточию антисоветских сил — по армии эмира и рассчитывали на поддержку русских военных гарнизонов и колонистских общин, располагавшихся вдоль железной дороги и находившихся в открытом конфликте с эмиром. Они полагали, что для успешного завершения этого предприятия достаточно одного эскадрона, который неожиданно появится, воспользовавшись железнодорожной веткой Самарканд–Бухара. Эта кампания, однако, закончилась не так, как в Коканде: не было ни успеха, ни трофеев. Силы эмира отреагировали, в первую очередь атаковав железную дорогу — за несколько часов они уничтожили десятки километров путей и отрезали дорогу к Самарканду поезду Красной гвардии. «Толпы фанатиков», говорилось в одном документе, «ожесточенно бросались под пушки и пулеметы, нападением и разрушениям подверглись все русские поселения, вся железная дорога, вся приграничная дорога <...> Убитые, неизвестно сколько их было, но исчислялись тысячами». Затребовав помощь из Ашхабада, Мерва и Ташкента, Красная гвардия начала отступать. За поездом следовали тысячи русских беженцев. Конвой двигался очень медленно, преодолевая менее двух километров за день, поскольку приходилось перекладывать рельсы — с уже пройденного участка вперед, перед поездом. Все, что находилось на расстоянии пушечного выстрела, уничтожалось. Отступая, недалеко от Бухары эскадрон встретил высланное подкрепление.

Разрушенный Коканд

Объединив силы, они разграбили все поселения, которые встречались на их пути. С особенным ожесточением они громили Кермин, летнюю резиденцию эмира. После возвращения войск в Ташкент в городе собралось 12 000 русских беженцев с бухарских территорий. Были уничтожены все хлопковые фабрики и станции вдоль железной дороги от Катта-Кургана до Чарджуя. Эти события не могли не обострить отношения между русскими и местным населением, даже вне территории Бухары, особенно учитывая влияние эмира в туркестанских мечетях⁹²⁵. Эмир воспользовался ситуацией, чтобы жестоко подавить джадидов, которые рассматривались Советами как союзники⁹²⁶. В Коканде джадиды, поддерживавшие автономное правительство, были разгромлены русскими революционерами, а в Бухаре они проиграли, несмотря на то, что здесь русские были на их стороне.

Итог кампании Красной гвардии был в результате ужасающим, джадиды, поддерживавшие автономное правительство, тоже оказались в проигрыше. Коканд перенес две недели войны и погромов и был в руинах. Как только железнодорожная ветка на Ташкент была восстановлена, русские устроили давку на вокзале, торопясь покинуть город. Все стремились в Ташкент как в более спокойное место. Власти смогли удержать от бегства часть русских, предложив им оружие и поручив защиту города гарнизону из 200 солдат и армянской дружине, отличившейся во время погрома⁹²⁷. Именно погромщики стали вооруженной советской властью в городе. Мусульмане, разбежавшиеся по окрестным кишлакам⁹²⁸, после того как кончились столкновения, стали понемногу возвращаться в город, к своим разру-

Разрушенный Коканд

шенным домам и лавкам. Родственники в кишлаках пытались помочь им, посылая овец и какое-то пропитание, но Советы контролировали город и захватывали грузы⁹²⁹.

Несмотря на демонстрацию силы, русские в Коканде не чувствовали себя в безопасности. В обществе говорили об угрозе агрессии со стороны мусульманских бандитов, а страх быстро умножал численность басмачей⁹³⁰. Впрочем, Иргаш-бай действительно остался непообежденным, ему удалось сбежать с большим числом своих людей, а многие еще присоединились к нему после разрушения Коканда. Иргаш-бай предпочитал кишлаки, где все друг друга знали и где людям можно было доверять, в противоположность городу, населенному политиками и русскими.

В кокандской кампании окончательно разрушились отношения между русским правительством, ставшим тем временем советским, и реформистской мусульманской элитой. Институциональная система рухнула, и русская администрация больше не находила влиятельных контрагентов среди местного населения. Кризис колониальной экономики уже уничтожил большую часть потенциальных точек соприкосновения, а в этой новой ситуации терялся смысл в самом существовании мусульманской политической элиты как посредника в общении с русскими властями. Революционеры подчиняли себе все, политика замещалась вооруженной диктатурой. Насилие и голод распространялись повсюду.

Далеко не все русские положительно относились к революционному процессу, в том числе и потому, что многие находились в отда-

ленных поселений и не могли рассчитывать на защиту Красной гвардии из Ташкента или на скудные местные гарнизоны. В особенно трудном положении находились русские, живущие в Ферганской долине на восток от Коканда. Для них спасение воплощалось в железной дороге, которая из России шла в Ташкент, а оттуда в Коканд и Скобелев. Действительно, только этим путем могла прибывать помощь — вооруженные люди и продовольственные грузы.

С тех пор как большевики пришли к власти, железная дорога перестала функционировать. В ноябре движение было остановлено оренбургскими казаками, затем революционеры захватили Оренбург и временно открыли дорогу. Но потом вспыхнул конфликт в Коканде, во время которого часть дороги в Ферганской области была разобрана, что привело к изоляции Скобелева. Русские Коканда и те, что жили еще восточнее, теперь не имели никакого сообщения с прочим Туркестаном, а также не могли оттуда бежать, кроме как пересекая верхом территории, ставшие крайне опасными.

Не все русские Ферганы революционеры

В Скобелеве, как и в других городах Ферганской области, революционная власть утверждалась посредством армии и по инициативе ташкентского Совнаркома. За несколько дней до провозглашения Кокандской автономии при кокандском военном гарнизоне был создан революционный комитет, который образовал городской Совет и известил об этом горожан⁹³¹. Не все русские, однако, поддержали эти действия, а их основная партия, эсеры, открыто дистанцировалась от Совета и вступила в контакт с мусульманским правительством Коканда. В январе, как мы знаем, эсеры провели в Коканде съезд, на котором единогласно решили поддержать Туркестанскую автономию и назначили своего представителя при правительстве. Ташкентское отделение эсеров не присутствовало на съезде, так как участвовало в государственном перевороте, но многие города были представлены — в особенности Скобелев, Андижан и сам Коканд. Русские Ферганы не очень стремились противопоставлять себя мусульманам, как это делали революционеры, они, очевидно, считали это весьма опасным. Но все демократические силы, и русские, и мусульманские, уповали на выборы в Учредительное собрание, назначенные на 20 марта⁹³².

Когда в Коканде начался вооруженный конфликт, из Скобелева были отправлены телеграммы в автономное мусульманское правительство и в русский ревком, под которыми подписались председатель ферганского Совета и командующий вооруженными силами области. Они требовали немедленно прекратить применение силы и начать мирные переговоры. В этих целях в Коканд была выслана делегация (из двух человек — русского и мусульманина), которая долж-

на была участвовать в разрешении конфликта⁹³³. Скобелевский Совет стоял на достаточно умеренных позициях, кроме того, там действовали общественные организации, возникшие в 1917 году и вместе с различными политическими партиями представленные в Городской думе. Общественные организации, объединенные в комитет, признали автономное мусульманское правительство и потребовали от Ферганского Совета сделать то же самое, а также положить конец «борьбе за власть»⁹³⁴. Те же организации, совместно с Городской думой, предложили, чтобы в период, необходимый для создания местных структур автономного правительства, Фергана управлялась особым Советом, состоящим из членов кокандского правительства, находящихся в Скобелеве, из представителей Думы, общественных организаций, Совета рабочих и солдат, всех партий, в общем — из всех⁹³⁵.

Военное командование Скобелева также предприняло попытку посредничества в разрешении конфликта. Непосредственно перед началом «мирной конференции» в Коканде на заседание командования был приглашен Мир Ахмедов, состоявший в мусульманском правительстве. Мир Ахмедов заявил русским военным, что члены правительства прячутся, но готовы к сотрудничеству, и предложил создать временное правительство, которое уважало бы шариат и не сотрудничало с большевиками. На этом заседании выступавшие говорили, что при условии признания автономного правительства всеми политическими силами оно могло бы разослать по всей Фергане надежных людей — купцов, мулл и других влиятельных людей, чтобы они убеждали народ не идти за Иргаш-баем. Чаньшев, командующий небольшими вооруженными силами кокандского правительства, в своем выступлении сказал, что мусульманские автономисты не располагают ни малейшей властью, но объединенное правительство демократических сил могло бы добиться мира. Было также послано приглашение Мустафе Чокаеву, но оно осталось без ответа, так как, по всей видимости, адресата не смогли найти⁹³⁶.

Опасения перед возможной реакцией мусульман на насильственные действия в Коканде даже подтолкнули русских к переговорам со своим потенциальным главным врагом, Иргаш-баем. Военное командование Скобелева сделало такую попытку. Они послали эмиссаров на встречу с Иргаш-баем, но те вернулись ни с чем. Как они сообщили, население не встретило их «достаточно почтительно» и они не получили гарантий неприкосновенности. Тогда военные предложили Иргаш-баю прислать своих делегатов в Скобелев⁹³⁷. Но, похоже, эта встреча так и не состоялась.

Русские поселения Ферганской долины были охвачены противоречивыми настроениями. Наиболее репрезентативная и влиятельная сила, казачье войско, имело четкую позицию. В одном из казачьих призывов к населению говорилось:

«Товарищи и граждане. Вот уже три месяца, как шайка уголовных преступников, открытых грабителей и беззастенчивых демагогов, захватила власть в крае. Эта шайка, состоящая из колесовых, полторацких, пенды, спициных, фроловых и им подобных, прикрываясь большевизмом, совершила целый ряд убийств, грабежей и экспроприаций, в преступную свою деятельность втянула бессознательную часть граждан, рабочих и солдат, опошлив и опозорив нашу светлую, благородную революцию в глазах всех мирных граждан, особенно мусульман»⁹³⁸.

Казаки обращались к населению: «Кто за революцию, за свободу, за Россию — тот с нами» — и заключали это словами: «Да здравствует революционный народ, революционная армия и независимость Туркестана». Они сохраняли верность Февральской революции, Временному правительству и Учредительному собранию.

Всех, от самых умеренных до экстремистов, тревожило не только распространение насилия, но и наступление голода. На собраниях Скобелевского Совета в те дни, когда в Коканде шли уличные бои, говорилось открытым текстом, что нужно защищать мир, иначе будут разрушены железные дороги, что «вызовет только голод, от которого будут страдать как русские, так и туземцы»⁹³⁹. Председатель ферганского Совета обратился к населению с призывом. В тексте, распространяемом на двух языках, говорилось, что «этим известием (о событиях в Коканде) безразличное население было приведено в тревожное состояние и разделилось на национальности... «одни других боясь, люди пришли в сильное беспокойство». Совет обращался к старейшинам, асакалам, пятидесятникам и имамам с призывом содействовать успокоению населения, восстановлению железнодорожных и телеграфных линий, оказанию помощи голодающим⁹⁴⁰.

Положение было весьма трагичным, в особенности для беднейших слоев мусульманского населения. На станции Горчаково, недалеко от Скобелева, в эти дни собралось несколько тысяч голодающих мусульман, поскольку прошел слух, что железнодорожные служащие получили много зерна. Толпа собиралась напасть на служащих и отобрать зерно⁹⁴¹.

Голод поразил и другие незащищенные группы населения, среди которых были и военнопленные, обитающие в лагере под Скобелевом. Областной Совет занялся ими, но, не имея достаточных средств для помощи, попросил позволить им покинуть Фергану в случае необходимости⁹⁴².

Продовольственный комитет объяснял военным властям невозможность создания запасов продовольствия: чтобы их создать, нужно обращаться к крестьянам, которые мало чем могут поделиться. Предлагая крестьянам товары в обмен на зерно, можно было только оттянуть на несколько дней наступление голода в городах. Скупка

зерна по высоким ценам с дальнейшей перепродажей бедному населению по доступной для него цене потребовала бы невозможной для комитета суммы расходов. Комитет полагал, что «хлеб не может быть предметом решения политических вопросов и должен стоять вне политики», и потому предлагал военному командованию принять все необходимые меры для восстановления железнодорожной связи и скорейшего прибытия зерновых грузов из Ташкента для голодающих⁹⁴³.

Прекращение железнодорожного сообщения и изоляция городов препятствовали также получению военной помощи в случае восстания мусульман.

Русские оказались в ловушке: чем более оторванными от Ташкента они себя чувствовали и чем менее оставалось надежд на установление мира, тем сильнее страх толкал их к самовооружению. Скобелевский гарнизон потребовал от городского Совета мобилизовать солдат запаса и вооружить русских горожан, чтобы сражаться с басмачами, восстановить железную дорогу и этим «избавить ферганское население от голодной смерти»⁹⁴⁴.

Колонисты также чувствовали себя в опасности, рискуя стать первым объектом реакции мусульман. В селе Русское, созданном после изгнания мусульман в процессе подавления мятежна 1898 года, русские крестьяне потребовали от местного комиссара выдать им оружие для самообороны. Комиссар, отказавшийся выполнить требование и в дальнейшем смещенный, сообщал, что особенную тяжесть положению придавал тот факт, что Союзом, который представлял крестьян, руководили теперь «вернувшиеся со службы солдаты, почти все неграмотные, неразвитые, до невозможности грубые, крикуны...»⁹⁴⁵

Понимание собственной малочисленности и военной слабости подталкивало к демонстрации силы, но одновременно с этим стимулировало ведение переговоров с мусульманами и готовность к любым необходимым уступкам во избежание столкновений. По этой причине солдаты хотели, чтобы вооруженные части имели при себе мирную делегацию, сформированную из членов мусульманских организаций. И даже сами отряды должны были состоять из местного населения «дабы мусульманский пролетариат убедился, что идет борьба не национальная, а борьба пролетариата за право и порядок». Андижанский Совет даже решил обратиться к Иргаш-баю, предлагая сотрудничество и прося разрешения на восстановление железной дороги⁹⁴⁶.

Все усилия политиков и военных не приводили к установлению мира и, соответственно, не могли даже на время успокоить русское население. Когда умеренные политические силы Скобелева согласились передать власть мусульманам, это решение стало достоянием масс через «призыв к населению Ферганы», который был развешан

по всему городу. Русские были в панике, многие бросились на базар, чтобы продать все имущество и поскорее уехать в Россию. Солдаты гарнизона забаррикадировались в крепости вместе с женами, детьми и имуществом, приготовившись держать оборону пушками и пулеметами⁹⁴⁷. Тем временем прошел слух, что по соседству, в Намангане, мусульмане уже предприняли решительные действия. В этом городке, где уже в ноябре первые революционные шаги русских солдат встретили протест со стороны мусульман, а в декабре прошла многочисленная манифестация в поддержку кокандского правительства, мусульмане взяли инициативу в свои руки и захватили крепость⁹⁴⁸.

Затем события приняли другой оборот, не столь благоприятный для автономного правительства. В Скобелев из Коканда прибыли части Красной гвардии и провозгласили победу над «контрреволюционерами». Солдаты вошли в город, направились на базар и, чтобы всем стало ясно, кто тут главный, открыли стрельбу по мусульманам. Последовал артиллерийский огонь из крепости: русский гарнизон объявлял о своей поддержке «революции», стреляя по мусульманским кварталам. Вслед за Кокандом Скобелев и другие города Ферганы перешли под советский контроль⁹⁴⁹.

Все попытки наладить отношения с мусульманами были приостановлены, как только выяснилось, что русское население не в одиночку противостоит автономистам и басмачам, а находится под защитой Красной гвардии, которая может продемонстрировать силу. Русские обыватели, ощущавшие постоянную угрозу, вероятно, теперь были более склонны встать на сторону революции в надежде, что последняя восстановит былую сильную власть в колонии.

Для мусульманского населения крах отношений с русскими тоже открывал дорогу к созданию вооруженных отрядов. Однако не все курбаши были готовы сражаться с советской властью, и не все были в этом заинтересованы. Вопросы высшей политики, далекие и недоступные для местных, не играли никакой роли в игре, равно как и вопросы религии или идеологии. Единственное значение имели свобода передвижения и действий на своей территории, конкретные местные властные отношения. Для курбаши находиться внутри государства или вне него — зависело от оценки целесообразности и выгоды, а оценка эта была напрямую связана с сегодняшним положением дел, в котором они жили.

Когда начались вооруженные стычки в Коканде, Иргаш-бай написал Мадамин-беку, призывая его прибыть с помощью в Коканд⁹⁵⁰. У Иргаша не было другого пути, кроме войны с Советами, начавшейся в Коканде на его глазах по вине политиков-джадидов. Мадамин-бек находился в нескольких километрах отсюда, в других обстоятельствах, и он решил не двигаться с места, оставаясь в подчинении у городской администрации Маргелана. Он покинул должность несколь-

ко месяцев спустя, поздней осенью, когда революционеры назначили чрезвычайным политическим комиссаром города его личного врага⁹⁵¹. В сентябре этот комиссар, видимо, только-только прийдя к власти, приказал арестовать Мадамина. Приказ, однако, не был выполнен городскими властями. Прибывшие в Маргелан через несколько дней члены ТурЦИКа не только не арестовали Мадамин-бека, но, напротив, воспользовались его гостеприимством⁹⁵². Несмотря на напряженность, связанную с событиями в Коканде и в эмирате, ситуация в разных регионах складывалась очень по-разному.

Когда в городе стало небезопасно, Мадамин-бек решил переместиться в Ташлак, кишлак на окраине города. Часть милиционеров последовала за ним, став первыми членами его банды⁹⁵³. В городе развернулась настоящая борьба за власть между Мадамин-беком и комиссаром Совета, не проходило и недели без того, чтобы люди Мадамина не атаковали город⁹⁵⁴. Во время одного из таких нападений в начале января 1919 года басмачи обстреляли дом одного аксакала и полицейское управление, захватили четверых пленных, привели их на центральную площадь и там на глазах толпы убили⁹⁵⁵. Несколько дней спустя Мадамин-бек вошел в город (с ним было, похоже, около 1000 человек) и встал на площади. Об этих значительных силах сообщало командование местной частью Красной гвардии, которое жаловалось на собственную малочисленность и оправдывало этим бездействие. Мадамин-бек же хвастался своими силами, вероятно, даже преувеличивая их количество. Покинув площадь, он оставил призыв к населению, в котором объяснял свои намерения и просил народной поддержки. Он не забыл упомянуть о том, что его силы насчитывают уже 16 тысяч бойцов, а себя назвал «белой гвардией мусульманской армии» и «верховным командующим Туркестана». Вслед за этим он напал на две джадидские школы, разрушил библиотеку и угрожал учителям⁹⁵⁶.

Так Иргаш-бай и Мадамин-бек стали басмачами. Но если присмотреться, они нисколько не изменились, они продолжали играть все ту же роль и пользоваться ровно тем же авторитетом, что и раньше.

Местная власть басмачей

Вскоре после разрушения Коканда Совнарком установил контроль над производством хлопка, национализировал его обработку и продажу, объявил конфискацию уже собранного урожая. На этих мерах настаивало центральное советское правительство, которое озабочилось дать инструкции по охране хлопкового производства любой ценой. Может быть, в Москве, в сотнях километров от Ферганы, и казалось возможным экспроприировать все у производителей и торговцев и построить заново новую хлопковую экономику. Маловероятно, однако, чтобы эти меры считали реалистичными в Ташкен-

те. Было очевидно, что это прямой путь к разорению богатых мусульман Ферганы, поддерживавших Коканд, в надежде на восстановление экономических отношений с Россией и возможность получить в результате хорошую прибыль.

Первые шаги в этом направлении делались достаточно осторожно, исполнение декретов Ташкента не могло быть возложено на солдат, его следовало доверить людям, разбирающимся в сельском хозяйстве и в местном управлении. Определенная осмотрительность, подобная той, что была проявлена в отношении кокандской автономии, наблюдалась и на начальном этапе хлопковой операции: ташкентские декреты исполнялись местной русской администрацией, сформированной в старой колониальной манере, а не новой, революционной.

Отправным моментом стало решение Совнаркома о роспуске колониальной администрации Ферганы и о передаче ее функций Совету области. На практике хлопок остался в ведении тех же административных учреждений Скобелева, только изменивших название и ставших частью советского аппарата. Служащие, кроме тех, кто бросил работу, остались на своих местах, превратившись в советских чиновников. Переустройство прошло не слишком болезненно: ключевые руководители были смещены, в то время как от остальных требовалось только формально подтвердить подчинение новому революционному правительству. Через несколько дней после кокандских событий, в середине марта, в Скобелеве состоялось собрание, в заключительной резолюции которого говорилось:

«Служащие Переселенческой организации Ферганской области, в большинстве проработавшие в крае по нескольку лет, знающие местные условия и быт населения, готовы отдать свой труд и специальные знания на работу по созиданию нового порядка земельных взаимоотношений трудового земледельческого населения края на началах уничтожения порабощения труда капиталом»⁹⁵⁷.

Особенно важную роль в реформе играли инструкторы, в обязанности которых входила организация выборов по кишлакам в местные Советы и в комитеты по водо-земельному распределению. Частично это были чиновники из Ташкента, частично — технические служащие, уже работавшие в земельных комитетах, созданных прошлым летом для исполнения указа Временного правительства. В основном это были люди довольно умеренных взглядов, считавшие, что земельные комитеты должны начать работать как можно скорее, поскольку из России прибывали крестьяне и солдаты запаса, готовые захватывать землю силой.

Фергана, как мы читаем в записях одного инструктора, оказалась «буквально на вулкане», следовало отдавать себе отчет в том, что «малейшая бестактность по отношению к туземному населению может вызвать восстание последнего»⁹⁵⁸.

Инструкторы отправились по деревням с задачей организовать собрания для выбора комитетов. Эта работа продолжалась до лета, но без малейшего успеха. В докладах инструкторов описывалась одна и та же ситуация: сразу по прибытии они созывали старейшин и других влиятельных жителей кишлака, часто обращались к тем, кто раньше работал в царской администрации; через них созывались все прочие жители. Проводилось первое собрание, обычно довольно немногочисленное и, соответственно, неполномочное принимать решения. За ним созывались второе и третье, примерно с теми же результатами. Инструкторы отправляли доклады в комиссариат сельского хозяйства в Ташкент, которому подчинялись, представляя объяснения повторяющихся неудач. В одном из отчетов говорилось, что мусульмане с недоверием относятся к русским институтам и к выборам представителей. Уже в 1917 году русские пытались задействовать местное население в комитетах по социальной защите, но не нашли никакой поддержки. Вслед за этим были обещаны выборы в земство и в Учредительное собрание, но они не состоялись. В самом деле, для мусульманских крестьян не было причин на этот раз доверять выборам в советские структуры. Были и другие причины неудачи — так, например, во многих кишлаках выборы попытались назначить на период Рамадана, то есть в самый неподходящий момент для таких мероприятий, когда люди погружены в пост и молитву и менее всего склонны к вмешательству русских в их жизнь. Попытки достичь компромисса, проводя собрания после захода солнца (когда заканчивался дневной пост), тоже не давали значительных результатов. Инструкторы называли самой частой причиной индифферентности и враждебности мусульман то, что баи проводили активную пропаганду против выборов и добивались того, что крестьяне бойкотировали собрания или же избирали тех же самых баев, и без того имевших власть в кишлаках. И так, даже если выборы проходили, результат все равно не удовлетворял советскую сторону⁹⁵⁹.

Некоторые инструкторы признавали влияние баев на крестьянское население, но старания обеспечить минимальную самостоятельность крестьянской бедноты и ее управляемость со стороны советской власти (воспринимаемой в первую очередь как русская власть) оставались лишь жалкими попытками. В письменных отчетах местных чиновников не видно и следа классовой борьбы между крестьянами и баями, о которой твердила пропаганда. Наблюдалась напряженность, вызванная разницей в достатке (или, точнее, в недостатке) между кишлаками, в особенности между теми, что имели доступ к воде, и теми, что страдали от засухи. Также были зоны жесточайших конфликтов между киргизами-кочевниками, крестьянами-мусульманами и колонистами за контроль над пастбищами и пахотными землями. Киргизы, несомненно, были наиболее пострадавшей от кризиса группой населения: в донесении из населенного пункта не-

подалеку от Андижана они описываются как «сборище оголодавших людей», многие из которых продавали деревянные части своих кибиток баям соседних деревень и отправлялись в город в поисках пропитания. Оседлое население окрестностей Андижана тоже обнищало и подвергалось насилию со стороны русских. Сообщение инструкторов из одного кишлака гласило: городские части Красной армии появились в деревне, произвели конфискацию имущества и допустили прочие незаконные действия, население запугано.

«До того они были запуганы, что когда проходит поезд к станции железной дороги и дает свисток, а жители к нему прислушиваются и, как только услышат его, тут же забирают необходимое, т.е. постели, и убегают в поля»⁹⁶⁰.

В Андижане инструкторов хорошо принимала только одна группа русского населения: солдаты и крестьяне, находящиеся в городе, но создавшие свою организацию, добивающуюся получения земли. Городской Совет поддерживал этих безземельцев, но не был готов уступить власть окрестным деревням, то есть запрещал образование местных Советов. Инструкторы пытались успокоить городской Совет и, раскрывая фиктивную суть местных выборов, объясняли, что местным Советам не будет дано никаких властных полномочий⁹⁶¹.

Инструкторы встречали в кишлаках отнюдь не только страх, недоверие или пассивность, — зачастую они сталкивались с активной агрессией со стороны басмачей. Эта угроза была настолько реальной, что в Кокандском округе инструкторы были вынуждены бросить работу и укрыться в городе. Это случалось часто, но в сообщениях не приводится случаев прямой агрессии против инструкторов или русских чиновников. Согласно утверждениям советских властей, обеспечивающих политическое проникновение в кишлаки, басмаческая угроза была в основном обращена против самих мусульман. Говорилось также, что басмачи не были бандитами, а они находились на службе у местных баев, которые насильственными методами принуждали крестьян бойкотировать собрания. Практически в каждой крестьянской общине находились люди, силой навязывавшие свои интересы⁹⁶².

Часто действия бандитов были обращены против тех, кто мог бы выполнять роль посредников в общении с русскими. Как и во время восстания 1916 года, после падения Коканда мусульмане, имевшие отношения с русскими, рисковали быть обвиненными в измене. Например, в одной деревушке под Кокандом басмачи убили бия (судью), которого заподозрили в сотрудничестве с русскими в распределении земли. В другой кишлак в том же районе прибыл отряд из двадцати верховых, которые убили окружного комиссара, назначенного советской администрацией. Это случилось в первый день Рамадана, на молитве присутствовало более тысячи человек, и никто из них не воспрепятствовал нападавшим и не пострадал от их рук.

Опять-таки в окрестностях Коканда один местный, назначенный Советами председателем комитета по распределению земли и воды, был вынужден покинуть свой кишлак, так как за его голову назначили цену. Один судья под давлением угроз был вынужден бежать в Коканд, но вернулся в сопровождении эскорта русских солдат, которые принялись стрелять по населению и грабить дома, многие незащищенные крестьяне бежали из кишлака⁹⁶³.

В некоторых деревнях советские представители формально навязывали свою власть, но и здесь местное население в первую очередь признавало другую власть, чьи корни находились внутри мусульманского общества. Советы приходили в деревни и обращались к старейшинам и представителям старой администрации, но они, в свою очередь, получая приказы или запросы от советской власти, предварительно советовались с местными главарями басмачей⁹⁶⁴.

Помимо точечных проявлений агрессии, бывали случаи, когда мишенью становились целые крестьянские общины. В окрестностях Коканда, где действовало много банд численностью по несколько сотен вооруженных людей, басмачи производили ночные набеги в кишлаки, похищали без разбора бедных и богатых, уводили всех лошадей и убивали неугодных⁹⁶⁵. В одном докладе развязалось, что в Кокандском уезде были басмачи, просто занимавшиеся разбоем, а были банды «басмачей-политиков», которые грабили крайне редко, но систематически преследовали тех, кто контактировал с представителями советской власти⁹⁶⁶.

С течением времени и с распространением банд по всей Фергане басмачи набрались смелости и сил для атак непосредственно на русских. Первые набеги имели целью изолировать русскую власть в городах, вывести из-под ее контроля деревню. Очень часто басмачи нападали на небольшие железнодорожные станции — это блокировало движение поездов, препятствуя как доставке продовольствия в города, так и быстрому перемещению войск. Другой мишенью стали фабрики по переработке хлопка, национализированные советской властью, и шахты, где работали иммигранты. Рабочие, столь же боявшиеся басмачей, сколь крестьяне в кишлаках боялись русских солдат, не расставались с оружием и организовывали дежурства. Среди них циркулировали слухи о зверствах басмачей — что те убивают всех русских без разбора, насилуют и похищают женщин⁹⁶⁷.

Большое число отщепенцев и молодых людей, оказавшихся не у дел из-за рухнувшей деревенской экономики, питало местные конфликты: люди, обладающие властью и имеющие в распоряжении большие человеческие ресурсы, воспользовались пространством, освободившимся от старой колониальной администрации, и препятствовали русским в установке новой командной системы в сельской местности. Распространение басмачества состояло, однако, не только в вербовке баями в вооруженные отряды, но и в появлении курбаши —

военных лидеров, опиравшихся на свои банды и утверждавшихся в роли уже местных лидеров, навязывающих баям и местным кланам свою протекцию в обмен на контрибуцию.

В конце весны 1918 года в окрестностях Коканда ходили слухи, что бай заплатили одному из курбаши большие деньги, обеспечили его лошадьми, сеном и продовольствием в обмен на гарантии безопасности. Этот курбаши нам уже известен — это был Иргаш-бай⁹⁶⁸.

После разгрома Коканда Иргаш-бай переместился в Бачкир, свой родной кишлак, находившийся километрах в двадцати от города, где устроил себе штаб-квартиру. Там он начал консолидировать власть, которая вскоре поднялась до уровня беков прежних времен. О нем говорили, что он малообразован, замкнут, нерешителен и крайне подозрителен, тонок в дипломатии «восточного толка»⁹⁶⁹. Среди русских многие его считали фанатиком; очевидно, что Иргаш уважал и практиковал ислам — хотя бы в той степени, чтобы представлять себя как защитника веры⁹⁷⁰. Его подлинной верой в первую очередь была борьба против русских⁹⁷¹.

После Коканда Иргаш-бай выстроил систему отношений, которая позволяла ему контролировать свою территорию незаметным для советской власти образом. Казалось, что курбаши просто исчез. В начале 1918 года он решил заявить о себе. Это известие принесли Советам начальник администрации Кокандского уезда и четыре казака, прибывшие в город, избитые и раздетые курбаши, а затем отпущенные с приказанием передать, что Иргаш-бай не признает советскую власть. Совет Коканда ответил отправкой шестидесяти солдат с несколькими пулеметами. При встрече с басмачами большая часть этого отряда, состоявшего в основном из городской милиции, ударились в бегство. Поняв, что отнеслись слишком легкомысленно к этой угрозе, Советы снарядили новую экспедицию, на этот раз более серьезную. Она состояла из 150 солдат, среди которых было 60 человек из армянской дружины, вооруженных пулеметами и одним орудием. Этот отряд дошел до Бачкира и нашел его покинутым. Председатель кокандского Совета, армянин Сааков, руководивший отрядом, созвал собрание и предложил уничтожить кишлак и сжечь дома Иргаш-бая⁹⁷². Как сообщил один из участников экспедиции, отряд «расстрелял невинных, беспомощных дехкан и оскорбил некоторых женщин и девиц и ограбил домашнюю утварь их»⁹⁷³.

Военные неудачи Советов, их беспорядочные насильственные действия и набеги на кишлаки, их вымученная пропаганда, которая для убедительности преувеличивала размах действий басмачей, только способствовали популярности Иргаш-бая. Слабость попыток советских солдат и чиновников утвердиться в обществе, во всем им чуждом, со временем становилась очевидной. Из донесений, которые военные получали от своих соглядатаев в деревнях, довольно скоро стало ясно, что население воспринимало Иргаша как единственную защиту⁹⁷⁴.

Карта действий Красной армии против Иргаш-бая

На самом деле утверждение Иргаш-бая не было следствием общенародной поддержки, да и не могло им быть, учитывая постоянное соперничество между местными кланами и семьями, а отражало важные изменения, произошедшие внутри мусульманского общества. Вооруженные банды стали единственной инстанцией для крестьянства, поскольку прочие посредники — коммерсанты и аксакалы старой администрации — свои функции утратили. В кокандских окрестностях банды, подчинявшиеся Иргаш-баю, стали реальной властью, признаваемой мусульманами.

Отношения с русскими, а не только война против них, продолжали тем не менее оставаться очень важным моментом. Образование крупных банд (по сотне людей и больше) требовало массированных поставок оружия, а основным источником такового были казармы русских воинских частей. Не случайно Иргаш-бай и Мадамин-бек начинали свою карьеру курбаши, находясь на службе у городских администраций и получая снабжение от русских. Уже впоследствии они дистанцировались от администрации и укрепили свои банды нападениями на колонистов, покупкой оружия, помощью антисоветски настроенных казаков, бухарского эмира, а позже даже англичан. Были и другие мусульмане, которые создавали свои банды по примеру Иргаша и Мадамин-бека, но в других местах и в другое время. Многие курбаши, когда оказывались в сложной ситуации, переходили на сторону Советов, но при первой же возможности опять возвращались к самостоятельной игре. Тем самым, главным образом именно советские власти создавали басмачество, по разным причинам — будь то

тактическая необходимость, коррупция или же просто слабость. Один советский руководитель писал:

«(В Фергане) все русское население с ног до головы вооружено; сартовское постольку, поскольку наши полки занимаются не только грабежом, но и продажей оружия. Мера эта в обстановке действий этих полков приведет к новому ограблению сартовского населения (под видом обысков) и «нахождению» оружия в сартовских поселках»⁹⁷⁵.

Соперничество между курбаши также было напрямую связано с советской властью, так как последняя могла выбирать, какую из сторон обеспечивать оружием и фуражом. Когда Иргаш-бай бежал из Коканда в Бачкир, некий Мулла Умар, его давний противник, явился к полицейскому начальству с предложением услуг. Советы, которые, завоевав город, пытались реорганизовать администрацию, поверили ему и его обещаниям покончить с бандами Иргаша в течение трех месяцев. Мулла Умар стал комиссаром Наманганского района (часть Кокандского уезда), ему дали людей и оружие. В этой новой роли он начал грабить местное население, распространяя слухи, в которых приписывал Иргаш-баю все бандитские действия своих людей. Благодаря этому росла дурная слава Иргаша, но процветал также и миф о его силе⁹⁷⁶.

Потом Советы начали переговоры с Ишмухамедовым — курбаши, который был врагом Иргаш-бая и Муллы Умара одновременно. Ставку сделали на него, а Муллу Умара арестовали. Спустя какое-то время ситуация опять изменилась: Мулла Умар был освобожден и назначен заместителем начальника полиции Коканда. Со своими 120 подчиненными он принялся грабить по ночам население в окрестностях города, как всегда, приписывая эти действия Иргаш-баю. Наконец, сам Иргаш обратился к Советам, требуя положить конец беззаконию и выдать ему Муллу Умара⁹⁷⁷.

Другой местный курбаши, Хамдам Ходжа, начинал как главный соратник Иргаш-бая, затем рассорился с ним и стал служить советской власти. Он приказал своим людям стрелять по Иргаш-баю, если тот попытается проникнуть на подконтрольную им территорию. В шпионском донесении Хамдам Ходжа описывался как наиболее гуманный из всех курбаши, говорилось, что в двух кишлаках, находившихся под его началом, не было краж, грабежей и даже проявления насилия против мусульман, близких к советской власти. В общем, его называли «бандитом по недоразумению». В переговорах советская сторона согласилась гарантировать ему и его людям полную безопасность, если они сдадут оружие и перейдут к мирной жизни. Хамдам Ходжа отказался сдавать оружие, уверяя, что оно нужно для защиты от Иргаш-бая, а не от Советов. В конце концов договорились, что банда переходит вместе с оружием на сторону советской власти, рядовые члены получают деньги за свою службу, а Хамдам Ходжа обязуется сражаться с Иргаш-баем, пока тот не сдастся⁹⁷⁸.

Численность бойцов Иргаша быстро росла после падения Коканда, к нему присоединялись другие курбаши. Всего за несколько месяцев Иргаш-бай стал лидером тридцати курбаши. У некоторых под началом были совсем небольшие банды — около пятидесяти человек, у других — под двести, все располагались в разных кишлаках, чтобы занимать весь Кокандский уезд и расширять свое влияние в направлении Маргелана и Уч-Кургана⁹⁷⁹.

Посредством этих банд Иргаш-бай контролировал территорию: его бойцы следили за перемещением людей во всем уезде, делали невозможной любую неожиданную вылазку советских частей, препятствовали распространению насилия, а также образованию независимых басмаческих банд.

Иргаш, не имея ни одного русского в своих бандах, в течение 1919 года получил подкрепление от бухарского эмира. Он завербовал много таджиков из Матчи, местечка в эмирате на границе с Самаркандской областью. Летом 1919 года он заключил соглашение с местным беком и получил от него оружие. Главным военным помощником курбаши был афганец, который заведовал оружейной мастерской в Бачкире.

Мадамин-бек построил свою власть в основном на тех же принципах, что и Иргаш-бай, но начал позже, дольше пользуясь преимуществами хороших отношений с русскими, и значительно четче выстроил свою систему управления. Власть Мадамина заметно усилилась в 1919 году. В конце лета Мадамин-бек имел под началом уже более 2000 вооруженных басмачей, его личная гвардия насчитывала около 200 человек. В конце года у него было уже четыре или пять тысяч людей, вооруженных ружьями, а зона его действий охватывала практически всю Ферганскую область, исключая территорию Иргаш-бая. Все военные операции планировались лично Мадамин-беком. Непосредственно от него зависели несколько крупных курбаши, которые, в свою очередь, командовали более мелкими. Во главе оперативного штаба Мадамина стоял русский офицер, при крупных курбаши также состояли русские офицеры в качестве инструкторов.

Как и у Иргаш-бая, у Мадамин-бека каждому курбаши была приписана определенная территория, что создавало своего рода сеть, охватывающую все кишлаки. Мадамин был, однако, осторожнее Иргаша, который сосредоточил свои силы в Бачкире, и избегал проживания басмачей постоянно в одном месте, стремясь к тому, чтобы они перемещались по всей своей территории. Банды ставили посты через каждые пять километров во все стороны относительно того места, где организовывалась база, чтобы предупредить о возможном появлении советских сил. Кроме того, во всех уездах и даже в городах у них были соглядатаи, которые наблюдали за каждым движением Красной армии. У банд не было резервов фуража и продовольствия, так как они не могли быстро передвигаться с обозами. Зато имелась

гражданская администрация, состоявшая по прежней манере из волостных старшин и пятидесятников, которые занимались сбором податей и обеспечением продовольствия для банд, получая от населения необходимые объемы. Продукты и животные крестьянам при этом всегда оплачивались.

Любой грабей населения был категорически запрещен курбаши и их бандам. Банды располагали оружием, мастерской, где оружие чинилось и изготавливались боеприпасы. Люди получали месячный оклад, банды не были сформированы стихийным образом из местных крестьян, мобилизованных на краткий срок. Крестьяне использовались только в обороне, когда возникала угроза нападения вражеских частей на их деревни. В этих случаях они объединялись с людьми Мадамин-бека⁹⁸⁰.

Мы описали организацию басмачами местной власти, хронологически забегаая немного вперед. Возможно, читателя удивит наличие жесткой дисциплины и иерархии среди курбаши или для него станет сюрпризом появление русских среди людей Мадамин-бека. В действительности разногласия между бандами продолжались, союзы создавались и рушились в течение всего 1919 года, между Иргашбаем и Мадамином тоже был конфликт, на смену которому пришло временное перемирие. Отношения с русскими тоже не были стабильны, мусульмане из Красной армии переходили фронт и становились басмачами, и наоборот. Нестабильность альянсов порождалась враждебными отношениями как между курбаши, так и между фракциями внутри самой советской власти, а меры ташкентского правительства только подпитывали разнобой в местной политике.

Нам следует еще раз обратиться к внутренней ситуации в Фергане, чтобы изучить местную динамику советской диктатуры. Мы вновь столкнемся с закалившейся армянской силой, с колонистами, которые соберутся в войско против мусульман, и, разумеется, не обойдем басмачей во главе с их лидером Мадамин-беком.

Фокус рассмотрения смещается к востоку, в сторону Андижана, где сгущаются конфликты. Мы пристально рассмотрим ситуацию, которая являет знаменательный пример советской политики в образовании этнического конфликта. Так же как и в Коканде, меньшинство в угрожающей ситуации получило оружие, чтобы защитить себя и обратить жестокую диктатуру против мусульманского большинства.

Диктатура армян в Андижане и колонистов в Джалалабаде

Отношения между мусульманами и русским населением в Андижане были напряженными уже давно. Город находился в кризисе, на помощь извне рассчитывать не приходилось — поезда не доставляли зерна, хлопковые поля в окрестностях были заброшены, крестьяне-сарты не имели работы, а киргизы-полукочевники вымирали от голо-

да. Как и в Коканде, после взятия города Красной армией все основные посты в гражданской и военной администрациях были заняты армянами. Армяне были объединены национальной партией Дашнакцутюн и защищали свои групповые интересы, не гнушаясь самоуправством и фаворитизмом. Властные отношения в который раз оказывались построены на оружии и на провоцировании этнического конфликта: Дашнакцутюн раздавал оружие армянам, формируя касту «новых преторианцев» именем революции.

Советская диктатура, установившаяся в Андижане, открывала русским и армянам доступ к ресурсам в окрестностях города — позволяла забирать у мусульманских крестьян остатки хлопка, продовольствия, всего, что могло быть продано. Первые советские меры касались национализации хлопка, экспроприации фабрик и замены владельцев и торговцев на людей, принадлежащих к новому, формирующемуся политическому сословию. «Буржуазию» изгнали и заменили на чиновников, далеких от проблем возделывания и переработки хлопка, но жаждущих захватить как можно больше. Хлопок, ценная ставка в политической игре, стал источником личного соперничества, коррупции и, косвенно, даже милитаризации власти. Новые администраторы установили свой контроль, но экономика рушилась (в том числе и по причине хаоса, вызванного мерами новой администрации) и желаемое богатство исчезало. Кризис в экономике оставлял пространство для прямого использования силы. В самом деле, участились набеги армянской Красной армии в кишлаки, официально — операции против басмачей, а по сути — грабежи. В одной из таких вылазок в кишлак Ханул-Абар в декабре 1918 года армяне похитили всех женщин и привезли в качестве трофеев в Андижанскую крепость. В других случаях они ограничивались конфискацией скота и имущества, увозя одеяла, одежду, запасы продовольствия. Лошади, официально реквизируемые для частей Красной армии, продавались тем, кто больше предложит, и вполне может быть, что их выкупали обратно сами крестьяне. Десятки кишлаков были разрушены армянскими отрядами. Сражаясь таким образом с бандами басмачей, отчасти вообразаемыми, армяне провоцировали реальный переход многих крестьян на сторону басмачей. Аналогичные последствия имела торговля оружием и боеприпасами, которой тайно занимались солдаты Красной армии: оружие продавалось басмачам с хорошей прибылью для армян, но ценой усиления басмаческих банд⁹⁸¹.

Хотя революционная диктатура и оставалась в руках Дашнакцутюна до середины 1919 года, уже в конце 1918-го в Андижане была образована местная структура коммунистической партии. Эта инициатива, спущенная сверху, из Ташкента, имела целью политическое управление андижанским Советом и продвижение русских к вершине властной пирамиды. В партию записалось полтора десятка советских руководителей. Коммунистическая партия, выразившая интересы

русского пролетариата и искавшая контактов с армянами и мусульманами, вела завуалированную полемику с Дашнакцутюном, но не ставила вопрос об альянсе. В секретном донесении агента комиссариата национальных дел Ташкента в конце 1918 года говорилось, что армянская национальная партия несет ответственность за конфликт между советской властью и мусульманским населением, а армянский руководитель, отвечающий за «национальную» политику в городе, — богач, владелец винодельни, кинотеатра и нескольких домов.

Управление старым городом, очевидно, не могло быть прямо передано армянам, здесь требовалось участие мусульман, которым желательно было доверять сбор податей и реквизиции. Поэтому был создан мусульманский Совет, которому не было придано никакой политической самостоятельности, но который тем не менее оказался плохо контролируем, до такой степени, что вскоре многие депутаты попали под следствие и были посажены в тюрьму. Похоже, мусульманские депутаты работали в основном в интересах собственных кланов и сотрудничали с властями нового города с целью использовать эту власть внутри старого города⁹⁸².

Для создания более надежного канала влияния на мусульманские кварталы революционеры поддержали создание ячейки коммунистической партии в старом городе. В нее сразу записалось много членов, была образована военная часть, чтобы и мусульмане защищали город от басмачей. Среди трех сотен мусульман, ставших членами партии, были бывшие тайные сотрудники полиции, толмачи прежних администраций, люди, ищущие личных выгод, например, доступа к распределению продовольствия. Мусульманская коммунистическая организация не имела большого успеха. Треть ее членов или довольно быстро убили басмачи, остальных через несколько месяцев исключили из партии за коррупцию или несоответствие. Мусульманская военная часть также не проявила большого революционного рвения и вела себя с обычной наглостью вооруженной группы людей: рассказывали, что солдаты-мусульмане врываются с оружием в самые богатые дома старого города и угрозами заставляли семьи обещать им в жены своих дочерей, другие похищали женщин прямо на улице и уводили их в казармы⁹⁸³. Там, где было оружие, сразу начинались злоупотребления.

Население нуждалось в скоте, деньгах, посевном зерне и продовольствии. Комитет по борьбе с голодом (о котором мы расскажем в следующей главе) был абсолютно не способен справиться с ситуацией, располагая всего одним продовольственным пунктом в новом городе. Нуждающиеся мусульмане и разорившиеся крестьяне постоянно прибывали в город и, опасаясь революционеров, искали ночлег в мусульманских кварталах⁹⁸⁴.

Несмотря на вооруженное патрулирование, введенное Дашнакцутюном, в феврале 1919 года басмачи совершили налет на старый

город и захватили много оружия и боеприпасов. Городской гарнизон, состоявший в основном из армян, не разбираясь, приписал ответственность за случившееся обитателям старого города и объявил о проведении обысков. Обыски длились неделю и сопровождались грабежами, убийствами и изнасилованиями. Молодых девушек армяне увозили из старого города в сторону крепости телегами. Чтобы окончательно запугать мусульман, армяне распространяли ложные слухи о том, что большевики вскоре начнут обстрел города и вывезут все продовольствие, как это случилось в Коканде. Свидетель докладывал, что от страха мусульмане перестали спать по ночам. Оправдывая свою жестокость, армяне говорили, что, даже если убьют все мусульманское население Ферганы, не будет столько погибших, сколько уничтожили армян мусульмане в Турции. Многие горожане бежали от этой непереносимой ситуации и присоединялись к басмачам⁹⁸⁵.

Изоляция советской власти в городе делала хрупкой армянскую диктатуру, оказавшуюся во враждебном окружении обитателей кишлаков, под ударами басмачей. Не желая, однако, устанавливать другие отношения с мусульманами, армяне реагировали на сложившуюся ситуацию отправкой военных отрядов с целью защитить русские поселения за пределами города и провести акции устрашения среди мусульман.

Одной из первых армянских экспедиций в июне 1918 года стала вылазка в Ош, который находился под угрозой взятия басмачами — Иргаш-баем и Хал-Ходжой. Первый нам уже известен, второй был родом из этих мест и пользовался определенным авторитетом в округе как основатель одной из городских мечетей. Говорили, впрочем, что он любил предаваться и менее благородным занятиям — спекуляции, азартным играм; из его недавнего прошлого было известно, что он оказался в тюрьме за ограбление китайского купца, торговавшего в Оше. Весной 1918 года он бежал из заключения, захватив вдобавок оружие. Вооружив этими ружьями сбежавших с ним преступников, он сколотил свою первую банду. Затем он присоединился к Иргаш-баю, и они вместе послали письмо военным властям Оша с требованием сдать город. Городской гарнизон насчитывал всего 70 солдат, в то время как Хал-Ходжа располагал бандой из 80 верховых, а также имел в качестве инструкторов одного казака и пять-шесть австрийских солдат (бывших военнопленных). Советы спаслись благодаря подкреплению, спешно прибывшему из Андижана. Мусульманское население города нисколько не было обеспокоено происходящим, оно не участвовало в мобилизации, объявленной русскими, и занималось своими делами. Мусульмане, похоже, были уверены в отсутствии у Хал-Ходжи каких-либо враждебных намерений по отношению к ним, а если он иногда и брал у них сено, то это наносило меньший ущерб крестьянам, чем постоянные реквизиции фуража, фруктов и овощей русскими солдатами⁹⁸⁶.

В ноябре армяне вторглись в окрестности Джалалабада. Рассмотрим, что происходило в той местности.

Этот район был заметной иммигрантской зоной, первые поселения там возникли в конце XIX века, но основная масса крестьян прибыла после 1905 года. В 1917 году насчитывалось уже 6500 иммигрантов, рассеянных по маленьким деревням, — более половины колонистов, иммигрировавших в Фергану, сосредоточились в этом районе. Немаловажен тот факт, что в своем большинстве они были украинцы, а не русские — это важно для понимания тех событий, которые мы вскоре рассмотрим и в которых не последнюю роль играли отношения между иммигрантами и Ташкентом, а также, косвенно, и с Москвой. Землю они в основном экспроприировали (без всякой компенсации) у полукочевых киргизских племен, прежде ее возделывавших⁹⁸⁷.

Вероятно, в среде этих колонистов отнеслись положительно к образованию революционного правительства в Ташкенте и еще более укрепились в этом мнении, когда мусульманские лидеры Коканда провозгласили автономию Туркестана (манифестации в поддержку мусульманского правительства прошли даже в Джалалабаде)⁹⁸⁸. Революционная диктатура расценивалась колонистами позитивно в том числе и потому, что революционеры не собирались идти на уступки киргизам. Киргизы Джалалабадской волости были близки к голодной смерти, колонисты не продавали им зерна и намеревались вытеснить с этой территории⁹⁸⁹. Зерно между тем становилось все более ценным ресурсом, за него велась борьба, и колонисты, взвесив последствия трений с революционным правительством, начали сопротивляться продрозверсткам, руководимым из Ташкента⁹⁹⁰.

В ноябре 1918-го в окрестности Андижана прибыла военная экспедиция с миссией подавить банды Иргаш-бая. Во главе экспедиции стоял военный комиссар, некто Осипов, которого стоит упомянуть здесь, так как он встретится нам еще не раз. Делегация колонистов сообщила ему, что две недели назад в нескольких километрах от Джалалабада, в кишлаке Сузак, были замечены Мадамин-бек и Хал-Ходжа с большими бандами басмачей. Колонисты отреагировали осторожно, послав разузнать о намерениях басмачей. Намерения эти оказались довольно мирными: Мадамин-бек и Хал-Ходжа собирались всего лишь посетить святое место — мазар Хазрет-Аюб-Таигамбар, располагавшийся в двух километрах от Джалалабада. Колонисты ничего не имели против этого, но вскоре получили более тревожные сведения о действиях двух курбаши и решили обратиться в Андижан за подкреплением. Возвращаясь из мазара, басмачи ограбили банк Джалалабада, убив 13 человек (из них 11 армян), и удалились с богатой добычей. В Сузаке басмачи столкнулись с вооружившимися колонистами, но им удалось скрыться в горах. Последовала жестокая расправа над мусульманами Сузака, которых колонисты обвинили в укрытии

басмачей. Осипову и прочему ташкентскому руководству было сообщено, что насильственные действия в деревне продолжаются — колонисты режут жителей кишлака, сжигают их дома, захватывают имущество⁹⁹¹.

Прошло чуть менее двух месяцев, и в феврале 1919-го, как мы уже знаем, басмачи атаковали Андижан, учинив жестокую резню в старом городе.

В те же самые дни отряд из 170 вооруженных армян предпринял вылазку из города против басмачей, достиг Кокан-кишлака после 25-километрового конного перехода, но там они были окружены, захвачены в плен и скорее всего убиты. Советская власть в Андижане обвинила мусульманское население уезда в пособничестве действиям басмачей и послала более многочисленную военную экспедицию.

Чинимые армянами репрессии были чрезвычайно жестоки. Одна их часть достигла Кокан-кишлака, подожгла его и стала преследовать жителей и убивать. Другой отряд встретил басмачей, которые, видимо, прятались в Сузаке, и, обратив свою ярость против местного населения, обстрелял кишлак; солдаты согнали выживших жителей на берег реки и всех расстреляли. Третий отряд Красной армии столкнулся с басмачами возле Базар-Кургана, вступил с ними в бой, но не смог одержать победу и, отступив, приказал очистить зону от бандитов колонистам Базар-Кургана. Более двадцати дней колонисты зверствовали по кишлакам. Как сообщали очевидцы, они убивали мужчин, поскольку те могли быть басмачами, и детей — потому что те могли ими стать. Те, кто выжил, собирали и хоронили трупы, но колонисты появлялись опять и убивали оставшихся, даже тех, кто молился у могил⁹⁹².

Пока армяне предавались насилию, Мадамин-бек захватил в плен солдат советской военной части из Намангана. Этот отряд состоял из 49 армян, 13 сотрудничающих мусульман (которые были убиты на месте) и нескольких русских солдат (которые были обезоружены и освобождены). Мадамин-бек захватил все оружие и взял с собой русского офицера, чтобы тот обучил членов банды обращаться с оружием и пулеметом. В то же время и Хал-Ходжа обзавелся оружием и деньгами. Ходили слухи, что английский консул в Кашгаре (городок на китайской территории недалеко от границы) вместе со своим русским коллегой, верным Временному правительству и враждебно настроенным к Советам, собрали деньги для помощи Хал-Ходже⁹⁹³. Грабежи и подобная помощь давали Мадамин-беку и Хал-Ходже оружие и возможность вербовать много людей.

Вербовка басмачей происходила и в окрестностях Андижана. В кишлаке Ассаке один курбаши, помощник Мадамина, мобилизовывал мусульман такими речами:

«Хотя нас называют разбойниками, но мы не разбойники, потому что у нас нет личных интересов. Мы защищаем беззащитных, жен-

щин и детей <...> мы против русских вражды никакой не имеем, но русские, участвовавшие вместе с армянами в грабежах и убийстве, — наши враги, как и армяне, то пусть они тоже погибнут от нас. Мы очень сожалеем, что страдает мирное русское население Ферганы вместе с нами, а поэтому они наши друзья и мы их трогать не будем. <...> мы убиваем мусульман, находящихся в рядах Красной армии, то их жалеть нечего, потому что они вооружились против нас вместе с армянами и как изменники мусульманства, — пусть они все погибнут от руки своего же брата-мусульманина. Нас называют разбойниками и грабителями — это отчасти правда, потому что у нас нет ни казначейства, ни банков и ничего ценного, на что мы могли бы содержать свою армию, а потому мы отбираем от богатых без различия нации все, что только возможно, и на это содержим защитников нации мусульман. Но ведь большевики тоже разбойники, они тоже отбирают у населения все, что попадет под руку, и на это содержат армию насильников армян и красноармейцев».

Затем, говоря о хозяйничающих в Андижане, курбаши призвал мусульман: «Мы должны последовать примеру турок, которые уничтожили армян»⁹⁹⁴.

Мы точно не знаем, была ли реально произнесена эта речь, о которой сообщал информатор комиссариата внутренних дел Ташкента, но она безусловно отражает те воззрения, которые можно было бы приписать Мадамин-беку.

В Кокан-кишлаке армяне столкнулись не просто с какой-то бандой басмачей, а с большим скоплением сил. Там стоял Мадамин-бек с двумя тысячами людей, Хал-Ходжа с девятьюстами и Иргаш-бай с восьмьюстами⁹⁹⁵. Деревни вокруг Андижана находились целиком в руках басмачей, все три курбаши, похоже, действовали в тесной координации. Безжалостная советская диктатура Андижана столкнулась с опасным противником, сосредоточившим в окрестностях города значительные силы⁹⁹⁶.

Колонисты Джалалабада, со своей стороны, приступили к организации собственной обороны, давно поняв, что вверять собственную безопасность армянским отрядам Андижана нельзя. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще летом 1918-го, когда подобные меры были приняты в основных местах скопления крестьянской иммиграции по всему Туркестану. Тогда колонисты создавали вооруженные силы для охраны от внешних посягательств своего зерна, а также чтобы держать подальше голодающих кочевников, бродивших в окрестностях пахотных полей. Поселения в районе Джалалабада отрядили своих людей, и уже осенью было набрано четыре вооруженных отряда. Присутствие басмачей становилось тем временем все ощутимей, участились стычки и нападения. Революционное правительство Ташкента, по всей видимости, по предложению военного комиссара Осипова, который уже непосредственно столкнулся

с ситуацией, решило признать вооруженных крестьян частью Красной армии, вооружить их и придать им особый статус, обеспечивавший автономность. К делу подключились Советы всех поселений в окрестностях Джалалабада, объявившие мобилизацию всех мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Так возникла Крестьянская армия, руководил которой Военный Совет из представителей разных деревень. Состояла она из десяти воинских частей, собранных по территориальному признаку⁹⁹⁷.

Таким образом, в Андижанском уезде в начале 1919 года действовали три вооруженных силы: городской Совет с армянскими отрядами, колонисты с Крестьянской армией и басмачи. Разные территории имели разные силы, враждебные друг другу. Кроме того, имелась Красная армия, командиры которой действовали от имени ташкентского Совнаркома. Красная армия стремилась установить контроль над всей Ферганской областью и стать единственной военной силой. В конце января ферганский Совет ввел комендантский час во всех населенных пунктах области, а военное командование выпустило следующие приказы⁹⁹⁸:

- ходить по улицам без пропусков, выданных Оперативным штабом, разрешается до 9 вечера. Нарушение карается арестом и судом;
- распространение ложных слухов карается арестом и судом;
- грабители и провокаторы, арестованные на месте преступления, подлежат немедленному расстрелу;
- все развлекательные заведения закрываются в 8.30 вечера;
- любое собрание, о котором не поставлены в известность местные органы советской власти, запрещается;
- холодное или огнестрельное оружие, на ношение которого нет соответствующего разрешения, должно быть передано в военный комитет в трехдневный срок, нарушение карается расстрелом;
- все вновь прибывающие должны немедленно зарегистрироваться, нарушитель и укрывающие его лица отвечают перед законом в равной степени.

Чтобы понять, как развивались конфликты в Фергане, нам следует учитывать не только местную динамику, но также и меры, принимаемые ташкентским революционным правительством.

4. Советская власть разделяется

Выберем в очередной раз главное действующее лицо, чтобы в деталях рассмотреть общую ситуацию — кризис русского революционного режима и зарождение новой мусульманской альтернативы. Нашим гидом станет Турар Рыскулов. В 1918 году он был главой комитета по борьбе с голодом, представляя тем самым определенную инстанцию мусульманского чиновничьего аппарата, выступающую посредником между государственными институциями и обществом. Он занимал эту важную должность в тот момент, когда разногласия, существующие между русскими революционерами, привели к попытке государственного переворота и к тяжелейшему политическому кризису. Москва, опасаясь падения революционной власти, настаивала на допуске мусульман к управлению. В 1919-м кризис советской государственности в крае продолжался: революционеров разделяли жесткие внутренние противоречия, войска были ослаблены охватившей солдат анархией, ненадежностью бывших военнопленных и ферганских армян, ставших частью Красной армии.

Входившие в советское руководство мусульмане приносили с собой новые организационные методы и использовали новые социальные связи. Они были в состоянии привлечь на свою сторону остатки движения джадидов и начать серьезный диалог с обществом, в том числе и с курбаши, сражающимися в Фергане с советской властью. Под руководством Рыскулова был разработан проект политической перестройки, ставивший целью образование мусульманского государства и мусульманской армии. Проект имел под собой серьезную почву, в том числе и потому, что открывал дорогу к наступлению мира в Туркестане, как мы увидим в следующей главе, но это было совсем не той целью, которой добивалось центральное правительство.

Турар Рыскулов и борьба с голодом

Рыскулов вышел из казахской семьи. Он родился в одной из волостей Семиречья, недалеко от Верного, вырос в северном районе Туркестана, рядом со Степным краем. Там он стал говорить по-русски и сделал первые шаги в политической карьере. Вероятно, его увлечение политикой началось в 1916 году, во время мятежа кочевников, когда он вступил в контакт с умеренными представителями нацио-

нального казахского движения. В 1917-м он сблизился с Шура-и-Ислам, но не сошелся ни с джадидами, ни с мусульманскими политиками национального толка, предпочитая круги русских социал-демократов, активно действующих даже в Аулие-Ата, недалеко от которого он в то время проживал.

Собственно карьера Рыскулова началась только после падения мусульманского правительства Коканда, когда его назначили заместителем председателя исполкома Совета Аулие-Ата. Он был выбран русскими как человек, которому можно доверять, и, с другой стороны, как потенциальный посредник между советской администрацией и местным населением. Тогда ему было 24 года.

Мы уже знакомы со сложившейся в то время в Аулие-Ата ситуацией: местная русская власть заявила свое исключительное право на зерно, мусульманское население города практически голодало, кочевники в уезде были обречены на медленное вымирание. Рыскулов оказался в самом центре этой голодной войны. Нам не известно в точности, что он делал, возможно, пытался стать связующим звеном между нуждами государства, нуждами колонистов и потребностями кочевников. Возможно, он понимал, что у каждой стороны есть свои оправданные резоны, но они никак не сочетаются с резонами других сторон и в конечном итоге в борьбе за выживание проигрывают самые слабые и самые удаленные от государства, то есть кочевники.

Двойственная роль, которую играл Рыскулов в Аулие-Ата, отражала аномальность самого его нахождения в Совете. Рыскулов стал представлять мусульманское население по указанию сверху, от русского руководства, при этом он не имел прямых отношений с мусульманскими организациями или даже с какими-то общинами местного населения. Сила его позиции заключалась в том, что советская власть нуждалась в нем как в посреднике в общении с мусульманским миром. Кроме того, его позиции усиливались тем больше, чем более критичной становилась ситуация и чем вероятней казалось крушение советского режима.

Осенью 1918-го Рыскулов был переведен в Ташкент и стал членом правительства в ранге комиссара здравоохранения. Одновременно он продолжал заниматься проблемой голода и в ноябре представил программу мер Центральному исполкому Советов Туркестана. В докладе сообщалось, что в различных уездах погибло голодной смертью от 25 до 50% населения, поголовье скота уменьшилось на 90%. Жертвами стали в основном киргизы в горных районах и предгорьях Семиречья, но зимой, предупреждал Рыскулов, голод ударит и по оседлому мусульманскому населению. В связи с этим он предложил как можно скорее создать Центральную комиссию по борьбе с голодом, дать ей достаточную независимость и наделить широкими полномочиями, включая право проводить реквизиции, обеспечивать себе продовольствие, горючее и прочее. Предусматривалось также,

что комиссия создаст подчиненные структуры в областях и уездах, чтобы покрыть всю территорию Туркестана⁹⁹⁹. В ноябре 1918 года такая комиссия была действительно создана, все требуемые условия выполнены¹⁰⁰⁰.

Рыскулов получил от ТурЦИКа разрешение покинуть комиссариат здравоохранения, чтобы посвятить себя полностью борьбе с голодом. ТурЦИК назначил его председателем Центральной комиссии¹⁰⁰¹, но не высказался по самому существенному вопросу — об объеме финансирования, направляемого на организацию помощи голодающим.

Первой задачей комиссии стала оценка численности голодающих, то есть неспособных обеспечить себя пропитанием. Внимание в первую очередь было обращено на мусульман, что являлось отступлением от прежней политики, ориентированной исключительно на русское население. Таким образом, Семиречье стало рассматриваться уже не только как район с излишками зерна, но и как регион, где кроме колонистов и казаков, производящих зерно, находятся голодающие кочевники, имеющие право на получение помощи. Было признано, что в Фергане есть нуждающиеся в помощи и, следовательно, это не только вражеская территория, контролируемая басмачами.

В декабре Рыскулов сообщил ТурЦИКу, что общее число голодающих составляет 380 000 человек и это число быстро растет. Он затребовал финансирование в объеме 40 миллионов рублей на организацию системы помощи, на покрытие первоочередной острой необходимости в пище и одежде. ТурЦИК хотя и не без сопротивления, но одобрил финансирование¹⁰⁰². Три месяца спустя 40 миллионов были уже потрачены, а комиссия в срочном порядке требовала еще 100 миллионов¹⁰⁰³.

Численность голодающих тем временем стремительно росла. В январе 1919 года, согласно Рыскулову, их число выросло до 606 635, из которых четверть приходилась на Семиречье и другая четверть на Фергану¹⁰⁰⁴. Еще через месяц голод охватывал уже 971 000 человек. Это цифра включает зарегистрировавшихся на пунктах снабжения. Рыскулов утверждал, что цифру стоит увеличить на 25%, чтобы учесть быстрое распространение голода. Таким образом, получалось, что голодает 1 200 000 человек, почти каждый пятый житель Туркестана. Рыскулов, впрочем, допускал, что эта цифра превышает 2 миллиона, так как не все успели зарегистрироваться. 30% голодающих находились в Фергане, но наиболее тяжелая ситуация наблюдалась среди кочевников Семиречья. В Ташкенте кризис также приобрел впечатляющий размах — там насчитывалось 38 000 голодающих, еще 28 000 были рассеяны по окружающим уездным деревням. Рыскулов настаивал, что для победы над голодом необходимо сеять зерно, в том числе и руками самих голодающих, а также нужны еще финансовые вливания от государства: 300 мил-

лионов рублей на весь 1919 год, из которых треть необходима срочно. Требовалось также стимулировать возникновение кооперативов, поддерживать ремесленников и направлять на работу всех голодающих, еще способных работать¹⁰⁰⁵.

Было очевидно, что работа комиссии строится на неточных данных, что объяснялось отсутствием достоверной информации из пораженных голодом и эпидемиями районов. Поскольку уездные Советы часто формировались из русских, которых не слишком заботила судьба мусульман, а в особенности кочевников, служащим комиссии было довольно трудно получить достоверные сведения с мест. В Джизаке Самаркандской области, где восстание 1916 года было подавлено особенно жестоко, а через год начался падеж скота, власти вообще отрицали случаи голода или эпидемий. Служащий комиссии, однако, получил сведения от представителя местных киргизов, согласно которым более половины кочевников (несколько тысяч человек) умерло от голода, а остальные бежали в Бухарский эмират¹⁰⁰⁶. По всей вероятности, случай Джизака не был исключением.

Комиссия по борьбе с голодом вскоре стала крайне обременительной для государства и столкнулась с сопротивлением со стороны коммунистической партии и правительства. Рыскулов строил аппарат, насчитывающий около 11 тысяч служащих, 10 тысяч из которых работали непосредственно в 1200 пунктах раздачи помощи. Таким образом предполагалось обеспечить всех голодающих, хотя в текущий момент за питанием приходило ежедневно около 50 000 человек. Бюджетная комиссия ТурЦИКа критиковала предложение Рыскулова, утверждая, что бюрократический аппарат чрезмерен, а численность им обслуживаемых должна не расти, а, напротив, падать, так как использование голодающих на работах (по предложению самого Рыскулова) должно было позволить многим перейти на самообеспечение¹⁰⁰⁷. Действительно, работа в этом направлении шла, и в ноябре Рыскулов получил значительное финансирование на организацию государственного сева с использованием рабочей силы голодающих¹⁰⁰⁸.

Дискуссии относительно численности голодающих, срочности помощи и об объемах необходимого финансирования отражали различные оценки ситуации, но также и различные процессы внутри государства, вплоть до борьбы за власть. Критика излишней затратности проекта, возможно, маскировала опасения того, что в руках у Рыскулова концентрировалась чрезмерная власть. Распределение помощи, без сомнения, усиливало власть распределяющего: 11 тысяч служащих вполне могли представлять собой капиллярную сеть отношений, глубоко укорененных в местном обществе. Комиссия по борьбе с голодом и ее аппарат на разных уровнях администрации быстро поняли особую природу собственной роли в советском аппарате, уловили ее политическую ценность и нашли способ ее «обналичить»

образованием новой мусульманской политической формации. Конфигурация политических отношений в Туркестане переживала изменения и давала дорогу таким инициативам.

Чтобы понять, какие новые политические пространства открывались в Туркестане, нужно учитывать то состояние кризиса, в котором находилась русская диктатура через год после возникновения. Оставим пока Рыскулова, мы вернемся к нему чуть позже.

Политический поворот в Ташкенте

Вплоть до лета 1918 года русская власть в Туркестане опиралась на две разные политические структуры, которые являлись попросту местными организациями двух партий, поддержавших революцию в России. Это большевики, которые не имели никакой предыстории в Туркестане, но власть их была легитимизирована центром, и эсеры — со значительными корнями в Туркестане, по их собственному утверждению, — рупор крестьян-иммигрантов. Альянс этих двух политических сил, деливших власть, был нестабилен в той же степени, в какой нестабильны были отношения между городскими кругами и колонистами в тяжелой продовольственной ситуации края.

Надежды на помощь со стороны России во многом зависели от функционирования железных дорог. Последние, как мы знаем, были блокированы казаками в Оренбурге после Октябрьской революции, в начале февраля 1918-го город был отбит советской властью, и дороги вновь открылись, но в июне казаки вернули свои позиции и Туркестан оказался вновь в изоляции.

В Ташкенте как раз проходил первый съезд коммунистической партии, подводивший базу под отношения с Москвой, когда пришло известие о транспортной блокаде. По городу быстро прокатилась волна протестов против правительства. На собрании представителей железнодорожных рабочих (которые, вместе с солдатами, были основной опорой революции в Ташкенте), профсоюзных деятелей и членов неких «демократических организаций» была принята резолюция об отправке в Оренбург делегации для переговоров с казаками, выработке условий снятия блокады и возобновления движения продовольственного транспорта. Протесты населения обозначали тот факт, что революционеры, будучи не готовы к переговорам с казаками, оказывались ответственными за угрозу голода, рассчитывая решить ситуацию одними только военными средствами¹⁰⁰⁹. Военная победа, однако, была еще очень далека, а протесты и забастовки продолжались безостановочно до конца года. Ситуация обострялась тем, что в сельской местности колонисты отказались предоставлять зерно для столицы. Революционная власть, уже потерявшая поддержку колонистов, начинала терять опору и среди русских горожан.

В эти же дни, когда так неудачно проходил первый коммунистический съезд, возникла еще одна тяжелая конфликтная ситуация, открывшая фактически второй фронт. В Ашхабаде (Закаспий) в результате мятежа было смещено революционное правительство. Ашхабад находился на железной дороге, шедшей к Каспийскому морю и представлявшей особую важность как альтернатива Оренбургской линии. Для революционеров возник риск попадания всей территории под влияние англичан, базировавшихся в Персии.

Советское правительство в Закаспии было поставлено армией Ташкента в начале 1918 года. Это сделали те же военные части Красной армии, которые сразу вслед за этим разгромили Коканд и попытались захватить Бухару. Революционеры добились роспуска независимого русско-туркменского правительства, поддерживаемого казаками, и установили жесткую диктатуру. В июне мятеж, поднятый русскими, отстранил их от власти. В основе восстания лежало недовольство произволом власти и плохим управлением, местная партия социалистов-революционеров проявила готовность выразить это недовольство и действовать теперь уже наперекор линии большевиков. Русский мятеж был временно подавлен силами, посланными Совнаркомом, но через месяц вторая попытка уничтожила советскую власть. На ее месте было образовано временное правительство, поддерживаемое национальной туркменской армией и русскими антисоветски настроенными солдатами¹⁰¹⁰. Больше года (до октября 1919 года) район оставался под контролем этого правительства и англичан¹⁰¹¹. В то же самое время, как мы увидим, и в Фергане образуется временное правительство русских и мусульман.

Летом 1918-го Совнарком уже, казалось, был не в состоянии противостоять кризису и войне, его парализовали внутренние противоречия между политическими силами. Русскую диктатуру раздирали противоречия между русскими же.

Москва в это время воспользовалась появлением в Туркестане коммунистической партии, чтобы навязать колонии необходимую политическую линию. В указаниях центра было три основных пункта: осуществление классовой диктатуры (что подразумевало четкое противостояние не только по отношению к мусульманской «буржуазии», но и к колонистам и казакам); привлечение мусульман на руководящие должности; вытеснение эсеров из ташкентского Совнаркома (в Москве разрыв с этой партией произошел летом, после покушения на Ленина 30 августа).

Указания Москвы вызвали, однако, негативную реакцию среди ташкентских революционеров. Костяком этого сопротивления стали «старые коммунисты», то есть группа, которая до последнего времени осуществляла непосредственное руководство вместе с эсерами и отвечала за установленную диктатуру. В нее входило высшее руководство партии и Советов, которое, почувствовав в московских ди-

рективах угрозу, пыталось предотвратить попытки вмешательства, в особенности же оно не было готово допустить к власти мусульман. Москва, напротив, имела своих представителей в группе «централистов», возглавляемых комиссаром Москвы. В октябре в Ташкенте, захлестнутом рабочими волнениями и политическими маневрами, съезд Советов провозгласил «красный террор организованных масс против буржуазии». В те же дни большевики объявили об изгнании эсеров из Совнаркома. В конце года были формально вытеснены и все «старые коммунисты», хотя их сопротивление на этом не закончилось¹⁰¹².

На фоне этого политического конфликта в январе 1919 года произошла попытка государственного переворота, которая выявила остроту противоречий между революционерами. Во главе переворота оказался коммунистический руководитель, военный комиссар Осипов. Мы уже встречали его в Фергане в ноябре 1918-го, когда он контактировал с колонистами Джалалабада. Вся эта ситуация представляется довольно сложной, поскольку действия Осипова, по всей видимости, связаны с другим заговором, который разрабатывала тайная военная организация. Эта организация, созданная в Ташкенте полковником Зайцевым и группой казаков, была связана с атаманом Дутовым (который стоял в Оренбурге) и поддерживала отношения с антисоветским туркменским правительством Закаспия, а также с казахскими кочевниками Степного края, готовыми подняться против Советов. Таким образом, существовал широкий русско-мусульманский фронт, объединенный намерением преодолеть противоречия, вызванные действиями советского правительства в Ташкенте, но не оказаться под контролем очередного управляемого Москвой правительства. Заговор, однако, был раскрыт осенью 1918 года и провалился, но Осипов, который, вероятно, в нем состоял, тем не менее предпринял попытку переворота¹⁰¹³.

Военные заговорщики захватили власть и расстреляли 14 коммунистических руководителей, в том числе нескольких членов правительства, близких Москве. За два дня этих событий Осипов ясно объяснил свои намерения:

«Товарищи рабочие и товарищи солдаты! — говорилось в письме, адресованном силам, верным режиму. — Власть насильников и узурпаторов власти пала. Каждый может вздохнуть свободно, свободно мыслить и говорить. Товарищи рабочие, вас делали насильниками и убийцами. Опричников Николая — и тех превзошли опричники большевиков. Опомнитесь, пока не поздно. Голод и безработица разрушают счастье семей ваших».

И в обращении к народу:

«Голодным, измученным нравственно и физически мы говорим: для вас готов уже хлеб, который не могла вам дать советская власть; через несколько дней, по открытии Ашхабадского фронта, у вас бу-

дет керосин и топливо. Вам возвращается забытая и поруганная свобода слова, собраний, совести, вам гарантируется неприкосновенность личности и жилища».

Константин Осипов, имевший среди туркестанских коммунистов самый большой партийный стаж, будучи членом партии с 1913 года, теперь обращал пламенные речи против «тирании большевиков». В голоде и изоляции Туркестана обвинялась революционная диктатура. Осипов предлагал радикальную смену политической системы, в которой Советы становятся представителями воли всего народа, а не только двух революционных партий.

«Теперь должен быть собран новый Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, — говорилось в другом обращении, — избранный на основании свободного голосования всех без исключения трудящихся, без различия их партийной принадлежности и характера труда.

Как только будут избраны на основании свободного голосования Советы во всех городах Туркестана, будет созван чрезвычайный съезд Советов, который будет пользоваться правами Учредительного собрания Туркестанской трудовой республики»¹⁰¹⁴.

По крайней мере в этих обращениях вырисовывалась возможность избавления от советской диктатуры, надежда на политическое примирение и образование своего рода Учредительного собрания, прибытие продовольственной помощи. Программа эта была схожа с предложениями, выдвинутыми автономным правительством Ашхабада¹⁰¹⁵. В обращениях Осипова тем не менее содержалась очевидная двусмысленность, заключавшаяся в том, что мусульманское население не упоминалось, а все явным образом относилось только к городскому населению. Осознанно игнорировался тот факт, что всеобщее голосование эквивалентно концу политической власти русских, и трудно поверить, что Осипов в самом деле ставил себе такую цель.

Не все военные части и политические деятели, обещавшие Осипову поддержку, вышли с ним вместе на площадь. В течение нескольких часов после военного переворота в городе происходили вооруженные столкновения, силы, лояльные Совнаркому, стали брать верх. Эсеры и «старые коммунисты», выступившие против переворота, образовали военревком, который взял власть и объявил первой задачей наведение порядка. В городе начался террор. Очевидцы общали:

«Большевики арестовывали без разбора всех представителей буржуазии и всех, кто не мог представить доказательства своей изначальной приверженности коммунистическим принципам, и расстреливали их без суда и следствия. Они прочесывали дома целыми улицами, выводили юношей и мужчин в возрасте от 15 до 65 лет, ставили их рядами, раздевали и расстреливали одного за другим. Один большевик хвастался, что расстрелял своими руками 758 человек,

также много женщин было расстреляно без суда в конце этой трагической истории»¹⁰¹⁶.

Расстреляно было от 2000 до 4000 человек¹⁰¹⁷. Обезумевшая и милитаризованная власть в руках старой революционной гвардии Туркестана сеяла террор в европейских кварталах Ташкента. Первым следствием провалившегося переворота стало усиление диктатуры, которая начинала с подавления мусульман, а теперь ударила по самим русским, не решив ни одной проблемы, породившей политические разногласия.

Одновременно с этим, на следующий день после попытки переворота, Красная армия взяла Оренбург. Победа над казаками была далека от окончательной, но позволила центру на короткое время восстановить сообщение с Ташкентом. Московское коммунистическое руководство отнеслось с недоверием к ташкентскому военревкому, настаивало на скорейшем удалении эсеров из правительства Туркестана и, следовательно, на образовании правительства только из надежных коммунистов. С другой стороны, Москва считала важным участие мусульман в правительстве, а нынешняя зыбкость революционной диктатуры, как кажется, делала просто необходимым привлечение местного населения. Однопартийная система укрепила бы центральную власть в Туркестане, допуская мусульман к высоким должностям, но не теряя при этом контроля за политической линией. С этими целями в феврале 1919-го в Москве была образована Комиссия по Туркестану (в нее вошли три человека из коммунистического руководства), задачей которой было осуществление в Ташкенте радикального политического поворота. Двое из членов Комиссии не доехали до Туркестана. Остановившись в Оренбурге, они обратились к Центру с просьбой выслать мусульманские военные части (лучше башкирские) на Ашхабадский и Ферганский фронты¹⁰¹⁸. Третий добрался до Ташкента. Его звали Кобозев — значительный деятель в большевистских кругах, хорошо известный и в Ташкенте. Он уже был здесь весной 1918-го в качестве эмиссара центра и взял тогда на себя руководство советской властью по прямым инструкциям Сталина. Уже в тот раз одной из основных задач ставилось привлечение к управлению мусульман, но сопротивление местного аппарата, а затем и изоляция Туркестана обесценили эту попытку. Вновь появившись в Ташкенте в марте 1919-го, Кобозев вызвал значительные политические изменения.

Политические разногласия, а также внутренние конфликты советского аппарата отразились в серии съездов. Первоочередным вопросом в Ташкенте стало определение роли эсеров, которые на данный момент занимали самые высокие советские должности, но, по замыслу центра, должны были быть удалены от власти. Был достигнут компромисс: эсерам пришлось распустить свою партию, но они могли вступать в частном порядке в коммунистическую. Вторым ша-

гом стала проверка членов компартии, и неблагонадежные из ее рядов были исключены. Вскоре среди коммунистов возникло недовольство Кобозевым и вмешательством центра. Кобозева обвинили в злоупотреблении властью и временно отстранили от политического руководства¹⁰¹⁹.

Как бы ни развивались конфликты внутри коммунистической партии и туркестанского Совета, на политической арене появилась новая сила, заработавшая себе право голоса, — мусульмане. Это произошло сразу по прибытии Кобозева в Ташкент, на чрезвычайном съезде Советов.

Турар Рыскулов, бывший в этот момент председателем комиссии по борьбе с голодом, осудил советскую политику в отношении мусульман и, в особенности, в отношении кочевников. Перед лицом депутатов, в основном русских, Рыскулов говорил о наличии в крае миллиона голодающих и заявил, что советские власти не оказали никакой помощи, а направили имеющееся продовольствие на нужды армии и других советских структур, практически «выбивавших» себе провизию «кулаками».

«Если бы голодающий пролетарий мог явиться в тот же Центральный Исполнительный Комитет или в ту же Продовольственную Директорию и потребовать свои права тоже со сжатыми кулаками, то получилась бы совершенно другая картина. Но голодающий пролетариат, особенно туземный, вымирал и своих прав не мог требовать. Если взять количество погибшего от голода населения, то <...> количество умерших исчисляется в огромных размерах. Можно сказать, что эти погибшие люди спасли положение и даже спасли советскую власть, так как если бы они, эти миллионы голодающих так же пришли со сжатыми кулаками и потребовали своей доли, то они не оставили бы камня на камне и перевернули бы все; но эти элементы были бессознательны, так как они не были организованы. Поэтому нам приходится сознаться, что хотя мы их и не накормили, но они спасли общее положение».

Рыскулов требовал организовать помощь местному голодающему населению, ввести мусульман в Советы, а новая политика в отношении мусульман, говорил он, должна получить поддержку России, в том числе и продовольствием¹⁰²⁰.

На том же съезде, на секции «национальной политики», где председательствовал Кобозев, говорилось, что власть пренебрегла интересами мусульманского пролетариата, а было принято предложение широко задействовать мусульман в руководящих структурах власти.

Русские представители старой революционной гвардии встали в жесткую оппозицию и попытались распустить сам Комиссариат по национальным делам Совнаркома. В те же дни проходил второй съезд коммунистической партии, где этот вопрос также поднимался

и точно так же встретил сильное сопротивление. Тем не менее коммунистический съезд постановил создать мусульманское бюро (Мусбюро) как вспомогательную структуру партийного руководства, с обязанностью «организовывать и направлять политическую работу в мусульманской части партии», заниматься агитацией и пропагандой среди мусульманского населения. На съезде избрали пять мусульман в руководство этим бюро. Среди них были: Незаметдин Ходжаев, обвиняемый старыми коммунистами в поддержке Кокандской автономии, ныне входивший в ЦК партии, а вскоре и председатель ферганского ревкома; Турсун Ходжаев, член Совнаркома в качестве комиссара по здравоохранению, а затем комиссара по национальным делам, член ЦК партии; Турсун Рыскулов, вступивший в должность заместителя председателя президиума исполкома Советов Туркестана, высшего органа власти в крае, председателем которого он вскоре станет¹⁰²¹.

Преодолев недоверие многих русских коммунистов и осторожность прочих, некоторые мусульмане-коммунисты получили значительные властные полномочия. В короткий промежуток времени природа Мусбюро изменилась, оно постепенно отделялось от коммунистической партии, практически превращаясь в отдельную партию. Его председатель Рыскулов объяснял это тем, что Мусбюро, в качестве консультативного органа верхушки компартии, подчинялось ее решениям, но являлось также и высшим органом мусульманских партийных организаций¹⁰²². Вступление мусульман в партию, таким образом, давало власть и самостоятельность лидерам организации. Мусбюро усиливалось, организовывало отделения, назначало представителей в основных городах Туркестана, пользуясь связями, налаженными Рыскуловым во время работы в комиссии по борьбе с голодом.

В организацию вошли многие представители джадидов, которые после падения Коканда утратили легитимность и продолжали искать контактов с русскими, одновременно противопоставляя себя консервативным мусульманам Бухарского эмирата. Делегаты со всех концов Туркестана принимали участие в съездах Мусбюро, докладывали о ситуации на местах, обсуждали политическую линию организации, участвовали в выработке предложений для компартии и правительства Туркестана. Новая политическая мусульманская элита завоевывала институциональное пространство, оспаривая его у русского коммунистического руководства.

Партия, по сути, разделилась на самостоятельные организации, соперничающие между собой: русская группа, мусульманская группа и еще одна, третья, состоящая из бывших военнопленных. К последним мы еще вернемся — они составляли значительную военную силу, у них была своя коммунистическая организация, двойственной ролью напоминающая Мусбюро. Эта организация, действительно,

контролировала военнопленных, ставших официально «иностранными коммунистами», но также выполняла роль единственного канала, через который они могли доносить свои требования до советской власти¹⁰²³.

Спустя несколько месяцев после создания Мусбюро, когда еще полным ходом шла партийная полемика о присутствии мусульман в партии, Москва выпустила приказ, который спровоцирует дополнительные раздоры между партийными течениями. 12 июля в Ташкент пришла радиограмма следующего содержания:

«ЦК коммунистов сообщает Центральному Исполнительному Комитету Советов Туркестанской Республики и Краевому Комитету коммунистов, что на основании принятой 8-м съездом программы Коммунистической партии, в интересах политики рабоче-крестьянской власти на Востоке необходимо широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались рабочими мусульманскими организациями. Прекратить реквизицию мусульманских имуществ без согласия краевых мусульманских организаций, избегать всяких трений, создающих антагонизм. Надемся, что передовой революционный кадр — Туркестанский пролетариат — исполнит свой революционный долг, примет все меры к осуществлению намеченной центральной властью цели, не причинит затруднения к ее проведению. Сообщите об исполнении. Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии».

Текст был опубликован во всех основных газетах Туркестана¹⁰²⁴. Появлялся риск того, что 95% мест в Советах всех уровней, от уездов до правительства, будут заняты мусульманами, избранными посредством Мусбюро. Несколько строк на бумаге могли спровоцировать политическую революцию в бывшей колонии.

Часть русских коммунистов заняла позицию жесткого сопротивления исполнению приказа центра, другие попытались осторожно добиться политических изменений. Абсурдным образом те, кто прежде занимал центристские позиции, теперь требовали независимости от Центрального комитета, а те немногие, что и раньше были готовы к соглашению с мусульманами и критиковали центристов, теперь с готовностью подчинялись московским приказам.

Председатель ТурЦИКа и председатель Совнаркома встали на сторону старой коммунистической гвардии и заявили, что мусульманский пролетариат еще не готов активно участвовать в управлении краем, а центр ошибается, не имея верной информации с мест. В одной из телеграмм в адрес центра сообщалось, что директивы невыполнимы¹⁰²⁵. Телеграмма гласила:

«Постановление ЦК Партии о пропорциональном населению представительстве в правительстве Туркестана вообще, а не пролета-

риату для лучшего проведения в жизнь нашей восточной политики вызывает недоразумения и затруднения, так как в правительство войдут по этому принципу все деклассированные элементы и явные по существу противники советской власти и принципам социальной революции. Восстановлена будет сначала учредилка, а потом и более худшее, как это уже было в Ашхабаде»¹⁰²⁶.

Диктатура пролетариата продолжала идентифицироваться с русской диктатурой и несла очевидно колониальный оттенок. Один из русских руководителей, стоявший на этих позициях, два месяца спустя утверждал, что не существовало намерений противостоять центру, а нужны были лишь разъяснения по применению директив, которые на тот момент еще не поступили¹⁰²⁷. Следовательно, с их стороны ничего не делалось для исполнения указаний, поступивших радиogramмой. Вопреки регламенту партии, центр которой (московский ЦК) не терпел сопротивления своим решениям со стороны местных органов, коммунисты Туркестана решили поставить московские директивы на голосование съезда. Этим они выигрывали время — от июля до сентября. Текст был принят, но в резолюции съезда содержались указания, как применять приказ, — эти указания превращали суть радиogramмы в пустой звук. Предусматривалось, что пропорциональное участие вступает в силу только тогда, когда о его необходимости заявляют местные Советы, что Советы избираются из членов пролетарских организаций, что участие мусульман происходит с учетом принципов диктатуры пролетариата, что допуск мусульман, не состоящих в партии, к ответственным постам может происходить только под контролем и ответственностью Мусбюро¹⁰²⁸. В целом, резолюция всячески препятствовала исполнению директив центра, хотя и признавала власть Мусбюро. Кобозев на съезде выступил в поддержку радиogramмы, но его позиция была слишком слаба: русское коммунистическое руководство относилось к Кобозеву с большим недоверием, тем более что некоторое время назад он был обвинен в попытке арестовать членов ТурЦИКа, которые в ответ поместили его под домашний арест¹⁰²⁹.

Как легко можно себе представить, мусульманское руководство, напротив, приняло радиogramму с большим энтузиазмом. На следующий день после ее опубликования в Ташкенте, в старом городе, прошел митинг. На нем присутствовало несколько советских руководителей, но, конечно, именно члены Мусбюро и Кобозев открыто подержали инициативу центра.

В резолюции, составленной Мусбюро и принятой на митинге, предлагалось организовать работу мусульман в Советах и содержалось требование немедленно переизбрать ЦИК Туркестана съездом, сформированным на базе пропорционального участия¹⁰³⁰. Радиogramма, как опасались «старые коммунисты», могла передать Туркестан под контроль мусульман.

Как мы уже говорили, в партии была и третья составляющая — «иностранцы коммунисты». Поскольку они были вооружены, а следовательно, могли играть серьезную политическую роль, нам следует понять, кто они были и какие преследовали цели.

Партия военнопленных

Пребывание военнопленных в Туркестане длилось уже достаточно долго. За первые два года Первой мировой войны Россия получила почти два миллиона пленных. Часть лагерей, в которых они содержались, приходилась на Туркестан: здесь в 1916 году в заключении находилось около 190 000 солдат австро-венгерской и немецкой армий. Многие из них в дальнейшем были перемещены в Сибирь, многие (судя по всему, 40–50 тысяч) умерли от болезней, полученных в лагерях. В 1917 году их число упало до 40 тысяч; в 1918-м — чуть менее 30 тысяч¹⁰³¹. Когда революционеры пришли к власти и старая армия распустилась, пленные составляли серьезную обученную армию, сильнее любой армии, которую могла бы выставить в сжатые сроки какая-либо из соперничающих сторон.

Пленные жили в очень тяжелых условиях из-за голода и эпидемий, царящих в местах заключения; в некоторых лагерях условия были отчаянные. Недалеко от Ташкента находился Троицкий лагерь, где в 1916 году умерли от болезней 9000 заключенных из 16 000, а в 1918-м в него направили тысячи голодающих казахов, изгнанных силой из Ташкента. В 1919 году было принято решение снести бараки и изолировать всю зону как охваченную эпидемией брюшного тифа¹⁰³². Тяжелейшей ситуация была и в Скобелевском лагере (Фергана)¹⁰³³. В Голодной степи находился лагерь «Золотая орда», в котором содержались в основном офицеры. Там бытовые условия были еще хуже: в начале 1918 года там находилось 3500 заключенных, мучимых с голодом, вшами, малярией и тифом¹⁰³⁴.

Для пленных надежда на спасение заключалась в получении разрешения на работу и проживание вне лагеря. Уже при Временном правительстве это было распространено, но даже при относительной свободе выжить было сложно. Русские работники ненавидели пленных, так как считали их конкурентами, виновниками их собственной безработицы и нищенского существования. Весной 1917-го Совет Ташкентской области заявил протест, требуя увольнения пленных и замены их русскими служащими¹⁰³⁵. Когда в начале 1918 года аналогичное требование выдвинули профсоюзы, советские и военные власти отдали указание заменить работников-пленных¹⁰³⁶. В Ташкенте ситуация усложнялась тем, что хотя там уже находилось много бывших пленных, постоянно прибывали новые — в поисках работы или в надежде уехать поездом. Отдел по продовольствию городского Совета требовал их выдворения из Ташкента, чтобы не усугубить ситуацию.

гублять уровень голода¹⁰³⁷, а лагерное начальство, понимая, что не может гарантировать выживания заключенных, всячески стремились отправить их в Ташкент¹⁰³⁸. Пленные не имели гарантий со стороны государства, как правило, не получали стабильной зарплаты, а, добравшись до города, бродили по улицам, занимаясь мелкой нелегальной коммерцией, выпрашивая милостыню, воруя. Революционное правительство отдавало приказы усилить контроль, допускать перемещения пленных только с разрешения властей¹⁰³⁹, но местные Советы, чтобы избавиться от пленных, раздавали эти разрешения без ограничений, и те свободно перемещались по всей территории края¹⁰⁴⁰.

Скопилась масса военнопленных в поисках работы, но их трудоустройство встречало серьезное и растущее сопротивление. Пленным оставался только один путь, закрытый для офицеров, — активное сотрудничество с советской властью. Сотрудничество, впрочем, поощрялось и местными властями. В середине января 1918 года в ташкентском Доме свободы, штабе Советов, состоялось собрание пленных. Его целью был сбор добровольцев для военного похода против оренбургских казаков. Печатный орган Совета, сообщая о собрании, известил также о заявлении военнопленных в поддержку революции¹⁰⁴¹.

Части Красной армии заметно усиливались этими хорошо обученными солдатами чужих армий. Вскоре они освободили Оренбург (хотя и временно), чтобы вернуться и сражаться за революцию в Туркестане. В армии, которая брала Коканд, также были военнопленные венгры, австрийцы и немцы, воевавшие вместе с армянами за русское революционное правительство Туркестана. Часть пленных была набрана в Ташкенте, вероятно, еще до оренбургского похода. Другие были мобилизованы в Фергане за несколько дней до наступления. В области было объявлено военное положение, а пленным, готовым сражаться за Советы, выдавали ружья и платили деньги.

Когда в Коканде начались первые столкновения, в Фергане пошли слухи, что русские уступят власть мусульманам. Как мы уже знаем, в Скобелеве, столице Ферганской области, городской Совет сманировал в новой ситуации и признал кокандское правительство. Русское население Скобелева, однако, было отнюдь не спокойно и многие в панике продавали имущество и бежали в Россию. Военнопленные, напротив, приняли известие с радостью, полагая — так говорилось, — что мусульмане их освободят и отправят домой. Затем события приняли другой оборот, неудачный для автономного правительства. В Скобелев прибыли части Красной армии, разгромившие Коканд, и город вернулся под контроль ташкентского революционного правительства. Военнопленные, которым было все равно, на чьей стороне выступать, лишь бы вернуться домой, вновь оказались на стороне Советов, но на этот раз были вынуждены оставить

ся в лагерях¹⁰⁴². Коканд, разрушенный и разграбленный, остался под присмотром немногочисленного гарнизона — чуть более 200 солдат, половина из которых были военнопленными¹⁰⁴³. Кроме того, там находилась армянская дружина. Когда Красная армия двинулась на Бухару, другие военнопленные, работавшие на железной дороге, присоединились к революционным войскам.

Пока все это происходило, далеко от Туркестана, в Брест-Литовске, был подписан мирный договор. Таким образом, вновь вставал вопрос о статусе военнопленных, которые переставали быть таковыми с концом войны. В Ташкенте дипломатические представительства, защищающие интересы бывших пленных, заявили протест советским властям, требуя прекратить вербовку солдат и отпустить тех, кто уже был взят на службу в Красную армию. Советы формально приняли эти требования¹⁰⁴⁴. Юридический статус пленных также изменился: согласно декрету, они стали «иностранными гражданами»¹⁰⁴⁵.

В качестве свободных граждан бывшие пленные могли вступать в партию и поступать на службу в армию. Таким образом, правительство могло выполнить указание и вывести военнопленных из рядов армии, но могло и разрешить остаться тем из них, кто принял российское гражданство, а также иностранцам, «которые добровольно примкнули, доказав верность пролетарской власти»¹⁰⁴⁶. Решение вопроса о военнопленных вновь откладывалось. Это диктовалось политическими и военными причинами: в мае произошло восстание чешских пленных на Волге и в Сибири, в России шла гражданская война, а в июле оренбургские казаки вновь взяли власть и заблокировали железную дорогу, изолировав тем самым Туркестан.

Когда военнопленные стали «иностранными гражданами», они образовали свой комитет¹⁰⁴⁷. Затем «комитет иностранных граждан» преобразовался в «коммунистический орган иностранных рабочих и крестьян», который в августе собрал в Доме свободы 4000 человек¹⁰⁴⁸. Рост политической организованности бывших пленных не отставал от роста степени их вовлеченности в военные действия. В начале лета 1918 года солдаты-интернационалисты вошли в состав армии, направленной Ташкентом на подавление восстания в Ашхабаде. Пленные участвовали в походе с целью вернуться домой по железной дороге, ведущей в Красноводск¹⁰⁴⁹. Они способствовали восстановлению жестокой большевистской диктатуры, затем были разбиты, но продолжали служить на ашхабадском фронте.

В конце года политическая организация бывших военнопленных собрала съезд, который объявил о создании коммунистической партии иностранцев и назначил ее руководство¹⁰⁵⁰. Разумеется, это руководство не являлось независимым органом, а было организационным подразделением краевого комитета коммунистической партии Туркестана. Пленные, официально ставшие теперь гражданами и

коммунистами, продолжали служить в Красной армии и с оружием в руках могли говорить с советской властью. Власть в тот момент была крайне слаба, раздираема противоречиями между «старыми коммунистами» и «центристами», готовился осиповский переворот.

Через свою партию бывшие пленные обратились к власти с требованием не распределять их по русским военным частям, а образовывать из них отдельные части. Очевидно, этот вопрос напрямую касался их самостоятельности и боеспособности. Военные советские власти согласились на эту схему для тыловых частей, но запретили на фронте, где контроль над солдатами должен быть жестче¹⁰⁵¹. Этот вопрос не вызвал разногласий на уровне руководства — русских коммунистов и иностранных, но в армии все было не так гладко, поскольку военнопленные стремились как можно скорее вернуться домой и не очень полагались в этом на русских коммунистов.

В начале 1919 года, когда советские силы отбили Оренбург и начала функционировать железная дорога, для пленных вновь открылась возможность вернуться домой через территорию, контролируемую Советами. Естественно, для этого требовалось разрешение компартии и Красной армии. Вскоре пришло еще одно положительное известие для многих пленных: в Венгрии происходит революция, и московские коммунисты благосклонно смотрят на возвращение венгерских пленных на родину. В Туркестане начался сбор пленных, которые повсеместно бросали свою работу, чтобы отправиться домой. Многих собирали в крупные лагеря, чтобы всех вместе организованно перемещать, другие начали самостоятельно направляться на север. Компартия, однако, желала контролировать перемещения, поэтому военный комиссар советского правительства ввел запрет на стихийное передвижение пленных, а коммунистическая организация иностранцев вступила в переговоры с властями по поводу их транспортировки. Требовался генеральный план эвакуации, заявляли власти, и следовало учитывать, что поезда для репатриантов были необходимы не только Туркестану, но и в других частях бывшей империи. Выяснилось, что сразу отправить пленных домой невозможно. Потом пришло известие, что Оренбург вновь взят казаками, и советские власти приказали полностью блокировать перемещения пленных¹⁰⁵². Возникшая было надежда на возвращение, а затем разочарование, очевидно, усилили напряженность между пленными и советскими властями.

Особенно тяжелая ситуация сложилась на Закаспийском фронте, где в рядах Красной армии было немало венгров, которых никто не стремился отпускать. Положение осложнялось тем, что уже с конца 1918 года англичане, поддерживающие Ашхабад, объявили о готовности пропускать пленных через свою линию фронта, но без оружия. Многие сбежали из Красной армии во вражеский лагерь, откуда англичане помогли им добраться на Запад. Прочие, менее удачливые,

пытались пересечь пустыню самостоятельно, но попали в руки кочевников и были убиты. Пленные, оставшиеся в рядах Красной армии, стали протестовать и требовать заменить их на других солдат. Когда до них дошло известие, что в других областях Туркестана организуется отправка в Оренбург, недовольство возросло. Бывшие военнопленные с оружием в руках собрались на митинг и отказались подчиняться приказам. Военное командование согласилось начать переговоры, надавало обещаний, но затем изолировало мятежников и обезоружило их¹⁰⁵³.

Митинги и протесты вооруженных иностранцев вынудили советское правительство приостановить их вербовку в Красную армию. Вербовка продолжалась только в Фергане, но там она ограничивалась членами партии иностранных коммунистов и проходила под строгим политическим контролем: в Коканде, Скобелеве и Андижане несколько сотен бывших пленных были завербованы для борьбы с басмачами¹⁰⁵⁴. Каждый день, однако, пленные перебегали на сторону басмачей, и власти стали опасаться, что, если так будет продолжаться, вскоре все пленные окажутся на стороне врага¹⁰⁵⁵.

Комитет иностранных коммунистов тем временем принял решение убеждать бывших военнопленных не доверять англичанам и «избавлять несознательные массы от желания вернуться на родину»¹⁰⁵⁶. Было распространено воззвание Бели Куна, подписанное также Лениным, где он призывал бывших пленных продолжать сражаться против белых. Воззвание придало новых сил иностранной коммунистической партии, которая теперь полностью оставила все попытки организовать отставку пленных домой и усердно принялась мобилизовать людей на фронт: во всем Туркестане было завербовано около тысячи человек, присоединившихся к четырем тысячам, уже служившим в Красной армии¹⁰⁵⁷.

В начале 1920 года в Красной армии насчитывалось около 5600 бывших военнопленных. Они не образовывали отдельных военных частей, но почти в каждой части Красной армии было несколько «интернационалистов»¹⁰⁵⁸. В большинстве своем они были членами компартии и расценивались военным командованием как «наиболее сознательная часть» армии, но вместе с тем они не забывали о своей главной цели — возвращении домой. На Закаспийском фронте находилась значительная их часть — около 2000 человек, которые уже давно требовали от местного революционного Совета содействия в возвращении на родину. В начале 1920 года, после военных успехов и открытия сообщения с Россией, «интернационалисты» вновь потребовали разрешить им пересечь линию фронта с оружием в руках — в качестве компенсации за службу¹⁰⁵⁹.

Ту же позицию занимали пленные, работавшие на фабриках Туркестана (неизвестно, сколько их было, но уж точно несколько тысяч). И солдаты, и рабочие бежали при первой возможности, пыта-

ясь вернуться на родину через Афганистан и Персию. Их коммунистическая организация преуспела, однако, в том, чтобы предотвратить массовый исход иностранных пленных, который нанес бы тяжелый урон индустрии и армии. На деле, как признавали высшие чины советской власти в Туркестане, вся индустрия края держалась на их работе.

Богласно этим чиновникам, членам Турккомиссии (комиссия, направленная из центра и наделенная самыми широкими полномочиями, — об этом ниже) следовало максимально использовать желание этих солдат вернуться на родину. Нужно было послать их всех на юго-восточный фронт: несмотря на то, что их боевой дух снижала надежда вскоре оказаться на родине, они «сражались бы как львы», чтобы открыть себе путь домой¹⁰⁶⁰.

Безусловно, бывшие пленные не принимали близко к сердцу судьбу Туркестана, но советская власть нуждалась в них, пока не подоспела помощь от Москвы¹⁰⁶¹. Городское русское население уже было рекрутировано по максимуму, а колонисты и казаки держали расстояние от советской власти и защищали свою власть на местах. Армянские части Ферганы вскоре будут распущены, как мы увидим ниже. Оставалась возможность рекрутировать мусульман, прибегнув к помощи Мусбюро, но такое решение усилило бы мусульманских коммунистов и потому расценивалось русскими как риск, которого следует избегать.

Какой должна быть мусульманская армия?

Введение принципа пропорционального участия привело не к разделению власти между русскими и мусульманами, а к разделению ее между русскими, мусульманскими и «иностранцами» коммунистами. Армия не могла остаться в стороне от этого раздела. Каким образом можно было принять мусульман в Советы, но не допустить их в армию? И, с другой стороны, что произошло бы, если бы Красная армия, служившая до сих пор инструментом русской диктатуры, оказалась открыта для мусульман?

По сути, задействовать мусульман в армии можно было двумя способами: первый состоял в использовании мусульманских солдат в борьбе с басмачами, второй — сделать из армии миротворческий инструмент в рамках политического утверждения мусульманского большинства. Первый случай был бы продолжением старой политики, но более эффективным, так как мусульмане-солдаты вызывали бы меньше сопротивления со стороны населения Ферганы; второй случай — со всей вероятностью — стал бы концом русской колониальной политики. От методов вербовки и от всей военной организации зависело, какая из альтернатив будет реализована.

Чтобы понимать все последствия тех шагов, что делались в то время в Туркестане, нужно учитывать контекст и опыт других частей

бывшей империи. Вне Средней Азии имелись мусульманские народности, которые при старом режиме подлежали обязательному призыву: у татар и башкир уже сложилась традиция службы в императорской армии, у них были свои офицеры, они вполне встроились в формат русской военной школы. В 1917-м по инициативе татар был создан Военный мусульманский Совет (Харби Шуро), он предполагал сосредоточить мусульманских солдат в отдельных частях и создать сеть представителей и комитетов, которая бы поддерживала связь между мусульманскими частями российской армии¹⁰⁶². После Октябрьской революции казанский Харби Шуро, располагающий примерно 50 тысячами вооруженных людей, достиг соглашения с центральным советским правительством.

Султан Галиев, лидер татарского движения и глава военной мусульманской организации, вступил в коммунистическую партию и стал отвечать за мусульманскую секцию Комиссариата по делам национальностей, руководимого Сталиным. Назначение Галиева на эту ответственную должность должно было гарантировать относительную автономию Харби Шуро. Однако большевики стремились к сильной и централизованной власти и вскоре добились роспуска Харби Шуро, разоружения его военных формирований и подчинения всех мусульманских солдат главному командованию Красной армии¹⁰⁶³. Мусульманам остались ограниченные полномочия внутри советского порядка: их военная структура была вверена отдельному комиссариату (Центральный мусульманский комиссариат), а впоследствии Центральной военной коллегии под председательством Султана Галиева.

Несмотря на эти бюрократические уловки, было очевидно, что потеря военной самостоятельности происходила параллельно с утратой политической автономности мусульманскими коммунистическими структурами. Султан Галиев продолжал тем не менее действовать таким образом, чтобы оставалось пространство для маневра и сохранялась действующая (и играющая важную роль) система связей и отношений внутри мусульманского движения. В 1919 году численность солдат-мусульман на советской стороне выросла за счет башкирских частей, которые перешли от белых, а также казахских военных частей, созданных для обороны автономным правительством Алаш-Орды в Степном крае.

Султан Галиев полагал, что мусульманская Красная армия могла бы играть роль, которая в прочих контекстах была свойственна пролетариату: это была бы социальная формация, иерархически организованная и сильно политизированная, способная заменить собой туземный пролетариат, который по причине своей слабости не смог стать главным действующим лицом революции¹⁰⁶⁴. Эти идеи отражали советскую версию тех представлений, которые еще до Октября существовали в мусульманском движении, в том числе в Туркестане,

и в рамках которых армия виделась инструментом достижения автономии, политического становления и модернизации. Туркестанское Мусбюро взяло эту концепцию на вооружение, приспособив ее к актуальной ситуации и апеллируя к Москве в лице Султана Галиева.

Русские коммунисты Ташкента, в особенности «старая гвардия», были готовы признать мусульманские части только при условии отсутствия у них какой-либо оперативной автономии и только при формировании их из солдат других регионов — то есть татар и башкир — для использования против басмачей. Часть русского руководства, находившаяся ближе к Мусбюро, была склонна к большему доверию в отношении мусульман, но считала, что вооружать следовало только пролетариев, притесняемых басмачами и потому вставших на свою защиту с оружием в руках. И наконец, были мусульмане-коммунисты из Мусбюро, которые считали, что местного пролетариата не существует как самостоятельной социальной группы и потому следует начать прямые переговоры с курбаши с целью назначить их командирами красноармейских частей. Мусульманская армия такого типа получила бы огромный перевес, поскольку русские силы были слабы, а бывшие военнопленные — малонадежны.

Усиление позиций умеренных русских и мусульман Мусбюро в советском руководстве привело к переговорам с басмачами. Здесь, как мы вскоре убедимся, просматривались перспективы перехвата военного влияния мусульманами. Одновременно с этим своя революция происходила и в политической власти.

Туран

Пресловутая радиограмма открыла дорогу к утверждению мусульман в структурах советской власти и к усилению позиций мусульман-коммунистов под водительством Рыскулова. Эти позиции нашли наиболее яркое и четкое выражение в предложениях, представленных на третьем съезде Мусбюро и на пятом съезде компартии Туркестана в январе 1920 года.

Взгляды мусульман-коммунистов выразил Рыскулов на съезде Мусбюро:

«Если в трагедиях, происходивших в Туркестане, виновны, с одной стороны, мятежники, которые пачкали знамя пролетариата кровью угнетенных народов, то с другой стороны, историческая ответственность возлагается на прежних руководителей народа — на интеллигентных баев и фанатиков мулл-улемистов. Теперь тюркские коммунисты должны исправить ошибку истории, в частности туркестанского народа <...> Товарищи! Когда возвратитесь по местам, объясните массам взгляд социальной революции на их права и обязанности. Объясните народам, что права трудящимся одними словами-теориями нельзя завоевать. Организуются тюркские войска, пусть записываются в ряды социалистической Красной армии»¹⁰⁶⁵.

На пятом съезде партии была создана «Коммунистическая партия тюркских народов», которая должна была в большинстве состоять из представителей «местных народностей», то есть мусульман. Вопрос был в том, у кого в руках оказывается осуществление диктатуры и какие отношения устанавливаются между партией и государством. В понимании большевиков из центра, а следовательно, и членов Турккомиссии, присутствовавших на обоих съездах в Ташкенте, роли партии и Советов (то есть государства) должны были быть четко разделены. Это разделение было обозначено и в московской радиограмме, которая приказывала ввести пропорциональное участие в Советах, но не упоминала о партии. В резолюции партийного съезда, составленной на основе докладов двух членов Турккомиссии, в частности, говорилось:

«Чтобы теснее связались судьбы беднейших мусульманских масс с судьбами революции: вовлечь их в революционную борьбу, привлечь к советскому строительству, <...> предоставить возможность занять ответственные советские посты. Чем больше по своему классовому составу Советы уклоняются от чисто классовой пролетарской организации, тем более ярко коммунистическая партия должна отмечать свой классовый характер»¹⁰⁶⁶.

Решение о создании компартии тюркских народов само по себе не противоречило этим критериям. Рыскулов поспешил всех успокоить, прямо говоря о том, что новое название партии не повлечет «сползания к Учредительному собранию»¹⁰⁶⁷. Тем самым диктатуре ничто не угрожало. Но это лишь смещало проблему: могла ли в Туркестане партия носить «классовый характер»? какими должны были быть отношения между партией тюркских народов и Российской Федерацией?

Рыскулов и Мусбюро попытались успокоить представителей центральной власти и приняли Устав национальных секций, где говорилось, что Российская коммунистическая партия (РКП), то есть партия Российской Федерации, «не допускает в свою очередь организации себя на основе федерации самостоятельных коммунистических партий, а считает существование единой централизованной коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Центральные комитеты коммунистов отдельных национальностей, как то: украинских, латышских, литовских и т.д., сохраняются, но пользуются только правами областных комитетов с полным подчинением ЦК РКП»¹⁰⁶⁸.

Указания центра были приняты. Партия тюркских народов оказалась в силках единого партийного центра. По сути, это было неизбежно, но тем временем в Туркестане возникала единая коммунистическая партия с функциями управления и контроля над государством. А «классовый» характер партии был, впрочем, и вовсе неактуален, что признавал Рыскулов в полном согласии с Галиевым, который

в Москве строил теорию «притесняемых народов», у которых еще не развились классовые различия¹⁰⁶⁹.

В предложении Рыскулова Туркестан преобразовывался в Тюркское государство, с тюркскими вооруженными силами, становился точкой отсчета и политическим центром для большей части советского мусульманского мира¹⁰⁷⁰. В резолюции, принятой на съезде Мусбюро, говорилось, что следует переломить тенденцию тюркских народов к разобщению, к дроблению на мелкие отдельные республики и, наоборот, объединить их, собрать другие тюркские народности, не входящие в Российскую Федерацию, в единую Тюркскую советскую республику¹⁰⁷¹.

Этот старый миф Турана был дорог национальному движению Средней Азии, стремящемуся объединить всех мусульман бывшей империи в едином государстве.

Съезд партии завершился выборами во Временный центральный комитет коммунистической партии тюркских народов — новый орган, который становился единственным партийным руководством в Туркестане. Состоял он из девяти мусульман (среди них, разумеется, были Рыскулов и Низаметдин Ходжаев, которого мы вскоре встретим в Фергане) и шести европейцев¹⁰⁷².

Рыскулов одержал большую политическую победу. В его пользу сыграли нерешительность Москвы и политическое влияние Мусбюро. Это влияние, однако, следует оценивать в контексте ситуаций двух наиболее кризисных регионов края — Ферганы и Семиречья. В этих областях Мусбюро проводило важнейшие переговоры, которые могли привести к установлению мира и власти мусульманского большинства. Из кризиса русской диктатуры пробивались первые ростки мусульманской революции.

5. Революция в революции

Для достижения мира прежде всего требовалось наличие силы, пользующейся авторитетом как у иммигрантов, так и у местного населения. Именно поэтому создание Мусбюро было признано всеми (или почти всеми) необходимым шагом.

Образование Мусбюро обозначило конец русской диктатуры, что, по мнению мусульман-коммунистов, и было тем путем, по которому следовало двигаться на всех уровнях государственной структуры, в социальной политике и в политике установления мира. Драматичность событий — кризис государственности и наступающий голод — подталкивала к скорейшему поиску согласия и к умеренности позиций. До сих пор правительство прибегало к насильственным мерам контроля над территорией и населением. Жертвами репрессий стало огромное число людей: согласно грубой оценке (но вполне заслуживающей внимания), в начале 1919 года только в Фергане Красная армия репрессировала 12 000 гражданских лиц, включая женщин и детей¹⁰⁷³. Задача состояла не в одном лишь пресечении действий военных, предстояло успокоить общество, захлестнутое насилием.

Шла война между Красной армией и басмачами, одновременно правительственные военные силы боролись с вооруженными колонистами, курбаши находились в конфликте между собой, а некоторые из них переходили на советскую сторону, в то время как другие объединялись с колонистами. В этом клубке разнонаправленных действий вооруженных формирований не могло установиться равновесия. Даже мирные переговоры зачастую были только фикцией, так как обозначали исключительно смену военных альянсов на фронтовой карте.

Путь, по которому пошло Мусбюро, вызывал много сомнений и вопросов. Насколько совпадали политические решения Туркестана по разрешению конфликтов с целями московского революционного правительства? Преодолевался ли кризис в результате примирения общества и назначения мусульманского правительства? Гарантирует ли это конец революционной диктатуры и главенства русских? Если революция движется в этом русле, то как отнесется русское меньшинство к потере своих привилегий? В основе умиротворения лежали конкретные меры, локальные переговоры и соглашения, но об-

щая картина, в которую все это складывалось, вряд ли была бы принята Москвой.

Мусбюро с самого своего появления имело врагов в партийном руководстве, его действия находились под пристальным вниманием, часто враждебным. С другой стороны, Мусбюро встречало препятствия и в поисках союзников среди мусульман. Настоящей оппозиционной силой, стоявшей за многими курбаши, был бухарский эмир, но Мусбюро не могло заручиться его поддержкой. Джадидская составляющая Мусбюро и в самом деле была враждебна консерватизму эмира, джадиды поддерживали оппозицию внутри эмирата и вообще стремились занять место эмира как определенной инстанции для мусульманского населения (включая ферганских курбаши). Таким образом, у мусульманских политиков был не такой уж большой арсенал средств.

Из Москвы в Ташкент была послана специальная комиссия для наблюдения за действиями Мусбюро, а как только открылось железнодорожное сообщение — из России прибыли части Красной армии. Рыскулову следовало учитывать еще и эти факторы.

Мы последуем за мусульманами-коммунистами. Мы увидим, как они смогли поставить вне закона армянскую диктатуру в Фергане, начать переговоры с курбаши (и даже увести Мадамин-бека со стороны Советов). В Семиречье началось возвращение кочевников-беженцев из Китая и перераспределение земли, впервые не в пользу русских колонистов. И наконец, мы рассмотрим ответные действия Москвы и Красной армии.

В Фергане. Кто же бандиты?

Государственные структуры Ферганской области находились в промежуточном состоянии между развалом и восстановлением, порядок и закон устанавливались поочередно Красной армией и басмачами, соперничающими в борьбе за территорию. В подобной ситуации определение того, кто является бандитом, а кто представителем правопорядка, зависело от расстановки местных сил, самостоятельных и враждебных друг другу.

Автономия местных Советов превращала решения центральной власти края в нечто далекое и малозначащее, хотя эти решения были несомненно важными и поступали из Ташкента в форме приказов Советам и местным частям Красной армии. В Ташкенте менялось отношение власти к мусульманскому населению, менялась оценка борьбы с басмачеством, и, как следствие, в Фергану приходили новые важные приказы.

Существенный поворот произошел в апреле 1919 года, когда мусульмане-коммунисты на совещании Мусбюро, осудив союз советской власти с Дашнакцутюном, провозгласили необходимость поло-

жить конец насилию в Фергане и активно привлекать на свою сторону местное население. В резолюции, принятой Мусбюро, говорилось, что банды Иргаша, Мадамин-бека и других «большей частью состоят из обиженной и оттолкнутой мусульманской бедноты», и объявлялись следующие решения:

«Просить ТурЦИК объявить амнистию всем трудовым мусульманам, участвующим в рядах шаек Иргаша, Мадамина, Махкама, Халык-Ходжи, и призвать их сложить оружие добровольно, перейти на сторону советской власти и заняться мирным трудом;

гарантировать полную безопасность их жизни и оказать материальную поддержку по восстановлению их разрушенных хозяйств; <...> принять все меры к очистке советских органов в Фергане от всех элементов, сеющих провокацию <...>; произвести чистку рядов Красной армии от армянских провокаторов, чтобы вооружить главным образом истинных рабочих и членов коммунистической партии <...>; послать делегацию в Ферганскую область <...> устроить митинги во всех городах и разослать воззвания для разъяснения населению предпринятых центральной властью Туркестана шагов»¹⁰⁷⁴.

Мусульманские руководители смогли затем довести свою позицию до верхушки партии и навязать ее центральным советским органам¹⁰⁷⁵. Был выпущен «Призыв к мусульманскому рабочему населению Ферганы от имени правительства Туркестана», где говорилось:

«Правительство Республики Туркестан категорически заявляет:

1. Трудовое население Ферганы, принимавшее участие в разбойничьих шайках Иргаша и др., введено было в заблуждение своими врагами кулаками и баями и приспешниками царского режима, а потому настоящим амнистируется и должно вернуться в свои дома, сдать оружие и приняться, пока еще не поздно, за мирный труд.

2. Заблудившиеся и бессознательно участвовавшие в разбойничьих шайках люди труда не могут подвергаться со стороны правительства ни карам, ни преследованиям. Против не сдавших оружие будет вестись борьба до их уничтожения.

3. Правительство, гарантируя полную безопасность жизни возвращающимся, считает своей обязанностью оказать помощь желающим приняться за мирный труд, в то же время для восстановления разоренного хозяйства, посева или нуждающимся в продовольствии.

4. Объявляется решительная борьба против националистического угнетения слабых народностей сильными и предлагается принять все меры к очистке советских органов в Фергане от всех элементов, устраивающих провокацию <...>

5. Наряду с этим произвести полную чистку рядов Красной армии <...>

6. Для реального выполнения вышеизложенных мер посылается делегация в составе: Председателя Советов Комиссаров т. Сорокина (он же от Крайкома), Комиссара по делам национальностей Турсун-

Ходжаева, товарища Председателя ТурЦИКа Рыскулова (он же от Крайбюро мусульманских коммунистов) и члена ЦИК Хусанбаева»¹⁰⁷⁶.

ТурЦИК следом выпустил обращение, где объявлял амнистию. Было решено, что текст будет передан старейшинам ферганских кишлаков, имамы зачитают его в мечетях и он будет развешан во всех общественных местах. Было также решено послать к курбаши делегации, состоящие из улемов, которые бы гарантировали искренность предложения¹⁰⁷⁷. В Андижанском уезде, находившемся в самом центре конфликта, должны были произвести перепись ущерба, понесенного мусульманскими крестьянами, и обеспечить его возмещение¹⁰⁷⁸.

В мае комиссия ТурЦИКа посетила разные населенные пункты Ферганской области. В Андижане было проведено собрание на площади, где комиссия перед десятитысячной толпой мусульман объявила об амнистии. Один из членов комиссии, Хусунбаев, был назначен председателем ревкома¹⁰⁷⁹. Так власть переходила, формально и наглядно, в руки тех, кто стоял за политическим поворотом.

По возвращении в Фергану председатель комиссии Сорокин в докладе на съезде партии описывал местную ситуацию следующим образом:

«В Фергане советской власти нет, разве только в городах с русским населением. Но в мусульманской деревне сов. власти не существует. Там царят старые порядки николаевского времени, время приставов и волостных управителей, с заменой первых назначенными комиссарами, а волостных управителей — шайками разбойников. Число разбойников растет и кажется вам, что все население представляет собой разбойничью шайку»¹⁰⁸⁰.

Это не было сиюминутным впечатлением, возникшим в результате погружения в неизвестную до того обстановку Ферганы, это было оценкой, постепенно распространявшейся среди представителей советской власти. К лету в документах армейского командования Туркестана начали встречаться упоминания о том, что вылазки заканчивались репрессиями против жителей кишлаков, поскольку басмачи были неуловимы: «Противник, разбитый в одном пункте, рассеивается, отдыхает и собирается с силами в укромных и глухих местах и вновь появляется в другом месте»¹⁰⁸¹. Того же мнения придерживался и председатель другой комиссии, присланной в Фергану. В ноябре он объяснял: «басмачество создано советской властью и нашими отрядами», то есть реквизициями и «карательными» военными экспедициями¹⁰⁸². Теперь уже находились и коммунисты в руководстве, которые утверждали, что басмачи — это «разоренные крестьяне»¹⁰⁸³. Эти позиции открыли возможность к установлению мира в Фергане. Советские руководители, положительно относящиеся к такому пути развития (в первую очередь члены Мусбюро), взва-

лили на себя тяжелое бремя. Во-первых, они должны были прекратить репрессивные операции и остановить все вооруженные формирования, беспощадно воюющие с мусульманами. В особенности это касалось частей Красной армии, сформированных из армян. Во-вторых, они должны были начать переговоры с представителями местного населения, чтобы найти выход из социального конфликта. Необходимо было дать гарантии мусульманам и добиться от них прекращения вооруженных действий, но также нужно было найти компромисс с колонистами — как по поводу зерна, так и по поводу их вооруженной организации.

Путь примирения был крайне труден, потому что у советской власти были разные лица и, следовательно, разные политики, а всякая инициатива милитаристского крыла старой коммунистической гвардии могла разрушить хрупкое равновесие, от которого зависело начало процесса примирения. Сложность заключалась еще и в том, что для замирения Ферганы было совершенно недостаточно одного стремления советской власти к поиску компромиссов, даже если бы оно в действительности наличествовало и отчетливо артикулировалось. Существовала также необходимость в авторитетных и представительных переговорщиках с другой стороны фронта гражданской войны. Однако у другой стороны не было единого центра власти, ее представляли разобщенные автономные местные власти, вдобавок конфликтующие друг с другом: вооруженные армянские общины, колонистские власти на местах, многочисленные курбаши, хозяйничающие каждый на своей территории.

Поворот в политике, инициированный Москвой, потребовал от всех разнообразных местных властвующих субъектов заново определить свои позиции. Старые враги могли при этом найти взаимопонимание, а прежние союзники оказаться по разные стороны баррикад. Умиротворение представлялось весьма сложным процессом, который был предложен сверху, но сверху вовсе не управлялся, затрагивал самых разных участников и порождал новые противоречия. Вскоре станет ясно, что гораздо проще было провоцировать конфликты, нежели их разрешать.

Первым шагом на этом пути, по которому вскоре последовали многие, касался отношений между советской властью и Дашнакцүтюном, армянской национальной партией, чьи дружины составляли вооруженное крыло революционной диктатуры в основных городах Ферганской области.

Роспуск армянских военных частей

На первом съезде Коммунистической партии Туркестана, в июне 1918 года, армянам была вынесена официальная благодарность за их участие в деле революции. В связи с этим представитель Дашнакцү-

тюна заявил о готовности прийти на помощь советской власти: «В трудные моменты мы можем рассчитывать на вас, а вы — на нас, как на самих себя... Армянский народ сильно пострадал от своих врагов, от турков — нас было 30 миллионов, осталось десять...»¹⁰⁸⁴. Армянская национальная партия была готова участвовать также в формировании частей Красной армии для завоевания Кавказа. Это был вполне конкретный проект, о котором заявил незадолго до съезда военный комиссар Совнаркома Осипов. Революционные армянские части на Кавказе должны были действовать в составе Красной армии, где пользовались бы определенной самостоятельностью в вопросах организации и дисциплины¹⁰⁸⁵. На съезде Дашнакцютюна, проходившем практически одновременно с коммунистическим съездом, говорилось, что армянам следует быть на стороне советской власти, так как таким образом они смогут защитить собственную родину от врагов¹⁰⁸⁶. Для армян принять сторону советской власти было эквивалентно тому, чтобы занять антимусульманскую позицию.

Впрочем, через некоторое время после этих съездов отношения между большевиками и Дашнакцютюном заметно усложнились. Армяне, нуждавшиеся в защите вообще, необязательно именно русской, были готовы на другие союзы тогда, когда защита со стороны Советов оказывалась недостаточной. В июле 1918 года процветающая армянская община Ашхабада поддержала мятеж, выведший Закаспийскую область из-под контроля Советов. Временное правительство, возникшее в результате мятежа, как нам уже известно, получило поддержку англичан. В то же время в Баку революционеры теряли контроль над городом, и армянская община получила временную защиту английской армии, но в дальнейшем была оставлена и вынуждена самостоятельно сводить счеты с азербайджанцами. Последние устроили резню, в которой погибли тысячи армян, их кварталы были разрушены¹⁰⁸⁷. Несмотря на эти события, коммунисты и Дашнакцютюн продолжали сотрудничать в Фергане, советская власть не могла обойтись без армянских дружин.

В марте 1919-го на чрезвычайном съезде туркестанских Советов мусульманские делегаты предложили резолюцию, в которой предлагалось «обезоружить и расформировать отряд «Дашнакцютюн» и очистить Красную гвардию от преступного элемента»¹⁰⁸⁸. Это предложение было плодом нового союза русских коммунистов-центристов с мусульманами. Последние выдвинули свою резолюцию в знак протеста против объявленного выступления члена Дашнакцютюна, отказавшись его слушать и настаивая на смене докладчика¹⁰⁸⁹.

Принятие резолюции секцией съезда не было, тем самым, предусмотрено организаторами и стало успехом делегатов-мусульман. Потом, однако, из этого вышел скандал, и резолюция дальше не пошла. На последующих съездах Советов и партии, а также на съездах Мусбюро, в особенности в выступлениях Рыскулова, повторялись напад-

ки на армян и обнародовались факты их жестокостей в Фергане. Эти факты нам уже известны, не стоит на них здесь останавливаться. В мае комиссия ТурЦИКа приказала армянам Ферганы сдать оружие, а Красной армии – вывести из своих рядов армянских бойцов¹⁰⁹⁰.

Еще до выхода этого приказа Рыскулов прибыл в Андижан с большими полномочиями, проистекающими из его статуса члена Ферганской комиссии. Рыскулов докладывал в Ташкент из Андижана о фактах насилия по отношению к мусульманам. Он придерживался мнения, что разоружение армян – задача сложная, невыполнимая в результате одного только принятого решения¹⁰⁹¹.

Оказалось, что андижанские армяне за короткое время получили от советской власти как минимум 800 ружей, что у каждого из них было пять ружей, пистолеты, боеприпасы и даже бомбы. Армяне говорили, что, даже если советская власть потребует обратно свои 800 ружей, у них останется собственное вооружение. Уже в марте, когда чрезвычайный съезд объявил о разоружении армян, те дали понять, что не собираются сдаваться, будут защищаться с оружием в руках, а в случае необходимости – покинут Туркестан¹⁰⁹².

Тем не менее приказ о сдаче оружия был выпущен. Комиссия ТурЦИКа контролировала процесс сдачи и сравнивала количество сданного оружия с тем, что по достоверной информации находилось на руках у армян. Как и можно было предположить, оказалось, что многие не подчинились приказу о сдаче оружия. Тогда комиссия прибегла к помощи армии и учинила обыск жилья членов Дашнакцутюна и прочих армян, приказав сообщать в военный трибунал о каждом случае сопротивления при обыске. Оружие, находившееся у армян, служивших в Красной армии, не изымалось, а только регистрировалось на их владельцев. Были опасения, что оружие из армии попадет в руки простых армян, и именно так и произошло. Армяне нелегально получали оружие в армии и передавали его дальше. Ввиду этого комиссия приказала армейскому командованию изгнать из рядов всех армянских солдат¹⁰⁹³.

Мы в точности не знаем, каковы были конкретные меры по выведению армян из Советов и по роспуску их дружин, а также – было ли с их стороны какое-то сопротивление. Произошедшее не очень выяснимо, но, как бы то ни было, всего через несколько дней после приказа на первом съезде Мусбюро было объявлено, что в Андижане, Коканде и Скобелеве разоружение закончено¹⁰⁹⁴. Турар Рыскулов добился своего, настаивая на роспуске Дашнакцутюна, чего теперь уже требовали и Ташкент, и Москва. Армянам было разрешено объединиться в «Армянское общество», формально новую и другую организацию, которую нельзя было обвинить в связях с партией, действовавшей против советской власти на Кавказе. Пришлось пойти на этот компромисс, но главная цель – устранение армянских дружин как автономных военных формирований – была достигнута¹⁰⁹⁵.

Трения с армянами лишали Советы, по крайней мере отчасти, их наиболее активных сторонников. Ситуация становилась критической, потому что другая существенная составляющая армии — бывшие военнопленные — этой же весной 1919 года начала протестовать против Ташкента, требуя автономии и признания их права на возвращение домой. Вербовка военнопленных продолжалась в одной только Фергане: в Коканде, Скобелеве и Андижане было завербовано несколько сотен человек¹⁰⁹⁶. Каждый день, однако, случались бегства пленных, и власти стали опасаться, что при таком потоке все военнопленные вскоре окажутся на стороне басмачей¹⁰⁹⁷.

Не очень ясно, в какой связи находились меры Советов против армян, дезертирство военнопленных и присутствие Мадамин-бека в данной зоне. Нельзя исключить, что Рыскулов воспользовался властью Мадамина, чтобы запугать и склонить армян к благоразумному отступлению, но в таком случае следует заподозрить лидера Мусбюро в сговоре с курбаши. Разумеется, Мадамин-бек не мог не одобрять стремление Рыскулова разоружить главных врагов мусульманского населения, а Рыскулов с вниманием относился к действиям Мадамина, поскольку именно для организации переговоров с басмачами ТурЦИК и отправил его в Фергану.

Конфликт в Фергане не был исчерпан, враги оставались теми же, но их отношение к советской власти менялось. Самые ярые приверженцы революционной диктатуры были дистанцированы, а бандиты, вполне вероятно, начинали претендовать на роль солдат советского правительства. Переговоры с курбаши шли полным ходом.

Иргаш-бай вступает в союз с Советами

Призывы к населению Ферганы и объявленная амнистия открыли путь к переговорам. Это было началом политики, которая, впрочем, дальше развивалась отнюдь не линейно, по причине существующих противоречий внутри советской власти, а также соперничества между курбаши.

В апреле, когда комиссия ТурЦИКа была послана в Фергану, Иргаш-бай был непререкаемым лидером банд на территории Коканда, а Мадамин-бек — самым авторитетным курбаши в центральной части области. Оба держали свои территории под контролем, в рамках которого влияние Советов было ограничено городами, части Красной армии могли делать иногда вылазки, но не имели возможности закрепиться на территории, а банды мелких курбаши пользовались ограниченной самостоятельностью. Два главных курбаши договорились не вести действий друг против друга, то есть не пытаться расширить свои территории за счет территорий другого, и поддерживали достаточно хорошие отношения, чтобы вести совместные военные действия. В апреле они вместе напали на Наманган, где, впрочем, были

разбиты, что и вызвало между ними вновь недоверие и соперничество. Похоже, причиной тому был тот факт, что, пока Мадамин-бек вел действия в окрестностях Намангана, Иргаш-бай грабил окрестные кишлаки, вместо того чтобы оказать ему помощь¹⁰⁹⁸. Мы вернемся позже к этому эпизоду, разбираясь в намерениях Мадамина, а сейчас последуем за Иргаш-баем.

Известный своим враждебным отношением к русским, Иргаш-бай неожиданно нашел высокопоставленного русского союзника в лице Осипова. Военный комиссар, будучи в бегах после неудачной попытки ташкентского переворота, оказался в районе Намангана, где шли боевые действия. Преодолев горы между Ташкентом и Ферганой, народный комиссар остался в сопровождении небольшого отряда — большая часть солдат погибла от холода и малярии во время перехода. Однако у него еще оставалось легкое вооружение, а главное — большое количество золота, похищенного из касс советской власти в Ташкенте. Сразу по прибытии в Фергану Осипов распространил слухи, что его отряд — это части «русских меньшевиков», а он сам хотел бы встретиться с курбаши и муллами. Иргаш-бай и Мадамин-бек вступили в контакт с Осиповым¹⁰⁹⁹. С Иргаш-баем они объединили силы, и, возможно даже, вместе с ним Осипов дошел до Бухарского эмирата, где был принят эмиром, а затем отправился в Баку для укрепления связей и создания союзов против ташкентских революционеров¹¹⁰⁰.

Иргаш-бай также переместился на территорию эмирата с большим числом своих людей. Получив от эмира помощь живой силой и оружием, два месяца спустя он вернулся на свою территорию во главе армии в 2500 бойцов¹¹⁰¹. Уверенный теперь в своих силах, Иргаш-бай объявил себя ханом Ферганы¹¹⁰². Говорили, что Хамдам, авторитетный и решительный курбаши, пыгавшийся объединить разрозненные ферганские банды, пришел к Иргашу и сказал ему: «Мы, разбойники, никогда не будем ханами и не имеем такого права на это; мы только должны сохранять свои территории до наведения порядка властями»¹¹⁰³.

Новая власть в лице Мусбюро тем временем вступила в контакт с Иргаш-баем: Турсун Ходжаев уже вел с ним переговоры. В июле они пришли к договоренности, согласно которой Иргаш-бай переходил на сторону Советов, сохраняя за собой все оружие и военную структуру¹¹⁰⁴. Банды курбаши, до сего дня считавшегося худшим бандитом области, таким образом становились частями Красной армии, а Советы признавали их местную власть. Басмачи и так контролировали эту территорию, но это признание имело большое политическое значение, так как обозначало альтернативу русской диктатуре и ее насильственным методам.

Очевидным образом это было продолжением того политического плана, очертания которого мы уже разглядели ранее. В Ташкенте

в нем участвовали русские умеренные коммунисты во главе с Осиповым (а в дальнейшем — Кобозевым) и мусульмане-коммунисты под руководством Рыскулова. Их союзниками были казацкие части Зайцева и дутовские войска в Оренбурге, а также национальное туркменское правительство. В самой горячей зоне — в Фергане — союз через Мусбюро привлек к сотрудничеству Иргаш-бая, в то время как Мадамин-бек укреплял отношения с колонистами Монстрова в рамках аналогичного политического проекта. Умеренная альтернатива базировалась на восстановлении отношений между политическими и военными силами русских, казахов, туркмен и узбеков. Неизвестно, было ли все это спланировано некими тайными политическими силами или же просто-напросто военные лишения и угроза голода заставили найти минимальное взаимопонимание тех игроков, которые еще обладали военной силой и автономностью. Разумеется, центральная роль принадлежала Мусбюро и Рыскулову. Однако все это было только самым началом сложного и противоречивого процесса.

Соглашение с Иргаш-баем не разрешало автоматически конфликта в западной Фергане, оно лишь создавало неясную ситуацию, при которой насилие на какое-то время сократилось, а враждебность и недоверие оставались прежними. Летом сообщения агентов, внедренных в ряды басмачей, гласили, что среди сартов распространяются подозрения насчет искренности перехода Иргаш-бая на сторону Советов. Иргаш-бай оставался непререкаемым лидером около 1500 человек, высшим авторитетом на своей территории, он спокойно появлялся на публике с другими влиятельными мусульманами, а каждую пятницу в сопровождении улемов прибывал на молитву в святое место, мазар Хазрат¹¹⁰⁵.

Переход Иргаша на сторону противника, искренний или нет, был, однако, воспринят всерьез прочими влиятельными курбаши, настолько, что в августе Мадамин-бек и другие решили собрать тысячу человек и послать против Иргаш-бая¹¹⁰⁶. Отрицательная реакция на договор с Иргаш-баем последовала и с советской стороны. Сотрудничество с курбаши оказалось неприемлемым для тех частей Красной армии, которые уже давно принимали участие в действиях против басмачей, и для них это приобрело самостоятельный смысл и цель. Поворот в сторону Иргаш-бая встретил жесткое сопротивление со стороны военных: Сафонов, командующий Красной армией в Фергане, утверждал, что соглашение, достигнутое Турсуном Ходжаевым, есть результат самочинной инициативы, к которой армейское командование не имеет отношения. Военревком, являвшийся на тот момент основной политической и военной властью в крае, отверг мирный план Ходжаева, назвав его «неприемлемым и невыполнимым», и принял предложение Сафонова, не допускающее уступок Иргаш-баю. В дискуссии возобладали позиции тех, кто пола-

гал, что желаемое Мусбюро соглашение предопределил конец советской власти, и потому предлагали подчинить мусульманские воинские части русским частям, не давая им автономии¹¹⁰⁷. В Коканде оппозицию сближению с басмачами возглавил Сааков, уже знакомый нам в роли председателя исполкома горсовета и комиссара армянской дружины. Сааков приказал, согласно мирным договоренностям, разоружать банды басмачей и добился таким образом того, что басмачи, узнав об этом приказе, отказывались переходить на сторону Советов¹¹⁰⁸.

Политические разногласия внутри советской власти стали очевидны: Мусбюро — власть в Ташкенте — вело переговоры с курбаши, а военревком — местная политическая власть — по настоянию Красной армии блокировал договоренности.

Штаб военревкома находился в Скобелеве, областном центре, где преобладало русское население и солдаты. Комитет имел довольно слабые связи с местным населением, его члены старались не выходить за пределы города, опасаясь нападений басмачей. Ситуация в самом городе была довольно тяжелой, но скорее из-за нехватки продовольствия: урожай зерна был очень низким, и, кроме того, басмачи препятствовали его скупке. Русские власти не имели возможности посылать переговорщиков в деревни без внушительного эскорта, поэтому приходилось доверяться мусульманским торговцам. Городские базары по-прежнему работали, но сельскохозяйственной продукции не хватало для удовлетворения растущих потребностей гарнизона. Ситуацию усугубляло и то, что голод и неурожай сопровождались бесхозяйственностью. Городские власти тоже были в этом повинны: похоже, что в то время, когда они жаловались на нехватку продуктов питания, весь доступный запас ячменя уходил на производство пива¹¹⁰⁹.

Голод заставил русских смягчить высокомерное отношение к мусульманам, и, возможно, многие поддерживали решение о переговорах с басмачами. Местные советские власти понимали, что рост числа басмачей вызван насильственными действиями Красной армии против населения, и, обращаясь в Ташкент, в Совнарком, они сообщали о поддержке новой политики, но настаивали на том, чтобы армия возместила населению весь нанесенный ранее ущерб¹¹¹⁰. В самом деле, не хватало зерна, другого продовольствия, продуктов первой необходимости, но Ташкент не мог этого обеспечить. Следовательно, ни о какой компенсации мусульманам можно было и не говорить. Местные власти оказались в тупике: альтернативой нескладывающемуся мирному процессу была война.

Красная армия подходила к сложной ситуации просто — наращивала уровень насилия по отношению к мусульманскому населению. Местные басмачи оказались мудрее и воздерживались от применения силы к русским.

Мадамин-бек, курбаши-политик, ведет переговоры с русскими

Еще до того как в Ташкенте осознали неизбежность поиска компромисса с мусульманами и переговоров с курбаши, а следовательно, — проблему выбора между ними, Мадамин-бек уже понимал, что не все русские враги, и налаживал с ними контакты. Мадамин-бек тоже обращался с призывами к населению, первый из которых был выпущен в Скобелеве 8 марта:

«Я, командующий Туркестанского края, Мухаммед Амин-бек Ахматбеков <Мадамин-бек>, обращаюсь с призывом к мирному населению города Скобелев, которое призываю не верить ложным слухам, распространяемым большевиками, о том, что я выступаю против русского населения. Это ложь. Я сражаюсь против нынешней советской власти, всем ясно, что эта власть своими собственными действиями вынуждает нас ей сопротивляться. Не верьте, что среди моих людей нет русских, что я их уничтожаю в своем окружении, нет — это ложь власти. Я сотрудничаю с русскими, и вообще с европейцами, и если вы против советской власти — присоединяйтесь ко мне и вы убедитесь в справедливости моих слов»¹¹¹¹.

Текст, подписанный Мадамин-беком и его помощником, русским офицером, призывал русских вступать в басмаческие банды, обещал ежемесячный оклад, питание и проч. Сафонов, командующий Красной армией в Фергане, ответил своим обращением, в котором призывал русских не верить Мадамину и сообщать о появлении в городе подозрительных лиц¹¹¹².

Угроза со стороны басмачей в Скобелеве была не очень сильной — там концентрировались основные силы русских во всей Ферганской области; в других городах, напротив, население было преимущественно мусульманским, а солдат было немного. Мусульмане находились в двойственной ситуации — они очевидно были не слишком лояльны советской власти, но в присутствии армии не осмеливались на оппозиционные действия. Тем самым они попадали меж двух огней: вооруженная советская власть относилась к населению враждебно, а басмачи рассматривали его как пособника Советов. Такова была, к примеру, ситуация в Намангане, где Советы, опираясь на нескольких мусульман, проводили экспроприации, доводя мусульманское население до нищенства, а басмачи производили набеги, грабя их и налагая оброки. Постепенно эта ситуация привела к разделению населения: часть авторитетных представителей мусульман, имевшая отношения с Советами, бросила свои дома и переместилась в европейскую часть города, попросив оружие для самообороны; другие влиятельные мусульмане, наоборот, примкнули к басмачам¹¹¹³.

В начале апреля Мадамин-бек взял в осаду Наманган. Город обороняли разномастные части (одна из Самарканда, две части Дашнак-

цутюна, городской гарнизон, одна регулярная часть Красной армии и т.п.), в которых царил хаос и не было никакого эффективного руководства¹¹¹⁴. Реакция советских властей на нападение Мадамина хорошо видна в приказе, изданном одним из командующих:

«<...> в интересах спокойствия и сохранения в целостности имущества пролетариата, а также для того, чтобы дать возможность начать свои работы в виду наступления весны, приказываю: наманганскому мусульманскому населению немедленно выдать всех разбойников, без различия национальности, ведущих вас против законной власти, избранной всем народом. Предупреждаю, что если в течение 24 часов со времени опубликования сего приказа не прекратится стрельба и не будут выданы вами разбойники, то все вы и жилища ваши вместе с разбойниками будут сметены с лица земли.

Товарищи мусульмане, помните, что ваше наступление приведет к полному вашему уничтожению, а потому, во избежание этого, предлагаю немедленно и не позже 24 часов выслать делегатов в штаб Самаркандского боевого отряда на ст. Наманган для переговоров.

Если к указанному времени не придут делегаты в штаб, то Самаркандский отряд слагает с себя всякую ответственность и приказ сей будет приведен в исполнение без замедления»¹¹¹⁵.

Советам удалось отразить нападение благодаря прибытию помощи из Коканда, но окрестные деревни оставались неподконтрольными. Некоторое время спустя начальник милиции одной из деревень обратился в городской Совет за разрешением заключить соглашение с Мадамин-беком. Начальник милиции настаивал на подписании соглашения, так как деревня, находившаяся далеко от города, осталась без всякой защиты и напуганное население было готово на любые договоренности. Мадамин обратился к жителям села:

«Я, представитель мусульманской белой гвардии, Мадамин Ахматбеков, не требую от крестьян и окружающих жителей с. Успенского ни оружия, ни лошадей, ни скота, ни денег, и не допущу кого бы то ни было взять это от вас.

Обеспечиваю свободный проезд вам в сфере моего влияния безоружными, обеспечиваю торговлю на базарах от каких бы то ни было насилий. Обещаю со стороны моих войск, проходящих по участку, полный порядок и дисциплину, без моего мандата появляющихся вооруженных прошу комиссара обезоруживать и сдавать ближайшему курбаши. Мои курбаши не вмешиваются в дела администрации, а посему комиссар пусть делает свое народное дело безбоязненно. Администрацию прошу занять свои места и делать свое дело, давая отчетность по принадлежности. Вообще до окончания политической борьбы прошу сохранять полный порядок».

Жители Успенского отвечали:

«Мы, крестьяне и жители, в политическую борьбу не вмешиваемся, оружие имея за собой как средства самозащиты. Лица не админи-

страции во время разъезда должны быть безоружными. Прекращаем вражду национальную. Споры разбираются существующей властью. Вообще до прекращения борьбы политической сохраняем полный порядок и занимаемся своим делом»¹¹¹⁶.

Под «политической борьбой» подразумевалось соперничество за власть, к чему простое население не имело отношения. И Мадамин-бек, действительно, не смешивал советскую власть, навязанную русскими революционерами, и русское население, и колонисты это понимали, постепенно отмежевываясь от советских властей.

Восстание колонистов и их союз с басмачами

Русские крестьяне, как мы уже знаем, постоянно испытывали угрозу со стороны многократно превосходящего их численностью туземного населения, проживающего рядом, — голодающих кочевников и мусульманских крестьян, прикрывающих басмачество. Они создали собственную армию и поддерживали лояльные отношения с советской властью до тех пор, пока она уважала и поддерживала их автономию. Однако летом 1919 года этот негласный договор распался. Первым поводом к этому стали советские действия по централизации и усилению военного присутствия в Туркестане в феврале 1919 года. В мае крестьянская армия получила приказ распустить выборный Военный Совет и подчинить свои части командованию Красной армии (что означало возможность отправки ее солдат на другие фронты). В ответ съезд колонистов принял резолюцию, в которой говорилось, что части крестьянской армии признают только свое собственное командование, не сдадут оружие Красной армии и не намереваются принимать участие в «политической борьбе», то есть воевать на фронтах коммунистов и белых¹¹¹⁷. В Джалал-Абад прибыл главнокомандующий фронтом с частями Красной армии и попытался, безуспешно, силой навязать приказ крестьянской армии и арестовать ее главу — Монстрова. Через несколько дней, в разгар сбора урожая, советские власти ввели монополию на зерно, по сути, узаконив его реквизицию¹¹¹⁸.

Конфликт между советской властью и колонистами разгорелся как раз в то время, когда менялись акценты в отношениях с басмачами. Мадамин-бек, крупнейший лидер басмачей на территории, стремился установить строгий порядок и заставил всех курбаши (в том числе и Хал-Ходжу) оставить в покое поселения колонистов. В июне—июле Монстров и Мадамин-бек провели несколько встреч — вначале договорились о перемирии, а потом колонисты восстали против советской власти и заключили с Мадамином военно-политическое соглашение¹¹¹⁹. Оставаясь боевым крылом местной власти и защищая собственный урожай, колонисты перешли из лагеря Советов в лагерь противника¹¹²⁰.

Пакт между Мадамин-беком и Монстровым базировался на политической платформе, которая, по сути, предполагала установление в Туркестане нового строя.

Основное содержание этой программы обсуждалось и было поддержано делегатами колонистов на съезде Военного Совета в августе 1919 года.

В резолюцию были внесены следующие пункты: перевыборы всех Советов Туркестана на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования (принцип выборов в Учредительное собрание, распущенное большевиками) с выделением мусульманам половины мест; полная независимость судебной власти; свобода труда, торговли, передвижения, слова, печати и образования; отмена монополии на зерно; возвращение домой крестьян, мобилизованных в армию и отправленных сражаться на «политических фронтах» (то есть на гражданскую войну); возвращение домой всех военнопленных, находящихся в Туркестане. В последующем обращении к населению вновь акцентировались эти пункты, в частности объяснялось, что предложение уступить мусульманам 50% мест в Советах, отвергнутое коммунистами как слишком щедрое, на деле не было таковым, если вспомнить, что Москва требовала пропорционального участия мусульман, то есть около 95%. В другом обращении Военный Совет призывал военнопленных дезертировать из Красной армии, куда их завербовали насильно.

Мадамин-бек заключил это соглашение, так как оно расширяло пространство мусульманского влияния, приближало наступление мира и избавляло от коммунистической диктатуры. В письме Монстрову он сообщал о своем согласии, указывая, что слухи о его желании восстановить Кокандское ханство ложны, что он хочет дружбы и сотрудничества с русскими, а когда будет возможно, сложит оружие и вообще займется сельским хозяйством. Кроме того, Мадамин-бек согласился объединить армии даже на условии предоставления ему всего трети мест в Военном Совете. К концу года этот союз привел к образованию Временного правительства Ферганы. Правительство состояло из пяти министров, среди которых были Монстров и Мадамин-бек (последний в качестве председателя правительства)¹¹²¹.

Наступление мира в Фергане зависело от Советов. Если бы они пошли на переговоры, они нашли бы в лице ферганского Временного правительства адекватного переговорщика, в противном случае – в его же лице нашли бы вооруженного врага. Мирный путь предусматривал определяющую роль мусульман, а главные роли безусловно принадлежали бы Мусбюро в лице Турара Рыскулова и Мадамин-беку.

Но сперва рассмотрим, в каком направлении развивались политические разногласия внутри советской власти.

Андижан и Ош между басмачеством и советской властью

После роспуска армянских дружин советская власть в Андижане находилась в жестоком кризисе. Угрозе басмачей, контролировавших все окрестности и препятствовавших поставкам продовольствия, нельзя было противопоставить ничего — ни гарнизона, ни частей Красной армии, да и в лице гражданского населения практически не оставалось ресурса. Городской Совет и профсоюзы вооружили всех людей, способных сражаться, и возвели баррикады на подступах к городу¹¹²².

Условия осады отягощались для русских еще и тем, что они не могли доверять вооруженному населению мусульманских кварталов. Контроль за этими кварталами осуществлял Ахунджан Нор-Мухамедов — курбаши, который, как и Иргаш с Мадамин-беком, в 1917-м был гарантом общественного порядка на службе городских властей, а потом стал басмачом. Он вернулся на сторону официальной власти в начале 1919 года, а его банда влилась в Красную армию с обязанностью держать мусульманскую часть города под контролем в период безвластия после роспуска армянских дружин. Похоже, однако, что его банда была не слишком дисциплинированным и регулярным формированием. По сообщению военного инструктора, направленного в Андижан от Красной армии, Ахунджан не занимался обучением своих людей, ограничив военную подготовку двумя часами в день. Но это было еще полбеды. Люди Ахунджана по-своему понимали свои обязанности по поддержанию порядка в городе, они грабили население, насиловали женщин. Они оставались бандитами, и то и дело кто-то из них дезертировал с оружием. Ахунджан и его курбаши не придавали этому значения, а командование Красной армии, напротив, усматривало в их поведении пугающие признаки анархии. Эти люди, будучи басмачами, подавляли и грабили население, а теперь они это делали именем советской власти¹¹²³.

Как мы знаем, в апреле—мае чрезвычайная комиссия под руководством Рыскулова и Сорокина посетила Фергану и отдала указания по чистке местных Советов. Когда комиссия покинула Фергану, по мнению местных коммунистов-мусульман, все вернулось на свои места¹¹²⁴. Злоупотребления продолжались, взаимное недоверие между русскими и мусульманами не уменьшалось. Несмотря на избранную Ташкентом политику открытости в отношении мусульман, на праздновании второй годовщины Октября мусульмане, захотевшие принять участие в празднике и демонстрациях, были отвергнуты и вынуждены разойтись по домам.

Обстановка все ухудшалась даже в небольшой европейской части города. Помимо плохого урожая в уезде и плохого поступления продовольствия причиной ухудшения был постоянный наплыв русских, бежавших от басмачей и вынужденных проживать в городе в чудо-

Ахунджан и советские войска в Андижане

вищных условиях. Домов не хватало, многие дома были национализированы, а затем брошены на произвол судьбы. Коммунисты-мусульмане подтверждали, что уровень жизни в городе резко упал, и полагали одной из причин тому взаимное недоверие между партией и Советами¹¹²⁵. В Андижане, да и во всей Ферганской области, было еще очень далеко до пропорционального представительства мусульман в Советах, предписанного московской радиограммой от 12 июля. Пропорциональными были только аресты (как сообщала одна из комиссий), которые затрагивали на 98% мусульманское население. В Андижане было создано отделение Мусбюро, без визы которого не могли проводиться аресты, обыски и реквизиции. Формально это решение демонстрировало признание власти мусульман, но на деле все продолжалось по-прежнему — что в городе, что в деревне. Когда возникало предположение, что в каком-то кишлаке присутствуют басмачи, быстро «принимались меры» (типичное выражение), то есть посылались солдаты, которые уничтожали все вокруг и убивали жителей¹¹²⁶.

Осенью союз Мадамин-бека и Монстрова привел к созданию объединенной армии, которая начала первые действия против Советов. Она базировалась в Джалалабаде и планировала расширять свое влияние на окрестные территории. Первой значительной мишенью стал Ош.

Деревни в окрестностях Оша были под контролем Хал-Ходжи. Он был довольно могущественным курбаши; говорили, что в одном из кишлаков недалеко от города он обустроил зимовку, напоминаю-

щую крепость, — с подземными входами и выходами. По ночам он, невзирая на гарнизон, часто оказывался в городе, где собирал дань — лошадей и прочее имущество¹¹²⁷. Советская власть в Оше была крайне слабой и не могла противостоять басмаческой угрозе. Несостоятельность власти Советов демонстрирует эпизод, случившийся в начале года, когда мелкий курбаши, помощник Хал-Ходжи, напал на город с 50 бойцами. Целью было захватить и убить городского аксакала, который изнасиловал жену Хал-Ходжи. Они не смогли найти спрятавшегося аксакала, но контролировали город несколько дней, не встретив никакого сопротивления¹¹²⁸. Сходный случай был в феврале, когда тот же Хал-Ходжа собирался атаковать город, но перед нападением получил информацию о том, что жители готовы отдать ему оружие и выдать представителей советской власти. Части Красной армии, присланные из Ташкента, воспрепятствовали переходу города под контроль курбаши. В качестве первой меры отряды принялись обстреливать кварталы старого города, а затем вошли в город и учинили беспредел. Прошел год после кокандского разгрома, и вновь приход Красной армии ознаменовался массовыми убийствами мирного населения, включая женщин и детей, грабежами и пожарами, уничтожившими часть города. Грабежи и насилие продолжались более недели и в окрестных кишлаках. Наконец армия покинула город, в обозе тянулись сотни повозок, груженных награбленным добром¹¹²⁹.

В сентябре Мадамин-бек и Монстров со своими объединенными силами появились перед Ошем и заняли его без единого выстрела. Военный Совет обосновался в городе, к ним присоединился отряд русских солдат, дезертировавших из Красной армии, — 200 вооруженных бойцов во главе с бывшим царским офицером¹¹³⁰. Хал-Ходжа, курбаши Ошского уезда, был против Советов, но одновременно и врагом Мадамин-бека, — он приказал своим людям стрелять по отряду Мадамина, если те заявятся на его территорию¹¹³¹.

Уверенные в своих силах Мадамин и Монстров направились на Андижан. Мадамин-бек уже не первый раз нападал на этот город — летом он с 400 бойцами совершил налет на базар старого города, захватил лошадей и вступил в перестрелку с советскими солдатами. Тогда сочли, что его настоящей целью было уничтожение командования советскими мусульманскими частями, возглавляемыми Ахунджаном¹¹³². В сентябре ситуация была уже другой: Мадамин-бек действовал в согласии с колонистами и целью его было достижение мира в области. Эта задача, предлагаемая, впрочем, с оружием в руках, не пришлась по сердцу Ахунджану. Курбаши удерживал город целую неделю, за это время многие его люди перешли на сторону Мадамина¹¹³³. Некоторые жители старого города (среди них и улемы) пытались помочь нападавшим и пропустить их в город, но не преуспели и были арестованы. Мадамин и Монстров уже готовились к последней

атаке, когда прибыла Красная армия с пулеметами и пушками. Нападавшие были отбиты и с большими потерями отступили¹¹³⁴.

Части Красной армии, отбившие Андиган и позволившие своему советскому курбаши сохранить личную власть, состояли из мусульманских солдат — татар, прибывших из Казани и подчинявшихся Мусульманскому военному совету Султана Галиева. Они оказались в Туркестане весной, потрепанные после боев с Колчаком и истощенные от недоедания и болезней, которые их преследовали во время перехода через Степной край. Красная армия хотела их кинуть на борьбу с басмачами, чтобы не повторять ошибку с использованием русских солдат против мусульманских бандитов. Сначала казалось, что это меняет ситуацию и придает армии престиж. Татарский полк, прибывший в Андиганский уезд, был хорошо принят мусульманским населением, которое наконец увидело в этих солдатах «не грабителей и агрессоров». Конфликт с басмачами тоже приобрел новые формы — по крайней мере ни один мусульманский солдат не был убит или взят в плен. Однако прошло несколько месяцев, и командование Красной армии стало терять веру в татар: поступали сведения о том, что многие были «деморализованы», хотели вернуться домой и даже начинали протестовать. Сохранению порядка, разумеется, не способствовали жуткие условия, в которых эти солдаты вынуждены были жить: не хватало обмундирования, сапог и одеял, свирепствовали болезни¹¹³⁵. Неизвестно, случилось ли нападение Мадамин-бека и Монстрова до их «деморализации», но, безусловно, татарские солдаты оказались в странной ситуации, когда поняли, что их настоящие враги вовсе не басмачи.

Могущественные противники примирения

В ноябре Мусбюро, уже ставшее большой силой в Ташкенте и во всем крае, добилось того, что власти и Ферганской области приняли новую политику и, в соответствии с принципом пропорционального участия, создали ревком, подчиняющийся уже не только военным. Незаметдин Ходжаев, один из руководителей Мусбюро, обвинявшийся в поддержке мусульманского правительства Коканда, стал главой ревкома, в который входили еще два человека — один из них командующий в области Красной армией, но представитель Мусбюро был выше в иерархии. Мусульманин, сторонник переговоров с басмачами, стал высшим политическим руководителем Ферганы¹¹³⁶. Незаметдин Ходжаев предлагал созвать съезд представителей местных администраций и пригласить к участию курбаши, сражающихся против Советов, гарантировав им неприкосновенность. В общем, предлагалось признать местную власть курбаши. Кроме того, по мысли Ходжаева, следовало восстановить шариатские суды и отменить реквизиции зерна¹¹³⁷.

Делались важные шаги на пути к примирению, но перспективы были еще нечеткими. В самом деле, ревкому предстояло возглавить работу местной власти, весьма далекой от симпатий к Мусбюро. В первые дни своей деятельности члены ревкома провели несколько важных встреч. Первая состоялась в Коканде, где проходил съезд Советов Ферганской области. Присутствовало около двадцати представителей уездных и городских Советов, председательствовал самый крупный местный руководитель — армянин Сааков, уже знакомый нам. Обсуждались экономический кризис и басмачество, но мы не знаем, какой прием был оказан Незаметдину Ходжаеву. Затем члены ревкома оказались в Скобелеве, где провели встречу с местным руководством — но только с русскими. Вероятно, Ходжаев встречался и с командованием татарской армии, действующей в Фергане, потому что несколько дней спустя появилась декларация, где говорилось, что мусульманские рабочие и крестьяне объединились с бандами басмачей только потому, что советская власть оказалась в руках личностей, которые лишили местных жителей всех прав и свобод и действовали только в своих интересах. Параллельно Ходжаев провел собрание в соседнем Старом Маргелане, где встретился с представителями мусульманского населения. Там его (не других членов ревкома) встретили очень тепло и с рабочим настроением. Затем трое руководителей продолжили свой путь на восток Ферганской области с целью встретиться с колонистами Джалалабада, а по возможности и с курбаши¹¹³⁸. У нас нет информации об этих встречах, которые, вероятно, произошли в конце ноября, а также нам неизвестно, взаимосвязаны ли инициативы Ходжаева и образование Ферганского временного правительства. Возможно, это были независимые, но совпавшие по времени инициативы.

Вокруг Мадамин-бека стали собираться другие курбаши, среди них были и его прежние враги, в том числе Хал-Ходжа. Иргаш-бай, напротив, колебался, возможно, по причине уже сделанного выбора в пользу Мусбюро и застарелой вражды с Мадамин-беком.

Иргаш-бая попытался склонить на свою сторону Монстров. В декабре 1919 года он в качестве председателя Ферганского временного правительства (должность, которая вскоре перейдет к Мадамин-беку) послал ему телеграмму. Стоит привести этот текст, так как он хорошо разъясняет позицию и намерения Монстрова.

Глава колонистов написал курбаши, что они оба «направляются в одну сторону, но разными путями». Иргаш-бай сразу стал сражаться против большевиков, а Монстров двигался более извилистым путем:

«Я, живя среди людей, между которыми было много уже испорченных большевизмом на фронте (следовательно, это были крестьяне, отслужившие в армии), не мог призвать их на борьбу сразу открыто. Я должен был сначала бороться с ними силою слова и убеждения. К тому цель моя была возможно больше вооружить крестьян и лучше

организовать их, что мне и удалось, и к лету крестьянская армия представляла собой довольно значительную силу. Тогда же я пригласил примкнуть к нам других мусульманских вождей, с которыми имеем возможность войти в связи. В ответ на это Мадамин-бек подчинился уставу крестьянской армии. Ахунджан же не захотел этого сделать и, погнавшись за временной выгодой, поступил на службу к большевикам».

Потом, писал Монстров, он перешел в наступление на «негодяев и безбожников» и предлагал Иргаш-баю действовать совместно против общего врага¹¹³⁹.

В начале января 1920 года некоторые крупные курбаши, среди которых были Хал-Ходжа и Кур-Ширмат, встретились с руководством крестьянской армии, чтобы скоординировать действия. На встрече, где председательствовал Мадамин-бек, приняли решение о мерах по объединению басмачей и созданию вооруженных частей, которые будут скоординированно контролировать территорию и одновременно нападать на советских курбаши. Мелкие курбаши получили приказ присоединиться к Мадамин-беку, который будет снабжать их оружием и осуществлять общее командование. У Мадамина был большой запас оружия — он получил помощь из Кашгара и из Афганистана¹¹⁴⁰, возможно, конечным источником ее были англичане. На собрании прозвучало, что Иргаш-баю отправлено письмо, но ответ еще не получен¹¹⁴¹.

Курбаши организовывались и в то же время были открыты для переговоров, предложенных Мусбюро. Незаметдин Ходжаев работал над их переходом на советскую сторону и пока не встречал препятствий со стороны политических комиссаров, прибывших из центра. В поездке по Ферганской области членов ревкома сопровождал Голощекин, один из представителей Москвы, недавно прибывший в Туркестан в качестве члена Турккомиссии. Ревком и Голощекин через два месяца докладывали, что военное развитие событий приведет только к росту численности басмачей, и делали вывод: «ликвидация Ферганского фронта возможна лишь путем мирных переговоров с басмачами и переводом их на советскую службу в качестве красноармейцев»¹¹⁴².

В Красной армии, как мы знаем, имелись противники такого развития событий, считавшие безумием оставлять оружие в руках мусульман, до вчерашнего дня бывших бандитами, и видели единственный путь достижения мира в полном разгроме врага. С большой вероятностью можно утверждать, что этого мнения придерживалась не только военная верхушка, но и члены ташкентской партии, да и в Москве оно еще не было полностью забыто. К этим выводам подталкивает необычайный характер готовящейся операции. Первой ее целью стал Иргаш-бай, главный из курбаши, перешедших на советскую сторону по договоренности с Мусбюро. Атака произошла через

несколько дней после донесения ревкома и Голощекина, приведенного выше.

На тот момент хорошо вооруженный Иргаш-бай не имел соперников на своей территории и контролировал три или четыре тысячи человек, в том числе таджиков из Бухарского эмирата¹¹⁴³. Его база находилась в Бачкире, поблизости от Коканда, где была сооружена глиняная крепость с высокими башнями, внутри которой располагались помещения для людей, караван-сарай, мастерская по изготовлению боеприпасов, склады продовольствия и фуража. Когда началась военная операция, в Бачкире находилось 1500–2000 человек, настоящая армия под началом курбаши¹¹⁴⁴.

План операции предполагал, что Красная армия возьмет крепость, уничтожит банду и захватит в плен самого Иргаш-бая. Атака должна была начаться одновременно с разных сторон, тремя основными отрядами. Первый состоял из 360 мусульманских кавалеристов под руководством Тыйчи, советского курбаши; второй, также кавалерийский, насчитывал 500 человек во главе с курбаши Хамдамом; третий – 535 человек, пушки и пулеметы, под началом русского военного. Имелся также отряд бывших военнопленных под названием «Роза Люксембург».

Новизна этой операции заключалась не только в составе частей, но и в использовании военной техники, до того невиданной. Предполагалось участие аэростата и аэроплана, оснащенных бомбами и пулеметом.

В действительности атака разворачивалась не так, как планировалось. Хамдам получил инструкции с опозданием и к тому же (по другим причинам) не смог участвовать в операции, только часть его людей добралась до Бачкира на следующий день, когда столкновение уже закончилось. Тыйчи следовал приказам и даже занялся очисткой окрестных кишлаков от басмачей после взятия Бачкира (лучше было поручить это дело мусульманам). Третий отряд, центральный, состоявший из русских, занял Бачкир, но не смог остановить отступавшие силы Иргаш-бая. Бежало около 500 человек, неизвестно, сколько было убитых и раненых. Крепость была взята, ее заняли части Красной армии. Воздушная атака не удалась: не позволили погодные условия, да и аэростат не взлетел из-за неисправности генератора¹¹⁴⁵.

В целом операция не стала большим успехом Красной армии, но явно указывала на то, что вместо уступок басмачам со стороны Мусбюро было возможно действовать силой, используя курбаши, перешедших на советскую сторону, то есть вести войну против мусульман силами самих мусульман. Русские тогда, оставив облавы и чистки по кишлакам на долю мусульман, принимали бы участие в военных действиях, командовали операциями и демонстрировали техническое превосходство. Аэропланы, это чудо современной техники, удивляли

бы и пугали, внушая, что русские непобедимы¹¹⁴⁶. В Бачкире это не совсем удалось, но в будущем было вполне возможно.

После Бачкира Красная армия продолжила действия против басмачей, двигаясь на восток. Главное сражение произошло в кишлаке Горбуа, в нескольких километрах от Старого Маргелана. В кишлаке были сосредоточены силы главных курбаши: Иргаш-бая, бежавшего из Бачкира с 1000 бойцами, Мадамин-бека с 2000 и пушкой, Кур-Ширмата — 1200 человек, Хал-Ходжи — 500, и еще там было несколько мелких курбаши с несколькими сотнями людей. Впервые столь большое число басмачей сражалось на одной стороне, как настоящая армия. Это было значительное сражение. Красная армия победила, басмачи отступили, потеряв около 300 погибших¹¹⁴⁷. Сила, продемонстрированная Красной армией благодаря прибывшему из России подкреплению, влияла как на военную диспозицию, показывая, что курбаши можно разбить, так и на переговорный процесс.

Переговорный путь имел яростного противника в лице Фрунзе, командующего Красной армией. О нем мы поговорим подробнее ниже. Тем не менее Турар Рыскулов и Мусбюро продолжали поддерживать переговоры и, выкрутив руки Турккомиссии, выстроили в Ташкенте политическую власть, способную направить поворот в сторону курбаши. В конце января, десять дней спустя после Бачкирской операции, они переименовали коммунистическую партию в партию тюркских народов и провозгласили Туран. Басмачи, таким образом, могли стать армией нового государства, и это действительно стало бы концом Туркестана как русской колонии, а для мусульман-коммунистов — началом Восточной революции, в которой Туран стал бы центром и главным действующим лицом. Таковы были намерения тех, кто выбрал путь примирения.

Переговоры между Мусбюро и Мадамин-беком

До сих пор мы наблюдали две попытки достичь примирения, и, судя по всему, они носили независимый друг от друга характер: с одной стороны — попытка Турсуна Ходжаева и Незаметдина Ходжаева, состоявшая в переходе курбаши на советскую сторону под эгидой Мусбюро; с другой — действия Мадамин-бека и Монстрова, которые стремились установить взаимопонимание среди населения Ферганы в первую очередь для защиты от Советов и от жестокости Красной армии. Если бы Мусбюро удалось увязать эти две инициативы, оно смогло бы достичь мира в Туркестане.

Но не только эти группы стремились к посредничеству и переговорам.

Один из путей примирения имел корни вне Туркестана — в Афганистане. Эта страна, имевшая длинную общую границу с Туркестаном, летом 1919 года вступила в войну с Великобританией, и, соот-

ветственно, ее дипломатия приняла панисламские ориентиры, пытаясь выстроить отношения с врагами англичан. Россия воспользовалась этим поводом для пересмотра собственной политики на Востоке с целью извлечь выгоду из панисламизма. Коммунистическая партия в Москве рассматривала возможность вовлечь мусульман Туркестана, Бухары и Афганистана в антиколониальную войну против Британии и считала, что может положиться в этом на такого авторитетного лидера, как Энвер Паша, которому готова была предоставить полную свободу действий в Туркестане¹¹⁴⁸.

Эти революционные замыслы исламской революции под прищотром Москвы были не столь далеки от планов Султана Галиева и даже от идей Рыскулова и джадидов.

Война с англичанами продлилась не более двух месяцев, но этого хватило для установления новых отношений между Афганистаном и Россией. Афганистан, заинтересованный прежде всего в обстановке в Туркестане, с которым граничил, открыл летом свое посольство в Ташкенте. Ташкентское посольство совместно с посольством в Москве направили миссию в Фергану. Все пропагандистские усилия в тот момент были направлены на Индию и соседние страны, конечной же целью являлось создание цепочки солидарных мусульманских государств от Константинополя до индийской границы¹¹⁴⁹.

В декабре, пока Мадамин-бек сотрудничал с армией русских колонистов и создавал с Монстровым Ферганское временное правительство, открылось новое пространство для переговоров. Это было предложением афганской миссии, прибывшей в Ташкент, чтобы провести переговоры как с Советами, так и с басмачами. Делегация встретила с членами советского правительства Туркестана, затем направила в Фергану. Попав в зону влияния басмачей, делегаты, однако, радикализовали свои позиции, сдвинувшись в исламскую сторону.

О деятельности миссии у нас имеются свидетельства русских солдат, служивших Ферганскому временному правительству. Они утверждают, что представители Афганистана в первую очередь стремились примирить курбаши, соперничающих за власть в области. Делегация провела много времени у Кур-Ширмата, самого радикального из крупных курбаши и наименее готового к компромиссам с русскими, а затем направила к Мадамин-беку¹¹⁵⁰.

Афганская делегация при участии одного из влиятельных местных ишанов назначила Мадамин-бека «почти» ханом. На практике это означало, что Мадамин-бек принимал роль верховного вождя всех курбаши. Это назначение Мадамина не предполагало, разумеется, установления определенной субординации для прочих курбаши, но безусловно было призывом к объединению мусульманских сил. По возвращении с церемонии Мадамин-бек поднял над своим военным штабом зеленый флаг с полумесяцем и звездой. Затем состоя-

лась встреча Мадамин-бека и командующего его мусульманской армией с членами афганской миссии и некоторыми курбаши. Русские, хотя и сотрудничавшие с мусульманским командованием, не были допущены на эту встречу. Афганские эмиссары предложили мусульманским силам помощь в борьбе с Красной армией¹¹⁵¹. Они уверили Мадамина, что он может рассчитывать на оружие и людей, находящихся в Каратегине, где постоянно располагалось командование мусульманской армии. Местечко находилось в восточной Бухаре, поблизости от границы с Ферганской областью. Речь шла о 12 000 человек, готовых встать под знамена курбаши, и о любом необходимом вооружении. Мадамин-бек ответил, что у него пока нет необходимости в людях, только в оружии¹¹⁵².

Однако, по всей видимости, даже оружие не было получено, поскольку афганцы поставили Мадамин-беку одно условие: направить эмиру Афганистана письмо с просьбой взять Туркестан под свое покровительство. Мадамин-бек отказался подписать такое письмо, уже подготовленное миссией, и тянул время, ссылаясь на то, что подобное решение находится в компетенции Временного правительства, которое сможет собраться только через несколько недель¹¹⁵³.

Возникновение панисламского дискурса, а также, вероятно, связи и отношения, выстроенные афганцами, начали давать результаты. Иргаш-бай, находившийся на стороне Советов, написал Мадамин-беку письмо с заверениями в уважении¹¹⁵⁴.

По мнению Монстрова, главы колонистов, объединившихся с Мадамин-беком, «цель приезда афганцев — объединение всех мусульман с целью проведения в жизнь идей панисламизма и поддержки этой организации в борьбе с советской властью — как властью европейцев вообще и как проводящей программу, противную духу мусульманства в частности»¹¹⁵⁵. Вторая возможность примирения базировалась на призыве к политическому объединению мусульман в антиколониальный блок, что представлялось альтернативой русской революции.

Вероятнее всего, Мусбюро, официально ведшее переговоры от имени советской власти, положительно отнеслось к действиями афганской миссии, надеясь расширить переговорное пространство в поисках антиколониального решения, распространяющегося также и на Афганистан. Осенью 1919 года Мусбюро начало прямые переговоры с Мадамин-беком. Встречи с курбаши продолжались несколько месяцев, до марта 1920 года. За это время Мадамин-бек и его союзники подверглись в Горбуа нападению, организованному некими противниками переговоров. Как мы увидим позже, позиция советской власти менялась: если открывали переговоры руководители Мусбюро, желавшие построить мусульманское государство, то закрывать их будут члены Турккомиссии и совсем с другими намерениями — следуя позициям Фрунзе.

Мадамин-бек и Фрунзе проводят смотр мусульманской армии, 1920 г.

Первый контакт был налажен уже давно, но сами переговоры начались только в ноябре, когда в Фергану в качестве председателя областного ревкома прибыл Незаметдин Ходжаев. Его присутствие меняло контекст, афганской миссии оставалось два варианта действий: она могла работать над созданием исламской альтернативы, что было реально, но неизбежно провоцировало конфликт с Советами, или искать компромисс, усиливая переговорный вес мусульман и поручаясь перед курбаши и местным населением за Ходжаева и Мусбюро.

Ходжаев провел встречу с Мадамин-беком и с членами афганской миссии, но мы не знаем, о чем там говорили. Позже Монстров сообщал, что Ходжаев, как до того и афганцы, поставил условием переговоров отсутствие русских. Это было неслыханно: советский руководитель исключает русских из переговоров. Таким образом, Монстрову, и нам вместе с ним, осталось только строить предположения по поводу мотивов этого решения. Можно заключить, что на встрече обсуждались панисламские проекты антирусской направленности. Как позже стало известно, на этой встрече Незаметдин Ходжаев предложил Мадамин-беку высокую должность в советских учреждениях, на что курбаши в качестве представителя мусульман, потребовал 95% всего оружия, имеющегося у советской стороны (мусульмане составляли 95% населения), и признания автономии Ферганской области.

Имеет смысл проанализировать подробнее условия, выдвинутые Мадамин-беком. Они описывают отношения между влиятельной фигурой местного уровня и государством.

Мадамин поставил только один общеполитический вопрос: он согласился «признать советскую власть», если «советская власть признает шариат». В течение переговоров он неоднократно требовал, чтобы «новая жизнь строилась» в Туркестане по законам шариата, а казии (исламские судьи) назначались народом. Незаметдин Ходжаев пообещал пойти навстречу в отношении шариата, Мадамин-бек был удовлетворен этими обещаниями и взятым советской делегацией обязательством созвать съезд мусульманских представителей для решения данного вопроса.

Следующей заботой Мадамина была его армия. «Куда моя армия, туда и я», – заявил он на переговорах и потребовал гарантий того, что его «мусульманская армия» не будет разбита на небольшие отряды, останется в Ферганской области и будет размещена в Старом Маргелане. Представители Советов приняли эти требования, но заявили, что самостоятельность частей недопустима и все отряды должны подчиниться командованию Красной армии.

Казалось, что Мадамин заботился в первую очередь о своей репутации и собственной власти. Обратившись к своим людям, он успокоил их, пообещав такую армию, которой им не придется стыдиться. Тем не менее он не был уверен в реакции курбаши на подписание мирного договора и решил собрать лично все банды, разбросанные по уездам, чтобы объяснить обстановку. Он опасался, что иначе его заподозрят в предательстве и откажутся сдаться. В этом случае люди разбились бы на маленькие банды и занялись разбойничеством.

Произошел политический поворот на 180 градусов относительно к недавней советской ситуации: агрессии в мусульманском обществе пришел конец, Мусбюро добилось успеха, соединив политический план Турара Рыскулова с переговорными достижениями Мадамин-бека. Народ получал шариат, ему возвращались земля и скот. Тысячи мусульман праздновали на улицах Старого Маргелана подписание договора и конец войны.

Повсюду висел манифест:

«Заклучение мирного соглашения с Мадамином

Текст соглашения военного командования 2-й Туркестанской стрелковой дивизии и командующего мусульманской армией Мадамин-бека.

6 марта 1920 г. Гор.Фергана.

Мы, нижеподписавшиеся: с одной стороны – начальник 2-й Туркестанской стрелковой дивизии Веревкин-Рахальский и военно-политический комиссар дивизии Слепченко, действующие на основании приказов Революционного военного совета Туркестанского фронта, и с другой стороны – командующий мусульманской армией Мухамед Амин-бек Ахмет Беков заключили настоящее соглашение в следующем:

Я, Мухамед Амин-бек, вместе с моей армией, курбаши и сотрудниками, которые мне лично выразили на то свое полное согласие, торжественно заявляю, что признаю советскую власть и обязуюсь быть ее верным слугой, подчиняясь всем ее приказам и распоряжениям при условии:

1. Советская власть при организации гражданской жизни Туркестана сохранит основы шариата, защищая интересы трудового населения, предоставив права мусульманскому населению по этому шариату, то есть применяясь к местным условиям и обычаям мусульманского населения.

2. Местом постоянной стоянки моего отряда назначается гор. Наманган.

3. Защищать всемерно советскую власть от ее врагов, внутренних и внешних, я обязуюсь временно в пределах Ферганы, не выезжая на другие фронты.

4. Все русские, служащие в моих отрядах, получают полную амнистию и по их желанию остаются на службе в моем отряде.

5. Не позже 13 марта с.г. обязуюсь выехать со своими представителями в Ташкент для засвидетельствования перед Революционным советом Туркфронта и туркестанской центральной властью своей преданности советской власти»¹¹⁵⁶.

Люди Мадамин-бека, вступившие в ряды Красной армии, были объединены в кавалерийском отряде при 2-й Туркестанской стрелковой дивизии. В отряд вошли 1240 человек, которые располагались в Ташлаке – не просто кишлаке, а месте, откуда, по всей видимости, был родом сам Мадамин и где он организовал свою первую базу, когда начал сражаться против Красной армии. Итак, Мадамин-бек вернулся в родное село, имея под началом больше тысячи человек. Однако теперь его люди влились в дивизию, куда входили отряды под руководством других курбаши¹¹⁵⁷.

Хал-Ходжа пошел тем же путем. Политическое руководство Красной армии расценивало его как влиятельную фигуру и давно стремилось к переговорам, так как считало, что даже возможная военная победа над ним будет наверняка непопулярной и временной. Они достигли взаимопонимания в начале марта 1920 года. Хал-Ходжа покинул Андижан и встретился с политическим представителем Красной армии, сопровождаемым отрядом солдат, затем вернулся с ними в Андижан, где в старом городе состоялась встреча. Ритуал перехода Хал-Ходжи на советскую сторону был обставлен таким образом, что не оставалось сомнений, кто истинный хозяин города. Став советским курбаши, Хал-Ходжа получил напарника в лице чиновника политотдела Красной армии. Через несколько дней он направился в Ош, чтобы и там заявить о своем договоре с Советами и убедить людей вступать в мусульманские отряды Красной армии. Там случился загадочный инцидент: курбаши был обстрелян из городской кре-

пости. Решив, что пал жертвой обмана, Хал-Ходжа бежал с частью своих людей, в городе начались грабежи и насилие, в котором особо отличился отряд татарских солдат. Договор удалось реанимировать¹¹⁵⁸, но в целом стало ясно, что переход курбаши на советскую сторону был встречен далеко не лучшим образом.

Символическими представляются и действия другого курбаши, который в это же время совершил обратный переход. Речь идет об Ахунджане и его людях, получивших приказ красноармейского командования преобразоваться в регулярные части и передислоцироваться в Скобелев. Получив приказ, Ахунджан покинул Андижан и перешел на сторону басмачей¹¹⁵⁹. Курбаши не хотел исполнять приказы русского командования и тем более оказаться в одном лагере с Мадамин-беком, подчинившись ему. Это тоже свидетельствовало о временном характере мирного процесса.

Несмотря на эти неприятные моменты, в целом все шло к примирению в русле антиколониальной мусульманской революции под крылом советской власти. Компромисс между Мадамин-беком и Мусбюро был неоднозначным, но от него зависело будущее Туркестана.

Результативность мирного процесса зависела, впрочем, от решения и других вопросов, и первоочередным из них был колониальный вопрос. Антиколониальный дух мусульманской революции требовал конкретных решений относительно власти колонистов на местах, регламентации прав колонистов на зерно и землю с учетом нужд местного населения, в особенности кочевников. Мы уже столкнулись с крестьянской армией в Фергане, но в Семиречье ситуация была, как известно, гораздо тяжелее. В этой области не было таких влиятельных переговорщиков, как Монстров и Мадамин-бек, не было контроля рычагов и насилие оставалось главным инструментом, заменявшим собой закон.

Одновременно с отправкой в Фергану комиссии Турсуна Ходжаева Совнарком послал аналогичную делегацию в Семиречье. Ею руководил Мунаввар Кари Адбуррашидов, один из первых лиц джадидов, участник кокандского правительства, примкнувший теперь к советской власти, чтобы посредством Мусбюро способствовать выходу из конфликта¹¹⁶⁰. Первым вопросом, на который мусульманские политики были вынуждены искать ответ, были беженцы, осевшие в Китае. Речь шла об обеспечении им права на возвращение.

Возвращение киргизов из Китая

Обсуждение проблем беженцев в Китае возобновилось как раз в конце 1919 года, когда ТурЦИКа издал приказ, согласно которому каждый беженец по возвращении получал полные права советского гражданина, а все его преступления амнистировались¹¹⁶¹. Правительство давало им возможность вернуться на те же места, откуда они бежали три года назад, и обещало возратить пастбища, зимовки

и скот, гарантировало неприкосновенность и безопасность. Для этих целей была создана особая комиссия по возвращению беженцев в Семиречье¹¹⁶². Среди подписей на декрете стояла и подпись зам-председателя ТурЦИКа Рыскулова. У киргизов-кочевников появлялись перспективы перейти к оседлой жизни, что рассматривалось как чрезвычайно большое достижение, «фундаментальный этап экономического и культурного развития»¹¹⁶³. Это мнение неоднократно высказывал Рыскулов.

Переход к оседлому образу жизни естественным образом подразумевал отличное от прежнего использование территории и ее ресурсов и, следовательно, в чем-то противоречил обещанному киргизам возвращению в те места, откуда их ранее изгнали. Мусульманское коммунистическое руководство планировало превратить отказ от кочевничества, вызванный кризисом, из факта конъюнктуры в факт основополагающий. Именно это уже давно предлагала национальная казахская партия Алаш-Орда, полагая, что кризис может стать поводом для коренной трансформации уклада. Решение проблемы кочевников представлялось, таким образом, как отказ от кочевничества — модернистская и даже дирижистская идея, которая будет пользоваться огромным успехом позже, в рамках немыслимой пока авторитарной политики — сталинской коллективизации.

Проект возвращения беженцев был не просто обещанием, которое не раз звучало с 1917 года, — Мусбюро ставило конкретную задачу реализации этого проекта и с неизбежностью оказалось перед неприятной проблемой, которую до того все игнорировали: места, куда предполагалось возвращаться киргизам, были заняты колонистами. Возникал вопрос о «выселении» оккупантов с земель и из жилищ, принадлежавших киргизам¹¹⁶⁴.

В феврале 1920 года Особая комиссия издала приказ, по которому все колонисты, занявшие земли и здания киргизов начиная с 1916 года — как по своей инициативе, так и по решению людей и органов, не имевших на это права, — должны были их оставить. Все имущество следовало передать в хорошем состоянии (включая зерно), а те, кто оставлял его в плохом состоянии, подлежали военному трибуналу. Реституция должна была пройти в течение месяца после публикации приказа. Единственным поводом для колонистов остаться на месте могло служить отсутствие беженцев. Право на реституцию распространялось не только на киргизов, но и на таранчей и дунган. Для надзора и контроля за распределением земли были созданы земле-водные отделы на уровне областей, уездов, волостей и аулов. В их функции входил также контроль за злоупотреблениями колонистов — приписыванием себе земли больше нормы и несанкционированным захватом каналов¹¹⁶⁵.

Похоже, что советским властям приходило множество запросов на реституцию земель, занятых русскими колонистами, — от кирги-

зов, владевших этими землями прежде и обязующихся их возделывать. Так, например, запрос представителей киргизов Пишпекского уезда к Рыскулову гласил: «Если будет продолжаться такая политика, которая существует, то эта нация <киргизов> уничтожится, что противоречит принципу Советской России». Киргизы протестовали против того, что колонисты захватили все плодородные земли, а жить разведением скота было невозможно, так как они потеряли четыре пятых поголовья. Они хотели получить землю и требовали от Рыскулова скорейшего создания революционного комитета, а также отправки военных частей на замену Пишпекскому гарнизону, набранному из местных кулаков¹¹⁶⁶.

Невозможно было сделать из киргизов крестьян за одну ночь, а тем более добиться, чтобы они засеяли землю в сжатые сроки (как этого требовали условия посевной), учитывая к тому же отсутствие скота и сельскохозяйственного снаряжения. Уж не говоря о том, что перераспределение земли в период посевной само по себе повлекло бы существенные потери¹¹⁶⁷.

Эти соображения играли на руку тем, кто желал отложить реформу, а затем, возможно, и избежать ее вообще, в то время как мусульманские реформаторы намеревались использовать всю доступную власть для незамедлительной реализации своего плана. Центральный исполком Советов издал приказ, учитывающий не только практические нужды посевной, но и необходимость размещения прибывающих беженцев. Приказ за подписью Турара Рыскулова устанавливал следующее: на весну и лето 1920 года наделы земли сохраняются в границах 1919 года, за исключением Пржевальского и Нарынского уездов, а также Токмакского района, куда направлялась основная часть беженцев и где нельзя было откладывать реформу ни на минуту. В любом случае перераспределение должно было завершиться повсюду к осеннему севу¹¹⁶⁸. Радикальность и сроки реформы в целом оставались неизменны.

Предприятие было безусловно нелегким, колонисты отнюдь не были беззащитными и слабыми. Помимо той сильной позиции, в которой они находились как единственные производители зерна в голодающем крае, у них были еще и сильные союзники — часть компартии, советского аппарата и, главное, армии. Рыскулов принимал риск и настаивал на необходимости «полного подавления колонизаторских элементов»¹¹⁶⁹.

Наиболее сложной и опасной ситуация представлялась в тех районах, где преследование мятежников в 1916 году приняло самые жестокие формы, например в Пржевальском уезде. На уездном съезде в феврале было принято решение о переходе всего местного населения к оседлому образу жизни.

По сути, это было не выбором, а констатацией того факта, что заниматься пастбищным хозяйством стало невозможно. По этой при-

чине киргизское население требовало от Особой комиссии вернуть в кратчайшие сроки принадлежавшую им землю. Предстояло сделать оседлыми 70 тысяч человек, что делало земельный вопрос крайне острым. Ситуация отягчалась тем, что в уезд недавно прибыли новые колонисты из соседних областей, следуя, очевидно, тенденции к этническим чисткам, заявленной властями края, и осели там, основав десять поселений. Вновь прибывших было несколько тысяч. Особая комиссия сочла, что не следует откладывать до осени переселение колонистов, в том числе и потому, что продовольственные органы были не в состоянии обеспечить необходимую поддержку 12 тысячам прибывающих киргизов, не имеющих каких-либо средств к существованию¹¹⁷⁰.

Возникал риск, что, защищая права беженцев, власти могут спровоцировать возобновление масштабного конфликта. Политики соznавали опасность и сразу объявили, что проявления насилия со стороны колонистов и казаков будут преследоваться¹¹⁷¹. Однако для проведения реформы и соответствующих экспроприаций требовалась серьезная политическая и военная организация.

В Особую комиссию, пользовавшуюся полной поддержкой ТуркЦИКа, входили члены Турккомиссии, ее поддерживало Мусбюро, у нее был широкий круг полномочий: среди прочего она могла напрямую выселять незаконно занимающих землю или жилище, проводить аресты, обеспечивать помощь, реквизировать продукты первой необходимости, формировать новые политические органы на местах, обсуждать с Китаем вопросы возвращения беженцев¹¹⁷². Реализация уже начавшейся революции сверху требовала наличия адекватных по масштабу фигур для ведения переговоров в Семиречье. Национальные коммунисты настаивали на важности низового участия и стояли за активное вовлечение киргизов. Планировалось создавать советские ячейки среди киргизов, обращая внимание не столько на их классовую принадлежность, сколько на вражду между племенными группами, допуская к власти слабые группы и разрушая тем самым устоявшиеся структуры племенных отношений¹¹⁷³. Контрагентами этого проекта должны были стать в первую очередь киргизы, отказавшиеся от кочевого образа жизни, — беженцы, нуждающиеся в переговорах с государством. Построение такой социальной базы представляется крайне важным делом, но сложно предположить, что привлечением нищенствующих кочевников можно было придать силу революции, которой противостояли такие серьезные противники, как русские и украинские иммигранты.

Строительство местной власти, к чему стремилась Особая комиссия, не ограничивалось поиском единомышленников среди киргизов. Ориентиры были четкими:

«а) полное и немедленное разоружение всего населения Семиреченской области без различия по национальности;

б) установление временной военно-политической диктатуры до полного довершения намеченных задач и установления подлинной советской власти;

в) немедленная замена всех гарнизонов в уездах Семиреченской области и военных частей на фронтах, набранных из Семиреченского крестьянства, новыми надежными частями;

г) снаряжение в Семиречье специально для разоружения кулачества надежной военной части и разработка плана этой операции;

д) снаряжение одновременно рабочих военно-продовольственных отрядов для организации в деревнях элементов, стоящих на стороне советской власти, и изъятия излишков хлеба и имущества у кулачества;

е) предоставление полной возможности войти угнетенному туземному населению Семиреченской области в Красную армию и немедленное снабжение и обмундирование уже набранных добровольческих частей из киргиз и дунган»¹¹⁷⁴.

В отличие от предыдущих случаев, когда предложения политических властей оставались на бумаге, на этот раз объявлялись меры, которые либо уже выполнялись, либо начнут выполняться без промедления.

В конце 1919 года на заседании представителей партии и государства было принято несколько важных решений. Прежде всего распущался орган партийного руководства в Семиречье и создавался Временный областной комитет партии – с задачей незамедлительно созвать уездные комитеты и провести перерегистрацию партийцев, что на практике означало чистку. Таким же образом были распущены все уездные Советы, а на их месте создавались новые, члены которых назначались сверху, областным ревкомом. И наконец, было поддержано предложение заменить военные гарнизоны, состоявшие из населения Семиречья, на части из других областей. Предполагалось, что аппаратная перетряска положит конец «национальному антагонизму» и, в частности, уничтожит колониальные пережитки. Новым военным властям надлежало пресекать любые насильственные действия и разоружить все население¹¹⁷⁵.

Источником всех этих мер были требования киргизов. В обращении к Рыскулову, после описания отчаянного положения кочевников в Пишпекском, Токмакском, Пржевальском и Нарынском уездах, говорилось: «Товарищ Рыскулов, несправедливость существует по сей день. <...> если будет продолжаться сегодняшняя политика, нация <киргизов> будет уничтожена, что противоречит принципам Советской России». Представители кочевников требовали от Рыскулова создания ревкома, а также замены Пишпекского гарнизона, набранного из «местных кулаков», военными частями из центра¹¹⁷⁶.

Несколько месяцев спустя в Семиречье было введено военное положение и установлена единая военно-гражданская власть. Целью

усиления диктатуры провозглашалось решение конфликтов между иммигрантами и местным населением.

Было объявлено, что любое насилие наказывается по «законам военного времени», то есть вплоть до расстрела. На местные общины возлагалась ответственность за поведение их членов: деревни, казачьи станицы, поселения, где происходили убийства, грабежи и любое другое насилие в отношении туземного населения, или, наоборот, подвергались жесточайшим реквизициям, а члены исполкомов уездных Советов подлежали аресту и суду революционного военного трибунала¹¹⁷⁷.

Несмотря на введение военного положения в Семиречье и уездах Аулие-Ата и Черняевском, многие местные Советы пытались спустить на тормозах указания центра или исполняли их лишь формально, игнорируя суть. Часто случалось, что местные Советы перед тем как применить решение центральной власти, обсуждали его правильность и уместность. Из центра в ответ угрожали, что любой сепаратизм местных органов власти будет сурово караться¹¹⁷⁸. Авторитарные меры вызывали ответную реакцию общества: протест колонистов выражался через действия местных органов власти. Волнения демонстрировали недовольство и противоречия, вызванные новой политикой снабжения, которая ставила в привилегированное положение мусульманское население, в первую очередь кочевников, страдающих от голода.

Резкие меры советской власти скрывали в действительности неоднозначность ее мотиваций. Среди тех, кто подписывал декреты, были политические руководители (например, члены Турккомиссии), которые полагали необходимым установить в области жесткий контроль для подавления любого автономизма со стороны казаков и колонистов, а были и такие, как Рыскулов и члены Мусбюро, пользовавшиеся своими властными полномочиями для развития революции в интересах киргизского населения. Последние видели в диктатуре инструмент восстановления доминирующего положения киргизов в их районах, окончательного отказа от кочевничества, ломки традиционных властных отношений внутри местного общества, превращения Семиречья в часть советского Туркестана под мусульманским руководством. Мусульмане-коммунисты разделяли модернистскую мечту джадидов и Алаш-Орды и рассматривали возвращение беженцев как повод для революции сверху, которая охватит все население Семиречья.

Неизвестно, сколько беженцев было задействовано в этом проекте, как, впрочем, и сколько их оставалось еще в Китае. Многие выпали из подсчетов и оценок — кто-то окончательно покинул Семиречье, кто-то вернулся, не извещая об этом власти, кто-то умер. Но некоторые данные у нас есть, и их стоит привести: весной 1920 года через Джаркент прошло около двух тысяч человек, возвращавшихся

из Китая, и на несколько сотен больше вышло из Кольджата. Речь идет о крупных транзитных пунктах, и эти цифры представляются, разумеется, довольно низкими. В эти месяцы поток уменьшался, к лету переход уже почти остановился¹¹⁷⁹. Осенью еще были случаи возвращения, но совсем малочисленные: между октябрём и ноябрём из Китая пришло менее 500 беженцев¹¹⁸⁰. В Китае их оставалось еще неопределенное число — позже их численность будет оценена как 20 тысяч (в конце 1921 года в области Или), а к концу 23-го — уже около 6000¹¹⁸¹.

Поздней осенью 1920 года процесс возвращения, объявленный массовым, стал резко слабеть. Киргизы не просто стремились пересечь границу, гораздо важнее для них была возможность возвращения к нормальной жизни. Прежде всего — реституция конфискованных колонистами земель и доступность пастбищ. Какова же была политика в отношении колонистов в Семиречье?

Изгнать колонистов?

В июне 1919 года государство специальным декретом монополизировало торговлю зерном. Мы уже упоминали этот декрет, ставший одной из причин восстания колонистов Джалалабада. Сейчас на нем нужно остановиться подробнее.

В тексте декрета мы читаем: решение обусловлено тем, что Туркестан является «крепостью, осажденной со всех сторон», что городская и сельская беднота умирает от голода, а кулаки и баи скупают зерно и продукты первой необходимости, а затем продают на черном рынке по ценам, значительно выше установленных государством. По этим причинам государство берет себе монопольное право на покупку и распределение зерна. Те, кто прятал зерно, шел под революционный трибунал, приговаривавший виновных к исправительным работам и конфискации имущества¹¹⁸². Уже принятое решение подверглось внутри компартии разнообразной критике: государство брало обязательство платить крестьянам за зерно в небольшой части деньгами, а в основном другими продуктами, которыми при этом не располагало; указывалось на отсутствие организации и соответствующей политики относительно распределения зерна; звучали предупреждения, что монополия на зерно отрицательно повлияет на производителей, а это приведет к провалу политики и нанесет ущерб популярности правительства¹¹⁸³. Тем не менее декрет был издан. Решение принималось при полной неготовности к нему чиновников, которым предстояло его реализовать, и крестьян, которым надлежало ему следовать, и вдобавок ко всему — в самый неподходящий момент, перед самым сбором урожая. Растревоженные крестьяне повсеместно стали прятаться за свою «власть на местах» и уклоняться от выполнения декрета¹¹⁸⁴.

Прежде чем введение монополии на зерно было признано провалившимся, во второй половине 1919 года правительство попыталось ввести административный контроль над оборотом потребительских товаров. Начали с городов, где закрыли базары и запретили частную торговлю. Эта мера сделала незаконными основные занятия мусульман, живших ремеслом и базарной торговлей. По сути, население выгнали на черный рынок с неконтролируемыми ценами¹¹⁸⁵. Только к концу года вышел новый декрет, где закрытие базаров признавалось следствием «незрелого и неуместного» решения и делался шаг назад — был разрешен свободный обмен, хотя и в заданных рамках и под надзором советской власти¹¹⁸⁶. Этой поправки добились мусульмане-коммунисты.

Лидеры Мусбюро все это время протестовали против декрета о зерновой монополии, заявляя, что решение принималось без консультации с ними¹¹⁸⁷. Шел июль 1919-го, Мусбюро вело переговоры в Фергане с курбаши, а Мадамин-бек заключал союз с колонистами, взбунтовавшимися против декрета. Мусбюро, сопротивляясь декрету, представало защитником прав мусульманских торговцев, недоброжелательных контролем, и колонистов, отстаивавших свое зерно.

Мусбюро, считавшее введение зерновой монополии мерой непригодной, не отказывалось от защиты бедных слоев мусульманского населения. Это стало ясно несколько месяцев спустя, в феврале 1920 года, когда Турар Рыскулов выступил с новой инициативой по поводу монополии. В эти дни готовился переход Мадамин-бека на сторону Советов. Как мы увидим, крестьянская армия опередила его, ее командующий Монстров не только возобновил отношения с ташкентским правительством, но и начал сотрудничать с теми, кто был против плана Рыскулова. Председатель Мусбюро, ставший также председателем ТурЦИКа, подписал декрет, который подтверждал законность государственной монополии, но только в отношении колонистов и казаков. Затем вышло постановление, касающееся особого применения декрета в Андижанском и Опском уездах¹¹⁸⁸. В уездах с большинством мусульманского населения, «считаясь с классовым расслоением в кишлаке, темнотой и забитостью коренного туземного населения» и учитывая восприятие социальной справедливости дехканами, предполагалось прибегнуть к натуральной хлебной повинности. Повинность подразумевала передачу государству по твердым ценам части урожая — от 10 до 40%. На бедных ложилась низшая квота, на баев — высшая. В мусульманских уездах даже русское население подлежало повинности, чтобы не создавалось неравенства среди жителей одной зоны. Таким образом, русские оказались ограничены в торговле своим продуктом, а мусульмане должны были всего лишь отдавать часть своего урожая в зависимости от степени богатства¹¹⁸⁹. Это удержание было приемлемо для мусульман — как потому, что давало им относительную привилегию (в сравнении с русскими), так и

потому, что этот налог не отличался от заката, то есть не нарушал предписания Корана. Фактически возникала ситуация, при которой русские земледельцы подвергались реквизициям, типичным для «военного коммунизма», а мусульмане оказывались в более выгодном положении (то, что позже будет названо «новой экономической политикой», нэпом).

В феврале 1920 года, непосредственно перед появлением декрета о натуральной повинности, было принято решение о задействовании мусульман в организации снабжения путем формирования военно-продовольственных рабочих отрядов¹¹⁹⁰. Предполагалось, что эти отряды будут заниматься взысканием повинности, а не отбором излишков у русских земледельцев. В декрете, однако, не было подробностей, и, поскольку хлебная повинность еще не была введена, можно было предполагать возможность использования советских мусульманских отрядов для изъятия зерна у русских. Отношения могли перемениться на 180 градусов. И в самом деле, в начале 1920-го ситуация была весьма неопределенной.

Как можно было ожидать, русские земледельцы встретили эти решения без энтузиазма, а местные Советы уловили их недовольство. Уже осенью 1919-го представитель Джизакского уезда, делегат VII съезда Советов Туркестана, заявлял, что произведенного в его уезде зерна хватит до следующего урожая, имеется даже некоторый излишек для обмена на другие продукты. Если же продуктов для обмена не будет, то крестьяне отправят зерно в Бухарский эмират, где имеются продукты для обмена¹¹⁹¹. Другими словами, если советское государство введет реквизиции и зерновую монополию, крестьяне будут отправлять урожай в другие регионы.

Позиция колонистов играла важную роль и в стратегии помощи киргизам, избранной Рыскуловым. В Джизакском уезде (остановимся на этом случае) был получен приказ возделывать 4000 десятин под государственный посев для нужд голодающих. Но государство распорядилось об этом непосредственно перед посевной и не обеспечило необходимого финансирования, семян и рабочего скота. Зерно для посева закупали на базарах, но скот там стоил слишком дорого, поэтому было решено ввести твердые продажные цены на скот. В результате засеяли всего 1450 десятин из 4000¹¹⁹². Не только государственные посевы оказались значительно меньше планируемых, но и добавок посевная сопровождалась закупкой зерна у русских и отъемом по твердым ценам скота у киргизов. Благие намерения Рыскулова корректировались интересами и расстановкой сил в обществе.

Вопрос о хлебной монополии был поставлен в июне на заседании Чрезвычайной комиссии по продовольствию в Семиречье. В докладе, представленном на заседании, объяснялось, что в Семиречье не осталось ни одного зернохранилища, не затронутого погромами 1916-го, голодом 1917-го, отсутствием посевных семян в 1918-м и бременем

снабжения советских войск, занятых на белом фронте на севере области. Нехватка зерна объяснялась также мобилизацией всех мужчин, конфликтами с киргизами, широкой заменой зерна на опий, потерей скота и, наконец, тем, что одно только слово «монополия» вызывало негативную реакцию и страх среди крестьян. В отсутствие комитетов бедноты, которые могли бы осуществлять контроль за доступностью зерна, монополия оказывалась не только неуместной, но и практически неосуществимой. В случае же ее введения результаты были бы прямо противоположны желаемым: исчезновение зерна, конфликты из-за продовольствия, сокращение посевных площадей и в результате потеря Семиречья как зернового рынка. Эти соображения привели к решению не вводить в 1920 году дифференцированный подход для европейцев и мусульман, все подлежат одинаковой повинности¹¹⁹³. Было неясно, означала ли эта пауза необходимость выиграть время для ускорения промусульманской политики или же эта политика уже клонилась к закату.

Рыскулов произвел революцию во всех точках соприкосновения мусульман с русскими. Он располагал политическим проектом (Туран), пользовался политическим влиянием Мусбюро, и ни один политик, склонный к посредничеству между русским и мусульманским обществом, не мог не принимать его во внимание. Его политический авторитет позволил добиться перехода ферганских курбаши на советскую сторону и создать мусульманскую армию под началом главного из курбаши. В Семиречье он начал вводить в законное русло отношения между колонистами и кочевниками, сложившиеся за колониальный период. Произошел радикальный поворот, пусть в чем-то и неоднозначный. Неоднозначность его проявлялась в первую очередь в модернистском подходе, понятном русским, но, вероятно, совершенно чуждом кочевым племенам. О незавершенности же поворота сигнализировало зрелее социальное и политическое сопротивление.

6. Конец всех надежд

До сих пор мы следовали за Мусбюро в его деле установления автономного мусульманского военно-политического влияния. Мы разделяли его точку зрения и его проект. Но теперь наступает момент для столь же внимательного рассмотрения действий тех, кто желал воспрепятствовать этому проекту и в этом преуспел.

Московские комиссары наблюдали за инициативами Мусбюро, не имея возможности им препятствовать, пока в Туркестан из центра не вступила Красная армия. Компромисс с национал-коммунистами, дававший возможность советской власти удержаться в самые тяжелые годы Гражданской войны, стал не нужен. Соглашение с Мадаминбеком теперь выглядело уступкой, которую следовало отменить. Курбаши был убит при загадочных обстоятельствах, а вместе с ним погиб и проект красной мусульманской армии и пантюркские мечты Турана.

Советы подавили взбунтовавшихся колонистов и казаков, разбили басмачей, устроив резню в кишлаках, дистанцировали национальных коммунистов и вытеснили на периферию политики Турара Рыскулова. В дальнейшем, когда советская власть достаточно укрепитсЯ, она начнет вновь привлекать мусульман, руководить ими, обучать их и «модернизировать». И установит тем самым новый колониальный режим, который просуществует до 1991 года.

Финал Туранского проекта

Всем было очевидно, что самостоятельное государство не может существовать без армии, и столь же очевидно, что Турккомиссия не намеревалась позволить Мусбюро вывести Туркестан из сферы влияния Москвы. В январе 1920 года, когда на V съезде партии обсуждались предложения Мусбюро, позиции были четкими и противоположными позициям сторонников Турана. Куйбышев, член Турккомиссии, обращаясь к партийцам, сказал: «Ваша историческая задача по вовлечению широких масс мусульман в общественную жизнь и в Коммунистическую партию сможет лучше реализоваться, когда в Туркестане будут находиться части Красной армии»¹¹⁹⁴. В резолюции по военной политике, принятой съездом, говорилось: «Привлечение в ряды армии трудовых мусульманских масс и создания их отдельных

частей, входящих в единую Красную армию, управляемую общим центральным командованием. Задачей сегодняшнего дня для партии в Туркестане является подготовка условий для успешного проведения мобилизации мусульманского населения <...>. В первую очередь настоятельно необходима энергичная работа по созданию красного командного состава и военно-политических работников из мусульман. До проведения мобилизации необходима широкая агитация по привлечению добровольцев из среды мусульманских трудовых масс»¹¹⁹⁵.

Несмотря на мягкий тон и принятие знамени Тюркской республики, эмиссары центра не были готовы на уступки по такому важному вопросу, как создание мусульманской армии. Они не хотели никаких автономных мусульманских войск, а тем более мусульманской армии под началом Мадамин-бека.

Позиция Куйбышева не была сюрпризом. Месяцем раньше Турккомиссия отдала приказ о роспуске военного штаба, занятого формированием Красной мусульманской армии¹¹⁹⁶. Впрочем, она не готова была сразу взять ситуацию под контроль, возможно, не желая преждевременных столкновений с Мусбюро. Затем из России прибыл Фрунзе с частями Красной армии, и положение в Туркестане изменилось.

Фрунзе на пути к Ташкенту имел телефонный разговор с председателем Турккомиссии Элиавой, по поводу мусульманской армии. Прочитируем сказанное по имеющейся записи этого разговора.

«Элиава:

Мусульманские коммунисты требуют немедленно начать формирование мусульманских частей с целью создания мусульманской армии, просят открыть офицерские курсы с обучением на турецком языке...

Фрунзе:

Я уже говорил, что мусульманское военное командование должно быть распущено. Не должно существовать ни командования, ни мусульманской армии. Мы обменялись мнениями с Ильичом (Лениным) и Троцким, здесь нечего обсуждать...»¹¹⁹⁷

Они не стали блокировать переговоры с курбаши, хотя и были категорически против появления у мусульман собственной армии, пользующейся относительной самостоятельностью, и не разделяли идеи образования Турана как государства «тюркской нации». По их мнению, «тюркская нация» была изобретением Рыскулова, а образование Турана – опасным проектом, тем более если его основой является басмаческая мусульманская армия¹¹⁹⁸.

Перед самым подписанием соглашения с Мадамин-беком Турккомиссия обратилась в Москву за поддержкой и в течение нескольких дней получила для Туркестана статус автономии, полностью отрицающий все предложения мусульманских коммунистов. Согласно этому

статусу, компартия Туркестана являлась всего лишь местным органом единой партии Российской Федерации, а за правительством признавались только ограниченные права, под контроль Москвы переходили оборона, внешние отношения, железнодорожное сообщение, почта, телеграф, финансы и экономика. Туркестан получил «советскую автономию», что являлось эвфемизмом и, в противоположность проекту Турана, очерчивало жесткие границы внутри федерации¹¹⁹⁹.

Решение центрального советского правительства о туркестанской автономии обсуждалось в руководящих органах государства и партии, но было опубликовано в газетах только после заключения соглашения с Мадамин-беком. Московские решения нельзя было обойти, как раньше, когда они воспринимались как решения далекой власти. Теперь у Москвы хватало влияния для навязывания собственных решений.

Центр стремился вернуть себе контроль над Туркестаном с помощью Фрунзе и Красной армии. Однако не одна только верхушка русской власти была против соглашений с басмачами, ее поддерживала значительная часть русского населения края, та его часть, которая видела единственной возможностью выхода из войны возвращение к колониальному режиму. На первомайских демонстрациях русские протестовали против двуличности Турккомиссии и предстоящего прихода Мадамин-бека¹²⁰⁰. В Фергане также имелись противники уступок басмачам — как среди политиков, так и среди армейской верхушки. Уже известный нам Сааков в мае открыто заявлял, что всех басмачей следует расстрелять, и сулил ту же участь тем, кто их поддерживал¹²⁰¹.

Политический климат в Ташкенте резко изменился, противоречия между Турккомиссией и Мусбюро стали непреодолимыми. В начале мая в Москву были отправлены делегаты для нового обсуждения вопроса об автономии края. Рыскулов встречался в столице с высшими чинами партии. В середине июня Ленин официально отверг предложения Рыскулова. С этого момента Туран превратился в мечту группы мусульманских националистов, враждебных советской власти. Мусбюро было распущено, а национальные коммунисты изгнаны из партии.

Фрунзе и Куйбышев

Конец Мадамин-бека

Мадамин-бек подписал соглашение за два дня до этого политического поворота. Он, очевидно, полагал, что намерения Советов были те же, что обозначались Тураром Рыскуловым и Незаметдином Ходжаевым. Доверия ташкентскому правительству придавал факт недавней публикации декрета о возвращении мусульманам земли и скота, конфискованных в 1916 году. На декрете стояла подпись Рыскулова. Вероятно, и Мусбюро, и Мадамин-бек расценивали это как позитивный ход Советов. Однако декрет ни в чем не получил воплощения.

Независимо от той лимитированной свободы действий, которая была дана Мадамину, соглашение с Советами и празднование этого населением увеличило популярность курбаши. Мирный договор народ Ферганы расценил как достижение мира, и это тревожило русские власти. Во внутреннем военном донесении говорилось, что «комедия с мирным соглашением» абсолютно дискредитировала силу и твердость советской власти в глазах мусульманского населения, а заодно и русского, особенно ввиду того, что сам Мадамин распространял слух о том, что согласился заключить мир с побежденными большевиками. Эта сказка превратила Мадамина в народного героя, борца за ислам. Сарты, говорилось в документе, при виде Мадамина падали на колени и целовали края его голубого одеяния¹²⁰².

Соглашение с Мадамин-беком давало курбаши вполне реальную власть. Согласно Куйбышеву, подписанный договор производил впечатление, что это Советы приняли условия Мадамина, а не наоборот, а кроме того — шариат ни при каких условиях не может быть признан советской властью. Но текст договора уже был расклеен на улицах и опубликован в газетах. Его нельзя было отменить. Следовательно, нужно было добиться, чтобы договор не нашел воплощения, как заявлял командующий Красной армией в Фергане. Куйбышев считал, впрочем, что еще многое предстояло решить: Мадамин должен был появиться в Ташкенте, и только после знакомства с ним следовало решать, какую роль ему отвести¹²⁰³.

Так вышло, что «Красная мусульманская армия» Мадамин-бека возникла, когда Фрунзе и Турккомиссия уже решили, что ее не должно существовать¹²⁰⁴. В короткий период своего существования мусульманская армия формально являлась частью Красной армии, но фактически была независима от верховного командования. Когда поступал приказ сверху, отряды его не выполняли, а если и выполняли, то только в той степени, в которой это полагали нужным курбаши, стоявшие во главе своих отрядов.

Мусульманские солдаты признавали только власть своих курбаши и подчинялись только их приказам. Курбаши, по сути, оставались «хозяевами» своих людей. Кроме того, отряды стояли, как правило,

Дворец бухарского эмира после штурма Красной армии, 1920 г.

в окрестностях кишлаков, откуда были родом солдаты, и преследовали свои частные интересы¹²⁰⁵.

Монстров перешел на советскую сторону еще раньше Мадаминбека. Своим бывшим врагам он объяснил смену лагеря тем, что «вмешательство советской власти в защиту законности и порядка» заставило его отказаться от мятежа. В этом новом качестве Монстров, как хорошо знающий Мадамина, был ценной фигурой, способной предоставить командованию Красной армии и Турккомиссии много полезной информации относительно курбаши. Стоит рассмотреть некоторые Советы, которые Монстров давал командованию армии в те дни, когда Мадамин завершал мирные переговоры. Эти Советы находились в полном созвучии с намерениями Турккомиссии. Монстров утверждал, что, учитывая статус Мадамина как мусульманского вождя, ошибочно полагать, будто проблема может быть решена посредством устранения Мадамина. Если бы он был убит, считал Монстров, нашелся бы кто-то ему на замену. Возможно, его место занял бы Иргаш-бай или Кур-Ширмат, один из его главных курбаши, не принявший советскую сторону. Другим вероятным последствием убийства Мадаминбека было рассредоточение его людей по мелким бандам, состоявшим не более чем из 50 человек, и борьба с ними продолжалась бы годами. Эти банды всё знали бы об устройстве жизни русских крестьян и могли сделать их существование невыносимым, заблокировать поступление продовольствия в города. Монстров предоставил подробную информацию по наиболее рациональным методам борьбы с разными курбаши из окружения Мадамина и даже указал,

какие части Красной армии следует использовать и против кого. Впрочем, Монстров полагал, что силой ситуацию не разрешить, нужно вести переговоры с разными курбаши и с самим Мадамин-беком. Следовало добиваться перехода людей Мадамина на службу Советам. Это, однако, можно было делать только при условии четкого понимания советской властью, что их нужно как можно скорее разоружать¹²⁰⁶.

Согласно договоренностям, к середине марта Мадамин-бек должен был оказаться в Ташкенте со своими людьми, чтобы публично отпраздновать переход на службу советской власти и собственную роль вождя мусульманской армии. Нам неизвестно по каким причинам он не добрался до Ташкента, очевидно, этот план был заблокирован Фрунзе. Двумя месяцами позже Мадамин-бек исчезает при таинственных обстоятельствах. Мы располагаем лишь отрывочной информацией о его смерти.

Известно, что в середине мая 1920 года Мадамин-бек отправился в Уч-Курган для встречи с Кур-Ширматом с целью уговорить его перейти на советскую сторону. Мадамин предупредил о встрече командующего местным гарнизоном. Кур-Ширмат появился с тысячей бойцов, атаковал советский отряд, обратив его в бегство, и удалился, увозя с собой Мадамин-бека, пока отступивший отряд получал подкрепление солдатами и пушками¹²⁰⁷. Эта информация поступила от находившегося на месте встречи отряда, но о дальнейшей судьбе Мадамина там не знали.

Официальная версия произошедшего, представленная Фрунзе, гласила, что Кур-Ширмат и Хал-Ходжа захватили курбаши в плен и убили его¹²⁰⁸. Во внутреннем донесении, написанном несколько месяцев спустя после смерти Мадамина, говорилось, что «темная история» со взятием в плен курбаши и атакой Кур-Ширмата на советский отряд вконец разрушила авторитет советской власти в глазах сартов и подняла еще выше представление о силе и ловкости Кур-Ширмата и присоединившегося к нему Хал-Ходжи¹²⁰⁹.

Неизвестно, когда и кем был убит Мадамин-бек. Подозрительным является тот факт, что, пока Мадамин вел переговоры с Кур-Ширматом и Хал-Ходжой, Фрунзе отдал приказ о разоружении его людей, а командование 2-й Туркестанской стрелковой дивизии (к которой формально были приписаны люди курбаши) приказало прервать все переговоры с басмачами. Советы, таким образом, решили разорвать договор с Мадамином еще при его жизни, когда он в Фергане вел переговоры с другими курбаши о перемирии¹²¹⁰.

Согласно донесению советского шпиона, Мадамин-бек был еще жив в конце мая. Агент сообщал о собрании курбаши, где Кур-Ширмат и Хал-Ходжа упрекали Мадамина в отходе от советской власти и говорили, что ему лучше было бы подождать еще пару месяцев. Мадамин-бек отвечал, что эту ошибку можно исправить, что он может вер-

Бухара с воздуха после обстрела

нуться к переговорам с Советами и опять стать «пленником» (sic!), в то время как два курбаши должны были послать делегатов в Афганистан и на Памир за помощью¹²¹¹. Если верить этому источнику, Мадамин был не только жив, но и вел двойную игру с Советами, и Фрунзе об этом знал.

В эти же майские дни Фрунзе пытался подчинить себе других советских курбаши. Он приказал Иргашу, стоявшему в Намангане, и Ахунджану, находившемуся в Андижане, явиться в Ташкент. Иргаш со своими бойцами был готов подчиниться. Среди людей Ахунджана, однако, прошел слух, что Фрунзе хочет убрать их из Ферганы и отправить на Западный фронт. Поэтому они отказались подчиниться. Тогда Фрунзе сам прибыл в Андижан, где узнал, что кое-кто из курбаши Ахунджана вступил в контакт с курбаши Мадамин-бека с целью перейти на сторону последнего. Фрунзе приказал распустить провинившийся отряд. Некоторые бойцы стали отстреливаться от красноармейцев-татар, но были вынуждены сдаться. Фрунзе сообщил Ахунджану и его отрядам, что им нечего опасаться, но следует немедленно подчиниться командованию Татарской бригады (надежный отряд, прибывший из центра)¹²¹². Фрунзе намеревался сделать из бывших басмачей настоящих солдат, отобрать их у главарей и выслать из Ферганы.

Возможно, убийцами Мадамин-бека стали Кур-Ширмат и Хал-Ходжа, но можно предполагать, что приказ о его убийстве поступил от командующего Красной армией, мечтавшего избавиться от курбаши. Однако, как говорил Монстров, убийство Мадамина было бы крайне непопулярным шагом. Поэтому наиболее вероятная гипотеза — сго-

вор Фрунзе с двумя курбаши: Фрунзе предоставил им честь убийства или же просто не помешал это сделать. Мадамин-бек был помехой и для Кур-Ширмата с Хал-Ходжой, учитывая, что он уводил мусульманских бойцов в руки советской власти.

Пространство маневра для курбаши, находившихся на советской стороне, все сужалось. Ситуацию понял и Иргаш-бай, который отошел от Советов, чтобы избежать отправки своих людей за пределы Ферганы. Вскорости, впрочем, был убит и он; ходили слухи, что это сделали киргизские женщины, мстившие за своих мужей, убитых Иргашом¹²¹³.

После гибели Мадамин-бека и Иргаш-бая главным врагом Советов стал Кур-Ширмат. Говорили, что он был груб, неотесан и пристрастен к анаше¹²¹⁴. Советы считали его фанатиком. У Кур-Ширмата не было русских инструкторов, его консультировали турецкие и афганские офицеры, он располагал хорошей сетью мусульман-шпионов. Судя по всему, он был прекрасным военным, хорошим руководителем и храбрым человеком. Он отправлял посланцев в Афганистан и Бухару, надеясь на помощь братьев-мусульман. Его переход на советскую сторону исключался — он был непримиримым врагом русских¹²¹⁵.

Кур-Ширмат получал помощь от англичан. Похоже, что английская миссия в Кашгаре установила с ним контакт через торговцев, ездивших из Кашгара в Ош и Андижан, и через них же поставляла ему оружие и золото. Дутов, бежавший в Китай после столкновения с Красной армией, также обещал прийти ему на помощь¹²¹⁶.

Мы уделили внимание Кур-Ширмату, поскольку он продолжит сопротивление. Интересен и тот факт, что к нему присоединилась большая часть людей Мадамина, уходивших от Советов. Впрочем, известно также, что один из курбаши Мадамина, которого Кур-Ширмат позвал к себе, отвечал, что готов, но только в случае, если будет уверен, что Мадамин жив, а иначе — станет врагом Кур-Ширмата. Даже курбаши Мадамина не знали, был ли их предводитель убит Кур-Ширматом или перешел на его сторону, а Кур-Ширмат не спешил раскрыть тайну, возможно, стремясь присоединить к себе всех его людей¹²¹⁷.

После неудавшейся попытки примирения в Ферганской области, предпринятой Мусбюро, вновь вспыхнула война. Фрунзе отдал приказ (и добился исполнения) о выведении из Ферганы всех военных отрядов, состоявших из бывших басмачей¹²¹⁸. Он нападал на курбаши и зверствовал в отношении мирного населения. Летом 1920 года части Красной Армии начали брать заложников в кишлаках и расстреливать их, если басмачи не сдавались в плен¹²¹⁹. Потом, с позиции силы, вновь открыли переговоры и за несколько лет окончательно победили басмачество.

Возобновление связей с Россией и присутствие Красной армии позволили приступить к разрешению сложной ситуации в Семире-

че. И в этом случае тактика заключалась в замирении сверху и вела к построению нового, но по-прежнему колониального порядка.

Права киргизов и права колонистов

В Семиречье аграрная реформа, начатая Рыскуловым, продолжалась, несмотря на все сложности, в течение всего 1920 года. В середине июня в Верном взбунтовались местные части Красной армии. Мятеж вспыхнул в ответ на приказ о передислокации, на основании которого выводились войска из области, но выражал более широкий протест против политики Ташкента, ударяющей по колонистам и казакам Семиречья. После недели столкновений и переговоров солдаты были сломлены, однако это стало четким сигналом наличия сопротивления реформе. Когда Верный вновь оказался под контролем Ташкента, ситуация уже изменилась, в том числе и в столице: Турккомиссия и Красная армия не оставили больше возможности маневра для проекта Рыскулова.

Давление на колонистов и казаков началось с требований кочевников о компенсации и продолжилось в виде репрессий государства в связи с их восстанием против советской власти в Гражданскую войну. Этот вопрос не решился в течение 1920 года и в полной мере стоял и в следующем. Еще строились планы по расселению киргизских беженцев в тех краях, где они жили раньше, и предполагалось выселить оттуда некоренное население. Под этим давлением сотни семей стали просить разрешения переехать в центральную Россию или в Сибирь¹²²⁰.

Значительную часть колонистов-иммигрантов в Средней Азии составляли украинцы, которых мы для простоты повествования часто относим к русским. В 1921 году около 360 тысяч украинских крестьян намеревались вернуться на Украину из Средней Азии и Сибири. Украинские власти пытались отговорить их, опасаясь, что не сумеют принять столько беженцев, но очень многие стали возвращаться сами, не дожидаясь никаких разрешений¹²²¹. Страх и желание вернуться на родину распространились также и в соседнем Степном крае, особенно когда стало известно о решении Наркомзема Туркестана освобождать от некоренного населения земли под ожидаемое возвращение киргизов. К этому страху добавлялся еще один важный повод для возвращения на родину: система законодательства советских республик защищала членов титульных групп населения в республиках (украинцев, соответственно, на Украине), они могли быть уверены в получении земли, в то время как некоренное население могло остаться и без нее. Национализация и аграрные реформы стали инструментами национального самоутверждения¹²²².

Карательные меры в отношении колонистов и казаков способствовали формированию этого миграционного потока и открывали

возможность для проведения реформы по всему краю. В Семиречье «земельно-водная» реформа под руководством Турккомиссии была объявлена в феврале 1921 года, когда и духа рыскуловской реформы уже почти не осталось. Целью было установление паритета в правах на использование земли и воды между русским населением и мусульманским.

Центральными пунктами реформы стали: возвращение земли, отобранной ранее у киргизов, чтобы облегчить им поселение; общее перераспределение земли между русскими по установленным нормам; лишение земли и депортация тех казаков и колонистов, которые бунтовали против советской власти¹²²³. Предпринималась попытка навязать социальный мир без оглядки на национальные отличия. К концу 1922 года было экспроприировано около 60 сел (около 3000 русских и украинских семей), большая часть земли отдана киргизам¹²²⁴.

Реформа проходила также и в Ферганской области, в районе Джалалабада, который был центром крестьянского восстания и образования крестьянской независимой армии. После инспекции окрестных русских деревень комиссия по аграрной реформе пришла к выводу, что часть пахотной земли не была засеяна и, следовательно, может участвовать в реформе. Брошенная земля стала результатом поспешной депортации кулаков (всего 112 семей) во время пахотных работ – без установления собственности, без выяснения степени вины за прошлые события, без учета сегодняшних отношений с советской властью. Депортация проходила на основе указаний партийных ячеек и комитетов крестьянской бедноты, без проведения следствия; основное внимание уделялось не имущественному аспекту дела, а отношению к советской власти. Так же прошла конфискация сельскохозяйственной техники, скота и прочего имущества, вплоть до домашней утвари. Конфискованное имущество хранилось в таких условиях, что все было испорчено. Особенно тяжелое положение сложилось в уездах, пострадавших от басмачей, а также в поселениях недавно иммигрировавших колонистов. У многих не стало жилищ, нечеловеческие условия жизни способствовали распространению болезней.

Слом сельскохозяйственных отношений и потери производительности никак не могли компенсироваться появлением новых кооперативных артелей, состоявших из киргизов: эти артели засеивали всего 10–15% отведенной им земли. Тому имелось много причин: артели образовались слишком поздно; прежние владельцы, колонисты, относились к артелям враждебно; нередко происходили налеты басмачей. Киргизские артели не могли выжить без помощи со стороны государства¹²²⁵.

Реформа привела к частичному перераспределению земли в пользу бывших кочевников, но не стала действенным шагом к эконо-

мическому подъему и преодолению социальных контрастов, наличествующих в области. Тем не менее власти через несколько месяцев заявили, что реформа закончилась, и дали всяческие гарантии в том, что государство больше никого не лишит обрабатываемой им земли. Несмотря на сопротивление Рыскулова, который хотел обеспечить киргизов землей и воспользоваться этим для перевода их на оседлый образ жизни, в Туркестан пришел нэп, экспроприация земли стала невозможной.

Даже при продовольственной помощи и поддержке беженцев, возвращающихся из Китая, кочевое население Семиречья вышло из Гражданской войны с гигантскими потерями и в полном упадке (данные, описывающие степень потерь населения и его имущественный ущерб, приводятся в приложении, в конце этой главы). Рыскулову не удалось создать мусульманскую политическую альтернативу и даже помешать истреблению киргизов. Примирение с ними началось не с массированных экспроприаций у колонистов, как это предполагал Рыскулов, а с нэпа, подтолкнувшего оставшихся киргизов вернуться к кочевой жизни. Впрочем, это было коротким миром, потому что несколько лет спустя советская власть навязала им оседлый образ жизни и коллективизацию силой, вызвав очередной этап истребления и, в конечном счете, уничтожение кочевничества.

Конец кочевничества в других областях

Мы сфокусировались на киргизах по той причине, что выбрали Семиречье в качестве case-study кризиса кочевничества. Но надо опровергнуть иллюзию, которая могла возникнуть у читателя, будто только здесь и происходило истребление кочевников. Кратко опишем ситуацию в Закаспийской области, другом большом кочевом регионе, населенном туркменами. Источником является доклад, отправленный Турккомиссией в ЦК партии, лично Ленину и Сталину, в конце 1921 года¹²²⁶.

Главной составляющей туркменских племен были йомуды, обитающие на огромной степной территории от Аральского моря до Персии. Часть их вела оседлый образ жизни на берегах Каспия и Арала, где они занимались рыбной ловлей и соледобычей. С установлением советской власти рыбное хозяйство было национализировано, рыболовство попало под контроль государства. Специальный декрет запрещал йомудам самостоятельную рыбную ловлю, даже для собственного потребления. В 1920–1921 годах Советы реквизируют всю рыбу, без компенсаций.

Таким образом, рыбная индустрия перестала быть источником дохода для йомудов. Та же участь постигла и соледобытчиков, лишив йомудов и второго источника доходов. Революционеры закрыли границы с Персией, чтобы контролировать перемещение населения

Переговоры с курбаши

и товаров. Эта мера имела тяжелые последствия, поскольку лишила продавцов сушеной рыбы и соли дохода от экспорта их скудного продукта и вызвала кризис кочевых племен, ежесезонно перемещавшихся на пастбища по ту сторону границы.

Оккупация приграничных зон армией стала поводом для злоупотреблений со стороны солдат, которые захватывали юрты, сельхозпродукты, фураж и средства передвижения. Реквизиции и произвольные аресты стали механизмом изъятия имущества у населения. Военная оккупация вызвала к тому же разрушение отношений между племенами, жившими по разные стороны границы, затруднив договоренности между ними в отношении использования рек, находящихся на персидской стороне, что принесло дополнительный ущерб и без того истощенному населению. Совокупность этих мер привела к голоду, разгулу бандитизма и, разумеется, враждебности к Советам.

В 1921 году ташкентская комиссия, направленная для оценки положения, обнаружила, что кочевое население покинуло часть территорий, в аулах остались только женщины, дети и старики, нуждающиеся в помощи. Комиссия рекомендовала меры, направленные на восстановление разрушенных предприятий, и вернула свободу пересечения границы.

Разрушение туркменской экономики составляло контекст, в котором происходила политическая борьба за власть над территорией. В 1920 году Красная армия напала на Хивинское ханство, которое,

как и Бухара, еще обладало некоторой самостоятельностью. Для установления контроля над ханством Советы воспользовались помощью нескольких туркменских лидеров, устранив своего основного врага — хана Джунаида. В Хиве было образовано советское правительство, сформированное из йомудов и узбеков как официальных представителей двух основных национальностей. Две эти группы были, однако, враждебно настроены друг к другу — соперничество за доступ к водным ресурсам ставило оседлых узбеков и йомудов-кочевников по разные стороны баррикад. Советское правительство опиралось на узбеков и пыталось использовать к своей выгоде соперничество этих двух групп. Вскоре представители йомудов были обвинены в заговоре в интересах хана и расстреляны. Йомудские племена восстали, предприняли вооруженное нападение на Хиву, но оно было отбито. Советская карательная экспедиция преследовала мятежников и сожгла все туркменские кишлаки и аулы, которые встретила на своем пути. Караван беженцев (в основном женщин и детей) с верблюдами, лошадьми и коровами после долгого перехода через пустыню прибыл в Персию¹²²⁷.

И в этом случае советская власть формировалась в борьбе с кочевниками, заключив с ними мирный договор, когда от них остались только жалкие остатки. В итоге она предприняла попытку образовать с их помощью «национальную» территорию.

Вперед к будущему

Незадолго до завоевания Хивы, в августе 1920 года, Красная армия осадила и разгромила Бухару. В нападении принимали участие и туркменские части из Хивы и Бухары, а также татарские и киргизские солдаты, сарты из Ферганы¹²²⁸. Уже довольно давно большевики поняли, что против мусульман следует использовать других мусульман. Турккомиссия, осуществлявшая политическое руководство этой военной акцией, дала и другие интересные инструкции, на которых имеет смысл остановиться чуть подробнее.

Прежде всего Турккомиссия озаботилась тем, чтобы в операции были задействованы младобухарцы, то есть местные джадиды. Их участие позволяло представить завоевание как поддержку сопротивления, возникшего внутри мусульманского населения Бухарского эмирата.

Бухарские джадиды приняли эту роль, поскольку годами ожидали от русских помощи в изгнании эмира, но оказались тем самым союзниками тех, кто препятствовал проектам Мусбюро, куда входили другие джадиды. Прогрессистское мусульманское движение оказалось раздробленным, а мусульманская национальная революция осталась в руках Советов.

В инструкциях Турккомиссии содержался и план действий революционного правительства с участием, разумеется, младобухарцев.

Худжум. Наступление на традиции: женщины без покрывал

Программа включала следующие пункты: конфискация всех земель эмира и его беков, реквизиция всех земель вакф и распределение их между малоземельными дехканами; отмена всех старых налогов; роспуск армии эмира; полное соблюдение установлений религии и шариата; политическая амнистия; создание частей Красной армии для защиты страны. Эмират становился независимой советской республикой, прямой союзницей Советского Туркестана и России¹²²⁹.

Эта программа примечательна как признак компромисса с мусульманами, уже крайне далекого от идей Турана. Отказавшись от всех своих замыслов и приняв бухарскую «революцию», Турсун Ходжаев вошел в комиссию, направленную советскими властями Ташкента в Афганистан для информирования об образовании новой республики¹²³⁰. Бухара была разрушена, имущество эмира, в особенности золото, передано Фрунзе. Эмир, впрочем, бежал¹²³¹.

Падение Бухары лишило ферганских курбаши важнейшего тыла — источника оружия и помощи. Путь к окончательному вооруженному завоеванию области был открыт.

Несколько слов о том, что было после.

Завоевав Туркестан, Советы научились создавать и использовать расхождения между мусульманами, восстанавливать друг против друга фракции, вступать во временные союзы с одними, чтобы напасть на других. Так случилось и в Фергане, где одно из главных противоречий, позволивших Красной Армии создать брешь в восточной Фергане, было противостояние киргизов-кочевников и оседлых узбеков. Об этом древнем соперничестве, аналогичном закаспийскому, мы

уже рассказали. В Красной армии в начале 1920-х годов были эксперты, которые изучали такие конфликтные отношения, а в военной тактике с готовностью использовались расхождения между курбаши¹²³².

Затем пришел черед политики, направленной на консолидацию завоеваний и советский мир. В течение 1920-х годов возобновились экономические отношения с Россией: Фергана вновь стала хлопковой долиной, потребляющей зерно из других регионов. На территориях с исключительно мусульманским населением тоже были созданы Советы, советская власть пускала корни. Сложность заключалась в том, чтобы это сближение власти с обществом не вызвало потерю государственного контроля над базовыми структурами. Беспрестанные проверки и чистки были призваны избавить Советы от влияния семей и местных кланов: вовлечение общества не меняло диктаторский характер режима, напротив, усиливало его.

В середине 1920-х годов Туркестан был разделен на национальные республики, границы, проведенные на карте, остались по сей день. Так началась политика государственного и национального строительства в рамках СССР. Кооптация во властные структуры республики представителей мажоритарных национальных групп внутри новых границ служила консолидации режима¹²³³.

Официальное признание национальных групп сопровождалось борьбой против их культуры. Во второй половине 1920-х было изобретено новое преступление: началось последовательное разрушение традиций. Мечети были закрыты, а с ними и медресе; практику земель вакф поставили вне закона; тарикаты были распущены, а их члены, кому не удалось скрыться, арестованы; женщин вынудили отказаться от покрывал, потому что новый режим проповедовал равенство прав, а главное — стремился к кризису традиционного общества, начиная с семьи.

За завоеванием последовал этап советского мира, а затем политика социальной инженерии, «модернизации» и образования, проповедующего ценности нового режима.

Приложение

Падение сельскохозяйственного производства и потери населения

В конце части I нашей книги приводились графики, дающие некоторое представление о развитии кризиса сельскохозяйственного производства. Упадок экономики и потери населения — причина и следствие описанных выше событий — представлены в следующих таблицах. Результаты обработки данных зачастую противоречивы, но мы полагаем тем не менее, что в целом они достаточно корректны¹²³⁴.

Кризис аграрного сектора продолжал усугубляться в годы Первой мировой и Гражданской войн, вылившись в резкое сокращение обрабатываемой земли и в еще большее снижение производства. Животноводство также быстро пошло на спад (табл. 1). В 1917 году, как мы уже знаем, импорт зерна прекратился, а внутреннее производство упало вдвое. С этого момента голод принял огромные масштабы. Аграрный кризис еще тяжелее сказался на местном населении (табл. 2). От экономической катастрофы главным образом пострадали кочевники, поголовье скота у них упало более чем в два раза (табл. 3), радикальным образом сократились площади возделываемой земли (табл. 2).

Между 1916 и 1920 годами потери населения составили около 2 миллионов человек (табл. 4). Часть погибла в результате насилия, большинство — от голода, часть бежала за пределы Туркестана. Кочевники понесли самые серьезные потери (табл. 5). Население Ташкента в 1924 году достигло уровня начала Первой мировой войны, но при увеличении населения европейских кварталов (табл. 6).

Таблица 1. Возделываемая земля и скот

год	возделываемая земля (тыс. десятин)			производство (млн пудов)		скот* (тыс. голов)	на душу населения**		
	всего	зерно***	хлопок	зерно	хлопок		под зерном (десятины)	производство хлеба (пуды)	скот (поголовье)
1915	3289	2533	524	106****	14	22 468	0,35	15,20	3,14
1917	2478	1958	241	56	10	19 651	0,30	8,60	3,00
1920	1673	1309	88	—	1	8458	0,25	—	1,58

* лошади, верблюды, крупный и мелкий рогатый скот

** только гражданское население

*** пшеница, рожь, ячмень, просо, кунак, маис, джугара, рис

**** среднее производство в 1909–1913

Таблица 2. *Возделываемая земля по группам населения, десятины*

	год	искусственно орошаемые земли	естественно орошаемые земли	неорошаемые земли	всего земли, динамика, %	земля на душу населения (сельское население), %
иммигранты*	1917	189 252	207 153	396 405		1,14
	1920	166 619	116 892	283 511	-28	0,72
оседлое коренное население	1917	1 323 930	506 265	1 830 195		0,57
	1920	893 930	221 688	1 115 618	-39	0,42
кочевое коренное население	1917	365 867	155 891	521 758		0,29
	1920	227 395	56 825	284 220	-46	0,23

* эмигрировавшее из центральной части России

Таблица 3. *Животноводство по группам населения*

	год	лошади и верблюды	ослы	крупный рогатый скот	мелкий рогатый скот	свиньи	всего	динамика, %
иммигранты	1917	156 931	514	333 683	459 553	73 210	1 023 891	
	1920	154 471	574	332 981	379 013	89 894	956 933	-6,5
коренное население								
	<i>оседлое</i>							
	1917	607 593	117 061	1 202 457	3 325 751	2125	5 254 987	
	1920	357 677	102 472	751 240	1 520 316	3444	2 735 149	-48,0
<i>кочевое</i>	1917	1 655 329	28 942	911 059	10 998 261	58	13 593 649	
	1920	599 713	15 605	413 948	3 948 959	257	4 978 482	-63,4

Таблица 4. *Численность гражданского населения Туркестана (в границах 1920 г.), тыс.*

	1897	1910	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1920
сельское	4482	5363	5748	5806	5862	5918	6105	5376	4265
городское	730	1053	1073	1174	1200	1231	1230	1179	1071
<i>всего</i>	5212	6415	6821	6980	7062	7149	7335	6554	5337

Таблица 5. Численность гражданского населения Туркестана – иммигранты и коренные жители

	1915	1917	1920	динамика, %	
				1915/1920	1917/1920
<i>всего</i>					
иммигранты	796,9	609,7		-23,5	
коренные жители	6361,9	4726,8		-25,7	
<i>в городах</i>					
иммигранты	440,7	–	215,4	-51,1	
коренные жители	790,0	–	855,8	+8,3	
<i>в сельской местности</i>					
иммигранты	356,2	349,2	394,3	+13,9	+12,9
коренные жители	5571,9	5026,3	3871,0	-30,5	-23,0
оседлые	–	3233,2	2693,3		-18,4
кочевые	–	1793,1	1231,7		-31,3

Таблица 6. Численность населения Ташкента, 1868–1924 гг.¹²³⁵

год	всего (исключая солдат)	старый город	новый город			солдаты
			всего	европейское население	коренное население	
1897	155 673	133 794	30 642	21 879		8763
1907	182 602	140 707	41 895	32 054	9841	7146
1910	234 289	164 724	69 565	47 500		
1914	271 023	186 562	84 461			
1915	241 358	166 011	75 347			
1917	260 078	184 125	75 953			
1920	232 609					
1924	269 906	151 922	108 984			

Примечания

¹ Классификация этнических групп была в значительной степени произвольной, что, как правило, свойственно этнической статистике. В этом случае бюрократическая потребность создала различия, которые, очевидно, имели мало общего с распространенными у населения понятиями. Цензоры классифицировали как «сартов» четверть населения, но сам термин был крайне неоднозначным и обычно использовался для общего обозначения оседлого населения. Языковые отличия не помогли установить четкие социальные группы, так как был широко распространен билингвизм. Тщательный анализ этнического состава Туркестана в конце XIX – начале XX в. см.: Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform // Jadidism in Central Asia*. Berkeley, 1998. P.187–209.

² Pierce R.A. *Russian Central Asia 1867–1917 // A Study in Colonial Rule*. Berkeley, 1960. P.17–45; Caroe O. *Soviet Empire // The Turks of Central Asia and Stalinism*. London, 1953. P.77–80; Carrère D'Encausse H. // E.Allworth (ed.). *Central Asia: A Century Years of Russian Rule*. New York, 1967. P.131–150.

³ Nalivkine V.P. *Histoire du khanat de Kokand*. Paris, 1889. P.229–259.

⁴ Allworth (1967). P.131 и 141.

⁵ Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX века: Очерки социально-экономической и политической истории. Ташкент, 1959. С.72–75; Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гейфмейстером Графом К.К.Паленом. СПб., 1910–1911. Т. Краевое управление. 1910. С.6. (Работа в 19 т., ниже цит. как Пален).

⁶ Пален. Краевое управление. С.24.

⁷ Allworth (1967). P.139.

⁸ Перепись населения 1897 года делила население по языковому принципу следующим образом: принадлежащие к тюркской группе (без детализации) 116 604 (75% городского населения), сарты 11 749 (7,6%), татары 2313 (1,5%), казахи и киргизы 1911 (1,2%), персы 534 (0,3%), таджики 339 (0,2%), русские 14 993 (9,6%), украинцы 2600 (1,7%), поляки 2206 (1,4%), евреи 1438 (0,9%). См.: Bauer H., Kappeler A., Roth V. *Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897*. Stuttgart, 1991. S.221–222. Данные по изменению в составе населения в 1897–1924 годах приведены на последних страницах нашей работы, в приложении к главе 6, часть III (табл. 4).

⁹ Curtis W.E. *Turkestan: The Heart of Asia*. London, 1911. P.271.

¹⁰ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент, 1912. С.71–73.

¹¹ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т.1. С.319.

¹² Добросмыслов (1912). С.78–79.

¹³ Азиатская (1914), Т.1, С.320; Вахабов М. Ташкент в период трех революций. Ташкент, 1957. С.104; Добросмыслов (1912). С.186–188; Curtis (1911), P.288–291.

¹⁴ Schuyler E., *Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja*. New York, 1877. P.82.

¹⁵ Азиатская (1914). Т.1. С.320.

¹⁶ Там же. С.78.

¹⁷ Palen K.K. *Mission to Turkestan*. New York, 1964. P.20.

¹⁸ Добросмыслов (1912). С.196.

¹⁹ Там же. С.194–196.

²⁰ Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч.2. (Таблицы). С.26.

²¹ См.: Гейер И.И. Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1908. (Текст сопровождается более чем 350 образцами рекламы); см. также: Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909.

²² История Ташкента с древнейших времен до победы февральской буржуазно-демократической революции. Ташкент, 1988. С.182. (В дальнейшем цит. как История Ташкента).

²³ Piegse (1960). P. 243 (цитирует Туркестанские ведомости от 31.01.1906).

²⁴ Там же.

²⁵ Добросмыслов (1912). С.182; данные о проституции из переписи населения 1897 года, их приводит также Азадаев (1959). С.227.

²⁶ О ситуации на «бирже труда» сообщают некоторые заметки в «Туркестанских Ведомостях», на которые ссылается А.И.Гинзбург (Русское население в Туркестане. М., 1991. С.117–118).

²⁷ Данные относятся к 1907 году, см. табл. 6 в Приложении.

²⁸ Описание одного из этих домов см.: Остроумов Н.П. Сарты: Этнографические материалы. Изд.3. Ташкент, 1908. С.102–103.

²⁹ Азиатская Россия: Иллюстрированный географический сборник. М., 1910. С. 251–252; Curtis (1911). P. 288.

³⁰ Добросмыслов (1912). С.182–183.

³¹ Там же. С. 311–322.

³² Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии. М., 1963. С.347 (1-е изд. – 1927).

³³ Как следует из приказа 1868 года, изданного городским головой и подписанного в секретной обстановке на следующий год губернатором Ташкентской области. См.: Азадаев (1959). С.206–207.

³⁴ Добросмыслов (1912). С.183–184, 365–368; Schuyler (1877). P.175, 209–211.

³⁵ Санитарная статистика приводится по: Добросмыслов (1912). С.489.

³⁶ В описании мятежа я ссылался на: Терентьев (1906). Т.3, С.371–379; Добросмыслов (1912). С.484–491; Азадаев (1959). С.210–221; Pierce (1960). P.223–225; История Ташкента (1988). С.247–249.

³⁷ Малицкий Н.Г. Ташкентские махаллия и мауза. Ташкент, 1927. С.3.

³⁸ Азиатская Россия (1910). С.252.

³⁹ Там же. С.254–255; Schuyler (1877). P.183–185.

⁴⁰ Гейер (1909). С.306; Остроумов (1908). С.73.

⁴¹ Остроумов (1908). С.95–96.

⁴² Важную информацию по махаллам см.: Очерки истории Ташкента. Ташкент, 1915. С.7; Ташкент в кармане для приезжающих. Ташкент, 1925. С.11.

⁴³ В описании образа жизни старого города, если не указано обратное, я использовал кн.: Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане: Очерки быта туземного населения. Петроград, 1916. С.13–14, 330–354.

⁴⁴ Беспристрастное описание отношений между русскими и мусульманами см.: Лыкошин (1916). С.60–63.

⁴⁵ Добросмыслов (1912). С.374, сноски.

⁴⁶ Здесь приводится мнение из: Лыкошин (1916). С.234.

⁴⁷ История Ташкента (1988). С.167, Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края, 1865–1917. Ташкент, 1980. С.62, где утверждается, что кризис ремесленничества имел очень большой масштаб, и в подтверждение ссылаются на данные об уменьшении числа ремесленников. Вопрос тем не менее остается до конца не исследованным.

⁴⁸ Пален. Материалы. Ч.1. Раздел 2. Положение отдельных отраслей народного хозяйства в Туркестане. С.296–302.

⁴⁹ Бартольд (1963. С.374) утверждает, что евреи являлись «элементом туземного населения, который более всего имел основания приветствовать приход русских».

⁵⁰ Добросмыслов (1912). С.391.

⁵¹ Рост происходил несмотря на изменение политики русского правительства, которое в начале века стало ограничивать иммиграцию и приказало евреям родом не из Ташкента покинуть город. Приказ, однако, почти не выполнялся. Там же. С.81–82.

⁵² Пален. Материалы. Ч.1. Раздел 2. С.307–308.

⁵³ Khalid (1998). С.69.

⁵⁴ Информация о городском управлении Ташкента и о судебной системе взяты из: Pierce (1960). P.71–78; История Ташкента (1988). С.152–153; Пален. Городское управление. С.48–52; Пален. Народные суды Туркестанского края. С.9; Лыкошин (1916). С.75–77, 91.

⁵⁵ См.: Остроумов (1908). С.104–109.

⁵⁶ Данные цит. по: Bauer H., Kappeler A., Roth B. Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897. Stuttgart, 1991. S.406, 424.

⁵⁷ Carrère d'Encausse H. La politique culturelle du pouvoir tsariste au Turkestan, 1867–1917 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1962. III (3). P.383–384; Остроумов (1908). С.101; Бартольд (1963). С.303–304; Schuyler (1877). P.98.

⁵⁸ Остроумов (1908). С.173–176.

⁵⁹ Оценка Pierce (1960). P.218.

⁶⁰ Carrère d'Encausse (1962), P.385–401; Pierce (1960). P.213–220; Остроумов (1908). С.180–184; Лыкошин (1916). С.56–58, 66–67.

⁶¹ Бартольд (1963). С.310.

«Корни обновления следует искать в прошлом веке, когда Абу Наср-Хурсави, татарин, живший в Бухаре, начал критиковать главенствующий схоластический подход. Хурсави утверждал, что каждый мусульманин свободен самостоятельно трактовать Коран и не обязан слепо подчиняться интерпретациям традиционных авторитетов, предлагал преподавать в школах историю ислама, науки и русский язык. Он полагал, что этим путем можно вернуть исходную чистоту ислама и избавиться исламскую культуру от бремени консервативной мысли». На эту тему см.: Аршаруни А., Габидуллин Ч. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. London, 1990. P.17–18 (оригинальное изд.: М., 1931); Carrère d'Encausse H. Réforme et révolution chez les Musulmans de l'Empire russe. Paris, 1981. (Я ссылаюсь на 2-е изд., первое – 1966). С.102–103.

Другой важной фигурой для туркестанских реформистов являлся Исмаил Бей Гаспринский. Он занимался образованием и начал с создания школы в Крыму, которая стала образцом для широкой сети реформатских мектебов. Эксперимент начался в 1880-х годах, в 1916 году было 5000 школ этого типа во всей империи. Гаспринский смог задействовать сотни мулл (учителей и ревнителей религиозного воспитания) и улемов, занятых в мектебах, где преподавались также светские дисциплины – арифметика, география, история, русский язык. Стремление к культурному обновлению ислама неизбежно вело к пересечению с модернистской культурой, представленной Западом. Гаспринский поддерживал тезис о необходимости сотрудничать с русскими на равных началах и полагал, что исламская культура может сосуществовать с западной культурой, не рискуя впасть в слепое подражание и не нуждаясь в защите собственной идентичности посредством введения барьеров и запретов. Деятельность реформистов, однако, была направлена прежде всего на исламский мир и следовала политическому проекту, который Гаспринский резюмировал как «единство языка, мысли и действия» между всеми мусульманами империи. Путь к объединению мусульман вел, однако, к немедленному внутреннему конфликту между джадидами, сторонниками «нового метода», и консервативным большинством. См.: предисловие, написанное Александром Беннигсеном к кн.: Гаспринский Исмаил Бей. Русское мусульманство. Oxford, 1985 (оригинальное издание книги Гаспринского – Симферополь, 1881). В 1983 году Гаспринский окажется в Туркестане, где откры-

ет в Самарканде реформатский мектеб. Этому противодействовали и Остроумов, который видел мусульманскую культурную политику как русификацию, и Наливкин (Carrère d'Encausse. 1962. P.395).

⁶² Интересную информацию о школе Мунавара Кари см.: Allworth E.A. *The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present: A cultural History*. Stanford, 1990. P.130–140. О школах нового метода в первую очередь см.: Khalid (1998). P.160–183. Работа содержит прекрасное исследование о движении джадидов вплоть до 1917 года.

⁶³ Allworth (1990). P.132–133; История Ташкента (1988). С.193.

⁶⁴ Carrère d'Encausse (1962). P.402–404.

⁶⁵ Биографию В.П.Наливкина см.: Библиографический словарь (1989). С.170–172; Bennigsen. *Lemercier Quelquejay* (1964). P.305–306.

⁶⁶ Биографические сведения о Мунаваре Кари Абдурашидове см.: Allworth (1990). P.138–139; Bennigsen. *Lemercier Quelquejay* (1964). P.161–167, 263–265.

⁶⁷ В 1910–1911 годах, в Фергане, кроме г.Скобелева, где проживают 7000 русских из 11 000 жителей, значительное число иммигрантов было в Коканде, где русских было 4000 из 114 000 жителей; в той же Фергане в городах Маргелан, Наманган, Андижан и Ош русское присутствие составляло от 1000 до 3000 человек, в то время как мусульман было от 40 000 до 70 000. Многочисленная община встречается в Ашхабаде (9 русских на 44 жителя) и в Самарканде (около 12 000 на 90 000). В Семиречье русское городское население сосредоточено в Верном, где насчитывается 26 000 русских на 36 000 жителей. Данные по городскому населению см.: *Азиатская Россия* (1914). Т.1. С.317–354; В.П.Семенов-Тянь-Шаньский. *Россия: Полное географическое описание нашего отечества*. Т.19. Туркестанский край. СПб., 1913. С.695, 709; Бартольд (1963). С.336–338.

⁶⁸ Галузо П.Г. *Туркестан – колония: Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года*. М., 1929. С.12.

⁶⁹ Там же. С.19–20.

⁷⁰ Пален. *Материалы*. Ч.1. Раздел 2. С.83; Бартольд (1963). С.362–365; Галузо (1929). С.22–24.

⁷¹ Данные, относящиеся к первому десятилетию века, приводятся с небольшими отклонениями от: Пален. *Материалы* (1910). С.83; Сафаров Г. *Колониальная революция: Опыт Туркестана*. М., 1921. С.37; Рыскулов Т. *Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году*. Кызыл-Орда, 1927. С.94 и др. по: R.A.Pierce, *Russian Central Asia, 1867–1917, a Study in Colonial Rule*, Berkeley e Los Angeles, 1960. P.169.

⁷² Один пуд равен 16,38 кг. Данные за 1902 и 1912 гг. из: *Азиатская Россия* (1910). Т.2. С.277–278. Данные за 1915. из: *Очерки хозяйственной жизни Туркестанской Республики*. Ташкент, 1921. С.72–73.

⁷³ Данные за 1900. см.: Галузо (1929). С.26; данные за 1910. см.: *Азиатская Россия* (1910). Ч.2. С.281.

⁷⁴ Пален. *Материалы* (1910). Ч.1. Раздел 2. С.291.

⁷⁵ Галузо (1929). С.99; Кастельская З.Д. *Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане*. М., 1972. С.15.

⁷⁶ Пален. *Переселенческое дело в Туркестане*. СПб., 1910. С.7. Работа является основным источником по колонизации Туркестана. Содержит среди прочего краткую историю колонизации Семиречья во второй половине XIX в. (С.6–10). На эту же тему см. более новое и более доступное исследование: Pierce (1960). С.106–137.

⁷⁷ Генерал Иванов, губернатор Семиречья, в 1901 году приказал местным чиновникам применить энергичные меры против стихийных колонистов и воспрепятствовать им в самостоятельной постройке деревень, запретил кочевникам сдавать землю в аренду колонистам, не зарегистрированным по правилам в области. Колонисты, однако, пролоббировали получение земли. В 1905 году, при поддержке Министерства сельского хозяйства, была создана Переселенчес-

кая партия, организация, способствующая поселению колонистов. Шкапский, один из наиболее влиятельных ее представителей, заявлял, что местная администрация враждебно относится к колонистам и склонна защищать интересы кочевников. К Переселенческой партии примыкали представители партии эсеров, которые позже сыграют важную роль в событиях 1917 года. Ср.: Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925. С.35–39.

⁷⁸ Пален. Переселенческое (1910). С.17; Положение переселенческого дела в Семиречье: Записка командированного в Семиреченскую область летом 1908 года ревизора землеустройства Г.Ф.Циркина. СПб., 1908. С.49.

⁷⁹ Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 г. Верный, 1915. С.108–109.

⁸⁰ Одна десятая равна 1,0925 га.

⁸¹ Pierce (1960). P.131.

⁸² Данные по иммиграции, разбитые по годам, см.: Сельскохозяйственный (1915). С.109; Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. С.226; Майнов И.И. Материалы по земельному вопросу в азиатской России. Вып. 3. Семиречье. П., 1918. С.22–23.

⁸³ Данные см.: Статистико-экономический обзор Киргизской ССР. Оренбург, 1923. С.228.

⁸⁴ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. С.322 переиздания: Общие работы по истории Средней Азии. Т.2. М., 1963 (текст опубликован: Л., 1927); Галузо П.Г. О классовом расслоении семиреченского казачьего войска // Ученые записки Казахского гос. университета им. С.М.Кирова. Серия историческая. Т.48. Вып. 7. Алма-Ата, 1961. Вся статья посвящена внутреннему расслоению казачьего общества, в частности см. данные на с.85.

⁸⁵ Пален. Переселенческое (1910). На с.142–144 приведены данные по всем русским деревням Семиречья; площадь доступных плодородных земель сильно варьировалась по деревням – от 4 до 12 десятин на человека (приведенные мной данные соответствуют средней площади земли на человека).

⁸⁶ Бартольд. История (1963). С.321–322; Галузо (1929). С.101–110; Рыскулов Т. Дзетысуйские вопросы. Ташкент, 1923. С.4–5.

⁸⁷ Сельскохозяйственный (1915). С.47. Приводятся данные по пахотной земле про сарите и данные по производству с десятины по разным социальным группам. О политике помощи и разных условиях в группах иммигрантов см. там же, на с.26, а также: Обзор Семиреченской области за 1911 год. Алма-Ата, 1912. С.43.

⁸⁸ Обзор (1912). P.43.

⁸⁹ Сельскохозяйственный (1915). С.26.

⁹⁰ Майнов (1918). С.31–33.

⁹¹ В тот же период в Семиречье иммигрировали татары, сарты, восточные евреи, китайцы и другие (всего около 25 000 человек), которые направлялись в основном в города и занимались коммерцией. Данные по иммиграции неевропейских народов см.: Пален. Переселенческое (1910). С.12.

⁹² Там же. С.64–67.

⁹³ В 1907 г. численность кочевых народов (казахи, киргизы и калмыки) составляла 805 303 человека, т.е. 88% населения области (не считая русских); часть их (численность неизвестна) были фактически полукочевниками или вели оседлый образ жизни (Пален. Переселенческое (1910). С.99). В1914 г. в качестве кочевников было учтено 858 823 человека (Сельскохозяйственный. 1915. С.90).

⁹⁴ Пален. Областное управление (1910). С.99.

⁹⁵ Пален. Переселенческое (1910). С.165; Бартольд. История (1963). С.291–292; Castagné J. Russie slave et Russie turque // Revue du monde musulman. Vol.56, dic. 1923. С.100–101, 160–161.

⁹⁶ Я ссылаюсь на «Высочайше утвержденное положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской и об изменении

некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края» от 5 марта 1891 (статьи 119, 120, 125), опубликованное в Полном собрании законов Российской Империи. Т.11. СПб., 1894. С.133–147.

⁹⁷ Положение (1908). С.82–84.

⁹⁸ Майнов (1918). С.39–40.

⁹⁹ Галузо (1929). С.95–96.

¹⁰⁰ Статистика перехода кочевников к оседлости очень неточна. Между 1909 и 1913 гг. в Семиречье процент киргизских и казахских неочевых семей колебался между 3% и 25% (Галузо. 1929. С.88). Учитывая распределение казахов и киргизов по территории (по данным, предоставленным за 1907 г. в кн.: Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. 1919. С.22–24), мы можем оценить долю их оседлости в 19%. В других областях Туркестана процент был значительно выше (Галузо. 1929. С.88–89). Но мы не знаем, в какие годы они становились оседлыми. Кроме того, во всех областях большинство кочевников занималось сельским хозяйством. (Там же).

¹⁰¹ Галузо П.Г. Из истории аграрных отношений дореволюционного Семиречья: Конец XIX – начало XX в. // Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С.189–190.

¹⁰² Приблизительное сравнение между площадью земли, возделываемой киргизскими семьями и русскими, см.: Галузо (1929). С.89 и 104.

¹⁰³ Пален. Переселенческое (1910). С.19–21, 155–159, 164.

¹⁰⁴ Кагельская З.Д. (1980). С.39–49.

¹⁰⁵ Данные о цене на хлопок и о площадях, засеянных хлопком в Фергане, см.: Галузо (1929). С.46.

¹⁰⁶ Здесь и далее я ссылаюсь на административные положения, определенные в Степном положении (1891) для Семиречья, и на Туркестанское положение (1886) для других областей Туркестана. Эти положения действовали до 1917 г. По административным реформам с начала русского владычества рекомендую: Pierce (1960). P.46–91. Отчет о функциях чиновников русской местной администрации (на уровне уезда) см.: Пален. Уездное управление. 1910. С.17–27.

¹⁰⁷ Пален. Уездное управление. 1910. С.12–28.

¹⁰⁸ Пален. Сельское управление, русское и туземное. 1910. С.87; Галузо (1929). С.29; Бартольд (1963). С.294.

¹⁰⁹ Пален. Народные суды Туркестанского края. 1910. С.41; Пален. Сельское (1910). С.97–99; Федоров (1925). С.31–32.

¹¹⁰ Кочевникам, чья экономика была слабо монетизирована, надлежало платить по 3 руб. с семейства сверх тех 6 руб., которые они платили в нормальном режиме. Ср.: Pierce (1960). P.267.

¹¹¹ Федоров (1925). С.51–55.

¹¹² Pierce (1960). P.267–268; Иноятов Х.Ш. Победа советской власти в Туркестане. М., 1978. С.40–41.

¹¹³ Информационное донесение полиции губернатору. 29 февраля 1916 // ЦГАРУз. I-461/1/1824/10–10об.

¹¹⁴ Там же; «Туркестанский курьер» от 03.03.1916.

¹¹⁵ Информационное донесение полиции губернатору 1 марта 1916 // ЦГАРУз. I-461/1/1824/12–12об.

¹¹⁶ То же. 3 марта 1916 // Там же /45–45об.

¹¹⁷ То же. 2 марта 1916 // Там же /1796/4.

¹¹⁸ То же. 9 марта 1916 // Там же /6–6об.

¹¹⁹ Так говорится в донесении от 9 марта.

¹²⁰ «Туркестанский курьер» от 03.03.1916.

¹²¹ Донесение полиции от 3 марта.

¹²² ЦГАРУз. I-461/1/1824/25. Приказ был опубликован в «Туркестанских ведомостях» от 3 марта.

¹²³ Обращение городского головы Ташкента, опубликовано в «Туркестанских ведомостях» от 06.03.1916.

¹²⁴ Туркестанские ведомости от 06.03.1916.

¹²⁵ ЦГАРУз. I-461/1/1824/32–35.

¹²⁶ Донесение губернатору Семиречья от 26.02.1916 // Там же /38.

¹²⁷ Донесение начальнику уезда Аулие-Ата от полиции Ташкента // Там же /37.

¹²⁸ То же.

¹²⁹ Донесения полиции от 14–16 марта // Там же /39–41об, 49, 50–55об; «Туркестанский курьер» от 13.03.1916; «Туркестанские ведомости» от 12.03.1916.

¹³⁰ Текст приказа см.: Пясковский А.В. (ред.) и др. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов. М., 1960. С.25–26.

¹³¹ Более подробные сведения о восстании 1916 года см.: Sokol E.D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954. Основное собрание документов по восстанию – уже цитировавшийся сборник под ред. Пяковского.

¹³² Было решено мобилизовать 87 000 рабочих в Сырдарьинской области (вместо 80 000, что следовало бы из пропорционального распределения по числу жителей); 60 000 (вместо 43 000) в Семиречье, области кочевников-киргизов; 50 000 (вместо 77 000) в Фергане, хлопковой области; 38 000 (вместо 35 000) в Самаркандской области; 15 000 в Закаспии. Стенограмму совещания см.: Лесная Л.В. (под ред. Т.Р.Рыскулова). Восстание 1916 г. в Киргизстане. М., 1937. С.15–27.

¹³³ Как гласит сообщение, отправленное генералом Куропаткиным министру обороны Шубаеву 4.01.1917. См.: Пясковский (1960). С.77–78.

¹³⁴ Письмо начальника Охранного отделения Туркестана от 27.07.1916 // РГВИА. 1396/6/228/ 318–318об.

¹³⁵ То же от 02.08.1916 // Там же /260–260об.

¹³⁶ Рапорт Куропаткина царю от 22.02.1917 см.: Пясковский (1960). С.88–89.

¹³⁷ Донесение Куропаткина министру обороны от 04.01.1917 // Там же. С.79 и 82.

¹³⁸ Sokol (1954). P.88.

¹³⁹ Рыскулов (1927). С.30–32.

¹⁴⁰ Рапорт начальника Андижанского уезда И.А.Бржезицкого генералу Куропаткину от 22.07.1916 см.: Пясковский (1960). С.209–210.

¹⁴¹ Письмо начальника Охранного отделения Туркестана от 27.07.1916 // ЦВГИА. 1396/6/228/ 318–318об.

¹⁴² Донесение полиции от 22.07.1916, в ЦГАРУз. I-461/1/1796/15.

¹⁴³ Вахабов М. (1957). С.125.

¹⁴⁴ Рыскулов (1927). С.39–40.

¹⁴⁵ Так произошло, к примеру, в Пржевальском уезде (как явствует из рапорта Фольбаума Куропаткину в конце 1916 г. (ср.: Красный архив. 1926. №16. С.70) и в Лепсинском уезде (как явствует из рапорта Куропаткину, отправленного, вероятно, Тынышпаевым (ср.: Лесная (1937). С.76).

¹⁴⁶ Красный архив. 1926. №16. С.62 и 64.

¹⁴⁷ Лесная (1937). С.31 и 112.

¹⁴⁸ Красный архив. 1926. №16. С.63.

¹⁴⁹ Там же. С.41 и рапорт губернатора Семиречья Фольбаума генералу Куропаткину в конце 1916 г. (Красный архив. 1926. №16. С.72).

¹⁵⁰ Пясковский (1960). С.89.

¹⁵¹ Лесная (1937). С.104.

¹⁵² Рапорт Куропаткина царю от 22.02.1917 // Пясковский (1960). С.89; Рапорт губернатора Семиречья царю от 04.03.1917 // Там же. С.409–410.

¹⁵³ Там же. С.410.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. С.411

- ¹⁵⁶ Рапорт начальника Пишпекского уезда от 28.11.1916 // Там же. С.384.
- ¹⁵⁷ Там же. С.385.
- ¹⁵⁸ Рапорт губернатора Семиречья царю от 04.03.1917 // Там же. С.411.
- ¹⁵⁹ Там же. С.385.
- ¹⁶⁰ Там же. С.387 и 389.
- ¹⁶¹ Там же. С.89.
- ¹⁶² Там же. С.410.
- ¹⁶³ Там же. С.412.
- ¹⁶⁴ Там же. С.413.
- ¹⁶⁵ Рапорт чиновника Охранного отделения от 30.12.1916 // Там же. С.398.
- ¹⁶⁶ Там же. С.413.
- ¹⁶⁷ Рапорт начальника Пржевальского уезда от 26.9.1916 // Там же. С.356.
- ¹⁶⁸ Там же. С.357.
- ¹⁶⁹ Там же. С.383.
- ¹⁷⁰ Протокол допроса на суде в Верном, 14.11.1916 // Там же. С.357–359.
- ¹⁷¹ Рапорт чиновника Охранного отделения от 30.12.1916 // Там же. С.399.
- ¹⁷² Дневник должностного лица карательного отряда от 10–18.8.1916 // Там же. С.656–657.
- ¹⁷³ Краткую биографию Куропаткина см.: Sokol (1954). P.63–64 (сноска).
- ¹⁷⁴ Как явствует из телеграммы, отправленной Куропаткиным Фольбауму 11 августа. См.: Лесная (1937). С.80–81 и Sokol (1954). P.115–117.
- ¹⁷⁵ Рапорт губернатора Семиречья Куропаткину от 01.11.1916 см.: Пяковский (1960). С.375.
- ¹⁷⁶ Там же. С.89–90.
- ¹⁷⁷ Рапорт чиновника Охранного отделения от 30.12.1916 // Там же. С.401–402.
- ¹⁷⁸ Дневник должностного лица карательного отряда, между 30.08 и 13.11.1916 // Там же. С.665–666.
- ¹⁷⁹ Там же. С.652–658.
- ¹⁸⁰ Рыскулов (1927). С.8–9.
- ¹⁸¹ Списки подлежащих призыву мужчин были опубликованы 28 августа за подписью Куропаткина. Однако они относились к другим областям, не к Семиречью. Данные давались по волостям, речь шла о сотнях человек. Данные, объединенные по областям: Сырдарьинская 57 730 человек (в Ташкенте 8000); Самаркандская 32 407 (Самарканд 3796); Ферганская 51 233 (Андижан 1082, Коканд 3346, Наманган 1000, Маргелан 1070); Закаспийская 13 830 (Мерв 5000). См.: Центральный государственный архив республики Узбекистан (далее ЦГАРУз.) P-1613/1/7/49–51об.
- ¹⁸² Там же /52–52об. Документ дает план транспортировки, т.е. железнодорожное расписание, а не число людей.
- ¹⁸³ Телеграмма Куропаткина из Верного военному министру от 17.10.1916 // РГВИА 400/1/4546/380–380об.
- ¹⁸⁴ Sokol (1954). P.160.
- ¹⁸⁵ Стенограмму совещания, на котором Куропаткин представил проект, см.: Протокол совещания 16 октября 1916 г. // Лесная (1937). С.85–88.
- ¹⁸⁶ Рапорт Куропаткина царю от 22.02.1917 // Пяковский (1960). С.98–99.
- ¹⁸⁷ Протокол совещания Переселенческого управления, состоявшегося 16 октября 1916 г., с участием Куропаткина см. // ЦГАРУз. P-1613/1/7/53–54об.
- ¹⁸⁸ Из сообщения Куропаткина генералу Мадритову по поводу восстания йомудов в 1916 г. // Там же /57–58.
- ¹⁸⁹ Сравнение с иммиграцией во времена Столыпина см.: Nishiyama K. Russian Colonisation in Central Asia: A Case of Semirechye, 1867–1922 // Komatsu H., Obiya Ch., Schoeberlein J.S. (eds.). Migration in Central Asia: Its History and

Current Problems: JCAS Symposium Series No.9 / The Japan Center for Area Studies. Osaka, 2000. P.80.

¹⁹⁰ О бегстве из Семиречья и о ситуации с беженцами в Китае см.: документы в: Лесная (1937). С.103–130 и Sokol (1954). P.129–137.

¹⁹¹ Донесение Т.В.Пескова, чиновника Комиссии, посланной в Китай для изучения положения беженцев, представленное совету Семиреченской области, см.: Песков Т.В. Моя командировка в Китай. Статья опубликована в 7 частях Вестника семиреченского трудового народа <далее Вестник>. Здесь №38 от 06.08.1918. С.3.

¹⁹² Сообщение властям Туркестана из Кашгарского консульства от 20.08.1916 // РГВИА 1396/6/232/ 24–24об.

¹⁹³ То же.

¹⁹⁴ Шифротелеграмма, отправленная в Ташкент из Чугучака 15.08.1916 // Там же /228/ 287–287об.

¹⁹⁵ Сообщение властям Туркестана из Кашгарского консульства от 25.08.1916 // Там же / 366–367об.

¹⁹⁶ Донесение, составленное 18.01.1917 чиновником жандармерии Верного, посланным в Китай для изучения положения беженцев-киргизов // ЦГАРУз. И-461/1/1937/15–15об.

¹⁹⁷ Вестник. №35.

¹⁹⁸ Рапорт консула Кашгара о событиях в сентябре // ЦГВИА 1396/6/230/ 71–73.

¹⁹⁹ То же о событиях в октябре // Там же / 78–81.

²⁰⁰ Телеграмма консула Кашгара от 05.12.1916 // Там же /228/ 422.

²⁰¹ Вестник. №35.

²⁰² РГВИА 1396/6/228/366–367об.

²⁰³ То же /481–481об.

²⁰⁴ Вестник №35 и донесение офицера казачьего войска Семиречья от 07.01.1917 (ЦГАРУз. И-1044/1/5/248).

²⁰⁵ Информационное донесение консула Кашгара от 13.10.1916 // РГВИА 1396/6/228/ 481–481об.

²⁰⁶ Телеграмма Куропаткина военному министру от 17.11.1916 // РГВИА 400/1/4546/414–414об.

²⁰⁷ РГВИА 1396/6/228/ 422.

²⁰⁸ Пясковский (1960). С.88–90.

²⁰⁹ Там же. С.415.

²¹⁰ Галузо (1929). С.157.

²¹¹ То же.

²¹² Пясковский (1960). С.415.

²¹³ То же.

²¹⁴ Там же. С.416.

²¹⁵ Куропаткин военному министру 04.01.1917 // Там же. С.84.

²¹⁶ В январе 1917 г., по оценке администрации, в области находилось на 38 000 кибиток (семейных ячеек) меньше, т.е. около 150 000 человек (Там же. С.415). Эти данные скорее всего не учитывают кибитки, бежавшие в Китай, возможно, полагая, что они вернутся в Семиречье, и допускают вывод о значительно уменьшившемся числе человек на кибитку. В ежегодной статистике находим, что в области было 871 000 кочевников в 1915 г. (Очерки. 1921. С.28–31) и 699 000 в 1917 г. (Статистический ежегодник, 1917–1923 гг. Т.2, часть 3. Ташкент, 1924. С.5), что, видимо, подтверждает потери порядка 150 000 человек. Однако речь идет о данных, собранных в результате полевых исследований, пусть и неточных, следовательно, нужно полагать, что беженцы сюда не входят. Оценка числа беженцев была предложена Куропаткиным. В середине октября 1916 г. генерал сообщил о бегстве населения 25 волостей, каждая из которых в среднем насчитывала 3000 человек, а в сумме — около 150 000 человек. Но эти данные не

могут считаться окончательными, поскольку другие киргизы бежали в Китай после этого времени, а кто-то начал возвращаться (Телеграмма Куропаткина из Верного военному министру, 17.10.1916 // РГВИА. 400/1/4546/380–380об.). Эти соображения заставляют прислушаться к данным из других источников, которые позволяют оценить потери в 53 000 кибиток — если одна кибитка насчитывает в среднем 5 человек, речь идет примерно о 270 000 человек (Рыскулов (1927). С.61 и Sokol (1954). С.159); отдельные данные по волостям см.: Чеканинский И. Восстание киргиз-казахов и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле—сентябре 1916 г. Кзыл-Орда. 1926. С.115–119. Общие потери, следовательно, составили 270 000 человек, около 150 000 из которых погибли в результате подавления восстания, а 120 000 спаслись бегством за границу.

²¹⁷ Рыскулов (1927). С.61.

²¹⁸ Ср.: Чеканинский (1926). С.123 (где приводятся также данные по волостям. С.120–124). Рыскулов (1927). С.62 и Sokol (1954). Р.159 приводит оценки, сделанные в начале 1917 г., по которым потери имеют меньшие размеры. По этим оценкам в Пржевальском уезде пропало три четверти скота, а пахотная земля сократилась на две трети; в Джаркентском уезде потеря скота была такой же, а земля сократилась на одну пятую; в Пишпекском уезде поголовье скота сократилось в два раза, а земля на одну треть; в других двух уездах области потери были значительно меньше.

²¹⁹ Пясковский (1960). С.416.

²²⁰ Телеграмма военному министру от 17.10.1916 // РГВИА. 400/1/4546/380–380об.

²²¹ Телеграмма Куропаткина военному министру от 18.08.1916 // РГВИА. 1396/6/232/258–258об.

²²² Пясковский (1960). С.397.

²²³ Там же. С.373.

²²⁴ Сообщение военного губернатора Семиречья военному командованию Туркестанского округа от 08.02.1917 // РГВИА. 1396/2/152/5–6.

²²⁵ Из дневника (1927). С.57 и телеграмма Куропаткина военному министру от 31.03.1917 (на следующий день после смещения) // РГВИА. 400/1/4620/57–59.

²²⁶ Рапорт артиллерийского управления округа, апрель 1917 // Там же. 1396/2/152/335–338.

²²⁷ Из дневника (1927). С.57 и РГВИА 400/1/4620/57–59.

²²⁸ РГВИА 1396/2/152/5–6.

²²⁹ Чеканинский (1926). С.100–103, 112.

²³⁰ Как гласит «Справка по канцелярии Туркестанского генерал-губернатора» от 09.10.1916. См.: Лесная (1937). С.89–92.

²³¹ Чеканинский (1926). С.100–103, 112.

²³² Письмо начальника Охранного отделения Туркестана от 23.09.1916 // РГВИА. 1396/6/228/495–495об.

²³³ То же от 03.09.1916 // Там же /373–373об.

²³⁴ То же от 27.07.1916 в РГВИА. // Там же /321–325.

²³⁵ Некоторые из этих писем см.: Там же /326–328.

²³⁶ Об этой встрече сообщил «Туркестанский голос», сообщение было перепечатано в «Речи» в Петрограде // РГВИА. 400/1/4546/294.

²³⁷ Письмо директора канцелярии губернатора Туркестана военному командованию округа от 14.12.1916 см.: Пясковский (1960). С.696–697.

²³⁸ «Рапорт А.Н.Куропаткина» (1929). С.80.

²³⁹ То же.

²⁴⁰ Под «хлебом» подразумеваются пшеница, рожь, овес, ячмень, просо, гречиха. Доступные данные являются результатом вычислений, строящихся на оценке площадей, предназначенных для засева теми или иными культурами, и на урожайности с десятины, а также на теоретических «нормах» потребления

рго сарите (различных для каждой социальной и этнической группы). Данные таблицы см.: Васильев (1915). С.19–20.

²⁴¹ На графике обозначен излишек в 17 миллионов пудов зерна в 1913 г.; в другом источнике, однако, находим на 1914 г. значительно более низкую цифру — 9,7 миллиона (Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 год. Верный, 1915. С.56). Еще один источник сообщает, что в 1911 г. только небольшая часть зерновых излишков Семиречья, 1–1,5 миллиона пудов, была продана за пределами области, и из нее только половина предназначалась другим областям Туркестана (другая половина была продана в Степной край и в Китай). См.: Обзор Семиреченской области за 1911 год. Верный, 1912. С.43.

²⁴² Васильев (1915). С.22. Продовольственные ресурсы и перспективы в Туркестане // Военная мысль. 1921. №2. С.136.

²⁴³ О ценовой разнице см.: Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 3. Семиречье. Пг., 1918. С.55.

²⁴⁴ Данные, на основе которых построена следующая таблица, см.: Известия ТуркЦИКа от 09.12.1920 (статья опубликована: Деятельность. 1983. С.81–85). Этот источник оценивает урожай зерна в 95 миллионов пудов в 1915 г., 89 в 1916 г. и 53 в 1917 г., а также дефицит зерна в 12 миллионов пудов в 1915 г., 23 в 1916 г. и 57 в 1917 г. Другой источник среднегодовое производство оценивает в 106 миллионов пудов в 1909–1913 г. и 56 в 1917 г., с дефицитом в 25 миллионов пудов в 1916 г. и 49 в 1917 г. (Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. Ч.2. С.280; Ч.3. С.455). В этой статистике не учтено то, что Семиречье не входит в суммарные данные, но это становится ясным из сравнения с довоенным периодом.

²⁴⁵ Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М., 1925. С.21 и 49.

²⁴⁶ Военный состав и служебная деятельность Семиреченского казачьего войска. Верный, 1917. С.3–4.

²⁴⁷ Производство хлеба в России между 1915 и 1917 гг. сократилось примерно на 20%. См.: Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С.25.

²⁴⁸ Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921. С.81.

²⁴⁹ Данные по загрузке поездов см.: ЦГАРУз. Р-31/1/2/7–22.

²⁵⁰ Данные о происхождении хлопка, используемого российской промышленностью, см.: Масальский В.И. Хлопок. Пг., 1921. С.10; Азиатская Россия. СПб., 1914. Т.2. С.281; Галузо П.Г. Туркестан — колония: Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года. М., 1929. С.73. Данные из других источников демонстрируют некоторые расхождения.

²⁵¹ Данные следующего графика см.: Статистический ежегодник 1921 г. М., 1922. С.295. — Труды Центрального Статистического Управления.

²⁵² Данные для графиков взяты из разных источников и имеют некоторые, хотя и незначительные, несоответствия. В этих источниках нет указаний на землю под хлопком в Фергане в 1918 г. и под другими культурами в 1912, 1914, 1916 и 1918 гг., нет данных и о других культурах по всему Туркестану на 1912 и 1914 гг. Мы обошли нехватку информации, подсчитав промежуточные данные в последовательности (площадь земли под хлопком в Фергане в 1918 г. вычислена с учетом общего количества хлопка в предыдущие годы). Тем самым эти графики призваны обозначить тенденции, но не служить источником точных данных. Мы не использовали данные, которые выглядели недостоверными в сравнении с материалами из других доступных источников. Использовались: Статистический ежегодник (1922). С.295; Заорская-Александрова В.В., Александров И.Г. Перспективы развития орошения в Фергане. М., 1922. С.12; Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915. С.18; Азиатская Россия (1914). Т.2. С.272; Очерки хозяйственной жизни Туркеспублики. Ташкент, 1921. С.72–73; Отчет о деятельности Туркестанского

экономического совета за февраль—октябрь 1921 года. Ташкент, 1922. С.156—163; РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Москва) 61/1/59/91—105 (донесение о посевной кампании 1921 г.).

²⁵³ В 1914 г. средний урожай хлопка с десятины составлял 24 пуда, в 1919 г. он упал до 14, а в 1920 г. — до 9. (Подсчитано по данным Статистического ежегодника (1922). С.295.

²⁵⁴ Комиссия под руководством К.К.Палена, посетившая Туркестан в 1908—1909 гг., сообщала, что одна десятина пшеницы приносила максимум 90,5 рублей, а десятина хлопка давала 147,4 рублей (см.: Заорская-Александрова, Александров (1922). С.33—34. Согласно другому источнику, десятина пшеницы давала 50 рублей, а хлопка — 160—180, а цены за пуд составляли, соответственно, 1,1—1,8 и 3,1—5,7 рублей. Ср. сообщение на первом съезде представителей аграрных институций Туркестана, прошедшем в Ташкенте в декабре 1921 г. (ЦГАРУз. 129/3/1920/332—354).

²⁵⁵ ЦГАРУз. 129/3/1020/332—354, где число иммигрантов из Кашгара и Персии оценивается в 100—300 тысяч. Необходимость в наемном труде и иммиграции батраков подчеркивается и в сообщении в Совнарком Туркестана в январе 1919 г. от комиссии по выяснению возможности восстановления производства хлопка. См.: Деятельность Коммунистической партии и советского правительства по восстановлению и развитию хлопководства в Туркестане (1917—1924 гг.). Ташкент, 1983. С.28—36.

²⁵⁶ ЦГАРУз. 129/3/1020/339.

²⁵⁷ Бауман В. Февральский переворот в Ташкенте // Красная летопись Туркестана. 1923. №1—2. С.47.

²⁵⁸ Castagné J. Le Turkestan depuis la révolution russe (1917—1921) // Revue du monde musulman. Vol.50. Jul. 1922. P.28.

²⁵⁹ Туркестанский курьер. 1917. 3 марта. №50. С.1.

²⁶⁰ Инояттов Х.Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. М., 1958. С.28.

²⁶¹ Так в записях от 6 марта. См.: Из дневника // Красный архив. Т.20. М., 1927. С.59.

²⁶² Отчет о манифестации 5 марта см.: Туркестанский курьер. 1917. 7 марта. №53. С.3; Из дневника (1927). С.59.

²⁶³ Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1962. С.17—18.

²⁶⁴ Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967. С.156 и 165.

²⁶⁵ Инояттов Х.Ш. Победа советской власти в Туркестане. М., 1978. С.116.

²⁶⁶ Семиреченская областная ведомости. 1917. 28 марта. №70. С.12.

²⁶⁷ Туркестанский курьер. 1917. 12 марта. №56. С.3; Castagné (1922). С.32—35. Кастанье присутствовал на манифестации.

²⁶⁸ Туркестанский курьер. 1917. 12 марта. №56. С.3.

²⁶⁹ Наша газета. 1917. 23 апреля. №4. С.23.

²⁷⁰ Федоров Е. К истории Коммунистической Партии Туркестана // Коммунистическая мысль. 1926. №1. С.50.

²⁷¹ То же.

²⁷² Туркестанский курьер. 1917. 8 марта. №54. (Перепечатано: Хроника (1962) С.17).

²⁷³ Так утверждалось на съезде солдатских и офицерских делегатов в середине апреля. Ср.: Туркестанский курьер. 1917. 25 апреля. №90. С.34.

²⁷⁴ Согласно Хайиту, среди офицеров, примкнувших к Совету, были: генерал Духопский (который во время волнений в Андижане 1898 г. собрал в мечети мусульман и принялся избивать их, пока они молились, склонив голову); генерал Ажванов (в юности, в 1864 г., участвовал в нападении на Ташкент и был известен особенно жестоким отношением к мусульманам); генерал Сансонов (который

велел повесить портрет царя в мечетях и молиться за него); генерал Мартинс (в августе приказал, чтобы мусульмане при встрече с русским офицером или чиновником приветствовали его, опускаясь на колени). Ср.: Hayit B. Die Nationalen Regierungen von Kokand (Choqand) und der Alasch Orda. München, 1950. S. 1920 (неопубликованная докторская диссертация); информация, приводимая Хайитом, в основном взята из: Чокай-оглу М. (Чокаев М.). 1917 Yil hatira parchalari. Berlin-Paris, 1937. S.25 и 27.

²⁷⁵ Наша газета. 1917. 23 апреля. №4. С.23.

²⁷⁶ Так утверждает Куропаткин: Из дневника (1927). С.61 (запись от 12 марта 1917 г.).

²⁷⁷ Речь идет о приказе № 1 Совета рабочих и солдат, опубликованном в петроградских «Известиях». Основные пункты приказа: солдаты должны избрать комитеты и послать представителей в Совет; во время службы солдаты должны соблюдать воинскую дисциплину, но вне казармы пользуются всеми правами обычного гражданина; Советы представляют солдат во всем, что касается их политических действий; оружейные склады находятся в распоряжении и под контролем солдатских комитетов; приказ должен быть прочтен во всех военных частях. Текст приказа воспроизведен: Ferro M. La rivoluzione del 1917. Firenze, 1974. P.141.

²⁷⁸ Из дневника (1927). С.60.

²⁷⁹ Carrère D'Encausse H. Réforme et révolution chez les musulmans de l'Empire Russe. Paris, 1981 (первое издание, 1966). P.192.

²⁸⁰ Туркестанский курьер. 1917. 4 марта. №51. Прочитировано в: Хроника (1962). С.16.

²⁸¹ Сообщение Куропаткина председателю правительства, князю Львову, и военному министру // РГВИА. 400/1/4619/7-7об.

²⁸² Туркестанский курьер. 1917. 15 марта. №59. С.1.

²⁸³ Там же. 9 марта. №55. С.2.

²⁸⁴ Там же. 12 марта. №56. С.3.

²⁸⁵ Вахабов М. Ташкент в период трех революций. Ташкент, 1957. С.148–149; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1947. С.84.

²⁸⁶ Туркестанский курьер. 1917. 9 марта. №55. С.2.

²⁸⁷ Мураевский С. (Лопухов В.). Очерки по истории революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1926. С.12.

²⁸⁸ Хроника (1962). С.20; Победа (1967). С.165.

²⁸⁹ Туркестанский курьер. 1917. 9 марта. №55. С.2.

²⁹⁰ Там же. 15 марта. №59. С.2.

²⁹¹ Там же. 28 марта. №69. С.3.

²⁹² Там же. 15 марта. №59. С.2.

²⁹³ Подготовка (1947). С.30–31.

²⁹⁴ Как гласит рапорт военного губернатора Сырдарьинской области генералу Куропаткину от 14 марта. Там же.

²⁹⁵ Мураевский С. (Лопухов В.) (1926). С.12.

²⁹⁶ См. рапорт прокурора Барановского от 7 августа об изменениях в округе после Февральской революции. Полный текст: Подготовка (1947). С.85.

²⁹⁷ Сведения об уставе Совета рабочих см.: Вахабов (1957). С.141–142.

²⁹⁸ Там же; Хроника (1962). С.25.

²⁹⁹ Текст см.: Туркестанский курьер. 1917. 24 марта. №67. С.2.

³⁰⁰ Там же. 28 марта. №69. С.3.

³⁰¹ Вахабов (1957). С.144.

³⁰² Хроника (1962). С.27.

³⁰³ Наша газета. 1917. 1 апреля. №1. С.3.

³⁰⁴ Туркестанский курьер. 1917. 15 марта. №59. С.1.

- ³⁰⁵ Как утверждает сам Куропаткин в телеграмме от 14 марта чиновнику Катурагурского уезда. См.: Хроника (1962). С.23.
- ³⁰⁶ Туркестанский курьер. 1917. 15 марта. №59. С.1.
- ³⁰⁷ Алексеев П. Национальная политика временного правительства в Туркестане в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. №8 (79). С.107.
- ³⁰⁸ Наша газета. 1917. 27 апреля. №6. С.12.
- ³⁰⁹ Приказ по армии Куропаткина № 208 от 30.03.1917 г. // РГВИА. 1396/2/2071/37–37об.
- ³¹⁰ Подготовка (1947). С.41.
- ³¹¹ Туркестанский курьер. 1917. 7 апреля. №75. С.1; Турсунов (1971). С.58.
- ³¹² То же.
- ³¹³ Черкас объявил армии о своем назначении «временным» командующим военным округом: ср. его приказ по армии № 211 от 31.03.1917 г. и приказ № 220 от 01.04.1917 г. // РГВИА. 165/1/1631/1 и 4.
- ³¹⁴ Турсунов (1971). С.58.
- ³¹⁵ Хроника (1962). С.34 и Навит (1950). Р.20–21. Русскими были председатель Комитета Щепкин (руководитель кадетской партии), Преображенский (социал-демократ), Шкапский (социал-демократ), Елпатьевский (адвокат, уже год живущий в Туркестане) и Липовский (учившийся в русской гимназии Ташкента и считавшийся экспертом по Туркестану). Мусульманами были: Абдуррахман Давлетшин (татарин, генерал, основатель социалистической партии «Тангтхылар», близкий с русскими эсерами), Садри Максудов (татарин, член Центрального комитета Всероссийского съезда мусульман с его основания в 1905 г., член Третьей Думы и член партии кадетов), Али Хан Букейханов (казах, представитель национальной интеллигенции и основатель партии Алаш-Орда, депутат Думы первого и третьего созывов; он не примет должности члена Туркестанского комитета и станет комиссаром Временного правительства в Тургае) и Мухамед Тынышпаев (тоже казах, член Третьей Думы и основатель Алаш-Орды).
- ³¹⁶ Наша газета. 1917. 1 апреля. №1. С.1.
- ³¹⁷ Статья Бройдо // Там же. С.13.
- ³¹⁸ Из дневника (1927). С.59–60, запись от 6 марта 1917 г.
- ³¹⁹ Раздача оружия колонистам для самообороны была задумана еще в 1891 г. В 1909 г. было решено, однако, что лучше не сосредоточивать много оружия в руках крестьян, поскольку по империи шли аграрные волнения, а на местном уровне отношения с туземным населением не представлялись источником опасности. По этой причине губернатор приказал сдать оружие и хранить его на армейских складах, назначив ответственных за это и определив параметры его использования. Вскоре, впрочем, выяснилось, что выданное ранее оружие забрать обратно невозможно: тогда в 1912-м решили не отбирать, но и не выдавать новое. Ср. рапорт артиллерийского управления округа, апрель 1917 // РГВИА. 1396/2/152/335–338.
- ³²⁰ Наша газета. 1917. 1 апреля. №1. С.3.
- ³²¹ Из дневника (1927). С.57 и телеграмма Куропаткина военному министру от 31.03.1917 (на следующий день после смещения) // РГВИА. 400/1/4620/57–59.
- ³²² Наша газета. 1917. 1 апреля. №1. С.3.
- ³²³ РГВИА. 1396/2/152/335–338.
- ³²⁴ Встреча произошла 29 апреля. См.: Из дневника (1927). С.65.
- ³²⁵ Сообщение Черкеса Комитету Временного правительства от 09.06.1917 // РГВИА. 1396/2/152/335–338.
- ³²⁶ Приказ военного командования в Семиречье № 88 от 19.04.1917 г. // РГВИА. 1436/1/15/67.
- ³²⁷ Из дневника (1927). С.61; запись от 31 марта 1917 г.

³²⁸ Речь идет о декрете об отмене дискриминации на основе национальности, религии и социального происхождения, подписанном князем Львовым 20 марта. Текст декрета см.: Ferro (1974). P.383.

³²⁹ Наша газета. 1917. 1 апреля. №1. С.3.

³³⁰ Победа (1967). С.168.

³³¹ Туркестанский курьер. 1917. 21 апреля. №87. С.3.

³³² По поводу мусульманского политического возрождения в 1917 г. и роли джадидов отсылаю к прекрасной работе Khalid A. (1998).

³³³ Основные вехи биографии Тынышпаева см.: Bennigsen A., Lemerrier Quelquejay Ch. La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. Paris, 1964. P.254 и Oraltay H. Alas Turkistan Turklerinin Millî Istiklâl Parolası. Istanbul, 1973. S.49–54. Информация берется из этих источников, в противном случае это указывается особо.

³³⁴ Букейханов А. Киргизы // Костелянский А.И. (ред.). Формы национального движения в современных государствах. Пг., 1910. С.597. Анализ культурных и политических тенденций у казахов см.: Bennigsen, Lemerrier Quelquejay (1964). P.144–155, 254–261 и Pierce R.A. Russian Central Asia. 1867–1917: a study in colonial rule. Berkeley; Los Angeles, 1960. P.249–261.

³³⁵ В июне 1905 г. была написана петиция в Совет министров. Ее представили публике на ярмарке в Каракалинке (Семипалатинская область, Казахстан), где она была принята при стечении 14 500 человек (Костелянский (1910). С.597–598). Это первый публичный документ той политической ориентации, которую примет Алаш-Орда. По настоянию панисламистов, которые составляли большинство и пользовались большой популярностью, петиция начиналась с требования к правительству отменить контроль Министерства внутренних дел над мусульманской церковью и создать автономный казахский духовный институт. За этим шли требования о языке: использовать не русский, а казахский в качестве языка преподавания в школах аулов, и то же самое в волостных администрациях и судах; кроме того, подчеркивалась необходимость издания газет на казахском языке и отмены предварительной цензуры. Прочие требования касались права на пастбища для кочевников и признания их собственности на зимовки, так как эти права массово нарушались по причине активной иммиграции русских колонистов. И наконец наличествовало требование расширить политические права казахов, в частности, ввести их представителей в российское законодательное собрание согласно царскому манифесту от 18 февраля. Текст петиции, впервые опубликованный в «Сыне Отечества» (№173 от 04.10.1905), перепечатан: Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата; Москва, 1935. С.94–96.

³³⁶ Там же. С.18.

³³⁷ Информацию об этой газете см.: Benningsen–Lemerrier Quelquejay (1964). P.152–154.

³³⁸ Краткие биографические сведения см.: Там же. P.148, 152–153.

³³⁹ Дискуссия см. в номерах 166, 168, 177, 179, 184; об этом нам сообщает документ, который содержит свидетельские показания о восстании 1916 г., данные Тынышпаевым судебному прокурору Верного в феврале 1917 г.: Копия показаний инженера Тынышпаева его Высокопревосходительству Господину туркестанскому Генерал-губернатору // Рыскулов Т.Р. (ред.). Восстание 1916 г. в Киргизстане. М., 1937. С.142.

³⁴⁰ То же.

³⁴¹ См.: Казах. 1916. 09.02.; приводится в: Брайнин–Шафиро (1935). С.36.

³⁴² Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия: История Движения Алаш. М., 1994. С.23–24.

³⁴³ Казах. №192. Ссылка также: Рыскулов (1937). С.144.

³⁴⁴ Информацию о жизни и деятельности Убайдуллы Ходжаева см.: Khalid (1998). P.235–239.

- ³⁴⁵ Khalid (1998). P.242 и Аманжолова (1994). С.24.
- ³⁴⁶ С этой целью он направил по телеграфу призыв к казахам Пишпекского уезда: Рыскулов (1937). С.144.
- ³⁴⁷ Что следует из рапорта Тынышпаева на имя Куропаткина. См.: Рапорт туркестанскому генерал-губернатору // Там же. С.76–78.
- ³⁴⁸ То же.
- ³⁴⁹ Рыскулов (1937). С.133. Текст был отправлен самим Тынышпаевым генералу Куропаткину.
- ³⁵⁰ Там же. С.134–138.
- ³⁵¹ Наша газета. 1917. 01.04. №1. С.3.
- ³⁵² Главным исследованием по применению русских законов в Туркестане и соответствующим ограничениям по использованию шариата и адата является Отчет по ревизии Туркестанского края (1909–1911), том Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909.
- ³⁵³ Биографические сведения о Чокаеве приводятся по: Oktay A. Turkistan Millî Hareketi va Mustafa Çokay. Istanbul, 1950. P.1833; Bennigsen–Lemerrier Quelquejay (1964). P.255; Oraltay (1973). P.76–83.
- ³⁵⁴ Çokayoglu M. 1917 Yil hatira parçaları. Paris-Berlin, 1937. P.20.
- ³⁵⁵ Там же. P.15–17 и Oraltay H. The Alash Movement in Turkestan // Central Asian Survey. 1985. №2. P.43 (где дается информация о работе съезда по: Сейфуллин С. Tar Col Taugag Kesiv. Издано в 1926 г. и переиздано в 1977 г. в Алма-Ате).
- ³⁵⁶ Сведения об этих изданиях, полезные в том числе для информации о культурных и политических тенденциях, см.: Bennigsen–Lemerrier Quelquejay (1964). P.165, 262–267.
- ³⁵⁷ Иноятов Х.Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. Ташкент, 1958. С.36.
- ³⁵⁸ Туркестанский курьер. 1917. 28.03. №69. С.3.
- ³⁵⁹ Там же. 1917. 13.04. №80. С.2.
- ³⁶⁰ Сведения об участниках съезда см.: Науит (1950). P.22; Турсунов Ч. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане (1917–1924 гг.). Ташкент, 1974. С.70.
- ³⁶¹ Мунаввар Кари Абдурашидов родился в Ташкенте в 1880 г., учился в Бухарском медресе, стал имамом, в 1904 г. открыл реформатскую школу в Ташкенте и стал фигурой первого ряда в джадидском движении. Краткую биографию см.: Науит (1950). P.46–47. Сноска 177.
- ³⁶² Краткую биографию см.: Науит (1950). P.47–48. Сноска 178.
- ³⁶³ Иноятов (1958). С.44–45.
- ³⁶⁴ История гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1964. Т.1. С.38.
- ³⁶⁵ В повестке дня съезда были следующие пункты: 1) отношения с новым правительством; 2) будущий политический строй России; 3) подготовка к Учредительному собранию; 4) определение системы управления Туркестаном (а – органы власти, законодательная власть, судебная власть и пр.; б – руководство религиозной жизнью, медресе и вакф; в – финансы; г – организация общественно-образовательного образования; д – система выборов в руководящие органы, гражданские и религиозные; е – отмена старых органов управления и их замена новыми временными органами; ж – создание центрального религиозного управления Туркестана и местных судов во всем крае); 5) вопрос о земле и воде; 6) продовольственный вопрос; 7) вопрос о войне и призыве туркестанских мусульман на оборонные работы; 8) обсуждение методов информирования мусульман Туркестана о происходящих событиях; 9) создание мусульманского совета края; 10) определение отношений между уже действующими мусульманскими советами и другими местными политическими и общественными организациями; 11) назначение делегатов от Туркестана на всероссийский мусульманский конгресс; 12) актуальные вопросы по докладом участников съезда. Ср.: Диманштейн С.М. (ред.). Революция и национальный вопрос. Т.3. М., 1930. С.345–346.

- ³⁶⁶ Zeki Velidi Togan. *Hâtıralar*. İstanbul, 1969. P.149, 152–154.
- ³⁶⁷ Ср.: Там же. С.153; Иноятов Х.Ш. (ред.). *Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане*. Ташкент, 1962. С.42; Pipes R. *The Formation of the Soviet Union*. Cambridge (Mass.), 1980 (третье издание). P.88; Allworth E. (ed.). *Central Asia: A Century of Russian Rule*. P.216 (работа H.D'Encausse).
- ³⁶⁸ См.: Çokaoglu (1937). P.29; Nayit (1950). P.22 и 24; Турсунов (1974). С.70.
- ³⁶⁹ Çokaoglu (1937). P.22.
- ³⁷⁰ Иноятов (1958). С.36 и Иноятов (1962). С.51, 83.
- ³⁷¹ *Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане*. Ташкент, 1967. С.205.
- ³⁷² Данные о положении в Андижане приводятся по: Алексеев П. Национальная политика Временного правительства в Туркестане в 1917 г. // *Пролетарская революция*. 1928. №8 (79). С.112–113. Процитированная фраза взята из этой статьи. Речь идет о пассаже из доклада Мирзы Ахмета Кушбегиева, члена президиума Шура-и-Ислам, перед Комитетом Временного правительства. Доклад, состоявшийся 17 июня, касался конфликта между русскими и мусульманскими организациями Андижана. Там сообщалось, что местный Комитет общественной безопасности (созданный русскими для охраны порядка и собственной власти) был враждебно настроен к мусульманам и распорядился арестовать членов Шура-и-Ислам. В процитированной фразе Кушбегиев несомненно имеет в виду Советы.
- ³⁷³ Bennigsen–Lemercier Quelquejay (1964). P.255, 264–265.
- ³⁷⁴ Татарское бюро предлагало: 1) способствовать созданию общественных, политических, культурных и экономических организаций туркестанских татар; 2) быть примером для других мусульман края; 3) установить тесные отношения между татарами и народностями Туркестана. Ср.: Диманштейн (1930). С.345.
- ³⁷⁵ Это различие в позициях четко проявилось на I Всероссийском съезде мусульман, состоявшемся в мае в Москве.
- ³⁷⁶ *Победа (1967)*. С.247; Иноятов Х.Ш. *Победа советской власти в Туркестане*. М., 1978. С.127.
- ³⁷⁷ Информационную подборку по Мусавату см.: Bennigsen A., Wimbush S.E. *Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World*. Chicago, 1979. P.220–221. Программу партии см.: Диманштейн (1930). С.341–345. Перепечатано: Программные документы мусульманских политических партий 1917–1920 гг. // *Society for Central Asian Studies: Reprint series N.2*. Oxford, 1985. P.70–79.
- ³⁷⁸ Турсунов (1974). С.68.
- ³⁷⁹ Важные сведения об этой газете см.: Bennigsen–Lemercier Quelquejay (1964). P.264.
- ³⁸⁰ Федералистская мусульманская партия, созданная в Азербайджане весной 1917 г. Ср.: Suny R.G. *The Baku Commune, 1917–1918*. Princeton, 1972. P.86–87.
- ³⁸¹ Турсунов (1974). С.69.
- ³⁸² Сходство позиций стало очевидным на I Всероссийском съезде мусульман в Москве.
- ³⁸³ *Наша газета*. 1917. 3 мая. №9. С.1.
- ³⁸⁴ *Туркестанский курьер*. 1917. 11 июня. №128. С.3.
- ³⁸⁵ Число мусульман, завербованных в период с июля 1916 г. по февраль 1917 г. см.: Ковалев П.А. *Тыловые работы Туркестана в годы Первой мировой войны*. Ташкент, 1957. С.82.
- ³⁸⁶ Эта политика продолжалась до начала апреля, что следует из телеграммы военных властей командующему армией Туркестана. Документ, датированный 5 апреля 1917 г., см.: *Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане*. Ташкент, 1947. С.42–43.

³⁸⁷ Из Протокола общего заседания I съезда солдатских и рабочих депутатов края по вопросам труда, деятельности туземного населения и возвращения тыловиков (15 апреля 1917 г.); ср.: Там же. С.47–53.

³⁸⁸ Стенограмма заседания Комитета Временного правительства от 17.04.1917 // ЦГАРУз. I-1044/1/1/1. См. также: Вахабов М. Ташкент в период трех революций. Ташкент, 1957. С.157.

³⁸⁹ Победа (1967). С.212.

³⁹⁰ Как гласила телеграмма, отправленная 9 мая военными властями Петрограда Щепкину, председателю Комитета Временного правительства Туркестана. Текст см.: Подготовка (1947). С.65.

³⁹¹ Об этих обысках упоминается в циркуляре, отправленном военными властями края в Ташкентский Совет. Циркуляр, датированный 26 июня, см.: Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане, 1917–1918 гг.: Сборник документов. Алма-Ата, 1957. С.97–98.

³⁹² Иноятов (1958). С.69.

³⁹³ Победа (1967). С.240

³⁹⁴ Эпизод упоминается см.: История Узбекской ССР. Т.2. Ташкент, 1957. С.20.

³⁹⁵ Иноятов (1958). С.71.

³⁹⁶ То же.

³⁹⁷ Наша газета. 1917. 5 сентября. №110.

³⁹⁸ Иноятов (1962). С.119.

³⁹⁹ Там же. С.119–120.

⁴⁰⁰ Иноятов (1958). С.72; Наша газета. 1917. 5 сентября. №110.

⁴⁰¹ История (1957). С.20.

⁴⁰² Наша газета. 1917. 5 сентября; статья перепечатана см.: Диманштейн (1930). С.351–352.

⁴⁰³ Наш источник упоминает заседание Шура-и-Ислам Маргелана, созданное для обсуждения деятельности Абдоржака Мамасадыхова. На заседании Мамасадыхов был обвинен в агитации, недопустимой пропаганде на выборах, организации беспорядков. На основании этих обвинений, которые упоминаются очень туманно и маловразумительно, Шура-и-Ислам потребовала от Комитета общественной безопасности города его ареста. Ср.: Постановление № 2 от 25 мая 1917 Старомаргеланского бюро Шура-и-Ислам, процитированное в: Божко Ф. Октябрьская революция в Средней Азии. Ташкент, 1932. С.23.

⁴⁰⁴ Стенограмма заседания Думы от 17.02.1917 // ЦГАРУз. I-37/1/666/13–14.

⁴⁰⁵ Заседание Думы 01.03.1917 // Там же /25–26.

⁴⁰⁶ Стенограмма заседания Думы от 15.03.1917 // Там же /32–33.

⁴⁰⁷ Стенограмма заседания Думы от 08.03.1917 // Там же /28–28.

⁴⁰⁸ Стенограмма заседания Думы от 26.04.1917 // Там же /45–46.

⁴⁰⁹ Стенограмма заседания Думы от 15.03.1917.

⁴¹⁰ Стенограмма заседания Думы от 08.03.1917.

⁴¹¹ Туркестанский курьер. 1917. 25.04. №90. С.34; 26.04. №91. С.2.

⁴¹² То же.

⁴¹³ Приказ Черкеса от 24.04.1917, № 274 // РГВИА. 1396/2/2071/83.

⁴¹⁴ Приказ Черкеса от 20 апреля, № 268 // ЦГАРУз. I-1044/1/16/14; ЦГВИА. 1396/2/2071/77.

⁴¹⁵ Стенограмма заседания Думы от 17.04.1917 // ЦГАРУз. I-37/1/666/42.

⁴¹⁶ Наша газета. 1917. 03.05. №9. С.1; 16.05. №18. С.4; текст резолюции см. также: Победа (1963). С.83–84.

⁴¹⁷ Там же. 1917. 03.05. №9.; статья приводится в: Победа (1963). С.86.

⁴¹⁸ Там же. 16.05. №18. С.4.

⁴¹⁹ Победа (1963). С.99.

⁴²⁰ Наша газета. 1917. 05.05. №11. С.2.

⁴²¹ Победа (1963). С.86.

⁴²² Иноят (1962). С.55–56.

⁴²³ О чем свидетельствует стенограмма заседания краевого Совета, состоявшегося 10 мая. Ср.: Победа (1963). С.99.

⁴²⁴ Туркестанский курьер. 1917. 25.04. №90. С.34; 26.04. №91. С.2.

⁴²⁵ Там же. 17.05. №107. С.3.

⁴²⁶ Как следует из стенограммы заседания Совета от 9 июня; опубликована там же. 11.06. №128. С.3.

⁴²⁷ Ахмед Зеки Велиди Тоган, который позже вошел в продовольственную комиссию ташкентского Совета, в своих воспоминаниях упоминает, что русские были единодушны в желании направлять практически весь хлеб в европейские кварталы, а Першин, будущий большевистский руководитель, заявлял, что мусульмане перемерут от голода. Ср.: Zeki Velidi Togan (1969). P.161–162.

⁴²⁸ Наша газета. 1917. 05.05. №11. С.2; 02.06. №32. С.1.

⁴²⁹ Туркестанский курьер. 1917. 17.04. №84. С.1.

⁴³⁰ Мы не располагаем текстом распоряжений Куропаткина; их содержание можно вывести из телеграммы военному командующему Самаркандским округом. Ср.: Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сборник документов. Т.1. Ташкент, 1963. С.38 (этот сборник документов безусловно представляет наибольший интерес среди советских публикаций о революции в Средней Азии).

⁴³¹ Продовольственный комитет Ташкента состоял из 24 человек, среди которых только четверо были мусульманами. Стенограммы заседания Думы от 13 и 27 марта 1917 см.: ЦГАРУз. I-37/1/666/30, 38, 40.

⁴³² Полный текст закона и приложений см.: Экономическое (1957). Ч.2. С.327–329; английский перевод с незначительными сокращениями опубликован: Browder R.P., Kerenskij A. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Vol.2. Stanford, 1961. P.618–621.

⁴³³ Семиреченские областные ведомости. 1917. 16.04. №84.

⁴³⁴ Доклад ответственного работника Министерства сельского хозяйства; документ включен в стенограмму заседания Продовольственного комитета края от 30 июня и 1, 2, 3 июля (ЦГАРУз. I-1044/1/16/240–245об.).

⁴³⁵ Там же /240–245об.

⁴³⁶ Призыв был опубликован 27.06.1917; текст приводится в: Победа (1963). С.150.

⁴³⁷ Стенограмма заседаний Думы от 18.01.1917 // ЦГАРУз. I-37/1/666/4–5.

⁴³⁸ Два месяца спустя вновь обсуждалась возможность повышения цен, которые остались неизменными. Стенограмма заседания Думы от 01.03.1917 // ЦГАРУз. I-37/1/666/25–26.

⁴³⁹ Там же. I-1044/1/16/238об–239, 245об.

⁴⁴⁰ Доклад о произошедших изменениях после Февральской революции, написанный судебным прокурором Ташкентского уезда И.Д.Барановским 17 августа 1917 см.: Там же. С.213.

⁴⁴¹ Там же /89.

⁴⁴² Приказ по армии, г. Ташкент, 14.04.1917 // РГВИА. 1396/2/2071/71–72об.

⁴⁴³ Приказы от 28.06.1917, № 459 и № 460, подписанные Черкесом, см.: Там же /252–254.

⁴⁴⁴ Протокол, с оценками урожая по разным уездам, был опубликован: Наша газета. 1917. 06.06. №35. С.4.

⁴⁴⁵ Сообщение Н.Н.Шепкина на заседании Министерства внутренних дел 15 июня: Победа (1963). С.139.

⁴⁴⁶ Документ, принятый на заседании крестьянских организаций с участием представителей правительства края 20 апреля. (Там же, С.68–69).

⁴⁴⁷ Протокол работы съезда см.: Туркестанский курьер. 1917. 28.06. №142. С.23; Диманштейн (1930). С.347–348 (который цит. по: Каспий. 1917. 06.07.).

На съезде упоминалось, что рацион пшеницы, выдаваемой русским, составлял полновесные 2,5 кг, в то время как мусульманам выдавалось около 0,5 кг.

⁴⁴⁸ Падение цен на скот, вызванное его массовой продажей (в частности кочевниками), является распространенным явлением во время голода и неурожая. Ср.: Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford, 1981. P.101–111 и 121. Работа содержит анализ динамики голода в различных районах Африки и Азии и дает ключ к пониманию в том числе кризиса, рассматриваемого нами.

⁴⁴⁹ Бройдо, представляющий туркестанский Совет, направился в Петроград, где встретился с князем Львовым, главой правительства. Они обсудили образование нового Комитета Временного правительства и конфликт между русскими и мусульманами в Туркестане, уделив особое внимание тяжелому положению, сложившемуся в Семиречье (о котором ниже). Ср.: Туркестанский курьер. 1917. 22.06. №137. С.3.

⁴⁵⁰ Доклады о положении, сложившемся после Февральской революции, написанные прокурором г.Скобелева (17 августа 1917 г.), прокурором Самаркандского уезда (31 августа) и комиссаром Сырдарьинской области (5 сентября): Победа (1963). С.223–226, 266, 279.

⁴⁵¹ См.: указы, принятые Советом Сырдарьинской области 20, 23 и 24 мая. В них формулировалась система представительства, основанная на общем, равном и тайном голосовании на уровне деревень и волостей. Представители волости, в свою очередь, должны были избирать членов уездного комитета, в котором были предусмотрены также прямые назначения в Советы. Таким образом, речь шла о реорганизации местного управления, которая открывала дорогу участию местного населения на уровне уезда, но под присмотром Советов. Ср.: Победа (1963). С.113–116.

⁴⁵² См. текст доклада Щепкина в Министерстве внутренних дел (уже упоминавшийся выше): Победа (1963). С.140.

⁴⁵³ Декрет Временного правительства об образовании комитетов в России был принят 21 апреля. Текст почти полный см.: Browder – Kerensky (1961). Vol.2. P.528–532. Декреты по Туркестану (от 17 июня и от 1 июля) см.: Там же. Vol.1. P.304–305; Диманштейн (1930). С.72–73.

⁴⁵⁴ Иноятов (1962). С.148 и 153.

⁴⁵⁵ Текст декрета, подписанного 12 июля Керенским, см.: Browder – Kerensky (1961). Vol.2. P.556–557.

⁴⁵⁶ О реакции на запрет крестьян-мусульман Ташкентского уезда см.: Туркестанский курьер. 1917. 28.06. №142. С.2. Кагельская (1980). С.114. О панической ситуации в деревне и о положении хлопкоробов см.: Каспий. 1917. 17.06.; Диманштейн (1930). С.73.

⁴⁵⁷ Туркестанский курьер. 1917. 11.07. №152. С.4; Кагельская (1980). С.115.

⁴⁵⁸ Действие декрета было приостановлено 24 августа, чуть более месяца после его выпуска. Позиции, выраженные Керенским на встрече, а также текст нового декрета, отменявшего запрет, см.: Диманштейн (1930). С.73–74.

⁴⁵⁹ Первыми, кто вступил в переговоры, стали русские колонисты Ташкентского уезда. В начале мая состоялось заседание с участием представителей 20 деревень, решившее образовать Совет; в конце месяца, на втором заседании, было дано начало его деятельности. Генеральная политическая линия не вызывала вопросов, заседание приняло резолюции Всероссийского съезда крестьянских Советов: необходимость подготовки реформы, основным пунктом которой была «социализация» земли, т.е. перераспределение ее по принципу равенства; до начала реформы, ставшей основной задачей Учредительного собрания, создать крестьянские комитеты, но не осуществлять самостоятельного захвата земли. Основные материалы политической дискуссии по поводу «социализации» или «огосударствления» земли см.: Наша газета. 1917. 11.05. №15. С.4; 30.05. №29.

С.3; 01.06. №31. С.3—4; Туркестанский курьер. 1917. 01.07. №144. С.4; Лопухов В., Мураевский С. Из истории Коммунистической партии Туркестана: Второй туркестанский съезд РСДРП // Коммунист (орган ЦК Компартии Туркестана). 1922. №7/8. С.132—134; Алексеенков П. Национальная политика Временного правительства в Туркестане в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. №8 (79). С.125.

⁴⁶⁰ Диманштейн (1930). С.52.

⁴⁶¹ Доклад от 7 августа 1917 г. об изменениях в уезде после Февральской революции. Ср.: Победа (1963). С.214.

⁴⁶² В ходе заседания Совета и профсоюзов 12 апреля представитель крестьянского Совета сообщил о трудностях, возникших при организации съезда, и о крайне низком участии мусульман из-за сопротивления мулл (Наша газета. 1917. 15.08. №94. С.2). На съезде Советов вина за неучастие мусульман также была приписана муллам, сообщалось о переговорах с Улема, которые провалились (Наша газета. №92 и 97). В докладах представителей основных уездов (Ташкент, Ош, Ходжент, Андижан, Коканд, Наманган, Самарканд, Маргелал и Скобелев) объяснялось, что мусульмане не намеревались работать в Советах вместе с русскими (Иноятов (1962). С.144, который ссылается на архивные источники и на Нашу газету. 1917. 10—19.08. №90—97).

⁴⁶³ После двух переносов в середине августа состоялся учредительный съезд Совета крестьян края. Съезд вновь принял тезисы эсеров, высказался в поддержку декрета о запрете купли-продажи земли (который будет отозван через несколько дней) и призвал поддержать расширение ирригационной сети. Несмотря на формальное создание всетуркестанского Совета, в деревнях продолжал действовать Совет Ташкентского уезда, находившийся под неусыпным контролем городских политиков, в то время как прочие Советы были просто неформальными деревенскими органами, выражавшими автономность крестьян на местах. Ср.: Наша газета. 1917. 12.08. №92. С.1; 19.08. №97. С.1. Статьи частично приводятся в: Диманштейн (1930). С.348—350.

⁴⁶⁴ Наша газета. 1917. 18.05. №20. С.2.

⁴⁶⁵ Там же. 15.08. №94. С.2.

⁴⁶⁶ Там же. 17.05. №19. С.12; Резцов (1927). С.50—51; Иноятов (1962). С.64.

⁴⁶⁷ О позиции Совета на июньском и июльском съездах см.: Туркестанский курьер. 1917. 28.06. №142. С.23; Диманштейн (1930). С.347—348; Резцов (1927). С.51; Кастельская (1980). С.114—115.

⁴⁶⁸ Иноятов (1962). С.121, где дается ссылка на «Туркестанский курьер» от 20.07.1917 г. и на «Туркестанские ведомости» от 21.07.1917 г.

⁴⁶⁹ Туркестанский курьер. 1917. 11.07. №152. С.4.

⁴⁷⁰ Browder — Kerensky (1961). Vol.2. P.419; Диманштейн (1930). С.71—72.

⁴⁷¹ Приказ по армии Туркестана № 205 от 25 марта за подписью Куропаткина // РГВИА. 1396/2/2071/31—32.

⁴⁷² Алексеенков (1928). С.117.

⁴⁷³ Наша газета. 1917. 01.04. №1. С.3.

⁴⁷⁴ Об образовании и задачах комиссии см.: документ, принятый на краевом съезде 29 апреля: Там же. С.80—81.

⁴⁷⁵ См., напр., доклад комиссара краевого Совета о ситуации в Нарынском уезде: Победа (1963). С.121.

⁴⁷⁶ Об участии Шуры и деятельности комиссии см.: Алексеенков (1928). С.118—119; Наша газета. 1917. 18.05. №20. С.2; 19.05. №21. С.2.

⁴⁷⁷ В конце мая комиссия краевого Совета встретила со Шкапским для получения информации о его планах относительно кочевого населения Семиречья. Делегаты Совета сообщали об этой встрече, отметив нерасположенность, если не прямую враждебность, Шкапского. Комиссар заявил, что Комитет Временного правительства дал ему широкие полномочия и он не считает нужным информировать Совет о своих решениях. Текст доклада делегатов Совета см.: Наша

газета. 1917. 20–22.06. №47–49; Брайнин–Шафиро (1935). С.123–125. О деятельности Шкапского как этнолога см.: положительную рецензию Бартольда на его ранние работы: Бартольд В.В. Сочинения. Т.2. Ч.2. М., 1964. С.359–360.

⁴⁷⁸ Брайнин–Шафиро (1935). С.119.

⁴⁷⁹ Стенограмма заседания Комитета Временного правительства от 19.04.1917 // ЦГАРУз. И-1044/1/1/18–19.

⁴⁸⁰ Заявление Тынышпаева датируется 22 апреля, конкретный план был принят несколько дней спустя: Брайнин–Шафиро (1935). С.51.

⁴⁸¹ Nishiyama (2000). P.81.

⁴⁸² ЦГАРУз. И-1044/1/5/2–3.

⁴⁸³ Приказ вышел в Пишпекке, датирован от руки 27.04.1917 // Там же /63.

⁴⁸⁴ Стенограмма заседания Комитета от 19.04.1917 // Там же /1/18.

⁴⁸⁵ Относительно мер по урегулированию отношений между русскими и киргизами см. телеграмму Комитета Временного правительства от 22 апреля и протокол заседания в Пишпекке (46 мая): Брайнин–Шафиро (1935). С.120–123.

⁴⁸⁶ Постановление № 1 // Семиреченские ведомости. 1917. 18.05. №108. С.1.

⁴⁸⁷ Призыв, обращенный к генеральному комиссару Туркестана, направлен представителями киргизов Пишпекского уезда в октябре: Брайнин–Шафиро (1935). С.119.

⁴⁸⁸ Стенограмма заседания Комитета Временного правительства от 19.04.1917 (уже цитировалась).

⁴⁸⁹ В телеграмме Комитета Временного правительства от 22 апреля (уже цитированной выше) говорилось: «Ожидается, что киргизы Нарынского района получат помощь от своих собратьев в Пишпекке и Нарыне, а киргизы Верненского и Джаркентского уездов – помощь киргизов и казахов других уездов» (Там же. С.120).

⁴⁹⁰ Алексеенков (1928). С.119.

⁴⁹¹ На продовольственную помощь было выделено 50 000 рублей (затем несколько больше) – сумма, которую Алексеенков называет «каплей в море». Для компенсации ущерба, нанесенного русскими, Шкапский требовал ассигнования 11 миллионов рублей (Там же. С.119–120).

⁴⁹² Семиреченские ведомости. 1917. 07.06. №124. Приложение.

⁴⁹³ То же.

⁴⁹⁴ Призыв представителей 2374 семейств беженцев Пишпекского уезда см.: Брайнин–Шафиро (1935). С.117–119.

⁴⁹⁵ Так высказалось 2 мая совещание по делам Туркестана (ЦГАРУз. I-1044/1/25/42об.).

⁴⁹⁶ Решения были приняты на заседании краевого Совета 18 мая: Наша газета. 1917. 13.05. №15. С.4.

⁴⁹⁷ То же.

⁴⁹⁸ Совещание по делам Туркестана, заседания 17 и 31 мая (ЦГАРУз. I-1044/1/25/61, 68об.).

⁴⁹⁹ Семиреченские ведомости. 1917. 21.06. №136. С.34.

⁵⁰⁰ Съезд по делам Туркестана, заседание 31 мая (ЦГАРУз. I-1044/1/25/68об.).

⁵⁰¹ Туркестанский курьер. №137. 22.06. С.3.

⁵⁰² Съезд по делам края, заседание 12 мая (ЦГАРУз. I-1044/1/25/49.).

⁵⁰³ Письмо даоиня Или, в переводе с китайского, датировано 19.05.1917 (ЦГАРУз. I-1044/1/5/166).

⁵⁰⁴ Заседание Нарынской группы Семиреченской экспедиции, протокол № 4 от 25 мая (ЦГАРУз. P-1613/1/5/483–484об.).

⁵⁰⁵ То же, протокол № 6 от 27 мая (Там же /487–488).

⁵⁰⁶ То же, протокол № 7 от 2 июня (Там же /489–489об.; Победа (1963). С.120–124.; Рыскулов Т. Киргизстан. М., 1935. С.62–63; Зорин А.Н. Революционное движение Киргизии. Фрунзе, 1931. С.24.

⁵⁰⁷ Доклад Нарынской группы, отправленный в туркестанский Совет, июнь (ЦГАРУз. Р-1613/1/5/60–61об.).

⁵⁰⁸ Телеграмма от 28 мая: Алексеенков (1928). С.120–121.

⁵⁰⁹ Отчет (уже цитировавшийся) делегатов краевого Совета см.: Наша газета. №47–49; Брайнин–Шафиро (1935). С.123–125.

⁵¹⁰ Циркуляр краевого Совета всем комитетам Семиречья, 17 мая: Победа (1963). С.109.

⁵¹¹ Документ подписан Щепкиным, датирован от руки 13.05.1917 (ЦГАРУз. И-1044/1/5/89).

⁵¹² Наша газета. 1917. 08.06. №37. С.3.

⁵¹³ Телеграмму татаро-киргизского комитета от 16 мая см.: Победа (1963). С.106. Этот комитет был образован по инициативе Бюро тюрко-татарских организаций Туркестанского края, созданного в апреле (Диманштейн (1930). С.345). Большая значимость этого бюро вытекала из той первостепенной роли, которую играли татары в джадидском движении, а также из того, что их политическая организация являлась определенной инстанцией для татарских солдат (в противоположность мусульманам края, татары состояли в русской армии). Среди целей бюро было создание тесных отношений между татарами и мусульманскими народностями Туркестана. Члены бюро сотрудничали с Шура-и-Ислам, а также работали вместе с представителями Алаш-Орды.

⁵¹⁴ Документ подписан Щепкиным, датирован от руки 16.05.1917 (ЦГАРУз. И-1044/1/5/98).

⁵¹⁵ Стенограмма заседания Семиреченского Совета от 26.06.1917 (ГАРФ 6978/1/450/3).

⁵¹⁶ Призыв беженцев Пишпекского уезда см.: Брайнин–Шафиро (1935). С.117–119.

⁵¹⁷ Доклад № 6 Пишпекской группы туркестанскому Совету, предположительно июнь см.: ЦГАРУз. Р-1613/1/5/181–192об.

⁵¹⁸ Доклад № 6 Пишпекской группы (цитировался выше).

⁵¹⁹ Стенограмма заседания Нарынского исполкома от 09.06.1917 (ЦГАРУз. Р-1613/1/5/498–498об.).

⁵²⁰ Интерпретация представлена в докладе № 6 Пишпекской группы (цитировался выше).

⁵²¹ То же.

⁵²² В призыве провозглашалось создание Временного комитета общественной безопасности Пишпека. Инициаторами этого стали уездный Совет и местный земский комитет, принявшие это решение 15.06.1917 (ЦГАРУз. Р-1613/1/5/233).

⁵²³ Стенограмма заседания Комитета Временного правительства от 07.08.1917 // ЦГАРУз. И-1044/1/1/174.

⁵²⁴ Наша газета. 1917. 08.06. №37. С.3.

⁵²⁵ Стенограмму заседания Министерства внутренних дел 15 июня см.: Победа (1963). С.141.

⁵²⁶ Брайнин–Шафиро (1935). С.126.

⁵²⁷ То же.

⁵²⁸ Телеграмму Нарынского комитета в адрес Комитета Временного правительства от 15 июля см.: Победа (1963). С.175.

⁵²⁹ См. документы: Победа (1963). С.85, 95–98; Туркестанский курьер. 1917. 06.06. №100. С.2.

⁵³⁰ Победа (1963). С.89–80; Туркестанский курьер. 1917. 09.06. №102. С.3.

⁵³¹ Такой вывод можно сделать из текста протокола заседания краевого Совета, на котором обсуждалась отставка членов Комитета (Победа (1963). С.95–98), и из отчета заседания исполкома ташкентского Совета, на котором председатель и некоторые члены Комитета Временного правительства пытались предотвратить его развал (Наша газета. 1917. 13.06. №16. С.3).

⁵³² Членов совещания избирали: троих — съезд краевых исполкомов, троих — краевой рабоче-солдатский Совет, троих — мусульманский краевой Совет, двоих — Городская дума Ташкента, десятерых — области края (2 члена на область), двоих — русские колонисты Бухарского эмирата. Данные по стенограмме первого заседания совещания 29 апреля (ЦГАРУз. I-1044/1/25/1; Резцов Л. Октябрь в Туркестане. Ташкент, 1927. С.61).

⁵³³ Прокурор ташкентского городского суда и прокурор областного суда положительно приняли эту инициативу. Это можно увидеть в их докладе от 7 августа об изменениях, произошедших в округе после Февральской революции: Победа (1963). С.208—209.

⁵³⁴ Туркестанский курьер. 1917. 19.05. №109. С.3.

⁵³⁵ Наша газета. 1917. 07.05. №13. С.1.

⁵³⁶ Там же. 01.06. №31. С.2.

⁵³⁷ Там же. 13.05. №16. С.4.

⁵³⁸ Туркестанский курьер. 1917. 11.06. №128. С.3.

⁵³⁹ Там же.

⁵⁴⁰ Там же. 14.06. №130. С.3—4.

⁵⁴¹ Там же. 25.06. №140. С.3.

⁵⁴² В середине июня Бройдо, который, судя по всему, не отбыл на фронт, встретился в Петрограде с князем Львовым, председателем правительства, и обсудил с ним программу переустройства управления в Туркестане. Программа, разработанная краевым Советом, содержала три основных пункта. Первый пункт заключался в том, чтобы представители Временного правительства работали вместе с местными политиками. Это предложение, однако, было встречено скептически. Обсуждение проходило в МВД, в заседании участвовали отставленные члены Комитета, и общее мнение склонялось в пользу создания Краевого совещания с исключительно совещательными функциями. Второй пункт программы предусматривал расширение полномочий нового Комитета: по сравнению со шепкинским комитетом он должен был иметь больше самостоятельности в издании декретов и не ограничиваться исполнением решений, принятых в Петрограде. По этому пункту и Львов, и Керенский высказались положительно. Третий пункт касался права Совета осуществлять контроль за деятельностью Комитета. Львов выступил против этого требования. Ср.: Туркестанский курьер. 1917. 22.06. №137. С.3; Castagné J. Le Turkestan depuis la révolution russe (1917—1921) // Revue du monde musulman. Vol.50. Juillet. 1922. P.37; Победа (1963). С.141.

⁵⁴³ Бройдо обсудил с Львовым и Керенским также необходимые меры для остановки резни среди кочевников Семиречья.

⁵⁴⁴ Castagné (1922). P.36.

⁵⁴⁵ Çokayoglu (1937). P.45.

⁵⁴⁶ В то время Чокаев был членом сырдарьинского Совета, председателем которого был Наливкин (ЦГАРУз. I-1044/1/2/214), и вторично назначен членом Комитета, 31 августа: Вестник Временного Правительства. № 154 от 16.09.1917 (РГВИА. 400/1/4658/30).

⁵⁴⁷ Çokayoglu (1937). P.80—82.

⁵⁴⁸ Першин прибыл в Петроград для участия в I Всероссийском съезде Советов и остался в столице на весь июль, участвуя в переговорах о создании нового Туркестанского комитета. В письмах в адрес ташкентского Совета он сообщал о своем неприятии кандидатуры Чайкина, выдвинутой мусульманской стороной (Победа (1963). С.155). Чайкин был эсером из Ферганы, поддерживал тесные отношения с Мунавваром Кари Абдурашидовым и Убайдуллою Ходжаевым. Кандидатура была отвергнута, так как ее не поддержали также и улемы, полагавшие Чайкина слишком близким к джадидам (Çokayoglu (1937). P.81). Переговоры, таким образом, имели целью поиски фигуры, которая могла быть принята всеми политическими силами Туркестана. Назначение Наливкина на мес-

то председателя произошло 28 июля на совещании по делам края (ЦГАРУз. I-1044/1/25/187).

⁵⁴⁹ Владимир Петрович Наливкин находился в Туркестане много лет. Он прибыл в край в качестве офицера армии и участвовал в Хивинской кампании; затем подал в отставку и приобрел участок земли в сельской местности недалеко от Ферганы, где прожил несколько лет. За это время он хорошо выучил узбекский, таджикский и арабский языки, вел жизнь свободного жителя. Вернувшись к общественной жизни, он стал инспектором учебных мусульманских заведений края, затем работал в русско-туземных школах, преподавал местные языки будущим учителям в Ташкенте. Он искал связей с прогрессивной частью мусульманской элиты и вошел в контакт с влиятельными представителями движения джадидов. В 1906 г. он основал газету «Тараккий» (Прогресс) вместе с Вяткиным, также русским социалистом, и Саидом Исмаил Абиди, татарским эсером. Газета, стала влиятельным печатным органом и сотрудничала с такими прогрессивными мусульманскими интеллектуалами, как Исмаил Алиев и Мунаввар Кари Абдурашидов. Газета видела перспективы в преобразовании империи и созыве Думы, имела связи с кадетской партией (наиболее лояльной к национальным движениям) и открыто полемизировала с консервативными исламскими тенденциями. Именно из-за такой ориентации газета вскоре была закрыта указанием властей. Наливкин стал депутатом второй Думы, но затем ситуация изменилась, политикой стало заниматься небезопасно. Биографию В.П.Наливкина см.: Библиографический словарь (1989). С.170–172; Bennigsen, Lemerrier Quelquejay (1964). P.161–162; Бартольд (1963). С.305–306.

⁵⁵⁰ Решение съезда областных Советов и социалистических партий на заседании 14 июля: Победа (1963). С.168–169.

⁵⁵¹ Туркестанский курьер. 1917. 13.04. №80. С.2.

⁵⁵² Там же. 15.04. №82. С.2. Существенную часть этой статьи см.: Алексеенков (1928). С.106–107.

⁵⁵³ То же.

⁵⁵⁴ Туркестанский курьер. 1917. 25.05. №113. С.3; 26.05. №114. С.3.

⁵⁵⁵ Наша газета. 1917. 11 мая. №15. С.4.

⁵⁵⁶ Полный текст резолюции см.: Алексеенков (1928). С.109–110; Лопухов В., Мураевский С. Из истории Коммунистической партии Туркестана: Второй Туркестанский краевой съезд РСДРП // Коммунист (орган ЦК Компартии Туркестана). 1922. Август–сентябрь. №78. С.130.

⁵⁵⁷ Туркестанский курьер. 1917. 06.05. №100. С.2; 09.05. №102. С.2.

⁵⁵⁸ Там же. №102.

⁵⁵⁹ Toqan (1969). P.150–151.

⁵⁶⁰ То же.

⁵⁶¹ Решение, принятое, вероятно, по инструкции из Петрограда, было в дальнейшем слегка модифицировано, чтобы удовлетворить и требования русских. Компромисс стал результатом работы комиссии, сформированной Комитетом Временного правительства и состоявшей из семи русских (один от Комитета, два от Совета, четверо от прочих русских организаций) и двоих мусульман – Чокаева и Тогана. Комиссия приняла устав, который предусматривал единую Думу, но советники, избираемые двумя частями города, имели право потребовать ее разделения. Это решение мотивировалось тем, что русские и мусульманские советники будут вынуждены во избежание разделения Думы постоянно искать компромисс, устраивающий обе стороны. На деле это скорее являлось угрозой для мусульманских советников: если бы они не приняли решение русских, последние просто отделились бы и образовали собственную Думу. По этой причине Чокаев и Тоган отказались голосовать за устав, который был тем не менее принят русскими. Ср.: Туркестанский курьер. 1917. 09.05. №102. С.2; Наша газета. 1917. 07.05. №13.; 08.06. №37. С.1–2; 10.06. №39; Лопухов – Мураевский (1922). С.140–141; Алексеенков (1928). С.114–115.

⁵⁶² Туркестанский курьер. 1917. 18.07. №156. С.4.

⁵⁶³ Там же. 02.08. №171. С.4.

⁵⁶⁴ Дискуссия о женском вопросе на Всероссийском съезде в Москве закончилась принятием (большинством голосов) резолюции, в которой критиковалось зависимое положение женщин, утверждалось, что эта практика вовсе не предписывается шариатом, и содержалось требование установить полное равенство полов, включая право женщин на активную политическую и общественную деятельность (текст резолюции, уже опубликованный в Диманштейн (1930). С.296–298, был перепечатан: Программные документы мусульманских политических партий, 1917–1920 гг. // Society for Central Asian Studies, reprint series n.2. Oxford, 1985. P.15–20). Резолюция вызвала большой скандал и ожесточенные нападки со стороны консерваторов. Убайдулла Ходжаев, лидер джадидов, выступил тогда в защиту консервативной позиции: он заявил, что вопросы, касающиеся религии и церкви, не могут решаться столь поспешно, и потребовал пересмотра резолюции. Из его слов очевидно, что главной его заботой было не восстановить против себя консервативную часть Туркестана. Он заявил это и открыто, утверждая, что говорит «от имени десяти миллионов мусульман Средней Азии». Он вопрошал: «Как я смогу появиться перед теми, кто меня делегировал на этот съезд?... что я смогу им сказать, если эта резолюция не будет пересмотрена?» (Зеньковский (1960). С.151). Джадиды, которые, вероятнее всего, поддерживали резолюцию, предпочли не голосовать за нее, чтобы не уступить улемам роль защитников традиционных ценностей. Вся туркестанская делегация, тем самым, воздержалась от голосования по резолюции (Daulet S. The First All Muslim Congress of Russia, Moscow, 1–11 May 1917 // Central Asian Survey, n.1. 1989. P.25).

⁵⁶⁵ Туркестанский курьер. 1917. 02.07. №145. С.3.

⁵⁶⁶ Там же. 05.07. №147. С.3.

⁵⁶⁷ Там же. 26.07. №165. С.3.

⁵⁶⁸ Наша газета. 1917. 23.07. №75. С.1.

⁵⁶⁹ Заголовки на первой полосе №83 Нашей газеты.

⁵⁷⁰ Речь идет о генерале Лыкошине, губернаторе Самаркандской области, ответственном за подавление мятежа в Джизаке в 1916 году (Çokayoglu (1937). P.36). В действительности Лыкошин, который, скорее всего не разделял взгляды власти на мобилизацию, пытался избежать мятежа и договориться с влиятельными фигурами с мусульманской стороны, а приказ о подавлении мятежа поступил от Куропаткина. Губернатор, считавший Лыкошина неспособным к действиям, отправил его в отставку. О Лыкошине и его роли в событиях 1916 г. см.: Красный архив. Т.34. 1929. С.46, 50; Рыскулов (1927). С.28; Пястовский А.З. (ред.) и др. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. М., 1960. С.103–170.

⁵⁷¹ Туркестанский курьер. 1917. 01.08. №170. С.3.; 02.08. №171. С.4; 03.08. №172. (данные имеются также в: Победа (1963). С.204–205); Наша газета. 1917. 02.08. №83. С.2. Еще менее полные данные, чем в этой таблице, приводятся в Khalid (1998). P.261 (где в качестве источника используется газета «Кенгаш» от 6 августа).

⁵⁷² Отчеты о заседаниях Думы в августе см.: Туркестанский курьер. 1917. 15.08. №182 (прил. к газете) и 20.08. №186. С.3; Наша газета. 1917. 17.08. №95. С.2 и 25.08. №102. С.2.

⁵⁷³ Çokayoglu (1937). P.66–67.

⁵⁷⁴ Там же. P.67–68. Газеты того времени сообщают о смертной казни, а не об отсечении руки: Khalid (1998). P.258–259.

⁵⁷⁵ Здесь мы детально воспроизводим оценки Чокаева (Çokayoglu (1937). P.68–69).

⁵⁷⁶ Статью, вышедшую 2 августа в №100, почти целиком см.: Додонов И.К. (ред.). Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане: Сборник документов. Ташкент, 1947. С.45–58.

⁵⁷⁷ Туркестанский курьер. 1917. 06.07. №148. С.3.

⁵⁷⁸ В Думе продолжались конфликты, в особенности по вопросам назначений. См., напр., стенограммы заседаний от 6 августа // ЦГАРУз. I-37/1/667/177–178) и от 26 августа (Там же 179–182).

⁵⁷⁹ Мусульманское политическое движение требовало приостановить поселение колонистов на землях киргизов и казахов (см.: отчеты Всероссийского мусульманского съезда: Наша газета. 1917. 17.05. №19. С.1; 18.05. №20. С.2); оно также требовало возмещения земель колонистами, а от аграрной реформы ждало перераспределения земли и регламентации прав на использование воды — на основе нужд кочевников, допуская лишь незначительные уступки русским (см. резолюцию по аграрному вопросу, принятую на съезде в Оренбурге, программу Алаш-Орды и резолюцию съезда киргизов Туркестана: Экономическое (1957). Т.3. С.383–384; Диманштейн (1930). С.362–365; Туркестанский курьер. 1917. 19.09. №208. С.4). Требование положить конец насилию со стороны колонистов и организовать помощь кочевникам вновь прозвучало на съезде киргизов Туркестана, а затем и на II съезде мусульман Туркестана в сентябре: Туркестанский курьер. №208; Семиреченские ведомости. 1917. 29.09. №216. С.1–2.

⁵⁸⁰ Çokayoglu (1937). P.74.

⁵⁸¹ Туркестанский курьер. 1917. 19.08. №185. С.2; Наша газета. 1917. 20.08. №98. С.2; Брайнин–Шафиро (1935). С.57; Алексеенков (1928). С.123.

⁵⁸² ЦГАРУз. I-1044/1/25/197–197об. Решение об ассигновании фондов, первоначально предназначенных на мобилизацию работников, в действительности было принято еще до манифестации, 7 августа (см.: ЦГАРУз. I-1044/1//1/179–179об.). Комитет только подтвердил это решение перед манифестантами.

⁵⁸³ Татарский военный комитет был создан 5 августа и являлся местным филиалом военного Совета (Харби Шура), образованного по инициативе II Всероссийского съезда мусульман. В съезде, состоявшемся в Казани в июле, не принимали участия представители Туркестана, в том числе и потому, что не поддерживали центристские позиции татар. Тем не менее татарские военные под руководством Юсупова, который был простым солдатом, уже весной развернули политическую деятельность в Туркестане, пользовались определенным авторитетом среди джадидов Ташкента, поддерживали хорошие отношения с русским Советом (Иноятов (1962). С.48, 140).

⁵⁸⁴ Резолюция совещания мусульманских организаций с участием мусульманского краевого Совета от 20 августа (документ прилагается к стенограмме заседания Комитета Временного правительства от 27 августа // ЦГАРУз. I-1044/1/25/215–215об.).

⁵⁸⁵ Алексеенков (1928). С.123.

⁵⁸⁶ Туркестанский курьер. 1917. 12.08. №180.; Наша газета. 1917. 19.08. №97. С.1; Диманштейн (1930). С.348–350.

⁵⁸⁷ В газетах это появилось много позже: Туркестанский курьер. 1917. 19.09. №208. С.4.

⁵⁸⁸ Объединение произошло 30 августа. См.: Там же. 06.09. №199. С.2; приводится также в: Победа (1963). С.283.

⁵⁸⁹ Наша газета. 1917. 24.08. №101. С.2.

⁵⁹⁰ Телеграмму Трызны, комиссара Сырдарьинской области, см.: Победа (1963). С.275.

⁵⁹¹ По свидетельству Шендрикова, члена Комитета Временного правительства (Там же. С.431).

⁵⁹² См.: два письма чиновника железных дорог из Ташкента от апреля 1917 г. // РГВИА. 1396/4/43/34–34об., 38–39, 214–214об., 215–215об.

⁵⁹³ Записка чиновника военной связи, Ташкент, август 1917 г. (дата не читается) // РГВИА. 1396/4/43/214–214об. Аналогичный текст см. Там же /215–215об.

⁵⁹⁴ ЦГАРУз. I-1044/1/25/216.

⁵⁹⁵ Там же /219.

⁵⁹⁶ Речь командующего 1-м армейским корпусом Туркестана 24.08.1917, записанная три дня спустя в качестве доклада (Там же. I-2290/1/404/175–175об.).

⁵⁹⁷ Туркестанский курьер. 1917. 06.07. №148. С.3; Наша газета. 1917. 24.08. №101. С.2; Резцов (1927). С.71; Победа (1963). С.213, 229.

⁵⁹⁸ Декрет, касающийся полномочий Комитета Временного правительства, был принят 26 августа, но опубликован в Туркестане лишь 24 сентября. Текст см.: Диманштейн (1930). С.74–75. Комитет по борьбе с контрреволюцией был создан 30 августа (Победа (1963). С.262).

⁵⁹⁹ Шифротелеграмма военному министру от 06.09.1917 г. // РГВИА. 366/2/27/193–193об.

⁶⁰⁰ Из стенограммы заседания Городской думы от 06.09.1917 г. // ЦГАРУз. I-37/1/667/183–184.

⁶⁰¹ Победа (1963). С.284–285, 288–292, 303–305.

⁶⁰² Курбан-Айт – мусульманский праздник, на котором режут баранов и раздают их мясо.

⁶⁰³ Победа (1963). С.422–423.

⁶⁰⁴ Нашими источниками о сентябрьских событиях в Ташкенте являются многочисленные материалы в «Нашей газете» и «Туркестанском курьере»; документы, опубликованные в: Победа (1963). С.307–448; Вестник Временного правительства. 1917. 19.09. №156. С.4 (материал перепечатан: Browder–Kerensky (1961). Vol.1. P.423; Мураевский С. (Лопухов В.). Сентябрьские события в Ташкенте в 1917 году // Пролетарская революция. 1924. Октябрь. №10 (33). С.138–161; Pierce R.A. Toward Soviet Power in Tashkent, February–October 1917 // Canadian Slavonic Papers. Vol.17. N.2–3. 1975. P.265–266. Отсылаю читателя к этим текстам за подробной хроникой мятежа.

⁶⁰⁵ Речь шла не просто о революционной демагогической риторике. Согласно тому, что сообщает член Комитета Временного правительства, организаторы собрания намеревались захватить банки и произвести прочие реквизиции в старом городе (см.: текст допроса Шендрикова в Ташкентском суде 28 сентября: Победа (1963). С.432).

⁶⁰⁶ Текст резолюции см.: Наша газета. 1917. 14.09. №117. С.1.

⁶⁰⁷ Список членов ревкома содержится в стенограмме первого заседания комитета (Победа (1963). С.310). Инсинуации в адрес Шмидта исходили от Гнесина, который в тот момент был командующим армией в Ташкенте (Гнесин (1926). С.84), а в городе активно циркулировали слухи, которые ревком и исполком сочли нужным опровергнуть официально (Победа (1963). С.319).

⁶⁰⁸ Перфильев и Котельников были избраны комиссарами Совнаркома (Совет народных комиссаров являлся фактически правительством Туркестана) в момент его создания, 23 ноября 1917 г.; первый руководил военным комиссариатом, второй – финансовым. Шмидт был назначен комиссаром по хлопку в марте 1918-го. Першин и Вайнштейн присоединились к Тоболину в качестве зампредов ташкентского Совета; первый стал комиссаром по продовольствию в марте 1918-го. Тоболин в конце декабря 1917-го был одним из основателей местной партии большевиков и ее главным руководителем, стал председателем городского Совета 30 ноября 1917 г. и председателем ЦК Социалистической Республики Туркестан в начале лета 1918-го; Черневский после Октября стал членом ревтрибунала Ташкента, а с весны 1918-го – комиссаром промышленности Социалистической Республики Туркестан. Ср.: Наша газета. 1917. 30.11. №139. С.2; Сборник декретов и приказов Совета Народных Комиссаров Туркестанской Федеративной Республики (с 23 ноября до 1 июля 1918 г.). Ташкент, 1918. С.1, 9.

⁶⁰⁹ Спонтанный характер волнений многократно подчеркивался руководителями революционеров. См., напр., заявления Тоболина на заседании партии социал-демократов в конце сентября (Резцов (1927). С.103–104) и статью Першина, вышедшую в «Рабочем пути» от 24 и от 25 сентября (перепечатано: Победа (1962). С.517–519). Возможно, их заявлениям можно верить, учитывая, что революционеры являлись всего лишь небольшой группой политических деятелей, до сих пор не имевших влияния в городе, кроме как через Совет.

⁶¹⁰ См.: Мураевский (Лопухов) (1924). С.145.

⁶¹¹ Полный текст см.: Наша газета. 1917. 14.09. №117. С.1; Туркестанский курьер. 1917. 14.09. №205. С.3.

⁶¹² На собрании должны были присутствовать по два делегата от каждой из пяти областей края, по два делегата от каждого городского Совета рабочих и солдат, по одному — от каждого Совета рабочих-мусульман (незначительное число городских советов) и по два представителя от социалистических партий. На практике собрание состояло бы почти из одних русских. Ср.: Победа (1963). С.318, 320.

⁶¹³ Забастовка началась 20 сентября и продолжалась неделю. См.: Туркестанский курьер. 1917. 28.09. №210. С.1.

⁶¹⁴ См.: обращение к населению Комитета Временного правительства, подписанное Наливкиным и Шендриковым: Туркестанский курьер. 1917. 19.09. №208. С.3.

⁶¹⁵ Шендриков сообщал об опасности блокирования товаров на выезде из Ташкента, утверждая, что это усугубит голод во многих зонах Туркестана. См.: Победа (1963). С.383–384.

⁶¹⁶ Туркестанский курьер. 1917. 20.09. №209. С.2.

⁶¹⁷ Победа (1963). С.369, 398.

⁶¹⁸ Отчет о заседании Думы от 16 сентября // Туркестанский курьер. 1917. 19.09. №208. С.3; 20.09. №209. С.2.

⁶¹⁹ Как утверждал представитель городского Совета на заседании Думы 16 сентября (см. сноску выше) и как позже написал Першин, чтобы успокоить петроградские власти (Рабочий путь. 1917. 24.10. №33; 25.10. №34. Материалы перепечатаны: Победа (1963). С.517–519).

⁶²⁰ Там же. С.394, 429.

⁶²¹ Стенограмма заседания опубликована: Туркестанский курьер. 1917. 14.09. №205. С.3.

⁶²² Телеграммы, призывы и сообщения этих органов были опубликованы в газетах, их можно найти в кн.: Победа (1963). С.327, 329, 354–355, 384, 404, 507. О позиции эсеров в ташкентской Думе см.: Туркестанский курьер. 1917. 20.09. №209. С.2.

⁶²³ Победа (1963). С.357–358.

⁶²⁴ Там же. (1963). С.369.

⁶²⁵ Телеграмма отправлена Наливкиным 14 сентября. Победа (1963). С.324–325.

⁶²⁶ Приказ по армии № 686 от 16.09.1917 г. // РГВИА. 1396/2/2071/413; Туркестанский курьер. 1917. 19.09. №208. С.3.

⁶²⁷ Телеграмма Керенского пришла 15 сентября, два дня спустя была распространена Наливкиным по армии. См.: РГВИА. 1396/2/2071/413об.

⁶²⁸ «Рабочий путь» посвятил много материалов восстанию в Ташкенте; один из них, на который мы уже ссылались, был написан Першиным, другой — Сталиным (№27 от 4 октября), прочие не подписаны (№13 от 17 сентября и №14 от 20 сентября). Статьи перепечатаны: Победа (1963). С.344–345, 363–365, 452–453, 517–519.

⁶²⁹ Наша газета. 1917. 19.09. №120. (прил.); Победа (1963). С.374–375.

⁶³⁰ Керенский, получив от Шендрикова телеграмму о положении в Ташкенте, призвал Наливкина прекратить всякие переговоры с мятежниками. Там же. С.381.

⁶³¹ Там же. С.392–393.

⁶³² Приказ № 689 от 20.09.1917 г. // РГВИА. 1396/2/2071/417–417об.

⁶³³ Как утверждал Шендриков в телеграммах Керенскому и Коровиченко. Дополнительная помощь (мука и картофель) была отправлена из Самарканда (Коровиченко уведомил об этом Шендрикова 21 сентября). Там же. С.393–394, 398, 404.

⁶³⁴ Туркестанский курьер. 1917. 28.09. №210. С.4.

⁶³⁵ Приказ по армии от 27.09.1917 г., повторенный в приказе № 716 от 30.09.1917 г. // РГВИА. 1396/2/2071/431.

⁶³⁶ Победа (1963). С.420–421, 438.

⁶³⁷ Приказ по армии № 714 от 30.09.1917 г. // РГВИА. 1396/2/2071/429.

⁶³⁸ Туркестанский курьер. 1917. 29.09. №211. С. 2; 30.09. №212. С.3; Çokayoglu (1937). P.86.

⁶³⁹ Акты мусульманского съезда, прошедшего в Москве с 1 по 11 мая 1917 г., были опубликованы тогда на турецком языке в арабской графике (Bütün Rusya Müsülmanlarunung 1917-ici yilda, 1–11 Mayda Meskvede bulgan umumî Siyeesdinin protokollary. Пг., 1917). Более доступную информацию см.: Программные документы (1985). С.9–33; Зеньковский (1960). С.147–149; Диманштейн (1930). С.294–295; Dualet S. The first all Muslim Congress of Russia, Moscow, 1–11 May 1917 // Central Asian Survey. N.1. 1989. P.21–47; Hablemitoglu N. Çarlık rusyasında Türk kongreleri (1905–1917). Ankara, 1997. P.91–109.

⁶⁴⁰ Свидетельство о включении Чокаева в Национальное совещание мусульман всей России см.: Nayit (1950). P.28–29 (приводится полный список представителей Туркестана и Казахстана).

⁶⁴¹ Резолюция съезда и постановление Всекиргизского съезда в Оренбурге, 21–28 июля 1917 г., приводятся: Брайнин–Шафиро (1935). С.129–132. По поводу съезда см. также: Oralтай (1985). P.43–45.

⁶⁴² Основные пункты программы возрожденной партии были следующими: 1) образование Российской Федерации из автономных государств; 2) создание казахского государства, управляемого Учредительным собранием; 3) отделение религии от государства; 4) образование национальной армии – с обязательным призывом и разделенной на основе племенной принадлежности солдат; 5) трудовой кодекс «в пользу рабочих», по образцу кодекса из программы меньшевиков; 6) бесплатное образование на национальном языке, независимость образования от государства; 7) разрешение земельного вопроса путем первостепенного распределения земли между мусульманами, включая уже занятую колонистами; уступка колонистам возможных излишков, образующихся после распределения земли мусульманам; приписывание земли племенным группам, а не отдельным семьям; запрет на куплю-продажу земли. Программа была опубликована: Казах. 1917. 21.11; текст приводится: Брайнин–Шафиро (1935). С.133–135.

⁶⁴³ Съезд высказался в защиту прав кочевников на пастбища и на воду, осудил действия колонистов, потребовал от властей обеспечить максимально высокие цены на мясо и разрешить перевозить скот по железной дороге в наиболее нуждающиеся районы, отстаивал право киргизов на прямой импорт продуктов питания из тех областей Казахстана, где имелись излишки. Ср.: Диманштейн (1930). С.366–367; Алексеенков (1928). С.126–127; Туркестанский курьер. 1917. 19.09. №208. С.4.

⁶⁴⁴ Çokayoglu (1937). P.83.

⁶⁴⁵ Наша газета. 1917. 13.09. №116. С.2.

⁶⁴⁶ Отчет съезда был опубликован: Ulug Turkestan. №29. 30.09.1917 и перепечатан: Победа (1963). С.442–444.

⁶⁴⁷ То же.

⁶⁴⁸ Резолюции чрезвычайного съезда мусульман, на которые мы ссылаемся здесь и ниже, цитируются по: Туркестанские ведомости. №150. 03.10.1917. С.3; №151. 04.10.1917. С.3; №152. 05.10.1917. С.3; №153. 06.10.1917. С.3; Сафаров (1921). С.63–64.

⁶⁴⁹ Çokayoglu (1937). P.34–35.

⁶⁵⁰ Резолюцию см.: Ulug Turkestan. №29, 30.09.1917, перепечатка в: Победа (1963). С.445–446.

⁶⁵¹ Текст резолюции по Семиречью, отправленной телеграммой во Временное правительство, см.: Семиреченские ведомости. 1917. 29.09. №216. С.12.

⁶⁵² Следует тем не менее отметить два существенных отличия между позициями, выраженными на съезде, и позициями программы Алаш-Орды. Первое состоит в том, что резолюция туркестанского съезда, обозначая компромисс между джадидами и улемами, давала возможность докторам исламского права осуществлять контроль над государственными делами. Второе отличие заключается в крайне панисламистском тоне туркестанской резолюции: в Ташкенте предложили объединить в одной республике все народности Средней Азии, включая населяющих казахские степи; всеказахский съезд в Оренбурге, напротив, высказался за объединение только областей, населенных казахами, включая, однако, Сырдарьинскую и Семиреченскую области, принадлежащие Туркестану.

⁶⁵³ Комиссия на самом деле была сформирована уже несколько дней назад, как гласит приказ по армии № 715 от 27.09.1917 г. См.: РГВИА. 1396/2/2071/430.

⁶⁵⁴ Текст выступления Доррера см.: Туркестанские ведомости. 1917. 07.10. №154. С.3; 08.10. №155. С.3.

⁶⁵⁵ Там же. 1917. 04.10. №151. С.3.

⁶⁵⁶ Первая цитата взята из выступления одного эсера, который говорил от имени туркестанского Совета (Свободный Самарканд. 1917. 28.10., цитируется по: Рудницкая Д.М. Из истории строительства Советов в Туркестане (1917–1920 гг.). Ташкент, 1964. С.53; вторая цитата – часть предложения из резолюции, выдвинутой умеренной частью съезда (Туркестанские ведомости. 1917. 19.10. №164. С.3).

⁶⁵⁷ Выступление большевика Тоболина от имени ташкентского исполкома см.: Рудницкая (1964). С.53.

⁶⁵⁸ Туркестанские ведомости. 1917. 19.10. №164. С.3; см. также опубликованные документы: Победа (1963). С.463, 466.

⁶⁵⁹ Там же. С.448.

⁶⁶⁰ Требование было выдвинуто солдатским съездом, см.: уже цитировавшийся №151 «Туркестанских ведомостей».

⁶⁶¹ Победа (1963). С.310 и 597.

⁶⁶² Туркестанский курьер. 1917. 20.10. №229. С.2.

⁶⁶³ Çokayoglu (1937). P.87.

⁶⁶⁴ Споры вокруг процедуры выборов развернулись еще весной, когда русские предложили избирать своих представителей отдельно от мусульман (Çokayoglu (1937) P.38–39 и 45). Это предложение, отвергаемое Чокаевым, по сути и не рассматривалось как противоречащее правилам, принятым в других регионах России. Вопрос вновь встал на повестку дня в августе, когда выборы уже казались неминуемыми. В самом деле, они были назначены на 12 сентября, но затем отложены на два месяца (Туркестанский курьер. 1917. 20.08. №186. С.3). Крестьянский съезд решил направить Временному правительству предложение об изменении регламента, согласно которому вместо деления на избирательные округа по областям (в соответствии с первой редакцией регламента) предусматривалось деление на два округа – Семиречье (где преобладало европейское население) и все прочие области (Наша газета. 1917. 19.08. №97. С.1). Таким образом гарантировалось бы избрание большого числа русских депутатов. В конце

сентября предвыборная дискуссия вновь разгорелась по поводу выборов в ташкентскую Думу. Представители русских партий вновь обратились к предложению крестьянского съезда. Мусульмане, устами Убайдуллы Ходжаева, выступали против столь национально поляризованных выборов, утверждая, что в их списках будут и русские (приводилось имя Чайкина в Фергане), и отвергали предложения русских партий (Туркестанский курьер. 1917. 04.10. №215. С.3; 06.10. №217. С.2). Комитет Временного правительства и общественные организации Ташкента тем не менее настаивали на необходимости обеспечить русским достаточное представительство и предложили в последний раз отложить выборы до 26 ноября (Там же. 17.10. №226. С.3). Растерянность и страхи русских не смогли, однако, изменить хоть на йоту избирательный закон — голосование осталось всеобщим, равным для всего населения, избирательные округа остались равными областям. Демократические устремления мусульманских политиков разделялись и Петроградом.

⁶⁶⁵ Çokayoglu (1937). P.87.

⁶⁶⁶ Togan (1969). P.181.

⁶⁶⁷ Решение было одобрено съездом солдат-мусульман, открывшимся в Ташкенте 18 октября. На нем присутствовали Юсупов и Чокаев. См.: статьи: Ulug Turkestan. 1917. 18.10. №32; 04.11. №35 переведенные и перепечатанные: Победа (1963). С.490, 552–553. Материалы съезда опубликованы: Туркестанские ведомости. 1917. 20.10. №165. С.3; 21.10. №166. С.3.

⁶⁶⁸ Çokayoglu (1937). P.90–91.

⁶⁶⁹ Победа (1963). С.438.

⁶⁷⁰ Представитель Джамаит-и-Улема в Городской думе объяснял, что рост цен на зерно в прошлом году заставил многих крестьян сеять хлеб. Но затем многие в Фергане стали закупать зерно в Ташкенте, что резко подняло цены, сделав их недоступными для жителей старого города. Джамаит-и-Улема требовала запретить покупку зерна всем, кроме обитателей города. Ср.: Стенограмма заседания Городской думы от 27.09.1917 г. // ЦГАРУз. I-37/1/666/104.

⁶⁷¹ Победа (1963). С.284; Иноятов (1962). С.170.

⁶⁷² Один из членов Комитета Временного правительства, изучив протокол Совета мусульманских депутатов Коканда от 26.08.1917 г., признал, что Продовольственный комитет города не распределял должным образом продовольствие среди мусульманского населения. Он заявил, что Комитет должен быть реструктурирован, чтобы включить в себя наконец представителей мусульман. Документ от 01.09.1917, Ташкент: ЦГАРУз. I-1044/1/16/382–382об.

⁶⁷³ Castagné (1922). P.39–40; Иноятов (1962). С.112.

⁶⁷⁴ Иноятов. С.455–456, 468.

⁶⁷⁵ Секретное донесение консула Кашгара от 18.06.1917 г. // РГВИА. 1436/1/32/20.

⁶⁷⁶ Победа (1963). С.421–422, 468, 489.

⁶⁷⁷ Там же. С.72, 103–104, 189.

⁶⁷⁸ Туркестанские ведомости. 1917. 10.10. №156. С.1.

⁶⁷⁹ Победа (1963). С.285–288 и 290; Иноятов (1962). С.169.

⁶⁸⁰ Там же. С.460.

⁶⁸¹ Туркестанские ведомости. 1917. 10.10. №156. С.1.

⁶⁸² Победа (1963). С.451 и 472.

⁶⁸³ Совет намеревался восстановить порядок силой. Снабженческие организации тем временем должны были реорганизовать свою работу и наладить несколько направлений деятельности: немедленно провести ревизию имеющихся продовольственных запасов первой необходимости (мануфактура, рис, табак и пр.); обязать торговцев предоставить в короткие сроки сведения об имеющихся у них продуктовых запасах; совместно с полицией предпринять решительные меры против отказывающихся сотрудничать торговцев, против черного рынка и спекуляции. Ср. протокол № 31 заседания Исполкома Совета и Комитета рабо-

чих депутатов вместе с представителями Ашхабадского областного Совета от 22.09.1917 г. // ГАРФ. 6978/1/449/1–3.

⁶⁸⁴ Туркестанские ведомости. 1917. 25.10. №169. С.2; Иноятов Х.Ш. Победа Советской власти в Туркестане. М., 1978. С.197–198.

⁶⁸⁵ То же.

⁶⁸⁶ Туркестанский курьер. 1917. 05.10. №216. С.2.

⁶⁸⁷ Каждой русской семье, пострадавшей в ходе восстания, полагалось около 500 рублей (что в среднем по городу равнялось трем месячным зарплатам) для восстановления своего дела и приведения в порядок жилища. Кроме того, Комитету Временного правительства поручалось выделить дополнительные средства (помимо 11 миллионов рублей, направленных из центра) на помощь русскому населению. Возвращавшимся из Китая киргизам полагалось между тем всего около 100 рублей субсидии. Текст декрета опубликован: Туркестанские ведомости. 1917. 17.10. №162. С.3; см. также: Диманштейн (1930). С.76.

⁶⁸⁸ Туркестанский курьер. 1917. 12.09. №203. С.3; 30.09. №212. С.3; 03.10. №218. С.3; Победа (1963). С.459–463.

⁶⁸⁹ Туркестанский курьер. 1917. 04.10. №213. С.3.

⁶⁹⁰ Победа (1963). С.452.

⁶⁹¹ Там же. С.492–493, 504–506, 511–512.

⁶⁹² Там же. С.474–489.

⁶⁹³ Там же. С.512.

⁶⁹⁴ Там же. С.447–448.

⁶⁹⁵ Там же. С.514–515, 519–520; Туркестанские ведомости. 1917.22.10. №167. С.4.

⁶⁹⁶ Туркестанские ведомости. 1917. 28.10. №172. С.1.

⁶⁹⁷ Туркестанский курьер. 1917. 27.10. №235, приводится: Победа (1963). С.528.

⁶⁹⁸ Çokayoglu (1937). P.93; Резцов (1927). С.112; Иноятов (1978). С.212–213.

⁶⁹⁹ Иноятов (1978). С.206.

⁷⁰⁰ Наша газета. 1917. 10.11; цитируется: Сафаров (1921). С.66–67; Победа (1963). С.529–530.

⁷⁰¹ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Т.2. Ташкент, 1959. С.96, 98; Резцов (1927). С.114.

⁷⁰² Туркестанский курьер. 1917. 09.11. №239. С.2; Çokayoglu (1937). P.93.

⁷⁰³ Нуруллин Р.А. Очерки истории Ферганской области в советский период. Ташкент, 1980. С.46.

⁷⁰⁴ Было решено, что в него войдут три представителя от краевого Совета, два от крестьянского Совета, один от партии социалистов-революционеров, один от партии социал-демократов, один от киргизского Совета и один от Национального мусульманского комитета. Туркестанский курьер. 04.11.1917. №237. С.1.

⁷⁰⁵ Приказ нового исполкома см.: Туркестанские ведомости. 1917. 14.11. №177. С.1.

⁷⁰⁶ 9 сентября мусульмане еще не назначили своих представителей и, похоже, не сделали этого и в дальнейшем. Неделю спустя исполком был распущен. Там же. 10.11. №174. С.2.

⁷⁰⁷ Рудницкая (1964). С.56.

⁷⁰⁸ Рашидов Г. Ташкентский Совет в борьбе с саботажем и контрреволюционной печатью (ноябрь 1917 г. – апрель 1918 г.) // Из истории советского Узбекистана: Сборник статей. Ташкент, 1956. С.88–89.

⁷⁰⁹ См. в особенности выступления Колесова и Тоболина. Здесь и далее, если не указано другого, мы ссылаемся на стенограммы съезда (заседания 15, 16 и 17 ноября), опубликованные в Туркестанских ведомостях. 1917. 18.11. №181. С.2–3; 19.11. №182. С.3.

⁷¹⁰ Представители крестьянского Совета, которые до присоединения к съезду Советов провели собственный съезд, предложили образовать парламент Туркестана из десяти представителей краевого Совета, десяти — Совета крестьян, десяти от мусульман, десяти от областных Советов, двух от эсеров и двух от эсдеков (Там же. №181. С.3). При такой схеме и русские и мусульманские революционеры оказались бы в очевидном меньшинстве. Компромисс был предложен членами краевого Совета, которые на своем заседании незадолго до съезда высказались против «перехода власти к Советам» и заявили, что Временное правительство должно управлять краем вплоть до выборов в Учредительное собрание (Наша газета. 1917. 10.11. №124. С.2).

⁷¹¹ Лапин предложил следующий состав нового краевого исполкома: три представителя Советов, три — Городских дум, и шесть от мусульманского съезда. Этот орган власти, где мусульмане оказались бы в большинстве, должен был работать с новым ташкентским краевым Советом, который формировался по сходным критериям. Лапин, объясняя свое предложение, сказал, что, «основываясь на принципах самоопределения, мусульмане могли бы требовать себе всей власти, но (их съезд) сделал уступку иммигрантам, допустив их к участию во власти» (Наша газета. 1917. 23.11. №133. С.1–2 (текст приводится также: Сафаров (1921). С.69).

⁷¹² Шура-и-Ислам не имела подобных иллюзий и сопротивлялась всем попыткам переговоров с русскими революционерами. См. статью о мусульманском съезде: Туркестанские ведомости. 1917. 17.11. №180. С.3.

⁷¹³ Полный текст см.: Наша газета. 1917. 21.11. №132. С.2; приводится также: Сафаров (1921). С.69–70.

⁷¹⁴ То же.

⁷¹⁵ То же.

⁷¹⁶ Наша газета. 1917. 25.11. №135. С.1.

⁷¹⁷ Туркестанские ведомости. 1917. 18.11. №181. С.2–3.

⁷¹⁸ Наша газета. 1917. 01.12. №140. С.2.

⁷¹⁹ Так постановил Совнарком своими декретами от 2 января и 31 января. Ср.: Наша газета. 1918. 05.01. №4. С.2; 14.02. №26. С.2.

⁷²⁰ Сафаров (1921). С.71.

⁷²¹ Резолюция была принята на IV съезде Советов в январе 1918 г. / Свободный Туркестан. 1918. 25.01. №9. С.4.

⁷²² Байтурсунов. Революция и киргизы // Жизнь национальностей. 1919. 03.08. №25 (37). С.1.

⁷²³ 9 сентября Городская дума обсуждала опасность эпидемии холеры в старом городе. См.: Туркестанский курьер. 1917. 12.09. №203. С.3.

⁷²⁴ ЦГАРУз. 25/1/4/47–47об.; Наша газета. 1917. 08.12. №145. С.2; История гражданской войны в Узбекистане. Т.1. Ташкент, 1964. С.106.

⁷²⁵ Наша газета. 1918. 16.01. №12. С.1.

⁷²⁶ На продовольственном съезде в январе 1918 г. обсуждалось распределение 11 вагонов зерна, недавно прибывших из России. Выяснилось, что продкомитет Ташкента и железнодорожный городской комитет без разрешения захватили пять вагонов. Из шести оставшихся один был выдан жителям старого города, один — уездам Аулие-Ата и Черняевскому (где кризис был особенно жесток), только один — Фергане, а остальные три распределены между несколькими городами (вероятно, среди военных гарнизонов). Ср.: ЦГАРУз. 25/1/106/163.

⁷²⁷ Военная мысль. 1921. №2. С.137–138; Шмарцев (1927) на с.122 сообщает, что рацион был сокращен до 100 граммов.

⁷²⁸ Приказ, датированный 19 февраля 1918, см.: ЦГАРУз. 1/3/1267/125.

⁷²⁹ Рапорт правительству комиссару юстиции от 9 апреля // ЦГАРУз. 1/3/1267/341–347.

⁷³⁰ Наша газета. 1918. 30.01. №24. С.1.

⁷³¹ Там же. 27.03. №58. С.1.

⁷³² Там же. 11.04. №71. С.1; 16.04. №75. С.1; 17.04. №76. С.1.

⁷³³ 20 мая 1918 г. городской Совет обратился в Совнарком с запросом о кредите в 10 миллионов рублей, необходимым для поддержания работы больниц. Запрос уже посылался дважды, но остался без ответа. Ср.: ЦГАРУз. 17/1/663/78об.

⁷³⁴ Наша газета публиковала ежедневные отчеты из больниц с мая по декабрь 1918 г.

⁷³⁵ Сафаров (1921). С.81.

⁷³⁶ Сельскохозяйственная перепись, прошедшая летом 1917-го, предоставила сведения о засеянных площадях. Данные были не до конца точными, поскольку часть мусульманского населения воспротивилась переписи, но их хватало, чтобы осознать тревожность ситуации. Последующие оценки, заполняющие лакуны в собранных данных, говорят о том, что площади под зерновые сократились на 27% по сравнению с 1915 г. Кроме того, резко упала урожайность — вследствие разрухи и конфликтов. В целом, учитывая оценки последующих годов, можно утверждать, что производство зерна в 1917-м уменьшилось вдвое по сравнению с довоенным периодом. Исходные данные, отражающие эти оценки, были доступны и тогда. См. данные и графики, приведенные в последней главе первой части нашей книги.

⁷³⁷ Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана. М., 1921. С.81; текст перепечатан: Society for Central Asian Studies, reprint series N.4. Oxford, 1985.

⁷³⁸ Полный текст телеграммы, датированной 17 января 1918 г., см.: Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т.2. Упрочение Советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1972. С.121.

⁷³⁹ В стенограмме заседания продовольственного комитета от 10 января мы читаем, что гражданская война в Оренбурге препятствовала какой-либо транспортировке зерна с Севера и из Сибири, а доставка с Кавказа затруднялась неработающими дорогами и бандитизмом (ЦГАРУз. 1 / 3 / 1267 / 32–33).

⁷⁴⁰ Как сообщалось на съезде. Там же. 25/1/106/158–159об.

⁷⁴¹ Там же /164, 347 и 347об.

⁷⁴² Там же /158.

⁷⁴³ Там же 31/1/11/98об.–101.

⁷⁴⁴ Согласно этому отчету, в 1914 г. было произведено 38 744 585 пудов зерна (с излишком в 9 692 451 пуд относительно внутренней потребности); в 1915-м — 36 833 013 пудов (излишек — 10 304 748); в 1916-м — 21 947 269 пудов (дефицит — 830 871); в 1917-м — 7 868 987 пудов (дефицит — 14 243 398) См.: Там же /6.

⁷⁴⁵ Там же /101.

⁷⁴⁶ Там же /99об.

⁷⁴⁷ В селениях Сырдарьинской области, согласно переписи 1917 г., было 1 393 099 жителей, из которых 89 533 — русские. В той же области, в уезде Аулие-Ата русских было 37 789, а в Черняевском — 20 730. В селениях Ферганской области русских было 12 845, в Самаркандской — 866, а в Семиреченской — 239 124. Последние публиковавшиеся данные по городскому населению относятся к 1910 г.: 66 982 русских в Сырдарьинской области, 16 783 — в Самаркандской, 16 565 — в Ферганской, 49 868 — в Семиреченской. Однако мы знаем, что городское население заметно выросло после 1910 г., по крайней мере в Ташкенте, где в 1917 г. перепись перед выборами в Городскую думу зарегистрировала 79 953 жителя нового города и 184 125 — старого. В материалах продовольственного съезда в июле 1918-го для подсчета необходимого количества зерна численность населения Сырдарьинской области определялась как 1 969 268 человек. Возможно, эта цифра завышена, но не сильно: последующие данные указывают на 1 790 100 жителей. Ср.: Статистический ежегодник 1917–1923 гг. Т.2. Ч.3. Ташкент, 1924. С.225 (сельское население в 1917 году); Азиатская Рос-

сия. Т.1. СПб., 1910. С.87 (городское русское население в 1910 г.); Материалы по районированию Туркестана. Вып. 1. Ташкент, 1922. С.21 (общая численность населения в 1917 г.); ЦГАРУз. 269/1/255/21 (население Ташкента на 01.01.1917); Там же. 31/1/11/101 (общая цифра населения Сырдарьинской области в 1918 г.).

⁷⁴⁸ Там же /100.

⁷⁴⁹ Цитируется по докладу, представленному делегатом Джизака на VII съезде Советов в марте 1919 г. См.: Там же. 17/1/34/38 и 41.

⁷⁵⁰ Там же /98об.

⁷⁵¹ Там же /98об.— 99.

⁷⁵² Наша газета. 1919. 22.02. С.3.

⁷⁵³ Данные за 1915 г. см.: Очерки хозяйственной жизни Туркеспублики. Ташкент, 1921. С.72–73; за 1917 г. — Отчет о деятельности Туркестанского экономического Совета за февраль—октябрь 1921 г. Ташкент, 1922. С.156–163; за 1918 г. — Наша газета. 1919. 22.02. С.3 (столбец 1), Известия Комиссариата земледелия Туркестанской автономной республики. 1919. №6. С.33 (столбец 2) и ташкентские Известия. 1921. 04.03. №48. С.1 (столбец 3).

⁷⁵⁴ Наша газета. 1917. 08.11. №122. С.1.

⁷⁵⁵ Призыв Совнаркома к населению 25 ноября см.: История Узбекской ССР. Т.2. Ташкент, 1957. С.64.

⁷⁵⁶ Постановление об отмене частной собственности и о создании земельных комитетов см.: Наша газета. 1917. 08.12. №146. С.1; декрет о запрете купли-продажи земли был опубликован 22 декабря, текст см.: Сборник декретов и приказов Совета Народных Комиссаров Туркестанской Федеративной Республики, с 23 ноября 1917 г. до 1 июля 1918 г. Ташкент, 1918. С.3.

⁷⁵⁷ Распоряжение комиссара земледелия Романова об аграрной реформе. Документ появился вскоре после 27 января 1918 г., когда комиссар вступил в должность. Ср.: ЦГАРУз. Р-25/1/ 9/34; перепечатано: Победа (1972). С.134–136.

⁷⁵⁸ Новый Туркестан. 1918. 01.03. №10 (дата по новому стилю). С.34.

⁷⁵⁹ Резолюция об организации земельно-водных комитетов (26.01.1918), перепечатана: Победа (1972). С.128–129.

⁷⁶⁰ Полный текст циркуляра, распространенного 9 декабря 1917 г., см.: Додонов И.К. (ред.). Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане; Сборник документов. Ташкент, 1947. С.163–164.

⁷⁶¹ Победа (1972). С.134–136.

⁷⁶² Имеются в виду резолюции, принятые в январе 1918-го на двух съездах — общем крестьянском и съезде украинцев (составляющих довольно значительную часть иммигрантского сельского населения). В обоих случаях звучала критика советского правительства за чрезмерную централизацию, но активно поддерживалось создание комитетов. Украинцы, кроме того, требовали сохранить старый переселенческий комитет с отдельной функцией организации колониетских поселений. Комитет, существовавший с царских времен, был незадолго до этого ликвидирован правительством, а его функции перешли к комиссариату земледелия. Ср.: ЦГАРУз. 25/1/4/267; Свободный Туркестан. 1918. 25.01. №9. С.23; 30.01. №13. С.3; Иноятов (1978). С.256.

⁷⁶³ Додонов (1947). С.163–164.

⁷⁶⁴ Свободный Туркестан. 1918. 25.01. №9. С.3.

⁷⁶⁵ Труды 3-го съезда Коммунистической партии Туркестанской Республики Р.С.Ф. Ташкент, 1919. С.148.

⁷⁶⁶ Об этом сообщает Гудович. См.: Свободный Туркестан. №9. С.3.

⁷⁶⁷ Иноятов (1978). С.259.

⁷⁶⁸ Додонов (1947). С.168–169.

⁷⁶⁹ Турсунов Ч. Национальная политика коммунистической партии в Туркестане, 1917–1924 гг. Ташкент, 1971. С.233.

- ⁷⁷⁰ То же.
- ⁷⁷¹ Park A.G. *Bolshevism in Turkestan, 1917–1937*. New York, 1957. P.217.
- ⁷⁷² Наша газета. 1918. 28.02. №37. С.1.
- ⁷⁷³ Там же. 07.03. №43. С.2.
- ⁷⁷⁴ Там же. 06.03. №42. С.2.
- ⁷⁷⁵ Профсоюзный съезд состоялся в августе, имена докладчиков указывают на незначительное присутствие мусульман. См.: Наша газета. 1918. 30.08. №180. С.5.
- ⁷⁷⁶ История Узбекской ССР (1957). Т.2. С.75.
- ⁷⁷⁷ Там же. С.272–275; История гражданской войны (1964). Т.1. С.385.
- ⁷⁷⁸ История Узбекской ССР (1957). Т.2. С.78.
- ⁷⁷⁹ Пик производства хлопка пришелся на 1915 г. (14 млн пудов), в 1916 г. было произведено 11 млн, в 1917 г. — 10, в 1918 г. — только 2. См.: Статистический ежегодник 1921 г., Труды Центрального статистического управления / М., 1922. С.295.
- ⁷⁸⁰ ЦГАРУз. 25/1/4/254об., 265, 267.
- ⁷⁸¹ Доклад на продовольственном съезде // ЦГАРУз. 25/1/106/159.
- ⁷⁸² Там же /158об.; 1/3/1267/32–34.
- ⁷⁸³ Председатель Совнаркома Колесов, выступив на открытии съезда, заявил о беспомощности управ, его соображения были подхвачены делегатами (Наша газета. 1918. 12.01. №9. С.1; 13.01. №10. С.1). Затем Агапов, комиссар гражданского управления края, распространил циркуляр, в котором вина за продовольственный кризис возлагалась на уездные и областные комитеты, перехватывавшие транспорт с зерном, предназначенный управам (документ от 28.01.1918 г. см.: ЦГАРУз. 1/3/1267/34). Месяц спустя, 25 февраля, в другом циркуляре Агапов заявил, что нельзя смириться с тем, что местные комитеты отдают указания железнодорожным служащим, вмешиваясь в транспортировку зерна в Ташкент (Там же /150).
- ⁷⁸⁴ Приказ был издан 1 марта, но, видно, не вызвал энтузиазма местных комитетов, поскольку более месяца спустя Колесов был вынужден выпустить его в новой редакции. Документ от 12.04.1918 г. см.: Там же /322.
- ⁷⁸⁵ Декрет от 09.03.1918 г., завизированный Успенским от имени председателя Совнаркома, и Першиным, комиссаром по снабжению, предписывал почтовым отделениям не принимать продуктовые посылки и реквизировать те, что хранятся на почтовых складах (Там же /203).
- ⁷⁸⁶ Наша газета. 1918. 14.01. №11. С.1.
- ⁷⁸⁷ См.: документ от 20 февраля (7 февраля по старому стилю): ЦГАРУз. 1/3/1267/133.
- ⁷⁸⁸ Разумеется, были случаи протеста мусульман против комитета. Их мотивы стали вдвойне очевидны, когда управа добилась от продовольственного комитета старого города продажи ей по «политической цене» груза риса, который мусульмане получили в результате немалых усилий. Впоследствии управа перепродала рис по завышенной цене. Мусульмане протестовали, утверждая, что даже при царе не было такой неприкрытой спекуляции, наносившей им прямой вред. См. документ от 6.03.1918 г.: Там же /214–215, 243.
- ⁷⁸⁹ Отчет и резолюции продовольственного съезда см.: Там же. 31/1/11/100–107; Вестник семиреченского трудового народа. 1918. 08.09. №64. С.2; Советский Туркестан. 1918. 17.10. №100. С.12; Военная мысль. 1921. №2. С.138.
- ⁷⁹⁰ ЦГАРУз. 31/1/11/96об.–97об.
- ⁷⁹¹ Там же.
- ⁷⁹² В предвоенные годы в Ферганской области собирали около 17 млн пудов зерна; внутренний спрос удовлетворялся этим производством и импортом 12 млн пудов из России (около 80% всего импорта зерна в Туркестан). Падение поставок началось в 1917 г. и стало резким с октября: в июле 1917-го прибыло

299 087 пудов (299 вагонов), в августе — 224 005, в сентябре — 119 919, в октябре — 83 709, в ноябре — 128 860, в декабре — 52 936, в январе 1918 г. — 43 580, в феврале — 10 918, в марте — 18 048, в апреле — 90 338, в мае — 98 399. Всего с июля 1917 г. по май 1918 г., было импортировано чуть более миллиона пудов. Кроме того, заметно ухудшилось качество поставок: до декабря речь шла исключительно о пшенице и кукурузе, затем начали поставлять в основном пшено и овес, немного ячменя и ржи (пшеница и кукуруза составляли 67% поставок в марте, 42% в апреле, 17% в мае). С осени 1917 г. мусульманские крестьяне больше не получали зерна, все поставки предназначались русскому городскому населению. Реестр приходящих грузов зерна с месячной спецификацией по отдельным грузам см.: ЦГАРУз. Р-31/1/2/7–22; см. также: Сафаров (1921). С.81 (приведены частично отличающиеся данные); Военная мысль. 1921. №2. С.136; Наша газета. 1919. 22.02. С.3.

⁷⁹³ Резолюцию «о текущей ситуации», принятую съездом, см.: Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана, 1918–1924 гг. Ташкент, 1968. С.14–16.

⁷⁹⁴ Шмарцев. 1918 год в Туркестане // Коммунистическая мысль. 1927. Тетрадь 5. С.131.

⁷⁹⁵ История гражданской войны (1964). Т.1. С.114.

⁷⁹⁶ Решение было принято на V съезде Советов, в апреле 1918 г. См.: Наша газета. 1918. 26.04. №84. С.1.

⁷⁹⁷ Новая политика в отношении крестьянства соответствовала партийным указаниям из центра. Разрыв с эсерами произошел в Москве в середине марта, когда последние вышли из революционного правительства, а создание комбедов при поддержке Ленина было утверждено декретом центрального Совнаркома 11 июня. Этот поворот, вызванный подчинением центру, создал раскол и между большевиками на местах. Вскоре возникла оппозиция, склонявшаяся к поддержке колонистов и объединению с эсерами. О роспуске земельных комитетов см.: Иноятов (1978). С.260.

⁷⁹⁸ Военная мысль. 1921. №2. С.138–139; История гражданской войны (1964). Т.1. С.106 и 381.

⁷⁹⁹ Все происходившее было лишь исполнением московских директив. Декрет центра от 27 мая провозглашал установление «продовольственной диктатуры» и учреждал продкомы. Декрет о создании комитетов крестьянской бедноты предписывал, что последние должны получать часть собранного зерна, а крестьяне тех деревень, где скапливались излишки, получали по льготным ценам товары, ранее подлежавшие товарообмену. Ср.: Орлов Н.А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919. С.23–24.

⁸⁰⁰ Советский Туркестан. 1918. 16.10. №99. С.1.

⁸⁰¹ ЦГАРУз. Р-31/1/.3/105–121.

⁸⁰² Этот термин был использован на VI съезде Советов в октябре 1918 г. См.: Советский Туркестан. 1918. 10.10. №95. С.13.

⁸⁰³ Доклад Турара Рыскулова о борьбе с голодом см.: Наша газета. 1918. 20.11; перепечатано: Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. С.35–37. Текст, на который мы сошлемся еще не раз, был частично перепечатан: Революция в Средней Азии глазами мусульманских большевиков // Society for Central Asian Studies, reprint series N.3. Oxford, 1985.

⁸⁰⁴ По данным Рыскулова, опубликованным в «Нашей газете» в декабре 1918 г.; перепечатано: Рыскулов (1925). С.37–39.

⁸⁰⁵ Доклад о ситуации в Аулие-Ата, направленный 25 сентября городским головой в продовольственные комитеты области и края, а также в Комитет Временного правительства, см.: ЦГАРУз. 1044/1/17/137–138.

⁸⁰⁶ Стенограмму заседания от 10 января 1918 г. см.: Там же. 1/3/1267/32.

⁸⁰⁷ Там же. 25/1/106/65; Наша газета. 1918. 29.05. №105. С.5.

⁸⁰⁸ Документ от 21.03.1918 г., подписанный Агаповым, см.: ЦГАРУз. 1/3/1267/263.

⁸⁰⁹ Доклад «ревизора», отправленный из Ташкента в мае 1918 г., см.: Там же /365–369 и 375.

⁸¹⁰ Советский Туркестан. 1918. 18.10. №101. С.3.

⁸¹¹ Совет казахов сообщил об этой ситуации властям Аулие-Ата и Ташкента (ЦГАРУз. 1/17/1089/74–76).

⁸¹² Это следует из текста телеграмм, направленных председателем Комитета Временного правительства Наливкиным в Акмолинск и Петроград. Наливкин просил об отправке зерна в Черняев. См.: Там же. 1044/1/17/51–52. В деревнях Черняевского уезда проживало 20 730 русских, 34 401 оседлый мусульманин и 220 730 кочевников. В 1920 г. их будет, соответственно, 25 015, 29 414 и 124 384. См.: Статистический ежегодник, 1924. Т.2. Ч.3. С.14.

⁸¹³ Донесение от июня 1918 г., написанное инструкторами, направленными в уезд для организации земельно-водных комитетов, см.: ЦГАРУз. 1/3/1267/.385–387.

⁸¹⁴ То же.

⁸¹⁵ Совет Черняевского уезда столкнулся с протестом казахов и, как мы увидим в дальнейшем, высказался против насильственных акций колонистов. Казахи сообщали о «толпах вооруженных крестьян», вторгавшихся на их территорию. Резолюцию Совета, изданную в январе, см.: ЦГАРУз. 1 /17 /1089/16.

⁸¹⁶ Там же /11–12.

⁸¹⁷ Там же /16.

⁸¹⁸ Там же /74–76; Рыскулов (1925). С.18–19, 205–206.

⁸¹⁹ Документы, касающиеся Аулие-Ата, Черняевского уезда и восстания в Дмитриевке, см.: Рыскулов (1925). С.19–25, 206–211.

⁸²⁰ Эта ситуация была изложена Рыскуловым во время совещания исполкома Советов Туркестана в ноябре 1918 г. См.: Рыскулов (1925). С.35–36.

⁸²¹ Семиреченские ведомости. 1917. 18.10. №232. С.1; Çokayoglu M. 1917: Yil hatira parçaları. Paris; Berlin, 1937. P.96.

⁸²² Семиреченские ведомости. 1918. 23.01. №18. С.3 (газета тогда выходила с подзаголовком «Орган Туркестанского Комитета Временного Правительства»).

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ Экономическое положение (1957). Ч.3. На с.72 приведены данные о процентном соотношении (49,3% рабочей силы); можно посчитать, что речь шла приблизительно о 29 000 человек.

⁸²⁵ См.: Сафаров (1921). С.86; Мураевский С. (Лопухов В.). Очерки по истории революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1926. С.20. Эти же цитаты приводятся в кн.: Брайнин С., Шафиро Ш. Первые шаги Советов в Семиречье. Алма-Ата; Москва, 1934. С.26 (где оспариваются утверждения Сафарова и Мураевского).

⁸²⁶ Туркестанский курьер. 1917. 17.10. №226. С.2.

⁸²⁷ Семиреченские ведомости. 1918. 09.10. №88. С.3–4.

⁸²⁸ Сафаров (1921). С.85; Брайнин–Шафиро (1934). С.69–70.

⁸²⁹ Туркестанский коммунист. 1919. 17.08. №86. С.2.

⁸³⁰ Вестник семиреченского трудового народа. 1918. 08.09. №64. С.1; 21.09. №75. С.2; №88. С.2–3.

⁸³¹ Там же. 19.10. №96. С.1–2.

⁸³² Там же. 01.11. №106. С.3; 12.12. №139. С.2.

⁸³³ Там же. №106. С.12; 17.11. №119. С.1.

⁸³⁴ Там же. №88. С.3–4.

⁸³⁵ Там же. №106. С.1.

⁸³⁶ Там же. 08.09. №64. С.2.

⁸³⁷ Там же. 12.12. №139. С.3 (здесь приводятся также данные по другим основным сельхозпродуктам).

- ⁸³⁸ Там же. №88. С.3—4.
- ⁸³⁹ То же.
- ⁸⁴⁰ Туркестанский коммунист. 1919. №86. 17.08. С.2.
- ⁸⁴¹ Семиреченские ведомости. 1918. №88. С.3—4.
- ⁸⁴² Первые случаи холеры были зафиксированы в августе (Вестник семиреченского трудового народа. 1918. 03.08. №36. С.1), но осенью в основном бушевал тиф (Там же. 1918. 17.10. №84. С.4; 29.10. №103. С.4; 10.11. №113. С.3).
- ⁸⁴³ Свободный Туркестан. 1918. 31.01. №14. С.4.
- ⁸⁴⁴ Безвластие на местах длилось довольно долго. На III съезде Коммунистической партии Туркестана в июне 1919 г. сообщалось о существовании власти неподконтрольных Советов (см. донесение о ситуации в Семиречье: Туркестанский коммунист. 1919. 11.06. №45. С.1—2). Впоследствии были приняты меры для наведения «дисциплины», но без существенных результатов. «Члены Советов и их руководство, а также комитеты партии занимают двойственную позицию. Провоцует абсурдный сепаратизм, в котором область обвиняет уезды, а уезды — волости... Все издают свои законы — начиная с районного исполкома партии и кончая волостным. Повсюду пишутся свои законы. Царит полная децентрализация» (Там же. 15.08. №84. С.1—2).
- ⁸⁴⁵ Ответ революционеров г.Верный был опубликован: Заря свободы. 1918. 13.03. №5. Текст приводится также: Брайнин—Шафиро (1934). С.81.
- ⁸⁴⁶ Там же. С.44.
- ⁸⁴⁷ Там же. С.49.
- ⁸⁴⁸ Вестник семиреченского трудового народа. 1918. 30.08. №56. С.3—4. Сходные описания кризиса, коснувшегося кочевников в других районах, см.: Там же. 09.10. №88. С.4; 1919. 05.03. №47. С.3.
- ⁸⁴⁹ Летом 1917 г. Чокаев был направлен Временным правительством в Коканд, чтобы собрать денежную помощь для Ташкента на покупку зерна. Он быстро собрал необходимую сумму в русских и еврейских купеческих кругах. Об этом сообщает сам Чокаев: Çokayoglu (1937). С.90.
- ⁸⁵⁰ 26 ноября, в день открытия съезда, присутствовали 180 делегатов (в следующие дни прибыло еще около двадцати человек), 150 из них были из Ферганы, 22 — из Сырдарьинской области, 23 — из Самаркандской, 4 — из Бухары, только один из Закаспийской области, никого из Семиречья. Ср.: Castagné J. Le Turkestan depuis la révolution russe, 1917—1921 // Revue du monde musulman. Juillet 1922. P.47.
- ⁸⁵¹ Pipes (1980). P.93.
- ⁸⁵² Выступления на съезде приводятся в статье Б.И.Ельцева «Туркестанская автономия и ю.-в. Союз» в меньшевистском ежедневнике «Свободный Туркестан» (1918. 31.01. №14. С.2; 02.02. №16. С.2).
- ⁸⁵³ То же.
- ⁸⁵⁴ Алексеев П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931. С.24 (цитируется в качестве источника ежедневник Вакт).
- ⁸⁵⁵ Chokaev M. Turkestan and the Soviet Regime // Journal of the Royal Central Asian Society. Vol.18. July 1931. P.407.
- ⁸⁵⁶ То же.
- ⁸⁵⁷ Полный текст декларации см.: История советской конституции в декретах и постановлениях советского правительства, 1917—1936 гг. М., 1936. С.31—32.
- ⁸⁵⁸ Текст призыва см.: Carr E.H. La rivoluzione bolscevica, 1917—1923. Torino, 1964. P.309—310.
- ⁸⁵⁹ Chokaev M. The Basmaj movement in Turkestan // Asiatic Review. Vol.24. April 1928. P.279.
- ⁸⁶⁰ Сафаров (1921). С.72.
- ⁸⁶¹ В резолюции об автономии, принятой съездом, говорилось: «<...> в конце октября пало Временное правительство, Российская Республика лишилась

власти, пользующейся доверием народа и моральным авторитетом, что при отсутствии всякой власти в стране возможно возникновение гражданской войны, <...> что анархия растет с каждым днем и угрожает распространиться на территории тех областей, где живут казах-киргизы <...> единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти, которую признавало бы все население казах-киргизских областей». Как и на кокандском съезде, возникли противоположные позиции относительно тактической уместности объявления независимости. Выявились два противоположных течения: одни требовали, чтобы автономия была провозглашена немедленно, другие высказывались за перенос сроков. Вторая фракция, за которую высказался в числе прочих и Букейханов, один из лидеров Алаш-Орды, руководствовалась двумя соображениями: с одной стороны, необходимость постепенных шагов мотивировалась тем, что роспуск армии и, следовательно, наличие большого числа вооруженных людей среди русских несло определенный риск, так как декларация автономии могла быть воспринята русскими как повод для новой атаки на казахов; с другой стороны, следует сперва сформировать народное ополчение и завершить переговоры с представителями казахских областей Туркестана. Первая фракция при голосовании оказалась в меньшинстве; ее сторонники угрожали выходом из Алаш-Орды и прямым вхождением в Туркестанскую автономию. Компромисс между двумя линиями был достигнут путем создания Народного Совета и сдвигом на месяц провозглашения автономии. Документы, принятые на съезде, приводятся в кн.: Брайнин—Шафиро (1935). С.135—137; Бочалов А.К. Алаш-Орда: Краткий исторический очерк о национальном буржуазном движении в Казахстане периода 1917—1919 гг. Кзыл-Орда, 1927. С.10.

⁸⁶² Кастанье, присутствовавший на манифестации, сообщает, что в ней участвовало, «возможно, более 60 тысяч человек»: Castagné (1922). P.48.

⁸⁶³ Декрет № 13 от 4 декабря // Сборник декретов и приказов Совета Народных Комиссаров Туркестанской Федеративной Республики, с 23 ноября 1917 г. до 1 июля 1918 г. Ташкент, 1918. С.2.

⁸⁶⁴ Рашидов Г. Ташкентский Совет в борьбе за упрочение советской власти. Ташкент, 1960. С.137.

⁸⁶⁵ Алексеенков (1931). С.46.

⁸⁶⁶ Хроника манифестаций, если не указано иначе, приводится по: Алексеенков (1931). С.47—51.

⁸⁶⁷ Рашидов (1960). С.137—139

⁸⁶⁸ Сафаров (1921). С.74.

⁸⁶⁹ Генерал был убит в карцере 30 ноября. Краевой Совет по поводу случившегося публично заявил, что это бесчестье для революционеров, а виновные должны быть наказаны. Это один из последних случаев, когда умеренным удалось выразить свою позицию. Ср.: Наша газета. 1917. 01.12. №140. С.2; 02.12. №141. С.1.

⁸⁷⁰ Этот случай засвидетельствован Кастанье и Гудовичем (глава охраны города): Castagné (1922). P.50; ЦГАРУз. 25/1/4/93—93об. См. также: Абдуллаев Р.М. и др. Туркестан в начале XX века. Ташкент, 2000. С.89—90.

⁸⁷¹ Сафаров (1921). С.74.

⁸⁷² Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967. С.581—582.

⁸⁷³ Шмарцев. 1918 год в Туркестане: Хроника событий // Коммунистическая мысль. Кн.5. Ташкент, 1927. С.118.

⁸⁷⁴ Chokaev (1931). P.408. Аналогичная попытка переговоров с центром была предпринята в марте 1918 г. Алаш-Ордой, но не возымела успеха. См.: Байтурсунов А. Революция и киргизы // Жизнь национальностей. 1919. 3 августа. №29 (37). С.1.

⁸⁷⁵ Chokaev (1931). P.408.

- ⁸⁷⁶ То же.
- ⁸⁷⁷ Рашидов (1960). С.143; Алексеенков (1931). С.47.
- ⁸⁷⁸ Рашидов (1960). С.131.
- ⁸⁷⁹ D'Encausse в Allworth (1967). P.227; Pipes (1980). P.175.
- ⁸⁸⁰ Младобухарцы объединились с Совнаркомом и в конце февраля произвели совместную военную вылазку против эмира.
- ⁸⁸¹ Алексеенков (1931). С.30.
- ⁸⁸² Победа (1967). С.579.
- ⁸⁸³ Там же. С.409 и 579.
- ⁸⁸⁴ Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана: Летопись событий. Ташкент, 1966. С.84 (цитируется по: Наша газета. 1918. 09.01. №6); Победа (1967). С.585; Гинзбург С. Басмачество в Фергане // Очерки революционного движения в Средней Азии. М., 1926. С.133.
- ⁸⁸⁵ Образование (1966). С.80; Победа (1967). С.425.
- ⁸⁸⁶ Победа (1967). С.408.
- ⁸⁸⁷ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Т.2. Ташкент, 1959. С.113.
- ⁸⁸⁸ То же; Победа (1967). С.406–407; Шмарцев (1927). С.118.
- ⁸⁸⁹ Победа (1967). С.408–409.
- ⁸⁹⁰ Алексеенков (1931). С.43; Сафаров (1921). С.78.
- ⁸⁹¹ Европейский социализм имеет своим первоисточником тот же самый ислам: Письмо русским социалистам от ташкентской организации Шура-и-Ислам. 1918 // Исторический архив. 2004. №2. С.172–182. Письмо датировано 17 января. Оно обсуждалось улемами на чрезвычайном собрании и было обнаружено 16 февраля, когда в Коканде уже шли сражения.
- ⁸⁹² D'Encausse // Allworth (1967). P.227.
- ⁸⁹³ Примерно в то же время на Северном Кавказе тот же тарикат Нахшбандия играл центральную роль в антирусских восстаниях и продемонстрировал экстраординарную способность к выживанию в репрессивной обстановке: район восстания Шамиля середины XIX в. стал сценой для подобного же восстания в 1920–1921 гг. В обоих случаях провозглашался газават. См.: Bennigsen Broxup M. (ed.). The North Caucasus Barrier // The Russian Advance towards the Muslim World. London, 1992; Bennigsen Broxup M. The Last Ghazawat: The 1920–1921 Uprising. P.112–145.
- ⁸⁹⁴ Там же. P.174–175, 205–206, 228–229, 234.
- ⁸⁹⁵ Полицейские донесения о пожаре 22 ноября 1916 г. в Старом Маргелане кокандского отделения жандармского полицейского управления и прочие документы о разных пожарах см.: ЦГАРУз. I-461/1/1824/134–149.
- ⁸⁹⁶ Там же. I-1044/1/16/240–245об.
- ⁸⁹⁷ Телеграмма от 4 декабря 1917г. // Там же. 25/1/23/123.
- ⁸⁹⁸ Донесение Комитету Временного правительства в Ташкенте, направленное 23 июня 1917 г. депутатом городского правительства и членом комитета общественной безопасности Коканда, русским по национальности, см.: Там же. I-1044/1/3/20–21.
- ⁸⁹⁹ Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927. С.36.
- ⁹⁰⁰ Ср. архивные документы, собранные в кн.: Победа (1963). С.190–191, 225–226, 252, 259, 510.
- ⁹⁰¹ Там же. С.421–422, 468, 489.
- ⁹⁰² Там же. С.455–456, 460–462, 468; ГАРФ. 1800/1/45/51.
- ⁹⁰³ См.: Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981. С.51, где утверждается, что Мадамин-бек был арестован в 1913-м и осужден за уголовные преступления. Эта информация не находит подтверждения в прочих источниках.
- ⁹⁰⁴ Эти штрихи к биографии Мадамин-бека приводятся по записке, составленной политическим агентом советского военного командования Ферганы в

сентябре 1919 г. // Российский государственный военный архив в Москве (далее РГВА). 25859/2/45/105–105об.

⁹⁰⁵ Временное правительство в конце апреля согласилось с возвращением тыловиков. В мае в Туркестан стали прибывать первые поезда с мусульманскими рабочими из России. В Ташкенте местные власти их ожидали с тревогой, опасаясь, что возвращение более 100 000 тыловиков станет поводом к новым конфликтам. И, несомненно, большой проблемой было встроить их вновь в общество, охваченное экономическим кризисом и голодом. Туркестанский Совет принял решение не пускать тыловиков к их семьям, а принудить к общественным работам. Тыловики, таким образом, оказались распределены по крупным городам, где после праздничной, патриотической встречи местные Советы организовывали их в «союзы». Из этих союзов впоследствии образовался мусульманский Совет Туркестана, объединившийся затем с русским Советом. Вся операция происходила негладко. Шура-и-Ислам, возникшая внутри движения джадидов, относилась очень критично к Совету тыловиков. Союз тыловиков, движущая сила этого Совета, возглавлял некто Абдуразак Мамасадыков. Незадолго до того, как он стал председателем Союза, Шура-и-Ислам Старого Маргелана назвала его провокатором и потребовала арестовать. См.: Алексеенков П. Национальная политика Временного правительства в Туркестане в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. №8 (79), С.129–131; Божко Ф. Октябрьская революция в Средней Азии. Ташкент, 1932. С.23; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1947. С.47–53; Иноятов Х.Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. Ташкент, 1958. С.71; Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967. С.212.

⁹⁰⁶ РГВА. 25859/2/45/105–105об.

⁹⁰⁷ Мы получили информацию о семье и о жизни Мадамин-бека от Ибодашхон Ориковой, его свояченицы, и ее сына – Токира Сиддикова в Маргелане в сентябре 1999 г.

⁹⁰⁸ Алексеенков (1927). С.22–25.

⁹⁰⁹ Ulug Turkiston. 1918. 21.01. №54. В руководстве газеты состоял также Муштафа Чокаев.

⁹¹⁰ Как сообщали после разгрома командующий кокандской армией Чанышев и один из инструкторов, Кожухов. Столь высокая оценка числа людей под началом Иргаш-бая принадлежит самому Чанышеву, который для оправдания своего проигрыша занижал численность собственных войск и завышал численность войск врага. Ср.: Новый Туркестан. 1918. 2 матра (17 февраля). №11.

⁹¹¹ Корреспондент «Нового Туркестана» в №13 от 5 марта (20 февраля) 1918 г. сообщал о 400 вооруженных людях; согласно «Ulu Turkistan» (№54 от 21.01.1918), автономия имела под ружьем около 2000 человек; Наша газета, орган революционного правительства, в №35 от 26.02.1918, преувеличивая, сообщила о 2500 вооруженных мусульманах (цифра «Нашей газеты» фигурировала в докладе Перфильева, военного комиссара, руководившего осадой Коканда, представленном на заседании ташкентского Совета 23 февраля). Большие цифры, по всей видимости, относятся к суммарному числу сражавшихся мусульман, включающему и людей Иргаш-бая, и правительственные силы. Эти же источники сообщают о персах, сражавшихся в кокандской армии.

⁹¹² По утверждению М.А.Мир-Ахмедова, члена кокандского правительства. См.: Новый Туркестан. №11.

⁹¹³ В начале января по инициативе Джамаит-и-Улема состоялось большое собрание в одной из ташкентских мечетей. Выступавшие заявляли, что кокандское правительство не сделало ничего для защиты интересов мусульман, и потому не признавали его в качестве правительства. Ср.: Ulug Turkiston, 1918. 11.01. №50.

⁹¹⁴ Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана. М., 1921. С.79; Новый Туркестан. №13.

⁹¹⁵ Алексеенков (1931). С.62–65; Новый Туркестан. №11.

⁹¹⁶ Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. С.107.

⁹¹⁷ Отчеты о погроме см.: Новый Туркестан. №11, 13 и 19; Togan A.Z.V. Türklüğün mukadderatı üzerine. Istanbul, 1977. Изд.2. С.366–367; Рыскулов (1925). С.107; Сафаров (1921). С.79. Относительно использования армян в Красной армии см. нашу статью: Ethnicité et politique dans la guerre civile: à propos du basmacestvo au Fergana // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 38 (1–2), 1997.

⁹¹⁸ Новый Туркестан. №11.

⁹¹⁹ Так позже сообщал Кожухов – военный инструктор автономного правительства, арестованный Иргаш-баем. См.: Новый Туркестан. №11.

⁹²⁰ Из письма Чокаева 24.02.1918, опубликованного сначала на казахском языке в Birlik Тууу от 16.03.1918, а затем на узбекском в: Ulug Turkiston, №74 от 26.03.1918.

⁹²¹ То же.

⁹²² Новый Туркестан. №13.

⁹²³ То же.

⁹²⁴ Перфильев доложил о своих действиях на собрании Совета Туркестана 23 февраля; там же лидер социалистов-интернационалистов Вайнштейн обратился к нему с критикой, употребив цитируемые слова. Ср.: Новый Туркестан. 1918. 26.02. №7.

⁹²⁵ Из 66-страничного донесения, подписанного руководителем военно-исторического отдела командования фронтом Туркестана и датированного 23.02.1922. См.: РГВА. 110/1/141/16–79, процитированная часть – С.34.

⁹²⁶ Cartère d'Encausse H. Réforme et révolution chez les musulmans de l'Empire russe. Paris, 1981. Изд.2. С.233–238; Козловский Е. За красный Туркестан. Ташкент, 1926. С.11; Общественные науки в Узбекистане. 1990. №7. С.34 (где указывается, что эмир приказал убить 3000 джадидов).

⁹²⁷ Около половины солдат нового городского гарнизона были австро-венгерскими военнопленными, набранными в Ташкенте под гарантию компенсировать им участие в походе немедленным возвращением на родину. См.: РГВА. 25898/1/2/64–65.

⁹²⁸ Донесение мусульман комиссару по делам национальностей Турсуну Ходжаеву (документ не датирован, но относится к 1919 г.) см.: ЦГАРУз. 36/1/19/594–594об.

⁹²⁹ Новый Туркестан. 1918. 06.03. №14.

⁹³⁰ В середине февраля на собрании профсоюза работников хлопкообрабатывающей промышленности сообщалось, что басмачей в Фергане 80 000. Там же. 07.03. №15.

⁹³¹ Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967. С.408.

⁹³² Алексеев (1931). С.45.

⁹³³ Архив Ферганской области хранится в Ферганском областном государственном архиве (далее ФОГА). 121/1/64/135.

⁹³⁴ Протокол заседаний Комитета от 4 и 5 февраля // ФОГА. 121/1/64/8–8об., 23–23об., 28.

⁹³⁵ Резолюция Городской думы и общественных организаций Скобелева от 7 февраля: Там же /13–13об.

⁹³⁶ Победа (1967). С.406–407; Willfort F. Turkestanisches Tagebuch. Wien, 1930. P.139–140; Новый Туркестан. №11.

⁹³⁷ Телеграмма военного командования Скобелева Иргаш-баю, февраль, за несколько дней до разгрома Коканда // ФОГА. 121/1/98/85–88.

⁹³⁸ Колесов, председатель Совнаркома, руководил осадой Коканда; Полторацкий был народным комиссаром труда. Текст призыва см.: Там же /68/1–2.

⁹³⁹ См., напр., протокол заседания от 5 февраля // Там же /31.

⁹⁴⁰ Там же /138.

⁹⁴¹ Письмо военного командования Ферганской области от 5 февраля // Там же /37.

⁹⁴² Скобелевский Совет обсуждал проблему голода среди военнопленных 1 февраля. Протокол заседания см.: Там же /30–30об.

⁹⁴³ Письмо продовольственного комитета Ферганы военному командованию области от 6 февраля // Там же /112–112об.

⁹⁴⁴ Новый Туркестан. №11.

⁹⁴⁵ Письмо комиссара Араванского участка уездному комиссару Скобелева от 28 февраля // ФОГА. 121/1/89/22–24.

⁹⁴⁶ Новый Туркестан. №11.

⁹⁴⁷ Nayit (1950). P.77; Willfort (1930). P.142–144, где воспроизводится также текст призыва.

⁹⁴⁸ Ulug Turkeston. 1917. 24.12. №46; Willfort (1930). P.139–140.

⁹⁴⁹ Willfort (1930). P.145.

⁹⁵⁰ Новый Туркестан. №11.

⁹⁵¹ Донесение агента ташкентскому комиссариату по делам национальностей, декабрь 1918 г. // РГАСПИ. 122/1/114/36–41.

⁹⁵² В марте 1919 г. Революционный трибунал постановил отдать под суд виновных в том, что Мадамин остался на свободе. Комитет партии решил, однако, не исполнять решения Трибунала и предложил поменять его состав. Ср.: Заседание Революционного трибунала Ферганы от 05.03.1919 // ФОГА. 121/1/219/132–132об.

⁹⁵³ Докладная записка агента военного командования Ферганы, Скобелев, сентябрь 1919 // РГВА. 25859/2/45/105–105об.

⁹⁵⁴ РГАСПИ. 122/1/114/36–41.

⁹⁵⁵ Рапорт комиссара Старого Маргелана комиссару Ферганы от 19.01.1919 г. // ФОГА. 121/1/89/158–158об.

⁹⁵⁶ Этот призыв – первый текст Мадамина, который нам встречается. Он был написан на «туземном языке» и очень неточно переведен на русский. Курбаши наконец смог высказаться публично, хотя его и использовала Красная армия выгодным для нее образом. Помимо того, что мы уже сообщили о тексте призыва, Мадамин-бек объяснял: во времена кокандского правительства он полагал большевистскую власть лучшей и самой полезной для населения, но затем убедился, что деятельность большевиков состоит в грабежах, и оставил пост курбаши Старого Маргелана. Красноармейцы разграбили и сожгли его дом и дом его адъютанта. Мадамин угрожал газаватом и говорил, что англичане снабдили его пушками и бомбами, а это давало ему возможность обеспечить мир и спокойствие населению. Призыв, в этой сжатой жесткой версии, предлагал русскому населению отвернуться от большевиков и поддержать меньшевиков. Источник – рапорт старомаргеланского Совета ферганскому Совету от 27.01.1919 // ФОГА. 121/1/219/34–34об.; РГВА. 28113/7/6/284–284об.

⁹⁵⁷ Из протокола собрания иммигрантских организаций Ферганы от 17 марта 1918 г. // ЦГАРУз. 29/3/1069/5–6.

⁹⁵⁸ Донесение ферганского инструктора в Комиссариат земледелия Ташкента, 20 апреля 1918 г. // Там же /1–2об.

⁹⁵⁹ Донесения инструкторов, весна 1918 г. // Там же /5–6, 23–24, 30–31, 33–33об., 34–34об., 43–43об.

⁹⁶⁰ Там же /37–37об.

⁹⁶¹ Там же /34–34об.

⁹⁶² Донесения о работе инструкторов, весна 1918 г. // Там же /21–22 и 63–63об.

⁹⁶³ То же.

⁹⁶⁴ Донесение агента Комиссариату по делам национальностей, декабрь 1918 г. // РГАСПИ. 122/1/144/36–41.

⁹⁶⁵ ЦГАРУз. 29/3/1069/21–22.

- ⁹⁶⁶ Там же /50–51.
- ⁹⁶⁷ Воспоминания командующего армией Ферганы, апрель 1921 г. // РГВА. 278/1/74/96об.
- ⁹⁶⁸ То же; РГАСПИ. 122/1/114/36–41.
- ⁹⁶⁹ РГВА. 1075/3/38/12–13об.
- ⁹⁷⁰ То же; Гинзбург С. Басмачество в Фергане // Очерки революционного движения в Средней Азии. М., 1926. С.135.
- ⁹⁷¹ Это мнение встречается в разных источниках. Среди прочих – в донесении местных военных властей с ферганского фронта в конце 1919 г. // РГАСПИ. 110/3/923/9–9об.
- ⁹⁷² Эти события были описаны командующим Кокандского уезда на заседании военного комиссариата Ферганы 5 июля 1918 г. // РГВА. 25898/1/1283–286.
- ⁹⁷³ Хасанов М. Фергана после кокандских событий, февраль 1918 г. – март 1919 г. Машинописный текст (1993). Неопубликованное исследование, представляющее значительный интерес. Основано на материалах недоступного архива КГБ Узбекистана.
- ⁹⁷⁴ Там же.
- ⁹⁷⁵ Мнение Бройдо, направленное в Чрезвычайную комиссию по Туркестану (Турккомиссию) в конце 1919 г. // РГАСПИ. 17/84/88/71–71об.
- ⁹⁷⁶ Хасанов (1993). С.3.
- ⁹⁷⁷ Там же. С.4.
- ⁹⁷⁸ РГАСПИ. 122/1/114/36–41.
- ⁹⁷⁹ РГВА. 1075/3/38/12–13об.; Fraser G. Basmachi – 1 // Central Asian Survey. 1987. Vol.6. N1. С.23; Шамагдиев Ш.А. Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине. Ташкент, 1961. С.60–62.
- ⁹⁸⁰ Информация по территориальной организации сил Иргаш-бая и Мадамин-бека // РГАСПИ. 110/3/923/9–9об; РГВА. 110/2/392/10–14об. и 110/3/73/1–4об.
- ⁹⁸¹ То же. О продаже оружия басмачам сообщает также Турар Рыскулов в письме советским властям Ташкента от 11.05.1919 г. // ЦГАРУз. 17/1/14/74–75об. О вылазке в Ханул-Абар сообщается в донесении агента службы сбора информации в Комиссариат внутренних дел 22 марта 1919 г. // РГВА. 25859/2/11/82–85об.
- ⁹⁸² Донесение от мая 1920 г. комиссии ЦИК Советов, уполномоченной прояснить внутреннюю ситуацию в Туркестане // РГАСПИ. 17/84/88/93–101.
- ⁹⁸³ Донесение агента Комиссариата по национальным делам от 24.12.1918 (РГАСПИ. 122/1/114/36–41) и донесение о ферганской ситуации, представленное в Ташкенте в июне 1919 г. на III съезде Компартии Туркестана (ЦГАРУз. 17/6/366/72–77).
- ⁹⁸⁴ Донесение члена ферганского исполкома по исполнению миссии в Андижане, февраль 1919 г. // ФОГА. 121/1/219/252–253.
- ⁹⁸⁵ РГВА. 25859/2/11/82–85об.
- ⁹⁸⁶ Донесение военному комиссару Осипову от 5 августа 1918 г. // РГВА. 25898/1/72/375–376об.
- ⁹⁸⁷ Материалы всероссийских переписей. Вып. 4.; Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1924. С.56–57.
- ⁹⁸⁸ «Ulug Turkeston» (№45 от 20.12.1917), татаро-узбекская ташкентская газета, сообщает о собрании в кишлаке Ханабад, в котором приняло участие более тысячи человек.
- ⁹⁸⁹ Донесение в ЦИК Туркестана о мусульманах-активистах Советов в 1921 г. // РГАСПИ. 122/1/270/21.
- ⁹⁹⁰ Козловский (1926). С.22–23.

⁹⁹¹ Информация об этих событиях здесь и далее приводится по уже цитированному документу: РГАСПИ. 122/1/114/36–41; см. также: Алексеенков (1927). С.21–22.

⁹⁹² Рыскулов (1925). С.107–109.

⁹⁹³ РГВА. 25859/2/11/82–85об.

⁹⁹⁴ То же.

⁹⁹⁵ То же.

⁹⁹⁶ Протокол съезда представителей Советов и компартии Ферганы, состоявшегося 29–31 марта 1919 г. // ЦГАРУз. 25/1/254/18–28об.

⁹⁹⁷ Об образовании крестьянской армии см.: Алексеенков (1927). С.21–25; Козловский (1926). С.22; Зуев Д.Д. Ферганское басмачество // Гражданская война. Т.3. Материалы по истории ферганского басмачества и боевых операций в Бухаре. М., 1924. С.37–38.

⁹⁹⁸ РГВА. 28113/7/6/283.

⁹⁹⁹ Рыскулов (1925). С.36–37.

¹⁰⁰⁰ Комиссия была создана приказом ТурЦИКА 28.11.1918. Устав и регламент ее местных отделений также соответствовали пожеланиям Рыскулова. Тексты этих двух документов см. соответственно: ЦГАРУз. Р-31/1/64/48–49; 25/1/197/1–3.

¹⁰⁰¹ Рыскулов (1925). С.43.

¹⁰⁰² Заседание ТурЦИКА 13.12.1918 // ЦГАРУз. 25/1/197/33.

¹⁰⁰³ Донесение Рыскулова ТурЦИКу в марте 1919 г. // Там же. 17/1/11/149–149об.

¹⁰⁰⁴ Таблица (рукопись), подписанная Рыскуловым и датированная 27.01.1919 г. // Там же. 25/1/197/11–12.

¹⁰⁰⁵ Стенограмма заседания 18.02.1919 коллегии Комиссариата земледелия, в котором участвовал Рыскулов в качестве председателя Комиссии по борьбе с голодом. Документ, подписанный Рыскуловым, см.: Там же /13–14. См. также письмо Рыскулова в ТурЦИК в феврале // Там же/18–19. Ситуация подробно описана в донесении Комиссии, представленном на VII чрезвычайном съезде Советов в марте в Ташкенте: Рыскулов (1925). С.70–78.

¹⁰⁰⁶ Донесение киргизской сессии Комиссариата по делам национальностей Туркестана в Мусбюро от 27.11.1919 г. // ЦГАРУз. 122/1/46/6–11об.

¹⁰⁰⁷ Смета расходов Центральной комиссии по борьбе с голодом была раскритикована Бюджетной комиссией республики в документе от 03.05.1919 // Там же. 17/1/915/8–9об.; стенограмма от 30.05.1919 // Там же /21–25об.

¹⁰⁰⁸ Рыскулов добился финансирования в объеме 305 миллионов рублей, из которых сразу получил 110 // Там же. 25/1/197/13–14.

¹⁰⁰⁹ Шмарцев. 1918 год в Туркестане // Коммунистическая мысль. Тетрадь 5. 1927. С.126; Федоров (1926). С.65.

¹⁰¹⁰ Ellis C.H. The Transcaspian Episode, 1918–1919. London, 1963. P.107.

¹⁰¹¹ Park A.G. Bolshevism in Turkestan, 1917–1937. New York, 1957. P.22–30; Pipes R. The Formation of the Soviet Union, Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge (Mass.), 1980. Изд.3. P.180–181; Castagné (1925). P.22–23.

¹⁰¹² Рыскулов (1925). С.28–32; Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Т.3. Ташкент, 1964. С.40–45.

¹⁰¹³ Интересно, что писали о вине Осипова и о предшествующем заговоре те, кто так или иначе с этим были связаны: английский полковник Эзертон (Ethernon C.T. In the Heart of Asia. London, 1925. С.158–159); Зайцев, написавший подробные воспоминания, находясь в лагере (Зайцев И.М. Из недавно пережитого // Соловецкого острова. Ежемесячный журнал, орган Управления Соловецкими лагерями особого назначения ОГПУ. 1926. №4–5/6.); Панасюк, председатель реввоенсовета, обвинивший Осипова в организации государственного переворота, и председатель военного и политического командования

фронтом в Ашхабаде (Панасюк А.И. Документы январских событий 1919 г. в гор. Ташкенте. Ташкент, 1925); Castagné (1925). P.19–27; некоторые свидетельства, приведенные в кн.: Январское восстание / Под ред. Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б). Ташкент, 1919. Недавнюю новую, хотя и поспешную, реконструкцию заговора среди коммунистов см.: Хасанов М. Бунт? Мятеж? Восстание? // Народное слово. 1991. 22.01.

¹⁰¹⁴ Панасюк (1925). С.18, 21–22.

¹⁰¹⁵ Сафаров (1921). С.93.

¹⁰¹⁶ Etherton (1925). P.158–159.

¹⁰¹⁷ Fraser (1987). P.28.

¹⁰¹⁸ Назаров М.Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции, 1918–1920 гг. Ташкент, 1969. С.117.

¹⁰¹⁹ Назаров (1969). С.119–122, 159–160, 178–179.

¹⁰²⁰ Рыскулов (1925). С.67–79 (цитата с с.77).

¹⁰²¹ Назаров (1969). С.122–129. О плохих отношениях между старыми коммунистами и Незаметдином Ходжаевым см.: Рыскулов (1925). С.28–32.

¹⁰²² Речь Рыскулова на III съезде Коммунистической партии (июнь 1919) см.: Туркестанский Коммунист. 1919. 11.06.

¹⁰²³ Резолюция и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана, 1918–1924 гг. Ташкент, 1968. С.57. О военнопленных см. нашу статью в Cahiers (1997).

¹⁰²⁴ Радиogramма была опубликована 15 июля в ташкентских «Известиях», а на следующий день – в «Туркестанском коммунисте».

¹⁰²⁵ Резолюции (1968). С.57.

¹⁰²⁶ Рыскулов (1925). С.191–192.

¹⁰²⁷ Доклад Успенского на VIII съезде Советов см.: Туркестанский коммунист. 1919. 13.09.

¹⁰²⁸ Резолюция была принята IV чрезвычайным съездом партии (сентябрь 1919), см.: Резолюции (1968). С.65.

¹⁰²⁹ Туркестанский коммунист. 1919. 16.09; 12.10.

¹⁰³⁰ Рыскулов (1925). С.187–189; Туркестанский коммунист. 1919. 16.07; 06.08; Голос Семиречья. 1919. 25 июля.

¹⁰³¹ Brun A.H. Troublous Times: Experiences in Bolshevik Russia and Turkestan. London, 1931. P.49; Bailey F.M. Mission to Tashkent. London, 1946. P.41; Матвеев А.М. Иностранцы интернационалисты в Туркестане, конец 1917 г. – середина 1918 г. // Известия АН Узбекской ССР. «Серия Общественные науки». 1960. №5 (мы ссылаемся на с.242 и 246 этой статьи, перепечатанной в: Central Asian Review. 1961. №3); Россия в мировой войне 1914–1918 годов в цифрах. М., 1925. С.41; РГВИА. 1396/2/2018/16, 18, 20, 22.

¹⁰³² ЦГАРУз. p-17/1/693/65–65об.

¹⁰³³ Brun (1931). P.90–92.

¹⁰³⁴ Ситуация описана в стенограмме заседания военно-санитарного Совета округа 18 февраля 1918 г.; на заседании предлагалось закрыть лагерь из-за невозможности его реорганизации и оздоровления (ЦГАРУз. 25/1/22/21–21об.). Вероятно, внимание к сложившейся ситуации было привлечено визитом в лагерь капитана Бруна, находившегося в Туркестане в качестве представителя датского посольства с заданием защищать интересы австро-венгерских военнопленных. Отчет об инспекции лагеря см.: Brun (1931). P.74–77.

¹⁰³⁵ В этом духе высказался съезд Советов Сырдарьинской области. Ср.: Наша газета. 1917. 05.05. №11.

¹⁰³⁶ Требование освободить пленных исходило от ряда профсоюзов. См. документы: РГВИА. 1396/2/2010/5, 6, 8, 10, 15–17, 20–22, 24, 28–29, 31.

¹⁰³⁷ ЦГАРУз. 25/1/23/34.

¹⁰³⁸ Например, начальник Черняевского лагеря в феврале 1918 г. хотел отправить в Ташкент 1500 своих заключенных. См.: Там же. 1/3/1267/128.

¹⁰³⁹ Таково было описание ситуации в тексте декрета Совнаркома от 22 марта 1918 г. РГВИА. 1396/2/2005/105–105об.

¹⁰⁴⁰ Согласно документу военного командования Туркестана от 15 мая 1918 г. Там же /112–113об.

¹⁰⁴¹ Наша газета. 1918. 16.01. №12.

¹⁰⁴² Willfort F. Turkestanisches Tagebuch. Wien, 1930. P.140–146.

¹⁰⁴³ РГВА. 25898/1/2/64–65.

¹⁰⁴⁴ См. приказ Совнаркома № 122 от 21 марта 1918 г. (РГВИА 1396/2/2005/63), позицию Бруна в письме Совнаркому от 19 апреля (ЦГАРУз. 2252/1/5/46) и официальный протест Петрограда (Brun (1931). P.78).

¹⁰⁴⁵ Два дня спустя после принятия декрет был опубликован: Наша газета. 1918. 25.05. №94.

¹⁰⁴⁶ Ср.: Приказ № 492 от 20 июля 1918 г. и № 590 от 31 августа. РГВА. 25898/1/78/347 и 425.

¹⁰⁴⁷ Матвеев (1961). С.244.

¹⁰⁴⁸ Наша газета. 1918. 22.08. №174. Месяц спустя другое собрание насчитало 3000 военнопленных, часть которых сражалась под Оренбургом. См.: Советский Туркестан. 1918. 11.09. №73.

¹⁰⁴⁹ Ellis (1963). P.50; Филиппов С.Т. Боевые действия на Закаспийском фронте, 1918–1920 гг. Ашхабад, 1928. С.3–4.

¹⁰⁵⁰ Донесение о военнопленных, представленное съезду партии, см.: Протоколы III краевого съезда РКП(б) Туркестанской Республики, июнь 1919 г. // РГАСПИ. 17/6/366/98–102.

¹⁰⁵¹ Позиция иностранной коммунистической партии и позиция реввоенсовета Туркестана выражены в двух документах от 07.05.1918 г. см.: РГВА. 25859/1/12/18, 19–19об.

¹⁰⁵² Различные документы за февраль–апрель 1919 г. см.: РГВА. 25898/1/358/8–8об, 13, 21; ЦГАРУз. 25/1/358/21.

¹⁰⁵³ См.: Ellis (1963). P.111 и 123; Матвеев (1961). С.247; Филиппов (1928). С.45; Мусбюро РКП(б) в Туркестане. Ташкент, 1922. С.2–3; Козлов Т.С. Красная гвардия и Красная армия в Туркмении: Историческая справка об организации и этапах борьбы. Ашхабад, 1928. С.19; РГВА. 25898/1/357/78; РГАСПИ. 17/84/27/4об.; 17/6/366/98–102.

¹⁰⁵⁴ Мы ссылаемся на решение партии, принятое на заседании 2 июня 1919 г., см.: РГВА. 25859/1/12/156–156об.

¹⁰⁵⁵ Отчет в реввоенсовет Туркестана из Ферганы от 27 июня 1919 г. см.: Там же /337.

¹⁰⁵⁶ См.: уже цитировавшуюся стенограмму III съезда партии: РГАСПИ. 17/6/366/99.

¹⁰⁵⁷ Там же /100–101.

¹⁰⁵⁸ Записку от 26.01.1920 г. см.: РГВА. 110/2/141/187–187об.

¹⁰⁵⁹ РГВА. 110/1/3/13.

¹⁰⁶⁰ Телеграмма в московский реввоенсовет и Троцкому, отправленная 26.01.1920 г. реввоенсоветом туркестанского фронта, подписанная Новицким, Куйбышевым и Эллавои, см.: Там же. 33988/2/119/53.

¹⁰⁶¹ Возвращение пленных на родину началось только в ноябре. РГАСПИ. 670/1/55/78.

¹⁰⁶² См.: Bennigsen A., Quelquejay C. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalievisme» au Tatarstan. Paris, 1960. P.78–79.

¹⁰⁶³ Bennigsen A., Lemerrier Quelquejay C. Sultan Galiev: Le père de la révolution tiers-mondiste. Paris, 1986. P.103, 123–125.

¹⁰⁶⁴ Там же. P.123.

- ¹⁰⁶⁵ Из текста его доклада на III конференции Мусбюро, состоявшейся в те же дни, что и V партийный съезд. См.: Известия (Ташкент). 1920. 05.02. Цитируется по: Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана. М., 1921. С.109.
- ¹⁰⁶⁶ Резолюцию «О создании партии и Советов», написанную на основе докладов Ф.Голощекина и Я.З.Рудзутака, см.: Известия. 1920. 25.01. С.3.
- ¹⁰⁶⁷ То же.
- ¹⁰⁶⁸ То же.
- ¹⁰⁶⁹ В уже цитировавшейся резолюции «О создании партии и Советов» говорится, что промышленный пролетариат в Туркестане слишком слаб, а классовое разделение слишком нечеткое для реализации диктатуры пролетариата.
- ¹⁰⁷⁰ Известия. 1920. 05.02.
- ¹⁰⁷¹ То же.
- ¹⁰⁷² Правда Туркестана. 1920. 06.02. №27. С.2.
- ¹⁰⁷³ Донесение начальника военно-исторического отдела фронтового штаба Туркестана от 23.02.1922 г. см.: РГВА. 110/1/141/40 (донесение на 66 страницах).
- ¹⁰⁷⁴ Мусбюро РКП(б) в Туркестане, 1, 2 и 3 Туркестанские краевые конференции РКП(б), 1919–1920 гг. Ташкент, 1922. С.67–68.
- ¹⁰⁷⁵ Резолюция Мусбюро датирована 22 апреля, резолюция крайкома – следующим днем. См.: Мусбюро РКП(б) (1922). С.67–68; Рыскулов (1925). С.87–91.
- ¹⁰⁷⁶ Мусбюро РКП(б) (1922). С.69–71.
- ¹⁰⁷⁷ Туркестанский коммунист. 1919. 4 мая; Известия Ферганского Совдепа. 1919. 7 мая; Мусбюро РКП(б) (1922). С.65–69; Рыскулов (1925). С.93–95; ЦГАРУз. р-17/1/699/4–4об.; 36/1/17/217–218.
- ¹⁰⁷⁸ Проект был принят ревкомом уезда и Андижана. См.: Там же. р-17/1/699/54.
- ¹⁰⁷⁹ Рыскулов (1925). С.95.
- ¹⁰⁸⁰ Доклад на III съезде компартии 6 июня 1919 г. Полный текст см.: Там же. С.98–104.
- ¹⁰⁸¹ Документ военного командования Туркестана от 2 сентября 1919 г. РГВА. 25859/1/30/175–183.
- ¹⁰⁸² Как утверждает Голощекин, председатель комиссии, направленной в Фергану 28 ноября 1919 г. РГАСПИ. 17/84/88/63.
- ¹⁰⁸³ Такие заявления звучали на заседании в Фергане 25 ноября 1919 г., в котором участвовали коммунистические руководители, склонные к переговорам с басмачами и критикующие роль, до сих пор исполняемую Красной армией. См.: Там же. 122/1/251/14.
- ¹⁰⁸⁴ Наша газета. 1918. 22 июня.
- ¹⁰⁸⁵ РГВА. 25898/1/78/207.
- ¹⁰⁸⁶ Наша газета. 1918. 12, 24 и 25 июля. Выступления на съезде подчеркивали тесную связь между развитием конфликта в Закавказье и действиями Дашнакцтюна в Туркестане.
- ¹⁰⁸⁷ Ter Minassian A. La République d'Arménie. Bruxelles, 1989. P.100–101.
- ¹⁰⁸⁸ Назаров (1969). С.123.
- ¹⁰⁸⁹ Хасанов (1993). С.15.
- ¹⁰⁹⁰ Текст трех приказов о разоружении армян Ферганы, изданных комиссией, см.: Рыскулов (1925). С.104–106.
- ¹⁰⁹¹ Рукописное письмо, отправленное 11 мая из Андижана в Ташкент, председателю ТурЦИКа Казакову // ЦГАРУз. 17/1/14/74–75об.
- ¹⁰⁹² РГВА. 25859/2/11/82–85об.
- ¹⁰⁹³ Рыскулов (1925). С.104–106.
- ¹⁰⁹⁴ Мусбюро РКП(б) (1922). С.10. Объявление на конференции Мусбюро было сделано 25 мая, а первый приказ о разоружении датирован 26 мая. Очевидно, сперва армяны вынудили сдать оружие, затем об этом объявили на конферен-

ции мусульман-коммунистов и только потом, когда все уже было сделано, отдали формальный приказ о разоружении.

¹⁰⁹⁵ Год спустя в докладе на имя Фрунзе заместитель командующего 2-й Тюркской бригадой утверждал, что Армянское общество ничем не отличается от Дашнакцутюна, и предлагал издать распоряжение о его зыкрытии. Доклад, датированный 06.04.1920, см.: РГВА. 100/3/923/158об.

¹⁰⁹⁶ Мы ссылаемся на решение партии, принятое на заседании 2 июня 1919 г. См.: Там же. 25859/1/12/156–156об.

¹⁰⁹⁷ Отчет из Ферганы в реввоенсовет Туркестана от 27 июня 1919 г. Там же /337.

¹⁰⁹⁸ Информация взята из свидетельств граждан г.Чусть в апреле 1919 г. Командир отделения, собравший показания, сообщает, что действовал так: по прибытии в Чусть с солдатами он не обнаружил басмачей, остановил трех сартов и подверг их допросу; не получив информации о басмачах, солдаты расстреляли сартов, затем арестовали одного русского и одного сарта, которые под страхом расстрела сообщили им требуемую информацию. Свидетельства и сопроводительное письмо в адрес Сафонова см.: Там же. 149/1/75/88–89, 90.

¹⁰⁹⁹ Там же. Записка от 17 апреля // Там же /162.

¹¹⁰⁰ Осипов был хорошо принят в Бухаре в том числе и потому, что привез с собой деньги и золото, похищенные у Советов. Позже к нему стали относиться с недоверием. В августе Осипов покинул Бухару, оставив свои средства в банке эмирата, и прибыл в Баку для встречи с Деникиным. По данным Красной армии, Деникин, договорившись с правительством Баку и с англичанами, готовился к свержению советской власти в Туркестане. Бухара рассчитывала, что это вторжение послужит ей на пользу. Инструкцию Красной армии, датированную 17.08.1919 г., см.: РГВА. 110/3/912/7об.; записка о ситуации в Бухаре от 10–17 августа 1919 г.: Там же /9.

¹¹⁰¹ Сообщения информаторов, июнь 1919 г. Там же. 25859/2/11/116–117.

¹¹⁰² Донесение Сорокина Центральному комитету, июнь 1919 г. // РГАСПИ. 17/84/27/2об.

¹¹⁰³ РГВА. 25859/2/11/82–85об.

¹¹⁰⁴ Записка секретного сотрудника от 18.12.1919 г. // Там же. 6/3/33/123–127.

¹¹⁰⁵ Записки секретного сотрудника // Там же. 25859/2/45/354–355об.; /11/144.

¹¹⁰⁶ Записка секретного сотрудника от 15–17.08.1919 г. // Там же. 25859/2/11/145–145об.

¹¹⁰⁷ Сведения об этой дискуссии см. в стенограммах заседания командования Ферганского фронта (15 июля 1919) и в стенограммах двух заседаний реввоенкома Туркестана (23 июля и 8 августа) // Там же. 25859/1/12/415, 25859/1/20/59об.; /40/23–23об.

¹¹⁰⁸ РГАСПИ. 122/1/29/44–45.

¹¹⁰⁹ Информационные сообщения ферганского Совета Совнарком от 14 января и 24 мая 1919 г. // ФОГА. 121/1/282/14–16 и 32–32об.

¹¹¹⁰ Там же /32–32об.

¹¹¹¹ РГВА. 149/1/51/90.

¹¹¹² То же.

¹¹¹³ О внутренней ситуации в Намангане см.: доклад комиссии ТурЦИКа, представленный 6 июня на III съезде коммунистической партии. Рыскулов (1925). С.98–104.

¹¹¹⁴ Донесение командования Красной армии в Намангане от 01.07.1919 г. // ФОГА. 121/1/275/27–28об.

¹¹¹⁵ Приказ, изданный 4 апреля командиром отряда в Самарканде, цитировался Тураром Рыскуловым на IV чрезвычайном съезде компартии Туркестана

(сентябрь 1919) и был опубликован: Туркестанский коммунист. 1919. 12.10. №128; Мусбюро РКП(б) (1922). С.58–59.

¹¹¹⁶ Донесение начальника полиции Нанайского участка наманганскому Совету от 04.06.1919 г. // ФОГА. 121/1/282/126–126об.

¹¹¹⁷ Содержание резолюции приводится в шифротелеграмме, отправленной из Андижана в советское правительство в Ташкент 8 августа 1910 г. См.: РГВА. 25859/2/11/97–97об.

¹¹¹⁸ О зерновой монополии в Фергане см.: Туркестанский коммунист. 1919. 11 и 17 июня, а также: ЦГАРУз. р-17/1/34/377об. (выступление на VIII съезде Советов Туркестана, сентябрь 1919).

¹¹¹⁹ ЦГАРУз. р-17/1/34/310–310об.; р-17/1/34/377об.; РГВА. 25859/2/45/354–355об.

¹¹²⁰ Если не указано иного, информация о крестьянской армии берется из: Алексеевков (1927). С.29–50.

¹¹²¹ Важные документы о соглашении между Мадамин-беком и Монстровым см.: Алексеевков (1927). С.52–101. Кроме того: РГВА. 25859/2/11/133; РГАС-ПИ. 122/1/251/37–40.

¹¹²² Доклад на съезде представителей Советов, исполкомов и компартии Ферганы, 29–31.03.1919 // ЦГАРУз. 25/1/254/18–28об.

¹¹²³ Памятка инструктора мусульманских частей Андижана, направленная командующему фронтом Ферганы 24.08.1919 г. // РГВА. 149/1/75/306–306об.

¹¹²⁴ Как сообщил один из делегатов Ферганской области на II конференции Мусбюро (сентябрь 1919). См.: Мусбюро РКП(б), 1, 2, 3. Туркестанские краевые конференции РКП(б), 1919–1920 гг. Ташкент, 1922. С.23.

¹¹²⁵ Сообщение, подготовленное для заседания представителей Советов и партии в Андижане, состоявшегося 17 ноября 1919 г., см.: РГАСПИ. 122/1/29/5–7.

¹¹²⁶ Сообщение комиссии Центрального исполкома Советов по делам Туркестана (май 1920), уже цитировавшееся выше: РГАСПИ. 17/84/88/93–101.

¹¹²⁷ Сообщения агента от 12–20.11.1919 г. см.: РГВА. 110/3/923/86; рапорт командования Красной армии в Фергане // Там же. 278/1/71/92об. и 98об.

¹¹²⁸ Сообщение информатора Комиссариата внутренних дел от 22.03.1919 г. // Там же. 25859/2/11/82–85об.

¹¹²⁹ ЦГАРУз. 25/1/254/18–28об.

¹¹³⁰ Шамагдиев (1961). С.128.

¹¹³¹ Сообщение от 10–17 ноября 1919 об андижанской ситуации, направленное местным командованием Соколову, командующему ферганским фронтом // РГВА. 149/1/75/411–412.

¹¹³² Информация, поступившая в штаб ферганского фронта 28.07.1919 г. // Там же. 25859/2/11/137–137об.

¹¹³³ РГВА. 149/1/75/411–412.

¹¹³⁴ Шамагдиев (1961). С.130–135.

¹¹³⁵ Рапорт о деятельности политотдела Татарской стрелковой бригады, март 1920 г. // РГВА. 1075/2/165/10–16.

¹¹³⁶ Рыскулов (1925). С.108–110.

¹¹³⁷ Из стенограммы заседания руководителей Советов, прошедшего 25.11.1919 г. // РГАСПИ. 122/1/251/14.

¹¹³⁸ Сообщение ферганского ревкома в Москву о первой неделе деятельности, 11–18.11.1919 г. // Там же. 122/11/111/4–8; ответ военному командованию края от командования мусульманской армией, Скобелев, 16.11.1919 г. // Там же /112/5.

¹¹³⁹ РГВА. 1075/3/38/46–47об.

¹¹⁴⁰ Рукописная записка шпиона Красной армии от 03.01.1920 г. // Там же /15–15об.

¹¹⁴¹ То же.

¹¹⁴² Сообщение о деятельности комиссии, январь 1920 г. // РГАСПИ. 122/1/29/44–45.

¹¹⁴³ Известие с ферганского фронта без даты и подписи, но несомненно конца 1919 г. – начала 1920 г. // Там же. 110/3/923/9–9об.

¹¹⁴⁴ Описание см. в приказе по военным частям, готовым к атаке Бачкира, 15 января 1920 г. // РГВА. 1075/3/19/2–6.

¹¹⁴⁵ Приказ частям от 17.01.1920 и отчет об операциях см.: Там же. 149/1/75/491–494 и 1075/3/19/2–6.

¹¹⁴⁶ В техническом рапорте об использовании аэропланов, составленном три года спустя, говорилось, что, «учитывая психологию врага», использование авиации должно принести значительный результат. Рапорт командующего туркестанским фронтом верховному главнокомандующему Вооруженными силами РСФСР от 17.02.1923 г. // Там же. 7/2/466/43.

¹¹⁴⁷ Агентурная информация, февраль 1920 г. // РГАСПИ. 110/3/923/105.

¹¹⁴⁸ Fraser (1987). P.30–32, 45.

¹¹⁴⁹ То же.

¹¹⁵⁰ Свидетельства см.: РГВА. 110/2/392/10–14об.; 110/3/919/78–79об.

¹¹⁵¹ Информационное сообщение командованию туркестанского фронта от 31.01.1920 г. // Там же. 110/3/919/84–86. Информацию о ходе переговоров см. также: Oriental and India Office Collection (Лондон): Political and Secret files 1912–1920. P117/1920; Central Asia: final collapse of the anti-bolshevik forces in Ferghana, 30 Dec.1919 – 1920. Mar. 1920, телеграммы вице-короля от 30.12.1919, 12.02.1920, 25.02.1920, 03.03.1920.

¹¹⁵² РГВА. 110/3/919/78–79об.

¹¹⁵³ Там же. 110/3/919/84–86.

¹¹⁵⁴ Там же. 110/3/919/78–79об.

¹¹⁵⁵ Там же. 110/3/919/84–86.

¹¹⁵⁶ Фотокопия манифеста нам предоставил коллега из Ташкента Саидакбар Саидович Агсамходжаев.

¹¹⁵⁷ О переговорах с Мадамин-беком см.: РГВА. 110/3/73/131–132об.; /245/26–27, 47–48; /251/17–17об., 53–56об., 64–74; /279/16–22об., 24, 29–47, 48–51об., 57–60, 63–63об., 75–76, 78–83об., 100–101; /919/84–86.

¹¹⁵⁸ Там же. 1075/2/165/10–16.

¹¹⁵⁹ Комиссия по делам Туркестана Центрального исполкома России, май 1920 // РГАСПИ. 17/84/88/93–101; «О деятельности комиссии ТурЦИКа по Ферганской области по положению Ферганы» (документ без даты, но относящийся к 1920 г.) // Там же. 122/1/29/44–45.

¹¹⁶⁰ ЦГАРУз. 36/1/21/16–20об.

¹¹⁶¹ Рыскулов (1925). С.174–175.

¹¹⁶² Инструкция ТурЦИКа об образовании специальной комиссии по организации возвращения беженцев в Семиречье за подписью Тура Рыскулова см.: Правда. 1920. 30.03. №64. С.3; Устав Комиссии // ЦГАРУз. 17/1/236/289–290.

¹¹⁶³ Пункты, отражавшие убеждения Рыскулова. Не датировано, но написано в конце 1919 г. – начале 1920 г. См.: ЦГАРУз. 17/1/686/316–319.

¹¹⁶⁴ Инструкция ТурЦИКа: Правда. №64.

¹¹⁶⁵ Приказ № 1 специальной комиссии ТурЦИКа по поселению беженцев за подписью председателя комиссии Джанузаква. Приказ базируется на инструкции ТурЦИКа и Турккомиссии от 4 февраля. См.: Правда. 1920. 30.03. №65. С.3.

¹¹⁶⁶ Сообщение делегатов Пишпекского уезда Рыскулову. Без даты, относится к периоду между декабром 1919 г. и апрелем 1920 г. См.: ЦГАРУз. 17/1/686/143–144об.

¹¹⁶⁷ Информация и резонные замечания из беседы высоких чинов, отвечающих за реформу. В документе нельзя, однако, разобрать ни имени автора, ни даты: «Разговор по прямому проводу». См.: Там же /360.

¹¹⁶⁸ Приказ ТурЦИКа № 274 от 10.04.1920 г. // Там же /313–314об.; Правда. 1920. 16.04. №74. С.1.

¹¹⁶⁹ ЦГАРУз. 17/1/686/316–319.

¹¹⁷⁰ Телеграмма из Пржевальска в комиссию, занимавшуюся возвращением киргизов. Недатирована, но, полагаем, отправлена в апреле 1920 г. См.: Там же/345–345об.

¹¹⁷¹ Так говорилось в Инструкции по созданию Комиссии и в ее Уставе. См.: Правда. №64; ЦГАРУз. 17/1/236/289–290.

¹¹⁷² Правда. №64.

¹¹⁷³ ЦГАРУз. 17/1/686/316–319.

¹¹⁷⁴ То же.

¹¹⁷⁵ Выдержка из протокола № 20 объединенного заседания крайкома, президиума ТурЦИКа и представителей Комиссии Центрального исполнительного комитета по делам Туркестана (Турккомиссии), 15.12.1919 г. // Там же. 17/1/686/66.

¹¹⁷⁶ Сообщение, направленное делегатами Пишпекского уезда председателю ТурЦИКа Рыскулову. Не датировано, предположительно относится к началу 1920 г. См.: Там же /143–144об.

¹¹⁷⁷ Документ подписан членами Турккомиссии Элиавой, Куйбышевым и др. Не датирован, вероятно, апрель 1920 г. От руки дописано, что текст должен быть распространен также в Аулие-Ата и Черняевском уездах. См.: Там же /301–303.

¹¹⁷⁸ Телеграмма во все ревкомы Семиреченского уезда, подписанная председателем ТурЦИКа Рыскуловым, без даты, первые месяцы 1920 г. См.: Там же /365.

¹¹⁷⁹ Правда. 1920. 27.07. №155. С.1.

¹¹⁸⁰ Там же. 10.12. №254. С.1.

¹¹⁸¹ Данные содержатся в документе, который является частью материалов, подготовленных консульством Кульджи, вероятно, в 1923 г. См.: РГВА. 110/7/45/236–239об.

¹¹⁸² Копию декрета № 160 о зерновой монополии см.: ЦГАРУз. 25/1/214/138.

¹¹⁸³ Труды 3-го съезда Коммунистической партии Туркестанской Республики РСФ, Ташкент, 1919. С.154–155; Туркестанский коммунист. 1919. 06.06; 07.06.

¹¹⁸⁴ О балансе монополии с учетом применения данного декрета и последующих см. в докладе комиссара по продовольствию на IX съезде Советов (сентябрь 1920) // ЦГАРУз. 17/1/40/82–84.

¹¹⁸⁵ Что было признано всеми сторонами. См., напр.: Народное хозяйство Туркестана // Туркестанский коммунист. 1919. 12.07.

¹¹⁸⁶ Декрет был принят ТурЦИКом 1 декабря 1919 г. и опубликован в газетах, среди прочих в верненской Правде от 14.01.1920 г.

¹¹⁸⁷ Обсуждение на VIII съезде Советов (сентябрь 1919) см. в Туркестанском коммунисте. 1919. 12.09.

¹¹⁸⁸ Речь идет от декрете № 231 от 28.02.1920 г. См.: ЦГАРУз. 17/1/914/7–7об.; Известия. 1920.14.03; распоряжения по Андижану и Ошу см.: ЦГАРУз. 31/1/118/17.

¹¹⁸⁹ Натуральная хлебная повинность была установлена декретом от 09.03.1920 г. за подписью Рыскулова. См.: ЦГАРУз. Р-31/1/103/27–28об.

¹¹⁹⁰ Приказ ТурЦИКа № 212 от 19.02.1920 г., подписанный Рыскуловым, см. Там же.

¹¹⁹¹ Сообщение уездного комиссара на VIII съезде Советов // Там же. Р-17/1/34/38–44об.

¹¹⁹² То же.

¹¹⁹³ Там же. Р-31/1/103/12–13об.

¹¹⁹⁴ Полный текст выступления см.: Образование Казахской АССР. Алма-Ата, 1957. С.171–175.

¹¹⁹⁵ Текст резолюции см.: Мусбюро РКП(б) в Туркестане (1922). С.91–92.

¹¹⁹⁶ Приказ Реввоенсовета Туркестана № 57 от 25.12.1919 г. см.: РГВА. 25898/1/43/85.

¹¹⁹⁷ Документ без точной даты, январь 1920 г. См.: РГАСПИ. 122/1/44/21–21об.

¹¹⁹⁸ В январе, когда шли конференции партии и Мусбюро, Элиава полагал возможным признание «Тюркской республики», Куйбышев придерживался того же мнения, а Голощекин колебался (ср.: Николаева В.К. Турккомиссия как полномочный орган ЦК РКП(б) // Вопросы Истории КПСС. 1958. №2. С.83–84). Коррекция позиций Турккомиссии произошла благодаря Фрунзе, который еще не прибыл в Ташкент ко времени конференций. В письме Ленину от 14 апреля Фрунзе признавал недальновидность, проявленную Турккомиссией (Там же. С.84). Фрунзе впервые встретился с членами Турккомиссии 23 февраля, и все согласились с тем, что «тюркская нация» является лишь изобретением Рыскулова (Зевелев А. Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР в Туркестане в борьбе за укрепление советской власти в Туркестане. Ташкент, 1951. С.92–93).

¹¹⁹⁹ Известия. 1920. 24.03. С.1.

¹²⁰⁰ Сообщение Рыскулова центральному правительству от 25 мая 1920 г. см.: РГАСПИ. 17/84/88/4об.

¹²⁰¹ Приказ, подписанный военным и политическим комиссаром Сааковым от 9 мая 1920 г. см.: РГВА. 1075/2/29/21.

¹²⁰² Сообщение корреспондента информационной части военного округа от 16.10.1920 г. см.: РГАСПИ. 670/1/51/247об.

¹²⁰³ Стенограмма № 18 объединенного заседания крайкома компартии Туркестана, ТурЦИКа и Турккомиссии (вероятно, в марте 1920) // Там же. 17/84/88/31–32.

¹²⁰⁴ О позиции Фрунзе см.: Там же. 122/1/44/21–21об.

¹²⁰⁵ РГВА. 110/1/72/99–100.

¹²⁰⁶ Донесение командования ферганского фронта от 20.01.1920 г. // РГВА. 110/3/922/31–32об.

¹²⁰⁷ Оперативное донесение с туркестанского фронта, телеграмма от 19.05.1920 г. // Там же. 6/12/93/61–62.

¹²⁰⁸ Сообщение Фрунзе Каменеву от 10.09.1920 г. // Там же. 6/12/175/175–188.

¹²⁰⁹ РГАСПИ. 670/1/51/247об.

¹²¹⁰ О конце Мадамин-бека см.: РГВА. 110/1/3/33, 35–35об., 36–37; 110/3/255/98–99.

¹²¹¹ Донесение агента, отправленное по телеграфу 30.05.1920 г. // Там же. 6/3/60/27–29.

¹²¹² Две телеграммы Фрунзе, конец мая // Там же. 110/1/526/23–24 и РГВА. 110/1/527/17–17об., 18.

¹²¹³ Военное донесение по Фергане, 1922 г. // РГВА. 110/1/141/80–105.

¹²¹⁴ То же.

¹²¹⁵ Сообщение Б.Женсберга о природе басмачества, без точной даты, 1920 г. // РГАСПИ. 670/1/51/268–268об.

¹²¹⁶ Там же. 670/1/51/247.

¹²¹⁷ Агентурное донесение от 17.06.1920 г. // РГВА. 110/3/923/155.

¹²¹⁸ Там же. 6/12/175/175–188.

¹²¹⁹ Там же. 278/1/33/2, 8; ЦГАРУз. 25/1/315/88.

¹²²⁰ Телеграмма председателя Турккомиссии, вероятно, от 1921 г. // РГАСПИ. 122/1/169/4.

¹²²¹ Украинский Совнарком считал совершенно невозможным осуществить это перемещение населения; в циркуляре Наркомзема от 23.03.1921 г. высказы-

вася та же позиция. Любое переселение рассматривалось правительством как пустая трата сил, средств и материальных ресурсов. Совнарком обратился с призывом ко всем украинцам за пределами республики, убеждая их воздержаться от переселения. См.: Бюллетень Председателя ВЦИК, 1921 // Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). 478/7/199/1–1об.

¹²²² Документ председателя коллегии Центрального отдела землеустройства, даты нет, 1921 // Там же /198/7–8об.

¹²²³ Декрет о реформе был издан Семиреченским ревкомом 04.02.1921 г., текст напечатан в туркестанской «Правде» на следующий день, приводится также: Советское строительство в аулах и селах Семиречья, 1921–1925 гг.: Сборник документов и материалов. Ч.1. Алма-Ата, 1957. С.148–152.

¹²²⁴ Советское (1957). С.220–223.

¹²²⁵ Сообщение комиссии ТурЦИКа, уполномоченной проводить аграрную реформу в уезде Джалалабада, конец 1921 г. // РГАСПИ. 670/1/57/133–136. Комиссия была создана 18 сентября 1921 мандатом ТурЦИКа и Турккомиссии из пяти высокопоставленных руководителей разных советских институций.

¹²²⁶ РГАСПИ. 670/1/57/179–182об.

¹²²⁷ То же /31 (телеграмма местных советских властей в Москву, октябрь 1920); /273 (протокол № 3 коллегии Полномочного представительства в Хиве, 29.09.1920); /283–283об. (доклад М.Сафонова из Чарджоу о ситуации в Хиве, 01.11.1920); /52/15 (информационное сообщение местных военных властей, 04.10.1920).

¹²²⁸ Военные информационные сообщения от 30 и 31 августа 1920 г. // Там же. 670/1/52/8.

¹²²⁹ Документ подписали члены Турккомиссии Г.Сокольников, Г.Сагаров, В.Куйбышев, М.Фрунзе и Петерс. См.: Там же /60/11.

¹²³⁰ Военное информационное сообщение от 24.08.1920 г. // Там же /52/10.

¹²³¹ Тщательное описание «революции» в Бухаре (точнее – разрушения города) см.: Генис В. «С Бухарой надо кончать...»: К истории бутафорских революций. М., 2001.

¹²³² См., напр., сообщение военно-исторического отдела штаба туркестанского фронта, февраль 1922 г. (РГВА. 110/1/141/16–79) и доклад И.Врачева, который вел переговоры с Муэтдин-беком (РГАСПИ. 62/2/29/157–200).

¹²³³ Разделение Средней Азии было результатом сложных переговоров с местными властными кланами. См.: Hirsh F. Empire of Nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Itaca; London: Cornell University Press, 2005; Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. New York, 2003; Khalid A. Nationalizing the Revolution in Central Asia: The Transformation of Jadidism, 1917–1920 // Suny R.G., Martin T. (eds.). A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford: Oxford University Press, 2001. P.145–162; Lynn Edgar A. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton; Oxford, 2004; Fedtke G. How Bukharans turned into Uzbeks and Tajiks: Soviet nationalities in the light of a personal rivalry // Patterns of Transformation In and Around Uzbekistan (Sartori P., Trevisani T. eds.). Reggio Emilia, Diabasis, 2007.

¹²³⁴ За более подробной информацией по источникам и данным таблиц 1–5 отсылаем к нашей статье: Study on the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan 1917–1920 // Central Asian Survey. 1990. N.4.

¹²³⁵ Доступные данные разрознены и не всегда достоверны. В особенности ненадежной оказывается статистика по туземному населению; в цифрах населения нового города часто не указывается, учтены там солдаты или нет. В таблице приводятся цифры, которые демонстрируют некоторую последовательность, будучи рассмотрены в динамике. Цифра общего населения в 1868–1871 гг. складывается из населения старого города в 1868 г. и населения Нового города

в 1871 г. Данные по 1914 г., судя по всему, переоценивают население как старого, так и нового города: вероятно, эти цифры учитывают не только постоянное население, но и всех находившихся там на момент переписи. Относительно европейского населения нового города: цифра за 1897 г. относится к группам горожан с одним из европейских языков в качестве основного; данные за 1910 г. относятся только к русским. Источники: Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX века. Ташкент, 1959. С.128–137, 227; Азиатская Россия. Т. 1. СПб, 1914. С. 331; Bauer H., Kappeler A., Roth V. (1991). P.406; Добромыслов А.И. Ташкент в прошлом и в настоящем: Исторический очерк. Ташкент, 1912. С.79–80; Маев Н.А. (ред.). Русский Туркестан. М, 1872. С. 8 и 12; Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края, том Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч.2. (Таблицы). СПб., 1911. С.26; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С.252; Ташкент в кармане для приезжающих. Ташкент, 1925. С.8; Ташкент 50 лет тому назад и теперь. Ташкент, 1914. С.14; Вахабов М. Ташкента в период трех революций. Ташкент, 1957. С.104–105; Заорская В.В., Александр К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Петроград, 1915. С.551; Наша газета. 1918.26.07; Статистический ежегодник / Центральное статистическое управление. Т. 8. Вып.3. М., 1922. С. 23; ЦГАРУз. I-269/1/255/4, 20–21 – (документы Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, население в 1915 и 1917 г.).

Использованная литература

Архивы

ФЕРГАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ – ФОГА

Фонд 121 Ферганский областной Совет рабочих, дехканских и солдатских депутатов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, МОСКВА – ГАРФ

Фонд 1800 Департамент общих дел Министерства внутренних дел Временного правительства

Фонд 6978 Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЭКОНОМИКИ, МОСКВА – РГАЭ

Фонд 478 Наркомзем РСФСР

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННЫЙ АРХИВ, МОСКВА – РГВА

Фонд 6 Полевой штаб Реввоенсовета Республики

Фонд 7 Штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии

Фонд 100 Управление армиями Южного фронта

Фонд 110 Управление армиями Туркестанского фронта

Фонд 149 Управление Ферганского фронта Туркестанской Республики

Фонд 278 Реввоенсовет Ферганской армейской группы войск

Фонд 1075 Управление 62-й стрелковой дивизии

Фонд 25859 Штаб туркестанских войск
 Фонд 25898 Туркестанский окружной военный комиссариат
 Фонд 28113. Оп.7

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
 АРХИВ, МОСКВА – РГВИА

Фонд 165 Куропаткин А.Н.
 Фонд 366 Военный кабинет министра-председателя
 и Политическое управление Военного министерства
 Фонд 400 Главный штаб
 Фонд 1396 Туркестанский военный округ, штаб округа
 Фонд 1436 Штаб войск Семиреченской области

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНОЙ
 И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, МОСКВА – РГАСПИ

Фонд 17 Центральный Комитет КПСС
 Фонд 61 Туркестанское бюро ЦК РКП(б) (Туркбюро)
 Фонд 62 Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) (Средазбюро)
 Фонд 122 Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана
 Фонд 670 Сокольников Г.Я.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РЕСПУБЛИКИ
 УЗБЕКИСТАН, ТАШКЕНТ – ЦГАРУз

Фонд 1 Канцелярия туркестанского генерал-губернатора
 Фонд 17 Центральный исполнительный комитет Советов ТуркАССР
 (ТурЦИК)
 Фонд 25 Совет Народных Комиссаров Туркестанской АССР
 Фонд 29 Народный комиссариат земледелия Туркестанской АССР
 Фонд 31 Народный комиссариат продовольствия Туркестанской Республики
 Фонд 36 Народный комиссариат по национальным делам
 Туркестанской Республики
 Фонд 37 Народный комиссариат финансов Туркестанской АССР. Оп.1
 Фонд 122 Управление маслобойной и мыловаренной промышленности
 в Средней Азии. Оп.1
 Фонд 129 Комитет по устройству текстильных фабрик в Туркестан-
 ской ССР при Туркестанском комитете государственного
 снабжения. Оп.3
 Фонд 269 Среднеазиатское отделение Всесоюзного государственного
 объединения по торговле со странами Востока,
 «Востокгосторг». Оп.1
 Фонд 461 Туркестанское районное охранное отделение
 Фонд 1044 Туркестанский комитет Временного правительства
 Фонд 1613 Туркестанский краевой Совет солдатских и рабочих
 депутатов (апрель–ноябрь 1917 г.). Оп.1
 Фонд 2252 Кобозев П. Оп.1
 Фонд 2290 Комиссия государственного контроля УзССР. Оп.1

ORIENTAL AND INDIA OFFICE COLLECTION, London

Political and Secret files 1912–1920, P117/1920, Central Asia: final collapse
 of the anti-bolshevik forces in Ferghana, 30 Dec.1919–1920 Mar. 1920

Ежедневные периодические издания

- Вестник Временного правительства (Пг., 1917)
 Вестник семиреченского трудового народа (Верный, 1918–1919)
 Голос Семиречья (Верный, 1919)
 Известия Кокандского Совета рабочих, красноармейских и мусульманских депутатов (Коканд, 1919–1920)
 Известия Комиссариата земледелия Туркестанской автономной республики (Ташкент, 1919)
 Известия, орган краевого комитета РКП (Ташкент, 1919–1922)
 Коммунист, орган Комиссариата по национальным делам (Ташкент, 1918–1919)
 Наша газета (Ташкент, 1917–1919)
 Новый Туркестан (Ташкент, 1918)
 Правда (Верный, 1919–1922)
 Свободный Туркестан (Ташкент, 1918)
 Семиреченские областные ведомости (Верный, 1917)
 Советский Туркестан (Ташкент, 1918)
 Туркестанский коммунист (Ташкент, 1918–1919)
 Туркестанский курьер (Ташкент, 1917)
 Туркестанские ведомости (Ташкент, 1917)

Статьи

- Агзамходжаев С. Из истории борьбы за автономию Туркестана // *Alimova* (1996).
 Алексеев П. Национальная политика временного правительства в Туркестане в 1917 г. // *Пролетарская революция*. 1928. №8 (79).
 Бауман В. Февральский переворот в Ташкенте // *Красная летопись Туркестана*. 1923. №1–2.
 Букейханов А. Киргизы // *Костелянский* (1910).
 Галузо П.Г. Из истории аграрных отношений дореволюционного Семиречья (конец XIX – начало XX в.) // *Особенности* (1962).
 Галузо П.Г. О классовом расслоении семиреченского казачьего войска // *Ученые записки / Казахский государственный университет им. С.М.Кирова. Серия историческая*. Т.48. Вып. 7. Алма-Ата, 1961.
 Гинзбург С. Басмачество в Фергане // *Очерки* (1926).
 Зайцев И.М. Из недавнего пережитого // *Соловецкие острова / Ежемесячный орган Управления Соловецкими лагерями особого назначения ОГПУ*. 1926. №4–6.
 Зуев Д.Д. Ферганское басмачество // *Гражданская* (1924).
 Лопухов В., Мураевский Ш. Из истории Коммунистической партии Туркестана: Второй туркестанский съезд РСДРП // *Коммунист / Орган ЦК Компартии Туркестана*. 1922. №7–8.
 Матвеев А.М. Иностранцы интернационалисты в Туркестане (конец 1917 – середина 1918 г.) // *Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук*. 1960. №5.
 Медведев В. Нечаянная революция: Бухара, 1920 год // *Дружба народов*. 1992. №1.
 Мураевский Ш., Лопухов В. Сентябрьские события в Ташкенте в 1917 году // *Пролетарская революция*. 1924. №10 (33).

- Николаева В.П. Турккомиссия как полномочный орган ЦК РКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1958. №2.
- Рашидов Г. Ташкентский Совет в борьбе с саботажем и контрреволюционной печатью (ноябрь 1917 г. – апрель 1918 г.) // Из истории (1956).
- Скалов Г. Социальная природа басмачества в Туркестане // Жизнь национальностей. 1923. Кн. 3–4.
- Федоров Е. К истории Коммунистической партии Туркестана // Коммунистическая мысль. 1926. №1.
- Хазанов М. Фергана после кокандских событий (февраль 1918 – март 1919 г.). Не опубликовано.
- Шмарцев. 1918 год в Туркестане // Коммунистическая мысль. Вып. 5. Ташкент. 1927.
- Штейнберг Е. Андижанское восстание 1898 г. в Фергане // Красный архив. 1988. Вып. 3.
- Aymer de Lageard H. The Revolt of the Basmachi According to Red Army Journals (1920–1922) // Central Asian Survey. Vol.6. N.3. 1987.
- Blank S. The Contested Terrain: Muslim Political Participation in Soviet Turkestan, 1917–19 // Central Asian Survey. Vol.6. N.4. 1987.
- Broxup M. The Basmachi // Central Asian Survey. Vol.2. N.1. 1983.
- Buttino M. Ethnicité et politique dans la guerre civile: à propos du basmacestvo au Fergana // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. XXXVIII (1–2). 1997.
- Buttino M. Study on the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan 1917–1920 // Central Asian Survey. Vol. 9. N.4. 1990.
- Carrère d'Encausse H. La politique culturelle du pouvoir tsariste au Turkestan (1867–1917) // Cahiers du Monde russe et soviétique. III (3). 1962.
- Castagné J. Le Turkestan depuis la révolution russe (1917–1921) // Revue du monde musulman. Vol. 50. July 1922.
- Castagné J. Russie slave et Russie turque // Revue du monde musulman. Vol.LVI. December 1923.
- Chokaev M. The Basmaj movement in Turkestan // Asiatic Review. Vol.XXIV. April 1928.
- Chokaev M. Turkestan and the Soviet Regime // Journal of the Royal Central Asian Society. Vol.XVIII. July 1931.
- Daulet S. The First All Muslim Congress of Russia, Moscow, 1–11 May 1917 // Central Asian Survey. Vol.8. N.1. 1989.
- Fedtke G. Jadids, Young Bukharans, Communists and the Bukharan Revolution: from an ideological debate in the early Soviet Union // Kügelgen, Kemper, Frank (1998).
- Fraser G. Alim Khan and the Fall of the Bokharan Emirate in 1920 // Central Asian Survey. Vol.7. N.4. 1988.
- Fraser G. Basmachi // Central Asian Survey. Vol.6. N.1, 2. 1987.
- Khalid A. Nationalizing the Revolution in Central Asia: The Transformation of Jadidism, 1917–1920 // Suny R.G., Martin T. (eds.). A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford, 2001.
- Khalid A. Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan // Slavic Review 55. N.2. 1996.
- Nishiyama K. Russian Colonisation in Central Asia: A Case of Semirechye, 1867–1922 // Komatsu, Obiya, Schoeberlein (2000).
- Oraltay H. The Alash Movement in Turkestan // Central Asian Survey. N.2. 1985.
- Paksoy H.B. The basmachi movement from within: an account of Zeki Velidi Togan // Nationalities Papers. Vol.23. N.2. 1995.
- Pierce R.A. Toward Soviet Power in Tashkent, February–October 1917 // Canadian Slavonic Papers. Vol.XVII. 1975. N.2–3.

Книги

- Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. и др. Туркестан в начале XX века. Ташкент, 2000.
- Абдурахимова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX — 1-й четверти XX в. Ташкент, 1999.
- Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX века: Очерки социально-экономической и политической истории. Ташкент, 1959.
- Азиатская Россия. Т.1—2. СПб., 1910, 1914.
- Азиатская Россия: Иллюстрированный географический сборник. М., 1910.
- Алексеев П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931.
- Алексеев П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927.
- Алексеев П. Что такое басмачество. Ташкент, 1931.
- Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия: История движения Алаш. М., 1994.
- Аршаруни А., Габуллулин Ч. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Лондон, 1990 (1-е изд. М., 1931).
- Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии. М., 1963.
- Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. М., 1964—1977.
- Божко Ф. Октябрьская революция в Средней Азии. Ташкент, 1932.
- Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш Орды. Алма-Ата; Москва, 1935.
- Брайнин С., Шафиро Ш. Первые шаги Советов в Семиречье. Алма-Ата; Москва, 1934.
- Васильев В.А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915.
- Вахабов М. Ташкент в период трех революций. Ташкент, 1957.
- Военный состав и служебная деятельность Семиреченского казачьего войска. Верный, 1917.
- Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965.
- Галузо П.Г. Туркестан-колония: Очерки истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года. М., 1929.
- Гаспринский И. Русское мусульманство. Oxford, 1985. (Оригинальное издание: Симферополь, 1881).
- Гейер И.И. Весь русский Туркестан. Ташкент, 1908.
- Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909.
- Генис В. «С Бухарой надо кончать...»: К истории бутафорских революций. М., 2001.
- Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. М., 1991.
- Гражданская война. Т.3. Материалы по истории ферганского басмачества и боевых операций в Бухаре. М., 1924.
- Деятельность Коммунистической партии и советского правительства по восстановлению и развитию хлопководства в Туркестане, 1917—1924 гг. Ташкент, 1983.
- Диманштейн С.М. (ред.) Революция и национальный вопрос. Т.3. М., 1930.
- Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент, 1912.
- Додонов И.К. (ред.) Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане: Сборник документов. Ташкент, 1947.
- Заорская В.В., Александр К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915.
- Заорская-Александрова В.В., Александров И.Г. Перспективы развития орошения в Фергане. М., 1922.

- Зевелев А.И. Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР в Туркестане в борьбе за укрепление советской власти в Туркестане. Ташкент, 1951.
- Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981.
- Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шишкина Л.В. Басмачество: оправдание истории и вымысел фальсификаторов. М., 1986.
- Зорин А.Н. Революционное движение Киргизии. Фрунзе, 1931.
- Из истории советского Узбекистана: Сборник статей. Ташкент, 1956.
- Иноятов Х.Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. Ташкент, 1958.
- Иноятов Х.Ш. (ред.) Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1962.
- Иноятов Х.Ш. Победа советской власти в Туркестане. М., 1978.
- История гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1964.
- История советской Конституции в декретах и постановлениях советского правительства, 1917–1936 гг. М., 1936.
- История Ташкента с древнейших времен до победы февральской буржуазно-демократической революции. Ташкент, 1988.
- История Узбекской ССР. Т.2. Ташкент, 1957.
- Испарт Средазбюро ЦК ВКП(б): Январское восстание. Ташкент, 1919.
- Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края, 1865–1917. Ташкент, 1980.
- Кастельская З.Д. Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. М., 1972.
- Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985.
- Ковалев П.А. Тыловые работы Туркестана в годы первой мировой войны. Ташкент, 1957.
- Козлов Т.С. Красная гвардия и Красная армия в Туркмении: Историческая справка об организации и этапах борьбы. Ашхабад, 1928.
- Козловский Е. За красный Туркестан. Ташкент, 1926.
- Кононов А.Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период. М., 1989.
- Костелянский А.И. (ред.) Формы национального движения в современных государствах. Пг., 1910.
- Леденев Н.В. История семиреченского казачьего войска. Верный, 1909.
- Лесная Л.В. Восстание 1916 г. в Киргизстане / Под ред. Т.Р.Рыскулова. М., 1937.
- Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане: Очерки быта туземного населения. Пг., 1916.
- Маев Н.А. (ред.) Русский Туркестан. М., 1872.
- Майнов И.И. Материалы по земельному вопросу в азиатской России. Вып. 3. Семиречье. Пг., 1918.
- Манжара Д.И. Революционное движение в Средней Азии, 1905–1920 гг. Ташкент, 1934.
- Масальский В.И. Хлопок. Пг., 1921.
- Материалы всероссийских переписей. Вып. 4. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1924.
- Материалы по районированию Туркестана. Ташкент, 1922.
- Мураевский Ш., Лопухов В. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1926.
- Мусбюро РКП(б) в Туркестане: 1, 2 и 3 Туркестанские краевые конференции РКП, 1919–1920 гг. Ташкент, 1922.
- Назаров М.Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции, 1918–1920 гг. Ташкент, 1969.

- Нуруллин Р.А. Очерки истории Ферганской области в советском периоде. Ташкент, 1980.
- Обзор Семиреченской области за 1911 год. Верный, 1912.
- Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана: летопись событий. Ташкент, 1966.
- Образование Казахской АССР. Алма-Ата, 1957.
- Орлов Н.А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919.
- Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.
- Остроумов Н.П. Саргы: Этнографические материалы. 3-е изд. Ташкент, 1908.
- Отчет о деятельности Туркестанского экономического совета за февраль—октябрь 1921 года. Ташкент, 1922.
- Очерки истории Коммунистической партии Туркестана: В 2 т. Ташкент, 1959.
- Очерки истории Ташкента. Ташкент, 1915.
- Очерки революционного движения в Средней Азии. М., 1926.
- Очерки хозяйственной жизни Туркеспублики. Ташкент, 1921.
- Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К.Паленом. СПб., 1910—1911. Произведение в 19 т., из которых в этой книге цитируются: Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. 1911; Народные суды туркестанского края. 1910; Областное управление. 1910; Переселенческое дело в Туркестане. 1910; Сельское управление, русское и туземное. 1910; Уездное управление. 1910.
- Панасюк А.И. Документы январских событий 1919 г. в городе Ташкенте. Ташкент, 1925.
- Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане, 1917—1918 гг.: Сборник документов. Алма-Ата, 1957.
- Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т.2. Упрочение советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1972.
- Победа Октябрьской революции в Узбекистане: Сборник документов. Т.1. Ташкент, 1963.
- Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967.
- Подготовка и проведение Великой Октябрьской революции в Узбекистане. Ташкент, 1947.
- Полное собрание законов Российской империи. Т.11. СПб., 1894.
- Польковский М. Конец Мадамин-бека. Ташкент, 1984.
- Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1986.
- Программные документы мусульманских политических партий 1917—1920 гг. / Society for Central Asian Studies. Reprint series N.2. Oxford, 1985.
- Пясковский А.В. (ред.) и др. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. М., 1960.
- Рашидов Г. Ташкентский Совет в борьбе за упрочение советской власти. Ташкент, 1960.
- Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана, 1918—1924 гг. Ташкент, 1968.
- Резцов Л. Октябрь в Туркестане. Ташкент, 1927.
- Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах). М., 1925.
- Рудницкая Д.М. Из истории строительства Советов в Туркестане, 1917—1920 гг. Ташкент, 1964.
- Рыскулов Т. (ред.) Восстание 1916 г. в Киргизстане. М., 1937.

- Рыскулов Т. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году. Кызыл-Орда, 1927.
- Рыскулов Т. Джетысуйские вопросы. Ташкент, 1923.
- Рыскулов Т. Киргизстан. М., 1935.
- Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. Частично перепечатано: Революция в Средней Азии глазами мусульманских большевиков / Society for Central Asian Studies. Reprint series N.3. Oxford, 1985.
- Рыскулов Т. Собрание сочинений: В 3 т. Алма-Ата, 1997–1998.
- Сальков В.П. Андиганское восстание в 1898 г.: Сборник статей. Казань, 1901.
- Сафаров Г. Колониальная революция: Опыт Туркестана. М., 1921. Перепечатано: Society for Central Asian Studies. Reprint series N.4. Oxford, 1985.
- Сборник декретов и приказов Совета Народных Комиссаров Туркестанской Федеративной Республики, с 23 ноября до 1 июля 1918 г. Ташкент, 1918.
- Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 г. Верный, 1915.
- Семенов В.П. Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Т.19. Туркестанский край. СПб., 1913.
- Советское строительство в аулах и селах Семиречья 1921–1925 гг.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957.
- Статистико-экономический обзор Киргизской ССР. Оренбург, 1923.
- Статистический ежегодник 1921 г. / Труды Центрального статистического управления. М., 1922.
- Статистический ежегодник 1917–1923 гг. Ташкент, 1924.
- Ташкент 50 лет тому назад и теперь. Ташкент, 1914.
- Ташкент в кармане для приезжающих. Ташкент, 1925.
- Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906.
- Труды 3-го съезда Коммунистической партии Туркестанской Республики РСФ. Ташкент, 1919.
- Турсунов Ч. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане, 1917–1924 гг. Ташкент, 1971.
- Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925.
- Филиппов С.Т. Боевые действия на Закаспийском фронте, 1918–1920 гг. Ашхабад, 1928.
- Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. М., 1992.
- Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926.
- Циркин Г.Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье: Записка командированного в Семиреченскую область летом 1908 года ревизора землеустройства Г.Ф.Циркина. СПб., 1908.
- Чеканинский И. Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле–сентябре 1916 года. Кызыл-Орда, 1926.
- Шамагдиев Ш.А. Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине. Ташкент, 1961.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.
- Agzamkhodjaev S. Turkiston Mukhtoriyati. Tashkent, 2000.
- Alimova D.A. Turkiston mustakilligi va birligi uchun kurash sakhfalaridan. Tashkent, 1996.
- Allworth E.A. (ed.) Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview. New York, 1994.
- Allworth E.A. The Modern Uzbeks, From the Fourteenth Century to the Present: A cultural History. Stanford, 1990.
- Bailey F.M. Mission to Tashkent. London, 1946.

- Bauer H., Kappeler A., Roth B. Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897. Stuttgart, 1991.
- Baumann R.F. Russian – Soviet Unconventional Wars in the Caucasus, Central Asia, and Afghanistan. Leavenworth papers. N.20 / Combat Studies Institute. Fort Leavenworth, Kansas, 1993.
- Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge (Mass.), 1968.
- Bennigsen A., Lemerrier Quelquejay Ch. La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. Paris, 1964.
- Bennigsen A., Lemerrier Quelquejay Ch. Sultan Galiev, Le père de la révolution tiers-mondiste. Paris, 1986.
- Bennigsen A., Quelquejay Ch. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: Le «Sultangalievisme» au Tatarstan. Paris, 1960.
- Bennigsen A., Wimbush S.E. Muslim National Communism in the Soviet Union: a Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago, 1979.
- Bennigsen Broxup M.(ed.) The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World. London, 1992.
- Bochalova K. Алаш-Орда: Краткий исторический очерк о национальном буржуазном движении в Казахстане периода 1917–1919 гг. Кызыл-Орда, 1927.
- Browder R.P., Kerenskij A.(eds.) The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961. (2 vol.).
- Brun A.H. Troublous Times: Experiences in Bolshevik Russia and Turkestan. London, 1931.
- Bütün Rusya Müsülmanlarynyng 1917-ici yilda, 1–11 Mayda Meskvede bulgan umuni Isiyesdinin protokollary. Pr., 1917.
- Caroe O. Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism. London, 1953.
- Carr E.H. La rivoluzione bolscevica (1917. 1/923). Torino, 1964.
- Carrère D'Encausse H. Réforme et révolution chez les musulmans de l'Empire Russe. Paris, 1981. (1-е изд. 1966).
- Castagné J. Les basmatchi: Le mouvement national des Indigènes d'Asie Centrale depuis la Révolution d'Octobre 1917 jusqu'en Octobre 1924. Paris, 1925.
- Çokayoglu M. (M.Chokaev). 1917 Yil hatira parçaları. Paris; Berlin, 1937. Частично переведено на русский язык: Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио; Москва, 2001).
- Curtis W.E. Turkestan: The Heart of Asia. London, 1911.
- Ellis C.H. The Transcaspien Episode, 1918–1919. London, 1963.
- Ferro M. La rivoluzione del 1917. Firenze, 1974.
- Hablemitoglu N. Çarlık rusyasında Türk kongreleri (1905–1917). Ankara, 1997.
- Hallez X. Percours croises: Étude comparative des biographies de Mirsaid Sultan-Galiev, Turar Ryskulov et Elbegdorz Rincino autour de leur construction d'une théorie du «communisme national». Mémoire de D.E.A., E.H.E.S.S., Paris, 1998–1999.
- Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. New York, 2003.
- Hayit B. Basmatschi, Nationaler Kampf Turkestans in den Jahren 1917 bis 1934. Kùln, 1992.
- Hayit B. Die Nationalen Regierungen von Kokand (Choqand) und der Alasch Orda. München, 1950. P.1920. Неопубликованная докторская диссертация.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005.
- Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, 1998.
- Komatsu H., Obiya Ch., Schoeberlein J.S.(eds.) Migration in Central Asia: Its History and Current Problems. JCAS Symposium Series No.9 / The Japan Center for Area Studies. Osaka, 2000.

Kügelgen A., Kemper M., Frank A.J. (eds.) Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Berlin, 1998.

Lynn Edgar A. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton and Oxford, 2004.

McCauley M.(ed.) The Russian Revolution and the Soviet State 1917–1921: Documents. London, 1975.

Nalivkine V.P. Histoire du khanat de Kokand. Paris, 1889.

Oktay A. Turkistan Millâ Hareketi va Mustafa Çokay. Istanbul, 1950.

Oraltay H. Alas Turkistan Turklerinin Millâ Istiklâl Parolasi. Istanbul, 1973.

Palen K.K. Mission to Turkestan. New York, 1964.

Park A.G. Bolshevism in Turchestan, 1917–1937. New York, 1957.

Pierce R.A. Russian Central Asia 1867–1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley, 1960.

Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Cambridge (Mass.), 1980. (3-е изд.).

Schuyler E. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. New York, 1877.

Seyfullin S. Tar Col Taygag Kesüv. Alma-Ata, 1977. (1-е изд. 1926).

Sokol E.D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954.

Suny R.G. The Baku Commune, 1917–1918. Princeton, 1972.

Ter Minassian A. La République d'Arménie. Bruxelles, 1989.

Togan A.Z.V. Hâtîralar. Istanbul, 1969. (Пер. на рус. яз.: Тоган В.З. Воспоминания. М., 1997).

Togan A.Z.V. Türklüğün mukadderati üzerine. Istanbul, 1977. (2-е изд.).

Willfort F. Turkestanisches Tagebuch. Wien, 1930.

Zenkovsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia, 1905–1920. Cambridge (Mass.), 1960.

Краткий глоссарий

адат — традиционное право у кочевых народов

аишхана — общественное заведение, где едят плов

аул — здесь: единица у кочевников

бек — вождь племени, городской или областной правитель в ханстве

бий — судья у кочевников

чапан — одежда

даха — городская административная единица, объединяющая несколько махалл

дехканин — крестьянин, представитель местного населения

дзакшиляфы — семейства-лидеры в племени

джура — группа близких друзей

иликбаш — представитель администрации, один на 50 домов

ишан — учитель, духовный вождь в тарика суфи

дзсадид — сторонник «нового метода», исламский реформист

кяфиф — неверный, не мусульманин

казий — шариатский судья

кибитка — здесь обозначает семейную ячейку у кочевников, несколько кибиток составляют аул

курбаши – глава группы людей, территории
махалла – квартал старого города
мактаб – мусульманская начальная школа
манап – богатый киргиз
мазар – святое место
мильк – земли, подаренные ханом аристократам или чиновниками
моджахидин – исламский воин
рамадан – период поста у мусульман
шариат – исламский закон
тарика – суфийская община
Туран – проект государства тюркских народов с пантюркской идеологией
улема, алим – знаток исламского закона
ураза – период поста у мусульман
вакф – собственность мусульманских институций, созданная из частных пожертвований
закат – налог, соответствующий предписаниям Корана

Альберто Мазэро,
профессор Венецианского университета

Анатомия кризиса

Годы работы и поездок, серьезные усилия, связанные со сбором данных в отдаленных краях, способность рыться в центральных и местных архивах, вызывающая зависть у тех, кто понимает всю сложность этого занятия, — все это дало результат, значение которого выходит далеко за пределы изучаемого региона. Марко Буттино как бы с увеличительным стеклом исследует общероссийский революционный кризис на примере отдельного края, выявляя все его анатомические особенности. В этой оптике многие аспекты эпохального превращения царской Империи в Советский Союз предстают в специфической форме, обнаруживают крайности, обусловленные периферийным положением изучаемого региона, но это не лишает автора возможности интерпретировать общую динамику русской революции. Напротив, и это первое и самое общее наблюдение, «странная» революция в Средней Азии предстает менее странной и атипичной, нерелевантной для общей картины, как это можно было бы предположить из заглавия («Революция наоборот»). Впрочем, это прекрасно понимает автор, когда говорит, что сложный конфликт-кризис, который «встречается во многих других местах и, возможно, в не столь выраженной форме, был присущ всей территории зарождающегося Советского Союза».

Театром событий является огромная территория Туркестана, последней из провинций, вошедших в политическое пространство царской России, — между 1865 и началом 80-х годов XIX века. Процесс ассимиляции и интеграции новых территорий — константа для имперского периода России — в наименьшей степени успел затронуть Туркестан, что оставило его в промежуточном хрупком положении: между модернизацией и социальной напряженностью. Марко Буттино сосредоточивается на трех отдельных составляющих, рассматривая их в трех последовательных фазах — колониальное общество до первого крупного мусульманского восстания в 1916 году, «русская революция» в 1917 году и широкомасштабная Гражданская война, завершившаяся установлением новой централизованной власти и формированием нового типа государства. Местом действия первой составляющей является Ташкент, разделенный на «белый», русскоговорящий город и мусульманскую часть, административный центр, власть в котором захвачена европейским меньшинством под революционными лозунгами. Вторая составляющая представлена на примере Семиреченской области, где наиболее массово укоренились земледельцы славянского происхождения, что, в свою очередь, вызвало жесткие конфликты между крестьянами-колонистами и местными кочевниками. Третью составляющую мы наблюдаем в Ферганской области — хлопковой долине, зоне первостепенного интереса для русской текстильной промышленности и территории сложных отношений — посреднических и конфликтных — между группами населения и местными властями. Единство книге придают не столько хронологические рамки «война — революция — Гражданская война», сами по себе уже ставшие

традиционными в историографической периодизации революции между 1916 и 1920 годами, сколько попытка свести воедино многочисленные динамики локальных противостояний, проецирующая на одну плоскость социально-экономический контекст, межнациональные конфликты и военно-институциональные события. Попробуем выделить несколько аспектов, не пересказывая текста, а скорее попытаюсь свести некоторые локальные случаи к комплексной картине перехода от Империи к Советскому Союзу.

Воздействие мировой войны на внутреннюю колонию. Что конкретно определило кризис имперской власти в Средней Азии? Выступления женщин против роста цен и серьезные мятежи 1916 года против мобилизации кочевников (от которой они ранее были избавлены как национальное меньшинство) ускорили события. Размах событий застал врасплох местных представителей царской администрации (чиновников высокого уровня — Куропаткина, Гишпиуса), оправдывая тем самым то внимание, которое уделялось в последние годы управлению восточными регионами Империи. И тем не менее вплоть до начала мирового конфликта эта зона оставалась одной из самых спокойных, находящейся вдалеке, например, от жесткой ситуации русско-украинского обнищавшего крестьянского «центра», откуда после харьковских и полтавских волнений 1902 года социально-национальный зародыш русско-го кризиса стал распространяться в самых классических формах. Трансформация этих территорий в особый тип имперской «колонии» (оставим на заднем плане довольно важный вопрос о специфике и отличительных чертах Азиатской России по отношению к парадигматическим моделям колониального устройства) не привела сама по себе к росту общественного протеста, к возникновению конфликтных тенденций, спроецированных на «антиколониальное» сопротивление местного общества. Восстания конца XIX века, интерпретируемые как завершение определенного цикла сопротивления завоеванию, предшествовали периоду относительно эффективной интеграции. Если, оценивая стабильность имперской конструкции, не учитывать моральные аспекты, в Средней Азии «итог перых пятидесяти лет царской колониальной политики, без сомнения, позитивен». Буттино убедительно показывает, например, как развитие хлопковых плантаций в Ферганской области, которые могли бы служить типичным примером эксплуатируемой колонии в школьном учебнике, в реальности дало почву (возможно, только по причине слабой эффективности русского капитализма) сложной системе с разветвленной сетью посредников и субподрядчиков, специфической туземной «хлопковой буржуазии», чьи интересы сводились к сохранению товарного обмена с метрополией. С другой стороны, авторитарный и колониальный характер администрации не помешал функционированию консультативных институций, в которых пусть и в рудиментарном виде, но достаточно эффективно находило свое представительство местное общество. В культурном плане ислам проявлял себя довольно разносторонне и был еще лишен «возможности сплотить нацию на почве единой идентичности, гарантии автономии и противостояния русским». Примечателен тот факт, что во времена Столыпина наиболее интеллектуальное, прогрессистское и реформаторское ответвление ислама — движение джадидов — относилось весьма положительно к политике «навязывания оседлости» кочевникам, что на деле становилось основной причиной напряженности между русскоговорящими колонистами и мусульманским населением (но в любом случае до конца мировой войны эти взаимоотношения развивались по сценарию, который и близко нельзя сравнить с брутальностью советской «денационализации»). В некоторых кругах национальной мусульманской и тюркоговорящей

элиты, «ощущавшей себя частью Российской империи», вспыхнувшая война сопровождалась заверениями в патриотической лояльности даже после вступления в войну Оттоманской империи. Поначалу перепевки распространить призыв и на местное население была воспринята положительно, как повод «поставить автохтонное население Средней Азии наравне с прочими народами империи». Как не увидеть в подобных примерах возможность интеграции местных элит, отнюдь не исчерпавшую себя к 1914 году? В самом деле, как недавно было сказано, «революции 1905 и 1917 годов вспыхнули не на периферии, а в столице, в центре Империи. В отличие от Австро-Венгрии, царскую монархию взорвали не национальные движения»¹.

Верно, что начиная с 1905 года политика стимулирования крестьянской эмиграции на азиатские территории усугубляла предпосылки к конфликту. Эта политика была новым витком по сравнению с прежней политикой осторожной крестьянской колонизации, ускорение процессов зависело как от нарастающего аграрного кризиса в России (идея использовать периферийные земли в качестве парового клапана, призванного снизить социальную напряженность в центре), так и от определенного акцентирования «великорусского» националистического мотива в царской политике, в ущерб задачам управления наднациональной империей. Как бы то ни было, вплоть до 1914 года специфика «колониальной» периферии, описанная Буттино, сама по себе не являлась особенно дестабилизирующим фактором и уж тем более чреватых революционными потрясениями. Создается впечатление, что, к примеру, барьер между двумя частями Ташкента или «островки» православных поселений среди преобладающего большинства мусульманских кочевников в Семиречье, составляли в первую очередь фон, контекст, полезный для понимания последующих парадоксальных и неожиданных эффектов революции, в гораздо большей степени, нежели являлись ее «причиной». Скорее именно война – политический фактор, заданный Петербургом, – послужила толчком к нарушению хлопко-зернового равновесия и, следовательно, к ухудшению уровня жизни. Среди прочего война вызвала неорганизованный приток населения в регион: это уже были не колонисты, которым соответствующие инстанции оказывали поддержку в поселении (в ущерб кочевникам), а новый беспорядочный контингент беженцев из охваченных военными действиями западных областей².

В этом отношении предлагаемое исследование приводит серьезные аргументы в защиту определяющей роли мирового конфликта в возникновении революции, а также демонстрирует, сколь глубоки оказались последствия даже в таких отдаленных от фронта местах, как Туркестан. Этот случай представляет определенную аналогию с другими периферийными областями империи – например, с Западной Сибирью, где не было ненависти крестьян к «господам» (дворянское земледелие там практически отсутствовало), а первые настоящие мятежи вспыхнули летом 1914 года, став прямым следствием массированного призыва под ружье рабочей силы. В более общем плане можно сказать, что участие в мировом конфликте способствовало распространению на русский Восток двух типичных механизмов современного государства-нации – всеобщего призыва и дирижистской мобилизации ресурсов, навязывая их текущим и ненадежным реалиям, в значительной степени сохраняющим еще признаки традиционного управления территориями: не только в репрессиях и поддержании порядка, но и в инвестициях, модернизации и посредничестве между разными группами населения. Случай с железной дорогой в Семиречье представляется в этом плане символическим. Коммуникационные сложности в этой плодородной зерновой зоне сыграли ключевую роль в тяжелейшем продовольственном кризисе, выступившем

фоном для революции и гражданской войны в Туркестане. И все же проект железнодорожной ветки находился в процессе реализации, он прервался только с войной, по причине сдвига финансовых приоритетов правительства. Переформулируем вопрос: вызвало ли в конечном итоге революционный взрыв в азиатской провинции проникновение «русской» колонизации или же крушение и паралич всего колониально-интеграционного проекта (вызванные, в свою очередь, мировым конфликтом) предопределили социальный кризис огромных масштабов, усугубившийся в дальнейшем полной делегитимизацией власти в 1917 году? Нам кажется, что исследование Марко Буттино предлагает немало аргументов в подкрепление второй гипотезы.

Власти и продовольственный кризис. Анализ наступившего голода и продовольственного кризиса как последствий кризиса власти — одна из самых интересных частей книги Буттино, отличающаяся оригинальной интерпретацией и позволяющая установить связь между разными политическими фазами в интервале от 1917 года до Гражданской войны. К тому же эта часть книги более всего подходит для сравнения между локальным событием и динамикой кризиса метрополии.

Падение царского режима определяет начальное, демократическое согласие в Туркестане первой половины 1917 года, с характерными для него благими целями мирного восстановления отношений между русскими и мусульманами, а также катастрофической нехваткой поставок. Голод и недостаток ресурсов стремительно становились тем фоном, который стимулировал одновременно неуверенность и агрессивность к «другим», провоцируя соперничество между различными группами населения. Отсутствие сильной и признанной власти, способной решить вопрос распределения продовольствия (нам кажется, что в интерпретации Буттино степень демократичности такой власти является вторичной), вызвало перерождение соперничества за ресурсы в борьбу за инструменты обеспечения безопасности (оружие, военная сила), что, в свою очередь, питало конфликт и определило его характер. Взаимосвязь между этим тяжелейшим социальным кризисом и заимствованным из центра политическим дискурсом (социалистическая революция) позволяет объяснить парадокс локальной советской революции, передавшей власть «доминирующему меньшинству», — буквально «революция наоборот» — и остается в дальнейшем фоном, на котором возникают политические проекты и разные центры «местной власти», конфликтующие между собой и задающие резкие изменения фронта Гражданской войны.

Эта модель может быть полезной для понимания более широкого революционного кризиса, охватившего русскую «метрополию». И в центре взаимосвязь между политическим кризисом и кризисом социальным происходит случайным и непредсказуемым образом, вовсе не развиваясь от экономики к изменению государственного устройства, начиная от «краха» экономической системы или «обнищания» населения и перерастая в коллективный протест, делегитимизацию старой власти и, наконец, замену государства на новую революционную власть. Мы скорее наблюдаем глубокий кризис доверия к царской власти, созревший за время Первой мировой войны (народные волнения февраля 1917 года лишь ненамного предвосхитили попытку государственного переворота, задуманного в верхах), за которым последовала начальная фаза, принявшая и в Петербурге крайне неоднозначную и шаткую форму под руководством политической коалиции (Временное правительство), уровень полномочий которой был ограничен с самого начала двоевластием («разделением власти» с Советами) и ожиданием демократи-

ческой легитимации со стороны Учредительного собрания. Одновременно с этим дух ниспровержения авторитетов, возникший с падением самодержавия, глубоко охватил все общество на всех уровнях. Возникает язык прав и свобод, современных и самых различных — от веротерпимости до прав женщин, от профсоюзов до оспаривания основ патриархата, от отстаивания местных и национальных автономий до сопротивления военной иерархии. Но в то же самое время подрываются каналы административного управления. Повсюду, и не только во внутренней колонии, «кризис империи сопровождается возникновением местных диктаторских властей, держащихся на вооруженных меньшинствах».

Здесь кризис власти пересекается со сферами производства и распределения. Как и в Средней Азии, резкое падение производства хронологически следует за коллапсом власти. В течение 1917 года, заметно ускорившись после октября, рушатся сложившиеся отношения обмена между производственными секторами (сельское хозяйство, сырье, индустрия) и местностями (не только между «метрополией» и ее «колониями», но также и между центрами Европейской России и окружающими областями, между городами и деревней). Кроме паралича системы поставок от дворянских поместий, которые отдавали часть продукции на рынок, перестала функционировать большая и разветвленная сеть кооперативов — посредник между некоммерческими крестьянскими хозяйствами и удаленными рынками. В процессе конфликта, охватившего село Европейской России, легко поддается идентификации феномен исчезновения фигур «посредников» — именитых сельчан, народных учителей, агрономов и т.п., которые прежде обеспечивали определенную связь между городом и деревней; позже некоторые из этих фигур возникли вновь на властных постах в новых органах местной диктаторской власти. Зачастую власть местного Совета означала на практике независимость от любой центральной власти (большевистской в том числе) и отказ предоставлять другим продукцию — заводскую или сельскую, то есть это была местническая диктатура, окрашенная политическим дискурсом о борьбе за привилегии и демократии. Аналогичная ситуация наблюдается в Средней Азии, где «стремлению к централизации горожане и русские крестьяне противопоставляли свою власть на местах: внешне это было защитой демократии снизу, по сути это было сепаратизмом со стороны тех, кто не хотел отдавать свое зерно». В любом случае последствием раздробленности власти стало ухудшение уровня жизни населения, для которого первые месяцы после Февральской революции стали началом социальной катастрофы, продлившейся как минимум до начала 1920-х годов³ (другой вопрос, на кого потом будет возложена ответственность за катастрофу и, следовательно, куда обратятся народный гнев и меры разнообразных местных властителей: на население с другим языком и верой, на коммунистов, конфисковавших зерно, на кулаков-спекулянтов или же на саботажников, приверженцев старого режима, «врагов революции» по причине своей классовой принадлежности?). Однако эти новые и еще более тяжелые лишения составляли не столько причину, сколько результат политико-институционального кризиса. Что выражалось не в усилении эксплуатации труда, поскольку в этой части конец царского режима привел к росту прав на фабриках, к большей независимости деревни, но скорее в упадке основных служб (транспортных, здравоохранительных и т.п.), в сложностях с поставками, нехватке товаров, в том числе в отдельных местностях. По сути, это только предвосхищение того, как советское население приспособится распознавать, со всей большей и большей чуткостью, наступление «тяжелых времен» в повседневной жизни. В целом сце-

нарий Петрограда зимы 1917 года, города новой революционной диктатуры, откуда бежало население, а озеленение бульваров и ограды вырубались из-за нехватки топлива, представляется составляющей ровно той же динамики, которая в Ташкенте вызывала «продовольственное чрезвычайное положение» и «диктатуру голода». В центре, так же как и на периферии, необходимость завладения скудными ресурсами ужесточает и обуславливает рамки конфликта, а также способствует выходу на первый план вопроса монополии силы. Это остро ощущали министры-социалисты Временного правительства (которое безуспешно ввело зерновую монополию), трагически раздираемых противоречиями между причастностью к строительству демократического государства и необходимостью начиная с лета 1917 года восстанавливать основы власти. В последующем императив «забирать зерно» будет сопровождаться военным захватом территории Красной армией и повлияет определяющим образом на государственное устройство Советского Союза с совершенно другой установкой на применение насилия, а контекст повседневных страданий превзойдет выпавшее на первые годы войны⁴.

Слова или контекст? Прямо сопоставлять Туркестан, где под революционными лозунгами скрывались специфические групповые интересы, с революцией в России, где этого не происходило, нам представляется не самым плодотворным способом использования интерпретационных аргументов, предлагаемых в «Революции наоборот». Расхождение риторики с общественными интересами, как это происходило в случае с местной адаптацией и трансформацией спускаемых сверху приказов, не является отличительной характеристикой колониального контекста. С этой точки зрения, возможно, все постимперское общество представляло из себя своего рода когнитивную периферию декларативных заявлений революционного меньшинства. Разве не кажется деформированной, поменявшей свое значение революция русских крестьян, которые в Гражданскую войну встают во имя Советов, но «против коммунистов»? Отличительной особенностью среднеазиатской зоны становится использование социалистического лексикона для выражения национально-этнических, а не классовых причин конфликта. На российско-украинской территории аграрная революция, на идеологическом уровне сформулированная в терминах права на землю и аграрного социализма, затронула первым делом владения, «принадлежащие вдовам, одиноким женщинам, священникам «чуждых» религий и владельцам с иностранными именами. Естественно, не была оставлена без внимания и городская недвижимость, принадлежавшая евреям»⁵. На Урале Октябрь отмечался «пьяными погромами»⁶. В Западной Сибири мишенью местного «деревенского пролетариата» стали обширные заимки (владения давно осевших здесь русских старожилов, которые отличались довольно отсталым и экстенсивным земледелием и никак не могли быть причислены к буржуазии). Так вот их-то и атаковали другие русские, прибывшие недавно и ожидавшие своей очереди на законное поселение. Риторика отмены привилегий скрывает гораздо более сложную логику конфликта. Даже в этом периферийном случае, как и во многих других, революционный конфликт проникает извне и передается по линиям железной дороги. Его силовыми рычагами становятся группы, которые на фоне местного общества нельзя с трудом поддаются однозначной классификации в качестве категории «подавляемых», борющихся с «собственниками»: железнодорожные рабочие (обладающие переговорной силой, так как способны перекрыть жизненно важные коммуникационные линии), крупные военные гарнизоны, располо-

женные в городских центрах (где небольшая вооруженная группа достаточна для сохранения политического контроля над большой территорией), отнюдь не высокое число ссыльных социалистов-агитаторов и т.п.

Однако далеко не нейтральным является содержание риторик, используемых для легитимизации той или иной чрезвычайной меры, той или иной «резолуции» данного руководящего органа, даже когда этот дискурс представляет собой рудиментарное и отдаленное, более или менее искаженное отражение директив центра. Если фрагментированность власти и соперничество за ресурсы (зерно и ружья) составляют необходимую основу для понимания насильственной природы нового государства, наследующего самодержавию, то концепты, используемые политической элитой для прочтения реальности, оказывают влияние на принятие решений. Другими словами, политика и идеология имеют значение. Различные варианты и способы противостояния последствиям кризиса власти и его социальным последствиям периодически возникают в политическом диалоге, в том числе внутри пробольшевистского блока. Дает, например, повод для раздумья требование Совета крестьян-мусульман ответить на кризис либерализацией торговли. Основные политические решения — взятие власти, роспуск Учредительного собрания и т.д., — также относятся к определяющим факторам объективного контекста усугубления социального кризиса. Гражданская война была в том числе и плодом сознательного политического выбора, которого последовательно придерживались в жестких рамках ленинской логики на пороге революции. Эгалитаристская и социалистическая этика, преобладающая в русском политическом дискурсе, взаимодействует с социальным и институциональным сценарием постцаризма, способствуя передаче распределения доступных ресурсов в руки верховного органа, полномочного измерять доступность и оценивать общественные потребности. «Высокая» политическая лексика революции обуславливает восприятие кризиса. Общее чувство враждебности к привилегиям приводит к выявлению источника проблемы в наличии «излишков», скрытых от общественно-го потребления. Оно способствует представлению скудности ресурсов как последствия действий «перекупщиков» и, следовательно, ограничивает возможные решения поисками способов более или менее принудительных, взиманием квот продукции с отдельных групп или территорий. Идеологический багаж марксистского происхождения, базовый элемент менталитета новой властной элиты, в рамках которого Realpolitik и утопические устремления, по сути, оказываются связанными, предлагает инструменты для деления общества на группы «друзей» и «врагов» нового, строящегося общества (связь между классовым анализом и динамикой власти представляет и в самом деле центральную часть ленинского учения); составляет когнитивную базу, используемую в своем хаотическом развитии местными островками власти, так сказать, в полевых условиях. Нельзя также полностью исключить, в функционалистском ключе, предельное и всеохватное насилие гражданской войны (ответная реакция на страх), отделив его от этики и даже от сверхчеловеческой эстетики революционного героизма. Холодная жесткость сцен расстрела, описанных в воспоминаниях чекиста Зазубрина (Владимир Яковлевич Зубцов), действовавшего в окрестностях Оренбурга, Сызрани и Иркутска, глубоко связана с новыми настроениями людей («в голове только одна мысль — о Ней», Богине-революции⁷), в самом деле уверенных в том, что они «инженеры переустройства мира, могучие, как дикие животные, полные неслыханной силы»⁸ (последнее — саморепрезентация, а не описание). В целом использование культурных, идеологических и политических репрезентаций остается, на наш взгляд, необходимым ин-

струментом для объяснения того, каким образом экономико-административная проблема продовольственного кризиса могла стать сперва политической проблемой шаткой демократии, вскоре — военной проблемой изъятия продукта, а еще позднее на этом месте уже возводилось общество, построенное на навязанной сверху в мирное время административной «иерархии потребления»⁹. Если «контекст придает смысл словам», то и у слов есть собственное значение.

Реконструкция государства: русский неокOLONиализм или советский коммунизм? Одно из поучительных прочтений предложенного нам case-study заключается в следующем: нужно преодолеть чрезмерно упрощенную дихотомию между субъективностью революционной политики и спонтанными движениями, рассматриваемыми как точки отсчета конвергенции и дивергенции. Такой же подход был характерен для многих попыток совместить политический и социальный аспекты революционного процесса начиная с самых первых работ Кипа и Реймана¹⁰. Это нашло отражение в удачных историографических формулах наподобие «плебейской революции» или же в тезисе «спонтанного большевизма», который развивался по своей собственной логике, не зависящей от линии партии и ее врагов. Этой категории исследований до последнего времени мешала невозможность проведения анализа региональных реалий. В то время как тщательное наблюдение локального контекста позволяет сделать вывод о том, что происходившее не было «ни ленинской революцией», ни «революцией плебса». Насилие, распространяющееся по стране, не имеет в действительности единого руководства и четких целей, но также и не является плодом слепых инстинктов низших слоев общества, разбушевавшихся в отсутствие контроля со стороны государства. В насилии нет ничего стихийного или «первобытного», там есть только бесконечные частные логики в контексте общего страха. Реконструкция политического единства империи происходит во вторую очередь и является вооруженным завоеванием, сопровождающимся образованием централизованных институций Советского государства». Буттино выделяет и выносит на первый план уровень посредников, разнородных «власть имущих», а также альтернативные проекты реконструкции власти, более или менее разработанные и различающиеся политическим и национальным содержанием («еретический» русский Совет Ташкента, автономные мусульманские республики, различные варианты «сильной руки» — как, например, курбаши — в седле между антиколониальным сопротивлением и простым бандитизмом) в соперничестве между собой на фоне военно-продовольственного кризиса. Таким образом, имеются отношения двух типов: отношения между этими силами и гражданским населением, которое в целом оказывается жертвой, больше объектом, нежели субъектом революции (и, следовательно, не столько проживает свой исторический цикл с целью демократически получить контроль над собственным будущим, сколько претерпевает катаклизм, возникший извне и перевернувший условия жизни), но также и отношения между центром и деятелями новых местных властей, занятыми поисками собственной легитимации и усилением своих позиций во взаимоотношениях с новой властью в Кремле. Такая перспектива хорошо объясняет крайне насильственный контекст Гражданской войны и, одновременно, характерные для нее неожиданные и изменчивые союзы. В действительности это легко применить и к обширным периферийным территориям (по сути — основной части территории будущего Советского Союза) времен начала Гражданской войны, где государство возникало в процессе бесконечных смен власти и в контексте соперничества между вооруженными группировками, представлявшими

разные силы (белые генералы, автономистские движения, националистические в большей или меньшей степени, социалистические антибольшевицкие республики, различные «партизанские» крестьянские движения и т.д.), как к западу от Москвы, в направлении Украины, так и в направлении Урала и Сибири.

В случае Туркестана восстановление политической власти было завершено привлечением превосходящей военной силы — Красной армии, которая после ряда поражений и побед, а также заключенных на месте союзов «завоевала» территорию, используя такие современные средства, как авиация (для тех времен высокотехнологичное оружие). Однако не менее важным представляется способность центра членить локальный контекст, с большой гибкостью выбирая себе тех или иных собеседников в зависимости от ситуации. Достояна внимания также гибкость в выборе и встраивании новых субъектов, возникающих в процессе кризиса, в новую социальную иерархию — набор действий, которые требуют от государственной идеологии способности давать ответы на поиски идентичности (что позволяет думать о самих себе как о мусульманах и тюрках и, одновременно, как о представителях новой коммунистической иерархии). Впрочем, ранее возведение многонациональной империи уже продемонстрировало сопоставимые способности в процессе трансформации балтийской знати в Риге или татарской аристократии в Казани в верноподданнейших слуг царя.

В рассматриваемом случае результат может представиться логичным продолжением предыдущего «русского» владычества, его реконструкцией, «возникновением новой колониальной системы», где «советская власть, помимо прямого использования силы и контроля над гражданской и военной администрацией, проводит политику маргинализации и разрушения местной культуры: преследование мусульманских ученых и уничтожение их трудов, закрытие мечетей и школ при них, запрещение исламских судов, попытки разрушения традиций». Вплоть до какого момента, тем не менее, можно рассматривать присутствие Красной армии в Ташкенте в качестве инструмента восстановления позиций России в Средней Азии? И в чем усматривать преемственность или, наоборот, разрыв с имперским прошлым? И какую советскую власть брать в рассмотрение — ту, которая действует в этих «экзотических» регионах постимперского пространства исключительно колониалистскими средствами, или ту, что проецирует вовне идеологию антиимпериалистической эмансипации народов Азии?

Исследование Буттино, и без того очень широкое, останавливается на пороге настоящего государственного строительства, советская национальная политика уже не попадает в поле его рассмотрения. С другой стороны, вопрос о колониальной специфике советского государства, так же как и более общий вопрос о его имперском наследии, естественно, очень сложен и в рамках данной работы полностью рассматриваться не может. Кроме того, этот вопрос сам по себе отсылает к широкой теме о значении азиатской экспансии и, в общем, о «колонизации» периферийной территории во всей русской истории, чему посвящено немало проводимых сейчас исследований¹¹. Можно, однако, добавить некоторые наблюдения. В значительной части регионов СССР гражданская война фактически заканчивалась (так же как в Средней Азии) с «приходом» Красной армии. Почти повсюду государственное строительство выходило «вовне», за рамки первоначального владения, становилось «сбором царских земель»¹², сопровождавшимся отбором и введением некоторых местных сил во властные эшелоны (как пример — включение в партийную номенклатуру вождей партии эсеров, прежде возглавлявших антибольшевистское сопротивление). С этой точки зрения механизмы реставрации власти, рассматриваемые Буттино в Сред-

ней Азии, возможно, содержат определенный эвристический потенциал, обладающий объяснительной силой и в других контекстах — где исключительно «этнический» признак конфликта, выразившийся в противостоянии русскоязычного и мусульманского населения, менее значим или вовсе отсутствует, а население разделяется по каким-то совершенно другим линиям (мы уже приводили в пример сибирский конфликт между старой и новой волной колонистов, обе — русские и православные). Впрочем, установление в Средней Азии новой власти, которая объявляет преступлением следование традициям, совпадает по времени с преследованием православной церкви в самой России и конфискацией ее имущества, проводящейся во имя равного распределения ресурсов во время голода (аспект политического использования продовольственного кризиса). Параллельно с этим происходит исключение духовенства и других традиционных элит села из избирательных списков, социалистическая законность налагается на традиционные формы обычного права. Все это предшествует полному разрушению гражданского общества (коллективизация русской деревни, совпавшая с денационализацией Казахстана).

Возможно, следует признать, что процессы формирования инакости, наблюдаемые в сфере изучения постколониальных процессов, представляют определенное сходство с построением коммунистического общества даже там, где язык и конфессиональные отличия были не столь заметны. Барьер между революционером-интеллектуалом и православным крестьянином был не меньше того барьера, который разделял просоветски настроенного русского в Ташкенте и тюркоговорящих «аборигенов». В самом деле, концепты наподобие «культурной дистанции» могли бы вполне успешно использоваться в том числе и для описания исторического размежевания великого русского народа и городской предреволюционной элиты (в свою очередь — наследство «великого страха» знати перед Пугачевским восстанием), а в нашем конкретном случае — для объяснения усиления мотива «азиатскости» русского крестьянина у авторов социал-демократического крыла (Плеханов, Горький) и тем более советских формул об «идиотизме сельской жизни», освобождением от которой может служить только глубокое перевоспитание личности в ценностях социалистической современности (по сути та же «цивилизаторская миссия») ¹³. Постоянным фоном тем не менее выступает вековая традиция символического присутствия власти, культивировавшая образ суверена как далекого и «чужого» по отношению ко всем сословиям населения, включая «нацменьшинства» ¹⁴.

С одной стороны, недавние попытки осмыслить всю имперскую и советскую историю в свете «внутренней колонизации» выглядят неудовлетворительными и слишком общими (несмотря на броские формулы вроде «бремя бритого человека», аллюзия на первоначальную матрицу авторитарной петровской модернизации), чрезмерно широкие и неопределенные дефиниции теряют в эффективности ¹⁵. Но с другой стороны, процесс строительства советской государственности стал бы яснее от осознания того факта, что коммунизм и колониализм, обычно воспринимаемые как полярные явления двух противоположных систем, демонстрируют также ряд сходств и общих методов действия, одинаковых как в Ташкенте, так и в Ленинграде. И в этом аспекте прекрасная книга Марко Буттино дает много пищи для размышлений.

¹ Kappeler A. Centro e periferia nell'Impero russo, 1870–1914 // Rivista storica italiana. CXV. 2003. V. 2. P.438.

² Это явление описано в воспоминаниях чиновника того времени: Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения, 1906–1921. М.: Русский путь, 2001. С. 221–222.

³ См., напр., другое исследование в жанре case-study, очень глубокое и снабженное многими документальными свидетельствами: Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

⁴ См., напр., данные о человеческих потерях в Донской области: Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2002. P.282.

⁵ Graziosi A. La grande guerra contadina in Urss: Bolscevichi e contadini, 1918–1933. Napoli, 1998. P. 23.

⁶ Нарский. С.196.

⁷ Зазубрин В. Щепка // Сибирские огни. 1989. №2.

⁸ Там же.

⁹ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999.

¹⁰ Keep J.H. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York: Norton, 1976; Reiman M. La Rivoluzione russa dal 23 febbraio al 25 ottobre. Bari: Laterza, 1969.

¹¹ Сравнительно недавний пример: Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002.

¹² Kappeler A. Russland als Viervölkerreich: Entstehung: Geschichte: Zerfall. Muenchen: C.H.Beck, 1992. P.301.

¹³ Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podubnyi, 1931–1939 // Stalinism: New Directions (ed. S.Fitzpatrick). London; New York, 2000.

¹⁴ Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton: Princeton University Press, 1995.

¹⁵ Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. V.1. С.265–298.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5
Часть I. Ташкент и колония	15
1. Ташкент	21
Первые шаги русского проникновения в мусульманские кварталы	27
Разнообразие общества в старом городе	31
Коммерсанты и деловые посредники	35
Администраторы и судьи	38
Русско-туземные школы и мусульманские школы нового метода	40
2. Колония	45
Хлопковая экономика	45
Русская крестьянская иммиграция	48
Казачи и колонисты	50
Русские и земли кочевников	51
Представители местного населения в русской администрации	54
3. Война, мятежи, этническая чистка и голод	58
Первые шаги политики войны	59
Мусульмане бунтуют	62
Мятеж в Семиречье	67
Насилие со стороны солдат и колонистов	71
Беженцы в Китае	75
Потери среди населения и материальный ущерб	79
Интерпретация восстания	81
Надвигающаяся катастрофа	85
Часть II. Русская революция	91
1. Революция по телеграфу	95
Царь отрекся, ликование в Ташкенте	96
В Ташкенте появляются Советы и преобразуется городская администрация	99
Решается судьба администрации всего Туркестана	105
Обвинения в адрес генерала Куропаткина и доводы Совета	108
2. Брожение в мусульманской элите	112
Тынышпаев: от Алаш-Орды до Комитета Временного правительства	114
Чокаев, лидер Национального центра мусульман Туркестана	119
Готовность к сотрудничеству	124
Возвращение тыловиков	126

3. Общество в конфликте	130
Совет и базары	132
Город и деревня	136
Неуправляемость деревни	141
Невозможность замирения Семиречья	146
Насилие и голод в кочевническом районе	151
4. Демократия как угроза	157
Правительство края и Совет	158
Русские становятся политическим меньшинством	161
5. Вся власть — русским	172
Солидарность мусульман с киргизами Семиречья	173
Русские тоже мобилизуются	176
От борьбы за продовольствие к борьбе за власть	180
Альянсы и программы мусульман накануне Октябрьской революции	186
Необходимо сотрудничать с мусульманами	193
Как спастись от голода?	196
От репрессий к революции	199
Формирование революционного правительства Туркестана	202
Часть III. Хаос в колонии	207
1. Диктатура голода	211
Голод и эпидемии в Ташкенте	211
Как кризис воспринимало правительство	213
Земля и вода	219
Продовольственная политика	222
Диктатура города	226
Аулие-Ата и Черняев, 1918 год. Зерно раздора	228
Казачи — гаранты порядка в Семиречье	232
Верный, 1918. Соперничество среди иммигрантов	233
Голод среди кочевников Семиречья	236
2. Мусульманская политическая альтернатива	239
Провозглашение «Кокандской автономии»	239
Объединение ташкентских мусульман на стороне Коканда	244
Коканд самоорганизуется	247
3. Вооруженная альтернатива. Басмачи	252
Территория Мадамин-бека	253
Падение политики Коканда и выбор в пользу басмачества	258
Не все русские Ферганы революционеры	266
Местная власть басмачей	271
Диктатура армян в Андижане и колонистов в Джалалабаде	280
4. Советская власть разделяется	288
Турар Рыскулов и борьба с голодом	288
Политический поворот в Ташкенте	292

Партия военнопленных	301
Какой должна быть мусульманская армия?	306
Туран	308
5. Революция в революции	311
В Фергане. Кто же бандиты?	312
Роспуск армянских военных частей	315
Иргаш-бай вступает в союз с Советами	318
Мадамин-бек, курбаши-политик, ведет переговоры с русскими	322
Восстание колонистов и их союз с басмачами	324
Андижан и Ош между басмачеством и советской властью	326
Могущественные противники примирения	329
Переговоры между Мусбюро и Мадамин-беком	333
Возвращение киргизов из Китая	339
Изгнать колонистов?	345
6. Конец всех надежд	349
Финал Туранского проекта	349
Конец Мадамин-бека	352
Права киргизов и права колонистов	357
Конец кочевничества в других областях	359
Вперед к будущему	361
<i>Приложение</i>	<i>364</i>
Падение сельскохозяйственного производства и потери населения	364
Примечания	367
Использованная литература	423
Краткий глоссарий	432
<i>Альберто Мазоэро. Анатомия кризиса</i>	<i>434</i>

Марко Буттино

Революция наоборот

Средняя Азия между падением царской империи
и образованием СССР

Перевод с итальянского *Николая Охотина*

Редактор *Л.С.Еремина*

Корректор *Л.В.Заславская*

Художник *И.П.Смирнов*

Подписано в печать 21.10.2007

Формат 60x90/16

Бумага офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 28

Тираж 1020 экз.

Заказ

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Информполиграф»

Просветительско-издательский центр «Звенья»

127051 Москва, Малый Каретный пер., д.12

Издательство «Звенья» работает при поддержке

Фонда имени Генриха Бёлля